

**Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Август**

Схимонахиня Елисавета

(Память 1 августа).

В Елецком Знаменском монастыре стоит небольшой памятник, и близ него могила схимонахини Елисаветы, бывшей в супружестве за благочестивым мужем, впоследствии схимонахом Митрофаном, собеседником святителя Тихона Задонского, скончавшейся 1 августа 1765 года. Из любви к Богу она оставила мирскую жизнь и честное супружество, по взаимному согласию с мужем своим, и довольное время подвижнически пожила на Каменной Горе. Общий голос, хотя и по отдаленному преданию, удостоверяет о схимонахине Елисавете, что она была весьма благочестивой жизни. В то время вокруг Каменной Горы был пустынный лес, в котором часто укрывались беглые солдаты и разные бродяги: они приходили иногда к дверям келлии схимонахини Елисаветы, требуя себе пищи. Она же, милосердствуя о ближних, не страшилась их, как опасных людей, но с кротостью, как братьям, подавала им хлеб и овощи, по заповеди Христовой: «просящему у тебя дай». По кончине схимонахини Елисаветы, Задонский подвижник Никандр Алексеевич Бехтеев, из уважения к добродетельной ее жизни, и по благословению святителя Тихона, устроил над ее могилою, на Каменной Горе, памятник, в виде высокого каменного столпа с прекрасным фонарем наверху, внутри которого пред малым Распятием теплилась неугасимая лампада. К сожалению, этот памятник уничтожен, по приказанию Орловского епископа Никодима в 1847 году, и заменен обыкновенной чугунной доской, которая и доселе скромно покрывает достопамятную могилу¹.

Схимонах Никодим Афонский

(Память 2 августа).

Мирское имя о. Никодима было Николай Иванов Санин. Родом он был Смоленской губернии, города Сычевок, из мещанского сословия, православного исповедания, был женат. С детства он жил в самом городе при родителях и занимался мелочной торговлей, а потом переместился в Петербург, где сделался полотером, а впоследствии сделался хозяином и имел свою артель, наживал деньги успешно, но в семье не был счастлив, с женою своею жил не в ладу, так как она не хранила к нему супружеской верности. Это огорчало Санина до крайности, с досады он и сам иногда с мастеровыми предавался разгульной жизни, но совесть не оставляла его в покое, внушала ему, что он во время скорби должен бы искать утешения от Бога, а не от плотоугодия, и, что рано или поздно, а ему не избежать смерти и суда Божия. Таковые и подобные этому обличения совести мало-помалу начали приводить Санина к исправлению жизни. Он начал вспоминать о смерти и суде Божиим, стал бояться, как бы не умереть без покаяния, что и побудило его на добрые дела: он начал щедро подавать милостыню, ходить в церковь, читать св. книги, посещать св. места, ходил в Иерусалим, по возвращении откуда решился вовсе оставить мир и удалиться на св. Афонскую гору, дабы там в покаянии провести остаток дней своих. С женою Санина с этого времени так же сделалась перемена: она, оставив прежнюю жизнь, стала тоже заботиться о спасении души; и, когда Николай предложил ей отпустить его в монастырь, то она сему нисколько не воспротивилась, и даже сама пожелала по примеру его идти в женский монастырь.

Решившись посвятить себя монашеской жизни, Николай в 1846 г. прибыл на св. Афонскую гору и поступил в монастырь Русик, в коем был принят в число русского братства; сначала он исполнял разные послушания, хотя с ревностью и усердием, но просто, не обращая внимания на внутреннее свое состояние; когда же было ему объяснено, что при упражнении тела во

внешнем послушании необходимо должно и умом упражняться во внутреннем послушании совести, тогда Николай стал более прежнего внимать себе, а по принятии монашества, с именем Никодима, начал жить еще строже, обуздывая язык и чрево.

Духовник, видя в нем особое к себе доверие, простоту и решительную готовность к послушанию, вознамерился приблизить его к себе. Взявши благословение у о. игумена, духовник принял о. Никодима к себе в келейники. При этом послушании о. Никодим еще исполнял следующие должности: эконома, рухального, будильщика и архондаричного (гостиника); при таких многозаботливых внешних занятиях о. Никодим показал себя и достойным подвижником. – Исполнение стольких беспокойных должностей не помешало ему усовершенствоваться в духовной жизни; все внешние препятствия он победил детской, Евангельской верой и послушанием, и стяжал такие высокие добродетели, которые и в уединенной жизни, и с большим трудом не всегда приобретаются даже людьми более способными к самонаблюдению, нежели о. Никодим, который был очень прост и несведущ в Св. Писании. Но этот недостаток он восполнял в себе, как выше сказано, верою и послушанием.

Опытные знают различие браней вблизи предметов, возбуждающих страсти, и вдали от них: иное дело побеждать страсти в уединении, а иное – в общежитии. Да и в общежитии неравные трудности в борьбе с страстями, по причине разных должностей и занятий; иное дело хранить мирное состояние духа сидящему с рукоделием в келлии, а иное – находящемуся на должности, при исправлении разных общих нужд – для последнего потребен сугубый труд. О. Никодим, принявши на себя четыре соединенные должности, вначале встретил большие препятствия к исполнению оных со стороны своих мирских привычек. Живши в мире, он привык много есть и пить, и спать безвременно, а также празднословить. Но как побеждать эти привычки, имея все пред глазами и в своих руках? Не зная, что делать, он спросил духовника, как ему в таком случае поступать? с чего начать? Духовник посоветовал ему начать с исполнения заповедей: с *советом вся твори*, т.е. обо всем сказывать духовнику, как о худом, так и о добром. И

если когда-либо придет ему какая-нибудь добрая мысль сделать что против своей мирской привычки, не приводил бы ее в исполнение, пока не скажет прежде о том духовнику, и, чтобы начал искоренять привычки свои не разом, а мало-помалу, и не иначе, как с совета духовника. С того времени о. Никодим о всем сказывал духовнику и без его совета ничего не делал. Он мог о себе сказать: *«уготовихся и не смутихся сохрани ти заповеди Твоя»*, потому что все сказанное от духовника принимал с несомненною верою, а потому и силен был исполнять приказанное. В мирской жизни о. Никодим любил пить вино, поэтому духовник, снисходя немощи его, не запрещал ему пить вино и в монастыре, только немного. Но и это немного несколько вредило ему, потому что он был косноязычен и заика, и не без затруднения беседовал с другими, а когда хотя немного выпивал красного вина, тогда еще более затруднялся в разговоре. Однажды духовник, вышедши из трапезы и, увидав о. Никодима, разговаривающего с другими, сказал ему: «о. Никодим, я говорил тебе, что для тебя бесполезно наравне с другими пить вино, ты должен пить его меньше других – вполовину, потому что, и не пивши вина, ты объясняешься так худо, что поклонники, не зная причины сему, соблазняются, думая, что ты пьян». О. Никодим, поклонившись, отвечал: «простите, батюшка, с того времени, как вы мне приказали, я так и делаю, пью вино против других вполовину меньше, но и это мешает мне, и я желал бы вовсе не пить его, но сам не смел сего сделать; отселе – не благословите ли мне вовсе оставить вино?» Духовник отвечал: «Бог благословит». С того времени о. Никодим не пил ничего хмельного до смерти своей. Многосложная должность его требовала частого объяснения с духовником, потому духовник назначил время для беседы с ним ввечеру после повечерия. В это время он, обыкновенно, передавал духовнику все, что имел на совести и спрашивал, что ему было нужно.

Однажды, беседуя с духовником, между прочим, он спросил: «св. отцы советуют, определившись в монастырь, стараться приобрести ежедневные побудительные слезы. Скажи мне, отче, могу ли я приобрести их?» Духовник отвечал ему:

«почему неможно тебе приобрести их?» О. Никодим отвечал духовнику: «по причине многосложной и беспокойной моей должности». Духовник сказал ему: «если ты думаешь, что многопопечительная должность служит препятствием к получению высоких даров Божиих, то ты этим уничтожаешь благодать Божию, которая всемогуща. Ты веруешь ли, что Христос силен даровать тебе то, что ты желаешь получить от Него?» О. Никодим отвечал: «верю, отче, что Господь силен дать мне желаемое мною», – и, поклонившись, прибавил: «благослови мне этого домогаться». Духовник отвечал: «Бог да благословит, и по вере твоей дарует тебе». С того времени о. Никодим тщательно понуждал себя, чтобы ежедневно плакать, и встречавшиеся к тому препятствия он устранял или побеждал.

Зная по опыту, что многоядение иссушает слезы, чтобы победить это препятствие, он оставил сперва сладкие снэды, а потом и от обыкновенных воздерживался, а по пятницам и вовсе не ел; спал на земле; вместо подушки имел камень, покрытый полотном; чтобы не побеждаться празднословием и гневом, держал камень во рту; все это он делал по совету духовника, и другим никому о сем не открывал. Для молитвы он не имел много времени по причине должности своей, впрочем, сколько имел свободного времени, проводил оное в усердной молитве. Нередко случалось ему молиться до последних сил своих так, что, сделав земной поклон, он засыпал в этом положении и весьма утешался, проснувшись в подобном молитвенном подвиге; такая молитва ему очень нравилась. Братия, не зная причины молчания его, говорили: «наш о. Никодим от старости сделался глух и молчалив». Впрочем, некоторые постигали духовную его настроенность, – особенно Святогорец и о. Григорий Лисянский², который очень уважал о. Никодима и нередко говорил о нем, что о. Никодим старец редкий, как послушанием и терпением, так и молчанием.

О. Никодим еще отличался и примерной простотой. Когда вышеупомянутый о. Григорий, долго страдавший чахоткой, наконец, тяжело заболел, слег в постель, тогда духовник приказал Никодиму смотреть за больным и строго наблюдать, чтобы он не умер без присмотра. О. Григорий был примерный

монах, любитель умной молитвы, потому о. Никодим более других уважал его и хотел при кончине его жизни сам послужить ему, (тем более, что келлия о. Григория была близ келлии о. Никодима), но затруднялся тем, что ему, по его послушанию, нужно было часто отлучаться от больного, и боялся, чтоб он в это время не умер; впрочем, из такого затруднения вывела о. Никодима простота его. Пришедши к о. Григорию и объяснив ему свое затруднение, о. Никодим просил его, чтоб он сказал ему, когда будет умирать. О. Григорий с подобной же простотой и уверенностью отвечал ему: «не беспокойся, отец мой, когда я буду умирать, тогда об этом скажу тебе»: И действительно, по прошествии нескольких дней, он сказал сидевшему при нем о. Никодиму: вот, отче, я скоро умру. О. Никодим спросил у него, почему это он знает. Больной отвечал ему: «разве ты, отче, не видишь, вот уже пришли за мною двое и сказали мне: пойдем домой». Отец Никодим торопливо начал спрашивать его: «где они, где они? я не вижу их!» Григорий, давши ему рукою знак, сказал: «молчи, молчи, я там тебе скажу», – и вслед за этими словами мирно окончил свою страдальческую жизнь.

Один из русских безмолвников, живший на Капсале, именем Анастасий, прихаживал в Русский монастырь к духовнику для исповеди. О. Никодиму было приказано принимать его. Однажды духовник сказал о. Никодиму, чтоб он поболее обращал внимание свое на этого старца, и чем только может утешал бы его, потому что этот старец достиг высокого устроения духовного, может помогать нам своими молитвами в усовершенствовании духовной нашей жизни. Выслушавши это, о. Никодим наклонил голову к груди и после минутного молчания, поклонившись до земли, спросил с заметным умилением: «можно ли, батюшка, мне узнать, в чем состоит это высокое устроение духовного старца, о. Анастасия?» Духовник отвечал ему: «можно и полезно будет открыть тебе о его добродетелях для поощрения твоего». Потом духовник рассказал ему о подвигах старца Анастасия: о его посте и нестяжательности, о том, что он несколько лет прилежно понуждал себя к слезам; за то Бог даровал ему высокий дар слез в его волю, и он, когда только захочет поплакать, тогда и

плачет, а это все происходило от послушания его к духовному отцу, без совета которого ничего не делал. Выслушав это, о. Никодим пришел в восторг, пленился высоким даром свободных слез; падает в ноги духовнику и со страхом спрашивает: «мне, батюшка, можно ли домогаться этого?» – «Почему же не можно?» отвечал ему духовник. «А долго терпеть мне?» сказал о. Никодим. – «А ты опять за маловерие берешься! возразил ему духовник; я и прежде говорил тебе, что исполнение должностей не препятствует восходить к совершенству христианскому, а маловерием нашим мы уничтожаем благодать Божию, которая всемогуща и вседействующа, а потому без сомнения может, и при рассеянных и беспокойных должностях, даровать то, чего мы с верою просим у Бога. Ты веруешь ли, что Господь может дать тебе этот дар?» – При этих словах о. Никодим, со слезами опять поклонившись до земли, сказал: «верую, отче, что Господь силен и может даровать мне этот дар твоими св. молитвами». – Духовник на это сказал ему: «итак, если веруешь, то Бог благословит тебя, по реченному Им: *ищите и обрящите, ищай обретает, и толкущему отвержется*» ... И, давши ему благословение, отпустил его. После этой беседы у о. Никодима начал увеличиваться страх Божий, потому он часто беседовал с духовником более о вечных мучениях, иногда выражал свой ужас, как он будет умирать, как он будет проходить мытарства бесовские, боялся, как бы бесы не задержали его на мытарствах своих за многие грехи, содеянные им в мире, нередко говорил: «боюсь бесов, как бы они меня в час смертный не привели в отчаяние, – говорят, что они всеми силами своими нападают на человека умирающего, напоминают ему все его грехи, обличают его, ужасно кричат и вопят: наша душа, мы ее возьмем себе, и тому подобное; что в таком случае делать надобно? как и чем отбиваться от них? Я думаю, что в это время, от страха и ужаса, умирающий человек как бы изумится и оцепенеет». На эти вопросы о. Никодима, духовник сказал ему следующее: «надобно заблаговременно заботиться и часто размышлять об этом; многие из св. отцов во всю жизнь свою более проводили время в размышлении о смерти, и само слово Божие поучает

нас помнить последняя наша. Надобно обращать особенное внимание на стих молитвы церковной, и этим стихом почаще молиться Господу: – *христианские кончины живота нашего безболезненны, непостыдны, мирны и, доброго ответа на страшном судище Христове просим у тебе, Отче Господа нашего Иисуса Христа*, просим ради Его Пресвятого имени; всякий же грех свой должны исповедовать духовному отцу и о нем скорбеть, плакать и советоваться почаще с духовником, как лучше готовить себя к смерти, и заблаговременно необходимо предобучаться, как в страшный тот час смертный бороться с бесами, и спорить, как им противоречить и не верить клеветам их, не бояться угроз их и совершенно не принимать отчаяния, которое они, обыкновенно, внушают умирающему. И прежде смерти бесы стараются внушать болящему сомнение о спасении и неверие в получении милости Божией, принося такие мысли: *вот, ты не спасешься, тебя Бог не примет, ты многогрешный, плодов достойных покаяния ты не сотворил, ты нечисто исповедовал грехи свои, а многие вовсе забыл, а потому, ты в ад пойдешь: тебя Бог не простит, ты лицемерно жизнь свою прожил и часть твоя в аде, а, может быть, ты и предопределен к гибели*. Таковые и подобные им мысли враги наши внушают нам и пред смертью, и в час нашей смерти, и потому, надобно заблаговременно обучить себя в таинстве веры, утверждаться в вере в заслуги Господа нашего Икупителя Иисуса Христа и вседушно полагаться на них. Он за нас воплотился, пострадал, кровь Свою пролил и на кресте умер, и верующим в Него, и кающимся в грехах своих, дарует прощение и вводит в жизнь вечную – блаженную. Вот основание нашего спасения. На этом твердом основании и нужно нам утверждаться всегда и особенно, во время часа смертного, на этом стоять, этим защищаться от нападений врагов, этим отгонять их от себя, этим успокаивать и утешать, этим только одним, потому что, если б кто имел и многие добрые дела, то надеяться на них не должно, ибо Сам Господь сказал: *аще и вся повеленная вам сотворите; и тогда глаголите, яко раби неключимы есмы* (Лк.17:10). Как бы грехи наши ни были велики, и сколько бы их ни было, мы отчаиваться в получении милости

Божией не должны: слово Божие уверяет нас, что *нестъ грех побеждающъ милосердие Божие*. Отчаяние рождается от гордости, потому что, предавшись ей, человек обвиняет Бога, как будто Бог *является* причиной его грехов, (якобы Он его сотворил склонным к греху), и потому не смиряется, не просит прощения у Бога, но гневается на Бога. А кто уповает на милосердие Божие, тот при всех своих многих и тяжких грехах не оправдывается, но себя осуждает, подобно благоразумному разбойнику и мытарю, молится и испрашивает прощение. Если же кто поверит внушению врагов и примет мысли их такие, что он не спасется или что он будет осужден, или будет отвержен Богом, или что предопределен к гибели, то душу такого человека бесы увлекут к себе, потому что он отчаянием своим отверг искупление и уничтожил милосердие Божие, и подобно Каину счел свои грехи превышающими милосердие Божие. Но, как уже сказано, должно не внимать подобным бесовским внушениям и вовсе не верить им, но именем Божиим запрещать им, противоречить им и с сильным гневом проклинать их, ибо для того нам дана от Творца раздражительность, чтоб мы гневались на бесов, а не на людей. Надобно отвечать бесам так: хотя я и многогрешный, но отчаиваться во спасении не хочу, ибо надеюсь на милосердие Божие. Богу моему одному я согрешил, Ему и каюсь; Он один мой Судия, а не вы, проклятые бесы; какое вам до меня дело? вы сами отступники от Бога и отверженные от Него; вы не имеете права истязать меня, вы сами осуждены на вечную гибель, я знать вас не хочу, проклятых. Бог моя сила, Бог мой Спаситель, вся моя надежда на милость Его, и все зависит от Его помилования, *страха же вашего не убоюсь, ниже смущуся*; если б и в тысячу раз более этого вы нашли за мною грехов, то и тогда я не принял бы внушенное мне вами отчаяние, надеясь на неизреченную милость Божию, на молитвы Божией Матери, св. ангелов и угодников Божиих, которых я призываю на помощь. Полезно держать себя как в продолжение жизни, так и при конце ее, среди страха и надежды, как Апостол сказал: *нечаеми и не отчаяваемы* (2Кор.4:8), но всего полезнее во всякое время надеяться на милость Божию, ибо слово Божие таковых

ублажает: *блажени, говорит, вси, надеющиеся на нѣ. Вот, о. Никодим, тебе сказано кратко, как надобно приготавливаться к исходу из сего мира, и как при помощи благодати Божией надобно правильно действовать пред смертью и в самый час смертный. Ты понял это хорошо и теперь знаешь об этом, но исполнение этого совета надо предоставить опять-таки Богу милосердия и щедрот, Его надобно молить, чтоб Он привел предположение наше в исполнение, даровал бы нам в тот страшный час веру твердую и упование, и необходимое благодержновение. А это надобно делать заблаговременно: ты знаешь, что без помощи благодати мы и одной минуты не можем провести благополучно, даже и помыслить о добре и пожелать доброго без благодати не можем. Потому церковь в ночи молится Богу: *Сподоби, Господи, в ночь сию без греха сохранитися нам*, так же и днем, и вечером, утром и в полдень, тем более нам очень нужно часто молиться, чтоб сподобил Господь благополучно пройти врата смертные и мытарства бесовские, и достигнуть обетованного нам небесного царствия и блаженства.*

О. Никодим верно следовал совету духовника, и от частых слез глаза у него постоянно были красные. Духовник иногда спрашивал его: имеет ли он слезы или плачет ли? Он отвечал, что плачет. Братия говорили, что он от старости худо видит и слышит, и потому некоторые из сострадания просили о нем духовника, чтобы успокоил его. Духовник, призвав его к себе, спросил у него, не страдает ли он зрением или слухом? О. Никодим отвечал духовнику, что он здоров. Духовник, посмотрев ему в глаза и заметив в них красноту, спросил у него: «отчего ж у тебя глаза очень красны и как будто воспалены, и ресниц у них нет? Часто ли ты плачешь?» О. Никодим отвечал: «плачу». А как часто ты плачешь? опять спросил у него духовник. О. Никодим, наклонив голову к груди, с улыбкой повторил тот же ответ: плачу. Потом духовник сказал ему: «мне, как духовнику, нужно знать, сколь часто ты плачешь: через день или каждый день, или несколько раз в день, потому что хитрые враги наши умеют обольщать нас и с доброй стороны». На этот вопрос о. Никодим, не переменяя своего положения, еще с

большой улыбкой отвечал духовнику: «плачу, отче, когда захочу». Духовник спросил у него: «давно ли ты это имеешь?» О. Никодим отвечал: «два года с половиною, – с того времени, как я, после беседы моей с тобою об этом даровании Божиим, сделал тебе поклон и испросил благословение у тебя искать этого дара Божия. А до того времени я, по твоему благословению, три года с трудом понуждал себя к ежедневным слезам». На это духовник заметил ему: «видишь ли, что ты получил этот дар верою за послушание, а не за заслуги твои, и знай, что всякий дар Божий сохраняется смирением. Берегись от возношения, не осуждай никого, постоянно укоряй себя; и другие имеют этот дар, посчитают себя хуже всех». После этой беседы духовник хотел было уволить о. Никодима от заботливых должностей его, чтобы он спокойно мог в келлии своей упражняться в молитве и слезах; но Бог устроил иначе, чтобы о. Никодим прямо от трудов своих перешел в вечность. Вскоре о. Никодим заболел; болезнь его продолжалась сорок дней; перед смертью своею за несколько дней он прочитывал какую-то записку, которая находилась у него под подушкою; приближаясь к смерти, он прочитывал эту записку несколько раз в день и мирно почил о Господе. После смерти записку эту нашли; она оказалась следующего содержания:

Я уповаю на милость Божию, на заслуги Христовы, Он мой Судия, а не вы, окаянные, что вам за дело до меня? Ему согрешил, Ему и каюсь; а вы не имеете во мне, никакого места, лукавые бесы; отойдите от меня к вашему сатане.

О. Никодим ростом был невысок, лица приятного, плешив, бороду имел длинную и густую с проседью, поговорка у него была скорая, немного заикался, но в церкви пел и читал без затруднения. При служении духовником ранней литургии, он почти всегда пел один. Скончался о. Никодим в 1854 году; всей его жизни в монастыре было 8 лет³.

Афонский подвижник игумен Павел

(Память 2 августа).

О нем писал в свое время инок Парфений так.

Вкратце опишу жизнь иеромонаха Павла, игумена скита Ильинского, который взошел в Русский Пантелеймонов монастырь и с собой русскую братию ввел, и в нем скончался в 1840 году, препроводив в Афоне тридцать шесть лет. Иное я слышал о нем от самого, иное своими очами видел, иное от его учеников узнал. А о юности его слышал от его прежде бывшей супруги, ныне живущей в граде Калуге, в женском монастыре, монахини Павлы.

Родом он великороссиянин, города Калуги, из богатых купцов; в младенчестве просвещен святым крещением и наречен был Петром. С малых лет он посвятил себя на служение Богу и всегда упражнялся в чтении духовных книг и Священного Писания, и всегда приметался в дому Божиим. Достигши возраста, занимался торговлею, но всегда имел сильное желание поступить в монашество и беспрепятственно поработать Господу Богу своему, только удерживаем был от родителей. Когда достиг совершенного возраста – неволили его родители жениться. Он же ниже слышать хотел о женитьбе. Они же все силы употребляли, чтоб женился, и, то угрозою, то ласкою, то слезами понуждали исполнить волю их. И он, хотя и не по желанию своему, но покорился своим родителям и женился. Пожил с женою три года и имел двух дочерей.

Потом, в одну ночь, Петр в ложнице подошел к своей супруге и со слезами начал ей говорить: «возлюбленная и милая моя сожительница, ты знаешь, как я тебя люблю, такожде и детей моих, и много мы имеем богатства, но все сие тленно и скоропреходяще: придет смерть и любовь нашу расторгнет, и нас вечно разлучит, и богатство наше останется, а мы должны пойти к праведному Судие только с одними добрыми делами; потому надобно нам их заготовить, и в сем мире Ему послужить, поработать и помолиться». Она же ему ответила: «любезный друг мой, работай и молись Господу Богу; я тебе в том не

препятствую, ниже возбраняю; еще и сама тебе буду подражательница». Он же сказал: «любезная моя, отпусти меня в святой град Иерусалим поклониться живоносному Христову гробу и прочим святым местам». Она ответила: «иди с Богом, я тебя отпускаю». Он же, видевши супруги своей такое благое расположение, весьма обрадовался, и начал выправлять себе паспорт. Хотя родители много тому препятствовали, но не могли удержать, потому что жена и общество отпустили. Губернатор, видя его, весьма юного, трижды призывал жену его и уговаривал ее, чтобы она его не отпускала; потому что, как за границу уйдет, не захочет возвратиться назад. Но она отпустила, полагаясь на волю Божию. Петр, получивши паспорт, отправился в путь; жена провожала его сто верст. Было им тогда по двадцати одному году. Потом стали прощаться, и он ей начал говорить: «любезная моя супруга, Господь сказал: еще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братий, и сестер, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик» (Лк.14:26). И я хочу быть учеником Господа моего Иисуса Христа; и не знаю, возвращусь ли назад, или нет. А тебя с детьми препоручаю единому Богу, и ты помни Его, Создателя, и не забывай; при сем прости меня и благослови идти в след Христа». Едва успел сказать сие, сел в повозку и уехал. Жена, услышавши последние слова, упала на землю, яко мертвая, без памяти положили ее в повозку, и возвратилась в дом свой; и плакала десять лет, все ждала мужа. Потом, услышавши, что он в святой горе Афонской пострижен в монашество, уже и иеромонахом, сама поступила в Калужский женский монастырь, и уже пострижена в мантию; а дочерей сродники выдали замуж.

Оставив жену и отечество, Петр поехал прежде в Иерусалим и поклонился живоносному Христову гробу и прочим святым местам; потом заехал в св. Афонскую гору и, обошедши все монастыри и скиты, и всю св. Гору, определился в скит св. Пророка Илии, к малороссиянам в число братства; потом пострижен в монашество и наречен Павлом; скоро рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха. Прожил он в скиту, в совершенном послушании и в отсечении своей воли,

восемнадцать лет. Тогда наступило смутное военное время; а наипаче грозное Божие посещение постигло св. Афонскую гору; и пошли братия, кто куда мог; тогда и скитские братия разошлись. Игумен Парфений с иеромонахом Павлом и с немногими братьями, убравши скит, все церковные и скитские вещи спрятали в потаенные погреба и кладовые, и засыпали землю; а легкие вещи и деньги взяли с собою, скит заперли и отправились в Россию, в Одессу, а оттуда – в Молдавию. Странствовали восемь лет, много претерпели скорбей и почти самую смерть, так что никогда о том не мог Павел без слез говорить. Когда перестала война, наступило мирное время, и стали братия возвращаться в св. Гору; тогда и Павел с игуменом Парфением возвратились в св. гору Афонскую. Пришедши к своему Ильинскому скиту, едва могли в две седмицы добраться до врат: в восемь лет весь зарос великим лесом, почти год очищали скит и еще три года очищали сады. Сколько они тогда положили трудов, только единому Богу известно. И привели скит в совершенный порядок. Павел постригся в великую схиму, но имени ему не переменили. Со временем собралось братии в скиту до сорока человек.

В 1837 году послал Господь на скит Ильинский великое искушение: по какому-то случаю заразился скит чумой, и все почти братия, и сам игумен Парфений сделались ее жертвою. В то время Павел ежедневно служил литургию, всех больных зараженных причащал и в схиму постригал, и с немногими остался в живых, и потом высидел сорок дней карантин. После того, собравшись посторонние братия, греки и все русские, подняли из монастыря Ксиропотама Пречестное Древо Креста Господня, великую его часть с отверстием, где был гвоздь, и было в ходу множество духовенства, с крестами и хоругвями, и с великим пением. И взошли все братия прямо в скит, и никто не убоился заразы, но положились на волю Господню; и, взошедши в соборную церковь, отпели молебен, святили воду и погружали самое Честное Древо; потом кропили братии, оставшихся от чумы, и весь скит. Было всенощное бдение и литургия, и было всем в трапезе велие утешение. Потом, по согласию афонских братий и своих оставшихся, выбрали

игуменом иеросхимонаха Павла и утвердили сие грамотами. И он опять собрал братий, человек до сорока, и устроил в скиту весь общежительный чин и порядок. Но добра ненавидяй враг, диавол, возмутил малороссиян, и восстали они на великороссиян, а наипаче на игумена Павла, и многие наводили на него скорби: трижды с бесчестьем сгоняли с игуменства, хотя и паки возводили; и, наконец, выгнали со всеми великороссиянами без возврата. Хотя Павел скорбел о том, что, тридцать пять лет проживши в скиту, после с бесчестьем выгнан, но не роптал на малороссиян и ученикам своим возбранял стропотное о малороссиянах говорить, и всегда говорил: «малороссияне – великие нам благодетели – они нам ходатайствуют жизнь вечную».

Вскоре Господь утешил Павла: за его смирение и безропотность дал ему, вместо скита, великий царский монастырь, вместо одноэтажной малой келлии – пятиэтажный корпус. Осенью 1839 г. начали звать отца Павла, со всею братией, Русского Пантелеймонова монастыря отцы, греки, в свою русскую обитель, на вечное жительство. И отец Павел, по благословению духовника Арсения, взошел в древнее русское наследие, в Русский монастырь св. великомученика Пантелеймона; освятил первоначально храм во имя святителя Митрофана, Воронежского чудотворца, обещанный иеромонаху Аниките, и прожил в Русском монастыре восемь месяцев и десять дней, удивляя всех греков своим смирением, терпением и послушанием, и давая во всем образ своим ученикам.

Июля 28 числа, 1840 года, отец Павел заболел и был не здоров три дня, но литургию служил, хотя и с трудом. Августа 2-го числа уже в церковь идти не мог, но приказал читать утреню у себя в келлии. По окончании полунощницы начали утреню. Шестопсалмие читал сам, с особенным самоуглублением, и много слез проливал, а наипаче на первых трех псалмах, когда читал: *«Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи мене. Вонми в помощь мою, Господи Боже мой, к Тебе утреннюю: возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя»*, и проч. (Пс.37 и 62). Потом несколько утешился и с великим восторгом читал: *«благослови, душе моя, Господа, и вся*

внутренняя моя имя святое Его: благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его» и проч. (Пс.102). Ектении уже не мог сказать, а велел пропеть двенадцать раз «Господи помилуй». Когда начали петь: «Бог Господь и явился нам, благословен грядый во имя Господне», он предал душу свою в руке Господа своего, Которого от юности возлюбил паче родителей, жены и чад своих, и Которому тридцать шесть лет поработал в иноческом чине.

Воистину, честна пред Господом смерть преподобных Его. Скончался без всякой болезни и страха; умер, яко уснул сладким сном, сидя, и повесив свою голову. А, видевшие сие, братия оставили читать утреню, скоро пошли в собор и сказали игумену Герасиму. Из собора все пришли к усопшему. Греки горько о нем плакали, не имея надежды видеть из русских другого такого подвижника, кроткого и смиренного; и не только они, но и братия других обителей св. горы Афонской о нем плакали, услышав о его кончине. Игумен Герасим послал по всей горе Афонской повестить всем русским, чтобы пришли на погребение. Погребали его всем собором, русские и греки. Игумен Герасим горько плакал. Архимандрит Прокопий говорил надгробное слово и ублажил странствие, скорби и изгнание, кротость и смирение почившего. Через три года, по обычаю афонскому, откопали его кости, и оказались, по афонскому замечанию, благодатными: желты яко воск, и некое малое испускали благоухание. И поставили главу его в гробнице под церковью, и написали на главе сице: «Иеромонаха Павла Русского».

Теперь скажу о его непамятозлобии. По изгнании его из скита, сделался игуменом в скиту тот, кто более его гнал, иеромонах Акакий, и, проживши полгода игуменом, много скитского имени расточил. И сделалось через то в скиту великое смущение. Игумена Акакие арестовали и послали за отцом Павлом, и просили его, чтобы сказал, каких вещей не оказывается; потому что Павел знал, что есть в скиту, где тридцать пять лет прожил. Но отец Павел покрыл и оправдал своего врага и вместо зла сотворил ему благо: сказал, что все

цело, что было прежде. Этому его поступку удивлялась вся гора Афонская⁴.

Юродивая Иулитта Уфимская

(Память 3 августа).

Скончавшаяся в Уфимском Благовещенском монастыре и оставившая по себе светлую память Христа ради юродивой, Иулитта Борисовна Зуева родилась в 1807 г. Ее родители Борис и Мария были простые поселяне из села Воздвиженского, Оренбургской губернии и уезда, люди простые и благочестивые, любившие в праздники, после недельных сельских трудов своих, посещать Божий храм. У них, кроме Иулитты, был еще сын Адриан. До 15 лет Иулитта росла и жила в доме родителей, как и всякая сельская девушка, отличалась притом большой скромностью и трудолюбием. Когда ей было пятнадцать лет, родители задумали было ее выдать замуж. Она же в тайне сердца своего имела думу посвятить себя жизни иноческой и с самых малых лет уже не ела мясной пищи. Глубоко опечаленная намерением родителей, она в горячей молитве искала помощи и утешения у ангела-хранителя и Пресвятой Богородицы, и однажды во сне получила указание – что ей нужно, чтобы провести жизнь девственную, – идти подвигом юродства. В ближайшее после этого времени воскресенье Иулитта уже начала этот тяжелый подвиг. Наряженная скромно, но чисто, в храм, к службе, Иулитта, после службы, идучи домой, села в грязную лужу и стала говорить несообразности. Скоро по деревне разнеслась молва, что «Улитка сдурила». На другой день Иулитта попросила мать, под предлогом нестерпимой головной боли, остричь ей волосы. Мать остригла ее; она же сняла всю одежду, кроме рубашки, и так стала ходить по деревне.

Началась тяжелая многоскорбная доля Иулитты, и этот крест добровольно ради Господа она несла всю свою долгую жизнь! Тяжело ей жилось в родной деревне: мальчики стали гоняться за нею, осыпая бранью и побоями; доставалось и от взрослых. Купив пучок больших иголок и ими защищаясь от неотвязчивых, порою, преследователей, Иулитта ночами тайно молилась, а днем ходила по избушкам и, кому и чем могла,

помогала женщинам: то в тканье, то в уходе за ребятишками. Питалась она только черным хлебом и водою, а от всякой хорошей пищи под разными предлогами уклонялась. Вскоре умерли ее родители; брат Адриан нанялся в караульщики, Иулитта же стала совсем свободною. В это время тайно она была духовною дочерью священника Сперанского из с. Никитинского, который был человеком доброй души и очень милостивым ко всем бедным и бесприютным, особенно сиротам. У него она жила по временам, и он ее постоянно оберегал и защищал. Порою Иулитте приходилось от несдержанных и нецеломудренных людей испытывать и большие покушения на ее целомудрие, но она твердо охраняла себя, где скрываясь, где наперед обнаруживая в прямом и резком слове намерение замышлявших недоброе, и тем приводя их в стыд и смущение, удерживала от дальнейших проступков: то при всех устыдит, то заберется под печку, то исколет иголками.

Такая жизнь, полная подвигов тайной молитвы и труда, крайнего смирения и терпения, скоро очистила ее душу и развила ее духовные силы: она стала вдумчива, опытна в вопросах духовной жизни, в разумении путей Промысла Божия в жизни людей, чиста и отзывчива на людское горе, милостива и тверда в молитве и надежде на милосердие Божие. Под благодатным воздействием Иулитта стала предвидеть будущее, и этим даром стала обильно служить спасению своих ближних. Прикрывая свое предведение внешними несообразностями, она предсказывала будущее и готовила этим людей, через что и легче тем становились посещения Божьей воли. Когда она предуглавала пожар, сама одевалась на ночь и других заставляла делать то же. К бурану начинала храпеть, как лошади к ненастью. Она носила с собой мешок с иконками, крестами, с чугуном, кружкою и иголками. Кому предстояла скорбь и слезы, тому давала крест и говорила, чтобы тот человек вычистил и омыл крест. При большой скорби крест давала большой, при малой – поменьше; пред концом скорби приходила и отбирала.

Почти шестьдесят три года Иулитта провела в подвиге юродства в родном селе и окрестных деревушках, служа ближним словом и делом, молитвами и услугами в нуждах, главным образом, духовных. Ходила она, обыкновенно, в таком виде: на голове носила шапку, подвязанную платочком, на себе – сверх льняной рубашки – синий сарафан, а на ногах рваные лапти, и всемерно сама же себя унижала, постоянно приговаривая: «Улитка – дура», и т. п. Когда те, у кого она проживала, начинали ее уважать, она скоро уходила, а кто не обращал на нее особенного внимания, у тех жила подолгу и работала.

В двадцатых числах июня 1885 г. Иулитта собралась в Уфимский женский монастырь. В это время туда поезжали Никитинские келейницы. С ними стала проситься ехать и Иулитта; ее долго не брали, опасаясь, что она станет дурить и им благополучно не доехать. Иулитта дала слово, что будет дорогой вести себя смирно, и действительно ничем странным не проявила себя. Девушки мирно доехали с нею до обители, а игуменья Евпраксия всех их и Иулитту приняла охотно в свою среду.

До гробовой своей доски Иулитта была благодарна тем сестрам, что привезли ее в обитель, и не иначе выражалась, что они, привезя ее в обитель, «заживо ее в рай свезли». В обители старица нашла желанный простор своему молитвенному подвигу: посещала она и постоянные службы обители, молилась и тайно по ночам. И как на родине, так и здесь она служила ближним данными ей от Бога благодатными дарами прозревать в будущее и давать добрые советы. Когда какой-либо сестре грозила скорбь, она той начинала кланяться в ноги. Которой сестре предстояло быть переведенной из одной келлии в другую, приходила к той Иулитта, садилась на палку и начинала выезжать. Если кому-либо из сестер предстояло получить весть о смерти близких родных, Иулитта приходила в их келлию и ложилась около кровати на полу, как покойник. В обители существует много рассказов о подобных предсказаниях блаженной, точно сбывшихся. Упомянем здесь об одном. Когда игуменья Евпраксия была уже слаба и хотела раз поехать на

дачу для поправления здоровья, а ее келейница заказывала столяру на дачу кровать, Иулитта пришла и стала настойчиво требовать, чтобы делали, скорее, не кровать, а прочный стол. И сколько ее ни унимали, она не переставала буянить, требуя своего. И что же? Не кровать на дачу, а стол понадобился, чтобы положить почившую игумению!

Многие миряне из города, простые и образованные, скорбящие и нуждавшиеся в советах и наставлениях, в разрешении недоуменных случаев, обращались к Иулитте и всегда получали от нее опытные указания и нравственную поддержку. Многих она утешала, многим предсказывала будущее, многих вразумляла. Так, когда к ней пришли жившие небрачно мужчина и женщина, она стала при них браниться грубо, тем довольно ясно указывая на их безнравственную жизнь. Последние чрезвычайно были этим потрясены и исправили свою жизнь, вступив в законный брак. Другому господину предсказала о бегстве его жены с любовником. А одной москвичке она была доброй советницей и успокоительницей ее в течение многих годов, о чем та с признательностью и сообщила обители письмом. Когда нужно и можно было надеяться на соблюдение тайны, Иулитта отлагала юродство и говорила прямо, мудро наставляя и советуя лучшее. Так, одну сестру, собиравшуюся уйти в мир, Иулитта, оставив юродство, так утешила, вразумила, наставила, что та уже навсегда осталась под крестом иноческого подвига.

Так, почти ста лет от роду, скончав свой подвиг, тяжелый и спасительный, но миру незримый, старица перешла в вечную жизнь. Тихо скончалась она, напутствованная всеми таинствами святыми; покаяния, елеосвящения и приобщения Св. Тела и Крови Христовых, 3 августа 1903 года. Она погребена в обители. Ушла она из этого мира от своей скорбной доли, но оставила по себе светлую память, и народная тропинка не зарастает к ее могилке. Как падающая звездочка оставляет на темном небосклоне яркую полосу света, так и Иулитта, скончавшись, оставила по себе светлые и добрые воспоминания. Звездочный, однако, след скоро меркнет, но свет жизни этой юродивой не померкнет и останется незабвенным из

рода в род. И эти воспоминания о ней будят и в других душах теплую веру, примиряют с нестроениями нашей жизни, и сильнее влекут к доброй, святой жизни, – и как бы говорят: все пройдет, пройдут скорби и печали, но не забудется добро, не забудется та любовь, которую явит человек ближнему. И никогда не забудется эта память добра, но еще возрастит и новые, в свою очередь, ветки добрых дел и чистых чувств!⁵

Галицкий протоиерей о. Иоанн Григорьевич Наумович

(Память 4 августа).

Иоанн Наумович родился 14 января 1826 года в Галиции, в селе Козлове, Каменецкого уезда, в доме своего деда по матери, местного приходского священника и благочинного о. Николая Дроздовского. Отец его, Григорий Наумович, униатского исповедания, был народным учителем в местечке Буске. По окончании народной школы, многосемейные родители отдали его в Львов, где он должен был сам искать себе средств к существованию. В 1839 году он нашел себе приют в доме польской графини Мер, где имел случай близко узнать иезуитов, которым особенно покровительствовала графиня. Лишившись места в доме графини и не имея никаких средств к жизни, он с своим младшим братом поступил для заработка на ветряную мельницу, где несколько месяцев исполняли они самые тяжелые работы: носили мешки, ковали камни и т. п., но вследствие худого с ними обращения бежали, в холоде и голоде, за 32 мили пешком в Залещики, куда переведен был из Буска их отец. В скором времени Наумович определен был в гимназию во Львове, и по окончании курса поступил в философский класс русской униатской духовной семинарии. Окончив в ней курс в 1851 году, Наумович поступил во священники и последовательно занимал приходы в пяти местах: в Городке близ Львова, в Ляшках, Перемышлянах, в Стрельче и, наконец, в Скалате. Еще в молодых летах, в 1850 г., Наумович начал трудиться для народа, участвуя в тогдашних галицко-русских журналах и газетах, и издавая отдельные популярные книжки для народа. Главная заслуга его, как просветителя галицко-русского народа, состоит в издании популярного журнала «Наука», который в первые годы его издания составлялся почти исключительно из его собственных статей, основанной им же популярной газеты «Русская Рада», и в основании им же просветительного «Общества имени Михаила Качковского». Лучшая из галицко-русских газет, издающаяся во Львове,

«Галицкая Русь» так характеризует его значение, как народного писателя: «Наумович указал народу путь к высшим идеалам, и галицко-русский народ всегда будет называть Наумовича своим просветителем. Он научил народ его истории, научил любить свою Церковь, обряд, землю, вывел народ из тьмы и указал путь к достижению цели, а своими основательными церковно-историческими статьями оживил церковную жизнь и твердо, и неумолимо отстаивал независимость и достоинство Церкви».

На поприще общественно-политической деятельности Наумович пользовался выдающимся значением и известностью, как депутат Львовского сейма и Австрийского парламента, где он отличался ораторским талантом и неустрашимостью в защите прав народных. Но патриотическая деятельность его на политическом поприще доставила ему и тяжкие испытания: он привлечен был к известному галицко-русскому политическому процессу 1882 года по обвинению наиболее выдающихся галицко-русских патриотов в мнимой государственной измене и приговорен на несколько месяцев к тюремному заключению. Римский папа отлучил о. Наумовича от Церкви, обвинив его в приверженности к «схизме», т.е. православию. На отлучение папы о. Наумович отвечал известной «апелляцией» к папе Льву XIII, в которой обстоятельно, на основании церковно-исторических документов, излагал историю и права Русской Церкви в Галиции и объяснял свою 30-летнюю пастырскую деятельность среди галицко-русского народа, но его оправдание не изменило отношений к нему высшей Духовной униатской власти. Лишенный сана и прихода, преследуемый польско-иезуитскими кознями, о. Наумович решился искать душевного мира в лоне Церкви православной.

6 октября 1885 г. в Львовской православной Церкви совершен был над ним обряд присоединения к православию. С переходом в православие немыслимо уже было ему оставаться в Галиции, в виду крайней религиозной нетерпимости в отношении православия, господствующей в Австрии вообще, и о. Наумович переселился в Россию, в гор. Киев, где был сначала епархиальным миссионером, а затем поступил приходским священником под Киевом в село Борщаговку, в

последнее же время оставил приход, предавшись всецело писательским трудам на пользу всего великого русского народа. Из сочинений протоиерея И. Г. Наумовича напечатаны в России на великорусском языке следующие:

- 1) О Галицкой Руси (в Славянском сборнике, т. 1, 1875 г.).
- 2) Апелляция к папе Льву XIII (Спб. 1883 г.).
- 3) Братское слово православному христианину о святости церковного обряда (Спб. 1885 г.).
- 4) Четыре путеводаителя доброй жизни (изд. 3-е, 1888 г.).
- 5) Псалтирник (изд. 2-е, 1888 г.).
- 6) Отец Феодор – сельскохозяйственные беседы (1888 г.).
- 7) Заветные тополи (1888 г.).
- 8) Степан Старозумов (1888 г.).
- 9) Как в простоте люди живут (1889 г.).
- 10) Христианские добродетели (1890 г.).
- 11) Православный народный календарь на 1890 и 1891 гг.
- 12) Книга для чтения о сельском хозяйстве (1890 г.).

В последнее время о. протоиерей Наумович сильно был занят вопросом о развитии пчеловодства на Кавказе при местных церковно-приходских школах и монастырях, и галицко-русской колонизации на Кавказе, и с этой целью отправился туда в июне месяце для изучения вопроса на месте. Свои наблюдения и впечатления он излагал в интересных путевых письмах, печатавшихся в «Науке» и в газете «Галицкая Русь». На обратном пути с Кавказа в Киев неожиданно постигла его кончина в г. Новороссийске 4 августа.

31 июля, на обратном пути с Кавказа о. Иоанн сел в Батуме на пароход, направлявшийся к Новороссийску, с тем, чтобы отсюда по железной дороге возвратиться в Киев. Вскоре по отбытии из Батума, он почувствовал расстройство желудка, которое так усилилось, что 1 августа в Новороссийске он вынужден был пригласить врача Т. С. По словам сего врача, больной в этот день имел сравнительно удовлетворительный внешний вид и на другие страдания, кроме желудка, не жаловался. Что о. Иоанн не чувствовал ничего особенно угрожающего его здоровью, видно из того, что он врача более к себе не требовал, да и местным своим собратьям-

священникам, с которыми познакомился в первый приезд в Новороссийск по пути на Кавказ, никому не сообщил о своем приезде в город. Уже 3-го числа прибежал к священнику Г. служитель из гостиницы Гранд-Отель с известием об опасной болезни «какого-то приезжего священника». Оказалось, что 3 августа утром с о. Иоанном случился апоплексический удар. Немедленно перевезли его в городскую больницу, где все усилия врачей спасти больного оказались тщетными, и в 11 часов утра 4 августа о. протоиерей скончался. Погребение состоялось с возможною по краткости времени торжественностью на другой же день 5 августа, на городском кладбище. Отпевание совершали четыре городских священника, причем о. Владимир Гофман сказал прочувствованное надгробное слово. Множество народа выказало свое уважение к почившему присутствием на отпевании и сопровождением покойного до могилы, несмотря на отдаленность кладбища.

Неожиданная весть о кончине протоиерея Наумовича в Галиции произвела потрясающее впечатление. Газеты всех оттенков и направлений, не только русские, но и польские, и немецкие посвятили ему статьи, выясняющие его значение для галицко-русского народа. Вот как отзывается о нем патриотическая «Галицкая Русь»: «Скончался лучший сын Матери-Руси, угас ее светоч, умер глашатай истины. Не стало любимца народа, его наставника и учителя... Характер чистый, как слеза, обширные знания, благородная скромность, поэтическая душа, сердце, преисполненное доброты и кротости, одним словом – человек идеальный». В первое время никто не хотел верить в действительность жестокого удара.

Несмотря на политические и партийные страсти, наиболее добросовестные местные польские газеты воздают должную дань уважения памяти покойного. *Gazeta Narodowa*, причисляя о. Наумовича к необыкновенным талантливым людям, между прочим, так о нем отзывается: «кто знал его близко, тому известно, что его призванием было пастырство, не только в своем приходе, но среди всего народа. Имел он к тому все благородные свойства сердца и духа, знания и опыт. Если кто и отнесется с порицанием к его общественной деятельности, то

должен воздать ему особенные похвалы как пастырю, товарищу, соседу и принужден удивляться его писательским дарованиям, его уменью художественно владеть языком русского простонародья. Материализма, погони за личными выгодами никто не поставит ему в упрек». Называя его «знаменитым оратором и народолюбцем», польская газета признает, что Наумович записан на страницах истории нашей земли», т. е. Галиции. Русские газеты, столичные и провинциальные, посвятили памяти покойного сочувственные некрологи, во многих городах совершены торжественные панихиды по покойном. «Киевское Слово» выражало пожелание, чтобы останки покойного перенесены были в Киев, на Аскольдову могилу, где он выражал желание быть погребенным, что потом и было исполнено. Это был истинный пастырь, учитель забитого Галицкого народа, мученик за веру православную, исповедник, пребывавший верным родному народу до гроба⁶.

Архимандрит Игнатий Симоновский

(Память 4 августа).

Этот замечательный муж был восстановителем Московского Симонова монастыря после его запустения и был учеником и постриженником старца Феодора Санаксарского. На его надгробном памятнике есть такая надпись.

«Симонова монастыря архимандрит Игнатий, природою из велико-россиян, церковного чина, служил при дворе Ея Императорского Величества при казенной сервизной, откуда 15 марта, 1763 года уволен: в 1764 году, генваря 11 дня, по именному указу пострижен в Санаксарском монастыре строителем Феодором Ушаковым в монашество, где проходя разные общежительные послушания, произведен иеродиаконом и иеромонахом. В 1776 году переведен в Флорищеву пустынь, где исправлял казначейскую должность; в 1778 году определен в Введенскую Островскую пустынь строителем: в 1781 году переведен в Николаевский Пешношский монастырь строителем; в 1788 году марта 20 произведен в Тихфин монастырь архимандритом. В 1795 году, апреля 4 дня, при возобновлении Симонова монастыря, переведен в оный для учреждения общежития. 1796 года, августа 4 дня скончался. Всего жития его было 65 лет, из них в монашестве провел более 33 лет; во всех упомянутых монастырях научась учительству, уставил общежития; монастыри, в немалую ветхость пришедшие, поправил; братии был примером добродетельного жития, а наипаче нищеты и нестяжания, шелковых одежд он на себе со вступления в монашество не носил ни единыя. Был к нищим милостив, к бедным сострадателен и братии был благодетелен, ибо и трапеза его была с братией нераздельна, где часто повторял следующие слова: се что добро или красно, но еже жити братии вкупе»⁷.

Старцы Раненбургской Петропавловской пустыни: Мелхиседек, Нафанаил, Пиор, Ириней, Авраамий и Герман.

(Память 6 августа).

Старцы, особенно просиявшие иноческими добродетелями и чтимые в Петропавловской пустыни, были следующие: иеромонах Мелхиседек, иеросхимонах Нафанаил, иеросхимонах Пиор, архимандрит Ириней и некоторые другие.

Время жизни и подвигов иеросхимонаха Мелхиседека относится к последней половине XVIII и к началу XIX-го столетия. Он был родом из Рязанской губернии и происходил из духовного звания; родился в 1727 г.; в мире носил имя Матфея и был уже диаконом одной из церквей г. Михайлова Рязанской епархии, когда в 1769 году лишился супруги, скончавшейся в молодых летах и оставившей на его попечение четверых малолетних детей: троих сыновей и одну дочь.

Не имея достаточных средств от бедного прихода своего, о Матфей открыл у себя на дому школу начального обучения детей приходящих и, получая за это некоторое вознаграждение, вместе с тем, и детей своих обучал, и содержал. Вырастив, воспитав и устроив двух старших сыновей, он выдал в замужество и дочь, и только уже после того решил оставить мир и посвятить себя на служение Богу в чине иноческом; это было в 1780 году. Он поступил для сего в Рязанский Спасов монастырь, взяв с собою туда и третьего младшего сына, поселившегося в обители на положении послушника. Но, по случаю бывшего тогда разбора церковников, сын его, по истечении трех лет пребывания своего в послушниках, со скорбью должен был оставить и монастырь, и отца своего, и поступил на гражданскую службу. Тогда и отец его принял пострижение в монашество с именем Михаила и вскоре по пострижении был посвящен во иеромонаха. Строгие правила жизни, практическая опытность и рассудительность иеромонаха Михаила были причиною, что его в том же Спасовом монастыре по времени сделали казначеем, а затем послали исправлять

должность строителя в Данковский Покровский монастырь. Здесь он пробыл 7 лет в этой должности и заслужил общее уважение и расположение со стороны граждан, соседних помещиков и братии, так что, когда назначен был туда новый строитель, которому о. Михаил сдал дела управления, то жители города наиболее почетные, начальствующие, помещики и прочие, и после того, по привычке, в праздники, по окончании богослужений и в другие дни, посещали его, а не нового строителя, не пользовавшегося таким расположением. Такие отношения, понятно, не нравились последнему, и он прибег даже к клевете на о. Михаила пред тогдашним Рязанским преосвященным Симоном (Логовым). Мудрый и проницательный архипастырь хорошо знал и ценил о. Михаила, и потому не доверился клевете, а, вызвав их обоих в Рязань и ближе узнав в чем дело, хотел было уже лишить нового строителя его должности и на его место поставить о. Михаила, но последний, как на неудовольствия строителя в Данкове, громко и грозно выражаемые, всегда отвечал смиренными словами: «я не виноват в том, что ко мне, а не к вам приходят», так и теперь смиренно, но все же усиленно стал упрашивать владыку не возлагать на него бремени строительской должности. Тогда преосвящ. Симон, устроив между ними примирение, строителя отпустил на свое место с обличением и наставлением, а о. Михаила с любовью и миром переместил в Солотчинский монастырь, наградив его набедренником. В Солотче о. Михаил прожил также несколько лет, честно подвизаясь в иноческих добродетелях. Но преклонные лета и сопряженные с ними немощи старца побудили сына его (младшего), служившего в Рязани на гражданской службе, переместить его в Рязанский Троицкий монастырь, где была учреждена больница. Чрез два года по учреждении своем, эта больница переведена была в Раненбургскую Петропавловскую пустынь, и посему всех пятерых штатных больничных старцев также сюда перевели, в том числе, и о. Михаила. Это было в 1807 году 10 сентября. Прибыв в пустынь и увидев ее богослужебные и иноческие порядки, старец сильно возрадовался духом. Он тогда же писал сыну своему, что его вселили сюда, как в вертоград, поистине

душеспасительный, что сколько он ни обошел монастырей в своей жизни, нигде не находил такого доброго порядка, как здесь, даже высказывал глубокое сожаление, что так поздно поступил в сию обитель, – это было при о. строителе Авраамии, введшем чин богослужения Санаксарский и общежитие. Пробыв в Петропавловской пустыни около 8 месяцев в сане иеромонаха, о. Михаил, предчувствуя близость конца своего земного поприща, пожелал облечься в великую схиму. 27 апреля 1808 года он и был облечен в схиму с именем Мелхиседека. В сане иеросхимонаха он в пустыни пробыл еще 1 год с лишком, а всего в Петропавловской пустыни провел он, таким образом, без малого два года. Блаженная кончина его последовала 6 августа 1809 года. Быв помещен сначала в светлой келлии больничного корпуса, в углу близ Предтеченской церкви, он сам пожелал, считая себя недостойным такой келлии, по смиренному сознанию греховности своей, переместиться в более тесную и темную келлику под восточной башней, и там-то, подвизаясь в непрестанной молитве и других иноческих добродетелях, сподобился предугадать кончину свою за три дня. Он объявил о сем тогдашнему отцу строителю Авраамии, испросил у него дозволения вырыть себе могилу и сам начал рыть ее, но, по немощи только на четверть вырыл ее, оставив через то лишь знак, где ей должно быть; затем призвал духовника, исповедался и приобщился Св. Таин; после того, по желанию старца, и елеосвящение над ним совершено, при каковом совершении находился сам о. строитель. В назначенный для кончины день, в праздник Преображения Господня, 6 августа, строитель присылал своего келейника навеститься о старце, и старец сказал, что еще не пришел час кончины, но, что истину говорит он об отшествии своем в иной мир в тот же день. Во время литургии старец облекся в схиму и, несмотря на немощь, сам вышел из келлии своей и приказал келейнику вынести войлок, обрубок дерева (чурак) и подушку, и из сего приготовить ему постель близ места могилы своей. Когда все это было приготовлено, старец прослезился, с полчаса времени усердно молился, обратясь лицом к церкви и затем, возлегши на войлок, сказал вслух келейнику: «прощай,

брате», и в ту же минуту испустил дух. Видя все это, послушник, тотчас же по кончине старца, побежал к о. строителю и сообщил ему о всем бывшем.

Строитель и братия прямо по окончании литургии пошли на приготовленное для могилы место и, увидев старца Мелхиседека подлинно скончавшегося, дивились совершившемуся, согласно предсказанию, видя в сем знамение богоугодной жизни старца, тотчас же совершили литию над усопшим, изготовили гроб, вырыли могилу, продолжив начатое самим почившим, и с великой честью, при множестве собравшегося отовсюду народа, совершили отпевание останков блаженно почившего. Предугадав кончину свою, старец иеросхимонах Мелхиседек предсказал и сыну своему, что будет жить в Раненбургской Петропавловской пустыни и навсегда поселится в ней, когда этот сын был еще женатым. Так и случилось. Не прошло и пяти лет после кончины старца, как сын его овдовел и водворился в пустыни, приняв иноческий образ в 1814 году.

Многое и другое, по сохранившимся в обители преданиям, ясно свидетельствовало о богоугодной жизни старца-подвижника. Так, о нем повествуется, что однажды он, по особому устроению Божию, невредимо влезал в печь, с огнем, в квасоварне, для испытания прочности поставленного в нее котла, с кипящею водою, и тем привел в ужас и удивление братию, бывшую в квасоварне. Другой случай был уже по кончине старца. У одного купца была больна раком в груди жена, и все врачи отказались лечить ее, и когда супруги отчаивались уже, ночью во сне больной является старец и велит ехать в Раненбургскую Петропавловскую пустынь и там отслужить сперва молебен Божией Матери, а потом панихиду на могиле его, старца, и, взяв земли с могилы последнего, приложить к больному месту. На вопрос: «как имя его?» Он отвечал: «Мелхиседек». Скорбящие муж и жена так и сделали, и после того больная скоро поправилась. В благодарную память о сем они привезли в пустынь и поставили на могиле старца кованное из серебра надгробие с высеченной на нем фигурой старца и надписью: «Иеросхимонах Мелхиседек».

Другое чудное дело по кончине старца совершилось с иеросхимонахом Нафанаилом к описанию жизни которого мы теперь и переходим.

Иеросхимонах Нафанаил, в мире Никифор Борисович, родился 13 марта 1779 года и происходил из государственных крестьян деревни Волчанки, прихода Малого Жерновца, Ливенского уезда Орловской губернии. У родителей его были еще четыре дочери, но сыновей не было, и потому он, как единственный сын, был горячо любим и особенно заботливо взлелеян своими родителями. Рано обнаружил он, вместе с красотой внешней, и признаки внутренней духовной красоты. Он обладал сметливостью, разумностью, предприимчивостью, живостью характера, впечатлительностью и мягкосердечием. Еще в детстве Никифор однажды в церкви услышал слова Господа Иисуса Христа: *уже аще речет слово на Сына Человеческого, отпустится ему; а, уже речет на Духа Святого, не отпустится ему ни в сей век, ни в будущий* (Мф.12:32), и слова эти так врезались в его сердце, что он после того всегда, вспоминая эти слова, отгонял от себя хульные помыслы. Помещик их села, зная и ценя отца его, сам предложил ему дать воспитание его сыну вместе со своими детьми, но отец не отпустил сына, как единственного, от себя.

Между тем, чтобы не дать ребенку своему остаться без образования, пользу которого родители хорошо видели на других, они отдали его учиться в сельское училище, но ненадолго. Опасаясь того, чтобы семена доброго домашнего воспитания не заглохли в сыне от обращения с сверстниками, родители Никифора, взяв его из училища, отдали на учение приходскому священнику. Мальчик обнаружил быструю восприимчивость, понятливость и способность запоминания, и оказал хорошие во всем успехи, будучи за это, так же, как и за благонравие, кротость и послушание, весьма любим своим наставником. В свободное от учения время он не пропускал ни одной церковной службы, причем, имея большую охоту к пению и чтению, становился на клирос, читал и пел вместе с причетниками. Довершил отрок Никифор свое образование у одного канцелярского чиновника, который так же, видя его

добронравие и совершенное послушание и ласковость в обращении, настолько полюбил его, что ничего не взял с него за обучение.

Окончив несложный курс образования своего, Никифор Борисович поступил в лавку к одному ливенскому торговцу мещанину; затем, на таком же положении был еще в Ельце и Москве; и, наконец, и сам, выписавшись в мещане, начал свою торговлю мелочным товаром.

Еще будучи у чужих людей, он подвергался искушениям обмана покупателей (с помощью обвеса) и утайки хозяйских денег, но Господь тем или иным способом скоро вразумлял его и направлял на лучшее, показывая всю низость этого порока; поэтому, когда Никифор Борисович стал вести самостоятельную торговлю, то, наученный опытом тому, что ни одно порочное действие не остается не наказанным, вел дело свое с неуклонной честностью; за это и его Господь ущедрял Своими милостями и споспешествованием успеху его торговли, а в некоторых случаях и прямо являл ему Свое особенное небесное покровительство. Так, когда однажды он, в бытность свою на казенной ярмарке в Курске, вел куда-то лошадь свою по полю, страшная туча собралась над тем местом, где он шел, гром гремел перекатами, и вдруг молния, осветив его ослепительным блеском, поразила веденную им лошадь, и она пала мертвою, а он сам остался цел и невредим, вознося благодарность Богу за свое спасение.

Так как Господь между прочими милостями наградил Своего верного раба и телесным благообразием, то многие родители не только из купцов, но и из дворян, зная и любя его, желали иметь его своим зятем, и многие девицы – своим супругом; но он уклонялся, для видимости, под тем предлогом, что, когда де наживет побольше собственного своего состояния, тогда и женится, а в глубине души уже в юности решил посвятить себя девственной жизни.

Тайным желанием Никифора Борисовича было идти на Афон и там спастись, но прежде, нежели исполнить свое намерение, он решил посоветоваться со старцами-иноками русских обителей и для этого отправился в Задонск. Один из

задонских старцев сказал ему: «зачем тебе ходить на Афон? Оставайся здесь, у нас, и живи так, как живут на Афоне; вот тебе и Афон». Он послушался совета старца и был сопричислен к братству Воронежского Задонского монастыря. Довольно скоро, несмотря ни молодость Никифора, всеми замечена и оценена была в обители его духовная мудрость и опытность, и настоятель обители благословил ему подавать советы и наставления желающим из приходящих богомольцев. В числе последних к нему начала было приходить и одна из тех девиц, которые желали иметь его своим женихом и супругом, особенно полюбившая его и давшая себе слово или за него только одного выйти замуж, а более ни за кого, или же, в случае его непреклонности в намерении не жениться, пойти в монастырь. Никифор скоро понял, какую тайную причину имели для себя ее частые посещения его келлии; он решительно воспретил ей приходить к нему и тем пресек дальнейшее поползновение к искушению.

С детства имея большую любовь, как говорено было выше, к чтению и пению в церкви, Никифор теперь, в обители, еще более развивал и укреплял в себе эту святую любовь, вместо грешной любви к земной красоте. Он был в числе монастырских певчих и пел басом. Однажды, когда он с другими певчими находился в певческой комнате, в нее вошел известный и всеми чтимый за свою святую жизнь затворник Иларион, живший в селе Троекурове Тамбовской губернии, Лебедянского уезда. При виде старца, убеленного сединами и украшенного подвигами добродетели, в комнате водворилась тишина, и взоры всех обратились к старцу. Подвижник, окинув взором всех, и никому не говоря ни слова, кроме общего приветствия, остановил свое внимание на послушнике Никифоре и сказал: «вот этот годится в затворники».

Находясь в Задонском монастыре, Никифор Борисович подвергался опасности быть отданным в военную службу по разбору. Но и опять Господь уберег его для высшей, духовной службы Царю небесному. Задонский городничий принял живое участие в нем, взял его в свой дом и в три месяца выхлопотал ему право на полное отрешение от мира, а, следовательно, и от

военной службы, для определения в монастырь. Указом консистории ему определено было сопричислиться к братству Алексиевского монастыря. Здесь он пробыл два года и сделан был рясофорным; причем, так как он имел хороший голос и вел себя примерно, его еще в рясофоре представляли было к рукоположению в иеродиакона; но тогдашний Воронежский Преосвященный нашел это небывалым и велел отложить дело до полного пострижения его в мантию, каковое пострижение, а затем и рукоположение в иеродиакона и совершилось в непродолжительное за тем время. Из Алексиевского Воронежского монастыря иеродиакон Никодим – так переименован был Никифор при пострижении в ангельский образ, – переходил в разные монастыри и, между прочим, жил некоторое время (лет 6) в Московском Симоновом монастыре.

Это было при архимандрите Герасиме (1810–1821). Здесь Господь, молитвами угодника Своего преподобного Сергия, совершил над ним новую милость. Его мучила сильная лихорадка. Изнемогая под бременем ее, инок Никодим, как сам о себе рассказывал, пришел в храм обители, в котором придел посвящен был преподобному Сергию, Радонежскому чудотворцу, и пал пред иконою Преподобного, с великим усердием и слезами умоляя его об избавлении от болезни. «Молился я, – рассказывал он сам, – с таким горячим чувством, какого, кажется, после никогда не бывало». И угодник Божий услышал молитву скорбящего труженика обители, основанной его учеником и сродником; он не умедлил своей помощью. Проснувшись от сна после такой молитвы, иеродиакон Никодим почувствовал облегчение, и с этого времени лихорадка оставила его. Но главнейшим местом подвигов иноческой жизни для отца Никодима была именно Раненбургская Петропавловская пустынь. Еще будучи в Задонске молодой тогда подвижник иноческой жизни послушник Никифор видел в видении эту пустынь, как сам об этом рассказывал после, живя в этой самой пустыни.

В Петропавловской пустыни о. Никодим подвизался и жил долее всего, именно, около 40 лет. Здесь он был рукоположен в иеромонаха архимандритом Рязанским Евгением (Казанцевым)

в 1834 году в Никольской Ямской церкви, здесь был некоторое время казначеем и здесь же в 1844 году принял великую схиму с именем Нафанаила. Но, между тем, как до рукоположения в иеромонаха о. Нафанаил был весьма крепок ногами и никогда не садился во время богослужения, со времени этого рукоположения Господь посетил его болезнью ног, не оставлявшей его до кончины и происходившей, конечно, от продолжительных стояний при богослужениях и на молитве келейной. Эта болезнь и была причиной того, что он оставил все послушания по обители, и жил только для Бога и для спасения своего и ближних.

О. Нафанаил был для многих и питателем, и безмездным врачом, и молитвенником, и опытным духовным советником. Получая довольно значительные по ценности и обильные числом приношения от разных лиц, он ничего не оставлял для себя самого, довольствуясь весьма немногим и ведя самый строгий, умеренный образ жизни, а все отдавал или в обитель, или бедным, неимущим. Когда приходили к нему с разного рода болезнями, часто даже весьма серьезными – каковы: рак, чахотка, водянка и др., или сообщали ему о таковых болезнях, прося исцеления и облегчения от них, то он, обыкновенно, выслушает внимательно, вздохнет со скорбящим о болезни и пожалеет его, помолится и, утешая его своими словами, скажет своему келейнику, чтобы тот сходил на чердак келлии его и достал из мешка № такой-то травы, и даст болящему, приказывая оттапливать воду и пить ее, или прикладывать к больным местам, примачивать их и т. д. И, если не полное исцеление, то облегчение бывало последствием такого употребления лекарства старца. Вера в силу благодатную, врачевавшую молитвами старца болезни, была так велика, что нередко обращались к нему и в таких, например, случаях, когда во время скотского падежа бедному человеку нужно было купить по дешевой цене уже заболевшую корову, чтобы прокормить молоком свою семью. По молитвам старца, корова, считавшаяся уже безнадежной, будучи приведена во двор бедняка, выздоравливала, и семья была «с коровушкою». Как малым довольствовался сам о. Нафанаил, щедрою рукою

раздававший милостыню и благодетельствовавший обители и другим, это видно из того, что он ежедневно вкушал только суп из картофеля с черносливом, или уху из окуней, ершей и под., и манную кашу или клюквенный кисель, причем кастрюли, в которых варилось то и другое были – для супа вместимостью лишь в 2 ½ стакана чайных воды, а для каши в 1 ½ стакана, и этой малой меры старцу хватало на обед и на ужин. И во всем старец наблюдал меру, на все у него было назначено свое время. Свободное от молитвы, богослужения и других занятий время о. Нафанаил употреблял на разного рода рукоделия, подобно инокам восточных православных обителей, как то: на переплет книг, уборку икон, клеение коробочек, вязание четок и др. Будучи очень умерен и на сон, старец нередко ночью выходил из своей келлии и гулял по обители с костьюльком своим, занимаясь богомыслием и умной молитвою, и братия обители нередко видели его так ходящим в белом подряснике или халатике и в схимонашеской шапочке, с четками в левой и с костьюльком в правой руке. Сила молитвы и слова его были так велики, что и бесы трепетали его. Однажды среди ночи прибежал к нему проживавший в г. Раненбурге близ церкви затворник, по имени Феодор Васильевич, прося у него защиты против нападения бесов. Когда затворник рассказал о. Нафанаилу о своем страховании, старец спокойно выслушал его рассказ и с улыбкой сказал ему: «как это не съели тебя бесы?! Как не догнали по дороге из келлии?! Какой же ты затворник, если боишься вражия мечтания? Какой ты воин, если бежишь с поля брани, где нужно стоять до капли крови»? Он затем дал затворнику наставление, увещевал не бояться мечтаний бесовских и побеждать бесов молитвою, смирением и терпением. Затворник был ободрен словами старца и, исполненный решимости бороться до смерти с врагами своего спасения, вернулся в свою келлию, и что же? По молитвам старца, он нашел в ней все в прежнем порядке и на прежнем месте, и только дверь в келлии была несколько приотворена вследствие поспешного бегства из нее самого хозяина келлии.

Весь дух и собственного подвижничества о. Нафанаила, и его благотворного влияния на других выразился в следующих

его изречениях: *«Непрестанно молитесь, и непрестанно кайтесь, и о всем благодарите, всех любите, и не воздавайте зла за зло. Вся вам любовью да бывают. Благотворения не забывают».*

С течением времени, от старости и от усиленных подвигов, немощи отца Нафанаила усилились, и, так как он для излечения или облегчения своих болезней, не желал принимать никаких медицинских средств, то эти немощи сильно удручали его тело и делали мучительными его болезни. Но никто никогда не слышал от старца жалобы на свои болезни. Смирение и терпение его служили дивным образом для всех. Еще года за три до своей кончины он испытал сильный недуг, в виду которого келейники и братия думали даже, что старец умрет. Но, когда келейник посему стал было напоминать старцу об исполнении обещания – благословить его, келейника, иконою Спасителя, старец, как бы предвидя свое исцеление от болезни, сказал ему: «еще успеешь». И старец выздоровел, и прожил еще три года. Пред кончиною он опять сильно захворал и, не желая опять прибегнуть к земной врачебной помощи, только по просьбе многих детей своих духовных решился на то, чтобы отслужить молебен о здравии его пред Корсунской иконою Божией Матери. И он получил снова облегчение от своей болезни, но опять ненадолго. Удостоившись благодатного видения, предуказывавшего ему его будущее блаженное состояние в раю, старец навеки почил сном праведника 11 марта 1861 г., в полном сознании и вполне истинно похристиански подготовившись к переходу в загробную жизнь. Быстро и весьма многие узнали о кончине его, и множество народа, несмотря на распутицу, из ближних и дальних селений, собралось в обитель, чтобы отдать последний долг глубокочтимому старцу. Панихиды, по усердию почитателей почившего, совершались беспрерывно и днем, и ночью, так как слишком много было желавших отдать почившему последний долг. Отпевание старца совершал о. игумен с братией, и тело почившего погребено было в могиле, в которую углом входил гроб упомянутого раньше старца Мельхиседека.

Когда о. Нафанаил был казначеем обители, для кого-то ему пришлось отдавать приказ копать могилу. Рабочие копали, по-видимому, на свежем месте, но, когда выкопали землю на некоторой глубине, то напали на гроб еще свежий и крепкий, и доложили о сем казначею. О. Нафанаил, отослав рабочих обедать, сам любопытствовал раскрыть крышку гроба и посмотреть, чье тело положено в нем. Открыв гроб, он увидел в нем тело иеросхимонаха, вполне сохранившееся и даже с одеждою не истлевшею. О. Нафанаил и далее простер свое любопытство: он попробовал взять за волосы бороды покойника и потянуть их, чтобы испытать их крепость; волосы оказались совершенно крепкими. Тогда на о. Нафанаила напал большой страх и ужас, и он поспешно вылез из могилы, и тогда же приказал зарыть могилу, а для нового покойника вырыть могилу на другом месте. И в первую же ночь после того, ему во сне явился схимник с посохом в руках и грозно спросил его: «кто позволил тебе прежде времени открывать мой гроб, да еще и за волосы дергать меня»? О. Нафанаил от страха проснулся и более не мог уснуть в ту ночь. То же повторилось и в другую, и в третью ночь, притом, все грознее и грознее был являвшийся схимник. Тогда о. Нафанаил пошел на могилу последнего, кланялся над нею, со слезами прося прощения у него и, в то же время, обещая поставить памятник над его могилою, и сделал над нею на 4-х столбах кирпичную часовню с навесом. Потом Нафанаил начал доискиваться сведений о том, кто был этот чудный схимник, и, наконец, где-то в ризнице, за шкафом, нашел небольшую старую тетрадь, содержащую в себе краткую запись о жизни и подвигах старца, который и оказался иеросхимонахом Мелхиседеком.

Блаженной памяти иеросхимонах Пиор происходил от благочестивых родителей из крестьян Раненбургского уезда, Рязанской губ., деревни Набережной и родился в 1822 г., в св. крещении был назван Прокопием. Часто посещая церковные службы, он усердно молился о таком устройстве своей жизни, которое вело бы прямым путем к спасению души его. Усердие его к посещению церковных служб было столь велико, что однажды он в незначительный церковный праздник пошел в

свой приходский храм с намерением там помолиться, но там службы не совершалось; тогда молодой богомолец отправился в близлежащее соседнее село, но и там службы не оказалось, и только в следующем по дороге селе, уже значительно отдаленном от его деревни, он застал службу. За такое усердие Прокопий, будучи еще 17 лет, удостоился во сне таинственного видения Самого Господа Христа.

Желая отречься от мира и всецело посвятить себя на служение Господу, Прокопий отправился к жившему в то время неподалеку прозорливому затворнику о. Илариону, и тот, на вопрос о средствах и месте для спасения души, прямо и положительно сказал, что он, по Божией милости, будет спасен на всяком месте. И вот, имея от роду 24 года, в феврале 1846 года, Прокопий поступил в Раненбургскую Петропавловскую пустынь в число послушников. Примерной жизни и прозорливый старец иеросхимонах о. Нафанаил, благословляя вновь поступившего послушника на новую жизнь, дал ему, как наилучший совет: волю свою оставить за воротами монастыря. «Я, – говорил ему старец иеросхимонах, – и теперь готов исполнять самые трудные послушания, покоряясь, согласно данному обету, воле Божией и начальствующих». – Совет старца пал на добрую почву. Прокопий, от природы бывший кроткого, ровного характера, смирял себя еще более в обители и исполнял в ней беспрекословно самые трудные послушания и работы: рыл и колол пеньки для монастырской кухни, топил баню и т. п. Пробыв на этих работах полтора года, он затем определен был на послушание в трапезу и здесь находился 15 лет, почти до самого рукоположения своего во иеродиакона, быв пострижен в монашество, с именем Пимена, 17 июня 1856 г., рукоположен во иеродиакона 23 января 1865 года, и во иеромонаха 30 июня 1868 года.

Будучи младшим иеромонахом, он радовался сердечно тому, что стоял ниже всех в церковных службах и других случаях и, наоборот, плакал от огорчения, когда получил повышение по службе. Много добра делал о. Пимен, подавая мудрые советы и наставления обращавшимся к нему из братии и посторонних лиц, всех принимая с любовью и служа каждому

соответственно его духовным нуждам. Всегда от него можно было услышать слово утешения в скорби и иметь его молитвенником об избавлении от бед и напастей. По его богоугодным молитвам многие больные и бесноватые получали исцеление, боримые вражьими искушениями находили подкрепление в борьбе и т. д. Так, один из братии, поступив в обитель, борим был сильнейшими искушениями и нападениями мрачной силы, побуждавшей его возвратиться к мирской жизни, но, по молитвам старца, в непосильной для неопытного подвижника борьбе явилась благодатная помощь, отогнавшая от него темных духов, что, по сознанию о. Пимена, и для него самого было не без труда.

В свободное время от исполнения послушаний, церковных служб и келейных трудов о. Пимен любил заниматься чтением священных книг; при чтении Псалтири поминал усопших и живых, иногда же, особенно в последнее время своей жизни, приглашал к себе келейника или кого-либо из братии и, слушая читаемое, поучал полезному и душеспасительному примерами и уроками из Священного Писания. От частого чтения и слушания Священного Писания, о. Пимен знал наизусть священные книги Ветхого и Нового Завета и, будучи человеком неученым, ясно и хорошо разумел смысл Священного Писания.

По своим душевным качествам иеромонах Пимен был любвеобилен, добр, почтителен к старшим, благосклонен к равным, приветлив и милостив к младшим, сострадателен к обиженным и угнетенным, щедр на подаяние, воздержен во всем и целомудрен. Не имея склонности к стяжанию с детства, он тем более не имел ее в иночестве, так что у него не было не только ненужных вещей, но даже и излишних одежд, кроме самого необходимого, достатки же свои употреблял он на нужды братства и на подаяние нищим. Смирение, незлобие, покорность воле Божией были отличительными чертами благочестивой настроенности о. Пимена. По его собственным словам, он все, происходившее с ним в течение жизни, принимал как посылаемое от руки Божией, почему и радостные, и печальные события в своей жизни, в том числе и свою

долговременную трудную болезнь, переносил без ропота и всегда говорил: «благодарю Бога о всем».

Так, живя рядом с келлией одного из братии, о. Пимен часто ночью спотыкался о поставленную, иногда, быть может, преднамеренно, корзину с дровами и падал, но никогда не решался делать выговор или жаловаться на ушибы, принимая обиду, как полученную от своего Господина в виде наказания. – Очищая свою душу покаянием и богомыслием, и борясь со страстями и искушениями, о. Пимен много трудился в ночном бдении и молитве; находясь же в церкви, при совершении богослужения и, особенно, приобщаясь Св. Таин, ощущал неизъяснимую радость. Имея от Бога дар умиления и слез, он, по замечанию келейника, читая и слушая священные книги, плакал, а также ночью часто плакал от сокрушения сердечного.

Во время же бывшей по окрестностям монастыря засухи о. Пимен горячо молился и испросил у Бога дождь. Видя столь скорое исполнение своей молитвы, он и сам в глубоком сердечном умилении и благодарении, стоя на коленях, со слезами взывал к Богу, как дитя к Отцу: «Господи, что ни попросишь у Тебя, Ты все подаешь. Слава Тебе!» А раз, после подобной же, особенно горячей молитвы старца, келейник узнал от него, что он молился об избавлении от приближающегося града, и, действительно, неподалеку выпал град, местность же, лежащую вокруг монастыря, Господь помиловал. Такая сила и действенность молитвы старца получена была им после продолжительной и упорной борьбы с врагами духа: плотью, миром и дьяволом. Видя победу подвижника над миром и плотью, бесы с особенной яростью и силой делали на него свои нападения, чтобы лишить его победного венца. Особенно во время молитвы дьявол всячески искушал и смущал его, доводя его нередко до слез. «Иногда ухватит меня за шею и тащит», – говорит подвижник, – «явно представляя разверзшуюся предо мною пропасть». При пострижении в монашество, о. Пимен, по его же собственным словам, проводя ночь в храме, оглушен был сильным свистом, вследствие чего, в течение шести недель, был глух, и едва не оглох навсегда, затем увидел ходящую по церкви без видимой причины табуретку; по молитве

же, в уповании на помощь Божию, прямо и безбоязненно пошел на видение, – и бесовские приступы прекратились. Получив же впоследствии, по воле Божией, победу над бесовскими искушениями и обольщениями, подвижник получил и власть над падшими духами и нередко исцелял бесноватых. И в даре прозорливости и предсказания выражалась благодатная сила, обитавшая в о. Пимене.

Так, одному из братии он говорил, что, спустя 8 лет, он произведен будет в иеродиакона, но я, – добавил при этом старец, – уже не доживу до этого; другому предсказал принятие его в военную службу, указав при этом и место, и срок будущей службы его, а также время отпуска на побывку. Оба эти предсказания исполнились во всей точности. В ином случае, отец одного из знакомых старца тяжело заболел, и доктор, освидетельствовавши больного, посоветовал готовить ему гроб; но о. Пимен, напротив, уверял, что болезнь не кончится смертью, и действительно, спустя сутки, больной выздоровел; тогда как, наоборот, одной совершенно здоровой женщине о. Пимен посоветовал записать себя на вечный помин, и женщина, спустя полгода, умерла. Равным образом, одного послушника он послал посмотреть, как будет умирать такой-то человек, и оказалось, что этот человек через полчаса, действительно, умер. Другого послушника на исповеди о. Пимен послал в келлию припомнить необъявленный грех, и тот, по некотором размышлении наедине с собою в келлии, припомнил забытое и открыл ему, как духовному отцу, возвратясь из келлии; равно, так же, еще одного послушника старец не допустил до св. Причастия за содеянные им тайно и необъявленные на исповеди грехи. Один послушник, идя домой проведать родных, сошелся на пути с сектантом и завел с ним разговор религиозного содержания, причем, и сам высказал несколько слов, противных истине Христовой. По возвращении в обитель, послушник, несмотря на скрытность свою, обличен был старцем в содеянном им грехе и понес епитимию.

Особенно возвысилась духовная жизнь старца и усилилась благодатная сила в нем по мере приближения к разлучению души от тела. По своему желанию, о. Пимен, незадолго до

кончины своей облекся в великую схиму и при сем назван был Пиором. С тех пор, несмотря на ослабевающие силы телесные, он начал вести еще более строгую жизнь, изнуряя себя подвигами и молитвою. Чудными видениями предшествовалась и самая кончина старца Пиора. Близость кончины своей старец предвидел, и накануне дня отшествия своего в другой мир, увидя сожительницу племянницы своей, велел ей поспешить извещением последней и другой, жившей в 7 верстах от монастыря, богобоязненной девице, о смерти его. Сожительница, при всей поспешности исполнения воли старца, едва могла вовремя известить их, чтобы они, одинаково благоговевшие пред старцем, застали его в живых. 22 ноября 1886 г., накануне дня кончины, к вечеру, старец, бывший все время в полном сознании, стал готовиться к переходу в загробную жизнь и особенно горячо молился весь вечер и всю следующую ночь, то лежа, то с великим трудом вставая на ноги, а то сидя, и в 7 часов утра 29 ноября скончался тихо, сам закрыв глаза и уста.

К числу избранников Божиих, добродетельно и с великою пользою подвизавшихся в обители, принадлежит и после всех упомянутых старцев, архимандрит Ириней, не без основания, конечно, и погребенный вместе с ними под одной часовней.

Отец архимандрит Ириней, в мире Иван Зиновиев Центров, был сыном причетника села Савры Мамышевой, Елатомского уезда, Тамбовской губернии. От природы кроткий и молчаливый, с детства имел он склонность к уединению. Прежде, нежели детский ум его мог сознательно объяснить себе значение иноческой жизни, сердце его уже имело к ней сильное влечение. Отрадно было мальчику, если он, хотя иногда во сне, видел себя монахом. Но он никому не открывал своей тайны. По окончании курса в семинарии, настала, наконец, для него пора решить важный вопрос. Чтобы положить конец своим колебаниям, Центров решился побывать у о. Илариона, без сомнения веруя, что старец разрешит все его недоумения. Объяснив старцу свои обстоятельства и нерешительность, Центров получил от него такой ответ: «хорошо и родителей

покоить, а лучше быть монахом». Целый год после того провел Центров все еще в мучительном состоянии в борьбе с собою.

Слова о. Илариона: «лучше быть монахом» связывали его решительность оставаться мирским человеком. Он опять пошел к о. Илариону со своим товарищем.

Но, когда они вошли к старцу, он позвал их обоих вместе в свою келлию и сперва сказал товарищу Центрова, чтобы он поступил в Саровскую пустынь, а самому Центрову, чтобы он поступил в Раненбургскую Петропавловскую пустынь. Прощаясь, добавил Центрову: «родителям твоим Бог поможет. И ты, если будешь в силах, помоги». Хотя отец его еще не скоро дал свое благословение на поступление сына в монашество, но Иван Зиновьевич, на время уступая воле его, уже не изменял своего намерения и, по молитве о. Илариона, поступил в Петропавловскую пустынь, где, после семилетнего пребывания, избран был настоятелем. Поступление его в пустынь относится к 1856 году (в октябре).

Поступив в Петропавловскую пустынь при строителе иеромонахе Герасиме, послушник Центров первоначально проходил должность письмоводителя, затем, 8 июля 1858 г., был пострижен в монашество с именем Ириней, а в 1863 году определен на должность благочинного. Его строгая жизнь, его ум, распорядительность и неподкупная честность, при его тихом любвеобильном нраве, внушали к нему общую любовь и уважение братии; и потому неудивительно, что в 1864 году, по избрании братии, он определен был в строители ее, а в 1881 году на той же должности, и многозаботливой, и ответственной, получил сан архимандрита, чего Петропавловская пустынь доселе не удостоивалась с самого времени своего основания.

Испытав всю тяготу бедности в детстве и юношестве, при крайней бедности родителей, в самые большие праздники зачастую питаясь скудной пищей, отец Ириней всеми силами старался вывести из состояния бедности вверенную ему обитель, которая досталась ему в управление обремененная 6 000 руб. долга. На первых порах о. Ириней чувствовал великую скорбь от стесненных обстоятельств обители и изнемогал под тяжестью этой скорби, нередко со слезами на глазах говорил с

братией об этих обстоятельствах, на колени падая пред нею, просил ее помолиться о нем, изнемогающем под бременем таковой тяжести. Господь внял скорби верного раба Своего и в скором времени послал избавление от нее. Мудрым управлением, бережливостью и тщательностью в ведении хозяйственного дела в обители, благолепным служением, любовью и кротостью о. Ириней, с Божией помощью, в 20-летний период своего заведования обителью не только освободил ее от долга, но и составил ей прочное обеспечение на будущее время скоплением значительного капитала, несмотря на произведенные им расходы по улучшению обители в различных отношениях (были произведены постройки гостиницы и других зданий; приобретен большой колокол на монастырскую колокольню, устроен приют на 15 сирот павших воинов, в Турецкую кампанию 1877 года и т. д.). Но, что всего важнее, он сумел расположить двух богобоязненных престарелых девиц из дворян Елисавету Парфениевну и Анну Парфениевну Буниных, издавна бывших близкими собеседницами и почитательницами в Бозе почившего архиепископа Воронежского Антония, к пожертвованию в пользу обители их родовых имений, от первой – в количестве 177 десятин с постройками, а от второй – 68 десятин.

Имя о. Ириней значит мирный. И его управление обителью и его отношения ко всем запечатлены были характером миролюбия и кротости. Некоторые из братии, враждебно относившиеся, по тем или другим причинам, к о. архимандриту, и всячески старавшиеся очернить его особенно перед епархиальным начальством, взводя на него разные клеветы и сочиняя ложные доносы, встречали с его стороны только любовь и мир; и епархиальное начальство, зная его безупречную жизнь, благонамеренность, его всецелую преданность долгу своего призвания, никогда не верило этим клеветам и доносам, и вполне доверяло настоятелю пустыни. Сам же о. архимандрит любовью и терпением, кротостью и миролюбием более всего побеждал врагов своих, а одному из них даже и предсказал благой конец жизни за год до смерти его, что так и случилось: враждовавший прежде, потом примирился

с ним и, напутствованный св. Таинствами, мирно отошел ко Господу.

Но усиленные труды, скорби и заботы подломили здоровье отца архимандрита Иринея.

В 1885 году летом с ним случился нервный удар, и, хотя он после того еще прожил около четырех лет, однако уже не мог свободно владеть силами, так что, в 1886 году, когда болезнь его уже признана была неизлечимою, был уволен от управления пустынью, с помещением в числе сверхштатной братии пустыни, и с назначением ему пенсии по 5 рублей в месяц при келлии с обстановкой и трапезе от обители. На место его, управляющим пустынью назначен был уволенный на покой от управления епархией бывший епископ Тобольский и Сибирский Василий (Левитов), и это было великим счастьем для болящего отца архимандрита, ибо преосвященный Василий и ранее хорошо знал, и уважал отца архимандрита.

Жизнь отца архимандрита Иринея после удара, случившегося с ним 17 июня 1885 года, и до дня кончины его 7 января 1889 года, была в полном смысле жизнь страдальческая; ибо, вследствие паралича, все отправления жизни душевной и телесной у старца крайне затруднены были и многие совершаемы были не без сторонней помощи. Не говорим уже о тяготе нравственной, которая удручала болящего, привыкшего к деятельности, а теперь беспомощного и к деятельности неспособного, всеми почти оставленного. Только и утешения ему было в молитве, чтении церковных и духовного содержания книг, в частом приобщении св. Таин и в беседах с посетителями, из коих особенно дорогим для него был преосвященный Василий, управлявший пустынью. Когда страдалец несколько избавился от недуга сего, он возможно часто, с помощью келейников, посещал и храм Божий (где, в алтаре, и приобщался св. Таин), а более всего дома, в келлии молился. Молитва Иисусова и другие краткие молитвы: «Господи, помилуй, Боже, спаси!» и иные постоянно бывали на устах его, и с глубоким воздыханием и чувством произносил он их, а по средам неуклонно вычитывал весь акафист Тихвинской Божией Матери. Читал же он из духовных книг больше Четии-

Минеи св. Димитрия Ростовского. Слезы часто потоком лились из очей его и от полноты молитвенного настроения, и от сознания беспомощности своего положения. Миролюбие, кротость, смирение и в этом положении не оставляли его. Раз, оставленный келейником, он вздумал пройтись по комнате, но при этом зацепился за половику и упал. В это время келейник был уже недалеко и, услышав шум от падения, поспешил в келлию старца и, увидев его лежащим на полу в беспомощном состоянии и страдальческом виде, прослезился сам; между тем, о. Иринея, когда келейник усадил его на диван, сам же начал утешать и успокаивать его и, обратясь к иконам, крестился, лишь вздыхая и часто повторяя: «Господи, помилуй!.. Боже, спаси!»

Не будучи в силах свободно владеть языком, он часто более всего плакал или вздыхал также и в беседах с посетителями, которых всегда с радостью и любовью принимал. Посетители утешали его, как могли. Особенно же утешительны и назидательны были для страдальца посещения преосвященного Василия, и когда Преосвященный после таких бесед уходил, то болящий отец архимандрит долго смотрел ему вслед, плакал, вздыхал, крестился на иконы и повторял: «Господи, помилуй!»

В последний раз Преосвященный посетил болящего за неделю до кончины его и никак не мог утешить больного, которого уже мучила водянка и другие предсмертные болезни, и который, как бы предчувствуя, что это их свидание будет последнее на земле, плакал и рыдал, как дитя. Владыка, видя все это, и сам растроган был, и сказал отцу Иринею: «отец архимандрит, что наша маловременная жизнь на земле в сравнении с вечностью? – Ничто! какие есть славные люди на земле, но и тех не минует предел сей. Можно сказать, вы счастливы, только не сего мира! По всему видно, что вас Бог возлюбил, тернистым путем ведет вас к Себе; вы на земле уже очистились страданиями, и надобно твердо надеяться на милосердие Божие, что Господь в будущем не оставит вас за ваше терпение». – Действительно, страданиями многолетними была предочищена душа отца архимандрита Иринея к переходу в жизнь вечную, блаженную. Напутствованный не раз св.

Таинствами покаяния и причащения и два раза елеосвящением, отец Ириней, уже долгое время не принимавший почти никакой пищи и только пробавлявшийся чаем, тихо скончался утром 7 января 1889 года и был погребен преосвященным Василием, причем, по приказанию Преосвященного, для отца архимандрита могила приготовлена была в одной и той же часовне, под которой погребены и старцы иеросхимонахи: Мелхиседек, Нафанаил и Пиор. Так и отец Ириней сопричислен был к этим блаженно почившим старцам.

Были и кроме этих старцев иноки, сиявшие благочестием и добродетелями иноческими и более других сокровенную жизнь проводившие. Так, иноки обители с любовью и благоговением помнят отца Авраамия, под видом юродства скрывавшего свое благочестие и подвиги. О нем один инок рассказывал, что он, под предлогом, что сам желает выучить на память Псалтирь, побуждал его выучивать ее на память, говоря, что ему одному скучно учить ее и, несколько раз наведываясь, много ли он выучил, а, между тем, сам в совершенстве знал ее всю наизусть. Наконец, когда ученик его заметил последнее и потому охладил к учению и, наконец, решил бросить изучение Псалтири, сказал отцу Авраамии: «зачем учить Псалтирь на память, если можно, в случае надобности, читать ее по книге?» На это отец Авраамий заметил: «здесь-то можно и по книге читать, но, когда ты помрешь, там-то по чему ты будешь читать, а славословить Бога нужно будет; ибо в том все и занятие там будет». Несмотря на юродство видимое, отец Авраамий иногда говорил очень мудро, и вреда он никому не причинял своим юродством. Скончался он в 1871 году.

Был еще также проводивший строго подвижническую жизнь иеромонах Герман, из вдовых священников. Был он прост в обращении и даже иногда тоже как бы юродствовал, но, также, часто говорил и действовал весьма мудро и назидательно. Он был весьма снисходителен к другим, любвеобилен и нестяжателен; ничего не оставлял себе, а все, приносимое ему, отдавал другим. (Скончался так же в 1871 году⁸).

Настоятельница Арзамасской Алексеевской общины схимонахиня Олимпиада

(Память 6 августа).

Настоятельница Арзамасской Алексеевской общины, Ольга Васильевна родилась 1771 года июня 29 дня в городе Костроме от благочестивых, именитых и богатых родителей Василия и Параскевы Стригальных. От самых молодых лет таилось в сердце ее намерение посвятить себя Богу; но намерения своего она не только не могла открыть своим родителям, но должна была всячески скрывать от них. Одна только сестра ее Фекла Васильевна была поверенною ее сокровенных дум и желаний. Вместе с нею они, обыкновенно, молились тайно по ночам, когда все домашние отходили ко сну, а две сестры одни оставались в комнате. И это святое дело они должны были совершать со страхом и боязнью, как бы горничная прислуга не заметила, что они проводят наедине бессонные ночи, и не донесла бы об этом их родителям. При теплящихся лампадах или при тусклом свете восковой свечи, прилепленной за занавесами их кроватей, с коленопреклонением и слезами на глазах стояли они, безмолвно погруженные в глубокое молитвенное созерцание Господа Бога и Пресвятой Девы Богоматери.

Впоследствии, старшая сестра Фекла Васильевна отдана была замуж. Много слез было пролито благочестивыми сподвижницами при этой совсем неожиданной разлуке. Одна Ольга Васильевна нисколько не изменила образа своей жизни, напротив, при одиночестве все более и более возгоралось в сердце ее решительное желание посвятить себя Богу и тайно уйти из дома родительского, так как она наверняка знала, что родители ее никогда не дадут на то своего согласия. Из сосредоточенного религиозного чувства постепенно развивалось в ней непреодолимое желание подвижнической жизни ради любви к Господу и своего спасения. Часто по целым дням отказывала она себе в пище, или в зимние морозы тайком

выходила на снежный двор и по несколько часов босыми ногами стояла на снегу, так, что под следами ее снег растаивал до самой почвы. Она сама впоследствии рассказывала, что эти подвиги, совершаемые ею от неразумия своего, повлекли за собою жесткую болезнь, которая осталась у нее на всю жизнь и особенно усилилась в последние ее годы.

Оправившись немного от болезни, Ольга Васильевна не только не изменила своего желания посвятить себя Богу, но тотчас же решила обратиться за советом к настоятельнице Арзамасской Алексеевской общины схимонахине Марфе, зная по слухам о богоугодной ее жизни и о строгих правилах устава, соблюдаемого в Алексеевской общине. Письмо, писанное Ольгой Васильевной по этому случаю, не дошло до нас; но из следующего письма настоятельницы схимонахини Марфы видно, какое живое участие приняла в судьбе Ольги Васильевны почтенная настоятельница, которая сама когда-то, презрев всю славу мира и любовь родительскую, также тайно ушла из родительского дома.

Письмо схимонахини Марфы в ответ Ольге Васильевне.

Письмо твое я получила, чрез которое усматриваю, что совет мой вам приятен, чтоб в девстве жизнь свою провождать. О сем по премногу порадовалась, что есть в вас еще память Божия; да, если бы многие рассмотрели краткость века сего и на какой конец мы созданы, то есть не на временное здешнее пребывание, но на вечное и бесконечное житие, в усыновление и наследие небесного царствия, то, конечно бы не столь стремились к здешним временным мнимым утехам. Подлинно, мой друг, мнимые только радости века сего, а сами по себе никакого добра не имеют; но, если небесного восхощешь поискать, то воистину найдешь и временное спокойствие души и будешь свободна от многих печалей. Когда замуж сама не пожелаешь, и родители тебя к тому принудить не могут.

Так, конечно, тебе, мой друг, советую не налагать на себя оковы сии нерешимые, а свободной быть к шествию в путь Божий; а на мирские советы, пожалуй, не полагайся, а

имей в памяти Жениха небесного всегда и Святых Божиих, как они старались всегда в угодность Божию пожить, оных в пример себе бери. Мирская речь: дух-де бодр, а плоть немощна; но, если их спросить: к чему сие слово следует Христа Спасителя и на какой конец сказано, то не могут ответствовать. Христос Спаситель во время страдания Своего, когда молился в вертограде и видел Апостолов Своих сном отягченных, понеже естество немощное плоти требовало сна, на сие изволил сказать: дух бодр, а плоть немощна, что победити с Ним и помолитися не могли. И мы со Христовым словом согласны, что не может плоть наша без сна пробыть, без пищи, без одежды, а особливо на морозе без шубы немощно естество наше; но могут ли извиниться те люди сим словом – немощию плоти добрые дела творить, земное презирать, небесное любить? и могут ли сказать на том свете: Господи, ведь дух бодр, плоть немощна; мы не могли по сему слову заповедей Твоих сохранить? Когда Господь требует чрез Апостола Своего: не любите мира, ни яже в мире, и аще кто хочет друг быти миру, враг Богу бывает, – мир толкуется страсти мирския, то есть сладострастное любление богатства, славы человеческия, прохладное и плотоугодное житие, – то как же Господь требует сего от нас, а Сам нас немощных сотворил? По сему их слову, что дух-де бодр, а плоть немощна, Создатель виноват стал. Так сие страшно нам и подумать, и сею отговоркою клеветают на Зиждителя, будто Он нас немощных сотворил пожить в угодность Ему; а требует Господь от всякого христианина в след Себя хождения, отвержения себя, то есть воли своея и креста ношение; но ленивые души, и миролюбивые, и о любви Божией нерадивые, всегда немощию плоти отговариваются, да и тебя к тому же приводят. Но не слушай, мой друг, их советов: не знают и сами, что толкуют. Если бы не советы развращенные последовали твоей бедной сестрице, как я слышу о ея усердии к Богу, не оковалась бы и она супружеством, и не променяла бы злато на серебро. Апостол пишет и о женатых, какое беспристрастие должно иметь ко всему земному; братие, глаголет, яко время

превращенно есть, да и имущия жены, якоже неимущии будут, и плачуция, яко не плачуции, и радующияся, яко не радующияся, и требующий мира сего, яко не требующия, преходит бо образ мира сего, хочу же вам беспечальны быти. А к нам с тобою Апостол глаголет, то есть безбрачным: не оженивыйся печется о Господних, како Господеви угодити, а оженивыйся печется о мирских, како угодити жене; разделися жена и дева – непосягшая печется о Господних, да есть свята и телом, и духом; а посягшая – о мирских, как угодити мужу. Так что лучше? человек ли тленный, а иногда и развращенный, или Христос сладчайший, Который столь нас возлюбил, что пречистую кровь Свою пролил нашего ради спасения? Не силен ли Он подать любящей Его душе помощь Свою Божественную, если и случится ей какое препятствие ко спасению? Посмотрите в жития святых Отцов, кто из них немощию плоти отговаривался? Не паче ли стремились к подвигам, и плоти своей не жалели, на смерть готовы всегда были, и который из них оставлен бысть от Бога? Многие говорят: и в мире-де спасение не отнято; и мы в том не спорим, что можно спастись в мире, но неудобно. Иоасаф царевич мог бы в мире жить, жениться, милостыню подавать, добрые дела творить; но рассмотрел, что неудобно в мирских вещах жить и безвредно от страстей душу свою сохранить, того ради и удалился от мирских соблазнов. Но и прочие угодники Божии рассмотрели суету и прелесть мира сего, старались удалиться от него, и все оставляли: родителей, друзей и сродников, славу, богатство и сладости, и вся, яже в мире, возненавидевши и презревши, стремились иное житие, то есть иноческое предпринять, и, собравшеся един по единому, монастыри устроили и монашеские уставы учредили, старались невидением похотей злых и вин к прелести влекущих, чтоб и из сердца желания их и из памяти оныя искоренить, и любовь Божию, и желания Божественных радостей в сердцах своих насадити. Если бы способнее было в мире спастись, для чего бы им удаляться от мира в монастыри? Но как угодники Божии мир морем называли, того ради не восхотели в море плавати, боялись,

дабы не погрузиться волнами житейскими, стремились к пристанищу, то есть к монастырскому житию, для удобнейшего спасения душ своих. Советую тебе, моя любезная, так же удаляться от мирских соблазнов, которые весьма приводят к душевному вреду; душа, видевши и слышавши всякие виды и слухи, весьма от всего повредиться может, а особливо, которая тщится уневеститься Христу, Жениху небесному; должно от всего храниться, чтоб сердце чисто от всех страстей соблюсти, и помыслами чтоб не оскверниться, и ничему земному любви своей не прилагать. А в мире совершенно любящему Бога весьма тяжело сие сохранить и мучительно в грехах жить. Из письма твоего вижу желание твое к нашей обители; весьма бы сие полезно вам было; могли бы увидеть Богоспасаемые обители Саров и Санаксар, и отца нашего наставника иеромонаха Феодора, совершенно житие Богоугодное имущего, могли бы видеть, и наставление от него своей жизни услышать. Не худо бы, хотя побывать к нам постарались; положившись на Промысл Божий и старание свое должны прилагать, а Господь готов помогать. Не только что надеяться, да и только; но с надеждою на Божие милосердие – и к делу приниматься; а что боишься храмины разрушения, сие до тебя не следует, понеже Христос ясно сказал: всяк грядый ко Мне и слышай словеса Моя, и творяй я, подобен есть человеку, зиждущему храмину на камени, то есть, которая на заповедях Божиих основана, и не может поколебати ее наводнение; слышавый и не сотворивый подобен есть зиждущему храмину на песке, и будет храмины тоя разрушение велие от наводнения. Так, если не хочеши разрушения храмины, твори заповеди Божии и старайся в угодность Божию пожить и намерение твердое ко исправлению Божия дела полагай, так и будет на камени храмина твоя. Советую тебе, мой друг, и впредь рассуждения свои к нам писать, которые влекут вас к отчаянию, и чего мы не доразумеем, то премудрый наш наставник, который по жизни своей получил от Бога дар рассуждения, он нам растолкует, а мы вам отпишем. А то весьма слово Божие по слабостям и по своим страстям толкуют многие и к

отчаянию друг друга приводят. Того ради и Апостол пишет: не будите мудры о себе, но духовная с духовными рассуждайте. И паки глаголет: слово Божие меч обоюду остр, с обеих сторон остр; человек может одним концом врага победить, а другим и сам заколоться отчаянием может; как мы и видим многих, погибших от своего рассуждения и мудрования пустого. Многие расколы и ереси прозябли от сего: человек примет слово Божие и растолкует по-своему, и утвердит за истину свое мудрование, и других начнет невинных повреждать. Берегитесь, Бога ради, в разные рассуждения вдаваться, а особливо хранитесь от врагов матери святыя Церкви нашея, т.е. раскольников; они весьма убивают души несмысленных, отвращают верных от Церкви Божией, от св. Причастия, приводят в крайнее безнадёжие своего спасения, яко бы уже не можно в нынешния времена и спастися, и много окаянного всякого толкуют, якобы уже нет никакого ныне и спасения в Церкви Божией чадам истинным, и вера будто переменялась. Но совершенно их неправда: Церковь Божия основана на камени, и врата адовы не одолеют ее. Берегитесь, мой друг, их слов слышать, яко смертоносного яду. А что ты, мой друг, пишешь, что родителям твоим неприятно будет твое намерение, и ты сего трепещешь, дабы не узнали, так на сие я тебе опять предлагаю жития святых Отцов, возьмите их себе в пример, как их ни строгость родительская, ни прещение, ни слезы, ни ласкательства, ничто не могло их от благого намерения поколебать и от Христова пути отворотить; и редкое житие читается Преподобных, чтобы добрым порядком родители их отпускали, а особливо те, которые временным богатством обложены и привязаны к суетам века сего – таковые всегда детям своим ко спасению препятствовали; но дети на то не взирали, а стремились в след Христа и не отлагали своего намерения, по писанному: лучше в мале опечалити родителей по плоти, нежели сотворшего нас Господа. Почитайте Феодосия Печерского, как матушка его вооружалась на него и неоднократно гналась за ним и, бьющи, домой приводила связанного. Но душа, распаленная ко Христу, не могла ничем

поколебаться: своим терпением он преодолел матернюю жестокость. Наконец, и сама матушка его пошла в монастырь; а, если бы он, не хотя оскорбить ее, да во угодность ей несколько лет в мире пожил, то, может, и он бы поколебался в спасении своем. В мире столь опасно мешкать, которые хотят уневеститься Христу, что я вам и описать не могу, как нечувствительно можем ту искру погасить, которую Бог, по Своему человеколюбию, возжигает в нас, и от миролюбивых советов мирских человек тотчас ослабеть, и в мире погрузиться, так что и вспомнить о Христовом пути не захочем. Я все сие грешница на себе испытала, сколь человек между мирскими разговорами простывает и усердие к Богу теряет. Итак, я, как своей душе, так и вашей равно желаю, чтобы Христу Спасителю в юности своей поработать, как мы видим преподобных матерей царского рода: Евпраксию святую, Аполлинарию, Евфросинию, Ксению странную, другую Ефросинию Полоцкую; не откладывали они на старость свое намерение, но все, оставивши присная века сего, текли спешно за Христом, чего и тебе, мой друг, желаю и Божью хранению тебя поручаю. Остаюсь спасения твоего желательница, Марья Протасьева. Декабря 31-го, 1790 года.

Получив такой ответ, Ольга Васильевна в восхищении духа прочитывала его и хранила его, как сокровище, укрепляя им дух свой к терпению и думая только о том, когда Господь откроет ей случай и возможность намерение свое привести в дело. С благочестивой своей родительницей она часто ездила в Костромской женский монастырь и здесь имела случай коротко познакомиться с одной монахиней и с одной благочестивой и почтенной по жизни помещицей Натальей Тихменевой, ездившей в этот монастырь из своей вотчины, в 30 верстах от города, и Ольга Васильевна открыла г-же Тихменевой свои благочестивые желания. Тихменева от души полюбила ее и приняла в ней живое участие, так что решилась, при содействии настоятельницы Алексеевской общины, схимонахини Марфы, отправить ее в общину Алексеевскую на своих лошадях. Полночь на второе августа 1792 года назначена была временем для выезда Ольги Васильевны: с вечера приставила она к

окошку лестницу и, когда все предались сну, и все в доме успокоилось, она, как робкая горлица, отдавши себя на Божий Промысл, вышла на двор, отодвинула задвижку задних ворот, за которыми стояла уже пара готовых лошадей с благонадежной женщиной, и Ольга Васильевна отправилась прямо в дом г-жи Тихменевой. Поутру отец и мать долго ждали прихода Ольги Васильевны и думали, что она или нездорова, или, против обыкновенного, еще спит. Прасковья Ивановна, мать ее, имевшая обыкновение ходить с посошком, вошла в ее комнату, подошла тихо к ее занавешенной постели, постучала своим посошком, говоря: Оленька, друг мой, пора вставать. Ответа не было. Она повторила, и опять ответа не было. Она раскрыла занавес, и увы! на кровати нет дочери. В ужасном недоумении и беспокойстве, в слезах и отчаянии спешит она рассказать об этом отцу. Начались поиски, но совершенно напрасные: от Ольги Васильевны и следа не осталось. Между тем, разошелся слух в городе о побеге дочери Стригалевых, пошли толки и догадки, не бежала ли она тайно с таким-то и прочее. Благочестивая мать, прежде всего, обратилась к Спасителю с горячей молитвой, чтобы Он, милосердый, открыл ей участь ее дочери. Долго она молилась и, наконец, всматриваясь в лик Спасителя, заметила за иконою записку, взяла ее и узнала руку дочери.

Письмо было следующего содержания: *«Любезные мои родители! Я знаю любовь вашу ко мне во все дни от самого рождения моего; я не могла воздать вам равную любовь; меня позвал Господь на лучшая, дабы шла вслед Его. И коль сладок глас сей Зиждителя моего явился! По сему званию всю вашу любовь забыла и тщилась всячески предпринять вожденный мною путь. О, коль благ, о, коль любезен Любитель мой! вскоре послал помощь Свою и восхитил мя от среды вашей, дабы ваша любовь не повредила души моей. А я прошу вас, Бога ради, оставьте меня поработати Создавшему мя и пролившему предражайшую кровь Свою меня ради и не противьтесь званию Владыки моего. Аще и разлучусь с вами на время, но уповаю на щедроты Звавшего мя, яко в будущем веце соединит нас; аще бы отреклась*

Звавшего мя, то кто весть, могли ли бы вы утешаться на меня? А вам и бесполезно о сем скорбеть, понеже вы имеете еще благодать Божию на кого утешаться; но, если бы я и одна у вас была, то и тут не должно бы препятствовать. А я вас усердно прошу, родители мои, оставьте меня в мире поработати Зиждителю моему; молитесь Ему человеколюбие, дабы облегчил мне бремя свое и сподобил бы со тщанием понести его до последнего моего издыхания. К сему же прошу вашего произволения и чистого благословения вашего родительского к созиданию спасения моего. Бога ради не забывайте, почаще напоминайте меня в своих приятных Богу молитвах родительских. А я вручила себя Богу и вас вручаю Ему же; да сохранит и продолжит живот ваш в радости и да утешит вас небесным утешением и укрепит сердца ваши во уповании будущего воздаяния. Итак, пожелав вам телесного здравия и душевного спасения, полагаюсь о себе на Промысл Божий и тщусь идти во след Звавшего меня. Грешная раба Божия, а вам дочь по плоти Ольга. Еще падаю к стопам вашим, прошу вашего родительского благословения и молитв и лицеzemно кланяюсь, и прошу прощения в моих к вам погрешностях, от моего неразумия дерзнутых».

Подлинник этой записки хранится у ее родственников; ни нем видны следы слез, которыми обливала письмо Ольга Васильевна, расставаясь с домом родительским.

Так как Ольга Васильевна часто бывала в Костромском девичьем монастыре и была там с некоторыми монахинями коротко знакома, а также с г-жой Тихменевой, усердной благодетельницей обители, то отец ее, Василий Иванович, нимало не мешкая, отправился прежде всего в этот монастырь и, не найдя там дочери, поехал к г-же Тихменевой и, с горестью и растерзанной душою рассказывал ей о случившемся, умолял ее сказать, не знает ли она чего-либо о его дочери и даже выразил прямо подозрение, не скрывается ли она в дому ее. Действительно, Ольга Васильевна еще находилась у нее: не успели еще ее отправить в обитель Алексеевскую; но г-жа Тихменева приняла на себя вид, будто обижена таким подозрением Василия Ивановича и уверяла его,

что она ничего не знает, и, хотя вполне сочувствует его горю, но помочь не может. Впрочем, глубокое отчаяние и скорбь старика-отца тронули г-жу Тихменеву и заставили ее раскаиваться в том, что она была некоторым образом виновницей побега Ольги Васильевны. Под некоторым предлогом она оставила Василия Ивановича и вошла в комнату, где Ольга Васильевна, узнав о приезде отца, стояла бледная, прижавшись к стене, в неопisanном страхе. Г-жа Тихменева стала упрашивать ее явиться к отцу, говоря, что она уже более не может обманывать этого несчастного, истерзанного горем человека; но Ольга Васильевна бросилась ей в ноги, обняла колени ее, залилась слезами и молила не рассказывать о ней родителям, «в противном случае за мою душу отдадите Богу ответ», говорила она. Г-жа Тихменева убедилась окончательно, что такой могучей страсти к иноческому житию мешать не следует. Она воротилась в гостиную, где сидел злополучный отец и, отклоняя от себя всякое подозрение и соболезнуя о нем, умоляла его овладеть самим собою и не предаваться неумеренному горю, потому что с помощью Божией может еще он отыскать свою дочь, и проч. Так, сама в слезах проводила она Василия Ивановича и, в то же время, с благонадежной женщиной, на своих лошадях, отправила Ольгу Васильевну в Алексеевскую общину.

Настоятельница, схимонахиня Марфа, давно уже ожидала Ольгу Васильевну, приняла ее в свои объятия с истинно материнскою любовью и оставила у себя в келлии под видом странницы, одев ее в самое простое платье. Но скоро слух разошелся, что Василий Иванович везде рассылает людей отыскивать свою дочь и подозревает, что непременно она скрывается в каком-либо монастыре.

Схимонахиня Марфа теперь сама стала просить Ольгу Васильевну отправиться с нею вместе к родителям: «я страшусь, говорила она, раздражить твоего родителя столь славного и знатного мужа, известного и любимого самим императором; он может не только многие неприятности сделать нам, сиротам, но и разорить наше место за укрывательство своей дочери. Я уверена, что, если есть Божие звание быть тебе, друг мой, в обители, то силен Бог преклонить сердца

родительские не только простить тебя, но и наградить родительским благословением. Если что и случится, как я сама на себе испытала, оставляя, Бога ради, дом родителя моего, то огради себя терпением и верою в Промысл Божий». Ольга Васильевна, не имея возможности противиться воле настоятельницы, должна была ехать обратно в дом родительский.

Радостные слезы и полные любви упреки встретили Ольгу Васильевну при свидании с родителями. Все здесь слилось в одно: и радость, и горе, и слезы, и строгие выговоры за нанесенное побегом оскорбление фамилии. Родители потребовали, чтобы Ольга Васильевна тотчас же оделась в приличное платье, потому что они не могли видеть ее в таком рубище, и, чтобы она, забыв о монастыре, осталась в родном доме. Но Ольга Васильевна с твердостью возразила, что, раз посвятивши себя Богу, она никогда не решится изменить своему непреклонному намерению, и, что простое платье для нее приятнее пышных нарядов.

Родители оставили дочь дома; они надеялись победить ее непреклонность своей родительской властью. Но эта надежда не сбылась: в течение 8-месячного пребывания в дому родителей, Ольга Васильевна не снимала с себя простого своего одеяния, пребывала в беспрестанных молитвах днем и ночью, строго постилась и всегда посещала храм Божий. В таких подвигах благочестия она не встречала препятствия со стороны родителей; напротив, мать ее и сама уже не вкушала скоромной пищи и каждый день неопустительно присутствовала при Богослужении. Наконец, после сильной борьбы любви родительской, сама мать ее начала убеждать своего супруга отпустить ее со всем приличием их звания в обитель, ею избранную, и наградить отеческим благословением. Согласился и родитель. И вот, 17 марта 1793 года на 20 году от рождения Ольга Васильевна приехала в Алексеевскую обитель, где настоятельница схимонахиня Марфа и сестры приняли ее с радостью.

Впоследствии посещали ее родители, Василий и Параскева; особенно часто в обитель ездила мать ее, которая

всеми была до крайности любима за великое ее благочестие и любовь ко всем сестрам, так что они называли ее своею бабушкою. Творили многие благодеяния обители и приносили в храм Божий богатые жертвы от усердия своего, как то: сребропозлащенные сосуды, Евангелие, богато украшенные иконы. Все это и доселе сохраняется в обители, как памятник благодетелей Стригалевых.

Ольга Васильевна, под руководством схимонахини Марфы, ревностно проходила разные обительские послушания, а в 1795 году 17-го же марта через отца Адриана тайно от человек, но явно Богу, приняла иноческий образ и наречена Олимпиадою. Отселе, прилагая усердие к усердию, тело удручая трудами, ум обучая послушанию, любви, смирению, чистоте, воздержанию безмерному, нестяжанию совершенному, терпению, она стала всем примером, всеми была любима и почитаема, приобрев от настоятельницы и от всех сестер особенное доверие, так что, когда настоятельница схимонахиня Марфа уезжала в Москву для приобретения пособий обители от усердных к ней благотворителей, то Олимпиада Васильевна с другой старшей сестрой Матроной Емельяновной исправляла все труды по должности настоятельницы обители. В 1813 году, по кончине настоятельницы схимонахини Марфы, все сестры единодушно избрали Олимпиаду Васильевну начальницей обители, но она со слезами умоляла оставить ее простою сестрою, говоря, что она готова исполнять и носить на себе весь труд будущей настоятельницы, только бы избавили ее от наименования начальницы. Делать было нечего, избрали настоятельницей уже весьма престарелую сестру Матрону Емельяновну. Но по воле Божией, тотчас по избрании, Матрона Емельяновна сделалась отчаянно больна и через 6 недель скончалась. Чтобы отклонить от себя жребий правления, Олимпиада Васильевна заперлась в своей келлии и уверила, что не выйдет из нее, пока сестры не выберут другую настоятельницей. Сестры находились в смущении и не знали, что делать. В то время проживала в обители одна, известная своей прозорливостью, блаженная Елена Афанасьевна, из рода дворян Дертьевых. Она передала Олимпиаде Васильевне записку с наказом хранить ее и почаше

прочитывать слова Иисуса Христа: *«приидите ко Мне все нуждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы; возьмите иго Мое на ся и научитесь от Мене, яко кроток есмь и мирен сердцем, и обрящете покой душам вашим, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть»*, – Спасителя моего слова, Иисуса Христа моего. Это указание на заповедь Христову склонило Олимпиаду Васильевну покориться воле Божией и избранию сестер. Об этом избрании представлено было на архипастырское благоусмотрение епархиальному преосвященному, и августа 13-го того же 1813 года, указом Нижегородский духовной консистории, она утверждена была настоятельницей.

По великому смирению, Олимпиада Васильевна тяготилась возложенным на нее бременем начальствования, что видно и из письма ее к родной своей сестре Прасковье Васильевне от 9-го октября 1813 года, где она пишет, что ездила к преосвященному и говорила ему, что бремя начальствования превосходит ее силы. Но владыка отечески увещевал ее и советовал уповать на Божественную помощь и подкрепление от благодати Св. Духа, действующего в немощных сосудах. Напутствованная милостивым и многократным благословением архипастыря, как она сама изъясняла в письме своем, возвратилась Олимпиада Васильевна в обитель, чувствуя себя облегченною в душе, как скоро себя и сестер вручила его архипастырскому покровительству. «Точно камень отвалился от сердца моего, писала она, и мрак, лежащий на душе моей, просветился, и, благодарение Господу! большую чувствую отраду».

По вступлении своем в должность, новая настоятельница не изменяла своего правила совершенного нестяжания и воздержания, даже до самой своей кончины. Мудро управляла она обителью, всеми была любима, не только сестрами, но и мирскими; все, знавшие ее, лично питали глубочайшее уважение к ее особе. Она была для сестер любвеобильною матерью, если по долгу настоятельницы она должна была в иное время оказать строгость, сделать выговор или наказание, то после этого она не могла успокоиться до тех пор, пока виновная не получит прощения. Она признавалась, что в тот

день, когда она знала, что досадуют на нее, она не могла прочитать молитву «Отче наш». Келейные сестры, зная это, всегда старались склонять виновных испросить у нее прощение. Олимпиада Васильевна одарена была от Бога даром слова: очень часто изустно делала она мудрые наставления при трапезе в общем собрании сестер, и слова ее лились, как бы она читала по книге. А когда она одержима была болезнью, и была необходимость в ее наставлении, она своеручно, лежа на болезненном одре, писала наставления, которые или соборно читались в трапезе, или по келлиям посылала читать доверенную сестру. Памятником ее простого, безыскусственного, но трогательного и могучего слова осталось завещание сестрам, найденное в ее бумагах в особенном конверте после ее кончины.

Олимпиада Васильевна имела особенную веру и усердие к Киево-Печерским угодникам, в честь которых был ею сооружен придел в холодной церкви, иждивением постоянного благотворителя обители и усердного почитателя настоятельницы, Шуйского купца Василия Максимовича Киселева, отзывавшегося о своем усердии вот какими словами: «мы веруем угодникам Божиим по описанию Богоугодной жизни их, тогда как сами мы их никогда не знали и не видели; как же мне не усердствовать к угоднице Божией Олимпиаде Васильевне, которую столь много знаю по жизни ее благоугодной, и притом лично счастлив знать ее?» Этот же купец устроил богатый сребропозлащенный ковчег, в котором хранится 29 частиц св. мощей, большей частью Киево-Печерских, приобретенных усердием Ольги Васильевны.

Еще живя в доме родителей, читая Жития Святых, она чисто останавливалась мыслью на молитве преподобного Феодосия Печерского, в которой он испрашивал от Господа Царствия небесного и водворения с преподобными для тех, кто будет погребен на месте их обители. В последние годы жития Ольги Васильевны эта мысль неотступно звала ее в Киев, и она дала обещание непременно ехать поклониться св. мощам угодников Божиих. В 1827 году она просила преосвященного Афанасия уволить ее в Киев; но в этот год преосвященный

просил ее не покидать сестер и обитель, и ответственность за неисполненное обещание ее принял на себя. Настоятельница повиновалась воле архипастыря. Между тем, в сонном видении она неоднократно сподобилась видеть преподобных отцов Антония и Феодосия, которые говорили: «мы тебя от себя не отпустим». Однажды на болезненном одре, как бы не спя, видит она себя перенесенною в Киево-Печерский храм и поставленною среди одного в сонме преподобных, которые шли в алтарь чрез отверстые царские двери, в которых стояли преподобные Антоний и Феодосий. Ольга Васильевна, испугавшись, старалась уклониться к западным дверям храма, как, в то же время, стоявшие сзади ее преподобные, подвинули ее к царским дверям и в алтарь, где преподобные Антоний и Феодосий, благословив ее, ласково сказали ей: «мы ждем тебя сюда к нам». И это видение воспалило в ней сильное желание отправиться в Киев на поклонение угодникам Божиим, и побудило обратиться с просьбою об увольнении к тому же преосвященному 1828 года. Она сделала это тайно от сестер, дабы прежде времени не беспокоить их вестью о разлуке с нею. К удивлению, преосвященный беспрепятственно уволил ее. Она была в неопisanном восхищении; но вдруг сделалась отчаянно больна и в одну ночь так была опасна, что не надеялись, что она проживет эту ночь. Все толпились около ее келлии в горести неисповедимой и боязни лишиться матери. В этом отчаянном положении она некоторым сестрам говорила, что имела намерение ехать в Киев, а теперь Господь зовет ее в иной, горний Иерусалим. Но на другой же день такую неожиданную получила отраду от болезни, что первое ее слово было: «видно, угодникам Божиим угодно, чтобы мне быть в Киеве». И действительно, мало-помалу поправляясь от болезни, вознамерилась она испробовать свои силы, понемногу начала выходить и даже замышляла делать приготовления к отъезду.

Когда всем стало известно об отъезде настоятельницы в Киев, то помещица Марья Михеевна Алфимова дала ей свою карету и своего кучера Андрея. 14-е число июня 1828 года назначено было днем выезда. Всем сестрам приказано было для прощанья собраться в большой Вознесенский храм.

Принесли настоятельницу на руках в церковь, посадили ее, едва дышащую от изнурения сил, на ее месте, против образа Божией Матери Утоления печали. Со слезами и воздеванием рук своих изливала она слабым голосом молитвы к Царице небесной, вручая сестер и обитель Матернему Ее покровительству. От громкого рыдания горестных сестер стон стоял в церкви. Этот день изобразить невозможно: надо было все самому почувствовать и все видеть. Замечая, что Олимпиада Васильевна уже чрезмерно ослабела, сестры взяли ее опять на руки и прямо из церкви посадили в карету. Рыдания не прекращались, пока из виду не скрылась карета любимой настоятельницы. С проводов возвратились сестры в обитель с неизъяснимой скорбью, как бы предчувствуя, что навсегда лишились своей матери.

При смене лошадей на первой же станции Олимпиада Васильевна как бы ожила. Приехавши в Саровскую пустынь, она уже могла беседовать с инокami. Во все путешествие до Киева, она едва-едва иногда переводила дух, а иногда опять как бы оживала. Когда где случалось подыматься на гору, выходила с трудом великим из кареты и шла пешком, потому что чрезмерно боялась подыматься на гору, сидя в карете. Иногда до того доходило дело, что мы страшились, не доехавши до Киева, оставить ее на дороге. Редко выходила она из кареты, даже по ночам, потому что в избе делалось ей дурно от духоты, а когда оставалась на ночь в избе, ночи никогда почти не спала и во всю ночь, как бы по книге, читала псалтирь, или что приходило ей на память. От сладости слышать ее, отходил и от нас сон: она молилась, а мы слушали. Иногда видели мы, что она весьма ослабевала, а когда нас замечала грустными, утешала и ободряла, что непременно Бог приведет нас до Киева доехать, делалась веселой и шутила с нами, чтобы нас утешить, или приказывала читать что-нибудь из книги св. Димитрия Ростовского. Во всю дорогу она жаловалась на ужасный жар и постоянно читала молитвы и Псалтирь с такими чувствами, что мы плакали. Когда мы подъезжали к Ельцу, там благовестили к обедне. Олимпиада Васильевна, чувствуя себя несколько лучше, приказала кучеру внести ее на руках на лестницу одной

двухэтажной церкви, потом сама вошла в нее и в продолжение всей Божественной службы стояла на коленях и, в землю кланяясь, плакала от радости. По окончании службы, опять вынесли ее на руках; до квартиры, хотя с трудом, но шла она пешком и, взошедши на постоялый двор, приказала подать бумагу и написала своею рукою следующее: *«видехом свет истинный, прияхом милости Отца небесного; пою с Давидом: нога моя ста на правоте в церкви; благословить удостоилась Господа, услышав Божественную литургию и насладившись сладкого пения»*.

Где только можно было, мы писали в обитель сестрам, и Олимпиада Васильевна подписывала, но запрещала писать, что она слаба, жалея сестер, «не перепугать бы нам их», скажет бывало. А иногда точно случалось, что мы были в отчаянии ее лишиться. Где только можно было, по городам и селам, настоятельница всегда почти сподоблялась приобщения Св. Таин. На Коренной ярмарке Олимпиада Васильевна выходила приложиться к чудотворной иконе Курской Божией Матери, служила молебен с акафистом в церкви. Приехавши в богатый город Курск, мы 2 часа проездили, ища пристанища: ни на постоялый двор, ни в дом никто нас не пускал; видя матушку столь слабую, везде отказывали в ночлеге со словами: «не надо нам больных». Кое как допустили внести ее в самую плохую избу. Хотя и были в Курске известные матушке благодетели и подъезжали мы к дому их, но и они отказывали. Везде была страшная остановка в почтовых лошадях по случаю войны и проходивших всюду войск и начальников. Приехавши в местечко Барвары, мы тут долго ждали. Матушке сделалось весьма дурно; она уверяла нас, что умирает, и, вероятно, угодники Божии не допускают ее доехать до Киева; мы находились в самом мучительном состоянии, видя Олимпиаду Васильевну совершенно истощенною в силах. Это было 3-го июля.

Наконец, с большим затруднением мы из Барваров выехали в 7 часов вечера и в 9 часов въехали в Киевскую крепость, в дом комендантши Аракчеевой. Настоятельнице угодно было ехать тотчас в Лавру; но так как уже поздно было, церковь

нашли запертой. Побежали попросить отпереть двери церковные, а матушку Олимпиаду Васильевну положили у дверей церковных совершенно ослабевшую в силах. К нашему несчастью, ключаря дома не было, и ключей не нашли; опять должны были страждущую мать воротить на квартиру. Изобразить невозможно восхитительную радость ее, что, наконец, после столь продолжительного, можно сказать, страдальческого ее путешествия, доехали мы до Киева.

По приезде в Киев, еще успела страдальца быть в Великой церкви 10 числа июля на праздник у всенощной и у обедни, была в восхищении, и Господь подкрепил ее силы. 11, в день своего ангела, также была у служб церковных, и в церкви приобщилась Св. Таин Христовых. Потом, едва дышащую, водили мы ее под руки в ближние пещеры, а на дальних не была; но телом своим там почивает.

С тех уже пор она постоянно отчаянно была больна; одно утешение и отраду имела в том, что Господь привел ей доехать до Киева; часто приобщалась Божественных Таин Христовых и с восторгом смотрела беспрестанно из окошка нашей квартиры на Великую церковь. В Киево-Печерской лавре не позволялось монашествующим исправлять каковые-либо требы, для этого устроена приходская церковь. Но, по благословению Его Высокопреосвященства, лаврский иеромонах Логгин, духовник Олимпиады Васильевны, сподоблял ее сам причащения Св. Таин, а также соборование, вынос тела по кончине ее и самое отпевание производились лаврским духовенством. Отпевание было монашеское; равно, и погребение тела ее на дальних пещерах произошло не без особенного Промысла Божия. Никого из умерших женского пола не хоронят в Лавре, даже самих братьев скончавшихся отвозят в Китаевскую пустынь, в 7 верстах от Лавры. При жизни еще Олимпиады Васильевны в Киеве скончалась одна богатая купчиха, приехавшая на поклонение св. мощам, и на вопрос нашей матушки: где ее положили? сказали, что повезли ее в пустынь. Матушка заплакала и сказала: «нет уже мне надежды быть погребенной в Киеве: я бедная, а она была богатая купчиха, и тоже желалось ей быть в Лавре положенною, но не сподобилась этого». Едва-едва г-жа

Аракчеева могла уверить Олимпиаду Васильевну, что будет стараться о погребении ее в Лавре. Но, однако, после нам говорила: «я только утешаю матушку, а этого быть не может, – в Лавре обычая нет погребать лиц женского пола».

Архимандрит, наместник Лавры, тотчас по кончине матушки, отправился к митрополиту, чтобы доложить Его Высокопреосвященству, что настоятельница Алексеевская скончалась. Митрополит сам благоволил спросить: где сестры желают ее положить? Наместник отвечал: «они желают положить хотя бы возле схимника». Преосвященный возразил: «нет это не место, схимник почивает на самой дороге, положите ее на дальних пещерах близ церкви». Наместник, удивленный такою Архипастырскою милостью, уже более ничего не мог ему сказать, боясь, как бы Владыка не переменял своего назначения. Получив такое неожиданное благословение, он возвратился к нам; мы выбежали к нему на встречу (он, царствие ему небесное! милостив и отчески снисходителен был к нам, сирым, во все наше пребывание в Лавре). Первое его слово было: «сестры! видно угодила Господу мать ваша; вон, какую милость Владыка оказал, вот где положить ее сам назначил!» Представьте же наше нежданное удовольствие! Мы вне себя были при всей нашей печали. Над телом ее читалось Св. Евангелие попеременно священниками, и в руки ее дан был св. крест кипарисный, по киевскому обыновению. Она, поистине, была крестоносица!

При последних днях жизни матушки, именно 2-го числа августа в 7 часов вечера вдруг входит к нам Никанор Иванович Посылин. Он ехал через Киев в Ромны на ярмарку и, услышав, что здесь настоятельница Алексеевской обители, пожелал видеть ее. Матушка его узнала и с большим усилием начала с ним говорить, но говорила так тихо и слабо, что едва можно было разобрать; с улыбкой доказывала, как приятно ей было его посещение. Он заплакал, неоднократно кланялся ей в ноги; прощаясь, опять поклонился и спросил матушку: «не имеете ли вы какой нужды?» Она едва выговорила: «батюшка! в дороге не без нужды». Посылин сейчас вынул 1 000 р. ассигнациями и положил ей под подушку. Надо было видеть чувствительность

страждущей матери! Она зарыдала, начала простирать слабые свои руки к небу и умиленным голосом произнесла: «воздай тебе Господи!» Он, простясь с нею, до свидания на возвратном его пути, вышел в слезах. Проводя его и увидев столь богатый подарок его, она с плачем сказала нам: «вот, сестрицы, кто этого ожидал? и знаешь ли, от кого милость получишь?» Мы действительно имели нужду в деньгах. Анна Афанасьевна г-жа Костылева, во время нашего пребывания в Киеве, прислала 500 руб. ассигнациями, но они почти все были издержаны, а нам предстояли еще страшные расходы. Надо было и возвращаться. Матушка вынуждена была через письмо из Киева просить известного благодетеля В. М. Киселева оказать нам помощь; но по некоторым обстоятельствам деньги от него долго не высылались и уже не застали нас в Киеве. На деньги г-на Посылина мы совершили погребение и возвратились в Алексеевскую обитель; и сверх того еще 150 руб. остальные привезены были в общину.

Какую неограниченную любовь имела матушка Олимпиада Васильевна к сестрам! При всех страданиях своих она никогда без особенного прискорбия не воспоминала о них: несколько раз собиралась она ехать из обители, хотя сердце ее было в Киеве, призывала несколько раз кучера и приказывала, чтобы готовился к отъезду, едва дышащая; а потом скажет: «да как же мне не ехать? Преподобные Печерские Антоний и Феодосий обещали мне, что не отпустят меня, а сестрам тяжело будет». И при самом почти исходе праведной души ее, она воображала, что она в обители, и приказывала нам исполнить последнее послушание, чтобы по келлиям читали Евангелие и нам также велела читать Евангелие о страшном суде. При самом исходе души ее приходил священник со Св. Дарами; но так как сутки еще не вышли, а она была уже приобщена по утру того дня, то и не решился приобщить, а прочитана была отходная для души ее молитва, и едва священник, благословив ее, вышел из двери, она испустила дух в мире, без малейшего страдания, взирая угасающим взором на поставленный пред одром ее образ Спасителя. Так скончалась мать Олимпиада на 56 году от рождения, 6 августа в 9 часов вечера 1828 года. Тело ее, как

выше сказано, вынесено, отпето лаврским духовенством и положено на дальних пещерах близ церкви Рождества Богородицы. Мир праху твоему, возлюбленная мать!

Впоследствии купцом Киселевым устроен на могиле Олимпиады Васильевны чугунный памятник с приличной надписью и решеткой, а в память ее принесены им в дар многие сребропозлащенные утвари для Киева-Печерского храма на дальних пещерах, где покоятся останки матери нашей Олимпиады. Вот какую заметку встречаем мы в журнале «Сын Отечества» за 1829 год: «Настоятельница знаменитой Арзамасской общины Ольга Васильевна Стригалева принадлежит к малому числу тех умных и необыкновенных особ, кои повсюду оставляют следы добродетели. Претерпевая несносные страдания от недуга, коего жестокость лишает ее малейшего движения, а нередко и самых чувств, Ольга Васильевна управляет сею общиною 25 лет и заслужила уважение от всего города, любовь и неограниченную преданность сестер, все, кто ее лично знает, питают глубочайшее уважение к ее особе. Надобно быть в Алексеевской общине, чтобы собственными наблюдениями проверить мои беспристрастные замечания, надобно, повторяю, видеть все мудрые распоряжения Ольги Васильевны и нерушимый порядок, постоянно царствующий в обители, иначе все похвалы мои не заслужат полного доверия. Она начертала превосходный план для главной церкви в общине. Все послушницы участвовали в устройении сего храма. Недавно услышал я, что почтеннейшая настоятельница Ольга Васильевна скончалась, и всеобщая скорбь жителей Арзамаса знаменовала смерть ее»⁹.

Священник Максим

(Память 7-го августа).

В с. Тулиголове (Глухов. уезда) жил священник о. Максим Фомин, известный в приходе по глубоко благоговейной жизни. Старики, лично знавшие его, рассказывали, что он был весьма кроток и бескорыстен в высшей степени: за требы довольствовался и куском хлеба. До самой смерти не переставал служить Господу; когда за великою слабостью не мог прийти в церковь, он призывал к себе причетника, и тот читал ему дневную службу; без слушания службы не проходило у него дня. Скончался он в 1810 году. Прошло сорок лет. В Тулиголове вздумали строить каменный храм в честь Успения Богоматери. При копании рвов для фундамента храма, открыт был дубовый гроб священника Максима Фомина; тело покойного, облачение, крест в руках – оказались целыми. Гроб стоял на открытом воздухе 10 дней, и не последовало никакой перемены с телом и одеждою почившего. Над гробом вывели арку, и сокрыли его под правой стеною храма; на стене прибили медную доску с надписью: «на сем месте погребено тело умершего в 1810 г. священника Максима Фомина»¹⁰.

Схимонах Иоанн Валаамский

(Память 7-го августа).

Схимонах Иоанн, в мире Иларион Родионов, происходил из крестьян деревни Рогалева, Ярославской губернии, Пошехонского уезда, Верещагинской волости. Родился в 1810 году. Родственники его были раскольниками. Иларион Родионов в детстве был обучен грамоте. Вблизи его родины находится Адриановский-Пошехонский монастырь, в котором открыто почивают мощи преп. Адриана Пошехонского. В годы юности Илариона в этой обители был один старец подвижнической жизни и богатый мудростью духовною. Иларион посещал эту обитель. Беседы старца благотворно подействовали на живую и восприимчивую душу юного раскольника. Юноша вскоре раз навсегда оставил раскол и около четырех лет прожил в Адриановском монастыре послушником. В 1835 году 25 лет от роду, Иларион прибыл на Валаам, при игумене Вениамине. Ревнуя о подвижнической жизни, он проходил дело святого послушания со всем усердием. Здесь же обрушилась на него и брань от дьявола. Об этом сам о. Иоанн рассказывал впоследствии так: «в первоначальное поступление мое на жительство в число братства Валаамской обители, дьявол восстал на меня с обычною своею адскою злобою и понудился вытащить меня опять на мирскую жизнь. Однажды прибывающе мне в моей келлии, – тогда я был на послушании келейником у о. наместника, – ночью дьявол вошел в мою келлию чувственным образом, в виде седого старика, схватил меня за ногу и потащил вон из келлии, приговаривая: выходи вон из монастыря! При таком дерзком его поступке, пришлось мне скакать на одной ноге до дверей келлии, где сатана отпустил ногу, сам исчез, а я, оправившись, стал на обе ноги и обратился молитвенно к Богу. После такого видимого дьявольского искушения постигло меня невидимое искушение от того же врага: меня стали смущать мысли, чтоб я возвратился опять в мир. Ни помощь сему искустителю явились и мои родственники, которые стали писать мне, чтоб я возвратился обратно в мир,

обрисовывая мне всю красоту мирской жизни. В это же время, какими-то путями, при всей затруднительности сообщения в то время, добралась до Валаама родная моя сестра, которая тоже стала упрашивать меня убедительно, чтоб я возвратился опять в мир. Так, Богу попускающе, мысленный враг всеми искушениями, видимыми и невидимыми, со всех сторон окружил меня: я стал колебаться. Притом, рассуждал, что, если жить в монастыре, то прежде всего нужно достать увольнение. Под этим, как будто добрым, предложением я выпросился у о. игумена Вениамина съездить домой за увольнением; о. игумен отпустил, и я поехал. Врагу человечества это и нужно было – под каким бы то ни было предложением исторгнуть меня из монастыря. Когда я возвратился в мир, тут обступили меня все прелести мира сего: родные мои стали уговаривать меня жениться, обещая многое. При таких сильных убеждениях, искусивших меня, я стал склоняться; прежнее мое усердие к иноческой жизни стало ослабевать; я согласился на предложение родных – женился – тут и конец всему: Богу попускающе, враг свое сделал. Стал я жить обыкновенною мирскою жизнью; торговал, ездил в Нижегородскую ярмарку, все шло по внешности как будто бы ладно, разумеется – не без кораблекрушения душевного. Но вот, милость Божия снова явилась на мне. Жена моя, с которой недолго пришлось жить, и дети мои померли. Лишившись любезных моему сердцу, я как бы от сна проснулся, снова прозрел душевно и увидел, куда я уклонился от истинного Божьего пути, увидел, что в мире сем все суэта суетствий, оставил все и снова возвратился на любимый мною Валаам, уже при игумене Дамаскине в 1840 году».

Поступив вторично на жительство в Валаамский монастырь, Иларион три года прожил без приписки к монастырю. 27 февраля 1843 года, формально, по указу, определен в послушники, а 6 августа 1847 года пострижен в монахи и наречен Иринеем. Старательно и послушно нес он все тяжелые послушания, возлагавшиеся на него игуменом Дамаскиным. Занимался с усердием обработкой полей, уборкой и молотьбой хлеба, к чему не был подготовлен жизнью в мире, где вел

торговлю. Кроме того, на нем продолжительное время лежало еще одно послушание – поездки по озеру в гор. Сердоболь (в 40 в. по воде) с почтой и по другим монастырским надобностям. В этих поездках часто приходилось ему подвергаться всем неудобствам пути по озеру в разные времена года. Раз, он зимою ехал по льду с почтою на лошади. Когда пересекал перелом льда, лошадь у него провалилась в перелом. Он был один; помочь вытащить лошадь некому было; долго он бился, вытаскивая ее; наконец, выбившись из сил, он обратился молитвенно к своим покровителям, преподобным Сергию и Герману, Валаамским чудотворцам, и простосердечно воскликнул: «Преподобные отцы Сергей и Герман! вы видите, что я один не могу лошадь вытащить и вот уж из сил выбился. Неужели вы попустите, чтобы монастырская скотина погибла? Это будет монастырю ущерб и мне скорбь – помогите мне!» С этими словами он взялся снова тащить из воды лошадь, – и что же? Лошадь он легко вытащил и поехал дальше. Сохранились две заметки, писанные покойным собственноручно и относящиеся к его опасным путешествиям по Ладожскому озеру, которые обрисовывают его глубокую веру. В них инок писал так.

1) «1842 года, месяца декабря, 28 числа, с почтой из деревни Отсонен пошли в двенадцатом часу поутру. Пошли на озеро. Четыре человека нас было. Отошли от берега в озеро на Валаам. Отошли от берега шесть верст. Подул ветер меженик, сильный. Тогда лед оторвало от берега, понесло в озеро, начало ломать, переломало в полчаса. Лед толщиной в два вершка. Мы бежим по льду, перескакиваем по льдинам. Сломало на штуки (на куски). Лед идет в море (в озеро). Добежали до половины озера – перелом в 10 сажень ширины. Тогда я побежал, нашел льдину – четырех человек подымает. Встали на льдину, помолились на монастырь, угодников просили на помощь Сергия и Германа, Николая Чудотворца, и перенесло (через) перелом. Опять побежали вперед. Добежали до другого перелома, в 60 сажень ширины. Я опять нашел льдину. Помолились на монастырь и встали на льдину. И понесло нас. Страшно было нам стоять: боялись, что сломает (льдину) волной. На льдине воды было 2 вершка. Перенесло

перелом. Опять побежали вперед. Лед идет в море (в озеро). Мы бежим по льдинам, перескакиваем по льдинам. Лед гладкий (скользкий). Нельзя было в сапогах идти. Сняли сапоги, в чулках шли, сапоги в руках несли. Какое мучение нам было! Стало темнеть. Остров недалеко, полверсты не пробежали до острова. От острова лед сто сажень ширины. Попасть нельзя на остров. Кругом вода. Лед остановился напротив скитских гор. Прибежали – темно стало. Бегаем, греемся: на ногах чулки мокрые и портянки (мокрые). Ногам холодно очень. Пришли к острову в 8 часов вечера. Морозу 12 градусов. Дожидались, когда замерзнет перелом, – до первого часа дожидались. Пришли на Предтеченский остров во втором часу пополудни. Ночевали в рыбацкой избе. Поутру встали – смотрим: лед унесло, чисто на озере. Какой страх был нам смотреть: только перешли на остров, лед унесло в море (в озеро). Пришли поутру в монастырь, рассказываем о своем путешествии. В мою бытность, на озере восемь раз лошадь в переломах проваливалась по уши. Иногда один едешь на берег. Три раза случалось на озере ночевать с лошадью. Погода со снегом страшная; с дороги собьешься в сторону. Я возьму – лошадь выпрягу, к саням привяжем. С мальчиком сами в санях сидим, до свету дожидаем. При игумене Дамаскине случилось». 2) «1864 года, месяца октября, случилось нам на озере. Отправились от Никольского острова в озеро на почтовой лодке, при одном парусе; ветер был сильный, в десять часов поутру. Бежали до берега 2 часа. Водой забрызгало; одежда на нас замерзла; переябли на лодке. Не пробежали до залива 50 сажень, – вдруг ударил ветер из залива навстречу паруса: тогда понесло лодку к острову Хабасар. Волны катят со всего озера на остров. Бросает на десять сажень. Рассыпается волна по камням. Страшно было смотреть нам. Тогда несло лодку к острову. Тогда видели смертный час. Ожидали, когда лодку донесло до острова. Мы думали, – ударит лодку о скалу. Лодка дошла до скалы, не стукнулась, остановилась легко. Тогда народ бросился на берег с лодки. Полминуты времени не было – волна покрыла нас на камнях. Сажень воды было, но скоро назад ушла. Тогда далеко убежали на гору. Когда в воде были,

лодка не пошла через нас. Когда убежали далеко, тогда лодку бросило далеко на камень, от воды 8 сажень. Тогда благодарили Бога и угодников Сергия и Германа, и Николая Чудотворца: они нас спасли от великой беды. Тогда помолились на монастырь, благодарили Бога, что остались живы, и угодников наших Сергия и Германа, и Николая Чудотворца: они нас сохранили. Час пополудни. Тогда побежали на гору острова. Кругом острова вода: нельзя попасть с острова; лодок нет; от острова до деревни две версты. Бегали по острову, кричали. Никого не видать. Устали бегать, не можем и ходить. На всех одежда мокрая, ничего сухого не было. Одежда замерзла на нас. Ноги – как чурки стали. Очень трудно было нам. Мы думали – погибнем от морозу, и спички у всех подмочило. Однако достали огонь. Благодарили за огонь Бога и угодников наших Сергия и Германа, и Николая Чудотворца: они нас сохранили от великой беды. Огонь достали в девять часов вечера. Дрова сырые, не горят. Ветер со снегом. До свету стояли у огня. Дым. Глаза изъело дымом. Сена нашли стожок. Закладали за одежду – полегче стало нам от сена. Хлеб унесло – нет хлеба. Сутки без хлеба жили. Поутру сделали плот из жердей и переехали на берег. Достали лодку, приехали на остров Хабасар за нами и перевезли в деревню, на остров Самосар. Народу на лодке 13 человек. Одежда худая на них: народ бедный. Остров вышины 40 сажень. Лесу мало очень, чистый каменный. Остров Хабасар от монастыря расстоянием 23 версты. При игумене Дамаскине случилось. Лодку сломало о камень. Хоть сами спаслись, слава Богу!» Из этого уже можно видеть, как было тяжело такое послушание и как оно закаляло дух подвижничества!

Был он также на послушании в просфорне. Как человек грамотный, исполнял и чреды церковного чтения по несколько раз в неделю. Обладая приятным тенором, он принимал участие и в клиросном пении.

По времени, его хотели посвятить во иеродиакона. В этом деле он прибежал за советом к игумену Дамаскину. «Батюшка! сказал он о. Дамаскину: от вашего предложения принять мне сан священства я хотел бы отказаться, ибо сознаю свое недостойнство; но, чтобы впоследствии не тревожила меня

мысль, что я сделал это по своей воле, без совета настоятеля, решите вы сами: идти ли мне в священство или нет?» – Мудрый настоятель, подумав мало, сказал ему: «да, священство – великое дело; приняв священство, надо быть житием как ангелу, а человек немощен: оставайся-ка так, простым монахом». – Приняв решение от настоятеля, как от Самого Бога, он остался в спокойствии духа на все продолжение своей жизни.

Когда он проходил разнообразные послушания, между прочим, ему поручена была должность келлиарха, в которой он пробыл много лет в трудное для Валаама время, когда здесь было не мало подначальных. Келлиарх, по самому роду своего послушания, имел самые непосредственные отношения и к братии, и ко всем живущим в монастыре. Отец Иринея был весьма близок к игумену Дамаскину, и последний, зная в нем истинного послушника и всегда верного исполнителя своих приказаний и поручений, посылал его для увещания буйных подначальных, чтобы они имели покорность к настоятелю, сами не бунтовали и не мучили братию. Нередко, возвратясь от них, он доносил настоятелю: «Батюшка! был я, по вашему благословению, у подначальных, для увещания; но они до того разбушевались, что пишут на вас донос и уверены в своем предприятии, – что много наделают вам зла. Мудрый настоятель, исполненный упования на Бога, имея залогом безупречную совесть и чистоту своих действий и намерений, говорил ему с твердостью духа: «не бойся, чадо! Все эти возмутители, восстающие против власти, Богом поставленной, скоро исчезнут и сами впадут в яму, которую искапывают». – Это и действительно сбывалось в точности. Тяжелая пора таких буйных подначальных по времени миновала Валаам благополучно.

Игумен Дамаскин любил о. Иринея и в своих путешествиях по островам в окрестности Валаама часто брал его с собою. И тут случалось, что слабый весенний лед, по которому они переходили, ломался под их ногами, и приходилось проваливаться; но, хранимые благодатью Божией, они освобождались от опасности и продолжали свой путь по делам послушания благополучно.

Отец Ириней всегда имел желание удалиться на пустынное житие. Игумен Дамаскин похвалил его доброе намерение, но время еще не пришло. Наконец, при основании Предтеченского скита, в 1857 году, рука отца Ириней первая начала рубить лес, очищая место для скита в честь Предтечи Господня Иоанна. Но создании скита, он первый и поселился на жительство в этом скиту, при самых постнических условиях жизни; а впоследствии, при пострижении в схиму, 13 августа 1870 года, получил и имя великого угодника Божия – Иоанна.

С лишком тридцать лет подвизался о. Иоанн в Предтеченском скиту. Подвиги о. Иоанна здесь были необычные; труды – превосходящие силы; молитва – непрестанная. Молиться он любил более в церкви: в келлию же свою приходил только для чтения отеческих книг и для краткого отдыха. Он говаривал: «зачем мне в келлии молиться, когда у нас есть две церкви? Ведь, в церкви обитает Сам Господь: за то и мне утешительно тут совершать молитвенные подвиги, и я тут – как на Фаворе с Господом, осияваемый небесным светом». С глубокой ночи он приходил в церковь и тут впотьмах, без огня, упражнялся в молитве, богомыслии и полагал много поклонов. Когда же приближалось время общего утреннего правила, он обходил по пустынькам (отдельным домикам скитским) и приглашал старцев на утреннее славословие, которое нередко совершаемо было и без огня, наизусть. – «А что забудешь, – говорил смиренный пустынный, – падешь ниц и своей малоумной молитвой дополнишь. Слов не хватит, слезами. Оно, точно, как следует и выходит». Обыкновенно пустынножители Предтеченского скита собирались на общее молитвенное правило зимою в нижнюю (теплую) церковь во имя трех Святителей, а летом – в верхнюю (холодную) во имя Иоанна Предтечи. Отец Иоанн всегда, невзирая и на зимние морозы, после общего молитвенного богослужения, уходил в верхнюю церковь и там пребывал долго, совершая в алтаре, пред Распятием, стоящим на горнем месте, множество земных поклонов, так что от поклонов его на этом месте образовались на полу знаки. «Зачем ты, о. Иоанн, – спрашивали подвижника, – в такие морозы ходишь молиться в верхнюю церковь? Ведь,

там холодно. Не лучше ли тебе молиться в нижней церкви? Там теплей». – «В холодной церкви, – отвечал тот, – мне не так жарко класть определенные схимнические поклоны, которые я обязан каждодневно исполнять». – Четки в руках у о. Иоанна постоянно были в действии, он всегда перебирал их с молитвою; а на плечах у мантии всегда можно было видеть либо большие заплатки, либо пробоины от постоянного удара по этим местам при совершении крестного знамения во время поклонов.

Отец Иоанн был довольно словоохотлив, – что, впрочем, вытекало из самых светлых, привлекательных качеств его личности: добродушия и чистоты сердечной. Он любил говорить и умел говорить хорошо, складно. С первоначального поступления своего на жительство в Предтеченский скит, о. Иоанн, с благословения игумена Дамаскина, предпринял великий подвиг – подвиг молчания, в котором провел четырнадцать лет. Игумен Дамаскин дал ему такой урок: «вот ты, о. Иоанн, считай себя недостойным говорить с людьми, – молчи. Говорить, или беседовать, разрешается тебе только с Богом, в церкви, при совершении молитвенных славословий, и, в случае нужды – с настоятелем и с духовником, при откровениях и исповедях». Так он и проводил свою жизнь в молчании, хотя с прочей братией постоянно находился на общих трудах, как то: в возделывании огородов, садов, в лесных работах и т. п. Со всеми и всегда держал себя так, как бы вовсе не умел говорить; в церкви же, при богослужении, пел и читал громко. Легко ли было совершить такой подвиг человеку словоохотливому, а главное – легко ли было привыкнуть такому человеку к безмолвию? – может рассудить всякий. Между тем, о. Иоанн пробыл в совершенном молчании четырнадцать лет! О. Дамаскин, испытав его послушание, и чтобы тот не возгордился своим подвигом, приказал ему разрешить молчание и снова говорить, как обычно, сказав ему: «ну, о. Иоанн, ты недостойн такой великий подвиг нести; говори опять, как и обычно». И смиренный подвижник с чистосердечной покорностью принял это приказание настоятеля, и с тех пор стал опять говорить со всеми.

В Предтеченском скиту о. Иоанн прожил все 30 лет, при самом строгом постническом уставе. Пища там определена всегда постная, исключительно растительная; рыбную или молочную пищу не допускается употреблять никогда, хотя бы даже и в великие праздники; даже и чай пить не дозволялось. При таких постнических строгих правилах, он всегда был легок, весел и здоров. Оставшееся от молитвы время он употреблял на совместные работы с прочей братией: пилил в лесу дрова, проводил по острову дороги, возделывал сад и огород, а в зимнее время делал из осины лукошки и плел из ветвей мебель и корзины для монастырских надобностей.

Отец Иоанн и по времени своего долголетнего пребывания, и по возрасту был старшим в Предтеченском скиту, хозяином скита – что касается несложного его управления, а для младших членов скитского братства был, сверх того, руководителем в жизни духовной, наставником, учителем и живым примером для подражания.

По пострижении в схиму (13 августа 1870 г.), о. Иоанн пробыл в Предтеченском скиту еще более пятнадцати лет. В бытность свою здесь он лишился одного глаза. Проходя из церкви через сад, он наколот глаз сучком яблони. Хотя глаз впоследствии и зажил, но все-таки о. Иоанн ослеп на этот глаз. Однако благодушный старец не скорбел об этой потере, а, шутя, говаривал: «Будет с меня и одного глаза, слава Богу: Бог оставил мне хоть один глаз, я все-таки могу с ним читать и Евангелие, и акафисты, и кафизмы». Давно уже, еще в 1872 году, зачисленный по указу, в заштат, в число больничных, он еще долго-долго после того продолжал оставаться одним из самих деятельных и трудолюбивых членов братства, – дотеле, доколе позволяли силы. Наконец, старость (тогда шла уже вторая половина восьмого десятка лет его жизни) начала давать ему чувствовать себя изнеможением сил телесных, но только телесных, и отнюдь не духовных: духом он оставался бодр даже до последних дней своей жизни. В виду ослабления телесных сил, ему благословлено было настоятелем из Предтеченского скита перейти на жительство в Коневский скит – тоже постнический, но с той разницей, что в Коневском скиту

чай был дозволен, а старцу не излишне было согреть иногда себя чайком, поддержать свои упадавшие силы, чтобы они могли понести обычные подвиги. По здешь он недолго пожил. Шли годы. Время брало свое. Старческие силы слабели все более и более. Чтобы не дать ему дойти до полного истощения сил, он был переведен из Коневского скита в монастырскую больницу, где и прожил до самой своей кончины.

В монастыре, в больничном корпусе, он проводил жизнь так же, как и в пустыни. Обычно шло у него келейное правило, состоявшее из нескольких сот поклонов, чтения Евангелия и Псалтири. Кроме того, читал и отеческие книги. Хотя он читал и одним глазом, но видел хорошо. Ежедневно неопустительно посещал все службы церковные: утрени, обедни, вечерни, всенощные, и притом, всегда выстаивал все службы с начала до конца. Обычно приходил он в церковь много раньше начала службы и до обедни вычитывал акафисты Спасителю и Божией Матери. Слух, с течением времени, стал у него слаб, и он, для слушания чтения в церкви, подходил ближе к чтецу и стоял, слушая, у самого аналая. «Ведь, слово Божие, – говаривал он, – это пища для души. Как же я, стоя далеко и не слыша, буду лишаться душевной пищи?»

В последние дни своей жизни о. Иоанн ходил уже как тень, в совершенном изнеможении сил; и виделись у него одни кости, кожей обтянутые. Простаивая продолжительное всенощное богослужение, он изнемогал до последней крайности, но оставить службу и уйти не решался. За всенощной подойдет, иной раз, к настоятелю, о. игумену Гавриилу, своему бывшему ученику. Поклонившись земно и взяв благословение, поцелует и наперсный крест у настоятеля, и скажет: «ах, как я изнемог, едва-то-едва стою: сколько раз покушался уйти из церкви, да все перемогаюсь; вот уж скоро и конец всенощной, как-нибудь авось и достояю: ну, да некуда меня беречь: таковский стариченко, да и поют-то хорошо: уйти не хочется: к двенадцати часам, наверное, кончится всенощная». Иногда о. Иоанн ходил помолиться в часовню, недалеко от монастыря.

Нередко в церкви подходили к нему мирские люди, желая слышать от него слово назидания. Он смиренно отвечал им:

«что полезное хотите вы услышать от меня – бесполезного? Я – козлище, никуда негодное, пустосвят; я вас всех прельстил, оделся в монашеское схимническое одеяние, как будто бы что и значу; ничего я не значу, все пустота, хочу только начало доброе положить, да все не могу никак, с своей ленью не справишься». И он действительно до самой кончины всегда считал себя хуже и ниже всех, и еще не положившим доброго начала духовной жизни: он водился духом истинного смиренномудрия. Нередко случалось, что игумен Ионафан (управлявший обителью после Дамаскина и скончавшийся в 1891 году), испытывая о. Иоанна, по какому-нибудь совершенно ничтожному случаю начнет жестоко укорять его и назначит в наказание большое число земных поклонов. Что же? Старец начнет себя еще более того укорять, считая себя достойным больших наказаний и укоризн, встанет на колени и просит сильнейшего наказания. «Мало мне этого, накажите больше». Игумен посмеется, бывало, и скажет: «ну, что с тобой делать: ничем тебя не одолеешь: ты смирением все побеждаешь». И смирение это отнюдь не было лицемерным. Нестязательность осталась с ним неотлучно и до гробовой доски: и в последние годы его земной жизни, в монастырской больничной келлии, у него была совершенная пустота, ничего лишнего, только иконы, четки, мантия, книги необходимые. Случалось, что кто-либо из братии или благотворителей даст ему чайку. Чтобы не оскорбить отказом, он примет, а потом принесет к настоятелю. «Возьми, батюшка! Куда мне его? Ведь, чужое, терние жать я не в силах, в пору свое пожинать, да и то не могу. Спасибо им, добрым людям, не забывают старика; да у меня-то он лишний». Многие из братий и из мирских людей прибегали к нему за духовным советом и утешением, открывая ему свои душевные раны и скорби, и прося его молитв. Самая наружность его привлекала к себе. От его облеченной в схимническое одеяние высокой, сухопарой фигуры веяло какой-то необычайной простотой и святостью. Бодрость духа, побеждающая немощи телесные, неизменно сияла на привлекательном лице убеленного сединами старца.

Отец Иоанн отнюдь никогда не был суров с людьми, не отталкивал от себя людей, а напротив, был приветлив и готов был братски поделиться богатством своего чистого, любвеобильного сердца и своей духовной опытности.

Почти шестьдесят лет о. Иоанн прожил в Валаамском монастыре и всегда свято соблюдал обеты иночества. После многолетнего иноческого подвига, как он был полон детской простоты, по непреложному обетованию Спасителя, отверзающей врата царствия небесного!

Отец Иоанн был чистейшим и прекраснейшим образцом истинного монаха, глубоко верующего, кроткого, смиренного, простого, чистого сердцем, монаха-подвижника, монаха молитвенника. За неделю до смерти старец, чувствуя все большее и большее изнеможение сил телесных, сознавая, что он иногда своим словоохотливым языком лишнее что-либо скажет, и памятуя, что за каждое слово праздное предстоит нам дать ответ на страшном суде Божиим, возжелал вновь предпринять прежний подвиг – совершенного молчания – и пришел к о. игумену Гавриилу с просьбою: «Батюшка! повесь опять замок на мой язык; а то я иногда забудусь и наговорю лишнее». Отец игумен похвалил его доброе желание, дал ему заповедь молчать пока на Успенский пост: «а далее, – сказал, – что Бог устроит, посмотрим». С 1 августа 1894 года о. Иоанн и начал подвиг молчания. Промолчал пять дней. Тем временем, болезнь телесная – онемение ноги – дала ему почувствовать, что он скоро навеки замолчит. 6-го августа, в день праздника Преображения Господня, он уже не мог прийти в церковь, лежал на постели в изнеможении сил, но в полном сознании, которое он сохранил до последней минуты своей жизни. Многие из братьев приходили посетить его, болящего, ибо все искренно любили его за кротость, смирение и простоту, и глубоко уважали за его подвиги. Пришел, конечно, и настоятель. Все прощались со старцем.

– Ну, иди с Богом, коли собрался в вечную жизнь, сказал на прощанье о. игумен и благословил старца.

Вечером о. Иоанн стал еще более слабеть и изнемогать. Ему прочитали отходную. А в воскресенье, 7 августа, в 9 часов

утра, в начале поздней обедни, старец тихо и мирно предал душу свою Господу. Троекратным ударением в колокол возвещено было всем обитателям Валаама о кончине глубокоуважаемого старца. На литургии стали поминать о упокоении новопреставленного схимонаха Иоанна. Скончался он на 85-м году от роду, прожив на Валааме под тремя именами: послушника Илариона, монаха Иринея и схимонаха Иоанна – всего около 60 лет.

Тело почившего три дня стояло в церкви Живоносного Источника. Братия и многие посетители, уважая почившего старца, непрестанно служили по нем панихиды.

9-го августа настоятель с собором священнослужителей отпевал тело почившего подвижника. Не в пример прочим, святолепное лицо его было открыто для последнего зренья на него искренно любивших почившего братий и посетителей. Лик о. Иоанна был весьма благообразен и как бы в молитвенном настроении, полон невозмутимой тишины, благостного мира, безмятежного покоя. Его изможденное тело, невзирая на летнюю жару, не издавало ни малейшего трупного запаха. Почившего предали земле на монастырском кладбище под сенью каменного общего креста¹¹.

Старец Адриан, иеромонах Югской Дорофеевой пустыни

(Память 7-го августа).

Старец Адриан родился в 1800 году, в селе Семеновском Пошехонского уезда, Ярославской губернии. Он был сын диакона. В св. крещении был назван Андреем в честь св. Андрея Критского. В благочестивой семье родителей, он с самых малых лет проникался духом благочестия и любовью к св. храму и, будучи еще малюткой, нередко уползал на церковное крыльцо и там молился Богу. Когда же стал подрастать, нередко уходил в самые укромные уголки и там молился. С раннего детства Андрей был обучен чтению, отличался тихим нравом и послушанием. Праздности не любил и всегда чем-нибудь занимался: приучал к постоянному делу и своих малых сестреноч. Страх Божий и живое чувство Божьего вездесущия были отличительными чертами его характера. С самого раннего детства Господь хранил Своего избранника, и видно было, что из этого мальчика впоследствии будет человек необыкновенный. Когда Андрей был еще небольшим, раз поднялся в селе сильный ураган; мальчика захватило порывом вихря и сажень на 15 подняло от земли. Уже думали, что при падении он совсем разобьется. Но что же случилось? Невидимая сила тихо поставила мальчика на землю на ноги!

Когда мальчик подрос, его отдали в духовную школу. Учился сначала он в духовном училище, потом в семинарии. Учился мальчик очень хорошо и отличался редким, примерным поведением. А в свободные от занятий часы погружался в чтение Пролога, Четьих-Миней; слово Божие было постоянным его любимейшим чтением. Никто не видал его без дела, и никакой дурной пример товарищей не мог повлиять на него развращающе: юноша весь был проникнут страхом Божиим, и этот страх удерживал его от всего дурного.

К начальству и старшим Андрей был почтителен и вежлив. С товарищами добр и кроток. Имея скудные средства, он не только не тяготился этим, но еще пользовался этим, как

поводом, для провождения жизни воздержной, чисто постнической. Юноша резко выделялся своими нравственными качествами, и, если обыкновенные люди, погруженные в сутолоку будничной жизни, этого не замечали, то замечал живший в то время в городе юродивый. Его чистому взору было видно, как быстро зрел в духовной жизни этот мальчик. И когда тот выходил из класса, блаженный часто с любовью брал его на руки и, высоко поднимая на воздух, говорил о будущем призвании отрока.

Духовная школа не удовлетворяла юношу. С ним произошло то же, что ранее было с великим старцем Паисием Величковским, творения которого так любил впоследствии о. Адриан, – он не выдержал и оставил школу, чтобы всецело отдаться иноческой жизни; к ней чувствовал сильное влечение, которое еще более окрепло под влиянием религиозно-нравственного чтения. Юноша, под предлогом скудости средств, уволился из семинарии, к искреннему прискорбью начальства и наставников, которые очень его любили. Мирно оставил духовную школу юноша, чтобы идти школою сурового иноческого подвига.

Расставшись с миром, юноша на двадцатом году жизни направил свои стопы в обитель преподобного Адриана; эта обитель находится в Пошехонском уезде Ярославской губернии.

Тридцать лет, даже немного более, провел подвижник в этой обители. Здесь он принял постриг с именем Адрана в честь преподобномученика Адриана, Пошехонского чудотворца. Здесь он прошел тяжелую тропу нравственного развития; здесь вынес суровую брань с бесами и здесь же явился и добрым другом страждущего душевно и телесно бедного человечества, старцем и руководителем многих по пути к спасению!

Руководясь наставлениями святых отцов-подвижников, Исаака Сирина, Лествицей которого он уже давно назидался, Андрей, поступив в обитель, постоянно пламенно прибегая в молитве к преп. Адриану, отдал себя в полнейшее послушание старцу-иноку строгой жизни, по имени Иннокентий. О. Иннокентий был муж замечательной жизни. Он был начитан в творениях отцов-аскетов, и это отеческое учение об иноческой

жизни он опытно прошел путем сурового подвига. Старец душевно обрадовался такому ученику. Он был строг с ним и взыскателен даже в самых незначительных мелочах. Памятником духовной опытности и образования этого старца служило подробное жизнеописание преподобномученика Адриана и ученика Леонида; так же акафист преподобномученику Адриану.

В духовной радости старец так говорил юному ревнителю совершенной иноческой жизни: «Андреюшко, я в тебе замечаю особенную любовь к жизни монашеской и горячее усердие понести труд ее ко спасению твоей души. А как для этого нужен опытный руководитель или достаточное пособие чрез книги монашеские, коих на первый раз достать тебе трудно, так отдайся мне в послушание. Я, хотя не опытен в духовной жизни, и не посвящен в ее тайны, но много начитан и богат познаниями о ней, которые и хочу передать тебе для делания твоего, к коему ты имеешь великое усердие. Оселок-то хоть туп, да бритву точит. Только, пожалуйста, будь терпелив, сноси мои немощи, слушайся меня во всем. Будет тебе великая польза от того, а мне утешение, ибо, как горько было бы мне умереть, не передавши кому-либо моих познаний! Теперь же я, на старости лет, буду в приятной надежде на милость Божию, через твое спасение, при моем руководстве к нему». Он наставлял своего ученика не столько словами, сколько делом. Приучая к молчанию, которое имеет такую нравственную ценность и вообще в жизни человека, особенно же инока, старец учил больше намеками, чем речами. Принесет поленце, – значит Андрею следует топить печку, нужна вещь какая-либо, – только посмотрит. Конечно, не сразу научился Андрей понимать желания старца, однако освоился скоро: этим безмолвным руководством старец развивал в Андрее внимательность, умение владеть своим языком и самособранность духовную. При опытном старческом водительстве, юный подвижник быстро преуспевал в добродетелях иноческой жизни.

Он был усердный уже тогда молитвенник. Неопустительно посещая службы, он сосредоточенно молился в храме и келлии. И молился часто до совершенного изнеможения. Впоследствии,

он по поводу молитвы до усталости так говаривал: «что нам считаться с Богом? Сколько сил есть, нам нужно подвизаться пред Ним день и ночь в трудах молитвенных, да и церковь поет: *молитву пролию*, – тут разумеется принуждение себя к молитве до крайности». Кроткий и почтительный ко всем, послушный и ровный по устроению духа, послушник Андрей преуспевал и в посте. Блюдя чистоту души и тела от плотских страстей, он с самого начала жизни в монастыре приучил себя питаться лишь одними сухарями или черным хлебом с водою. Об этом сам впоследствии так говаривал: «я с самой ранней юности не любил питаться сладкими, тучными и ценными кушаньями, к чему способствовали и скудость средств к содержанию по бедности родителей, и желание мое приятно пользоваться легкостью тела». И действительно, он был легок и быстр в ходьбе. Однажды, по крайней надобности в просфорах, он сходил за ними в город, сделав в два конца тринадцать верст, за час с четвертью.

Но не прошло такое ревностное течение юного подвижника без брани от бесов. Как и бывает в подобных случаях, враг вооружил против него многих из братий, особенно молодых послушников. Тем непонятна, странна была такая жизнь, какую вел Андрей. Его пример обличил их нерадивую жизнь, и, – естественно, – против Андрея стала быстро развиваться ненависть; враг рода человеческого не пьет, не ест и не спит, и всю силу своего злого духа, и время употребляет против Божиих рабов. Особенно дышит гневом и яростью враг спасения против молодых и ревностных иноков. Как умный вождь злой рати, диавол ясно понимает то, как вреден для него будет впоследствии подобный ревнитель. И, не смоги его свалить плотскими страстями, как дерево, подтачиваемое червем, враг воздвигает против такого людскую ненависть. Возненавидевшие Андрея послушники изнемогали от придумывания пакостей этому иноку. Они, пользуясь временем, когда Андрей бывал в келлии без своего наставника, часто сильно стучали в двери его келлии, когда он молился; всячески его злословили и поносили, угрожали вырубить двери топором, если он не впустит к себе и даже не раз начинали рубить уже двери. Но Андрей

мужественно противостоял врагу и терпеливо, и незлобиво сносил все обиды помраченных злобою собратий своих. Всякую неисправность, ошибку, – все в монастыре складывали на Андрея. Он же кротко терпел, никогда не оправдываясь, пока сам настоятель, о. Константин, не увидел воочию, что не Андрей виноват, а винит его только злоба братий; и перестал даже слушать про подобные обвинения, Андрея же еще более полюбил за смирение.

Немного прошло времени, как добродетели Андрея стали очевидны и всей братии. Андрей в феврале 1821 г. был окончательно причислен к братству и 22 июля того же года посвящен в стихарь. Вскоре он был сделан расходчиком. Эту должность Андрей проходил со старанием и разумно. Он смотрел на монастырское имущество, как на достояние Божие, и употреблял рассудительно, осторожно, в случаях только действительной надобности. Да и вообще, он смотрел на все потребное к жизни, как на Божий дар, и говаривал по этому поводу так: «чтобы не оскорбить Владыку, всяческих Создателя, милостиво на тебя призревшего дарованием тебе потребного к жизни – благодари Его разумным, в очах Его, с страхом обращением с вещами, давая каждой место по ее назначению. Смотри, человек, какая тебе честь. Создатель пригласил тебя быть участником с Собою в управлении и распоряжении вещами мира сего видимого. Смотри же – не посрами такого высокого призвания: будь мудр и совершен в путях своих, в отношении дел и вещей, тебе вверенных. Когда будешь все, тебе дарованное к обеспечению жизни твоей, считать не своим, а со страхом разумно пользоваться, как слуга Царским – никогда ни к чему не пристрастится твое сердце. Давай каждой вещи назначение совестливое, по намерению Божию. Тогда дивно испытаешь на себе великие милости Божии и ощутительно поймешь Его попечительное промышление о всей твари.

4 апреля 1826 г. Андрей был пострижен в монашество и наречен Адрианом в честь преподобномученика Адриана; пострижение совершил игумен Константин; вся братия при этом глубоко была умилена неподдельным смирением и благоговением постриженника, и не могла стоять без слез во

время глубоко умилительного чина пострижения. С пострижением в иночество, Адриан еще более усилил свои подвиги. В молитве он был почти неусыпным: нередко сутки напролет он проводил в молитве, а Псалтирь всю сполна вычитывал ежедневно. Пост он держал строгий. От молитвенного напряжения и поста очень исхудал, был бледен и сух. А, когда знавшие с состраданием просили его умерить подвиги, он говорил: «теперь только нам и готовиться к смерти, пока силы есть; придет время – и рады бы, да некогда будет, или не в силах будем». В то же время, он по-прежнему разделял с братией и все послушания по обители.

В виду примерной подвижнической жизни, Адриан был представлен к посвящению в иерейский сан, и 2 ноября 1826 г., в Вологде, преосв. Онисифором, был рукоположен в диакона, а 9 числа – в иерея. С новой ревностью и с новыми духовными силами возвратился двадцатилетний иеромонах Адриан в свою обитель и, когда была его очередь, совершал божественную литургию с тщательным приготовлением и глубочайшим умилением. Он бывал объят таким благоговением, что во время служения слезы струились из его очей, и от трепета он едва мог выговаривать самые слова молитв. Но служил он не часто, а по времени и совсем стал уклоняться от служения литургии, но, причащаясь Св. Таин в свое время, – когда говел. Причиною этому было его особенно живое сознание высоты и святости Божественной литургии. Когда его спрашивали о том, почему он уклоняется от совершения литургии, Адриан говаривал так: «страшно и велико это дело – я едва мог вынести его. Раз приснилось мне, будто подвели меня к страшной огненной пропасти, откуда слышались отчаянные стоны погруженных в ней. Едва живому, мне от страха, приведший меня, и говорит: если не хочешь попасть в эту пропасть, священнодействуй достойно. Так вот, брате, дело, совершаемое мною здесь, в алтаре, по просьбе о. игумена, как легко для меня. Я едва жив остаюсь! Грозные слова Апостольские: *суд себе яст и пьет* – так вот неумолкаемо и гремят для меня, когда я приступаю к священнодействию. Не совершая литургии, но не удаляясь от общения в трапезе

Христовой, Адриан поступал не противно правилам христианского поведения; он подражал некоторым преподобным, кои так же поступали, о чем и говаривал, когда ему замечали, что его уклонение от совершения служения вызывает соблазн, так по этому поводу. «Здоровье мое (разумел свое нравственное состояние) не позволяет. А вы этим не смущайтесь! Как же Ефрем-то Сирий и многие другие из святых, как это видно из Четий-Миней и Прологов, во всю свою жизнь не священнодействовали и никаких церковных должностей не занимали, а Богу угодили, прославились и в рай попали? Это – тайна боголюбцев и мудрость святых».

Строгая жизнь инока, его рассудительное слово, постнический внешний вид, – все это невольно располагало к нему сердца людей. И неудивительно, если народ потянулся к нему за советами и благословением, что, в свою очередь, не могло не отразиться и на материальном благосостоянии обители. Бедная обитель стала получать большие средства и, по мысли Адриана, прежде всего, была устроена гостиница для приезжающих. Потом, по совету о. Адриана, пламенно почитавшего преподобномученика Адриана, его почитатели, с благословения настоятеля обители, обновили и колодец Преподобного, устроили часовню над источником, и с той поры, по молитвам о. Адриана, многие больные стали у этого источника получать исцеления от своих недугов. В июле 1831 г. о. Адриан был сделан казначеем обители и некоторое время с пользою для обители проходил эту должность. Но это дело было не по душе пустыннолюбивому иноку.

Он, служа людям словом и примером, ясно видел нужду в большем самоочищении и тяготился хозяйственными делами. Он жаждал полнейшего уединения. Его дух, предочищенный постом и молитвою, зрел быстро, но быстро же усиливалась и брань вражия. Враг, не победив инока путем злобы человеческой, выступил против него уже явно пред умным, очищенным постом и молитвою, взором подвижника с своими страхованиями. Утончивший плоть, целомудренный и самособранный, о. Адриан видел явно духов злобы и мужественно боролся с ними. Но – дух бодр, а плоть немощна:

если духом инок в силах был вести брань с дьяволом, то плоть его не выдерживала такого напряжения. В пустыню уйти ему совершенно и скрыться от людей не пришлось, а потому, всю брань тяжелую он переживал, находясь среди братии. Правда, Господь укреплял Своего избранника благодатными видениями. Так, раз он в течение трех дней был в восхищении: и лицо его сияло неземною радостью. Он как бы спал, и никак его разбудить не могли. Только на третий день он пришел в себя и, сколько его не спрашивали, не решился открыть ничего, только умолял всех усерднее молиться Царице Небесной. В другой раз, служа молебны в г. Пошехонье, во время холеры, он видел всех, кто имел умереть, без голов. Но такие видения непосильны были для изможденного тела подвижника. Суровая брань болезненно отражалась и на его теле. То, что у других мужей-подвижников скрывала или пустыня, или уединенная келлия, при их более преклонном возрасте и меньшей заметности такой борьбы и напряжения, у о. Адриана совершалось на глазах всей братии малой обители. Он переживал все скорби и страхования, какие по учению отцов приходится переживать борцам духовным. Неудивительно, что часто он, вследствие глубочайшей самособранности, бывал внешне как бы рассеян; не слышал, что ему говорили; молчал, вздрагивал, трепетал, казался глубоко озабоченным. Порою, по ночам выбегал из келлии и, томимый духом злобы, искал утешения и подкрепления в молитве на паперти церковной, на снегу; подолгу не спал и т. д. Старца его о. Иннокентия уже не было в живых. Настоятель о. Рафаил, как сам потом признавался, долго не понимал о. Адриана и вообще, не был искусен в вопросах духовной брани; это был только хороший, скромный, добрый, обыкновенный инок – хозяин обители. Тем более не понимала переживаний о. Адриана в его духовной брани препростая братия и неудивительно, что его сочли больным белой горячкой. Освободили о. Адриана от служения и от должности казначея. Соблезнуя ему, о. игумен, в сердечных заботах о нем, предложил его родным и знакомым взять его на время к себе – для лучшего и скорейшего излечения. Поэтому о. Адриана сначала взял к себе его дядя, диакон с.

Михайловского, Василий Михайлов, у которого он пробыл девять дней; большую часть времени он проводил на чердаке дома в молитве и молчании. Отсюда его перевезли в Пошехонье, где он жил у своего знакомого Ивана Буренина. Этот добрый человек лучше других понял страдальца. Он поместил его в отдельной комнате и ничем не мешал его уединению. Инок проводил время в молитве, чтении слова Божия, при строгом посте. Он впоследствии с особенною любовью вспоминал про это время. «Милостью Божией, говорил о. Адриан, о, как приятно был я утешаю сладостью трудов ночного бдения в доме Буренина! Тогда мир видимый, для меня как бы не существовал. Мне давалось неизъяснимое и приятнейшее ощущение предметов духовных, особенно ночью, когда все безмолвствовало. И такое тонкое чутье скаредной душонки моей, что как будто было можно подслушать не только дыхание всего живущего, но и мысли людей. Полюбика, брат, ради Господа, бдение: дивно ты утетишься и скорехонько оживешь душой».

Наконец, девять месяцев о. Адриан находился в доме другого своего сродника, диакона с. Егорья-Яловец, жена которого отличалась благочестием и сострадательностью. У них большую часть времени проводил он на холодном чердаке, не оставляя своих суровых подвигов. Он всегда, и зимой, и летом одежду имел одну и ту же, ветхую и холодную. Ходил зимой босым или только на ноги одевал прямо худые башмаки. Пищу вкушал крайне умеренно, и то только хлеб с водой, горячего не ел почти ничего. В молитве по-прежнему был ревностен.

Это-то время и было временем особенно напряженной брани подвижника с бесами. Бесы во множестве представляли тогда пред его духовными очами с гневом и яростью; они готовы были его сжечь, убить; наводили на него разные страхования. Озлобленность их и дерзость доходили до того, что даже явно было и обыкновенным людям это состязание их с подвижником. Дом сродника его, дьякона Яловецкого, приходил нередко в сотрясение от невидимой причины на всех нападали страх. Когда же, беспокоясь за сродника, входили на чердак, то в это время видали о. Адриана в особенно напряженном молитвенном

состоянии, иногда распростершимся крестообразно, иногда воодушевленно читавшим: «Господь просвещение мое» и «Обышедше обыдоша мя». Подвижник впоследствии не раз говорил о бесовских искушениях, когда к нему обращались боримые демонами. И из этих воспоминаний видно, как жестока была его брань с бесами. Когда один жаловался ему, что не дают покоя помыслы отчаяния и неминуемости вечной гибели, о. Адриан говорил следующее: «не робей, мой друг. Это – вражия мечта из зависти христианскому доброму твоему началу в благочестивой жизни! Ты думай о себе так, и понимай себя так, как если бы ты сейчас родился и знать никого и ничего не хочешь, кроме своего Создателя; все забудь, будто не жил и не делал ничего ни хорошего, ни худого, а только сейчас начинаешь жить. И в самой детской покорности отдайся душой и телом в распоряжение Господа! Так, в простоте сердца молись Ему с любовью, именем Иисусовым поражая врага. И будешь ты покоен во всю свою жизнь! В славу Божию и общую пользу не должно утаить, что подобного рода мечты много времени и меня беспокоили, когда только начинал я молиться. Вдруг снимался потолок моей келлии, разрушались стены, разверзалась предо мною земля, представлялась мне огненная бездна: в ней будто уже посажены грешники: кто по шею, кто по пояс, кто по уши, кто весь погружен. А мне оставалось местечка только на той половичке, где стоял и молился. Да и с той меня хотели стащить в огненную бездну. При таких страшных бесовских, томительных мечтаниях детская покорность Господу Создателю своему, при усердной молитве Иисусовой, чтение соответствующих этому положению псалмов – спасали меня, от чего мечты разлетались, и привидения исчезали... Таким образом, что бы ни случилось с тобою, какое-либо привидение, страхование, мечта, что бы ни показывали тебе демоны наяву или во сне – не робей, ничему не доверяй, отдайся с живою покорностью Божью попечению о тебе, твори усердно и чисто молитву Иисусову. А, если в таких обстоятельствах не молиться усердно, смиренно и чисто, и не ограждать ума именем Иисусовым, то можно и с ума сойти. Смирennemудрие с усердной молитвой Господу и Царице Небесной – великая

защита от всех сетей вражиих». Жаловавшемуся на томление в келейном уединении, старец говорил: «что делать, брате?! Припоминай страдальцев, заключенных в темницах и оковах, и всех многообразно бедствующих. При этом, себя считай преступником. Так и будешь все охотно терпеть в уединении. Для кого же написано: *проидохом сквозе огонь и воду, и извел ны еси в покой?* Нужно пройти через огонь всякого рода искушений, скорбей, томлений душевных, чтобы войти в покой Божий. Здесь прибавлено: и воду. Стало быть – и поплакать здесь человеку неизбежно, чтобы радоваться вечно. О, брате! Если бы ты знал какими страхованиями, бедами, сетями бесовскими, невыносимыми страшилищами наполнен воздух?! Так что, если бы человек прозрел в это, то едва бы мог остаться в живых. Но все это от нас скрыто благим Промыслом Господа, по Его милости. Днем нам светит солнышко, ночью – луна и звездочки, – какая утеха. Таковые-то искушения и сети, скрытые сатанинским ухищрением в воздухе, непременно должны коснуться всякого. И тогда человеку бывает томительно, тяжело. И в такой скорби он повергается пред Господом, ища Его Милости и покровительства, как дитя у маменьки! И ему бывает легко. Поэтому-то и заповедано: *бдите и молитесь, да не внидете в напасть*. Итак, брате, терпя, потерпи для Господа, благодаря Его за все милости к нам, коих для кротких и покорных Ему сердец у Него бездна многая. Ведь не избежать же нам адских томлений от бесов, если не решимся потомиться здесь ради Господа и добродетели – где кому определено, а тебе в уединении с Добротолубием».

Когда о. Адриан жил у сродника диакона, страхования бесовские на него были самые разнообразные. Бесы нападали на него с шумом, свистом, вихрями; быстро бросались на него полчища демонов в виде кровожадных зверей, гадов ядовитых, змей, в виде полков воинов на огненных колесницах; бросали в него множество камней. Порою же, как сам говорил, все у него утаскивали. «Вот и молиться-то мне не дают, говаривал он тогда своим, – все разбирают, все разрушают, все поднимают и тащат из-под меня: ни сесть, ни лечь, ни встать не дают». Порою же закрывали от него слова книги, которую хотел он

читать; или наводили непреодолимый сон при его намерении почитать. «Полтора года, говорил о. Адриан одному близкому ему по духу брату, попущением Божиим, я ждал себе от диавола смерти с часу на час. Во все это время он приставлял к шее моей остро отточенный топор, злобно угрожая срубить мне голову, если я не отстану от молитвы и чтения. Однако, укрепляемый Господом, я, забыв о всех удобствах для тела, живя зимой в холодной келлии, находил единственное утешение и укрепление в молитве Иисусовой, с поклонами, имея другом своим в скорби Добротолубие».

Еще рассказывал старец: «порадовался диавол моей опрометчивости. Раз я, торопясь, вышел по нужде какой-то, не перекрестясь. Всею силой бесовской своей ярости он устремился на меня. Мне казалось, что и земля задрожала под моими ногами. Но покров Царицы Небесной и предстательство преподобномученика Адриана чудотворца спасли меня». Рассказывая об этом, о. Адриан советовал: всегда, когда выходит кто из дома, помолиться усерднее. Когда же о. Адриан возвратился в обитель и предался безмолвию, враг нередко принимал вид и голос близких ему людей и просился в келлию, желая отвлечь подвижника от молитвенной самособранности, но – безуспешно. Старец победил все козни врагии: научился распознавать все их ухищрения и бороться с ними молитвою и постом.

Выдержав столь суровую брань с диаволом и победив врага, о. Адриан утвердился в подвиге молитвенного бдения и поста уже на всю жизнь.

Поступив в обитель, он всегда вставал с восходом солнца и ранее его. Всегда совершая утреннее молитвенное Правило, он не спал и днем, и другим не советовал того делать. В продолжение нескольких лет он круглые сутки ежечасно звонил в часовую колокол, порою влезая на колокольную, порою за веревку. Этим упражнением он научился бдению: сон его был краток и легок. Часто он спал, то стоя, то сидя на стульчике. Когда раз прочитал, что препод. Серафим спал на локотках, он сокрушенно воскликнул: «о, если бы и нам выучиться так спать. Те, кто попали в рай, немного спали». Он спал только тогда и

столько, когда и сколько того требовали или изнуренная плоть, или ум, истомленный напряжением молитвенным и размышлениями о прочтенном.

Проводя время в молитве домашней и церковной, о. Адриан много времени посвящал чтению слова Божия и отеческих писаний. Постоянно читая слово Божие (в частности, ежедневно прочитывая всю Псалтирь), он особенно любил читать и выучивать наизусть Новый Завет. Писания аскетические, особенно Добротолюбие, были его постоянными собеседниками; ими он научался жизни духовной, ими проверял и свое жизненное течение. Четьи-Минеи, Прологи – были его ежедневным чтением. Особенно была по сердцу подвижника Лествица св. Иоанна. Это была книга, руководствуясь которой он совершал свой подвиг и в чтении которой он находил отраду в страданиях, неизбежных на этом пути самоотречения. Он всемерно стремился подражать жизни тех, кто так поучительно очерчен в этой книге. «Воспоминание об этих страдальцах блаженных, говаривал сам о. Адриан, часто заменяло мне книги. Достаточно было мне прочитать назидательную статейку о приснопамятных страдальцах из Лествичника, чтоб заскорбеть и заболеть моей окаянной и скаредной душонке, и в слезах, в крайнем сознании своих немощей, повергнуться пред Создателем моим, а иногда, при воспоминании о них, от великой скорби сердечной и слезы из глаз не лились».

Опорой его такой возвышенной жизни духовной был пост. Пост возлюбил о. Адриан с самого начала иноческих подвигов и был ему верен до смерти. По возвращении в обитель от сродников, о. Адриан достал себе стеклянную банку; в этой банке он смешивал в воде ржаные сухари, немного овсяной муки, солод; все это неделями хранилось в ней, и, что замечательно, не портилось. Этим раствором понемногу и питался подвижник, постепенно подбавляя туда новой пищи. Сам он так говорил об этой баночке: «какую приятную на вкус и довольную для питания моего тела пищу доставляла мне эта баночка, – она все мне заменяла по вкусу и удовольствию во всех потребностях моего тела!» Вообще, он питался только черными сухарями и водою, а горячих похлебок и печения всегда

избегал. Для приема пищи у него были свои весики: ими он мерил пищу и в отпуске ее себе был крайне скуп. Порою питался водою с овсяной крупой, а то и травами. Когда о. Адриан вступил в подвиг старческого служения людям, он стал вкушать немного и белого хлеба, и пил чай. Но во всем этом соблюдал большую умеренность. Чай же был приятен ему не столько сам по себе, а как такое занятие при времяпровождении посетителей обители и его почитателей, за которым он с пользою для их душ вел спасительные беседы. При этом, часто сам почти и стакана не выпивал: незаметно за разговорами скрывал свое воздержание. Когда же кто приносил ему что-либо из гостинцев, он или отсылал на братию, или раздавал беднякам. Но, чтобы не огорчать почитавших, для вида отведывал из принесенного. Временами, он постился подолгу; и раз выдержал и сорокадневный пост без всякой пищи.

Будучи строгим постником, о. Адриан был и нестяжателен. Денег он у себя не держал, а все получаемое от богомольцев или раздавал бедным, или отдавал настоятелю. Высоко ставя милостыню для спасения мирян, относительно монахов он высказывался, что они в жертву вместо милостыни должны отдавать себя Богу совершенно. В келлии он ничего лишнего не держал, а порою и в самонужнейшем себя стеснял, выбрасывая вещи свои за оконце, которые по распоряжению настоятеля ему, однако же, немедленно возвращали. Свой взгляд на монашеское келейное нестяжание о. Адриан выражал в таких словах: Что такое монах? Монаху, как солдату во время сражения не нужно давать ничего лишнего в келлию. Этого еще много, когда скажут: поставь ведро с ковшом в углу, пей, по пророку, воду, да измыет утробу твою. Да поклоны клади, да на мантию гляди, чтобы она с креста-то не спускала, и научала бы ежечасно умирать, а упование и жизнь те в Боге обретать».

Будучи сам нестяжательным, о. Адриан и родным своим не давал ничего из того, чем ему служили почитатели, отдавая все в обитель и бедным. Родные на это обижались; просили за них о. Адриана и знакомые ему дворяне. Но инок был верен своим обетам. И в разъяснение своего образа действий так говорил:

«от мертвеца и нитки не посмеют пожелать, а монах для мира мертвец! Притом, я не враг моим родным, чтобы через монастырские вещи вносить огонь в их дом: ихние-то вещи пожжет монастырское. Когда сестра со слезами просила чего-либо у него, о. Адриан, сострадательно указывая на безрукавную курточку, сказал: «что ты выпросишь у мертвеца? У меня ничего нет, кроме вот этой одежды». Так дай на память хоть ее. Он отдал, но прибавил: «дать-то я, пожалуй, и дам тебе, да она принесет тебе огонь, хотя не в дом, а в снопы на поле». И что же? На другой день у этой женщины сгорел овин со снопами! В келлии о. Адриана был только один его крашенинный подрясник и мантия, да книги, и он никогда не закрывал своей келлии, когда выходил из нее.

С молодости соблюдший себя в целомудрии, он до последних сил боролся с плотью и нередко пешком хаживал в Пошехонье для молитвы у чтимого им образа Спасителя. В одну из таких отлучек он отморозил себе ноги и долгое время пробыл для излечения у своих знакомых. На ногах у него вскоре, как их оттерли, появились волдыри, началась сильная ломота, опухоли: потом открылись раны. Около шести недель пробыл для лечения о. Адриан в Пошехонье у соборного дьякона. Все время болезни он был в самом радостном состоянии духа; его речи были поучительны тем, кто за ним ухаживал, но еще более поучал он безропотным и радостным перенесением недуга.

После этой болезни старец уже открыто вступил на путь служения спасению своих ближних. И это служение продолжалось до дня его смерти.

Самая наружность о. Адриана была благодатно привлекательна и ясно свидетельствовала о высоком устроении его души. Голос его был чистый, приятный, речь выразительная и правильная; в тонах мягких, она лилась плавно и свободно. В речи его слышалась неподдельная любовь и участие к собеседнику. Обращение его было приветливое, кроткое, смиренное. Лицо его носило отпечаток глубоких дум и постоянной самособранности. Во всех его словах проявлялся светлый ум, бодрая душа. Все телодвижения его были просты, скромны и естественны; видно было, что так называемые

правила внешнего поведения иноков были усвоены им в совершенстве и являлись естественным уже проявлением его очищенного страданиями и духовной бранью духа. Глубоко изучивший все изгибы души, во всей тягости перенесший брань со своей духовной, свойственной каждому человеку, раздвоенностью и путем сурового подвига достигший благодатного успокоения в торжестве духа над плотью, о. Адриан естественно глубоко сразу же проникал в душевное устройство души собеседника. Имея хорошую память, будучи основательно обогащен познаниями в Священном Писании и святоотеческой письменности, он обладал богатой сокровищницей назидания. Когда некоторые люди, удивляясь его образованности и зная, что он нигде не учился, не могли не высказать ему своего удивления по этому поводу, о. Адриан смиренно говаривал лишь: «полюбите Бога, так и все будете знать: Он один есть источник всякого познания и премудрости!» Шли к нему люди всякого звания и состояния, потому что есть живые души и в богатых чертогах, и в бедных хижинах, которые жаждут духовного руководства и скорбно вздыхают о столь желанном, но, по-видимому, столь далеком, «горнем отечестве». Старец ласково всех принимал: один сердечный любящий привет был у него и богатому, и знатному, и последнему бедняку. И нередко бывало, что старец далеко за обитель провожал бедняка-богомольца и, беседуя с ним по пути, нес сам его убогую сумочку. Наставления старца были так же разнообразны, как разнообразны были его почитатели, и сколь различны были их душевные недуги и разные нужды. Упомянем о некоторых его советах и наставлениях.

Пламенно верующий, ревнитель чистоты православной веры, о. Адриан всех наставлял в истинах веры, и когда преподавал советы касательно нравственности, и когда разрешал вопросы чисто богословские. Нередко к нему обращались с мучительными запросами люди сомневавшиеся или вообще в истинах веры, или по какому-либо частному вопросу. Нередко ему высказывали свое сомнение о том, будет ли вечная жизнь? На это старец, давая разъяснение, особенно останавливался на том, что ради царствия небесного святые

претерпели столько мучений, чего не могло бы быть, если бы не было будущего воздаяния, и прибавлял: «для чего столько веков читается символ веры в св. Церкви апостольской, и в нем гремит она: чаю воскресения мертвых и жизни будущего века? О, это истина святая и непреодолимая вратами адовыми. Хотя в нынешнее время и нашлись такие, которые стали бы доказывать, что все это басня, что этого не будет, что этим обманывают простой народ, – но это сделать никак невозможно: неверующий осужден, а Церковь Божию и врата адовы не одолеют. Ведь, сколько мы по гордости и беспечности, и неверию от Бога-то ни бегаем, а уж не уйдем; найдет! Он давно нам сказал: страшно впасть в руки Бога живого». Такие речи, говоримые с пламенной убежденностью, свидетельствуемые суровой жизнью говорившего, жизнью такою, ради вечной жизни принятою, могуче влияли на сердца. Отчаивавшихся в спасении старец утешал и укреплял рассказами о дивных проявлениях Божьего милосердия к грешникам. Когда смущенные своими грехами болезновали пред ним своею душой и выражали боязнь вечного осуждения, старец говаривал: «понесение стыда – уменьшение наказания за грехи. Да, не принявши горького, не узнаешь и сладкого. Но не малодушествуй: в Прологах, Четьих-Минеях примеров много. Припоминай себе, что нет греха, побеждающего Божие человеколюбие. Прошу принять мое доброжелательство тебе: трудись и молись. Алфавит (св. Димитрия Ростовского) подкрепит». И многие маловерные и робкие чрез беседы старца не только укреплялись в вере и уповании, но и начинали вести и проводили потом, до своей кончины, жизнь строго-благочестивую. Когда к о. Адриану приходили люди, желавшие исповедаться, но не решившиеся открыть грехи, старец, по присущему ему дару прозрения, сам, говоря, как бы примерно о другом, пришедшему открывал всю его жизнь, так что тот уже не видел ни смысла, ни даже возможности скрываться; являлась у него и решимость открыться. И такой успокаивался, принеся чистое покаяние, и уходил радостный и мирный от благодатного мужа. Часто к нему обращались люди образованные. Им старец особенно усердно советовал читать слово Божие, Прологи. Четьи-Минеи и

приговаривал, что книги эти, «хотя не красноречивы по-светски, но многоречивы для устроения нашего благополучия и временного, и вечного». В беседах с образованными лицами, особенно часто старец, когда жаловались на неудовлетворенность духовную при обилии всех развлечений, на томление и тоску, останавливался в беседах на причинах такого явления и объяснял такую неудовлетворенность тем, что у людей образованных запросы духа, его влечение к Богу, к миру духовному, – все это заглушается служением одной плоти в ущерб духу. Его слово проникало в сердца слушателей, и те, кто, внимая ему, прибегал к исповеди и покаянию, к молитве и чтению духовных книг, скоро убеждались опытно в справедливости слов старца и потом уже на всю жизнь становились его учениками. И, часто вместо суетной скорби, у таких людей просыпалась другая, тихая и добрая, скорбь о своем недостойнстве, о потере чистоты духа, грусть и стремление к небу. «Батюшка, писал ему один его почитатель, вы такую отрадную поселили во мне грусть, что я, ехавши домой, до самой часовни плакал, и до сего времени грусть отрадная души моей не оставляет». Враги нашего монашества под влиянием его речей меняли свои убеждения и становились в ряды искренних почитателей монашества. Когда же о. Адриан встречал среди образованных людей лиц верующих, благочестивых, радости у него не было конца, и он с особенным чувством умиления не раз потом говаривал: «о, я знаю многих образованных. Что это за превосходнейшие существа на земле. При встрече с такими я много любовался их благоустроенными умами, и сердце не нарадуется в беседе с таковыми». Бывало, что к о. Адриану приходили за советом и юноши, окончившие курс в духовных семинариях. Их отец Адриан принимал с особенною любовью и в беседах располагал к опытному применению того, чему они научились в школе. При этом он обращал внимание молодых людей на необходимость и пользу знакомства их с аскетическими писаниями. «Наука богословия, говаривал он, уясняется исповедничеством или иночеством». «Теперь ты, брат, говорил он окончившему курс, – с запасом, и тебе довольно надавали материалов для строения себе

домика. Нужно теперь немедля приниматься за стройку, а то, пожалуй, материалы погниют, да и сам ты, по беспечности, сделаешься неспособен, и тогда останешься без домика (добродетелей), и без пристанища себе для вечности». При выборе мест он советовал принимать то назначение, какое даст начальство – «куда позовут, а самим-то без опытности духовной ничего бы не приискивать без воли Божией. При покорности Богу чудно могла бы направить их умы драгоценнейшая в совете святых книга Добротолюбие». «На один ум, брат, надеяться нельзя: вслед за познаниями, приобретенными тобою по милости Божией, в заведении нужно вести и тело, которое необходимо, соответственно познаниям, утруждать, покорив его уму, а ум – Богу». Касательно же пастырской проповеднической деятельности он говаривал: «при твоей учености и способности сочинять проповеди для других, самому тебе недостает живого ума христианского. Постарайся же, если хочешь быть благополучен, приобрести его чрез усердное чтение Библии, Четий-Миней и книг отеческих, при живой сердечной покорности Богу. А для этого хорошо было бы приучать себя к умеренному посту, частой, хотя понемногу, молитве с земными поклонами, чистоте души и тела, к исправлению нрава в отношении других. При таком устроении поведения ты был бы дивно счастлив. Тогда захотел бы с любовью поделиться приобретенным и с другими, и послужить спасению многих во всяком звании, какое тебе Господь укажет. Его милостей для сердец кротких и покорных Ему бездна многая». Давая обращавшимся к нему священникам, диаконам и инокам каждому, по его личному устроению, советы, о. Адриан по вопросу об обеспечении духовенства выражался так: «священник, если будет учителем и усерден в деле душевного спасения своей паствы, не будет иметь у себя нужды ни в чем. Усердные прихожане, его же примером и словом наученные уважать добродетель, будут на руках его носить, и при самом бессилии в старости, он чудно будет ими успокоен. Так промыслительно устроено Господом для христианских сердец».

Прихожанам же, когда заходила речь о пастырях, старец говорил: «любите, уважайте, берегите вы своих священников.

Доставляйте им все нужное к содержанию. Покупайте им книги, чтобы они, не развлекаясь нуждами телесными, читали и рассказывали бы вам из книжек, вами им купленных, и, взамен вашего обеспечения их телесных нужд, обеспечивали бы вас в деле спасения душевного, по вашим недосугам, и своими молитвами, и поучениями. Если же что они сами делают несправедливо, на это не глядите, а слушайте, что они говорят, и это исполняйте на деле».

Родителям старец особенно настойчиво советовал воспитывать детей в страхе Божьем, водить чаще в храм и научать чтению слова Божия. «Для кого же, говаривал старец, писаны священные книги? Они дарованы Духом Святым, собственно, для нас, чтобы чрез них приобретали мы благополучие. О, страшно ответите пред Господом вы, родители, не прилагающие по своей беспечности попечения о просвещении детей ваших в духе христианского благочестия. Если бы захотели да порадели, то это во всяком звании и состоянии было бы возможно. Что за родители христианские, кто предоставляет детям все потребное для тела, о душе же их нисколько не радят? И рождают, и питать умеют и язычники, и скоты. У нас же воспитание должно быть в недрах православной Церкви, под руководством Библии». Крестным же родителям говаривал: «если поручились за детей при св. крещении, то крепко держитесь вашего поручительства; если вы крестные, то и сами будьте на кресте, и детям указывайте на него. Вас Господь поставил для распространения царства света и истины Его, быть помощниками пастырей Церкви, и в том вы поручились пред Церковью. Так смотрите, чтобы по вашему нерадению не лишиться вам такой милости Божьей и не попасть бы вместе с крестниками в тьму кромешную». «Если, говорил еще старец, вы не станете сами читать и детей не станете обучать чтению книг, указанных Церковью, то не будете благоумны и способны на дела вашего призвания».

В храме всем он советовал стоять внимательно к чтению и пению, не развлекаться, не разговаривать, оказывая уважение и ко всему церковному; антидор и просфоры вкушать советовал благоговейно и с молитвою. Из храма выходить тихо и идти

одинок, а после службы отдаваться назидательному чтению. В отношениях с теми, с кем приходится жить вместе или вблизи старец советовал жить мирно и кротко. Своих убеждений и строгостей относительно жизни другим не навязывать. С людьми других взглядов не спорить. А, если и говорить, что на пользу, то только в особо благоприятные минуты расположения ближних к такой беседе. На обиды не отвечать мщением; от людей неверующих и нечестивых он советовал удалиться и никак не вторить им, хотя через это пострадали бы материально сами, исполняя всякое дело благоговейно и тем служа Богу и ближним; в отношении пищи и одежды нужно соблюдать строгую умеренность; осуждал он и всякое лакомство.

Давая разные советы, старец часто останавливался вниманием на книгах, которые, по его убеждению, необходимы для желающих идти путем спасения. «О, Библия, Четии- Миней и Прологи – драгоценнейшие спутники нашей временной жизни к вечному благополучию», говаривал он часто. Добротолубие – прямая дорога в рай». «Преподобный Ефрем Сирийский, Иоанн Лествичник, Исаак Сирийский – да будут нашими советниками. Исполнители их советов наслаждаются благополучием». А, когда виделся недостаток этих книг, старец советовал приобретать Алфавит Духовный св. Димитрия. «*Полюби Алфавит, говорил он, он лукавство и леность посрамит, и в все вразумит!*». Некоторым он советовал: «если хочешь скоро научиться любить Бога, усерднее с молитвою читай Добротолубие и Макария Египетского». Алфавит же он часто покупал в большом количестве экземпляров и раздавал своим духовным детям. Он также высоко ставил житие и писания старца Паисия Величковского и письма затворника Задонского Георгия. Что же касается обыкновенных книг, то даже и по содержанию духовные он советовал читать с большим разбором и опаской, ища указаний от своих духовных отцов и руководителей. Отличаясь сам глубоким смирением, смиряясь даже пред детьми, о. Адриан весьма вдумчиво относился к каждому посетителю, но вступал в беседу и давал наставления, особенно же открывал душевное состояние того, кто с ним беседовал, осмотрительно, тогда только, когда видел душевное

влечение к этому в самом собеседнике и его подготовленность к восприятию старческого слова. Многие почитатели просили у него карточки и дозволения снять его, но старец не позволял, говоря: и не с живого снимете. И, действительно, карточка была снята с него по смерти, с которой и был потом написан портрет. Убеждая слушателей поститься, старец советовал молиться особенно усердно; при этом указывал, что самое лучшее время мирянам для молитвы – это часы, свободные от хозяйственных занятий.

Упрашивая чаще ходить в храм, о. Адриан советовал возможно чаще и сердечнее творить милостыню, которая может возместить недостаток подвигов благочестия. Осуждая щегольство, пьянство, плотские грехи, корыстолюбие, злобу, нерадение о своем спасении, старец сродникам страждущих такими пороками давал совет творить о них шестинедельное заздравное литургийное поминовение, подавать за них милостыню и служить молебны пред иконами Божией Матери, особенно «Всех скорбящих Радости», также, некоторым святым. Страдающим запоем давал некоторые и практически-гигиенические советы. Особенно настоятельно всем советовал старец укреплять себя умеренным постом. Посту, его пользе, возможности и уместности и для мирян было посвящено им много речей. Избравших девственную жизнь, он более всего располагал к соблюдению постоянного поста; советовал им, также, избегать всяких горячих блюд и похлебок. Желавшим иметь чистый ум и свежую голову при молитвенных подвигах, о. Адриан советовал пить нехолодную сырую воду, о которой говаривал, притом, так: «водою при частых земных поклонах я пользовался в многообразных недугах моих и, о, какую тогда имел я легкость в природе моей, здоровье, веселье, чистоту мыслей». Старым, неспособным к трудам он советовал покаянную молитву мытареву. Людям семейным он шел навстречу в их радостях и горестях, а склонных к девственной жизни укреплял и поддерживал своими советами и молитвами. Стечение всякого народу к о. Адриану было громадное, но он всем находил слово в утешение, на всех у него хватало любви и внимания. А, чтобы его посетители не скучали, порою он

давал им и занятия: кому чистить дорожки, кому еще в чем-либо потрудиться для обители. Иным давал послушание списывать житие или молитвы преподобномученику Адриану, которые потом раздавал другим посетителям. Особенно трогательно бывало видеть, когда старец, окруженный детьми, беседовал с ними об истинах веры и обучал их молитвам.

Старец имел особенное сострадание к больным разными недугами: и просто телесными болезнями, и болезнями-греховными навыками, как запой, плотские грехи и т. д. Советуя прибегать к молитвенной помощи, он советовал поездки к святыням, по монастырям, литургийное поминовение, также давал и разные практические советы; более же всего советовал вести воздержную, постническую жизнь; также часто советовал приносить чистое сердечное исповедование грехов, и приступать к таинству св. Причащения, и читать Минеи и Прологи, останавливаясь вниманием на соответствующих примерах. Нередко сам молился с больными у мощей преподобномученика Адриана, возлагал на больных его вериги; молился с больными пред чудотворной иконой Успения Божией Матери; и многие недужные, по молитвам сего старца, получали благодатное исцеление от самых застарелых и тяжелых недугов. Советовал он также младенцев чаще носить к св. Причащению, говоря, что через это они будут потом и здоровее, и умнее, и счастливее. Будучи сам постоянно в памяти о смерти, о. Адриан всегда сам пламенно молился об упокоении усопших, и, просившим совета об усопших родных, настоятельно советовал совершать поминовение усопших по чину православной Церкви и творить в память их милостыню.

Будучи сам всецело преданным иночеству и его заветам. о. Адриан, естественно, был убежденным проповедником монашества, и для склонных к иноческой жизни слово его имело могучее, решающее влияние. Многие девицы, богатые и красивые, под влиянием его речей, тут же снимали с своей головы модные гребенки, ломали их, вынимали серьги, кольца и браслеты, отдавали все это бедным; а сами в трудах иноческого жития смиренно проводили свою жизнь, уневестившись Христу. Из последовательниц о. Адриана по времени составила́ся целая

женская община в Бежецке. Наставления его монашествующим – незаменимое руководство для иноков во все времена. Старец говорил инокам и инокиням следующее: нельзя успокаиваться в мысли на том, что «живу я в монастыре, облечен в мантию, хожу каждый день в церковь, исполняю монастырские послушания – так с меня и довольно: я уже спасен... О, нет и нет. Этого недостаточно. Сколько есть сил, необходимо под руководством слова Божия и отеческих писаний приучать себя к совершенному преобразованию нрава, умному просвещению и совершенной любви, с глубочайшим смирением и сердечною простотой изъявлять во всем, всегда и везде покорность Богу, а для Него с целью духовного преобразования – игумену и всей братии монастыря». Усиленно заповедовал старец жившим в монастырях часто и усердно молиться Богу в храме и в келлии своей; при исполнении монастырских послушаний советовал творить молитву Иисусову чисто и усердно, в келлии же чаще творить молитву с поклонами и читать аскетические писания: творения св. Ефрема Сирина, Лествичника, Макария Великого, все Добротолюбие, особенно писания о. Паисия Величковского, Духовный Алфавит и др. Эти книги, по мысли старца, для инока и инокини должны быть зеркалом для познания ими своего духовного устройства, особенно, когда нет старца-окормителя.

«Без руководства, говорил он, иноки, что листья от деревьев». Некоторым прежде вступления в монастырь советовал временно пожить вблизи обители и присмотреться к порядкам жизни в ней, но и это сделать под руководством «опытной духовной нянюшки (старца)». Когда же старца не оказывалось, руководиться Добротолюбием с молитвою. «Не научившись плавать на ровном месте, в быстрину не пускайся», говаривал он, разумея под быстрину монашескую жизнь. Иных же прямо направлял «в рай» – как называл нередко монастырь. Заповедуя хранить телесную чистоту и целомудрие, он говаривал, что крайне нужно беречься душевных язв, которые бывают подчас хуже грехов плотских. «Согрей прежде тело трудами, – учил старец, – молясь часто и усердно с земными поклонами, до усталости, так и душа согреется. Вспомним: спасение приобретается нуждою и труженничеством – нужно

принуждать себя во всем и приучать ко всему, что одобряет совесть и указано в книгах опытами святых, и тогда будет и тепло, и весело на душе».

Широко и далеко в пространственном смысле и глубоко в отношении сердечного проникновения в души слушателей разносилось слово старца о. Адриана. Его советы и наставления, письма, а после смерти, и портреты его по многим городам и селам благоговейно хранились в рамках и под стеклом, и в трудные минуты эти наставления, а порою и один вид старца, приносили и утешение, и вразумление, и вселяли бодрость в несении жизненного креста.

При жизни старца многие не только простые люди, но и из дворян и помещиков оставляли свои родовые заветные гнезда и поселялись вблизи старца: то в слободе, то и в монастырской гостинице, и жили в подвигах поста, молитвы и чтения слова Божия и аскетических писаний, под опытным руководством старца, восходя в делании духовном на высокие степени благодатного устроения. Из таких лиц особенно выделялась своим благочестием и строгим постничеством Свитинская помещица Матрона Ивановна Гулина: она служила старцу и бедным от имений своих и скончалась кончиною праведных. А дворянская вдова Л., при строгой жизни, служила старцу, ведя его обширную переписку: писала по его указанию письма его духовным детям и рассылала их по назначению. Многие и другие послужили по указанию старца бедным от имений своих, ибо старец с трогательным участием относился к бедным, больным и всем нуждавшимся в помощи. Не имея сам средств, он служил всем несчастным молитвою, разумными советами и располагал к помощи им людей состоятельных.

Особенно широкому распространению славы старца и через его известность увеличению его благотворного влияния на людей самых разнообразных состояний по внешнему быту и внутреннему устроению содействовало его странничество по сбору для обители. О. настоятель обители игумен Рафаил, уважавший старца и всячески ему содействовавший, попросил о. Адриана потрудиться для блага небогатой обители и сходить по сбору. О. Адриан, всегда служивший обители, чем мог,

искренне почитавший о. настоятеля, ответил на это предложение полной готовностью. Это тяжелое послушание подвижнику было особенно по сердцу. Оно давало ему возможность побыть в уединении, потрудиться в посте и самоограничении, послужить обители и благотворителям. Немало времени провел о. Адриан в этом подвиге. Много собрал он лепт на благо обители, но эти материальные приобретения были лишь слабою тенью того, что этим странствованием приобрел подвижник для небес и для своей души. Это странствование было временем новых подвигов и еще более широкого служения людям. Это время было для него временем молитвы и поста. Он молился в пути: в лесу, в полях, а в зимнее время близ дорог он выкапывал своими руками ямы в снегу и до пота молился в этих снежных пещерках. На лошадь в пути не садился, а шел или несколько впереди, или сзади, в молитвенном самоуглублении. В холодной одежде и обуви, о. Адриан, когда приезжали в деревню, и спутники поскорее забирались на теплую печь, спешил на двор. Там, где-либо в закоулке, незаметно он становился на молитву и поклоны; там он так усердно молился, что, несмотря часто на крепкий мороз, приходил поздно в дом весь в поту. Во все время нахождения в доме он входил с глубоким участием в нужды хозяев и служил им молитвою за них и советами. Несмотря на пребывание в домах мирян, он хранил свой суровый пост неопустительно и питался хлебом с водою или чаем. Притом, за столом он так увлекал беседою слушателей, что те и не замечали, что старец умудрялся просидеть и ничего почти не вкусить. Приезжая в село или город, он искал дом не только бедный, но и пользовавшийся самой дурной известностью в том месте. Проводя в таких домах то несколько дней, то несколько недель – в городах, он незаметно так влиял на хозяев, что те скоро исправлялись и становились примерными по своей жизни, что, естественно, вызывало немало удивления в их соседях. Много добра, много семян слова Божия заронил этот мудрый странник во время своего хождения по сбору. Много семейств облагодетельствовано им нравственно в это время. Неудивительно, что и переписка старца разрослась после этого,

и число его почитателей стало еще более. Его после этого стали почитать не только отдельные лица, но, можно сказать, и целые города. Особенно полюбил старца и чтит г. Бежецк, где и богадельня приведена была в цветущее состояние вследствие влияния на горожан о. Адриана. Немало пользы принесло это путешествие и самому о. Адриану в смысле опытности его в служении ближним. В это путешествие он еще ближе и глубже изучил жизнь, горе и падения людские. В частности, это же дало ему и опыт касательно странничества, как подвига и хождения на богомолья. Впоследствии вопросов о странничестве о. Адриан касался не раз, и его советы полны глубокого опыта.

Вот некоторые советы его о странничестве. В странничестве о. Адриан каждому, кто вступал на такой путь богоугождения, советовал во всем поступать с такою же осторожностью, с какой несет человек зажженную свечу и боится, как бы ее не загасил ветер. Чтобы страннику не угасить дарованной ему Господом искры – ему крайне необходимо быть осторожным в отношении пищи и питания, сна, встреч с людьми на пути и в домах. Странствовать лучше вдвоем с единомысленным спутником, но не в толпе. Девушкам пускаться в далекие пути одним, без надежного спутничества кого-либо из известных старших, не советовал о. Адриан никогда. Странник, если не страдалец, так он и не странник. Странническая жизнь, бесприютная, проходимая разумно, в полной покорности Богу, в живом хранении Его заповедей, под руководством Библии и Добротолубия, верный и действительный способ к духовному самообразованию. Странствовать при таком устроении ума необходимо непременно с паспортом. Тупоумное, без духовных целей, переходение с мест на другие он не одобрял и признавал бессмысленными. «Странствуй без денег, говорил о. Адриан одному молодому человеку, который хотел странствовать, а иначе ты и не странник, даже самые необходимые для жизни принадлежности имея, учись не иметь, пока не приучишься к неимению». Спутниками странника должны быть Новый Завет и Псалтирь. Молитва в пути – источник облегчения и утешения. Странствовать с паспортом, а жизнь вести по Добротолубию – хорошо будет».

Когда же в одно время предстояла неизбежная почти возможность о. Адриану сделаться настоятелем обители, то этот ревнитель иноческих добродетелей принял на два года на себя подвиг юродства. Он в таком стечении обстоятельств провидел хитрость врага, желавшего путем настоятельства отвлечь подвижника от молитвенного подвига и от подвига всецелого служения ближним, почему и решился на такой чрезвычайный путь жизни. Продолжая подвиг молитвы и строжайшего поста, в эти годы о. Адриан более всего находился в лесу и там молился, питался же то дягилем, то верхушками молодых деревьев. Ходил в рубище и казался малоумным. Но и в это время, хотя прикровенно, но не переставал служить ближним: вбегал в дома, где были больные, и утешал, мирил ссорившихся, принимая порою и сам побои. Выпросился, раз, в карету к больной барыне, а когда та больная пустила его, он ее тут же исцелил от недуга. Обличая ложь, раз проехался на необъезженной лошади и, когда она споткнулась, а он чуть не упал, слезая говорил: «опытно узнал, что ложь – конь во спасение, и на резвом никуда не уйдешь!» Потом он оставил этот подвиг и стал снова открыто служить людям, когда миновала опасность настоятельства.

Старец отец Адриан имел много из людей разного звания и состояния верных и преданных ему сердец, которые, имея в нем друга и благоразумного наставника, под его руководством благоуспешно совершали свое течение на пути духовного совершенствования, впоследствии и сами удостаивались за послушание ему многоразличных духовных дарований от Господа. Иные приучены им к строгому посту, всякому подвижничеству по Добротолочию, другие обладали особенным даром слез, умиления и непрестанных в уединении молитв, иным даровалось особенное мужество, опытное рассуждение, готовность среди мира на все опасности для добродетели, совершенное беспристрастие к себе, ко всему временному и чистота в жизни.

Вообще, боголюбивое семейство, воспитываемое богомудрым старцем, отличалось особенною любовью и скромностью среди людей, чистотой нравов, при всех случаях

опасных и скорбных глубочайшей кротостью; смирением и покорностью во всем Богу, неутомимостью в трудах всякого рода, усердием к молитвам, любовью к чтению Священного Писания и Отеческих книг.

По кончине старца известная редкой опытностью в жизни духовной Матрона Ивановна Гулина рассказывала: много, много трудов, скорбей и нужд перенесено теми, которые хотели учиться у батюшки отца Адриана духовной жизни, много пролито потов, перенесено голода, жажды и всяких лишений, много проведено ночей бессонных и всякого рода огорчений, – чтобы только усовершиться в любви Божией и быть верными до конца добродетельной жизни, указываемой нам старцем, и самого-то его (старца) в чем-либо не оскорбить. Послушание наше старцу было под руководством Добротолубия, – что в книге Игнатия и Баллиста, и главах Симеона, нового Богослова. Под руководством старца устроилась наша жизнь, не только внешняя, но и мысленная: помыслы наши, желания и намерения, – все старцу были известны, каждый шаг наш от него не укрывался. Все, относящееся к благоустройству жизни телесной и ее потребностей, предпринималось с ведома и благословения старца. По ее рассказам, под руководством старца являемо было бесчисленное множество дивных опытов послушания и строгой жизни, и все они ясно свидетельствовали, что батюшка отец Адриан был великий подвижник, мудрый старец и усердный молитвенник ко Господу.

Некоторые из сестер Бежецкой Благовещенской общины о строгостях жизни под руководством отца Адриана рассказывали: «удивительна, говорили они, и необыкновенна была строгость науки батюшки отца Адриана: всех, приближавшихся к себе, для того, чтобы от него, близ него и около него учиться духовно жить, старец принимал с любовью, предлагая зеркалом жизни таковым – Добротолубие. Часто старец, для испытания веры, ищущим чрез него спасения, запрещал просить у кого-либо что-нибудь самопотребнейшее для жизни, до тех пор, пока Господь не вразумит кому-либо подать, – и, таким образом, несколько времени таковые должны пребывать без пищи и приличной одежды (для зимы особенно)

на несколько времени, в ожидании, за св. молитвы старца, милости Божией, через каких-либо благочестивых людей. Хлеб почти у всех, перенимавших у старца науку подвижничества, употреблялся с весу, и потому, всякий в своей квартире имел своего рукоделья весики; пищу тогда благословлял употреблять и брать только ту, которая оказалась почему-либо в мире негодною к употреблению, и за ту платить, молясь за даровавшего ее многочисленными поклонами. Посылал, когда уже уберут овощи с огородов, все оставшееся подбирать и выкапывать картофель, уже мерзлый, и это употреблять для стола себе, опять, за труды хозяина этого огорода, полагая по назначению старца многочисленные поклоны; картофель, таким образом в мороз собранный, и от того уже повредившийся, за св. молитвы старца, был свеж, будто взятый из земли в свое время.

Поразительно было искусство старца, рассказывал некто из Московских граждан, учившийся у него духовной жизни, приучать людей к любви и смирению христианскому. Никакой характер, никакая быстрота ума, никакая гордость и самонравие человеческое не могли устоять против мудрых распоряжений старца, – все благоуспешно направлялось им к желанному концу смирения и любви христианской.

Старец обладал необыкновенным искусством и мудростью облегчать и смягчать жестокости и трудности указываемого им пути подвижничества и строгости жизни духовной, делать любезными и приятными в глазах предавшихся его руководству; иго Христово, при его внимании и руководстве, казалось для них благим, и бремя Его – легким.

Для научения смирению некоторым из дворянских особ, пришедших к старцу учиться духовной жизни, старец поручал послушания, приличные только людям простого звания: посылал жать, поручал должность прислуги и многое другое, принадлежащее низшему классу людей; соответственно этому заставлял иных носить и одежду смиренную.

Через труды послушания и многообразные поручения от старца, будто превосходившие иногда пределы жизни обыкновенной, мудро испытываемая и укрепляемая была вера

многих, искавших совершенства ее. Вера испытывается в опасностях, сказал некто из святых (Исаак Сирин): ни бурные темные ночи, ни страшные бури и морозы, ни слабость здоровья, ни страх диких зверей, ни огорчения, ни преследования от людей легкомысленных и умников мирских, – ничто опасное, по мнению людей не возрожденных для добродетели, не могли ослаблять мужества, охлаждать рачения и препятствовать решимости и готовности, под руководством опытного вождя смело идти навстречу всем опасностям жизни временной, – для благополучия в вечной.

За св. молитвы старца, бурная темная ночь, исполнявшим, для испытания веры, какое-либо поручение от него, казалась приятным светлым днем; ненастные погоды и морозы не обременяли и не охлаждали рачения его послушников; слабые телом оказывали непобедимое мужество и неутомимость во всяком делании, указываемом старцем для оживления и укрепления их души; многие и в женском теле являли дивные опыты самоотвержения, крепости и мужества в опасностях жизни временной, в нуждах ее и в неусыпном рачении на пути добродетели: для некоторых, воспитываемых в добродетели под руководством старца, строги были посты, продолжительны молитвы, многочисленны поклоны и неусыпны бдения, скудость потребных, – и все, за его св. молитвы, выносилось благодушно, рачительно и с великими победами немощей естества человеческого. Преданных и верных старцу сердец, на пути, при встрече волков и других зверей, страх не побеждал, и они смотрели на зверей, как на кротких овец, призывая на помощь молитвы старца, оставались совершенно и всегда мужественны и невредимы в таковых опасностях: это случалось со многими, ему преданными, особенно при переходе в ночное время болота, лежащего между Мологой и Югской обителью. Совет старческий из слова Божия: не противьтесь злу, неизгладимо носим был в сердце ему покорных, и они, при всех неприятностях, огорчениях от людей бесстрашных и легкомысленных, являли всегда примерную кротость, перенося все с мужеством и долготерпением: ни бесприютность, ни гонения от родных, ни скудость в потребных не останавливали в

доблестном течении на пути добродетели, под руководством старца решившихся переносить все трудности оногo, к достижению совершенства добродетели.

Служа нравственной опорой для такого множества духовных чад, о. Адриан, после молитвы, находил себе нравственную поддержку в близком духовном общении с другими подвижниками благочестия, о которых мир не знал, но имена коих были уже вписаны на небе в сонме праведнического. Таковых людей можно было видеть и встречать при Югской обители и при Адрианове монастыре, куда приходили они с целью свидания с старцем. Из них особенно замечателен пламенной ревностью к молитвам некто из соседственных селений Югской пустыни, любитель пустынной молитвы в лесах Захария. Он устроен, в полном смысле, как дитя Евангельское: что ему дадут, на что ему укажут и в чем примут участие к его успокоению, тем только и пользовался; никому ничего и никогда не предлагал о своих нуждах; главный труд его составлял быть день и ночь в молитвах где-либо в уединении; пламенная душа его проявлялась и в поступках его: он мало садился, и редко видели его отдыхающим, а, все покачивая головою, имел глаза всегда почти обращенные к небу; был он телом сух, глаза голубые очень выразительны и светлы. Бывало, когда придет в Югскую пустынь, старец иногда говаривал ему: «Захарушко! Захарушко! гляди ты на птичек, любуйся, как они живут и перенимай у них: они, когда клюют, то на все стороны глядят, как бы на ловца не попасть: питаться-то и ты по-ихнему учись: кровом для них небо, а приютом часто веточки в лесу; – вот так-то и нам бы хорошо».

Со старцем имел духовное общение известный своей страдальческой жизнью в Бежецке (Твер. губ.) Гавриил Иванович Рыженков, предсказавший и блаженную кончину старца его преданным. Труды, подвиги и неусыпность в жизни о Господе этого страдальца выше всякой похвалы. Проводя целые ночи в трудах и молитвах, он, между прочими подвигами, имел обычай ночевать при гробах, на кладбище; провалившаяся и пустая могила служила ему приятнейшим приютом для успокоения его молитвенной души. Жители города Бежецка с

благоговением смотрели на изумительные труды его благодатствованной души. При своем доме приютом для него служил, большей частью, чердак, где он день и ночь молился; от труда молитвенного, особенно, когда сильно ударял себя в грудь, потрясался потолок, что слышно было присутствовавшим на эту пору в доме. Своими пламенными и теплыми молитвами этот подвижник служил к спасению многих, прибегавших к нему с верою, для облегчения болезней душевных и телесных. Многие из посещавших этого подвижника и из жителей города Бежецка были свидетелями чрезвычайных его дарований благодатных, особенно дара прозорливости на многие случаи их жизни.

Старец отец Адриан с похвалою отзывался и о многих других рабах Божиих, проходивших многотрудный и страдальческий путь в этом тяжелом роде подвижничества.

Путь юродивых старец считал самым трудным: много таковым приходится до совершеннейшего успокоения переносить трудов, скорбей душевных и телесных, и всякого рода лишений и огорчений от людей и от бесов. Одному молодому человеку, просившему благословения у старца на путь юродства, старец сказал: «сказал ты, что хочешь сойти с ума; но скажи: с какого ты ума-то сойдешь! Наживи прежде ума, да тогда и сходи с своего ума на Божий ум: ведь и без того мы сошли с Божьего-то ума на мирской и свой непокорный ум! Странничество и юродство не у всех, избравших оные, говорил старец, бывают справедливы: много из таковых есть волков в овчей одежде; под кафтанами странническими и под личиною юродства не всегда скрывается ум христианский; сказано: мнози лжепророцы изыдоша в мир и, испытывайте духи. Часто враг приражается и к чистым по жизни, но гордым по уму, – какового искушения сохрани нас, Господи! Библия, Добротолубие, Четииминеи и Прологи раскрывают глаза христианам».

Старец имел друзей, доблестно проходивших путь добродетели и в трудах жизни пустынной, по примеру древних пустынножителей, чтимых св. Церковью. Об одном из таковых в наизидание своих близких, во славу Божию, с приятностью рассказывал старец: знаю одного дивного мужа нашего

времени, который с 7 лет избран на чудный подвиг пустынный. Священник, у которого воспитывался этот дивный отрок, усмотрев в нем призвание Божие к духовной жизни, потому что он с этих лет постоянно пребывал в посте и молитве, давал ему полную свободу и средства к просвещению его боголюбивой души. С этою целью он устроил для него комнату на чердаке дома (светлицу), где, при чтении книг, в посте и молитвах, неисходно пробыв до 13 лет, он скрылся от священника и доселе проводит жизнь чудную, скитаясь в лесах, пустынях и пропастях земли Русской, не имея себе постоянного крова и жилища. Одежду иногда носил сплетенную из кореньев своими руками. Пищу доставляет ему земля своими произрастениями. К селениям не приближался. До сих пор хранимый чудным Богом, он благополучно покрывается Им от взора любопытных людей. Об имени этого чудного раба Божия старец не напомнил, чей священник покровительствовал ему для подвижничества пустынного и где он скрывается, не сказал.

Еще о двух родных братьях, провождавших в его время жизнь пустынную, старец рассказывал: «оба они, взаимно подкрепляемые в трудах подвижничества, чудно совершали свое течение до глубокой старости. С юности приучив себя к посту, они и в старости питались только хлебом с водою и сухарями, кои, сидя вместе, при чтении Евангелия, на бережке одного ручейка, в платочке размачивали. От поста и молитвы, несмотря на преклонные лета, оба они были необыкновенно бодры, веселы, легки и быстры скорошеством; однажды старший вздумал испытать младшего в послушании, послал его в одно селение верст на 15 взад и вперед за час до заката солнца, с приказанием, – чтоб он возвратился, пока солнышко не село. Младший, скорошественный молитвенник, возвратился по назначению старшего, благополучно совершив свое путешествие до заката солнца, а ему было около ста лет, – так пост и молитва облегчают человека! Старец только и сказал об этих двух чудных, особящихся птицах, не указав не на место их жительства, не напомнив об именах их и других обстоятельствах их жизни. Сказано было это, когда была речь о посте, молитве и послушании».

Общение с подобными тружениками о Господе для о. Адриана было особенно утешительно и полезно ввиду тех больших скорбей, какие ему приходилось переносить во время своего подвига служения людям, особенно в последнее время его жизни. Тяжелый для изнуренного постом подвижника сам по себе, подвиг старческого руководства обращавшихся к нему людей, был отягчен еще рядом скорбей из-за злобы дьявола и людей. Старец трудился, но и враг не дремал, творя ему много обид и возмущая против него монастырскую братию. Игумены о. Рафаил, Павел и настоятель иеромонах Ириней уважали старца и содействовали ему в его служении предоставлением нужных удобств. И ненавистники из братии, кроме своего злословия, особенно ничем вредить подвижнику не могли. Но, когда настоятелем стал игумен Сергей, долго таившаяся злоба прорвалась наружу с ожесточенным напряжением. Новый настоятель не мог понять старческого служения о. Адриана и с самого начала своего настоятельства стал относиться к подвижнику недоверчиво. Недоброжелатели Адриановы и воспользовались этим обстоятельством. Всячески стали они чернить праведника: обвиняли его и в корыстолюбии; клеветали на его чистую девственную жизнь; ему приписывали такие деяния, какие нетерпимы и в самом обыкновенном мирянине. Наконец, достигли того, что настоятель запретил ему принимать и народ. Старец терпеливо нес это испытание. Но не вынесли того жаждавшие старческого слова и так налегали на настоятеля, что тот против своей воли, однако, разрешил о. Адриану снова принимать народ. Сам праведник, видя большое смущение среди братии из-за себя, усматривая в этом смятении козни врага, смиренно решил уйти из обители ради водворения в ней спокойствия и тишины. «Кто я такой, говаривал он в эту пору, что из-за меня, убогого, смущается настоятель и братия св. обители»? И пламенно молился за врагов. Югский настоятель, встретившись с Сергием в Ярославле, выпросил у него к себе в обитель о. Адриана. Близорукий и неразвитой Сергей с радостью согласился: он был рад избавиться от беспокойного, по его мнению, человека, сам того не понимая, неразумный, что, избавляясь от о. Адриана, он служил врагу и

лишал обитель великого сокровища благодати Божией. Узнав о воле настоятелей, о. Адриан смиренно оставил столь дорогую обитель. В ней он провел тридцать лет своей иноческой, страдальческой жизни; здесь он принял постриг; здесь у гробницы своего ангела преподобномученика Адриана он находил утешение и подкрепление в тяжелые минуты борьбы. Эту-то обитель по злобе людской и пришлось ему оставить. Смиренно вышел из родной обители изгнанник и вошел в новую обитель 14 февраля 1851 г., во время благовеста к литургии.

В Югской Дорофеевой пустыни о. Адриан был принят в число больничных иноков и помещен на гостинице, где был отведен ему номерок. О. настоятель Варфоломей дал свободный доступ к старцу богомольцам, и о. Адриан снова стал, как и прежде, служить ближним. Он принимал то у себя, то сам посещал богомольцев в их номерах. Вел по-прежнему обширную переписку и читал получаемые письма по ночам, среди молитвы: днем на это не было нисколько времени. Два с половиною года прожил здесь о. Адриан, служа ближним. Он с радостью встречал жаждавших очиститься от грехов в покаянии, скорбел глубоко о нераскаянных и всех умолял жить благочестиво. Сам время проводил по-прежнему в подвигах бдения и поста. Молитва его была столь постоянна и напряженна, что волосы от поста сбивались в одну как бы шапку, рубашки от пота истлевали в несколько дней, как свидетельствовали две благочестивые старицы, что служили ему приготовлением белья; вкушал также только хлеб то с водою, то с водою, и уксусом, и чаем. Но и здесь враг не оставил его в покое. И здесь скоро нашлись среди братии ненавистники подвижника и злословили его всячески: называли его сумасшедшим, его преданных учеников малоумными, называли его ханжою, хвастуном, обманщиком, лакомкой, бесполезным для обители человеком, которому только ходить, да чай пить с богомольцами. Но это шипение злобы шло втихомолку. Только одно время, когда о. Варфоломей был вызываем в Соловецкие настоятели и ездил в Петербург отказываться, а настоятелем был гонитель старца Адриановский настоятель Сергей, злоба эта прорвалась наружу, и снова

начались было притеснения старца, но это было недолгое время: когда возвратился о. Варфоломей, старцу снова дали покой и свободу в приеме богомольцев. Сам же старец, зная и видя вражду против себя, смиренно переносил все: при всей правоте путей своих, никого не осудил, ни на кого не пороптал, никого ни в чем не обвинял; и только говорил соболезновавшим ему, чтобы усерднее молились за него Богу, и часто повторял: «конец моей жизни все скажет». И усиленно отдавался молитве в храме и в келлии. «Только и можно жить, говаривал при этом старец, весело избавиться от уныния и мрака душевного, избежать многообразных искушений и бед человеку, как при усердной и чистой молитве. Воины, когда идут на войну, для ободрения себя песенки поют, и играет музыка для них. И воинам Христовым, для оживления и мужества их, непременно нужна молитва, для духовного веселия и Псалтирь необходима. Чтобы натянуть ослабевшие от сухости канаты, для поддержания мачт, их увлажняют водою. Увлажь и ты расслабевшую от зноя и страстей сухую твою душу молитвой со слезой. И ум твой укрепится для хранения тебя от бури мысленных и страстных ветров!»

Молитвою и постом о. Адриан очистил и истончил свою плоть, укрепил свой дух, терпением вольных и невольных скорбей победил все греховные навыки и предрасположения, а старческим руководством множества людей познал все изгибы души человеческой, все падения немощного люда и полюбил это бедное страждущее человечество любовью вечною и был он в плоти ангел, – небесный человек, земной ангел, – своею молитвою за людей пламеневший к Престолу Исккупителя. Но, когда дух его был бодр, внутреннее его благодатное устройство отражалось и на лице его, которое в последние годы, порою, так светилось, что близ стоявшие не могли и выносить этого просветления; плоть старца уже изнемогала и просила покоя до общего воскресения.

Старец чувствовал конец своего земного течения и в последний год жизни часто, то явно, то прикровенно говорил о своей кончине. «Не теряйте времени, говорил он, спрашивайте меня обо всем, торопитесь, я уйду от вас. Меня переведут в

другую обитель, где келлия в темной пещере (т.е. могила). Если не найдете себе истинного друга-руководителя духовного, изберите себе другом Добротолубие и крепче его держитесь. Я душевно рад был послужить всем во славу Божию, но слаб стал: сегодня я жив, а завтра меня может уж не быть, так и держитесь крепче Добротолубия». 4 июля 1854 г. он принял в последний раз почту, а с 13 июля устроил себя в неусыпном молитвенном подвиге до самой смерти, не вкушая пищи. В это время преданность старца на волю Божию была полнейшая, и светлая надежда на милость Спасителя, на скорое свидание с горними обитателями небесных чертогов не оставляла подвижника. А с пятого числа июля он, по возможности, стал погружаться и в полное безмолвие. До 13 числа почти ежедневно ходил в церковь, водимый уже под руки. 23 числа он, изнемогший уже совсем, вышел, однако, в братскую трапезу и там у всех испросил себе прощение; обессиленного, его уже под руки отвели в келлию. Во время его предсмертного истощения пелена вражьего потемнения стала спадать с духовных очей нерасположенных к о. Адриану братий; они ясно стали видеть святость того, кого так жестоко и злобно преследовали. Глубокое покаяние охватывало всех, а трогательное смирение о. Адриана и испрошение прощения у братии совсем очистило сердца недоброжелателей. Духовник обители, после исповеди старца, со слезами говорил: «что это мы делали? Как мы много ошибались насчет батюшки о. Адриана? О, мы были в великом искушении относительно великого человека, необыкновенного подвижника... То-то наша гордость и беспечность! Хотя бы немного нам уподобиться ему в душе!» И эти слова были выражением общего сожаления, голосом всех братий... Так сбылось слово подвижника, что конец его жизни все скажет!

Незадолго до кончины, старец, неоднократно напутствованный таинствами исповеди и св. Причастия, 25 июля был особорован. 1 августа был прочтен ему канон на исход души, и во время шестой песни канона он сподобился явления Пресвятой Богородицы со Святыми. Во время предсмертного изнеможения и молитвенного бдения, о. Адриан

удостоился видения и Спасителя. Но об этих явлениях старец не решился поведать, хотя его и очень упрашивали, но говорил только, что он несказанно этим утешен, и лицо его сияло при этом светом неземным. Свет небесной славы, унаследованной духом подвижника, просиявал уже в брэнной плоти, служа предвестником той славы, в какой будут тела праведников после всеобщего воскресения.

Скончался праведник 7 августа 1853 г., в пятницу, в первом часу дня. За полчаса до кончины лицо его просияло, глаза стали проникновенны и чисты; он устремил взор на св. иконы и горé, точно Кого-то созерцал, видимо было, что умно он беседовал с Зримым. Потом опять его взор перешел на образ, он тихо шептал молитву. После молитвы лег на свой убогий одр, сложил сам руки на груди, как складываются у умершего, и стал дышать реже и реже. Дыхание начало быстро стихать. Лицо еще более просияло, и сном тихим и блаженным закончилась временная жизнь праведника, и началось его блаженное бытие в одной из тех Обителей в Доме Отца Небесного, которые приготовил для нас Спаситель.

Удары колокола возвестили о смерти старца, и слезы пламенных почитателей старца слились у его гроба со слезами покаянными его недругов, и все, поклонившись гробу, отходили умиротворенные; тихая радостная уверенность о блаженной доле почившего умеряла скорбь разлуки. Отошел непримиренным, хотя и посрамленным, только диавол, чтобы с новою силою наброситься на других рабов Божиих, у гроба же старца было место только молитве и слезам. Множество народа перебивало в тесной келлии старца. В келлии гроб стоял до третьего дня; хотели было вынос в храм сделать на второй день, но вдруг поднялся сильный ливень и гроза, которые и помешали перенесению останков подвижника. Замечательно при этом, что, когда о. настоятель, увидя ливень, сказал: видно старцу не угодно, чтобы его теперь переносили, оставим до завтра, в это время гроза и ливень вдруг прекратились. Только в воскресенье гроб был перенесен в церковь преподобного Дорофея, а в собор перенесение было совершено в понедельник, к литургии. Как во время перенесения в собор, так

и во время поздней литургии, многим слышалось неземное пение: *Святой Боже*.

Торжественно останки праведника были преданы земле, 10 августа, с левой стороны, против алтаря соборной церкви; и с самого дня погребения могила о. Адриана стала чтимой у православного люда.

Поистине, о. Адриан скончался *вмале, исполни лета многа, угодна бо бе Господеву душа его*¹².

Малоярославецкий игумен о. Антоний (Оптинский)

(Память 7 августа).

В г. Мологе, Ярославской губернии, на городском кладбище, близ алтаря церкви во имя Всех Святых стоит огромный, осененный крестом, мраморный памятник, на котором с одной стороны такая надпись: «Под сим камнем погребено тело Московского купца Ивана Григорьевича Путилова. Жития его было 57 лет, скончался 1809 года, января 26-го дня», а с другой стороны начертаны имена лиц, воздвигнувших этот памятник: «Путилова дети: Моисей, игумен Оптиной пустыни, Исаия, игумен Саровской пустыни, Антоний, игумен Малоярославецкого Николаевского монастыря».

Прочтешь эту надпись и невольно остановишься на ней мыслью. Какое редкое, замечательное семейство! Три сына, каждый в ранней молодости, оставили мир для того, чтобы служить Богу и жизнью строго-подвижнической приготовить себя к вечности. Все трое неуклонно прошли этим путем; все трое преуспели в добродетелях настолько, что каждый из них, в свою очередь, за благочестивую жизнь был избран в наставники и руководители других многих, и, пася овец Христовых, после долголетней, плодотворной деятельности, святою кончиною запечатлел святую жизнь свою. Память каждого из этих трех братьев, как *память праведного – с похвалами* (Притч.10:7). Много ли ныне таких семейств?

Игумен Антоний, в мире Александр Иванович Путилов, родился 9 марта 1795 года в г. Романове Ярославской губернии. Родители его, Иван Григорьевич и Анна Ивановна Путиловы, были коренные жители города Серпухова, а впоследствии приписались к Московскому купечеству. Они были люди благочестивые и богобоязненные; воспитывали детей своих в страхе Божиим и в духе строгого православия, и с ранних лет приучили их любить храм Божий и божественную службу. Молодой Александр в детстве и юности был весьма тих и скромен, не увлекался шумными играми своих сверстников.

Призвание к монашеской жизни почувствовал он еще в детском возрасте. В родстве Александра были уже лица, посвятившие себя иноческой жизни. Так, прадед его Иоиль был иеродиаконом Серпуховского монастыря; а двоюродная сестра его Максимиλλα была монахиней в Московском Вознесенском монастыре и отличалась строгостью жизни. Вообще, во всем семействе Путиловых заметно было расположение к монашеству. Из четырех братьев Александра один только (Василий) избрал семейную жизнь; другой (Кирилл), хотя оставался в миру, но проводил жизнь безбрачную и весьма благочестивую, а остальные, Тимофей и Иона, так же, как и Александр, в молодых годах удалились из мира. Старшая сестра их Анисья желала также поступить в монастырь, но против воли своей должна была выйти замуж, и через три года умерла в цветущих летах; а муж ее, как бы исполняя желание жены, принял монашество.

Александру было десять лет, когда старшие братья его, Тимофей и Иона, оставили мирскую жизнь и поступили в Саровскую пустынь. Пример их подействовал на младшего брата, с которым они имели и переписку; по временам они присылали ему и назидательные книги.

Имея в детском возрасте высокие чувствования, Александр с детства подвергался и особенным тяжким испытаниям, по которым можно было видеть, что Господь готовит его к чему-то особенному. Десять раз жизнь его подвергалась великой опасности: однажды едва не утонул, другой раз упал с высокого места, так что голова его была проломлена, но каждый раз он избавлялся от смерти. Кроме того, он так часто и тяжело был болен, иной столетний старик столько болезней не видал, сколько испытал уже он – пятнадцатилетний. В этих болезнях он как бы обучался терпению и тем многотрудным недугам, коими была исполнена вся его жизнь. Вместе с тем, эти телесные страдания уже в детстве как бы способствовали к тому, чтобы обнаружилось его стремление к духовной жизни, которое он и высказывал в письмах братьям.

Но переписка эта попала в руки родителей, и тринадцатилетний пустыннолюбец по сему случаю пострадал

очень чувствительно, как сам выразился впоследствии, и должен был отложить свое намерение, повинаясь воле отца, который и старших сыновей не вдруг и не без труда отпустил в монастырь.

В 1809 году скончался родитель их. Отдавши последний долг отцу, Александр со старшим братом Кириллом (которому он был поручен умирающим родителем, и который был, вместе с тем, и крестным отцом его), отправился из Мологи в Москву и определился в должность комиссионера к откупщику Карпышеву, у которого прежде служили и старшие его братья. В свободное от занятий время, Александр и здесь любил посещать церкви и монастыри, так что, проживши в Москве только 3 года, он лучше многих старожилов узнал Московскую святыню, и даже в старости помнил, где там какой храм или чудотворная икона и т. п. В 1812 г., в годину народного бедствия, и ему пришлось подвергнуться испытанию. Когда французы приближались к Москве, хозяин Александра, выехав из Москвы вперед, оставил его с братом Кириллом беречь дом. Прибравши в доме все ценное, при помощи добрых людей, (которые потом первые же и указали французам, где что спрятано), и они думали было укрыться от приближающегося неприятеля; но было уже поздно. При выезде из Москвы, – это было 2 сентября в три часа пополудни, – к Александру подскочил поляк и, приставив дуло пистолета ко лбу, сказал: *пенензы!* Александр отдал кошелек с золотом за спасение жизни. Потом неприятельские солдаты отняли у него часы, сняли с него платье и полунагого погнали за собою. Александр находился 10 дней в плену у французов и много пострадал. Неприятели заставляли русских пленных переносить с места на место тяжелые ноши, которые состояли из награбленных ими по домам и лавкам вещей. Русские заменяли для них вьючных животных. Эта скучная работа досталась и на долю Александра. «Накладут, бывало, много, говаривал он после, и бьют, приговаривая: неси! *И на моем хребте*, прибавлял он, *делаша грешницы*. У русских в плену хлеба не было; они питались тухлой коренной рыбой; ели ее, зажимая нос, иначе не было возможности проглотить. В Москве было им так тяжело, что они

думали, что и в аду легче. В эти дни не было в Москве колокольного звона, и это на Александра, привыкшего к ежедневному во всех церквах богослужению, наводило особенную тоску, так что, когда кто-либо, француз или русский, случайно ударял в колокол, то даже этот печальный звук проливал утешение в его душу. Бежать из Москвы пленникам не приходило в голову: французы распускали слухи, что Петербург и прочие города находятся в их руках. Наконец, узнав от кого-то, что это слухи лживые, и что недалеко от Москвы стоят русские войска, Александр решился бежать. 12 сентября, в полночь, при проливном дожде, ему, с помощью одного крестьянина Фомы, удалось уйти от своих мучителей. Спрятавшись под каким-то мостиком, он избавился от преследования неприятелей и от дальнейших истязаний; однако ночь должен был провести в поле, ограбленный, босой и полунагой; и сильно пострадал бы от осенней стужи и сырости, если бы не встретил партию врывавшихся, подобно ему, соотечественников. Между ними он нашел даже и родственников своих, которые с радостью приняли к себе юного страдальца, и в эту ночь укрыли его от суровой погоды. Потом они шли ночью лесами, болотами, оврагами, днем же укрывались в лесах, чтоб не встретиться с неприятелем и, наконец, вышли на Рязанскую дорогу.

Успев, хотя и не без труда, бежать из Москвы, Александр явился к родным своим в Ростов, в лаптях, и лишившись всего, что нажил своими трудами в Москве. Время длилось; неприятель был изгнан из России. Не получая долго известий о старшем брате Тимофее, он, пождав несколько, наконец, решился поступить к г. Приклонскому на должность, подобную той, которую занимал в Москве. Но мысль его постоянно стремилась к духовной жизни; с большим усердием посещал он храмы и монастыри. Особенно любил ходить в Ростове в Яковлевский монастырь, где помогал гробовому старцу о. Амфилохию подымать тяжелую, в несколько пудов, крышку от раки святителя Димитрия Ростовского, вылитой из первого Сибирского серебра, и пожертвованной Императрицей Елисаветой Петровной.

От шумных светских удовольствий Александр удалялся и держал себя осторожно. Несмотря на замечания родных, одевался не только скромно, но и весьма просто. Объезжая села и деревни, как поверенный откупщика, он, куда ни приедет, разведывал о благочестивых старушках и богомолках, собирал их и беседовал с ними о духовных предметах. К концу 1815 года созрела в Александре решимость покинуть мир, и обстоятельства уже благоприятствовали этому. Сперва он устроил судьбу старшего своего брата Василия, избрав для него благонравную и благочестивую невесту. Когда совершилось бракосочетание брата, и родные стали уговаривать Александра, что пора бы и ему пристроиться, он отвечал, что и сам находит нужным избрать другой род жизни, но прежде желает съездить в Москву, где в то время жила престарелая их родительница. Купив себе лошадь, он, под предлогом, что обучает ее, по вечерам объезжал все Ростовские монастыри и, останавливаясь у врат, усердно молился Господу, Матери Божией и Святым угодникам, о благопоспешении его намерению. Наконец, добыв себе паспорт и нашедши верного человека в спутники, Александр 4 января 1816 года отправился в Москву; остановился там в отдаленной части города (на Таганке), чтобы никто из родных его не видал, и только по вечерам опять объезжал храмы и монастыри, и у входа их изливал пред Господом усердные молитвы. Из Москвы, никем не замеченный, отправился в Калугу и, отслужив там благодарственный Богу молебен о благополучном избавлении от уз мира, направил путь в Рославльские леса, где уже 5-й год подвизался старший его брат. Простившись с своим спутником в ближайшем к месту жительства пустынников селе, Александр один въехал в густой лес. Не зная лесных дорог, он, помолившись Богу, пустил вожжи, и сама лошадь подвезла его к пустынной келлии его брата, спутнику же его, Иосифу Антонову, пришлось немало пострадать за участие, принятое им в бегстве Александра. Когда он возвратился в Ростов и явился без письма к родным юного беглеца, то никто ему не поверил, тогда он стал рассказывать, где оставил Александра. Возникло подозрение, не убил ли он его. Бедного Иосифа посадили в острог, и он там

просидел полгода, пока пришло письмо от Тимофея, который подтверждал, что действительно Александр у него находится.

Повидавшись с братом, Александр решился остаться у него до весны. 15 января 1816 года облекли его в послушническое платье: двадцатилетнему Александру, который так давно и так усердно стремился к монашеской жизни, короткий крашенинный подрясник, весь в пятнах и заплатках, казался, как он после сам выражался, драгоценнее царской порфиры. Весною братья засеяли огород, осенью убрали, потом вместе поехали в Киев для богомолья. На возвратном пути они посетили Софрониеву, Глинскую и Площанскую пустыни, где виделись и беседовали со многими старцами высокой духовной жизни. Дорогой, Александр приглядывался ко всем этим монастырям, но сердце его ни к одному не прилегло. Возвратясь из Киева в прежнее безмолвное место, он еще остался погостить, и затем не захотел и удаляться.

С ревностью Александр в таких молодых летах посвятил себя трудам пустынножительства. Одаренный большой крепостью телесной и сохранив ее с детства, несмотря на перенесенные им недуги, он с этого времени, не щадя себя, нес всякие подвиги. Вставая в полночь, они с братом ежедневно вычитывали вдвоем всю церковную службу по богослужебным книгам, без малейшего опущения. Еще в детстве Александр, постоянно и усердно посещая храм Божий, хорошо знал порядок церковной службы и имел особенную склонность и способность к изучению церковного устава. Теперь же, ежедневной, в продолжение многих лет, практикой, он так в этом усовершенствовался и сделался таким отличным уставщиком, что в этом отношении нелегко было найти ему равного. Затем трудился в переписке Отеческих книг уставом. Замечательно еще, что по особенному благоговению к Отеческим книгам Александр, подобно старшему брату, всегда читал и писал их стоя – и это после продолжительного стояния на молитве. Около 18 часов в сутки он часто проводил на ногах, и в несколько лет так утрудил ноги, что в них впоследствии развилась мучительная болезнь, которая не оставляла его до смерти. Сверх этих келейных занятий, Александр, как младший

член отшельнической семьи, с горячим произволением и великою ревностью проходил другие, более тяжкие послушания. На него была возложена обязанность будильщика, так что он должен был вставать раньше всех, чтобы полунощное келейное молитвословие начинать неопустительно в свое время. На его же обязанности лежало рубить дрова в окружавшем их лесу и переносить их в келлии; на его же попечении был и огород, на котором по неблагоприятной почве ничего не родилось, кроме репы. И тут приходилось ему, большей частью, трудиться, после утомительного молитвенного правила, и в ожидании позднего и скудного обеда, который им же и приготавливался. При таких трудах, кроме общего молитвословия, заменявшего церковную службу, не оставлялось каждым, в особенности, и келейное, с поклонами, молитвенное правило, и все это совершалось с великим усердием, как сказано, при самой скудной постной пище, не укреплявшей тело, а едва утолявшей голод. Рыбу они позволяли себе вкушать только в великие праздники, и даже с маслом предлагалась трапеза изредка; но при такой многотрудной жизни и сухой хлеб был им сладок и вкусен, и по выражению о. Антония, вкушали они его с великой благодарностью к Господу, как дар Божий, и с такой бережностью, как *антидорец*, а все, что посылалось им сверх сухого хлеба, они принимали как великую милость Господню, и относили с искренней верой к особенному промыслению Божию. Однажды крестьянин, проезжавший лес, оставил пустынникам мешок с горохом. Пустынники приняли это малое приношение с такою благодарностью к Господу, как бы от Его руки.

В великие праздничные дни все старцы собирались в келлию к о. Афанасию на общее келейное богослужение. По окончании богослужения вместе обедали, иногда подкрепляли изможденные многолетними подвигами силы свои чаем, или, за неимением его, какой-нибудь другой травкой, а молодому Александру, как новонаначальному, в первое время и в этом был отказ. Впоследствии ему позволялось иногда после угощения старцев допивать жидкий спитой чай, почти что одну горячую

воду, и по благословению старца, он пивал это, по собственным его словам, с бóльшим вкусом, чем другие пьют лянсин. После сего старцы расходились до следующего праздника. На Пасху же и на Рождество, а также и в другие нарочитые праздники приходил к ним из ближайшего села Луги старец священник и приобщал их запасными св. Дарами.

Ни из зверей, ни из людей никто не возмущал душевного спокойствия Рославльских безмолвников.

Избрав старшего своего брата себе старцем и руководителем в духовной жизни, Александр предался ему в совершенное послушание, с полной верою и с тем же горячим произволением, которое являл и в других своих подвигах; и это-то послушание, в свою очередь, облегчало и услаждало многотрудную его жизнь.

Но, удаляясь с самого начала своей монашеской жизни от излишнего соображения с людьми, он не удалялся от любви к ближнему. «Живя в Рославльских лесах, бывало, встретишь человека, рассказывал впоследствии о себе о. Антоний, как ангелу Божию ему обрадуешься; а ныне, как ни хорошо мне, а того уж нет. Уже нет!» прибавит старец и вздохнет.

Такая высокая жизнь не могла ему обойтись без труда, понуждения, борьбы и искушений. Старец его, о. Моисей, обходился с ним весьма строго.

Трудность тесного и прискорбного пути монашеского вознаграждалась и услаждалась для Александра и благодатными духовными утешениями. Однажды в темную осеннюю ночь о. Моисей будит юного подвижника: «встань-ко брат; надо посмотреть, нет ли рыбки в перстах?» А река была не близка. С словом: «благословите, батюшка!» смиренный послушник встает и отправляется в глухой дремучий лес. Осенняя дождливая полночь, шум деревьев, крик сов, – все это сначала наводило на него страх и смущало его, но послушание превозмогло; ободрившись, он понудил себя идти вперед, уповая, что молитвами старца будет огражден от всего неприяженного. С молитвою на устах, он пошел почти ощупью или по памяти, дошел до назначенного места; в перетах, конечно, ничего не нашел, и пошел обратно в келлию. Но уже,

вместо страха, он чувствовал в сердце великую отраду, – и вдруг стало пред ним светлеть все более и более; темная ночь обратилась как бы в ясный день, потом через несколько времени опять потемнело; но сердце Александра исполнилось такой неизъяснимой радости, какую редко и редкий человек испытывает на земле. В духовном восторге возвратился он к старцу и поведал ему о виденном, и всю ночь не мог заснуть: ему казалось, что он в раю, так радовалась его душа! В другой раз, на св. Пасху, когда пропели светлую утреню и часы, послали его одного прогуляться в лесу, – и он, в лесном безмолвии, в этот знаменательный день ощущал такое сладостное утешение и духовный восторг, что как будто пребывал не на земле, а на небе. Вообще, понуждая себя к совершенному послушанию и отсечению своей воли, Александр чувствовал в душе неизъяснимую отраду и спокойствие, но не вдруг и не без труда достиг этого блаженного беспечалия и душевного покоя. В первый год иночества нападала на него тяжкая тоска, и он многократно мысленно соглашался возвратиться вспять. «Но удерживало меня от сего, говорил он впоследствии, Христово слово: *никтоже возлож руку свою на рало, и зряй вспять, управлен будет в царствие небесное*. Ибо крайне не хотелось погибнуть, а потому и решился лучше страдать с людьми Божиими, нежели жить в селениях грешничих и утешаться всеми видами удовольствий мирских». Однажды тоска до такой степени усилилась, и пустынножительство показалось ему столько трудным и неудобноносимым, что, взяв котомку, задумал было бежать; но, отойдя недалеко, воротился и снова принялся за предлежавший ему подвиг.

В 1819 г. на руках его скончался великий подвижник, о. Феофан, монах Оптиной пустыни, который посещал их по временам ради душевной пользы. Он однажды пробыл целую Четыредесятницу без пищи, и притом, в больших подвигах.

О. Антоний говорил, что этот старец при жизни имел столь сияющее благодатью лицо, что недоставало духу смотреть ему прямо в глаза, а разве, украдкой, когда взглянешь со стороны.

Выдержав четырехлетний иску́с, Александр был облечен в ангельский образ, 1820 года 2 февраля, на праздник Сретения Господня, и наречен Антонием. Пострижение совершено келейно иеросхимонахом Афанасием; восприемным от св. Евангелия отцом был старший брат о. Моисей.

После пятилетнего пребывания своего в Рославльских лесах, Александру суждено было переселиться в то место, где по воле Божией протекла большая часть его иноческой жизни, в Козельскую Введенскую Оптину пустынь, Калужской епархии, вместе с о. Моисеем.

3-го июня 1821 года, о. Моисей с о. Антонием и с двумя преданными им монахами Иларием и Савватием, оставили Рославльские леса и отправились, провожаемые благословениями старцев Афанасия и Досифея, в Оптину пустынь, в новый скит, устроившийся тогда преосв. Филаретом – впоследствии митр. Киевским.

24 августа 1823 г. о. Антоний был посвящен во иеродиакона, а в 1825 г., по назначении о. Моисея настоятелем Оптиной пустыни, был определен начальником скита; во иеромонаха же был посвящен в 1827 г. Сделавшись скитона начальником, он ревностно помогал о. Моисею. Начальствование в скиту о. Антония продолжалось четырнадцать лет, и эти годы были для Оптинского скита временем устроения и прочного основания, как во внешнем, так и в духовном отношении, и началом его процветания. Привлекаемые славой мудрого и кроткого Оптинского настоятеля, в новоустроенный безмолвный скит, с разных сторон стекались мудрые в духовной жизни и крепкие в подвигах старцы. В 1829 году прибыл из Александро-Свирского монастыря известный старец о. Леонид с 5 учениками; а в 1834 г. о. Моисеем приглашен был из Площанской пустыни тамошний духовник о. Макарий. При содействии этих старцев братья – настоятели монастыря и скита, как опытные духовные мужи, старались ввести в Оптиной пустыни древний старческий путь монашества и тем упрочили внутреннюю основу иноческого духа как в скиту, так и в монастыре Оптиной пустыни. О. Антоний, с своей стороны, не только участвовал в попечении

старцев о духовном окормлении братства, дружелюбно содействуя им в этом, но и собою подавал братству пример глубочайшего повиновения и преданности к старцу. Кажется, во всем братстве не было такого смиренного послушника, как скитоначальник, который ни малейшего распоряжения не делал без благословения старца своего, о. Моисея.

Кроме старцев, о. Леонида с его учениками, и о. Макария, много других замечательных духовных лиц поступило в это время в Оптинский скит: 70-летний иеросхимонах Иоанн, игумен Варлаам, иеромонах Иов; монахи – Макарий и Геннадий, престарелый монах Иларион, скончавшийся почти ста лет от роду. Среди них, смиренный скитоначальник, благоприветливый и почтительный ко всем, сиял ревностью в трудах по Боге и искренней любовью к Господу и к ближним.

При таком высоком духовном настроении скитоначальника с братией, удивительный и внешний порядок господствовал во всем скиту: в богослужении, во внешнем поведении братии и проч., и этим скит много обязан неусыпной заботливости о. Антония.

При духовном процветании, новоустроенному скиту и его первоначальным обитателям, приходилось бороться с большими внешними трудностями и лишениями, особенно в первое время. По малочисленности братства, сам начальник исполнял многие братские послушания. Почасту доводилось ему оставаться без келейника, так как нареченный его келейник был, вместе с тем, и поваром, и хлебопеком, и садовником, и привратником. В скитской церкви введено было непрерываемое чтение Псалтири. О. Антоний и в то время, когда уже был начальником, читал, обыкновенно, по две очереди и самые трудные часы: т. е. днем 1 и 2-й ч., когда все братья отдыхали, и ночью 11-й и 12-й, – вообще, в сутки бывал на ногах до 18 часов. При этом, по должности начальника, с великим радушием исполнял долг гостеприимства, не тяготясь принимать всех с искреннею приветливостью и любовью. В то время женский пол, по разрешению епархиального архиерея, допускался в скитскую церковь для служения молебнов: и эта обязанность, большей частью, лежала на о. Антонии, который

всех посетителей и посетительниц утешал усердным неспешным служением. Бывало, попросят его отслужить молебен св. Иоанну Предтече; а он, по собственному усердию и для пользы других, приложит и молебен Божией Матери с акафистом. Помещение начальника скита в первые годы было при церкви, в тесной передней келлийке, где впоследствии помещался пономарь. Вообще, жизнь в скиту в то время была весьма строгая; при великих трудах пища была самая скудная.

Служа для всех примером трудолюбия и неся великие внешние подвиги, о. Антоний не забывал и того, что телесные труды по учению св. отцов суть, собственно, только орудия добродетелей, и наиболее преуспевал в молитве и смирении.

К добровольным трудам и подвигам монашеским о. Антония вскоре присоединился и невольный крест тяжелой болезни. От непомерных подвигов развились в нем разные тяжкие недуги, от которых он и страдал до самой кончины. От продолжительного стояния на молитве сперва заболели ноги; потом, получив в ногах облегчение, он стал чувствовать головокружение; затем подступила к глазам темная вода, так что на некоторое время лишился зрения. Когда и от сего получил исцеление, возобновилась болезнь в ногах, потом открылась водяная и т. д. В 1833 году многообразные недуги так усилились, что о. Антоний, оставив заботы об управлении скитом, отправился на время в ближний город Белев, чтобы там полечиться у знакомого врача Б. Но впереди ожидал о. Антония тягчайший недуг. В 1836 г. в день святой Пасхи (29 марта), в самую полночь, поспешая по лесной тропинке из скита в монастырь к утренней службе, он крепко ушиб себе правую ногу о дубовый пенек, но, несмотря на весьма чувствительную боль, понудил себя выстоять всю пасхальную утреню. От ушиба на ноге открылась рожа. Не поняв болезни, усердные лекаря растравили ее разными примочками, отчего сделалось сильное воспаление, которое потом обратилось в скорбут, и никакие средства не помогали. Более полугода больной не мог выходить из келлии; потом, хотя и получил некоторое облегчение, но болезнь осталась неизлечимою, и около 30 лет

причиняла самые сильные страдания, которые о. Антоний переносил с изумительным благодушием.

Едва о. Антоний получил некоторое облегчение от тяжкого своего недуга, он продолжал по-прежнему трудиться в звании скитоначальника. Но впереди ожидало его еще тягчайшее испытание. Не изнемог о. Антоний от неимоверных трудов, лишений и подвигов; с благодушием и благодарностью нес крест болезни. И вот, Господь, *един испытуй сердца и утробы, и полезное всем подавая*, возложил на него новый крест, под бременем которого едва не изнемог и столь мужественный подвижник. Крест этот был – игуменский сан.

30 ноября 1839 года преосвященный Николай, епископ Калужский, неожиданно потребовал о. Антония в Калугу, и 3 декабря поставил его игуменом в Малоярославецкий Черноостровский монастырь, с начала текущего столетия получавший настоятелей от Оптиной пустыни. Тяжело было старцу-пустыннику оставить скит и перейти в городскую обитель. И порою, он очень унывал. И вот, однажды он видит во сне сонм свв. отцов. Из них выделялся один – св. Митрофан – и сказал ему: «Ты был в раю и знаешь его, а теперь трудись, не ленись и молись»! и благословил его. Это видение глубоко успокоило о. Антония.

Предшественник о. Антония, архимандрит Макарий, оказал великие незабвенные заслуги Малоярославецкому монастырю восстановлением и обновлением оногo. Теперь, за внешним устройством обители, оставалось водворить и утвердить ее внутреннее устройство по духу веры и благочестия, по правилам опытных подвижников, по образу лучших обителей русских. И об этом-то духовном подвиге в святой обители ревновал, преимущественно, во время своего управления о. игумен Антоний и, пока был в силах, подавал и сам братиям пример трудолюбия и неопустительного исполнения всех монастырских обязанностей.

В первые годы его игуменства, кроме обычных настоятельских забот, на долю о. Антония выпала забота и о приведении к окончанию по внутренней отделке монастырского храма (Николаевского), заложенного еще при его предместнике.

Освящение храма совершилось в 1843 году, в день памятной Бородинской битвы, 26 августа; но самому о. Антонию не пришлось участвовать в этом торжестве, потому что пред самым освящением тяжело заболел. В 1843 году, приведя к концу дело достройки и освящения храма, утешившись свиданием с проезжавшим тогда м. Киевским Филаретом, о. Антоний в первый раз попытался получить свободу от игуменской должности. О. Моисей дал свое согласие на желание о. Антония и благословил его действовать согласно внутреннему его влечению. После сего о. Антоний обратился к преосвященному Николаю с прошением об увольнении его на покой в Оптину пустынь, но получил отказ.

Горько было о. Антонию получить такой ответ, и он отправился в Калугу, чтобы уже лично просить архипастыря об увольнении; но и тут не получил желаемого. Владыкою был принят преблагоклонно. Но насчет увольнения от должности Преосвященный решительно сказал, что, если бы о. Антоний и два года пролежал без всякого действия, то и тогда не был бы уволен, и, чтобы не только не изыскивал средства к освобождению себя от должности, но, чтобы и не мыслил о том. Выслушав такую резолюцию, о. Антоний едва мог удержаться от слез.

Если постигнет меня смерть, сказал он Преосвященному, то святительское сердце ваше будет одержимо печалью о том, что, имевши волю и возможность уволить меня от должности, не оказали сей милости». – «Пусть этот грех останется на моей душе», отвечал архиерей. После такого отказа владыка, по выражению о. Антония, утешал его, как младенца, вместе с ним катался по Калуге более часу, и показывал дома и заведения, и по возвращении в дом продержал его у себя до полуночи; наконец, зная, что величайшее для него утешение видеться со своим старцем, предлагал ему проехать в Оптину. Но огорченный о. Антоний и от этого отказался, и из Калуги возвратился прямо в свою обитель.

В 1844 году о. Антоний возобновил прошение свое архипастырю об увольнении от должности. Но на слезное прошение ответ архипастыря был опять отрицательный.

Около семи лет после этого тянулось еще настоятельство о. Антония. В течение этого времени он не переставал с сердечною скорбью ощущать великое неудобство – управлять обителью в болезненном положении, но с этой поры скорбение его уже не доходило до тяжкого уныния; он уже не изнемогал так под своим крестом, и нес его с большим благодушием, и большое утешение находил в молитве пред образом Спасителя, который был ему дан в благословение о. Моисеем.

Впрочем, должно заметить, что не только в эти последние годы, но и прежде, когда о. Антоний сильно унывал духом, это мало обнаруживалось в его внешней деятельности и обращении с другими. Посетителям обители он всегда оказывал радушное гостеприимство; даже во время тяжких душевных страданий беседа его была оживленная: он всегда был готов входить с участием в положение всех, обращавшихся к нему с душевными своими нуждами, и подавал им лично и письменно советы, исполненные духовной силы. О том, как скорбела его душа, он открывал немногим; а вообще, перед всеми был приветливым хозяином и усердным исполнителем настоятельских своих обязанностей. Весьма заботливо следил он за порядком церковной службы, с большим усердием, даже в болезненном положении, совершал в нарочитые дни сам торжественное Богослужение.

Во время настоятельства о. игумена Антония ежедневно, кроме других служб, неопустительно бывали две литургии: ранняя и поздняя. Поминовение благодетелей совершалось с особенною точностью и усердием. В храмовой праздник св. Николая 9 мая бдение продолжалось 6 часов, на котором о. Антоний всегда читывал икосы Святителю перед Евангелием. Перед литургией молебен с водоосвящением служил сам, совершал соборне св. литургию и молебен Святителю; после службы принимал в своей келлии гостей и братию, и всех сам угощал, а потом, того же дня к вечеру, на почтовых поспевал в Калугу, для поздравления преосв. Николая со днем его ангела. В 1848 г., когда холера посетила и Малоярославец, о. Антоний, по желанию граждан, совершал со всем градским духовенством несколько раз крестный ход вокруг всего города, причем

служилось в разных местах множество молебнов и литий, а также, и панихида по воинам, павшим здесь в 1812 году, так что каждый раз крестный ход продолжался около 7 часов. Такие-то труды переносил о. Антоний с больными своими ногами.

Также и хозяйством монастырским о. игумен Антоний занимался с усердием; много заботился о внешнем и внутреннем благоустройстве обители, как посредством избранных им опытных духовников, так и личными увещаниями, и всеми возможными средствами старался утвердить в братстве добрую нравственность и благочиние. Положив прочное начало внутреннему устройству обители, о. Антоний окончил и начатое его предшественником внешнее ее устройство, для чего требовалось немало трудов и издержек весьма значительных, при скудных монастырских средствах.

В 1849 году, в Малоярославце была в феврале месяце сильная буря: с монастырской колокольни снесло шпиль, который упал на церковь, проломил тяжестью своею железную крышу и стропила, раздробил каменные своды, и железный крест сажень за 50 занесло в сад. Буря эта причинила обители убытка на 5000 р. Но о. Антоний не очень был озабочен этим, а только благодарил Бога, что никто из людей не пострадал во время бури. Один мирской человек, слушая рассказ об этом о. Антония, был поражен совершенным его равнодушием к денежному убытку и искреннею радостью его о сохранении жизни всех находившихся в обители, и невольно остановился мыслью на таком мирском расчете, что, вот, о. игумен ценит жизнь последнего монастырского работника дороже 5000 р. Когда он объяснил свой помысл, о. Антоний заметил ему, что душа человеческая Богу дороже всего вещественного мира.

Хотя, таким образом, о. Антоний во всем с твердым упованием возлагался на Промысл Божий, однако срочное и спешное окончание отделки монастырских храмов не могло не озабочивать и не отягощать его. Сам он был плохой сборщик: не только не любил выпрашивать что у других, но даже отказывался иногда и от того, что ему предлагали; или, если видел, что кто-нибудь по усердию своему жертвовал не по своим средствам, убеждал его часть пожертвования принять

обратно. Однако, по воле Преосвященного, о. Антоний должен был отправиться в столицу для сбора пожертвований, – и с помощью Божией, к 1849 году довершил, как сказано, начатое предшественником внешнее устройство Малоярославецкого монастыря.

По случаю освящения устроенного о. Антонием Преображенского придельного храма, в 1840 году было в обители большое торжество, в присутствии архипастыря. Памятно многим, как во время праздничной трапезы о. игумен Антоний рядом с собою посадил известного малоярославецкого юродивого Емелю, и потом говорил сам, что «два дурака рядом сидели».

Все труды о. игумена Антония, который, изнемогая под внутренним крестом, так тщательно заботился об исполнении настоятельских обязанностей, все подвиги и скорби хорошо понимал и ценил архипастырь, удерживавший его на начальстве. Еще в 1845 году, по его представлению, о. Антоний удостоился получить золотой наперсный крест.

Во все время пребывания о. игумена Антония в Малоярославце, великою ему опорой было искреннее братское и, вместе, отеческое участие о. игумена Моисея.

По временам о. Антоний ездил и в Москву, как сказано, для сбора пожертвований на окончание монастырских построек, и по другим монастырским делам. Здесь он в 1850 и 1851 годах имел свидание с родными братьями, Василием, ростовским жителем, и о. Исаией, Саровским игуменом, из которых с первым не видался 21 год, а со вторым 33 года. В Москве о. Антоний всегда удостаивался архипастырского благословения и внимания Московского первосвященника. Старец-митрополит понял духовное устройство смиренного подвижника-страдальца, полюбил его, часто приглашал его к сослужению с собою и оказывал ему другие знаки отеческой милости; богомудрыми своими беседами утешал и подкреплял к прохождению его служения, и, наконец, сострадательно войдя в его положение, ходатайствовал у Калужского архипастыря об увольнении о. Антония от должности. Вследствие этого ходатайства преосвященный Николай в 1851 году согласился внять

долголетнему прошению страждущего настоятеля; но неожиданная кончина Преосвященного опять остановила это дело, и уже следующий Калужский архипастырь, во уважение к ходатайству Московского владыки и к болезненному положению о. Антония, уволил его от настоятельской должности, дозволив ему жить на покое в Оптиной пустыни.

В строгом подвиге о. Антоний стал проводить житие свое на покое. В короткое время от непомерного понуждения и продолжительного стояния до крайности усилилась болезнь в ногах, и они до колен были покрыты ранами. Однажды, во время всенощного бдения, из обеих ног столько вытекло материи, что новые кожаные сапоги насквозь промокли, как будто о. Антоний по колено стоял в воде. После этого раны закрылись, а болезненное состояние от этого усилилось, потому что худосочие, для которого раны служили естественной фронтанелью, бросилось внутрь. Спустя несколько времени, по закрытии ран, келейник приходит однажды в келлию и видит о. Антония, лежащего без памяти на полу в крови: с ним случился, вследствие закрывшихся ран, сильный обморок, и, падая, он разбил себе обе больные ноги. По времени раны опять открылись, и возобновились другого рода страдания. Болезнь эта продолжалась до самой кончины старца, около 30 лет, ежедневно, днем и ночью старец испытывал в ногах невыразимую боль, как будто кто их в одно и то же время и ножами резал, и жег огнем, и драл жесткой щеткой, и, вместе с тем, колот иглами. Больные ноги были тверды, как дерево, и скорее походили па прямые круглые бревна шириною в диаметре до 5 вершков, темно-красного цвета, постоянно рделись; из ран, глубиною до самой кости, сочилась всегда кровяная сукровица, виделись иногда в ранах черви длиною с полвершка.

Медицинских средств много предлагалось больному и врачами, и другими посетителями. Иногда от предлагаемых пособий старец чувствовал временное облегчение и небольшую отраду, например, мог прикасаться к больным ногам при перевязке их; обыкновенно же, и легкое прикосновение было невыносимо от чрезмерного в них раздражения. Вообще же, все

медицинские средства оказывались мало действительными, а некоторые, вместо пользы, причиняли вред. Но о. Антоний никому не противоречил и не отказывался от лечения, хотя понимал, что болезнь его неисцельная. И переносил ее как наказание, посланное ему для душевной пользы, ради очищения от грехов. Однажды посетил его И. В. Киреевский и в беседе с ним выразился так: «Вот, батюшка, на вас сбывается слово Писания, что *многи скорби праведным*: какой тяжкий крест возложил на вас Господь!» – «То-то и есть, возразил старец, что праведным скорби, а у меня-то все раны, как и св. пророк Давид говорит: *многи раны грешному*». За великое смирение его Господь помогал ему с мужественным терпением и дивным благодушием переносить эти ужасные страдания. Когда же они слишком усиливались, то он любил вспоминать праведного Иова, и в утешение и подкрепление себе и другим говаривал, что все его страдания не стоят и одного вздоха сего многострадального ветхозаветного мученика. Своего же терпения о. Антоний как будто не видал. Многие, видя всегда светлое лицо его, и слыша его оживленную беседу, не понимали, какого страдальца видят пред собою; некоторые же, видя наружную его полноту, полагали, что он совершенно здоров, но притворяется. Не только ради духовной беседы, но и для простого приема посетителей до последней крайности понуждал он себя, даже во время тяжких страданий выходил навстречу гостям, принимал их с радушным веселым лицом, сидел и беседовал с ними, благодушно выслушивал даже то, что ни им, ни ему не было нужно, провожал и отпускал всех приветливо с искренними благожеланиями.

Еще более старец понуждал себя, любви ради Божией, к молитвенным трудам. Несмотря на непрерывные телесные страдания, он любил неопустительно и в праздничные дни, и в будни ходить к церковным службам, и всегда старался поспевать к началу. После продолжительного праздничного богослужения о. архимандрит иногда назначал его еще читать поучения во время братской трапезы, а потом о. Антоний оставался кушать за вторым столом, вместе с братьями, служащими в поварне и в трапезной. От чрезмерного

понуждения, в больных ногах иной раз делалось воспаление, и старец после того в продолжение месяца или более не мог выходить из своей келлии, и тогда уже крайняя немощь заставляла его церковную службу заменять келейным молитвословием. Ночью, когда церковный колокол сзывал братий к полунощному утреннему богослужению, проходящие мимо окон о. Антония замечали всегда в его келлии усиленное освещение; если не мог быть в храме, старец имел обыкновение, как бы болен ни был, в одно время с братством наедине у себя совершать молитвенные правила. «На молитву, говаривал он, должно вставать поспешно, как на пожар». Все, которые видели о. игумена Антония совершающим Богослужение, помнили необыкновенное выражение лица его, особенно во время божественной литургии, когда он выходил с потиром; это было лицо человека, преисполненного благодати. Случалось, что от одного взгляда на него в это время у некоторых происходил в душе нравственный переворот. Были основательные причины утверждать, что о. Антоний имел великое дерзновение в молитве к Богу, и сподоблялся духовных видений и других благодатных посещений. Он имел такое пламенное усердие и благоговейную любовь к Матери Божией, что особенно в последние годы своей жизни, когда начинал рассказывать что-либо из жития Ее, при одном имени преблагословенной Девы Марии голос его изменялся от обильных слез, и он не мог окончить рассказа.

После молитвы, келейной и церковной, все свободное время свое о. Антоний посвящал преимущественно чтению, которое было любимым занятием его во всю его жизнь. Кроме рукописного сборника, составленного им с о. Моисеем в Рославльских лесах, после о. Антония поступило в монастырскую библиотеку до 60 рукописей из святоотеческих писаний, житий святых, несколько замечательных сборников разных редких молитв и служб, тщательно им собранных и переписанных полууставом, которых в печати у нас нельзя найти. – Всех акафистов, рукописных и печатных у о. Антония было до сорока, и каждый из них он читал, по крайней мере, раз в год, т. е. в память того святого, или в день праздника,

которому был акафист. Акафистов же, почему-либо сомнительных, о. Антоний не читал. Только однажды, когда жил еще в скиту, он откуда-то получил униатский акафистник, и, не зная этого, по великому своему усердию к святым, стал читать содержащиеся в нем акафисты, но при чтении оных, чувствовал, что молитвы эти как-то в сердце не ложились, и что в них не было ничего, располагающего к умилению, а напротив, было даже что-то отталкивающее. Узнав вскоре, что это не православные акафисты, перестал их читать, и после, в отношении к акафистам, держался большей строгости и разборчивости. Имея от Господа дар необыкновенной памяти, старец внимательным и постоянным чтением обогатил и развил природный свой ум, так что удивлял своих собеседников обширностью и разнообразием своих познаний, и находчивостью, с которою часто неожиданно, но всегда кстати, умел в разговоре привести читанное им когда-то в какой-либо книге.

Но любознательность о. Антония всегда направлялась к духовной пользе. Он любил читать, но еще более любил исполнять читанное. Любознательность его была растворена и переработана духом подвижничества, так что речи просвещенного, но, вместе с тем, и смиренного старца, никогда нимало не отзывались обыкновенной праздной, книжной ученостью. Все его слова направлялись к духовной пользе, были исполнены деятельного разума.

Как великий любитель безмолвия, о. Антоний желал всегда проводить подобную уединенную жизнь в молитвенных трудах, чтении и богомыслии; и говаривал, что, когда остается один в келлии, тогда бывает у него праздник на душе. По глубокому своему смирению он всегда хотел уклоняться от учительства, тем более, что в Оптиной пустыни уже был великий старец, пользовавшийся всеобщим уважением, иеромонах о. Макарий, который, по назначению блаженного старца о. Льва, духовно руководствовал всех, прибегавших к нему. Твердое желание о. Антония было – считаться и быть не более, как человеком частным, сверхштатным, живущим в обители на покое. Но духовные дарования его, и даже самое смирение, с которым он

от всех уклонялся, привлекали к нему всех, – и скоро келлии его стали наполняться множеством посетителей, желавших принять от него благословение и духовное назидание. Следуя слову Самого Спасителя: *грядущего ко Мне не иждену вон*, и по любви к ближним, старец не мог не принимать духовного участия в лицах, посещавших его; но и при этом, с глубокою мудростью, умел не выходить из принятого им смиренного положения. На исповедь принимать он вовсе отказывался, и всех отсылал к монастырским духовникам; только в самых редких, исключительных случаях могли его преклонить, чтобы он отступил от этого правила. Даже под постоянное прямое духовное руководство он принимал весьма немногих, преимущественно тех, кто относился к нему в Малоярославце, или в бытность его еще в скиту начальником. Других же всех он умел воспользовать духовно, не принимая на себя значения и ответственности духовного наставника и руководителя. Главной и даже как бы единственной заботой его было – оказать всем приветливость и радушное гостеприимство, и даже почтение. Не с осторожностью и в меру оказывал о. Антоний всем почтение; напротив, если можно так выразиться, он очень смело смирялся пред всеми, не боялся, что этим унижится; не стыдился юноше и даже ребенку оказывать такую честь, какой люди иного воспитания не окажут и старшим... В этом о. Антоний был неподражаем.

Смиряясь пред всеми, о. Антоний делал это от искренности сердца: всем чувствовалось, что внутреннее его смирение и доброжелательство ко всем действительно было таково и не исчерпывалось наружным изъятием оного. Сердце его всегда принимало самое теплое участие в скорбях ближнего, а потому, он особенно любил утешать приходящих к нему. Он не отчаивался ни в чем исправлении, и умел воздвигать людей нерадивых и малодушных; и как бы кто ни упал духом, всегда успевал беседами своими вдохнуть благонадежие. В советах же и наставлениях своих был крайне осторожен и указывал на слова св. Исаака Сирина, что надо с людьми обходиться, как с больными, и успокаивать их наиболее, а не обличать; ибо это больше их расстраивает, нежели приносит им пользы.

«Больному, говорил старец, надо говорить: не хочется ли тебе какой похлебки, или чего другого? а не следует говорить так: я тебе дам такую микстуру, что глаза выпучишь».

Незаметно и нечувствительно привлекал о. Антоний всех к сознанию душевных своих немощей. Так, однажды некто покаялся пред ним в некоторых согрешениях, а о других умолчал. О. Антоний не стал обличать неполноту покаяния, но, напротив, сказал каявшемуся, что он своим покаянием порадовал Ангелов на небеси, и этими словами возбудил в этом человеке великое сокрушение и усердие к совершенному очищению совести. Никогда он не старался насильно убедить кого-нибудь; назидания свои предлагал не в виде заповеди, а более, намеком, или в виде дружеского совета; а, если кто сделает возражение, то старец сейчас и замолчит. На вопросы посетителей своих почти никогда не отвечал прямо, и даже избегал таких вопросов, через которые бы открыто возлагалось на него значение и ответственность наставника; а между тем, искусно направлял общую беседу, так что в течение ее, говоря в третьем лице, или, рассказывая, как будто про себя, он, как бы мимоходом, и обличал, и наставлял своих собеседников. Часто случалось, что только по выходе от старца, посетитель, опомнясь, понимал, что какое-нибудь, как будто к слову сказанное, замечание прямо относилось к нему, к сокровенным его недоумениям и недостаткам, разрешало вопросы, которых старец не дал выговорить; и иному даже открывал и то, чего тот сам в себе никогда не замечал. Если кто некстати высказывал, что понимает мысль и намерение старца, то он тотчас заминал беседу, и вел уже разговор о предметах житейских; вообще, весьма боялся обнаружить духовные свои дарования, и очень с немногими любил беседовать о предметах, чисто духовных. Впрочем, с великой опытностью и мудростью умел различать, кому как говорить.

Общее, правило о. Антония, равно как и всех духовных старцев, было такое, чтобы без вопроса никому не предлагать своих советов, считая это не только бесполезным, но и вредным празднословием. Вместе с тем, о. Антоний зорко следил за вопрошавшими: если кто предлагал вопросы не по душевной

потребности, а из пытливости или подобных побуждений, в таком случае, ничего не отвечал.

О. Антоний обладал даром какого-то естественного красноречия, даже и в шутливой форме оно содержало высокое назидание, и отличалось особенной меткостью и своеобразной выразительностью. Познакомившись с кем-нибудь, старец иногда как бы присматривался к нему; сначала говорил мало и только молился о нем. Но зато, когда, наконец, начинал говорить, его слово имело такую неотразимую силу, что иногда в течение одной беседы человек духовно перерождался. Люди с железным непреклонным характером чувствовали, что упорство их сокрушалось, сердце их наполнялось какими-то новыми чувствами; и, между тем, как прежде во всю свою жизнь никому ни в чем не уступали, от слов о. Антония возгоралось в них желание ни в чем не следовать своей воле и своему разуму, но всю волю свою предать святому старцу. Многие испытывали над собою духовную силу о. Антония; сначала были привлекаемы его любовью и снисходительностью, а потом незаметно переходили к тому, что и всю жизнь свою отдавали в его руки.

Отеческую снисходительность к человеческим немощам о. Антоний умел, где следует, соразмерять благоразумной строгостью.

Наконец, от тех, кто находился под его полным руководством, требовал и в отношении к себе точного послушания. Однажды сказавши, не любил изменять и даже повторять своего слова. Для преданных его духовных детей не было строже наказания, как, если старец скажет: «как хотите».

От духовных своих детей и знакомых о. Антоний получал много писем и, несмотря на болезненное свое состояние, по возможности понуждался отвечать всем, большей частью, собственноручно. После его кончины собрано много его писем, – более, нежели сколько ожидали и те, которые близко его знали. Из них выбраны письма, содержащие общее назидание, и изданы в особой книге. Они отличаются теми же достоинствами, как и устные его беседы, тем же естественным красноречием и сладкоречием, той же назидательностью, и своеобразной

выразительностью и силой. Слог их совершенно особенный, свойственный одному о. Антонию. В них ясно отпечатались все высокие душевные свойства любвеобильного старца.

В заключение расскажем об одной достойной ученице о игумена Антония, которая Промыслом Божиим была послана как бы в утешение старцу за все его труды о спасении ближних, и примером своим показала, как велико было влияние о. Антония на духовных его детей, и какие плоды приносило его руководство, если принималось с верой. – Девушка из высшего светского круга, Екатерина Александровна П., еще с молодых лет почувствовала в себе призвание от Господа к духовной жизни, но, не находя поддержки своему настроению, как бы поневоле принимала участие в жизни и обычаях того общества, среди которого выросла, и провела немало лет в Петербурге, в обычной светской рассеянности *и в шуме празднующих*, как о ней впоследствии выразился о. Антоний. Познакомившись со старцем, она с горячей верой предалась духовному его руководству, под влиянием которого добрые ее природные качества получили надлежащее направление. Божие призвание к благочестивой жизни сильнее заговорило и превозмогло над кратковременным увлечением мирской суетой, и вскоре в ней созрела решимость удалиться от света и приблизиться к Богу уединением и воздержанием, строгим хранением целомудрия и молитвою. Родственные связи не позволяли Екатерине Александровне совершенно оставить мир, но она и среди мирской суеты проводила благочестивую жизнь и находила себе духовное утешение в посещениях Оптиной пустыни, где проживала на гостинице. Вкратце можно об ней сказать: каков был старец, такова была и ученица. Усердие к молитве и к церковной службе имела примерное. Прежде, когда жила в Петербурге, она ранее 10 часов не вставала, теперь же она в час пополуночи всегда уже была одетою, и, как ударят в колокол к утрени, она спешила в церковь, чтобы прежде начала поспеть на молитву. И вообще, благовест, призывающий к какой бы то ни было церковной службе, заставлял ее всегда готовою идти в храм или уже на пути. Духовное же ее расположение к старцу росло, как она сама выражалась, не по дням, а по часам,

и, наконец, достигла она такого блаженного состояния, что сделалась истой послушницей о. игумена Антония: помнила только церковь Божию и старца. Внимая, единственно, себе и душевному своему спасению, заботилась об одном, чтобы исполнить все его заповеди и ни в чем их не нарушить, остальное все как будто для нее не существовало.

Обучая ее послушанию, о. Антоний иногда отсекал некоторые, и по-видимому, благие желания ее. Так, величайшим утешением для Е. А. было видеть старца и беседовать с ним; а о. Антоний в одно время, в бытность ее в Оптиной, благословил ей приходить к нему только однажды в неделю; в другие же дни ей было дозволено принимать благословение в церкви, и только. Это было самое тяжелое и чувствительное испытание для Екатерины Александровны. Иногда она не могла удержать себя и искала случая приходить к старцу и в другие дни; но сама сознавалась, что тогда лишалась спокойствия, и на нее нападала мучительная тоскливость и скука. Когда же в точности исполняла заповедь старца, тогда ощущала в душе своей улаждающую тишину и спокойствие. Такова сила Послушания!

Через четыре года духовного отношения к о. игумену Антонию, она скончалась 30 лет, и блаженная, необыкновенная ее кончина показала всем, в какое короткое время и в какое высокое преуспеяние человек приходит Евангельским путем послушания своему духовному отцу.

С весны и все лето Е. А. как свечка горела и каждый день таяла. Любимый разговор ее был всегда о переходе в вечность. Ежедневно готовилась к смерти своей, как невеста к брачному венцу, со светлым лицом и радостным сердцем. 27 июля была особорована и после того, через каждые два дня приобщалась св. Христовых Таин, или даже через день, а последнюю неделю – ежедневно. Со дня особорования ее, ежедневно ее под руки водили к старцу, потом на стуле носили, а потом уже он ежедневно ходил к ней на гостиницу по два и по три раза в день. – После облечения Е. А. в ангельский образ, поздравляя с оным, старец спрашивал ее при посещениях: како, сестро, имя твое во ангельском чине? Она отвечала: многогрешная монахиня Евфросиния. – Вторично ее спросит, что же означает

новое имя твое? И она ответит: «веселие и радость». Дай тебе, Господи вечное веселие и радость со святыми в небесном царствии, скажет старец. И она с радостным лицом благодарила его всегда: «Ах, я вам много благодарна за святое имя сие!»! Со дня особорования она была как бы переродившейся; ко всем дышало сердце ее любовью, всех жалела, у всех прощении испрашивала и лично, и заочно, со всеми сделалась дружна, и до самой кончины своей находилась в молитвенном настроении души, ни на минуту не выпуская из рук четок. В последнюю неделю ее жизни, однажды, о. Антоний спросил ее: как она молится? Она ответила: «вот так: – Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй! Пресвятая Богородице, Царица небесная, Матушка моя, возьми меня к Себе! Святой Архангел Михаил, св. Архангел Гавриил, св. Архангел Рафаил, возьмите душу мою! Святителю Николае, великий угодник Божий, сохрани душу мою!»! – Подобным сему образом и других многих святых призывала она в молитве своей на помощь при исходе души. Прежде кончины все свое раздавала, говоря, как я в мир сей родилась, ничего не имея, так, и от мира отходя, желаю, чтобы ничего не было у меня. А, раздавши все, с радостью говорила: вот и я теперь ничего у себя не имею, кроме единой надежды на спасение Божие!.. Она искренно желала все свое оставить старцу, но он, чтобы не опечалить ее, согласился на немногое, и то употребил на поминовение ее души.

За две недели до кончины был уже у нее и гроб приготовлен; отходный канон раз восемь или десять был читан над нею, и окончание одного дочитывала она сама, и говорила: «Возлюбленные отцы мои, и братия, и сестры, и все знаеми! помяните мою любовь и дружбу, и молитесь Христа всех Бога милостиву быти ко мне в час кончины моей и по кончине». Между тем, она ежедневно исповедовалась и у всех мысленно просила прощения; скончалась она на праздник Усекновения главы честного, славного пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, после бдения, в самую полночь, в первом часу. – За полчаса до кончины попросила засветить свечи у всех образов в гостинной келлии своей, и начала радоваться, говоря: «как теперь весело на моей душе, будто праздник какой!»

Потом, вскоре, почувствовала внутренние спазмы, которые и прекратили ее дыхание. – Три дня во гробе была похожа не на умершую, а на спящую деву, нисколько не изменившуюся в лице, только что не говорящую; и, когда старец, прочитавши над нею разрешительную молитву, стал ее влагать ей в руки, то заметил их мягкими, а не окостенелыми.

Таковы были труды о. игумена Антония о духовном окормлении и спасении ближних; и таковы плоды этих трудов в тех, кто неуклонно следовал его наставлениям!

Назидательно и трогательно было видеть, как маститый старец с глубоким детским благоговением и искренней любовью относился к старшему брату о. архимандриту Моисею, как к своему духовному отцу и начальнику, и смирялся пред ним, как последний послушник. Приходя к нему, никогда без приглашения не входил во внутренние келлии, а, стоя в передней, дожидался, пока о. архимандрит его заметит и позовет; также, вошедши, не садился, а перемогался на больных ногах, пока не велят ему сесть. При других, в присутствии о. архимандрита, хранил глубокое молчание, – разве только вкратце и вполголоса сделает кому приветствие; когда нужно было, почтительно объяснял, что следовало, и все слова о. архимандрита принимал беспрекословно, как волю Божию. И все это делал он не по принуждению, а от сердца и с искренней любовью. О. архимандрит же, со своей стороны, искренно уважал своего брата и часто имел с ним, особенно в последние годы, духовный совет; и даже, говоря с другими, смирял себя перед о. Антонием, выражаясь так: «он настоящий монах, а я не монах!» Но, вместе с тем, как муж духовный и мудрый, не забывал слов св. Иоанна Лествичника, что и самому себе, и подвижнику вредит тот душевный приставник, который никогда не предоставляет ему случаев получить венцы, каковые, по его усмотрению, он терпением заслуживать может; т. е. он не мешал о. Антонию смиряться и обращался с ним, как с послушником. Многие этого не постигали, но о. архимандрит знал, чего жаждала душа о. Антония.

В отношении к братству о. Антоний не только воздавал всем должную честь, но, по своему обыкновению, почитал всех

паче меры, всем оказывал приветливость и искреннюю любовь. Всем была известна всецелая его преданность о. архимандриту Моисею, и совершенное единодушие их, и, несмотря на это, если кто-либо имел скорбь или неудовольствие на настоятеля, все, не обинуясь, ходили к о. Антонию искать у него утешения и просить его помощи и содействия. О. Антоний, по глубокому своему смирению, считая себя, как сказано, чужим и посторонним человеком в обители, никогда не входил в монастырские дела, не дерзал настоятелю, без вопрошения его, предложить какой-либо совет или ходатайствовать о ком-нибудь; но, как себя самого, так и все без рассуждения предоставлял его распоряжению. Поэтому, если кто-нибудь из братьев приходил с какою-либо жалобой или просьбой, о. Антоний старался только оказать ему привет, успокоить его и склонить к миру; но желаний его не передавал настоятелю. Однако, с другой стороны, если кто в доверенной беседе открывал тайные свои помыслы, немощи и намерения, то и об этом о. Антоний умалчивал, не передавал и не предостерегал настоятеля, рассудив, что это, по собственному его выражению, *дьявольская должность* – а предоставлял все суду Божию. Таким образом, братия были всегда довольны о. Антонием и, видя искреннее его к себе участие, уходили от него утешенные и успокоенные; и, между тем, никогда ничего неприятного через него не выходило. Уклонением своим от вмешательства в дела обительские, так же, как и обращением с братьями и лицами посторонними, о. Антоний подавал высокий пример смирения, которое привлекало к нему сердца всех. «Вот, говаривал старец, меня очень многие любят, а за что, я и сам не знаю, и очень тому удивляюсь. Считают меня за святого, тогда как этот святой совсем протух и грешнее всех». А иной раз выражался так: «у меня нет недоброжелателей, я всех люблю, и все меня любят».

Действительно, не было человека в обители, который при одном виде о. Антония не ощущал бы особенного утешения: все, от мала до велика, воздавали ему должную дань почтения и любви. Почивший в 1860 г., старец иеросхимонах о. Макарий имел с ним духовное содружество, и назидательно было видеть,

как они друг перед другом смирялись, друг друга больше *честию творяще*.

В обращении с келейными братьями и приближенными, о Антоний отличался теми же свойствами, какие являл во всей своей жизни. Даже и в простом распоряжении выражался так: «кажется, надо бы сделать то и то», и когда его однажды спросили, зачем он не говорит просто: сделай то, – он возражал, что таково его обыкновение, и что переменить себя не может.

Поселившись на покой, о. Антоний решился ни от кого не принимать денег в свою пользу, и редко отступал от этого правила, т. е. принимал только книги или приношение для покупки книг. Не отказывался также, если ему приносили свечи и масло для лампадки, так как он, по непрерывной болезни своей, часто не мог выходить во святой храм к Божией службе, и прочитывал ее в свой келлии, и для сего засвечал свечи перед святыми иконами. Иногда, когда желал помочь кому-либо в крайней нужде, просил на это денег у приближенных лиц. За исключением же этих случаев, деньги, присылаемые по почте, отдавал настоятелю. Если, во время тяжелой болезни, на свои безотлагательные потребности от преданных ему людей и соглашался что-нибудь принять, то при этом часто убеждал их принять обратно половину или хотя часть жертвуемой суммы; также всех, кто желал подарить старцу что-либо потребное для келлии, он всегда уговаривал умерять свои приношения, и получаемое раздавал опять другим. Так, из меньшей братии в обители почти не было именинника, который бы не приходил принять благословение о. игумена Антония, и при этом все что-либо получали (а многим и сам посылал): платочек, книжечку или другое что-нибудь, и по несколько чаю и сахару, так что случалось, что старец, раздавши все, сам оставался без чая. Именины же каждого помнил очень точно, и, если встретится с именинником, будь то мальчик или новоначальный, непременно сделает ему приветствие и поздравит его. Так, до последних мелочей он был внимателен к другим, и всем: малым и великим, оказывал искреннюю любовь.

Двенадцать лет продолжалось пребывание о. игумена Антония на покое, и достопамятное было то время, когда Оптиная пустынь украшалась тремя старцами: о. архимандритом Моисеем, о. игуменом Антонием и старцем о. Макарием. Из них о. игумену Антонию пришлось пережить других. В 1860 г. скончался старец о. Макарий; а в 1862 г. свершил свое течение о. архимандрит Моисей.

Кончина о. архимандрита Моисея глубоко отозвалась в сердце и в жизни о. игумена Антония. Тут во всей полноте обнаружилось для всех, какую сильную и нежную любовь он питал к старшему брату, при строжайшем наружном послушании. Скорбь его была невыразима. В продолжение целого года, он, сколько возможно было, уклонялся от людей, и уединение свое посвящал непрестанному молитвенному воспоминанию о брате; в продолжение же первых сорока дней он совершенно уединился, почти никого не принимал и постоянно читал псалтирь по новопреставленному. Если же кто-либо в беседе с о. игуменом упоминал об усопшем, то одно имя его вызывало обильные слезы, так что разговор должен был прекращаться.

Некоторым лицам о. игумен открыл, что духовное общение его с братом и по кончине его не прерывалось. Он постоянно ощущал около себя его присутствие и близость; души их таинственно беседовали между собою, и почти не проходило дня, чтобы почивший во сне не являлся о. Антонию. Некоторые из сновидений были весьма замечательны. О. архимандрит и с того света духовно утешал и подкреплял брата, и подавал ему свое решение в некоторых недоуменных случаях, касавшихся как его самого, так и других.

В 1863 году о. игумен Антоний, во исполнение давнишнего своего желания поклониться новоявленному святителю Тихону Задонскому, предпринял путешествие к многоцелебным его святым мощам, был и в Воронеже у святых мощей святителя Митрофана, а на пути посетил некоторые иноческие обители, а также несколько преданных ему семейств. Везде старца принимали с невыразимой радостью и восторгом, все старались успокоить его, утружденного и летами, и болезнью, и путем.

Везде от избытка усердия воздавались ему великие почести, которые он принимал с глубоким смирением.

Совершив, не без труда, эту последнюю свою поездку и возвратясь в обитель, о. игумен все более и более стал уединяться и готовиться к исходу, говоря всем, что жизнь его длится еще только ради молитв молящихся.

Между тем, с самой кончины о. архимандрита, старца не оставляла мысль о принятии великой схимы; но, по глубокому своему смирению, он считал еще нужным испытать свою готовность к принятию оной. Испытывал себя год, другой, и только в конце третьего года вполне созрела в нем эта мысль, и 9 марта 1865 года, когда старцу исполнилось ровно 70 лет, он привел ее в исполнение, с благословения епархиального архиерея. По болезни старца пострижение совершено келейно настоятелем обители о. игуменом Исаакием.

Новопостриженный схимонах-игумен прекратил прием мирских лиц, а братию монастырскую стал принимать изредка, и на короткое время, и весь предался молитвенным подвигам и богомыслию. Благолепен был вид старца, успокоившегося в безмолвном уединении от бесед, которыми давно тяготился. От всегдашнего пребывания в молитве и преизобилия духовного утешения, самое лицо его просветлело и сияло высокой радостью. Еще с начала 1865 г. перестал выписывать книги и отказывался от предлагаемых, говоря, что ему теперь уже ничего не нужно. Одному из духовных своих детей поручил написать крупными буквами: «Не теряй времени!» и записку сию прикрепил над многоболезненным одром своим для всегдашнего напоминания как другим, желавшим еще воспользоваться его наставлениями, так и самому себе. И действительно, он не терял времени. «Ведь я теперь новоначальный, говаривал он; стал труды прилагать к трудам, и подвизаться как бы молодой и здоровый человек».

От непомерных подвигов болезненность его и телесные страдания все более и более усиливались. Несмотря на это, он продолжал до последней возможности ходить в церковь. Часто служащий ему брат, видя, что старец при крайнем изнеможении собирался к обедне или ко всенощной, старался удерживать

его; но он смиренно отвечал: «ну, уж прости Бога ради!» и все-таки отправлялся в храм Божий, опираясь на палку, с трудом переступая с ноги на ногу и стеля от боли.

24 июня, в скитский праздник Рождества Предтечи, о. игумен понудил себя утешить скитян присутствием своим в их храме, где слушал литургию. Но это посещение старцем любимого им скита было уже последнее, он все более и более стал изнемогать; – и 7 июля, накануне празднества Казанской иконе Божией Матери, открылась во всей силе предсмертная болезнь его, которая состояла из припадков тифозной горячки, происшедшей от закрытия застарелых цинготных язв на ногах и значительного расстройства органов пищеварения, и продолжалась ровно месяц.

Когда старец совершенно ослабевал, он на время прекращал прием посетителей или молча благословлял их. В последние дни благословлял всех образками (коих роздано более 1000), приговаривая: «примите от умирающего на вечную память». Некоторым, просившим его помолиться о них и по исходе, он отвечал просто и утвердительно: «хорошо» или: «помолюсь». А однажды, посетившему его скитскому старцу, на просьбу его о том же, он смиренно отвечал: «помолитесь вы, чтобы получить мне дерзновение пред Господом». Но сказал это так спокойно и благонадежно, что нельзя было сомневаться, что уже имеет просимое.

Наступило, наконец, неизбежное при разлучении души с телом томление, которое отчасти зависело от непрестанной молвы, в которой, по любви к ближним, находился умирающий старец, всегдашний любитель безмолвия и молитвенного пребывания, отчасти же происходило от усиливавшихся телесных страданий. Но и в самые тяжкие минуты он сохранял полное самообладание; и не было в нем заметно ни малейшего следа нетерпения или чего подобного. По желанию окружавших, он не отвергал врачебных пособий, но прямо высказывал, что не надеется получить от них пользу. Духовное же врачевство умирающий принимал с великою радостью. Особороваться старец рассудил, когда телесные силы еще не совсем оставили его, 4 июля (за 17 дней до кончины). Приобщался же Св. Таин в

последнее время ежедневно. Кроме ежедневного приобщения, умирающий искал себе отрады в непрестанной молитве.

В последние дни старец уже не говорил ничего и никого почти не принимал. Ежедневно читался канон на исход души. 6 августа, по окончании литургии и трапезы, братия собрались в келлиях умирающего, пропели тропарь и кондак св. Преображению Господню, потом настоятель обители прочел канон на исход души; после чего все присутствовавшие принимали последнее благословение и прощение отходящего старца, который до последней минуты всех утешал: кого кротким словом, кого пожатием руки, кого приветливым взглядом, и каждому давал понять, что узнает его.

Наступило 7 августа – суббота, последний день жизни многострадального о. игумена Антония, который более и более сосредоточивался в ожидании последней минуты. Наступил вечер, началось уже воскресное бдение; вдруг умирающий потребовал, чтобы к нему пригласили настоятеля, и, когда тот пришел, то, объявив, что умирает, просил его благословения: как истый послушник, он и в последний путь не хотел отправиться без благословения настоятельского. Исполняя беспрекословно волю умирающего старца, и чтобы успокоить его, о. игумен Исаакий благословил его и простился с ним уже навеки. Через несколько часов старец тихо и мирно дважды вздохнул, и с третьим, едва заметным, воздыханием мирно предал чистую свою душу в руки Божии.

Священник Евфимий

(Память 8 августа).

Священник с. Черториг (Глуховск. у.), о. Евфимий Лучницкий был строителем каменного храма в своем приходе и много жертвовал из своей собственности на построение храма. Был неутомимо ревностен к Богослужению: не менее трех раз в неделю совершал он литургию. Вместе с тем, щедро раздавал милостыню. Он молил Бога, чтобы удостоил пострадать в земной жизни, и молитва его была услышана. За несколько лет до смерти почувствовал он в ногах слабость; скоро слабость достигла до того, что он слег в постель и не мог вставать; далее – открылись на теле раны и в них закишели черви. Боль была мучительная, но о. Евфимий терпел и благодарил Господа. Он скончался на 42 году священствования и на 72 году от рождения¹³.

Схимонах о. Амфилохий Реконский

(Память 9 августа).

Андрей Иванович Шапошников, финн по происхождению, родился в Лифляндии в г. Риге. Отец его, принадлежа, как и все их семейство, к лютеранскому вероисповеданию, служил пастором при лютеранской кирхе и усердно готовил и сына своего к той же службе. Но молодой человек, достигнув совершеннолетия, не захотел идти по этой дороге. Его любознательный и пытливый ум стал чаще и чаще углубляться в вопросы, касающиеся его веры. На многие из этих вопросов он не находил ответа. В душе его явился какой-то разлад, какое-то недовольство всем, – и в особенности самим собою, и он с лихорадочной горячностью стал искать исхода из своего мучительного состояния. И вот, этот-то исход, вследствие неисповедимых путей Господних, был, наконец, найден. Познакомившись, а впоследствии и сблизившись с некоторыми православными священниками, иноками и отшельниками, молодой человек скоро убедился в истине и святости нашего вероучения, скоро проникся глубоким благоговением к нашим святым иконам, мощам и таинствам. Долгие беседы с законоучителями породили в нем страстное желание присоединиться к православию и, достаточно подготовив себя к этому великому таинству постом и молитвою, а также основательным изучением наших догматов, он был миропомазан и наречен Андреем; отчество же его Иванович и фамилия Шапошников заимствованы им от восприемника, бывшего во время присоединения его к православию. Оставленные им прежние лютеранское имя и фамилия остались неизвестны. С этой минуты мир и тишина сошли в его взволнованную душу, и благодать Божия осенила его беспокойное до этого времени, мятущееся сердце. Жизнь его потекла тихо и однообразно, вначале под родительским кровом, а потом – на разных поприщах житейской деятельности, как то: военной, торговой, земледельческой. Часто случалось ему быть

в деревнях у крестьян работником, а также странствовал по монастырям и пустыням.

Во время одного странствования он на озере Ильмене отморозил себе ногу, которая до самой его смерти причиняла ему жестокие страдания. Однажды Андрей Иванович пришел в г. Тихвин с целью помолиться Господу Богу и чудотворной иконе Тихвинской Божией Матери. Здесь, по особому устройству Божию, встретился он с блаженным Борисом, которого все глубоко уважали за его набожность, бескорыстие и незлобивость; а когда он умер, то тело его, как угодившего Господу праведника, было предано земле в стенах Большого Тихвинского монастыря. Этот-то Борис и уговорил Андрея поселиться на Рекони.

Найдя себе спутника в одном из крестьян соседней деревни, Андрей скоро пустился в дорогу и благополучно достиг места своего назначения. Тут, под сенью вековых деревьев, в глуши дремучего леса, он увидел маленький деревянный храм Живоначальной Троицы, один только сохранившийся от прежнего древнего монастыря. При храме в виде сторожа жил пономарь Михаил Захаров со своей семьей. Постоянного священника при храме не было. Служба совершалась или монахами, приезжавшими в большие праздники из Тихвина, или священниками близ лежащих погостов, к которым храм этот был часто приписываем.

Андрей выпросил у пономаря позволение жить в его доме при церкви, но, боясь быть ему в тягость, особенно при его многочисленном семействе, стал помогать своему хозяину в его домашних работах, питаясь сам подаянием соседних крестьян, а ночи проводил, обыкновенно, под открытым небом, где-нибудь в поле или в лесу, постоянно стоя на молитве.

В Реконскую пустынь Андрей пришел в 1813 году семидесятилетним старцем, но еще бодрым и крепким. Пришел он в одной рубашке со старческим посохом в руке, с небольшой котомкой за плечами, в которой заключалось все его имущество. Письменного какого-нибудь вида или удостоверения о своей личности он при себе не имел и никому не хотел объяснить, откуда пришел, и кто он такой, опасаясь, чтобы его

не отослали к родным, которые, как ревностные лютеране, сильно теснили его за принятие им православия.

Скоро, его хозяин – пономарь, а с ним и все его семейство, стали притеснять Андрея и упрекать его в бедности, старости и убожестве; затем они начали делать ему неприятности, выгнали его из дома и не позволили даже остаться вблизи церкви и жить в шалашике. Безропотно и смиренно Андрей взял свой посох и сумку, и отправился в путь, не зная, в которую сторону направить свои шаги и где преклонить свою седую голову. Но заозерские крестьяне, не желая расстаться с таким благочестивым старцем, остановили его на дороге и предложили ему поселиться в лесу, поодаль от церкви, на сопке, называемой Крестовой.

Андрей охотно принял такое радушное приглашение крестьян, осмотрел с ними место, которое ему понравилось и, водрузив на нем деревянный крест, остался тут жить; а крестьяне помогали ему устроить для жилья землянку, а для моленья – часовню, в которой и помещена была сопутствовавшая его и охранявшая его икона Знамения Божией Матери.

С уходом благочестивого Андрея из дома Реконского пономаря, Божие благословение, казалось, отошло от этого человека: он скоро скончался, семейство же его разошлось в разные стороны, и Троицкий храм, привлекавший все чувства и мысли отшельника, сделался, наконец, для него доступным. Пользуясь добротой и расположением к нему приставленных к храму сторожей, он часто посещал его и по-прежнему усердно в нем молился. За такую праведную жизнь Новгородский епископ Амвросий, по ходатайству священника и местных жителей, дозволил Андрею в 1816 году жить при храме Св. Троицы, а затем поручил ему при этом храме должность пономаря.

Из Рекони Андрей ходил нередко в Тихвин на поклонение чудотворной иконе Царицы Небесной. Во время этих поездок он сошелся с некоторыми старцами Большого Тихвинского монастыря. Один из них, иеромонах Мартиниан, сделавшись его искренним другом, посоветовал ему принять монашество. При его содействии, Андрей был пострижен 26 августа 1822 года.

Имя Андрей было ему переименовано на Адриан. Затем, через десять лет, в 1832 году инок Адриан облечен был в схиму с переименованием в Амфилохия. Как монашество, так и схима долго оставались никому не известными, кроме самых близких для него лиц. Дома, и выходя куда-нибудь, он по-прежнему надевал свое мирское рубище и являлся в монашеском одеянии только вследствие каких-либо особых уважительных причин. Пятьдесят лет прожил Андрей в Реконской пустыни, и все это долгое время провел он в бичевании своей плоти, в иноческих, тяжелых трудах, в непрерывном посте и молитве и в вечной борьбе с врагами, искавшими его гибели. В самых преклонных летах (он умер 125 лет) он часто бродил по топким болотам с больной ногой, покрытой страшными ранами и, чтобы сделать путь свой более утомительным, обременял себя разными тяжестями: на голову надевал тяжелый железный обруч в воспоминание тернового венца Спасителя. На шее он носил большой камень в наказание за свои грехи, а на плечах – вериги и опоясывался ими в память уз Христовых, а на обнаженное тело надевал проволочную рубашку, которая раздирала ему кожу. Целые дни и ночи он проводил в непрерывной молитве, почти никогда не предаваясь сну и не зная никакого отдыха и покоя. Питался он крайне скудно и долгое время мог быть совершенно без нищи. Часто видели, что он ел гнилые корки хлеба или овсяное толокно, смешанное с песком или золою. Древесная кора, мох, разные травы и корни по временам также служили ему пищей. Во время молитвы, стоя по несколько часов на молитве на коленях, он подкладывал себе под колени крупный песок, что вызывало острую боль во всех его членах. Не раз воры нападали на его убогое жилище и похищали у него небольшие суммы денег, пожертвованные благодетелями на какое-либо богоугодное дело. Один раз злодей даже сжег его мазанку со всем домашним скарбом, и только святая икона Знамения Божией Матери дивным образом сохранилась в огне невредимой.

Отец Амфилохий также страшно страдал от нападения хищных зверей, от укусов змей и разных гадов и от укушений бесчисленного множества мошек и насекомых, которые

мириадами кишели в окружающем его болоте. Но старец, в каких бы ни был искушениях и соблазнах, всегда обращался с пламенной молитвой к Подателю всякой силы и крепости, и Господь не оставлял его без Своей помощи.

Забываясь постоянно, и ревнуя о благолепии храма Св. Троицы, отец Амфилохий сильно захотел восстановить обитель в прежнем виде, как самостоятельный монастырь, и, подкрепляемый дивным видением, которого он удостоился, горячо принялся за исполнение своей заветной мечты. Видение, по его словам, было следующее: пред ним предстал преподобный Александр Свирский и приказал ему ходатайствовать о восстановлении обители, и о возвращении ей отчужденной от нее в посторонние руки земли. Старец Андрей тотчас же решился всеми силами хлопотать об этом.

Тихвинский уездный суд в 1822 году решил отвести пустыни такое количество земли, какое определено законом сельским приходским церквям, а остальное ее количество велел обратить в казенное ведомство. Андрей вошел со всеподданнейшей жалобой на суд к императору Александру Павловичу. Хотя ему было отказано, и он даже просидел по этому делу шесть месяцев в тюрьме, но рвение его не охладело, и он все следующие пятнадцать лет неутомимо добивался признания церковных прав. В 1837 году он в другой раз подал жалобу императору Николаю Павловичу, за что подвергся вторичному заключению и еще более тяжелым неприятностям. Но обер-прокурор св. Синода Протасов, узнав о благочестивой жизни старца, принял в нем живейшее участие. Вследствие этого, старцу дарована была свобода и дозволено беспрепятственно жить в Реконской пустыни. Долго еще после того отец Амфилохий судился о монастырских землях и переносил свое дело в высшие инстанции. Наконец, за разногласие в Правительствующем Сенате, оно поступило в общее собрание, а затем в Государственный Совет, и в 1860 году высочайшим повелением монастырю была возвращена наличными деньгами не только стоимость отчужденных земель, но даже вышло повеление о возведении самой пустыни в самостоятельную

обитель с наименованием ее заштатным общежительным монастырем.

Велика была радость благочестивого Адриана, когда Господь благословил его, даровав полный успех его многолетним трудам и неустанным заботам. Иеромонах Даниил, заведовавший в Петербурге Валаамской часовней, был назначен строителем нового храма, и митрополит Григорий благословил его образом Св. Живоначальной Троицы.

Даниил, прибыв в пустынь с тремя Валаамскими иноками, привез с собою икону преподобных Сергия и Германа, благословение Валаамского настоятеля игумена Дамаскина. Из Тихвина также прислана была икона Тихвинской Божией Матери.

Итак, Свято-Троицкая Реконская пустынь восстановлена и разукрашена по именному высочайшему повелению, единственно, по ходатайству смиренного инок отца Амфилохия.

Скоро в новую обитель стали стекаться массы народа, желавшие увидеть святого старца и получить от него благословение. Для свшшестолетнего старца эти посещения были крайне утомительны. И, хотя он редко отпускал кого-нибудь без наставления и духовной беседы, но силы его стали заметно ему изменять, и он вынужден был удалиться за три версты от монастыря, в пустыню, где ему была построена землянка, в которой он мог снова предаться уединению и молитве.

Незадолго до своей праведной кончины, последовавшей в 1865 году, он отошел еще на двенадцать верст от монастыря в болото и поселился там в двух маленьких келейках, с приставленными к нему служками. Здесь, готовясь предстать пред Праведным Судиею, он погрузился весь в молитву и со слезами на глазах денно и нощно призывал всесвятое имя Сына Божия и Его Пречистой Матери. В продолжение сорока дней он еженедельно исповедовался и приобщался св. Таин, не вкушая более земной пищи, кроме нескольких капель воды, освежавших его. Наконец, 9 августа 1865 года он мирно и безболезненно уснул вечным сном.

Гроб с останками почившего старца был с большою торжественностью перенесен в скит с болота. Настоятель со всеми иеромонахами, собором, после божественной литургии совершил над старцем обряд погребения. С крестным ходом, с хоругвями и крестом, гроб при колокольном звоне был отнесен в могилу, приготовленную рядом с алтарем древней церкви Св. Троицы, где он всю жизнь так пламенно молился. Здесь старец был предан земле, и в продолжение 40 дней отправлялось по нем церковное поминовение. И ныне за литургией всегда поминается имя о. Амфилохия, как незабвенного восстановителя обители. В день же его Ангела 23 ноября совершается заупокойная служба. Над его могилой вскоре после его смерти была устроена просторная часовня, в которой посетители служат по нем панихиды¹⁴.

Священник Лука

(Память 9 августа).

Священник с. Рожновки (Борзенского уезда) о. Луки Некрашевич священствовал более 40 лет. Главными чертами его служения были – редкая нестяжательность, которой он никогда не изменял, кроткая любовь ко всем, глубокая преданность воле Божией, по которой он был покоен душой и тогда, как более пяти лет страдал болью в голове. Слух и зрение ослабли у него от того, что для напутствия больных св. Дарами ходил он всегда с открытой головой, благоговая пред Страшными Тайнами. Такое благоговение его впечатлевалось и на всем служении его Богу. Прямотушие его навлекало, однако, на него неприязнь некоторых, но строгая жизнь, заботливость о пользе прихожан, святое исполнение пастырского долга внушали уважение к нему между духовными и светскими¹⁵.

Раба Божия Мария

(Память 9 августа).

Мария была крестницей одной богатой знатной госпожи, взявшей ее с малых лет из-под родного крова в барский свой дом, для воспитания наравне с своими дочерьми. И ничем не отличала она крестницы своей, бедной девочки, от родных своих детей. В шутку же те называли Марию «монахиней-постницей». И точно, – ничто мирское не занимало Марию, все помыслы светские чужды были ее девственному сердцу, в котором царствовала лишь одна любовь ко Господу, лишь одно желание служить и благоугождать Ему до конца жизни. Старшая дочь ее благодетельницы, вышедши замуж, поселилась в Киеве; там посещала ее нередко мать со всем своим семейством и с Марией. Однажды, выслушав литургию в одной из пещерных церквей Печерской лавры, пожелала воспитательница ее принять с детьми своими благословение славившегося в то время святой подвижнической жизнью старца, духовника тогдашнего митрополита Киевского Филарета, иеросхимонаха Парфения. Благословляя ее и ее семейство, блаженный старец особое внимание обратил на Марию. «Нашего рода, нашего, матушка, она рода», сказал он крестной ее матери, и покровительственно прикрыл ее голову концом своей схимы. «Не принуждайте ее, матушка, замуж идти, повторил он потом, – впрочем, да будет и в этом воля Божия. Помни Бога, дочь моя, помни и люби Его всегда, во всяком звании, во всяком своем положении; с терпением покоряйся св. Его воле, хотя бы по-видимому и противна была она желаниям твоего сердца. Терпением скорбей и болезней среди самого мира спасет тебя милостью Своею Господь». – «Я не хочу быть в миру, мой отец», осмелилась заметить на это Мария. «На то будет воля Божия, – отвечал ей старец, – береги только одно, чтобы сердце-то твое было не мирское, чтобы не любило оно суеты». Памятны остались на всю жизнь юной Марии эти слова; они внушили ей сильную привязанность и благоговение к сказавшему их старцу, и память о них, как увидим, много

способствовала ей в безропотном несении земного своего креста.

Воротившись из Киева в свое поместье, благотельница Марии вскоре позабыла просьбу Печерского иеросхимника не принуждать крестницу свою к замужеству. Как нарочно приглянулась она в это время одному из молодых соседей ее по имени, человеку, родители которого были люди богатые, и в виду которого было очень завидное наследство. Прельстившись блеском состояния, воспитательница Марии начала поощрять искания молодого человека; даже, для содействия себе в успехе этого дела, выписала и родителей Марии, и общими с ними увещаниями, просьбами и угрозами, принудила, не желавшую брака, не хотевшую даже слышать о браке, девушку, дать ему слово. С горькими слезами исполнила это Мария, с не менее горькими слезами шла она под венец, видя во всем, с нею так неожиданно совершающемся, руку Промысла Божия, и вспоминая при этом не раз слова прозорливого старца Парфения. Все приготовления к замужеству, богатое приданое, и наряды, делаемые ей щедрой благотельницей, – все это было чуждо ее сердцу; самый будущий спутник ее жизни мало обращал на себя ее внимание, после всякого своего с ним свидания, спешила она в свою комнату, где на коленях, в слезной молитве, просила себе помощи свыше, в трудном для ее внутреннего расположения наступающем образе жизни. Муж ее был человек, в сущности, добрый, но простой и грубый. Ожидая богатого, после родителей своих, наследства, он всячески старался им угождать. По несчастью для Марии, родители его, люди богатые, но скупые и тщеславные, не совсем были довольны женитьбою сына на девушке бедной и, притом, незнатного происхождения. Вскоре окончательно невзлюбили они молодую свою невестку, в особенности, мать, женщина властолюбивая и жестокая, сильно возненавидела добродетельную Марию. «Монашенка ты, неженка, – твердила она ей беспрестанно, – только и знаешь, что Богу молиться», и всячески издевалась над ее благочестием. Сперва муж защищал отчасти Марию от ее нападок, но потом, боясь и в свою очередь попасть в немилость к родительнице, вместе с

нею начал над нею смеяться и оскорблять ее. Бедная женщина все переносила с терпением, старалась даже в собственных глазах оправдывать мужа и свекровь, так что даже последняя должна сознаться, что все самые злейшие ее оскорбления, кроме кроткой покорности, ничего в ней не производили. В свободные часы служило ей утешением вышивание воздушов и других церковных вещей, и это ей запретили под предлогом больших затрат на материалы; но втайне продолжала она и это благочестивое свое занятие, и даже собственноручно вышила схиму для иеросхимонаха Парфения, которую и передала она ему чрез свою крестную мать, посетившую опять Киев. «Отдашь ты Богу ответ, раба Божия, что оторвала от плодоносного стебелька Божий цветочек», такими словами встретил ее подвижник, в сильных выражениях выговаривая ей неразумное ее попечение об участи крестницы. Марии же велел передать от его имени совет: терпеть все скорбное без ропота, с благодарностью к Богу. И точно, много скорбей приходилось кроткой и молчаливой Марии переносить от немилосердной своей свекрови: однажды в зимнее время, по ее приказанию, по целым, иногда, суткам не топили занимаемые ею покои, и только сильная болезнь молодой женщины, грозившая опасностью самой ее жизни, положила конец этому тяжелому испытанию ее терпения. Болезнь эта расстроила окончательно и без того слабое здоровье Марии: с тех пор никогда не была она совершенно здорова. В то же время, еще один случай, образумил отчасти ее свекровь, показав ей все благочестие безответной ее невестки. Привиделся свекрови во сне образ Успения Божией Матери, причем, какой-то незнакомый ей инок сказал ей, что лишь вполне достойная и богоугодная душа может его обрести. Не обратив сперва внимания на это сновидение, вскоре она его позабыла. Но вот, немного времени спустя, Мария, посланная ею в огород присматривать за работами, находит там среди гряд круглый кусок железа, на котором написан был образ Успения Божией Матери. Обрадованная дорогой находкой, благочестивая женщина спешить поделиться радостью своею со своими домашними. Свекровь узнала в найденной ею иконе виденную ею во сне,

вспомнила и сказанные ей при этом слова, и с тех пор стала гораздо ласковее и милостивее обращаться со своею невесткой. Вскорости даже согласилась она отправиться вместе с нею в Киев, куда жаждала душа Марии. Прибыв, наконец, в святой город, неоднократно бывала она у старца Парфения, увещания которого возымели сильное влияние на своенравную женщину, ибо признала она в старце виденного ею во сне инок. На прощание предсказывал подвижник неожиданное улучшение семейной жизни Марии и прибавил: скоро настанет для тебя, дочь моя, еще лучшая жизнь. «Молитесь за меня, отец мой, – просила его Мария, – и обещайте мне принять меня в число ваших учениц». – «Ты будешь там моей предтечей», ответил ей на это Парфений, и последствия показали, как верно сбылись его слова. Воротившись из Киева домой, Мария узнала, что муж ее совершенно неожиданно выбран на очень хорошую должность, и что ей предстоит вскоре жить вместе с ним отдельно от его родителей. Обрадованная, поспешила она к нему переехать, и уже на свободе, без всяких препятствий, предалась обычным своим благочестивым занятиям. Не имея детей, слабая здоровьем, она большую часть своего времени проводила в молитве. Молитва была насущною потребностью; любимое ее чтение, после святого Евангелия, составляли письма затворника Задонского Георгия. Время это было ей дано как бы для отдыха, для приготовления к переходу в вечность, ибо уже недалеко было от нее это время. Собравшись однажды в новую поездку в Киев, заехала она по пути к своим родителям и в их доме, и без того очень слабая в силах телесных, слегла уже окончательно: видно было по всему, что жизненный ее светильник догорал. Истинная христианка в продолжение всей своей недолгой жизни, явила она в это время особенное умирительно-благочестивое настроение своей души. С невозмутимым спокойствием готовилась она к переходу в вечность, жаждала этого перехода, как бы награды за свое прошедшее. Напутствованная несколько раз святыми таинствами, она пожелала, чтобы самые посмертные ее останки были украшены святыней, чтобы пояс ее платья составляла лента от мощей св. великомученицы Варвары, а на голову

возложено было покрывало, которым, по ее просьбе, был отерт чудотворный образ Успения Божией Матери в лавре Печерской. Самый елей, употребляемый при погребении после чтения разрешительной молитвы, был ею заблаговременно собран от лампад св. мощей Божиих угодников. Безбоязненно готовилась она предстать пред лицом праведного Судии и Мздовоздаятеля Господа. Просила она также положить вместе с нею во гроб малое ее келейное Евангелие. «На что это, друг мой», решился заметить ей на это простодушный ее супруг. «Чтобы не скучно мне было пребывать в одиноком моем доме, – с улыбкой ответила ему Мария, – с Господом и святым Его словом, отрадна мне будет и самая темная могила». Но вот, наступила и радостная для нее, давно ожидаемая ею минута, минута ее кончины. Старик отец, муж и сестра окружали смертное ее ложе; тихо и покойно было лицо умирающей, радостная улыбка озаряла страдальческие ее прекрасные черты. По ее просьбе, сестра начала ей вслух читать акафист сладчайшему Господу Иисусу Христу. Прочитав его почти до конца, заметила она небольшие предсмертные судороги в ее теле. Но лицо умирающей было так же покойно и светло, как и прежде. «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя», проговорила она в последний раз тихим голосом, и с именем Господа на устах мирно перешла в вечность. «Раба Божия Мария скончалась», сказала однажды старцу Парфению дочь крестной ее матери, жившая в Киеве. – «Да, да, я это знаю, – отвечал ей на это подвижник; велик был ее подвиг земной. *Она в мале совершила лета многа*, превзошла добродетелью многих, и теперь ждет и меня к себе, ибо я назвал ее своею предтечею в тот мир». Действительно, вскоре после этого времени, скончался и сам приснопамятный старец-подвижник¹⁶.

Схимонахи Иларию и Матфей Соловецкие

(Память 9 августа).

«Не можем не указать и на эти две светлые звезды иноческого подвижничества», писал Соловецкий инок о. Николай. Первый из этих подвижников происходил из духовного звания, и после многих послушаний провел немалое время в пустыне; но потом счел для себя полезным жить безмолвно в монастыре. Он имел правилом не вкушать пищи в продолжение трех дней недели; хранил совершеннейшее безмолвие, скрывая свои подвиги от всех и зная одну церковь, которая была от его келлии в трех шагах. Второй, по пострижении в схиму, жил много лет в Голгофо-Распятском скиту, неусыпно упражняясь в молитве и труде, имел дар слез, и в ночное время его рыдание слышалось в соседних келлиях; церковного богослужения никогда не оставлял, и при сильных ветрах, иногда по глубокому снегу ползком пробирался к храму.

Умирая в монастырской больнице, он увидел при одре своем Ангелов. «Вот, стоят два Ангела», сказал он бывшему тут духовнику, и на вопрос «что они делают?» отвечал: «о чем-то разговаривают между собою». Оба подвижника скончались в глубокой старости¹⁷.

Матфей и Харитон, схимонахи Троице-Сергиевой лавры и иеромонах Тихон

(Память 9 августа).

Схимонахи о.о. Харитон и Матфей подвизались в Гефсиманском скиту. Различная была их прежняя жизнь, различным был и подвиг спасения. О. Харитон пришел к монашеству от жизни довольной, обычно-мирской, исполненной многих соблазнов, а жизнь о. Матфея была проста, как и сам он был прост душой и незлобив сердцем. Посему, что давалась о. Харитону с большим трудом, то без всяких усилий принимал о. Матфей. Много скорбей потерпел о. Харитон от нападений вражиих. Непрестанны были его борения с самодовольством, тщеславием и унынием. Но духи лукавства не переставали озлоблять его, то они выкрадывали память молитвенную, в чтении закрывали слова, в стоянии расслабляли силы, то устрашали и смущали пустыми привидениями. «В этом подвиге, писал наместник Сергиевой лавры о. Антоний к м. Филарету, нужно терпение, смирение и благодушная вера в Господа спасающего. Но работа эта тяжела: не скоро выкинется нравственная пыль, а покуда, по грязи этой близко и свободно подходят демоны. Да, видно, задолго до уединения, уединению надо учиться». Так шел подвиг о. Харитона.

Отец же Матфей без особенной борьбы восходил от силы в силу, от меры в меру чистоты и святости. Вот, как описывает беседу с этим подвижником о. наместник Лавры архим. Антоний в письме к м. Филарету: «в воскресенье, вечером, бывши в скиту, я взял с собой о. Илариона, и в 7 часов пошли к о. Матфею. Тихонько подошли мы к его келлии и услышали, что он поет. Постучали, сотворили молитву; по обычаю, сотворил и он и, узнав нас, принял с радостью. Мы сказали, что слышали, что он пел, и он простодушно ответил: так что-то весело на сердце стало, я и попел. И попросил повторить то, что он пел. После некоторого отказа, он согласился, сел и стал петь. И видимо, душа его восходила к поемому им. Сначала он стал прославлять Святую Троицу, Отца и Сына, и Святого Духа, и

заклучил прошением прощения всех грехов и освящения благодатью. Потом обращался к Божией Матери, к Предтече и все с особыми прошениями о предстательстве за всех верующих. Далее – к небесным Силам, праотцам, патриархам, пророкам, апостолам, святителям, учителям церковным, мученикам, исповедникам, преподобным и праведникам. В каждом лике поименно именовал святых многих, и заключал к каждому лику прошением о предстательстве пред Господом о грехах наших. После всего пел кондак великого канона «душе моя, душе моя» ... и потом стихиры Кресту, которые поются в скиту после правила. И нельзя было не приметить благодатной радости в душе его, проявляющейся на лице.

Просил я его говорить с нами откровенно: как он проводит время, нет ли каких нападений вражиих?» – «Время, говорит, при помощи Божией, без молитвы, кажется, не проходит, кроме сна и малого, разве, другого времени. Да у меня и ум, и помыслы, и не знают, куда лучше предстать, как не пред Господа и Его святых: тут мое счастье и веселие. Враг разными подходит действиями: и внешними, и внутренними; но Господь его для меня не страшным делает. Простите меня, вот, даже не терпит, когда и запою, его и это отгоняет от меня. А более всего призываю спасительное имя Господа нашего Иисуса Христа и ограждаюсь крестным знамением. Поверите ли, иногда чувственно ощущаю, так как я не вижу ничего, как он, окаянный, отбегает, гонимый силою Божией. А это не только утешает меня в моем безмолвии, но и укрепляет в уповании на Господа. Иногда, простите, ну, точно солдат вооруженный, торжествую над пораженным бесом. Всего себя я предал Господу и ощущаю, и верую, что Он, по милости Своей, хранит меня бедного, слепого и немощного грешника. Батюшка! душе, соединенной верою с Господом, бесы не страшны, а только более дают заботы и осторожности в хранении себя пред Господом».

Относительно пения я спросил: учил ли кто его или читал он где о подобном упражнении? – Нет, батюшка, – снизал он, так, кажется, сами мысли, как будто потерянную дорогу отыскав, радовались, вспоминая мне от лика лик и имена. Вот я одних

преподобных поименно более 500 вспоминаю; иногда я целую ночь со всеми ими обращаюсь, размышляя, как Силы небесные и святые славословят и служат Господу, и как Господь радуется и освящает их Своею благодатью, и как они просят о нас, милости нам у Него, и Он, любя их, послушает; и нас милует, и тайными, и явными судьбами Своими. Иногда поплачу, иногда радуюсь, а глядь – время и прошло, а иногда и много пройдет.

О. Иларион спросил: «ты любил прежде чай кушать, не хочешь ли и ныне?» – «Нет, отвечал он, я ем сухарики с водой, и они мне чудно сладки и здоровы, а иногда прошу капустки или щец, как требуется внутренностью, и я очень всем доволен! Чайку я не стал пить не потому, что в нем есть грех, но раз раздумался я, как жили Симеон Столпник, св. Мария Египетская, Сергей преподобный, и все-то они чайку не пили. Помолясь им, и я стал отставать, и ныне не пью его. А, если вы разрешите, пожалуй, напьюсь. Я сказал, чтобы он следовал своему внутреннему побуждению, а не нашим немощным напоминаниям.

Сердечная молитва Иисусова не переставала действовать в нем даже и во сне. 28 апреля 1852 года скончался о. Матфей. После его смерти нашли в коробочке 3 гроша, которых он не успел истратить. Так был нестяжателен о. Матфей.

Граф же М. В. Толстой о них сообщал еще следующее.

Матфей и Харитон – схимонахи Троице-Сергиевой лавры. Оба они сделались более известными по смерти. Я застал их еще при жизни; первый из них, иеромонах Михаил, бывший прежде духовником Лаврской братии, отличался глубоким смирением и строгим постничеством. Избегая почтения от людей, он притворялся иногда юродивым, за что и был сменен из духовников. Иногда он как будто предсказывал, и предсказания его нередко сбывались.

Так, и мне, еще мальчику, он сказал однажды, что у меня будет жена Елизавета Петровна. Я вообразил тогда, что это предсказание относится к одной хорошенькой барышне, которая мне очень нравилась, хотя и была на несколько лет старше меня; но это предсказание сбылось гораздо позднее, а именно в

1850 году, когда я женился на княжне Елизавете Петровне Волконской.

Другой подвижник, Харлампий, простой монах из полуграмотных, до конца жизни находился при часовне, стоящей на месте келлии преподобного Сергия. Он был там сначала помощником отца Леонтия, а потом заступил его место, когда последний, ослабев от старости и почти лишившись ног, перешел на жительство в больницу. Отец Харлампий особенно заботился об украшении вверенной ему часовни; богатая риза на огромной иконе явления Божией Матери преподобному Сергию и много других окладов остались памятниками усердия отца Харлампия. Когда устроен был Гефсиманский скит, Михаил и Харлампий поступили туда из первых. Там они приняли схиму: Михаил – с именем Матфея, а Харлампий – с именем Харитона. Там же оба кончили жизнь почти в одно время и погребены у подножия большого креста на скитском холме.

Оба они были старцы благоговейные и строгие постники; но при жизни окружающие не замечали в них особых даров благодатных. После кончины обоих старцев случилось следующее событие: «из города Александрова (Владимирской губернии, в 45 верстах от Лавры) пришел в лаврский скит мещанин и просил, чтобы отслужили панихиду по двум схимникам – Харитоне и Матфее, погребенным в скиту. На вопрос – как он их знает, – он ответил: «я не знал их, но вот какое благодеяние они оказали в моем семействе. – С год, как пожелала дочь моя идти в монастырь в Суздаль. Несколько раз молила мать игуменью принять, но та не принимала ее без взноса. Дочь две недели назад опять пошла к одной монахине в келлию, много плакавши, уснула и видит во сне, что два схимника молятся о ней пред образом Богоматери, именно, просят, чтобы Матерь Божия повелела игумении принять эту девицу на служение в обители. Чрез икону Матерь Божия говорит, что исполняет прошение их и уже повелела принять эту девицу в монастырь. Икона скрылась, а схимники обращаются к девице и говорят: «завтра после утрени поди к игумении и будешь принята». Девица во сне бросается к ногам старцев и говорит: «батюшки, да как же мне вас назвать и откуда вы?»

Старцы отвечают: «мы из скита Гефсимании схимонахи Харитон и Матфей». Девица просыпается и бежит на благовест к утрени, после утрени падает опять к ногам игуменьи. Игуменья поднимает ее, говоря: «приходи, приходи, – приму и ничего не надо; видишь, за тебя восстают схимонахи Гефсиманского скита». Так девица осталась в монастыре, а отцу поручила отправить панихиду в виде благодарности по Харитоне и Матфее». (Монастырские письма, изд. 2-е стр. 39–41).

Тогда все помнившие их убедились, что блаженно почившие старцы смиренным послушанием и усердным исполнением своих обязанностей угодили Богу¹⁸.

У иеросхимонаха Феодота который сначала подвизался в Оптиной пустыни, затем перешел в Гефсиманский скит, и умер в Оптиной же, был ученик иеромонах Тихон. Кроткий, сердечный старец, он ко всем относился с сердечной любовью. Весьма многие пользовались его, исполненными любви, советами. Часто при исповеди он плакал над грехами кающихся и всячески утешал последних. Трогательна была любовь о. Тихона к своему духовному отцу и руководителю старцу Феодоту. Часто можно было видеть седого ученика, опирающегося на свой старческий посох и идущего к такому же старцу и наставнику о. Феодоту. Скончался о. Тихон 7 марта 1873 года.

Блаженная Марфа

(Память 10 августа).

В Суздальской обители близ северных дверей соборной церкви находится скромный надгробный памятник Марфы Яковлевны Сониной, скончавшейся 10 августа 1803 года, 80 лет, после 60-летних подвигов в юродстве Христа ради. Когда она была еще здорова, везде ходила, сама бедна была, а бедных не забывала, ноченьки целые за коклюшками просиживала, все кружева плела, хорошие, дорогие. В большом ходу тогда кружева были, особенно купчихи щеголяли. И теперь еще найдешь у суздальских купчих, и больше у Шуйских да у Юрьевских, широкие-преширокие кружева работы Марфы Яковлевны; давно внукам да правнучкам в приданое на благословение пошли; берегут их, словно Божие милосердие. А сама она, что ни выработает, все нищим да сиротам, а когда и в храм Божий принесет, на свечи к преподобной Евфросинии; а у самой и копейки запасной никогда не бывало. После, когда была уж без ног, с постели не вставала семь лет. Покойная игуменья матушка Аполлинария посылала послушниц поочередно служить Марфе Яковлевне. В ранах вся лежала. Никогда не пожалуется, не поропщет, за все Бога благодарила, и молодых учила уму-разуму: «все терпите, говорит, не гневите Бога ропотом, от трудов рук своих питайтесь и уповайте на Бога. Он вас, милые мои, ни оставит за то, что вы, послушания ради, грешную Марфу не оставляете. Воздаст вам за меня Царь Небесный». Вовсе не была она монастыркой и в монастыре не жила, только случалось, что гащивала она здесь иногда у монахинь знакомых, проживала иногда дня по два, только редко, и в Покровском монастыре у игуменнии. А всегда жила Марфа Яковлевна у приятельницы своей, у небогатой мещанки вдовы Евдокии Ивановны Изюмовой, и домик Изюмовой был рядом с дьяконским домом. О прежнем житье-бытье М. Я. сама кой-что рассказывала. Была она родом из здешних мещан. Сонины прозывались. Сироткой по десятому году осталась после родителей; до двадцати лет с братьями женатыми в

родительском доме прожила, работала на них, пуще всякой работницы без отдыха. Были у нее хорошие женихи, из купечества, но не пожелала замуж выйти. А в семье-то тяжело и грустно ей было жить: жены братьев ее промеж себя ссорились и мужей на вражду наводили. Марфа Яковлевна пошла странствовать по святым местам, у Соловецких чудотворцев побывала, в Киев два раза сходила. Воротилась с богомолья и поселилась у Изюмовой в домике на весь век, а тут и юродствовать начала. В длинной белой рубашке стала ходить, и всегда почти босиком; другой одежды никакой не носила. По улицам всегда от места до места бегом бегала; ребяташки бегут за ней, хохочут, дразнят. А она никогда на них не осердится, только пальцем погрозит; а то и гостинцы им раздаст, баранки, либо пряники, когда купцы ей принашивали на поклон. Мимо дома родительского, когда пробежит, постучит бывало в окошечко и кричит: «покайтесь, молитесь, живите мирно, не гневите Бога»! А в дом редко заходила, потому что не слушались ее невестки; все у них свара стояла да брань греховная с утра до вечера. И сбылось же над ними слово блаженной: обнищали и примерли все, еще при ней, только остались могилки родителей ее и всего Сонинского рода на кладбище у Воскресения; и теперь еще кое-кто из городских поминают их в родительские субботы, а чужие-то многие ее слушали; читывала она им из божественных книг, и как же сладко читала и толковала. И добрые советы подавала многим, как жить, как от греха себя оберегать. В монастыре, в былые года говаривала она здешним монастыркам: «не занимайтесь суетою, трудитесь больше, зависти и сплетен удаляйтесь. А не то – смотрите – Бог накажет, все пропадет, и Преподобная-то сама уйдет от вас к Лазарю». И много, много раз повторяла им такие слова. Ведь, сбылась же угроза Марфы Яковлевы. Весь монастырь дотла выгорел; церковное добро все почти пропало, да и у монастырских-то ничего не осталось; кто только в чем выскочил, то и уберег. А как собор загорелся, мощи благоверной княгини Евфросинии подняли монахины с гробом из раки и снесли в ближнюю церковь приходскую друга Божия Лазаря. Слово-то праведное сбылось: ушла Преподобная к Лазарю!

(Ризположенский монастырь выгорел 13 августа 1769 года). Да не только в монастырях, а и в миру многие от блаженной пользу получали: местные все ее знали и уважали, и за советом к ней приходили, и молитв ее просили себе на помощь, и младенцев к ней болящих приносили, а она бывало либо водицы Богоявленской даст с молитвою, либо антидору частичку. И как рукой снимет недуг с ребенка.

А вот, не любила она, как уж очень примутся почитать ее и хвалить в глаза, сейчас начнет смеяться, вертеться, кидаться из угла в угол, словно дурочка какая; тут уж и слова хорошего от нее не услышишь. Рассердятся гости, бранить ее начнут, а ей то и нужно. Приезжали к ней из других городов, из Костромы, из Ярославля и купцы, и помещики, а больше барыни веру к ней большую имели. Много она им правды в глаза говорила и не льстила им никогда. Привозили ей и присылали всяких припасов и денег давали; она ничего себе не берегла, часть отдавала хозяйке своей, а прочее все бедным раздавала. Приехала к ней раз княгиня Т., барыня пребогатая, и денег привезла рублей 200, а Марфа Яковлевна и взять не захотела. «Ты бы, мать моя, лучше свою бедноту пожалела: раздетые они у тебя, босые, голодные, хотя и рабы твои, а все же братья во Христе, Марфуше ничего не надо. Марфуша сыта и довольна по милости Божией». Так и не взяла ничего, совсем пристыдила княгиню.

Марфа Яковлевна в последнее время каждый день ходила в монастырь к ранней обедне; зимой в теплой церкви стояла в уголке, а летом – в собор не входила; становилась всегда пред северными вратами и молилась прямо на раку благоверной княгини. На этом самом месте и могила ее. Вот, и пришла она в последний раз, в Ильин день, и стояла на всегдашнем своем месте. Выходят монахини из собора, видят – лежит Марфа Яковлевна ничком на земле. Подняли ее, чуть дышит, совсем без памяти. Отнесли к игумении в келлию; на другой день опаматовалась, только ногами обеими не владела до самой кончины. Стала просить: «отнесите меня, Христа ради, к Авдотье Ивановне». Снесли ее на руках, там она и пролежала семь лет недвижимо, а инокини ей служить ходили поочередно.

Каждую субботу святых Христовых Таин приобщалась: носил к ней св. Дары духовник ее, от праведного Лазаря священник отец Иоанн. Было у него горе большое. Сынка его из здешней бурсы послали в Питер – в академию учиться, а малый-то и пропал без вести. Уж, как сокрушался отец Иоанн; приход бедный, четыре поповны-подростки; вся надежда была на сына. Марфа Яковлевна утешала своего духовного отца: «не горюй, батюшка, терпи и Богу молись: не пропал твой Алеша; еще увидишь его, воротится тебе на радость». – Так и сбылось. Прошло годов несколько, и попович наш вернулся, после замирения (вероятно, в 1815 году). Что ж ты думаешь, где пропадал? Как доехал только до Питера, так и сбежал на какие-то английские корабли; захотелось, вишь, парню по белому свету погулять. Весь свет Божий, говорят, кругом объехал. И с деньгами большими воротился; сестер пристроил, отца всем снабдил, и стали жить изобильно, как никогда прежде не жили. Только попадья старая не дождалась радости, года за два померла.

А как настали последние дни, Марфа Яковлевна предчувствовала свой конец; со всеми знакомыми простилась и иконы, какие у ней были, раздала близким на благословение. В день кончины св. Таин причастилась, особоровалась и канон на исход души прослушала. А как читали канон, так всякое слово повторяла; наизусть знала канон, видно, чисто про себя читала. Сама свечку задула, перекрестилась три раза и так тихо преставилась блаженная, словно сладким сном заснула. На шестой день схоронили, потому что все подъезжали на похороны из других городов. Ни тления не примечали, ни запаха не слышали, даром, что жары были сильные. А какой плач был на погребении, особенно бедные воплем выли! Народу столько было, что монастырь весь был полон. Пока в доме лежало тело, панихиды ни днем, ни ночью не умолкали. Да и поныне часто приходящие и приезжие просят служить панихиды над могилой, и многие исцеления по вере своей получают.

В 1850 году исцелилась после молитвы на могиле Суздальской подвижницы соседняя помещица Анастасия

Степановна Ш-ва, много лет страдавшая мучительной нервной болезнью¹⁹.

Иоанн, затворник Святогорский

(Память 11 августа).

Город Курск, родина преподобного Феодосия Киево-Печерского и преподобного Серафима Саровского, был родиной и приснопамятного затворника Иоанна. Он родился в семье небогатых мещан Крюковых 20 сентября 1795 года. С раннего возраста он был набожен. Когда ему было семь лет, однажды в толпе собравшихся на улице мальчиков один из них, по фамилии Мошнин, стал рассказывать о подвиге своего родственника, спасавшегося в затворе. Вероятно, речь шла об о. Серафиме, происходившем из рода Мошниных. Этот рассказ запал глубоко в душу Ивана Крюкова, и он несколько раз принимался расспрашивать мальчика, и восклицал: «ох, хорошо так жить, хорошо жить и спастись!» И с этой поры в мальчике залегло желание монашества, которое не оставляло его долее года, пока по жизненным обстоятельствам это не стало возможным. Когда Ивану минуло девять лет, он стал просить родителей, чтоб они отдали его учиться грамоте; но они, по бедности думая только о зарботке, отдали его в учение к мастеру, готовившему печные изразцы, на 7 лет, и за все это время получили от мастера 10 рублей ассигнациями. Хозяин Ивана был жестокий человек. Он не показывал ему, как работать, а бил его за его неумелость. Побои доходили до того, что мальчика замертво выносили на воздух. Раз, хозяин чуть было не убил Ивана за испорченный изразец. И вся цена изразцу была 1 копейка. Семь лет терпел Иван эту ужасную жизнь. По окончании срока он перешел к другому мастеру, а через несколько лет поступил приказчиком к торговцу скотом. Родители стали уговаривать Ивана жениться. Мысль эта очень печалила целомудренного юношу, но он не хотел огорчать родителей. Престарелая его мать не могла сама управляться с домашним хозяйством, и он склонился на их просьбы. Благосостояние Ивана стало улучшиться. Он открыл на сбережения от своего жалованья фабричку изразцовых лепных печей. Дело пошло хорошо. Кроме того, он содержал два

постоялых двора и гостиницу... В своем достатке он сохранил ту же набожность, вел трезвую и благочестивую жизнь, любил ходить в церковь и твердо помнил о том, как с детства мечтал о монастыре. Наконец, его заветное желание могло осуществиться. Его жена умерла, детей не было, вскоре умер и его отец, и на руках оставалась лишь мать. Открывалась возможность проститься с миром. «Слава Тебе, Христе Боже, восклицал он, слава Тебе, милосердому, что освобождаешь меня, наконец, от сей мирской суеты! Велико Твое, Господи, ко мне милосердие, что вспомнил меня недостойного и не попустил меня до конца погрязнуть в заботах житейских».

Но не без борьбы отпустила сына в монастырь его мать. Сперва она решительно отказалась дать свое согласие, и только уговоры одного помещика, наконец, смягчили старуху. Точно светлый день настал тогда для сына. У матери было много богато украшенных икон, но сын попросил себе на благословение простой медный литой крест. Он, не снимая, носил его на себе. В то же время, он надел на себя вериги из простого шинного железа, весом в полпуда, состоявшие из пояса и наплечников. Целые полтора года Ивану пришлось провести в хлопотах по окончанию подрядов и расчетов по ним. Услыхав, что он собирается в монастырь, некоторые из тех, что были ему должны, уклонились от уплаты, и простосердечный Иван, простив им, просил Бога принять эти деньги, как милостыню во имя Его. Наконец, устроив мать у замужней сестры, Иван на 39 году простился с миром. Побывав в Киеве на богомолье, он направился затем в Глинскую пустынь Курской епархии, процветающую тогда под руководством праведного, строгой жизни, игумена Филарета. Там он приставлен был сперва к печным работам. С самого поступления он отличался простосердечием, ласковостью в обращении, был усерден к службе и дома постоянно молился, сопровождая молитву множеством земных поклонов. При простоте нрава, была в нем та глубокая, непоколебимая младенческая вера, которую ублажил Христос. Уже в то время он однажды исцелил молитвою одного бесноватого. Одно время думал он вступить на путь юродства, и долго с плачем молился, чтоб Господь

вразумил его. После того, он заснул и во сне видел двух святых юношей, которые возложили на него священническую ризу и сказали: «оставь мысль о юродстве: это не твой путь».

В Глинской пустыни Иоанн научился грамоте от мальчика-послушника. Назначенный, после разных послушаний, экономом, Иоанн был пострижен в мантию с именем Иоанникия.

Через пять лет он перешел в Святогорскую пустынь Харьковской епархии. Эта древняя упраздненная пустынь, расположенная на меловых горах в восхитительной местности над рекою Донцом, возникала тогда вновь к жизни, и среди иноков, которых пригласил настоятель возобновляемой пустыни, взятый из Глинской братии был и Иоанникий. Ему поручена была трудная, сложная, хлопотливая должность эконома, и, так как на нем лежало заведование множеством вновь возводившихся построек, то на его долю выпало всех больше трудов. Кроме того, он заведовал и гостиницей. Среди бесконечных хлопот и немалых огорчений Господь утешил Иоанникия тем, что через него отыскан был заваленный и заброшенный древний храм обители. Через 12 лет, день в день, после сновидения с юношами, Иоанникий был рукоположен во иеромонаха. Между тем, душа его созрела и требовала больших подвигов и совершенного уединения. Разрабатывая пещеры, в которых некогда селились древние иноки Святогорские, Иоанникий особенно полюбил одну из них, и в нем возникла мысль о том, чтоб затвориться в этой пещере. Настоятель, опасаясь, что это искушение высокоумия, стал испытывать его и смирать. Так, раз, поручил ему вычищать выгребные ямы, ставил на поклоны в трапезе, одел в заплатанную одежду, и тот нес все это терпеливо. Наконец, с благословения преосвященного Иоанникий вошел в затвор. Келлия была тесна и низка, не выше человеческого роста, свет проникал сквозь скважину. Воздух резко сырой, холодный как в погребе. Деревянный гроб с могильным крестом у изголовья, вместо постели, аналой у икон, обрубок пня, вместо стула, кувшин воды и горнец для пищи, и, наконец, самое главное – икона с неугасимой лампадой, – вот, все убранство келлии. Ежедневно затворник полагал 700 земных поклонов, 1000

поясных, произносил 5000 молитв Иисусовых, 1000 Богородичных, читал акафисты, помянники. Ежемесячно выходил он в церковь, чтоб приобщаться. Живительная сила духа нужна была, чтоб оставаться в затворе. Сырость была пронизывающая, так что в тулупе подвижник дрожал от холода; одежда служила недолго – истлевала. Рои насекомых кишели в келлии, уязвляя затворника. Братия глумилась над ним, одни, упрекая его в гордости, другие, предсказывая, что он не выдержит, недобром кончит. Он все терпел.

После 18-месячного затвора Иоанникий пострижен в схиму с именем Иоанна. Через 5 лет затвора, от холода и сырости у подвижника стали делаться судороги в ногах, и настоятель велел устроить в келлии печь. Еженедельно он стал ходить в монастырь ко св. Причастию, и после литургии благословлял толпившийся вокруг него народ. Иногда ночью выходил он из меловой келлии, чтоб подышать чистым воздухом... Укоризны, нарекания и насмешки над ним старшей братии не прекращались. Было замечено, что по мере почитания его народом, он старался навлечь на себя своими словами осуждение иных, только бы избежать славы и похвалы. От постоянного полумрака и свечного освещения он почти ослеп: теперь ему вычитывали его молитвы. Зато великая молитва Иисусова: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного – была постоянно на его устах.

17 лет подвизался старец в затворе. Он тихо догорал в своей келлии, как свеча, горящая пред святою иконою. Сильно тяготило его усердие народа; но он не мог отказать ему, и точно мирный ангел являлся пред ним в схимнической одежде, кротким ликом и потухающими очами, напоминая седую древность Киевских пещер. Беседа с ним успокаивала и облегчала наболевшую душу. В нем был дар прозорливости, – он называл прямо по имени неизвестных, пришедших к нему, лиц, и имел дар исцеления.

Последнее время он все больше лежал в своем гробу, непрестанно молясь, и предузнал день своей кончины. Он скончался 72лет 11 августа 1867 года в монастырской больнице. Перед смертью он взглянул на икону Спасителя и с тихою

молитвою предал Богу свою чистую душу. Гроза бушевала и шумела во время его кончины, и вдруг прекратилась, когда он почил. Он схоронен у алтаря больничного храма. Богомольцы служат панихиды по нем; множество исцелений совершилось на его могиле. А сохраняемая его меловая келлия служит памятником его самоотверженной жизни²⁰.

Святитель Тихон, епископ Воронежский, Задонский чудотворец

(Память 13 августа).

13 августа святая Церковь наша совершает память святителя и чудотворца Тихона Воронежского-Задонского. Так как святитель Тихон, подвизавшийся в столь недавние времена, уже причтен к лику святых и желающие могут прочесть его житие во всех изданиях житий святых, то здесь мы в память великого Чудотворца нового времени помещаем лишь изображение матери Святителя и его старшего брата (см. рис.1), присовокупляя, что память матери святителя Тихона блаженной Домникии совершается 18 января, и блаженной дочери ее Пелагии, и сына чтеца Петра 8 октября.

Рис. 1. Мать Святителя Тихона и его старший брат

Молчальник – Тихон Святогорский

(Память 13 августа).

Отец Тихон в мире Тимофей, родом из-под Устюга, сын бедного поселянина-перевозчика. От самой юности желание благоугождать Господу и хранить непорочность пути своего пред Ним занимало и чрезвычайно действовало на сердце Тимофея, так что он решился вовсе оставить мир и на пустынных пажитях Валаама укрепить свой дух опытами строгого подвижничества. Там он принимал начатки иночества, там в изнурительных трудах безусловного послушания истощал он свои силы физические, между тем, как сердце его разогревалось сладкою любовью к кроткому Иисусу и преисполнялось религиозными чувствами необходимости, еще здесь в жизни, стать выше своей собственной природы, усвоить себе таинственно, укоренить глубоко и затаить от людей в сердце своем радости царствия Божия, т.е. здесь уже слиться духом своим в один дух с Господом. Его только любить, желать и искать. О. Тихон, среди мира и пространства жизненных путей, приучал себя думать, что для него в целом мире – только он сам и Бог, как выразился преп. Антоний Великий, или, что все одно и то же, чтоб, кроме Бога и своих слабостей, ничего не видеть и не знать, и чтобы никакая укориженная мысль, особенно в рассуждении ближних, не касалась ума его. Лет до 20 отец Тихон подвизался на Валааме изумительным образом и, наконец, чтоб праздностью бесед не отвлекаться от Иисусовой молитвы, стяжанной строгими трудами послушания, придумал связать свои уста молчанием. Вследствие сего, о. Тихон притворился, будто апоплексический удар поразил языки его; на все вопросы начальства и братии он начал отделываться минами, а потом мало-помалу утвердился в подвиге молчания и вышел из него победителем.

Носились, впрочем, слухи, и все знали, что отец Тихон притворно, а не по болезни, молчал; но никто не был в силах развязать его языка ни убеждениями, ни ласковостью, ни легкой пыткой, исключая некоторых особенных случаев и крайностей,

когда сам он, без всякой просьбы со стороны других, раскрывал свои уста, из которых раздавались слова утешения и назиданий; но это было так редко, так таинственно, что только те знали, кто удостоивался его собственного расположения и доверчивости, или, справедливее сказать, кто был в опасности и в отчаянном положении.

Пятнадцать с лишком лет так протекло для скромного молчаливого Тихона; он думал, желал и даже ожидал того, чтоб свои подвижнические кости не инде уложить на мертвенный одр, как только на Валааме, но Господь судил вопреки его воле и чаянию. Настоятель Валаамской обители, предубежденный против подвига о. Тихона той мыслью, что это прелесть бесовская, придумал новую пытку и средство развязать связанные пятнадцатилетним молчанием уста его: он отправил его в Петербург на подворье, чтоб там сидеть ему при часовне, думая, что столичная жизнь, знать и самые обстоятельства жизни невольно убедят его говорить; но на поверку вышло совсем иначе. Послушливый Тихон не мог ничем и никак отказаться от новой своей жизни: того требовало смирение и самые иноческие обеты: он нехотя отправился в Петербург, где и пробыл до двух лет с половиной, не изменяя, впрочем, ни образу жизни, ни молчаливому своему языку: он оставался для всех нем, кроме немногих, что само собою привлекало к нему толпы любопытных, а более того, внимательных к его доброй подвижнической славе, так что он сделался, наконец, дивом для многих. Самые даже дети знали, что у этого бедного монаха нет языка, как сам признавался мне, писал святогорец, здесь отец Тихон. Часто, говорил он, знать, приезжая в часовню с детьми, трогала меня до глубины сердца. Маленькие дети, бывало, подбегали к своим родительницам и, указывая им на меня, в простоте и с сердечным чувством, восклицали: «маменька! маменька! бедный этот монах: у него нет языка!» – Эта добрая черта нежного детского характера невольно увлекала Тихона; он улыбался на милых детей и в тайне благословлял сострадательность их ангельского сердца.

Впрочем, как ни силен был о. Тихон в своих подвигах, а жизнь столичная для него казалась свинцовым крестом. Слезно

и пламенно молился он Пресвятой Деве Богородице, прося Ее промысла и помощи, выйти из столицы: искренно сознавался во всем том он опытному отцу Мельхиседеку, духовнику Александро-Невской лавры, требовал его советов и молитв о себе, и, общая всех Утешительница, не оставила его в этом затруднительном положении. Случайно пришло как-то в голову отцу Тихону попроситься на поклонение в Иерусалим: эту мысль он передал отцу Мельхиседеку, который благословил ее и даже сам ходатайствовал за него пред митрополитом Серафимом, прося его об увольнении отца Тихона за границу. Узнал, да поздно, Валаамский настоятель об увольнении своего молчальника в Палестину, потому что о. Тихону был выдан уже и законный вид на следование туда; преградить путь не было возможности.

Не шел или ехал, а летел из Петербурга отец Тихон до Москвы. Здесь он впервые явным образом начал славить Бога своими устами и говорить обо всем и со всеми, кто только был ему знаком и близок. В Киеве, и всюду потом его уста точили сладкие утешения и дивные назидания, при простоте его ума и сердца, образованные строгими и горькими опытами дивного подвижничества.

Отец Тихон сам по себе не имел ни гроша, собираясь в путь к св. Земле, впрочем, это его не затрудняло, при живой вере в отеческий небесный Промысл. Знакомые туго набили ему дорожный кошелек, который он, однако ж, при своей сострадательности, так истощил на бедных, что на Афон явился только с полуимпериалом. Здесь Русский монастырь принял его с любовью; согласно его желанию отдал ему пустынную келлию, где и поселился наш молчальник, но ненадолго, потому что келлия, некоторым образом, принадлежа ему, требовала от него много домашних хлопот, от которых он так отвык и которые так отвлекали его от Богомыслия, что он решился лучше перейти и перешел в монастырь, где, посвятивши себя Богу, пребывал в глубоком затворничестве. Являлся он посреди братства только в субботу, для принятия св. Таин Христовых, и никуда не выходил более остаток седмичных дней. К себе он не возбранял вход братии при нужде; но, дорожа его затворничеством, братия не

иначе бывала у него, как только в крайности своего положения, для раскрытия пред ним своих мыслей и совести, и для получения назидания от его старческой беседы. Кушать ему приносили в келлию. В схиме, которую Тихон принял на себя вскоре по прибытии из Иерусалима, он наречен Тимофеем. 13 августа 1848 г. мирно почил он о Господе, на св. горе в Русике, оставив по себе не замирающую память и славу в русском обществе. Да упокоит его Господь в царствии Своем! По кончине о. Тимофея, в его молитвеннике нашли лоскуток бумаги, на котором было написано: «я обещался никакими лекарствами не лечиться, и ни у кого ничего не брать»²¹.

Схимонах Евсевий, игумен Задонский

(Память 14 августа).

Задонский игумен Евфимий, в схиме Евсевий, известный своим благочестием, настоятельствовал в Задонском монастыре с 1735 по 1745 год. При нем был построен первый Владимирский собор, под которым он был погребен. При сломке этого храма и копании рвов для нынешнего собора в 1846 г. гроб Евсевия был найден с нетленным его телом и перенесен в усыпальницу²².

Ученики св. Тихона Задонского: монах Феофан, монах Аарон, Никандр Алексеевич Бехтеев и Косьма Игнатьевич Студеников

(Память 14 августа).

Монах Феофан, родом из поселян, неграмотный, но за простодушие и трудолюбие весьма любимый св. Тихоном. «Феофан – утеха моя, говорил Святитель, люблю его и за простосердечие, и за то, что никогда не бывает он празден, а всегда – в труде». Феофан плел лапти и портняжил, и св. Тихон так любил его, что редко без него садился за стол. Особенно дорог был Феофан для св. Тихона в минуты мрачного его расположения: «Феофан, скажет Святитель, пора, пора на родину, – мне уже наскучила жизнь, рад бы умереть, лишь бы не лишиться вечного блаженства». Феофан прерывал слова Святителя и начинал говорить свое: «бачка», так называл он св. Тихона: «слушай»! И тот слушал немудрого Феофана, и успокаивался. Феофан скончался 70 лет в 1799 г. и погребен в Задонском монастыре, но где – неизвестно.

Монах Аарон, как и Феофан, пользовался благорасположением св. Тихона. Он, кроме благочестия своего, известен и потому, что святитель Тихон, вследствие его слов о неоставлении Задонского монастыря, разодрал просьбу о своем перемещении в Новгородскую епархию и остался в Задонске. О. Аарон похоронен подле прежней большой церкви с южной стороны при входе.

Никандр Алексеевич Бехтеев, сын Задонского помещика, генерал-адъютанта, с юности полюбил св. Тихона и навсегда решил жить при нем, а потому, вопреки желанию отца, оставил военную службу и, несмотря на разные препятствия со стороны родных, поступил в Задонский монастырь, где и подвизался под руководством св. Тихона. После долгих подвигов благочестия (с 1777 по 1816 г.) он скончался в 1816

году и погребен близ южных дверей прежней большой Владимирской церкви.

Благочестивый Елецкий купец Косьма Игнатьевич Студеников пользовался особенною благосклонностью свят. Тихона. Во время посещения г. Ельца свят. Тихон останавливался в доме его (он был церковным старостой), через него Святитель нередко пересылал деньги для раздачи бедным и заключенным в тюрьме. Косьма был дружен со схимонахом Митрофаном. Старцы обители Задонской отзывались о нем, как «о муже богомудром»²³.

Аксайский священник о. Василий Петров

(Память 14 августа).

Великий чудотворец св. Тихон Воронежский в дни своей жизни взял к себе всех, в ком не замерли запросы нашего бессмертного духа, и многие под его благодатствованным руководством вступали на путь строго подвижнической жизни и, совершив доблестно свое течение, оставили после себя уже навеки добрую память.

Таков, в частности, был и один из священников паствы Святителя – о. Василий Петрович Петров, память которого свято чтится на Дону.

В 1768 году 25 октября войсковой наказный атаман и Сидор Кирсанов писал преосвященному Тихону, епископу Воронежскому и Елецкому: *«Великий господин, преосвященнейший Тихон, епископ Воронежский и Задонский, милостивый архипастырь! сего октября 23 дня команды войска Донского, города Черкаска, разных станиц, живущие за рекою Оксаем и на Роговых, при заводах, старосты: Усть-Оксайский – Иван Фалченков, Роговский – Афанасий Горбов, и казаки, подданные войску Донскому, репортом представили, по согласию-де всех их заводов–казаков, пожелали они вместо отрешенных двух священников Александра и Сергия, к новосооруженной при Оксайских заводах церкви Божией во имя Живоначальныя Троицы, города Черкаска, церкви Донской Богоматери, ктитору Василию Петрову быть другим попом, который и сам к тому желание имеет, и просили меня с войском Донским, как Усть-Оксайских и Роговских заводов, так и помянутый ктитор Петров – о посвящении его к объявленной церкви Божией в попа и вашему преосвященству моего с войском Донским представления: того ради, Ваше Преосвященство, я с войском Донским покорно прошу, ежели вышеписанный ктитор Василий Петров, по архипастырскому Вашего Преосвященства усмотрению, к посвящению в попа достоин явится, оного на Усть-Оксайские и Роговские заводы к церкви Божией во имя Живоначальныя Троицы*

архипастырским Вашего Преосвященства рукоположением посвятить и на то дать ему Вашего Преосвященства ставленную грамоту, а меня с войском Донским не оставить уведомлением. Милостивый архипастырь! Вашего Преосвященства по Духу Святому послушный сын и покорный слуга войсковой наказный атаман с войском Донским Сидор Кирсанов».

25 октября 1768 года в походной преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, конторе, города Черкаска, церкви Донской Богоматери ктитор из казаков Василий Петров в нижеписанном допрашиван и показал: «рожден он, Василий, в оном городе Черкасском, казака Петра Власова сын; от роду ему, Василию, 38 лет, грамоте обучен помянутым отцом своим; женат в оном же городе Черкаске бывшего войска Донского толмача Ивана Феодорова на дочери его, девице Пелагее, беспорочной; детей у себя не имеет; а сего октября 25 дня присланною к Его Преосвященству отпиской войска Донского наказный атаман Сидор Кирсанов с войском Донским, с прописанием поданного к нему того города Черкаска разных станиц живущих за рекою Оксаем и Роговских заводов, Троицкой церкви, старосты Усть-Оксайского (тут Аксайского) стану – Фалченкова, Роговского – Афанасия Горбова с казаками доношения, просят о произведении его, Василия, к оной их церкви во священника, а от казачьей службы отчисления, и ежели Его Преосвященством он – Василий к оной Троицкой церкви во священника произведен будет, то он желает быть при той церкви до кончины жизни своей, а к другой церкви отходить и тем и епархиального своего архиерея утруждать не будет, и довольствоваться станет мирским подаянием, к тому ж и трудами своими; из казачьей службы выключен; дел и подозрения в церковном расколе за собою, також болезни, глухоты и во удех повреждения и прочих, препятствующих к произведению его во священника, вин никаких не имеет; крестное знамение на себе изображает десныя своя руки тремя первыми персты; исповедию обновляется в каждом году во святую четьредесятницу; от святыя Евхаристии не удаляется, и

содержит себя, по преданию св. Апостол и отец, с православною кафелическою восточною церковию во всем согласно, и в сем допросе показал самую сущую правду, а ежели показал что ложно и в том от кого обличен будет, за то подвергает себя будущего на нем священного чина извержению и мирскому публичному наказанию, в чем подписуется: к сему допросу из казаков ктитор Василий Власов руку приложил».

1768 года октября 25 дня в походной преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, конторе, города Черкаска, церкви Донской Богоматери ктитор из казаков Василий Петров подписуется в том, что он, Василий, будет Усть-Аксайского стану при Троицкой церкви священником; в доме своем и чужом запасных святых тайн держать не будет, а будет хранить их во святой церкви на престоле в хороших ковчеге и дароносице во всякой целости и должном почтении, также миро святое и церковь Божию содержать во всякой чистоте, паче во святом алтаре станет, а церковного имуществва, яко то от продажи свеч, приобретая и подаяния церковного, на свои надобности брать п посторонних до того допускать не станет; наилучшего созиданию храма Божия усердно прилежать; к тому сбор содержать чрез определенного с указом ктитора должен и как малолетних женихов ниже 16 лет, а невест – 13 лет, так же беглецов и блудных мужей и жен, и насильно не в указное время, а кольми паче ниже их неправильных и сумнительных браков, в противность закону и без указного, где о сем надлежит, исследования, и без такового порядка, каковой в кормчей книге, в главе 51 о тайне супружества узаконен, венчать и в приходе своем раскольников таить не будет, их ведая, а службу Божию в воскресные дни и в Великий пост преждеосвященные литургии исправлять, и поучения, как повелено, читать и прихожан бы своих слушать ту божественную службу, (если явятся к тому которые за леностью нерадивы) привлекать станет, а двоегласного чтения, во время служения, отправлять не будет, и никогда в питейные дома входить, бесчинствовать, шуметь по улицам,

пьяных ссор и драк нигде, а паче в церкви, сам производить не будет, и другим клирикам и простолюдинам чинить то воспрещать станет, и по мужичеству на обедах в гостях подчиванья истязывать и прочего – сам подобного делать не будет же, но иметь на себе крайне духовному чину подобающее благообразие, и поступать во всем, в силу святых отец правил, духовного регламента и церковных преданий и указов, и епархиального своего архиерея наставлений непременно должен, и ежели за сей подпиской что из вышеписанного подтверждения, в противность законам, пренебрежет и дерзновенно, противу долга своего неподобающее чинить станет, то, не принимая никаких отговорок, поступлено бы было с ним по законам, чему будет достоин, и при производстве о нем Василия всего ставленичьего дела денег и никаких подарков не давал, и посулов не чинил, и без взятия ставленной священником грамоты нигде и ни под каким видом священнодействовать не будет, в сем своеручно подписуется. К сей подписке ктитор Василий Пиков руку приложил.

Тогда же, именно 25 октября 1768 года, войсковой наказный атаман, согласно просьбе старост Аксайского и Роговского, отношением на имя преосвященного Тихона уведомил Его Преосвященство, что ктитор из казаков Василий Петров от службы уволен, а потому и может быть произведен во священника к Аксайской Троицкой церкви. 26 октября духовник иеромонах Корнилий свидетельствует, что о. Василий Петров в приходской Преображенской церкви к присяге приведен и по исповеди найден достойным священства. Того же 26 октября в храме Донской Богоматери о. Василий Петров преосвященным Тихоном рукоположен во диакона, а 28 октября во иерея. Ни производство Василия Петрова из казаков в диакона и в иерея взято, и в книгу записано 4 руб. Тут же в деле находится собственноручная расписка о. Василия в получении подлинной грамоты, присяги, инструкции и из Кормчей книги выписки.

Из дел видно, что в том же 1768 году Преображенского Усть-Медведицкого монастыря архимандрит Порфирий Рахинский «церковь во имя Живоначальной Троицы» в

Аксайской станице соборно освятил и всей церковной утвари, и ризницы опись учинил. При рапорте об этом приложена и опись церковного имущества, весьма скудного по сравнению с тем, которое имеется в настоящее время в Аксайской Троицкой церкви. Освященная церковь была построена из дерева. 23 июня 1770 года священник Василий Петров писал преосвященному Тихону: *«в Троицкой церкви в трапезе намерен я, нижайший, своим коштом построить придел во имя святителя Христова Николая Чудотворца, и оной всем приличествующим к церковному благолепию убрать, точию того без благословения Вашего Преосвященства учинить не смею. Того ради Ваше Преосвященство всепокорно прошу о построении в помянутой Троицкой церкви придела во имя Николая Чудотворца и о построении, и о освящении дать мне, нижайшему, благословенную грамоту, и при ней новоосвященный антиминос; и о том учинить милостивую архипастырскую резолюцию».*

12 июля 1770 года от Черкасского духовного правления послано в Воронежскую, преосвященного Тихона, контору уведомление (репорт) о получении грамоты и антиминоса для вновь устроенного придела. 13 августа 1770 года иерей Василий Петров писал преосвященному Тихону: *«Вашим архипастырским благословением и святительскими молитвами, по благополучном прибытии в дом мой, хотя нижайший в приходе своем при Усть-Аксайской церкви и намерен для желающих словесного учения грамоте на своем коште, с помощью доброхотных дателей, построить дом училищный, о чем, в бытность мою в Воронеже, и от Вашего Преосвященства на доклад мой дозволение имел, однако ж, чтобы мне, нижайшему, подлинно к тому делу приступ учинить и детей обучать, на то, никакого письменного вида не имея, приступить не смею».* И преосвященный Тихон пишет: *«по благодати, дару и власти Всесвятого и Живоначального Духа, данной нам от Самого Великого Архиерея, Господа нашего Иисуса Христа, благословляем помянутому честному иерею Василию Петрову училищный дом на пристойном месте поблизости к церкви построить*

позволяем, детей грамоте, чтению книг и пению церковному и заповедям Божиим, и благочестному и добронравному житию обучать, и обученных в церкви петь и читать заставлять. Известного же, ради свидетельства, что он иерей Василий Петров к мудрому, детей, обучению нами благословлен, дадеса ему та наша благословенная грамота, рукою нашею подписанная и печати утвержденная в престольном нашем городе Воронеже. Лета мироздания 7278, от Рождества во плоти Бога Слова 1770 года, месяца сентября 15 дня».

5 июня в 1772 году, о. Василий Петров писал свят. Тихону, епископу Воронежскому и Задонскому: «четвертый год исходит, как я, низайший, Вашим Преосвященством во иереи рукоположен и к Усть-Аксаиской Троицкой церкви определен; что же касается до исправления мирских треб и от них получаемых доходов, то, по большей части, отправляет, и особливо все браки венчает за довольную плату товарищ мой, священник Михаил Данилов, и тем, крайне обогатясь, и много денег собравши, торговать с барышом отдает, и он, иерей Данилов, несмотря на данные нам при поступлении во священство инструкции и выписанную из Кормчей, 16 гл. о браках, некоторых и в родстве повенчал, и под следствие духовному правлению подпал; я же, низайший, во всю ту мою поныне бытность, по силе того повеления, кроме одного брака, никого не венчал, да и за отлучностью моею, в известное Вашему Преосвященству, дело²⁴, в исправлении мирских треб собираемых доходов от товарища моего, по несогласию, ничего не получал, да и не желаю, а только тем доволен бы я был, когда, в бытность мою, сам, что получу за потребу от доброхотных дателей: во время ж отлучности моей в определенное дело, прошу покорно Ваше Преосвященство, откуда надлежит, и сколько заблагорассуждено будет, определить мне, низайшему, жалованье, дабы в отлучке, а жена в доме с детьми могли бы себе иметься в содержании пищи и других потребностей довольными от всякого недостатка и крайней нужды. 1772

года июля 5 дня. К сему прошению подписал Иерей Василий Петров».

На рапорте рукою св. Тихона написано: «подано июля 7 дня 1772 г. Записав, приобщить к делу и послать в правление духовное указ чрез сего же просителя, чтобы правление Черкасское, сыскав иерея Михаила Данилова, взыскало с него со всех, сколько он в отлучке или при нем Василии, по какому-либо упрямству, ни венчал браков, половинную часть, и сему иерею Василию поручило с роспискою, и, если начнет спорить, то запретить ему, Данилову, священнослужение до тех пор, пока он, иерей Михаил Данилов, во всем одного иерея Петрова не удовольствуется, и впредь дабы, в отлучках иерея Василия, он, иерей Михаил Данилов, исправляя требы на очереди его, Петрова, кроме браков, отдавал две части ему, Петрову, а себе третью часть взимал бы за труды, а с браков со всех на своей и на его – Петрова – очереди случающихся, завсегда половинную часть отдавал, не утаеая ни одной полденьги, в том его, Данилова, обязать подпискою и оную подписку нам прислать немедленно».

В этом смысле послан был из духовной, Тихона епископа Воронежского и Елецкого, консистории указ Черкасскому духовному правлению от 7 июля 1772 года. В ноябре того же года Черкасское духовное правление доносило преосвященному Тихону, епископу Воронежскому и Елецкому, о том, что указ консистории Данилову объявлен, и исполнить его оный священник Данилов обязался подпискою; в подписке, впрочем, Данилов писал, что «за повенчание прежде бывших браков, не помнит теперь, что взято, а для того отдать ничего не хочет, почему и священнослужение ему запрещено, а впредь по тому указу исполнение чинить долженствует, в чем подписался» (следует подпись священника).

Затем мы не имеем никаких официальных письменных данных о жизни о. Василия. Приходится довольствоваться уже преданием, которое, благодаря благочестивой жизни о. Василия, сохранило несколько сведений о жизни и трудах его.

О. Василий имел свой дом, довольно скромной архитектуры. Построен он был первоначально казаком

Гвоздиковым и неизвестно каким путем перешел к о. Василию. Дом этот находился вблизи храма, сооруженного в честь Св. Троицы. Дом одноэтажный, каменный, построен из тесанных, аршинных камней, более 100 лет назад. В длину дом имеет 12 арш., в ширину 9 аршин и в высоту от земли до крыши 3 аршина. Одна сторона дома вся в земле, так как дом стоит на крутом склоне горы. Толщина стен $\frac{3}{4}$ арш.; крыша на доме деревянная; окон на улицу три, из которых два расположены вместе, без простенка, и одно очень малое, с железной решеткой, ставни деревянные. Со двора к дому приделан деревянный коридор лишь на половину длины дома. Комнат в доме четыре и пятая – прихожая. Из сеней (прихожей) ведут в другие комнаты три двери; прямо находится одна комната, а налево от этой последней и сеней расположены еще две комнаты; направо от сеней – одна. Извне, да и внутри дома, украшений, кроме благословляющей руки, нарисованной на потолке залы (рисунок сделан самим священником о. Василием Петровым), нет никаких.

Одним из главнейших дел отца Василия было создание теперешнего кирпичного храма, построенного немного повыше того места, где был прежний храм. О построении этого храма передают следующее. Строили храм, обыкновенно, 30 рабочих. Как скоро один из них выбывал, это место занимал немедленно новый рабочий. За ночь о. Василий заготавливал столько материала, что 30 рабочих едва успевали употребить в дело заготовленный им материал. Дважды о. Василий падал с купола новостроящегося храма, но одеждой своей зацеплялся за леса, чем и спасался; во второй раз зашиб себе только переносицу.

Об о. Василии говорят также, что он носил вериги и власяницу, с женою не имел супружеского сожития и много занимался чтением Священного Писания; оставшееся после него Евангелие все закапано воском.

О. диакон С. М. Попов (внук о. Тимофея Попова, которым чтимая в войске Донском Аксайская икона принесена из дома, где она явилась, в церковь) рассказывал, что у его отца была принадлежавшая о. Василию Петрову книга «Толкований

(подарок св. Тихона) на Евангелие» св. Иоанна Златоуста с надписью на ней, сделанной рукой св. Тихона.

Нужно думать, что о. Василий прилежал к чтению сочинений знаменитого своего современника, преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Задонского, и жил по начертанным в его сочинениях идеалам. Несомненно, что он боролся, и притом весьма успешно, с расколом. Из дел видно, что он был даже миссионером против раскольников. В книге: «Описание жизни и подвигов Преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, собранное для любителей и почитателей сего Преосвященного» (1820 г.), на стр. 52 и 53 говорится: «Около 1779 и Донской Оксайской станицы ревностный по истинному благочестию священник Василий для увещания привез к нему (т.е. преосвященному Тихону) одного упорнейшего раскольника с несколькими единомышленниками, которых всех он вразумил, и, когда, удовольствовавшись решениями его, хотели они прямо возвратиться в дома, то он уговорил их, для большого уверения в истине его доказательств, отправиться к Новгородскому архиепископу Гавриилу в Санкт-Петербург, где они совершенно и обратились к православной церкви. При возвращении на Дон с упомянутым священником своим, заехали они воздать благодарность и преосвященному Тихону, который принял их с восхищением, а бывшего расколочальника даже облобызал, и при отпуске, всех благословив, одарил несколькими тетрадями своих сочинений». Про о. Василия единодушно говорят, что он был скор на помощь бедствующим, отличался тайной и сокровенной милостью и умел утешать страждущих. Следующий рассказ, записанный из жизни о. Василия, характеризует его, вместе с тем, и как человека энергичного. В одно время, к о. Василию пришел мужичок, работник одного из жителей Аксайской станицы, и жаловался ему на то, что хозяин его прогнал и следуемых ему денег не уплатил. О. Василий послал работника обратно к хозяину и сказал ему, чтобы попросил хозяина еще раз отдать следуемое ему жалование, и потом опять пришел к нему (о. Василию) обратно и известил о результатах просьбы. Хозяин и на этот раз отказал работнику, и выгнал его. Тогда о. Василий, утешив, как мог, обиженного,

приказал сторожу звонить по душе, а когда у о. Василия спрашивали: «кто умер?» то он отвечал, что умерла правда. Этим, как говорят, заставил хозяина разделаться с своим работником.

Когда и как скончал свое жизненное течение о. Василий, подробных сведений не сохранилось, но народ не забыл этого доброго пастыря и свое почтение к его памяти выразил служением панихид над его могилою. Кто из благочестивых поклонников идет в Троицкий храм отслужить молебен Аксайской иконе Божией Матери, тот не минует могилы о. Василия, и отслужит над ним панихиду. Надпись же на надгробной плите, положенной на его могиле в особо устроенной над его могилою часовне, гласит:

*Надменный пышностью, прельщенный суетой,
Познай ничтожество, познай век краткий свой.
Здесь человек лежит таков, как ныне он.
Исчезнут прелесть, честь, слава, мир, как сон.
Здесь погребен отец Василий, сын Петров;
Порокам страшен был, и пышности суров,
Сначала воин был, и злость врагов губил,
За храбрость, мужество себе честь получил,
А в тысяча семьсот и шестьдесят осьмом году
Священства сан принял он по трудам.
Раскола семена старался истреблять,
Святейшей веры свет догматов утверждать.
В сем подвиге святом вся жизнь его прошла,
Свечой и вождем хромым, слепым была,
В надежде будущих блаженных райских дней.
Рачением, трудом создал святой храм сей,
За честность, знания от многих был любим,
От злобы, зависти, за истину был гоним,
Но в тысяча семьсот девять десятом году,
В одиннадцатый день декабря скончал живот.
Всего лет шестьдесят он в жизни только жил.
Но церкви, обществу премного услужил.
О Боже милости! За все его труды,
Блаженством, славой, бессмертьем награди.*

Над надписью же выпукло изображены Евангелие, крест и кадило. Над входом в часовню, поставленную над могилой о. Василия, написано:

*Ни алчна злата страсть, ни буйна страсть честей,
Не смели возмутить спокойствия совести твоей.
Мир праху твоему, служитель алтаря почтенный,
Да будет нам в пример твой подвиг незабвенный.*

В часовне над прахом о. Василия Петрова находятся две иконы Богоматери, святителя Тихона, святителя Николая, епископа Мирликийского. Вверху, на передней стене, висит икона Царя Славы.

Об обстоятельствах смерти о. Василия в народе передается следующее: о. Василий жил один в доме, а когда умер, то его нашли уже обмытого, а некоторые видели даже в доме 12 священников, обмывавших тело покойного.

Господь Бог благоволил прославить Своего скромного служителя проявлением чудодейственной своей силы. Так, народонаселение многих, не только близких к Аксайской станице, но и отдаленных мест, верит, что от земли, взятой от гроба о. Василия, бывают исцеления от болезни, особенно же, от лихорадок.

Так, о. диакон А. А. Юганов был сильно болен, так что врачи потеряли надежду на его выздоровление. Одна знакомая ему женщина-соседка, пришедшая навестить больного, предложила ему испробовать новое, неизвестное ему, лекарственное средство, которым она запаслась и пользовалась, – это землю с могилы Аксайского священника о. Василия Петрова. О. диакон, конечно, с радостью согласился воспользоваться указанным средством. Тогда насыпали эту землю в богоявленскую воду и, давши ей отстояться, предложили о. диакону ее выпить. Больной, выпивши воды, почувствовал теплоту и скоро заснул. На следующий день он еще выпил таковой же воды и быстро стал поправляться. Выздоровевши совсем, о. диакон отправился в Грушевское горное поселение (теперешний Александровск-Грушевский). Там, после трудов, он, пред вечером, заснул легким сном. Вдруг к нему подходит священник, суровый такой – с греческим носом,

держа в руке трость, и спрашивает его: «скоро ли ты помиришься со мною? Разве ты забыл о. Василия Аксайского?» Тогда-то о. диакон припомнил, что он обещался, если выздоровеет, отправиться в Аксай и отслужить по о. Василию панихиду. После этого события о. диакон исполнил обещание, и в Аксайской станице поведал бывшее с ним многим лицам.

В станице Куцевке (Кубанской области) однажды очень много жителей болело лихорадкой. Все больные выздоравливали, принявши воды, в которую была положена земля, взятая от могилы о. Василия Петрова. Старушка, вдова Белоусова, отличавшаяся своею добродетельной жизнью, в одно время, проснувшись ночью, услышала благовест и пошла в церковь. В церкви действительно служилась утренняя, но священник, отправлявший богослужение, был ей неизвестен, да и народ, бывший в храме, тоже был ей незнаком, а народу было очень мало. По окончании богослужения, старица эта отправилась домой и снова легла в постель, но через несколько времени была разбужена благовестом. Она подумала, что это благовестят к обедне, но, придя в храм, увидела, что отправляется богослужение, совершенно несходное с литургией, а более похожее на утреню. Чтобы разрешить свое сомнение, она обратилась к бывшему тогда священнику о. Андрею Пашутину, отправлявшему богослужение, и узнала от него, что совершается утренняя. Тогда Белоусова сказала о. Андрею, что она часа два назад была уже у утрени и рассказали вообще все, с нею случившееся. О. Андрей попросил старушку описать, какой священник служил утреню, и та описала ему с точностью лицо о. Василия Петрова. Рассказ этот и был передан о. Андреем некоторым из граждан и, между прочим, владельцу дома о. Василия.

Когда ремонтировали гробницу о. Василия, то священники желали узнать, в каком состоянии находится тело о. Василия и приказывали каменщику, починявшему гробницу, открыть гроб и посмотреть, что там есть. Они обещали, кроме того, каменщику отправить по о. Василию снова чин погребения, – но каменщик выходил каждый раз из гробницы нем и глух, и вообще не мог говорить, когда они у него об этом спрашивали.

От о. Василия Петрова в храме в особом месте сохраняются иконы: 1) Посещение Богоматерью преподобного Сергия Радонежского, в серебряной ризе, весом 1 фун. 93 зол.; 2) Трех святителей, в серебряно-вызолоченной ризе, весом 1 фун. 18 зол.; 3) Божией Матери Одигитрии, в серебряной ризе, весом 1 фун. 32 зол. и 4) «Блаженное Чрево», в серебряно-вызолоченной ризе, весом 1 фун. 9 зол. Все иконы почти одинаковой величины, а именно, около $\frac{1}{2}$ арш. высоты и вершков 6 ширины; стоят они в одном деревянном киоте²⁵.

Старец иеросхимонах Стефан Вятский

(Память 15 августа).

Родиной иеросхимонаха Стефана была деревня «Над речкой Филейкой», по простонародью «Куртеевы», в Вятской губернии и уезде. Родился он 17-го июля 1830 года и во святом крещении был назван Симеоном. Родители его, Петр Степанович и Ирина Трофимовна Куртеевы, были крестьяне и занимались земледелием. О своих родителях и о родном брате, о том, как они жили, отец Стефан еще при своей жизни писал: «Не напрасно же говорят: первое счастье для детей – разумная мать». Всегда вспоминаю я с сердечной признательностью ее мудрое воспитание детей своих, то счастливое для меня время, в которое под ее смотрением, наслаждался я благами жизни сей. Она постоянно была предана заботе о спасении души – не своей одной, но и детей своих: жила она всегда в страхе Божиим, говорила часто о Боге и, хотя не была грамотна, но много знала молитв наизусть и нараспев произносила их, – за пряжей ли когда сидела, или полола в огороде. Это была примерная женщина, добрая, боголюбивая! И кто из близ живущих не знал Ирину Трофимовну! Кто при нужде к ней не приходил за пособием! Они даст бедному соседу и коровушку в долг, пособит и девушке-сироте выйти замуж. Была она настолько жалостлива, сострадательна к сирым и бедным, что всякий, кто знал, помянет ее с пожеланием сердечным: «дай ей, Господи, царство небесное»!

«Об отце не знаю, что сказать, – был он человек характера беспокойного, тем более, что одержим был слабостью винопития, коему особенно предавался он в праздничные дни, расточая на это нередко последние свои достатки. Благодаря этому, настоящей хозяйкой в доме, воспитательницей детей была моя мать, а не отец. При этом, много горя и тяжких обид пришлось перенести ей от отца: она была страдальцей в полном смысле этого слова. Поступивший в гимназию в Вятке, Симеон Куртеев курса в ней, однако же, не кончил и вышел из 6-го класса, благодаря какому-то недоразумению,

происшедшему у него с одним из учителей. Конечно, оставить гимназию за два года до окончания курса ему было тяжело, но это еще более поразило его мать... Когда он пришел к ней и заявил, что уже не будет более учиться, то она исполнилась скорби и печали; наконец, она решилась прибегнуть за советом к местному священнику села Филейки, о. Стефану, которому она и передала подробно все, случившееся с сыном ее. Священник принял участие в ее скорби и много говорил ей для назидания, говорил, чтобы она предалась во всем на волю Божию; «если он куда захочет идти, то ты не запрещай». Слова эти впоследствии оказались пророческими, хотя сам священник и не придавал им, быть может, такого значения. Успокоенная священником, мать Симеона всецело предалась во всем воле Божией; ибо и у нее, действительно, было желание, чтобы Симеон был слугою Господа.

По выходе из гимназии, Симеон Куртеев продолжал свое образование в сельскохозяйственном училище, в горне Казани. Руководясь желанием достигнуть высших степеней знания и услышать последнее слово науки, Куртеев оставил и это училище, и отправился, по желанию старшего брата, в Петербург, для приготовления к поступлению в Петербургскую медико-хирургическую академию. Но не к человеческому званию, и не к мирской науке готовило его Провидение. Недолго пришлось ему пробывать у брата в Петербурге. В то время, только что были отпечатаны и читались многими с охотой «Письма Святогорца о свят. горе Афонской». Эти увлекательные сочинения так подействовали на ум и сердце впечатлительного юноши, что он ушел из Петербурга с готовностью терпеть голод, холод, нищету и все скорби страннической жизни, без всяких средств, с одним упованием на Бога, чтобы только достигнуть пустынной иноческой обители. Но это было не так легко исполнить, как казалось, – юноше не доставало благословения матери. Будущий отшельник вернулся поэтому на родину. Прибыв из Петербурга к среднему брату, Ивану Петровичу, который жил на родине с матерью, Симеон Петрович пробыл немного времени у брата; намерение покинуть мир и его соблазны не оставляло его, а напротив, все более и более

укреплялось в нем. Обдумав все, он решился, наконец, с благословения своей матери, уйти на пустынный остров Соловецкий, на Белом море и там посвятить себя на служение Богу иноческими подвигами, под руководством опытных в духовной жизни старцев; тогда ему было всего около 20 лет от роду. В Соловецкую обитель он прибыл с другом своим, таким же молодым, Иваном Ивановичем Куртеевым; там приняли их обоих в качестве послушников; Симеону Петровичу сначала дали послушание в бочкарне делать ведра, чему он обучился еще в сельскохозяйственном училище в Казани. В первый день работы он, как не привыкший еще к инструментам, до того часа, когда положено завтракать, успел сделать очень мало. Когда слышался в монастыре звонок к завтраку, Симеон просит у брата, старшего над ним, благословения идти на трапезу. Но старший сказал ему с оттенком негодования: «какой тебе еще завтрак, когда ты и одного ведра не сделал». – Так и остался без завтрака юный послушник Симеон. В скором времени, перевели его на другое, более тяжелое послушание, которое ему было совсем не под силу, почему и не мог принять его на себя. Ему поручили переносить пятипудовые мешки с мукою в пекарню, и, когда он отказался от такого послушания, то о нем доложили настоятелю, что он вообще неспособен к послушанию. Настоятель приказал ему уйти от них, куда хочет, и он ушел, по слабости сил, прожив в Соловецкой обители только восемь недель. Выйдя оттуда, и переправившись по морю в г. Архангельск, Симеон пошел странствовать по святым местам России, отыскивая себе новых наставников и руководителей в духовно-подвижнической жизни. Послушник Симеон стремился к уединению, чтобы приблизиться к Богу и уже знал, что ничто не может быть сильнее молитвы; а в этих обстоятельствах помощь Всемогущего и молитва к Нему были ему, как страннику, необходимы. И потому, он любил странствовать всегда один для того, чтобы удобнее было предаваться молитве Иисусовой, и, по мере упражнения в ней, находил в этой молитве все большую и большую силу подкрепления; эта молитва неудержимо влекла его к себе, так как всегда после нее он чувствовал особенную, необъяснимую радость. И был он во

многих благоустроенных монастырях, отыскивая руководителя-старца, опытного в духовной жизни. Наконец, Симеон дошел до монастыря преподобного Нила Сорского; там славился в то время духовной мудростью и святостью жизни старец-иеромонах Нил, искусный в иноческих подвигах. Симеон Петрович посетил его, прося благословения и совета в своей жизни. Старец, взирая прозорливыми очами на юного Симеона и, предусмотрев благодать, имеющую на нем почить, благословил его идти на свою родину, учить детей и сказал: «ты там получишь спасение». Симеон, предавшись вполне воле Божией, по совету старца Нила, снова направился к родным местам, решившись окончательно посвятить себя уединенной жизни именно там и даже мысленно избрал и место для этого.

Во время странствования Симеон Петрович нанялся однажды у крестьянина косить траву, для того, чтобы на заработанные деньги прокормить себя дорогой. Крестьянин, к которому нанимался Симеон, объявил ему: «у меня работают поденщики по 50 коп. в день; я и тебе дам эту же плату, но, если будешь старательно работать, не ленясь, то и могу еще тебе прибавить». На эти условия странник Симеон охотно согласился и работал у крестьянина в течение недели; хотя и не особенно сильно старался, но от других не отставал; при работе же хранил молчание и умом постоянно призывал имя Божие. По прошествии недели пришлось делать расчет за работу; хозяин спросил нового работника: «а что? сколько тебе за работу-то»? Работник Симеон очень удивился такому вопросу крестьянина; но со смирением и кротостью сказал ему: «а сколько положишь». Он не сомневался в честности хозяина, так как видел, что он рассчитывал прочих по условленной цене и мирно, не ссорясь. И вдруг, он видит, что ему он отдает за все шесть дней только 60 коп. Жена крестьянина, видя такой поступок мужа, с упреком заметила ему: «что ты мало отдал страннику за работу»? Но мужик сказал жене: «да, видишь, – он дурак; потому ничего и не говорит, что мало; значит будет для него и этих денег. И на работе-то было заметно за ним, что он ничего не говорил, а только молчал, словно без языка; и мне думается, что он вовсе бестолковый, ничего не понимает». Все-

таки жена мужика, имея более сострадательное сердце, сжалилась над странником и, без всякой со стороны последнего просьбы, насыпала ему котомку сухарей на дорогу, затем проводила его из дому и, прощаясь, просила его не осудить ее мужа. Видя смиренное сердце женщины, странник Симеон успокоил ее словами Божественного Писания, и она возвратилась с миром домой; сам же он еще раз возблагодарил Господа за хлеб и за деньги заработанные, и Господь не оставил его; денег, полученных им, достало на всю дорогу до самого дома, и он прибыл благополучно на родину. «Взял пример я, говорил Симеон Петрович, объясняя свое стремление к дому, с преподобного Зосимы Соловецкого, который тоже жил сначала в маленькой келлии позади своего дома; так и я пожелал жить близ своего дома».

В окрестностях города и реки Вятки местность, вообще, холмистая, напоминающая собою застывшую вдруг морскую зыбь, морские волны; проезжая там, вы только и делаете, что спускаетесь с одного холма, чтобы подняться на другой такой же, или немного круче; горы встречаются редко. В 6-ти верстах от города, недалеко от деревни, называемой «Над речкой Филейкой», за полем, по таким же холмам растет лес, ныне, впрочем, уже частью вырубленный; по крутому холму в версте от деревни, тотчас за полями, протекают из горы два ключа-ручья. У этих-то ручьев, в горе, отшельник Симеон избрал себе в лесу, около маленького болота, удаленного от людского шума, место для келлии, имевшее в то время чрезвычайно неприятный, унылого характера, вид, и почти совершенно недоступное для людей, от опасности увязнуть в болоте. Симеон Петрович сам выкопал себе тут в горе пещеру; поставил в ней сруб, в коем можно было только сидеть, стоять или лежать, но не ходить, так как в ширину и длину он был только два аршина с четвертью; так же и в вышину, – без дверей, с одним окном, в которое он едва пролезал, и другим, около трех с половиной вершков, под самым потолком.

Первоначально, по прибытии из путешествия по святым местам, Симеон Петрович удалялся в свою пещеру на время, а более пребывал в доме родителей. Отец не обращал на него

никакого внимания, но мать любила Симеона и потому не препятствовала его иноческим стремлениям и даже благословляла его на служение Богу. Но средний брат, Иван, занимавшийся тогда обработкой земли и управлявший всем хозяйством в доме, видя, что младший Симеон все только и делает, что читает книги, а работает очень мало, и, считая чтение за безделье и праздность для крестьянина, не возлюбил его и стал преследовать. Поступки Симеона и устройство келлии не укрылись также и от взоров по деревне и окрестных жителей, которые, видя его живущим в лесу, называли «умалишенным Сенькой». И вот, однажды, побуждаемый общей недоброй молвой и настроенный, вероятно, даже советами соседей, брат Иван в раздражении выгнал Симеона из дому в худенькой шапке и плохой одежде, говоря: «ступай, куда хочешь», и в насмешку дал ему на дорогу 17 коп., хотя у него уже было и свое порядочное состояние. Симеон покорился его воле, смиренно взял деньги и удалился в свою землянку; на 12 коп. он купил раму для окна, а на остальные 5 коп. купил подсолнечного масла для лампадки, чтобы при свете ее читать книги. Чтобы успокоить свою душу, Симеон углубился в чтение Евангелия, Посланий Апостольских, творений святых отцов, которых избрал себе в руководители, и советы их записывал, как драгоценные находки для ума и сердца своего.

Вскоре, однако же, брат Иван, видя смирение и незлобие Симеона и неизменную решимость его покинуть мир для служения Богу, перестал сердиться на него, решив не обращать никакого внимания на его поступки. Когда он по праздникам приходил в церковь села Филейки в лаптях, в худенькой одежде, пропитанной от пещерного воздуха затхлым запахом, – люди, знавшие его, как он прежде, будучи гимназистом, ходил в светлых «пуговичках», а теперь походил на нищего, кивали на него головою и говорили друг другу: «посмотрите-ка: Сенька-то с ума сошел верно, стоит весь оборванный и пропитанный каким-то гнилым запахом». Очень много приходилось терпеть насмешек юному отшельнику. Симеон терпеливо выносил все оскорбления, наносимые ему словами. Затем и совсем перестали обращать на него внимание и оказывали ему одно

только молчаливое презрение. Не менее десяти лет испытывал он такое презрение и унижение от людей, и в течение этого времени никто и шапки пред ним не снимал. Но, чем более испытывал Симеон стеснения и горя, тем более он радовался ниспосылаемым ему искушениям, и от сего душа его пребывала постоянно в молитвенном настроении и богомыслии.

Симеон Петрович, горя любовью к Богу и желая совершенно умертвить земные влечения свои, возложил на себя железные вериги, по примеру древних отцов. Пищу принимал в очень малом количестве и то, в два часа пополудни, а вечером уже совсем не ел. Чаю и сахару он не имел, а, если и пил когда, по немощи, горячую воду с солодковым корнем, то говорил он так: «еще в пустыне жить, да чай пить. Если будешь сладко есть и пить, то не можешь жить в уединении и в пустыне». И потому, настолько он был худощав, что приходилось ему класть под пояс на живот подушку, чтобы не было заметно для других его истощение. Поэтому, поселившись в пещере, в лесу, Симеон Петрович старался все более и более избегать сношений с миром и продолжал посещать только своих родителей, брата и двух друзей: Онисима Феодоровича и Ивана Ивановича К-вых, но и к ним приходил только по необходимости, и то ненадолго, а большую часть времени проводил в своей келлии, углубляясь умом и сердцем в молитву. Хотя келлия Симеона Петровича находилась и не более версты от села Филейского, но деревья скрывали село от глаз Симеона. Место же, где стояла келлия, было, как упомянуто, дикое и болотистое; многие даже боялись там ходить. Однажды, поздно вечером, возвращаясь от брата в свое убежище, Симеон почувствовал такой страх, что, казалось, волосы его поднялись дыбом. Осенив себя крестным знаменем и продолжая мысленно призывать Бога, он успокоился и мирно дошел до своей келлии. Однако, этот случай заставил его срубить часть деревьев в лесу настолько, чтобы, хотя было возможно, видеть крест на церкви села Филейском.

Отшельник Симеон, желая приблизиться к Богу мыслью и во исполнение слов Апостольских: «непрестанно молитесь» (1Фес.5:17), избрал себе для непрерывного моления молитву

Иисусову и постепенно увеличивал число поклонов и произнесения ее. Кроме того, Симеон старался приучать себя к совершенному молчанию.

В первые годы пустынной жизни Симеон ходил из пещеры своей к брату помогать сушить овин по вечерам, а днем и ночью находился всегда почти в своей келлии; за это получал от брата муку и картофель, служащие ему пищей, которую он сам готовил; пек в золе картофель, лепешки на сковороде, и ел их с водой. Однажды брат Иван попросил Симеона съездить с ним в луга в зимнее время на санях, за сеном; и Симеон согласился, и поехал; брат правил лошадей, а Симеон сидел в санях один, взирая на небо и занимаясь Иисусовой молитвой; вдруг ему представилось, что, будто, по воздуху, по направлению к востоку, несут ангелы инока в мантии. Чрезвычайно обрадованный этим видением, он всегда хранил его в своем сердце. Именно в то время у него явилось первый раз сильное желание основать мужской монастырь близ села Филейки, о чем он и воссылал усердные молитвы к Богу, прося помощи в этом деле. И, действительно, Господь исполнил его желание.

Стремясь к наследию вечного блаженства, Симеон любил во всем скудость и нищету; он уже вовсе не заботился об одежде и носил всегда самую плохую и дырявую. Белье тоже мыл сам и, притом, только к большим праздникам. Некто однажды купил ему новый аязм из черного сукна, хороший картуз и кожаные сапоги, но он отправился в город Вятку и продал всю эту одежду; надел на себя старый дырявый аязм, а вырученные деньги отдал без остатка нищим и убогим, стоящим у церкви. Возвращаясь из города, он, недалеко от своего убежища, смотря на свою келлию, исполнился неизъяснимой духовной радости и пребывал в таком радостном состоянии духа целую неделю. Когда у Симеона была еще жива мать, он для нее приходил читать акафист Покрову Божией Матери – она любила его слушать; а он сам так привык к чтению его, что, когда не удастся ему прочитать в иной день акафист, то чувствовал беспокойство, как будто недоставало чего-то. В одно время мать Симеона сделалась очень больна, и видно

было, что близка ее кончина. В последние минуты жизни матери Симеон, по ее желанию, читал акафист, и она слушала. Она чувствовала себя все слабее и слабее, и, лишь только Симеон окончил чтение акафиста, она скончалась. Радуюсь, что успел дочитать акафист, Симеон сказал: «Слава Тебе, Господи». Брат его с пренебрежением указал на него домашним, говоря: «Вот, дурак-то! надо плакать, что мать померла, а он радуется».

Потеряв мать, единственного человека в родной семье, сочувствовавшего ему и любившего его, и желая для облегчения своего горя покинуть на время свою родину, где все ему напоминало о матери и кончине ее, и, в то же время, намереваясь воспользоваться опытом и мудростью других людей, для духовного усовершенствования себя, Симеон снова отправился странствовать по монастырям и, вообще, по святыми местам, с целью посетить также и святую Афонскую гору. Брат дал ему на дорогу только 50 коп., но он все-таки пошел, уповая лишь на милость Божию. Дойдя до Саровской пустыни, он остался там и прожил там пять месяцев, был на послушании в кухне и ходил на клирос, для исполнения обязанности канонарха, так как обладал звучным, приятным тенором. Из Саровской пустыни он направился в Киев, зашел по пути в Глинскую пустынь. Наступила уже зима, а он был в плохой летней одежде, которую дали ему в Сарове. Братия Глинской пустыни, видя его в холодное время в летней одежде, сжалились над ним, приняли с особенным участием, обогрели, накормили, даже почтенные иноки-старцы, сожалея о нем, долго беседовали с ним, и много благодатных назидательных слов он услышал от них в утешение души своей. Советовали ему терпеть ради Господа все нужды и скорби, и не покидать узкий и тесный путь, коим единственно можно достигнуть Царства Небесного. Слова иноков водворили мир в душе Симеона, и он продолжал укрепляться духом в любви к Богу – «Хотя они, по своей бедности, мне не помогали вещественно, говорил он, но слово, могущее умудрить во спасение, для питаемых служит паче даяния блага (Сир.18:17) – сказано в Писании». За это он всегда одобрял Глинскую обитель и

говорил, что там есть много светильников (т.е. благодатных иноков-старцев), но под спудом.

«Путешествовал я, рассказывал о. Стефан, большей частью, зимою; одежда у меня была холодная; когда я, бывало, озябну, то вырою в снегу глубокую яму, залезу в нее, погреюсь, и опять пойду до следующей деревни. Однажды я держал свой путь с двумя товарищами, и все мы шли целый день не евши; под вечер товарищи выпросили себе в деревне три ломтя хлеба, и спрашивают меня: «ты хочешь ли есть-то?» Я постеснялся сказать, что хочу, и ответил: не хочу; они и не дали мне хлеба, так что я и пробыл целый день не евши. Поэтому, не следует, говорил он, предлагая человеку хлеб, еще и спрашивать, хочет ли он есть – особенно, если знаешь, что он голоден».

Продолжая путешествовать, Симеон посетил Афон. Там он провел зиму в келлии Сретения Господня. Возвращаясь с Афона, Симеон Петрович направился в Таврическую губернию к своему родственнику, со стороны старшего брата, по фамилии Славич и, оставшись там, пробыл у него целый год, обучая детей. Ему отведен был в саду отдельный маленький домик, в уважение его любви к уединению. Здесь он встретил молодую девушку, которая любила слушать поучения и слова Симеона о Боге и о спасении души, так как он говорил очень кротко, приветливо и довольно красноречиво. Увлеченная его словами, она почувствовала к нему любовь настолько, что изъявила согласие выйти за него замуж. Так же и он готов был жениться на ней, но, в то же время, усердно просил Господа вразумить его в сем случае, и брак не состоялся.

Оттуда Симеон Петрович перешел в новооткрытые скиты в Таврических горах и там, томимый, в течение двух лет, перемежающейся через два дня лихорадкой, едва не умер и мог едва прийти домой. Когда он подходил к городу Севастополю, в весеннее время, у него денег было только три копейки; на них он купил себе хлеба в городе и стал было искать пристанища для ночлега, но без денег его никто не пустил; пришлось бедному страннику идти за город, где под открытым небом он и ночевал, терпя стужу. Его путь от

Таврических скитов был очень продолжителен: он, как больной, подвигавшийся очень тихо, едва мог прийти в полгода. По возвращении домой, он переменял свое помещение и перешел из прежней келлии в другую, деревянную, выстроенную им уже на земле. Это было в 1862 году.

Томящая, изнурительная крымская лихорадка еще в течение года мучила его дома и лишила сил, и тридцатидвухлетнего, от природы тощего, от поста и сидения исхудалого Симеона Петровича, которого не иначе звали все ближние крестьяне, как уменьшительным именем: Сенька, и, презреннее того – монах. Он не мог зарабатывать себе кусок хлеба ничем иным, как только одним умением поучить кого-либо грамоте. И вот, Господь послал ему соседа доброго, из ближайшей деревни, жившего в полуверсте от келейки его, покойного Е. Н Сап-ва; по просьбе его Симеон Петрович и начал учить сына его Ивана. Потом начали из ближних деревень приводить к Симеону Петровичу детей, которых и набиралось по зимам до семидесяти. Изба была поставлена в лесу уже другая, под горой был прудик.

Но Симеон Петрович, как привыкший к одиночеству, в летнее время всегда любил уединяться для того, чтобы ему удобно было заниматься словом Божиим и молитвою. Живя в своей новой пещере над Курьею, Симеон Петрович любил иногда заниматься пением; особенно он любил петь: «с нами Бог» ... и проч., и песнь Пресвятой Богородице: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу» ... Голос у него был приятный, звонкий, а пел он всегда с благоговением и умилением сердечным, и потому приятно было слышать его. Однажды он пел со своим учеником в этой пещере: «Достойно есть». А в то время, около его пещеры прогуливался священник села Филейского о. А.; он услышал приятное пение и остановился, слушая с удивлением, и умилился духом, однако сначала не мог понять, кто это поет, даже думая, что это Ангелы поют, так показалось усадительно и приятно пение! Потом подошел поближе к его пещере и тогда узнал, что поет Симеон Петрович. Зашел к нему в пещеру, благословил его и сказал

ему: «я слышал ваше пение, сначала вообразил, что это поют Ангелы, очень показалось приятно и умирительно».

В первые десять лет пустынной жизни Симеон Петрович находился в презрении от людей, но он совершенно покорился воле Божией. Отказавшись от мира, Симеон Петрович возлюбил пустынную жизнь. И вот, там, один с Богом, не видя суеты мирской, занимался всегда учением Господним и молитвою, очищая сердце и просвещая свой ум, с помощью Божией благодати. Хотя он и отрекся от мира, но любил всех людей и помогал им, чем мог, преимущественно, своею молитвою, особенно же любил он Боговенчанного Самодержца земли Русской и всегда молился за Него весьма усердно. В 1866 году, на 4-е апреля, он провел всю ночь без сна в молитве, произнося непрестанно: «Господи, спаси царя». И уже после узнал, что 4 апреля было покушение на драгоценную жизнь Императора Александра Николаевича; но Господь, по Своей милости, спас драгоценную жизнь нашего Царя, для блага всей России.

В том же 1866 году, 19 октября, говорил Симеон Петрович своему другу Ив. В. М-ву: «пойдем сегодня к старосте церковному Я. В. Шубину», но он не пошел. Симеон Петрович ушел один и остался ночевать у старосты. Домашние его почти все ушли на праздник в гости; осталась одна жена Я. В. Ш. С вечера Симеон Петрович усердно молился с женою Я. В., потом читал акафист Божией Матери и пели много божественного. Вот, в полночь, вдруг все жилище их осветило: оказалось, что напротив их загорелся дом, который вскоре был охвачен сильным пламенем. Сильный ветер дул на дом Я. В. Ш. На пожар набежало много народу; стали выносить имение Я. В. из дому, и все были уверены, что дом Я. В. сгорит. Но Симеон Петрович, помолившись Божией Матери, взял Ее образ, вышел на угол, откуда было пламя, постоял немного и ушел на сарай, где лежали солома и сено. Там в крыше были большие отверстия, через которые падали искры на сено; но он камешками закладывал эти отверстия, а умом и сердцем усердно просил Господа сотворить милость с домом Я. В., и Господь сохранил дом его за молитвы раба Своего Симеона – иначе дом сгорел бы, так как ветер был настолько силен, что

головешки бросало за пять сажен далее дома Я. В., а искрами всю крышу закидало, и на сене и соломе было много искр. «Слава тебе, Господи, за Твое великое человеколюбие», – воскликнули тогда многие.

В упомянутой пещере над Курьею посетил Симеона Петровича протоиерей Вятского кафедрального собора о. Стефан Кашменский и долго беседовал с ним о Боге и о спасении души. В заключение протоиерей сказал ему: «Симеон Петрович, чего ты здесь выживешь хорошего? лучше иди в Георгиевский скит Таврической губернии, у меня там знакомый настоятель, я пошлю с тобой ему письмо; он тебя примет в свой скит и даст тебе по силе твоей послушание». Послушался Симеон Петрович протоиерея и отправился за три тысячи верст. Действительно, настоятель принял его хорошо, радушно. В Крыму Симеон Петрович имел следующее видение: «21 мая, – рассказывает о. Стефан, – когда бывают проводы чудотворного образа Святителя Николая Чудотворца из города Вятки на место его явления, я, сожалея о том, что не удостоился быть на провожании образа Святителя Николая Чудотворца, начал в то время усердно молиться св. Николаю Чудотворцу и был внезапно как бы восхищен духом на высоту и видел там св. Николая Чудотворца. И тогда я был в неизреченной радости, понявши, что значит умосозерцательная молитва». Пожил там недолго и возвратился опять на родину, и снова стал обучать по зимам детей. Но, по-прежнему, уединение влекло его к себе для беседы с Богом в молитве и для чтения слова Божия. Он еще выстроил себе, в семи верстах от села Филейки, в лугах, на своем покосе, одну келлию из дерна в 2 ½ арш. – квадратную, такой же высоты внутри. Прожив в ней один год, по слабости здоровья не мог в ней более оставаться, а выстроил тут же около озера келлию деревянную, такой же величины, и жил в ней так же год. Тут он жил в совершенном удалении от людей, в тишине и безмолвии, занимаясь по ночам молитвою, чтением слова Божия и письмом. Однажды, во время его занятия письмом, ночью, очень поздно, вдруг слышался человеческий голос: «Симеон Петрович!» Он слушает, но никто не стучится; потом во второй раз тот же голос говорит: «Симеон Петрович!»

Тогда он, думая, что это друг его Ив. В. подошел к келлии и зовет его выйти; сам выходит из келлии, но не видит никого; в то время был тоненький снежок, и Симеон Петрович искал, нет ли на нем следов, но нигде не нашел. Тогда он очень смутился духом, и напал на него страх: невольно возникла мысль, что это был голос бесовский. Но, оградив себя крестным знаменем с молитвою, Симеон Петрович, по обыкновению своему, запел любимую пророческую песнь: «страха же вашего не убоимся, ниже смутимся: яко с нами Бог...» и проч., до конца. И душа его пришла в мирное и радостное состояние о Господе.

В 1870 году Симеон Петрович путешествовал в Иерусалим для поклонения гробу Господню и другим св. местам Палестины и оттуда вторично посетил св. Афонскую гору. Путь его был из г. Вятки рекой, на барже купца М. А. Казенина, который дал ему еще на дорогу 80 руб. В продолжение пути его, он каждый день на барже по несколько раз читал акафист Покрову Пресвятой Богородицы; любил это чтение слушать и М. А. Казенин. Когда доплыли до Симбирска, Казенин остался там продавать свой товар, а Симеон Петрович продолжал путешествие, с мальчиком Ильей, чрез город Калач на Дону, потом на Ростов, из Ростова на лодке в Таганрог по Дону, из Таганрога на пароходе через Одессу в Иерусалим, а потом на Афон. Живя на Афоне, Симеон Петрович продолжал свои занятия духовной литературой, пользуясь советами о. Иеронима – духовника Пантелеймонова монастыря, который любил Симеона Петровича за его доброту душевную и откровенность, потому и благословил ему жить в уединенной келлии Святогорца о. Серафима. Но Симеон Петрович жить долго не мог на Афоне; его влекло на родину, и о. Иероним благословил его, говоря: «Такова воля Божия, чтобы ты жил на своей родине, гряди с миром Божиим», и дал ему на дорогу денег.

Желая сохранить путь свой ко спасению, дабы не согрешать и языком своим, Симеон Петрович пожелал запираť себя на несколько дней в уединенной комнате, чтобы никто не приходил к нему. Но для того, чтобы запереть дверь его келлии, нужно было поправить старую сломанную цепь, которой он и прежде запираł себя надолго. Мастер просил с него за поправку 20

коп., но у него и таких денег не было; попросил у своего друга Т. И. Гуняева, принеся ему под заклад одну картину. Тот спросил: «на что тебе деньги?» – Он сказал: «нельзя сказать». «А если нельзя сказать, ответил Гуняев, то нет тебе и денег». Так и не мог Симеон Петрович нигде занять и 20 коп. Вот в каком убожестве проводил свое житие Симеон Петрович! Обучением мальчиков он занимался только по зимам, а в летнее время всегда уходил на безмолвие в свою маленькую келлию или землянку.

Когда стали появляться в нашем отечестве земские училища, учителю Филейской школы было труда немало, чтобы училище его не оставалось пустым. Но Господь помог нашему трудолюбу: по приговору местного общества его избрали учителем в земской школе. И набралось к нему в первую же зиму сто семьдесят учеников, собралось бы и больше, да места в школе не доставало, – и так многие сидели на полу. При обучении детей Симеон Петрович обращался с ними очень ласково; дети, любя своего учителя, за ласковое обращение, скоро понимали от него грамоту. Он учил их не по светским учебникам, а по Евангелию и Псалтири, часто сам на добротные даяния покупая для учеников Евангелия. Молва прошла об усердном старании Филейского учителя далеко; и потому привозили к нему детей издалека. Для своих учеников Симеон Петрович сам пек просфоры и раздавал им тогда, когда они приобщались Св. Христовых Таин.

Учеников у него было много, были и большие; в числе их были и девушки взрослые. При частом обращении с женским полом и молодыми девушками, у Симеона Петровича опять явилось желание жениться на одной девушке из учениц, чтобы, как он рассказывал, она могла быть ему помощницей в обучении детей. Он спросил сначала ее родителей: желают ли они отдать ее за него, а также, будет ли она согласна? Родители спросили свою дочь: пойдет ли она замуж за Симеона Петровича? Она ответила с негодованием: «за монаха-то?! – да я лучше пойду в монастырь, а за него не пойду». И действительно, она вскоре поступила в монастырь, а Симеон Петрович остался свободен от женитьбы.

Решился, наконец, Симеон Петрович печатать свои сочинения; явилась первая книжка «О пьянстве», а потом, в скором времени, вышли и другие книжки, которые печатались в пользу церковного попечительства села Филейского.

Сделалось известным местному преосвященному, как много учащихся в селе; прочитал преосвященный книжку, сочиненную Симеоном Петровичем «О служении Богу в праздничные дни». Благочинный объяснил преосвященному Аполлосу, как много у Симеона Петровича обучается детей, и объяснил владыке о его образе жизни. Тогда преосвященный пригласил Симеона Петровича к себе и долго с ним беседовал о Боге и спасении души; потом, после беседы, преосвященный стал располагать его принять монашество. В продолжение года Симеон Петрович отказывался от монашества и говорил терпеливому владыке, что жывал в монастырях и на Афоне, и в России, – везде лишь труд и скорбь себе встречал, – что привык лишь к одному – пребывать в богомыслии, да писать. Наконец, склонился на убеждения преосвященного Аполлоса и согласился принять монашество.

В Слободском Крестовоздвиженском монастыре, в 1877 году 23 февраля, на 47 году от роду, он был пострижен в монашество с именем Стефана. Через день его посветили во иеродиакона, а на третий день рукоположили во иеромонаха. Но служить о. Стефан долго не мог по слабости здоровья. Через семь месяцев он был отпущен на покой от службы монастырской и начал жить в той же пустыньке, где прежде жил. «Это было для того дано мне от Бога, говорил о. Стефан, чтобы я мог заниматься сочинением новых книг. Теперь он издавал их для Афонского Пантелеймонова монастыря. Келлия у него была большая, деревянная; обстановка в ней была очень скудная: несколько св. икон висело в переднем углу, пред иконами стоял, пред окном, низенький аналойчик, тут же рядом стоял стол, на котором писал, один стул, на котором сидел, и шкаф с книгами, – вот и все его богатство! А пищей ему служил черный хлеб, приносимый крестьянами-богомольцами, у которых он обучал прежде детей, также кушал картофель. Однажды случилось, что у о. Стефана не было хлеба, и он сидел целый день не евши,

проходит и другой день, но никто не несет отшельнику из деревни хлеба, как было прежде; на другой день он думает уже идти в деревню за хлебом, но мысль другая говорит: «потерпи, Господь поможет». И, действительно, приходит вечер, стало темно, нужно подкрепить телесные силы, выходит он из келлии и видит, у дверей келлии лежат два ячменных хлебца, – кто-то принес их тайно; он взял хлебцы, оказавшиеся еще теплыми, возблагодарил Господа со слезами, что он не оставляет уповающих на Него, но посылает им все необходимое для жизни. Подкрепившись пищей, отец Стефан опять занялся своим обычным делом – сочинением книжек. Подобных сему случаев, когда у о. Стефана не было хлеба и этот последний приносили ему нечаянно, было много, по его великой вере.

Не без скорбных искушений проходила жизнь подвижника. Однажды о. Стефан, во время одиночества его в лесу, утомившись, лег отдохнуть и заснул. Видит во сне, что к нему прилетело множество черных птиц и начали его клевать; проснулся о. Стефан от сильной боли, но не видел никого в келлии. Усмотревши в своем теле множество синих пятен, о. Стефан понял, что это было вражеское наваждение.

Прожив иеромонахом в лесу 6 лет, о. Стефан в 1883 году, у себя в пустыньке пожелал выстроить церковь, хотя небольшую. Об этом своем желании он доложил преосвященному Аполлосу. Преосвященный благословил благое намерение о. Стефана и дал ему просфору и немного денег. При этом, о. Стефан спросил владыку: «Можно ли мне будет основать у себя скит на земле, принадлежащей моему брату и соседям, которые согласятся отдать эту землю для скита»? Владыка сказал: «Бог благословит». Это благословение владыки очень обрадовало отца Стефана, трудившегося для спасения ближних. В том же году с помощью благодетелей, начал о. Стефан строить церковь деревянную. В три месяца церковь была выстроена и покрыта железом.

Молва о богоугодной жизни о. Стефана стала распространяться все далее и далее, чему много помогали книжки, им составленные, которые быстро расходились в народе и с любовью читались многими. Всем окрестным

жителям было известно, что о. Стефан устраивает скит. Нашлись и желающие поступить к нему жить, под его руководство; но старец не всякого принимал к себе. С помощью благодати Божией он различал, кого нужно было принять и кому отказать. Вначале им было принято только 6 человек; всем им были даны отдельные комнаты; любил он насельников своего скита приучать к уединению и молчанию; советовал каждому заниматься в келлии словом Божиим и выписывать из него, что найдут поучительным, давал также наставление, чтобы приучились к непрестанной Иисусовой молитве, назначая каждому, по душевному состоянию человека, правило молитв Иисусовых. Братия с любовью внимала этим наставлениям боголюбивого старца.

Часто посещал о. Стефан и в келлиях братию свою, давал им духовные наставления, отдельно каждому, наедине и советовал им не оставлять правила молитв вечерних и утренних: в какое бы скорбное состояние кто ни пришел, а правило молитв исполни, и Господь скоро успокоит душу.

Жил при отце Стефане один человек в отдельной келлии, под руководством его, и он был очень любим о. Стефаном, который не раз про него говорил: «он мне по сердцу». Но стали к нему приходить мысли уйти из пустыньки о. Стефана в другой монастырь жить, в такой монастырь, который ему казался настоящим общежитием, но о. Стефан не советовал ему, говоря: «тебе там хуже будет». В продолжение полутора года тяготили сего человека возмутительные мысли, чтобы уйти в монастырь. О. Стефан много его уговаривал, чтобы жил с ним, но тот все не оставлял своего желания. Наконец, о. Стефан сказал словами ап. Павла: «все испытывайте, но хорошего держитесь» (1Фес.5:21). Ну, и ты испытай, сходи. Но, если опять придет у тебя желание возвратиться ко мне, то иди: я приму с любовью. Но, если будут тебя отговаривать: не ходи к о. Стефану, то ты не слушайся, а приходи, поживешь со мною хотя года четыре, и то будет тебе на пользу». Этот брат ушел все-таки в другой монастырь, но прожил там немного времени, так как на него такая сильная грусть и тоска напали, что каждый день он плакал и чувствовал себя больным от сильного плача и

рыдания. Братия даже с плачем сожалели о нем и уговаривали его остаться в монастыре, и снова не возвращаться к о. Стефану, но он все-таки ушел от них, прожив 6 месяцев в их монастыре, и отправился к о. Стефану, который с радушием принял его и дал ему ту же келлию. Вернувшийся прожил с о. Стефаном, действительно, только четыре года, пользуясь его благодатными советами, – и о. Стефан умер.

Многие приходили к о. Стефану издалека: кто получить благословение, кто попросить совета и святых молитв за них. Никого не отпускал он, всем приходящим давал он спасительные советы и наставления, иконки и книжки своего сочинения, и все уходили от него, получая душам своим великую пользу и духовное утешение. Приходящий народ, которого иногда бывало очень много, с любовью и большой охотой помогал о. Стефану в земляных работах: расчищали площадки, проводили дорожки и делали насыпи для прудов. Сам о. Стефан, конечно, являлся первый на работу, копал землю и указывал, что нужно делать. Работа шла успешно и с благоговением. Многие говорили при работе: «слава Богу, что Господь сподобил мне, грешному (или грешной), поработать для монастыря о. Стефана». Во время отдыха всегда пели псалмы пророка Давида, на русском языке. При работе часто находились девушки, до 10 человек, приходившие за советом к о. Стефану: Можно ли им посвятить себя на служение Богу где-нибудь в женской обители. Все девицы были научены своим священником о. Василием церковному пению и потому могли хорошо петь псалмы. При стройном пении псалмов работа трудящихся совершалась легко и незаметно; все копали и носили землю с большим усердием. В скором времени место пустыньки о. Стефана так изменилось, что как будто стало другое: прежде трудно было проходить от грязи в овраге, а ныне тут, благодаря трудам о. Стефана, красуются пруды с рыбою, и устроены хорошие дороги.

Отец Стефан желал, чтобы все люди спасались, приходили в разум истины, укреплялись словом Божиим, для чего многим раздавал свои книжки бесплатно. Особенно посещало его много народа в мае месяце, когда народ идет на Великую реку за

чудотворным образом Св. Николая Чудотворца. Пустынная местность о. Стефана находилась на расстоянии версты от села Филейки, мимо которого проходило народу тысяч двадцать на Великую реку. И почти каждый, проходя мимо Филейки, заходил к о. Стефану, когда он выстроил церковь. В это время о. Стефан раздавал богомольцам не одну тысячу книжек, получая от них по две, по три и более копеек, хотя некоторым и без денег раздавал, так что сумма всех получаемых от них сборов почти всегда равнялась цене стоимости этих книжек. Народ, приученный к дешевым книжкам о. Стефана, с каждым годом умножался, и о. Стефан заставлял раздавать свои книжки друга своего И. В., а сам уже редко и выходил к народу; так как очень было тесно в последние годы, а он был болен сердцебиением.

Когда церковь у о. Стефана была внутри украшена иконостасом и живописными иконами, тогда он перенес в храм из своей келлии образ св. Пантелеймона с частицами мощей сего Великомученика в иконе. Стал о. Стефан служить молебны пред сим св. образом; пели у него более по одному человеку, по очереди, из братии, потому что он громкое пение не любил. «Громкое пение, говорил он, приводит человека в надмение, а тихое и внимательное пение приводит к умилению и молитве».

Слух об этом образе разнесся далеко, и больных привозили много, для совершения молебнов над ними. Трудился о. Стефан немало над больными; служил для них молебны и мазал их елеем из лампадки, которая была пред образом св. в. Пантелеймона – маслом, и многие, по вере их, избавлялись от своих недугов.

Один живописец писал у о. Стефана в его церкви копию с чудотворного образа св. в. Пантелеймона; жизнь этот живописец проводил нецеломудренную, многим предавался порокам, противным заповедям Божиим. В то время пришли ему на память все грехи его, от юности содеянные, и начал враг очень смущать его различными помыслами, и говорил внутри тайно: «нет тебе спасения от Бога: за твои грехи ты достоин вечного мучения». «От таких мыслей, говорил живописец, я пришел в крайнее уныние и почувствовал себя на краю самой глубокой пропасти отчаяния. В это время вдруг, неожиданно, выходит из

алтаря ко мне о. Стефан, (я не видел, когда он пришел в алтарь), положил на мое плечо руку свою и, смотря на меня ласковым взором, сказал мне: «а святые-то разве были безгрешны? Но они не отчаивались». Вспомни о св. Давиде: он совершил прелюбодеяние и убийство, но принес Богу чистосердечное покаяние, и Бог помиловал его, и он остался во пророках. Вспомни так же первоверховного апостола Петра: он отвергся от Христа, но принес покаяние и остался верховным Апостолом. Потому не унывать и приходить в отчаяние, а приносить покаяние нам нужно в своих грехах, и Господь помилует нас». От этих слов о. Стефана, говорил живописец, с меня как бы гора спала; я исполнился мира и радости Божией, и ободрился духом».

Недолго пришлось пожить с о. Стефаном в его пустыньке, пользоваться его советами и духовной беседой. Вскоре после смерти преосвященного Аполлоса, по указу духовной Консистории, о. Стефан был переведен в Вятский Трифонов монастырь. Тут ему дали келлию каменную в Трехсвятской церкви, но в ней было сыро, и, так как он жить в ней не мог, по слабости здоровья, то был вскоре переведен в деревянную келлию, нарочно для него построенную преосвященным Тихоном в саду.

Но, живя в городе, в монастыре, о. Стефан не оставил и свою осиротевшую братию, посещал их и укреплял словом Божиим, чтобы не унывали, но все переносили бы с благодушием. Братия хотели уже расходиться, но о. Стефан всегда ободрял их, говоря: «вот, Бог даст, и скоро будет скит у меня, и вы будете в нем жить». – Укрепляемые и утешаемые о. Стефаном, братия жили все время в пустыньке о. Стефана без него, так как, посещая его часто, они могли с помощью Божией переносить все скорби и беды от врагов, видимых и невидимых. О. Стефан, хотя и жил в Трифоновом Вятском штатном монастыре, но служить в церкви не мог, по болезни сердцебиения, а продолжал писать книги, которых вышло за это время еще четыре. Также и сам старец любил посещать свою пустыньку, где жили его братия. Любя молчание, старец не имел у себя постоянного келейника; самое же необходимое

исполняли у него приходящие из младшей братии. Часто старец, избегая разговора, указывал пальцем приходящему брату, что нужно было сделать. Он поступал так и потому еще, чтобы не прерывать своих мыслей во время сочинения. При усердном занятии сочинениями, старец прилагал труды к трудам, внимание ко вниманию и, при непрестанном делании в глубине своего сердца, продолжал служить Богу и спасению ближних. Любовь, внедрившаяся в его душу, привлекала к нему и сюда в монастырь всех, желающих назидания. Его посещали здесь многие и из окрестного духовенства: священники, диаконы, псаломщики, равно, как и светские особы, имея к нему доверие и почерпая для себя пользу из бесед и разговоров с ним. Всех посещавших, принимал он с одинаковою любовью и всегда давал в благословение книжки или иконку каждому.

Отец Стефан давно, лет 25 тому назад, желал основать около Филейки монастырь и потому просил Господа, чтобы Он помог ему в этом деле. Пришло, верно, теперь время быть здесь монастырю. Приехал из села Аджима его племянник, который занимался торговлей, но прекратил ее, желая посвятить себя на служение Богу; он поступил к о. Стефану под его руководство; в то же время взял на себя хлопоты об отводе земли под монастырь, и все в скором времени было готово. Потом Куртеев, упомянутый племянник о. Стефана, вошел всеподданнейшим прошением от 27 октября 1888 года, об учреждении мужского общежительного монастыря близ села Филейки. Согласно этому ходатайству, по собрании и рассмотрении потребных сведений, определением Святейшего Синода, от 1–10 ноября 1889 г., постановлено учредить близ Филейки общежительный монастырь, с богадельнею на 5 человек, особенно увечных, во имя Благоверного Великого Князя Александра Невского, по уставу св. Афонской горы, в память чудесного спасения жизни Государя Императора и всего Августейшего Семейства, при крушении Императорского поезда 17 октября 1888 года, и испросить Высочайшее соизволение на укрепление за учрежденным монастырем жертвуемых крестьянином Куртеевым и купцом Рязанцевым недвижимых имуществ. По всеподданнейшему докладу г. Синодального

Обер-Прокурора, Государь Император, в 10 день марта 1890 года, высочайше соизволил на сие укрепление.

О разрешении Св. Синода учредить монастырь и о Высочайшем соизволении укрепить за монастырем жертвуемые имущества последовал указ Св. Синода, на имя преосвященного Сергия, от 11 апреля 1890 года. Управляющим монастырем, в звании строителя, назначен о. иеромонах Августин, долгое время живущий на Афоне в Пантелеимоновом монастыре.

Церковь, построенная отцом Стефаном, была освящена 27 июля 1889 года, в честь Успения Божией Матери. О. Стефан был разрешен на священнодействие и уволен из Трифонова монастыря в место старого своего жительства 4 декабря 1889 года. Братия прибытию о. Стефана очень обрадовалась: невозможно и выразить, какое было для них духовное утешение. Но недолго Господь судил порадоваться братии пребыванию с ними старца, который со дня на день начал ослабевать все более и более, и ходил уже с помощью костыля. Но все же за работой следил еще сам. Строились два корпуса: один – для кухни и трапезы братской, а другой – для келлий. Под его наблюдением заготавливался для нового храма материал: кирпич, бут, известь и опока. По его указанию рылись канавы для фундамента другого храма (контур храма он составил сам, который и был построен согласно его желанию). При постройке церкви и келлий о. Стефан благотворил всем нуждающимся; он помогал сиротам, вдовам, больным: кому выстроит домик, кому даст хлеба, а иному и лошадку купит или подать заплатит. Все от него уходило с утешением и радостью, говоря: «спаси его, Господи», или «помоги ему, Господи, основать монастырь».

В 1890 году, Великим постом, о. Стефан очень заболел, и продолжалась его болезнь с месяц; потом он начал было поправляться. В первый день Пасхи пожелал отслужить с о. Августином утреню и обедню, но едва только мог, и то с большим трудом, отслужить одну утреню и ослабел так сильно, что, выйдя из храма в церковную сторожку, упал на койку, причем его начало тошнить и рвать, а затем с ним сделался

удушливый кашель. Литургию отслужить уже не мог. С того времени о. Стефан видимо стал слабеть, хотя с мая месяца до половины июня он мог еще ходить и даже поправлял с народом дороги, делал на низкие места насыпи, а горы скапывал.

С половины июня о. Стефану приходилось очень сильно страдать от боли живота, сопровождавшейся сильною жаждою; болезнь была особенно мучительна по утрам. Один врач выразился при этом про о. Стефана: «если бы не сила Божия помогала ему переносить такую жестокую болезнь, то он уж давно бы скончался»; но о. Стефан еще жил после этих слов три недели, продолжая страдать по-прежнему.

Находясь в такой сильной болезни, о. Стефан пожелал уехать в город к купцу Ф. Н. Рязанцеву. 20 июня он отправился к Рязанцеву на простой крестьянской телеге, на двух матрацах. Приехав к Рязанцеву, о. Стефан сказал ему: «я приехал к вам в гости». Ф. Н. ответил: «пожалуйста, батюшка, пожалуйста: я очень рад. Слава Богу, что вы еще не забыли нас, грешных». Ф.Н. и жена его Д.Д. очень были рады приезду о. Стефана и благодарили Господа, что Он сподобил их послужить такому боголюбивому старцу, и ходили за ним день и ночь с великим усердием, с любовью стремясь облегчить его страдания. Были там приглашены для него два доктора, но лекарства, прописанные ими, не помогали ему в тяжких страданиях. Но Господь, всегда утешающий Своих смиренных рабов, утешил и отца Стефана духовно-внутренне небесною радостью: известил его, что он 15 августа переселится душою в вечные обители, откуда удалены всякая болезнь, печаль и вздыхание. Эту тайну о. Стефан передал за две недели одному из друзей своих, подрядчику плотницких работ Михаилу Артемоновичу.

Кроме того, о. Стефан сказал о своей кончине одному жителю города Кронштадта, который письменно сообщал об этом следующим образом: «Я, грешный раб Божий Василий, родился в г. Вятке, но по воле Божией, вследствие военной службы, должен жить в г. Кронштадте. Родные мои братья писали мне, что у них около Вятки есть боголюбивый батюшка, иеромонах о. Стефан, который построил монастырь в 6 верстах от города Вятки; я с помощью Божией вздумал побывать у него,

да по пути повидаться и с родными братьями, и близкими родственниками, которых я не видал 22 года. По приезде к батюшке о. Стефану, 10 июля 1890 года, я прошу доложить, что приезжий из Кронштадта желает его видеть. Батюшка о. Стефан сейчас же меня принял и первый вопрос его был: «как здоровье вашего батюшки о. Иоанна (Кронштадтского)?»

Я сказал: «слава Богу». Во время беседы о. Стефан попросил меня передать книгу его сочинения отцу Иоанну (Ильичу Сергиеву Кронштадтскому) и просить его молитв, но только за упокой иеромонаха Стефана. Это меня крайне удивило, потому что предо мной был человек, хотя и больной, но смиренное лицо его, его веселые и ласковые глаза несколько не указывали на скорую смерть больного старца. Так как я должен был явиться на службу в Кронштадт 23 того же июля, а иеросхимонах Стефан помер. 15 августа; то, как видно, покойный прежде знал, что, хотя я и при его жизни приеду к Кронштадт, но не увижу отца Иоанна до тех пор, пока не умрет он (т.е. иеросхимонах Стефан). И, действительно, я прибыл в Кронштадт 23 июля, а отец Иоанн Сергиев был в отпуску и прибыл в Кронштадт 31 августа, и когда я передавал книгу отцу Иоанну, тогда уже был 18-й день, как преставился иеросхимонах Стефан. Поэтому я нахожу здесь два случая прозорливости старца: 1-й, что покойный иеросхимонах Стефан узнал свою смерть за 35 дней; 2-й, узнал, что, хотя я и приеду в г. Кронштадт еще при его жизни, но не увижу отца Иоанна, и не могу передать книгу, пока не преставится иеросхимонах о. Стефан».

3 числа августа о. Стефан благословил братию разделить его вещи: книги, иконы и одежду, причем сам назначил, кому что взять, и братия тогда же исполнила это. 4 августа о. Стефан вернулся из Вятки от Рязанцева в свою пустынную келлию. 5 августа, по благословенно преосвященного Сергия, о. Стефан принял великий ангельский образ, схиму, так же с именем Стефана, после чего до самой своей смерти каждый день приобщался Св. Христовых Таин, и сердце его постоянно было исполнено радости духовной.

За день до смерти приехал к о. Стефану Уржумский протоиерей о. Ипполит Мышкин. Он поздоровался с ним и спросил его: «узнали ли вы меня, о. Стефан?» – «Да, ответил он, – я помню, еще у вас когда-то обедал». – «Я думаю вы, о. Стефан, не боитесь смерти?» спросил о. Ипполит. – «Батюшка, ответил о. Стефан, – не могу и дожидаться прихода смерти, так хочется умереть». – «Слава Богу, что вы не боитесь смерти», сказал о. Ипполит. Затем, послушав биение пульса его, о. Ипполит объявил: «Скоро почует смертью праведника». Услышав сии слова, о. Стефан перекрестился трижды и сказал: «слава Богу, слава Богу, слава Богу». Потом, по желанию о. Стефана, о. Ипполит оградил его своим наперсным крестом и дал последний поцеловать ему, простился с ним и, помолившись Богу, ушел.

В 1890 году, в праздник Успения Божией Матери, лишь только, в 8 ½ часов утра, зазвонили к обедне, о. Стефан мирно отошел ко Господу, чего и жаждала душа его во всю жизнь. Так исполнилось его предсказание: «скончаюсь 15 августа».

В тот же день, после литургии, честное тело о. Стефана, по омовении, одели в одежду схимника по уставу, и положили в гроб, приготовленный из липового дерева, по его желанию, еще за месяц до смерти. Известие о смерти о. Стефана привлекло в новую обитель множество народа; каждому хотелось приблизиться или прикоснуться если не к самому телу всеми чтимого старца, то, по крайней мере, ко гробу его. В тот же день гроб с останками о. Стефана вынесен был из церкви и стоял среди церкви до 17 августа. Братия попеременно обе ночи читали над телом его святое Евангелие; церковь была открыта для всех, и многие со слезами молились при гробе о. Стефана о упокоении души его. 17 августа отслужили божественную литургию о упокоении блаженной памяти иеросхимонаха Стефана. Для погребения прибыл из Трифонова монастыря преосвященный Никон, епископ Глазовский, викарий Вятской епархии; а еще до него собралось множество народа, так что всех бывших насчитывают не менее пяти тысяч человек. После обычного отпевания, братия подняли гроб и понесли; множество народа со святыми иконами и возожженными свечами

проводили честные останки блаженного старца к месту последнего их упокоения. Отец Стефан был погребен близ алтаря Успенской церкви с северной его стороны, то есть близ церкви, им самим построенной; место это для погребения о. Стефан еще при жизни сам назначил для себя.

Еще при своей жизни о. Стефан просил братию, после его смерти, над могилою его сделать деревянный покров в форме гробовой крышки и окрасить таковой черной краской; а памятник хороший, хотя бы кто и пожелал соорудить, не ставить, что братия и исполнила потом в точности. Кроме того, когда опускали честные останки о. Стефана в могилу, выложенную кирпичом, то сделали над ним кирпичный свод и поставили в ноги, на конец свода, деревянный крест, окрашенный тоже черной краской; на этом кресте находятся в киоте иконы: св. Стефана, епископа Пермского, и св. Симеона, Христа ради юродивого, которых имена носил отец Стефан при жизни. Пред образом горит неугасимая лампада, сооруженная на средства благодетелей. Кроме того, по благословению преосвященного Сергия, над могилою поставлена сень на четырех столбах с железною крышей и с крестом.

Последним завещанием о. Стефана была просьба его к братии спеть у него на могиле любимую им песнь: *«с нами Бог, разумеете языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог»* (до конца). Братия исполнила его желание: с умилением и радостью пропели эту песнь на могилке отца Стефана²⁶.

Настоятель Краснослободской Спасовой пустыни иеросхимонах Герасим

(Память 17 августа).

В половине XVII века в пяти верстах от города Краснослободска, в большом лесу, на берегу реки Мокши поселился неведомый пустынножитель – «черный старец» Дионисий, а в 1655 г. жители дворцовой Красной Слободы – некто «Андрей Агапитов, с товарищи всяких чинов людьми», побуждаемые славой подвигов проживавшего в пустыньке уединенно, в посте и молитве, черного старца Дионисия, предстали пред патриархом Никоном с челобитной, в которой испрашивалось у патриарха благословение, чтобы около Дионисьевой пустыньки «лес ронить и воздвигнуть вновь церковь». «Августа в 6-й день, в самый праздник Преображения Господня, благословенная грамота была подписана патриархом, а в феврале следующего 1656 года, т.е. ровно через шесть месяцев после утверждения грамоты подписью патриарха, церковь была не только уже выстроена, но даже и освящена. Самая «пустынька» наименовалась «Спасовой», и тогда же в нее начала уже собираться братия.

Около этого времени, а, может быть, несколько и раньше, еще перед построением храма, пришел в пустыньку, к старцу Дионисию, неведомый странник и пожелал здесь остаться, «ради иноческого жития». Пришлец был еще в цветущей поре юношеского возраста, но отличался крайней молчаливостью и необыкновенным трудолюбием. Кто он был по происхождению, откуда пришел, и что заставило его покинуть мир с его жизнью, юноша этого не сказал. Несомненно казалось только одно, что пришел он в пустыню не из особенно, должно быть, дальней стороны, потому что иначе откуда было бы ему знать, что под Красной Слободой поселился в лесу старец Дионисий и «возграждается» новая обитель. Таким образом, у старца Дионисия оказался послушник, молчаливый, кроткий и усердный, охотно разделявший со старцем его труды и иноческие подвиги. Этот молчаливый юноша был не кто другой,

как приснопамятный ныне иеросхимонах Герасим, похоронивший затем с собою в могиле как тайну свою происхождения, так и свое мирское имя.

Около 1660 года молчаливый послушник удостоен был пострижения и сделался иноком. Однако жизнь в пустынной обители, несмотря на ее замкнутость, на непрестанные молитвы и труды послушания, не удовлетворяла молодого инок в его благочестивой ревности к подвижничеству; его пламенная душа, исполненная любовью к Господу, стремилась к иным, более тяжким подвигам, чем послушание монастырское. Один только скорбный и тернистый путь пустынного жития с его безмолвием и подвигами казался Герасиму верным путем в царствие небесное. И вот, повинувшись призыву благодати, Герасим, спустя четыре года после своего пострижения, покинул обитель и удалился, ради пустынного безмолвия, верст за 80 на север в непроходимые дебри вековых лесов, которые сплошную массу тянулись тогда от Темникова до Арзамаса.

В этих лесах, на несколько верст в сторону от большой Арзамасской дороги, в самой глубине лесной трущобы, находилось место, известное в народе под именем «старого городища», потому что на нем находились ясные следы старинных земляных укреплений, называвшихся городками, которых на «старом городище» насчитывалось целых три. Во времена татарского владычества на этом месте было становище, или «город» Сараклыч какого-то Касимовского хана Бехана, из которого он, вероятно, делал набеги на украинные города русские. Место это – довольно крутой и лесистый пригорок, омываемый с двух сторон речками Сатисом и Саровкой, чрезвычайно живописно, но находилось в запустении, хотя и принадлежало со всей окружающей его местностью одному из князей Кугушевых, проживавшему в то время где-то около Кадома. Сверх совершенного запустения, старое городище пользовалось еще и недоброй славой, потому что служило нередко притоном для разбойников, грабивших проезжих на большой Арзамасской дороге.

И вот сюда, на это, столь страшное тогда, место прибыл из Спасовой пустыни инок Герасим, и, конечно, не без особого

промышления Божия, потому что, несколько лет спустя, на этом самом месте основалась знаменитая ныне Сатисо-градо-Саровская пустынь.

Предназначаемое Промыслом для существования здесь знаменитой обители Сатисо-градо-Саровское урочище, как видно, издавна привлекало к себе любителей безмолвного жития, пленяя их не столько, может быть, красотой местоположения, сколько своею укромностью от людского глаза, вследствие чего и Герасим застал проживавшего здесь некоего монаха Феодосия. Феодосий раньше проживал здесь «с своими монахами», но, задумав «отойти в град Пензу в монастырь», перед приходом Герасима остался один, приютившись в пещере, выкопанной им в гористом обрыве над речкой. Приход Герасима, как видно, отсрочил отшествие Феодосиево, потому что, как свидетельствует жизнеописатель иеросхимонах Иоанн Саровский, отшельники некоторое время жили вместе, хотя и отдельно друг от друга, т.е. в отдельных помещениях, в пещерах, начатых иноками Феодосием и Герасимом. Но вот, настало время инокам расстаться. Феодосий «отошел» в Пензу, а Герасим остался на «старом городище» один, среди необъятного леса.

На краю Саровской горы к востоку от устья реки Сатиса поставил он себе келлию, а около нее вскопал мотыгою землю под огород, чтобы сеять на нем хлеб и сажать необходимые для пропитания овощи. И был он в непрестанном труде и молитве: то работал на огороде, то заготавливал дрова на зиму, то собирал в лесу *«зелие, и тем нужду естества восполняше»*, говорит о том первоначальник Саровский. При всем том, Герасим, как видно, мало заботился о «восполнении нужд естества», довольствуясь, единственно, только хлебом, в который он примешивал *«гнилую колоду, овогда же и плевы в муку влагаше, иногда же плевы в муку претворяше толчением, прилагая мало хлебной муки, сице печаше хлеб и тем питашеся»*. Случалось, что даже и подобной пищи лишал себя на день или на два этот раб Христов.

Много ли времени прожил Герасим в совершенном одиночестве – неизвестно; но как не может укрыться город,

стоящий на верху горы, так и смиренномудрое житие Герасима не могло утаиться от людского взора даже и в глубине глухого леса, и к Герасиму в пустыню стали приходить люди, большей частью, крестьяне, пользовавшиеся правом въезда в лес. Узнав случайно о пустынножителе, крестьяне нередко стали заходить к нему в келлию, а иные даже и ночевать у него; но никто из них не заставлял Герасима, проводящим время в праздности, он или работал, или молился. Случалось иногда подходить к его келлии невзначай, и, если Герасим стоял на молитве, то было слышно, как он, кладя поклоны, ударялся головой о землю; когда же Герасим слышит присутствие постороннего, то сейчас же оставлял молитву и, показывая вид, что не молился, а спал, не сразу, бывало, откликнется и отперет дверь. Этим раб Христов покрывал свои подвиги, убегая славы человеческой и являясь «Отцу небесному в тайне». Когда же заставляли Герасима за работой, то он тотчас оставлял работу, и тихий, дружеский привет светился в его чистом, как бы младенческом взгляде, которым он встречал пришедшего.

Пригласив гостя в келлию, Герасим предлагал ему угощение, что имел, и беседовал с ним, *«поучая от Божественного Писания словесы и сим полезным услаждаше сердце приходящего: бе бо в беседе искусен и полезен»*, свидетельствует жизнеописатель. За трапезой иногда случалось Герасиму предлагать посетителям свой хлеб с примесью гнилушек – и что же? – Хлеб этот, черный уголь, и твердый, как камень, – *«услаждашеся в гортанех их, яко мед»*, – и гости Герасима, возвратившись домой, дивились, рассказывая домашним, откуда он берет такой сладкий хлеб, какого они даже и дома у себя никогда не едали.

Стали посещать Герасима также и иноки, а некоторые из них даже и пребывали с ним, разделяя труды и молитвы, – но, большей частью, ненадолго, и, прожив несколько дней «паки отходили». В числе иночествующей братии приходил неоднократно к Герасиму и знаменитый основатель Сарова иеромонах Исаакий, в схиме – Иоанн; он был в то время иноком в Арзамасском Введенском монастыре, из которого, по любви к уединенной жизни, иногда на время удалялся в окрестности,

«пустынного ради жития», и таким образом встретился с Герасимом.

Истинно подвижническая жизнь Герасима, в течение которой «он добродетелями от силы в силу восхождаше», удостоилась от Бога некоторых «знамений» и «откровений», послуживших впоследствии поводом к основанию на месте подвигов Герасима знаменитой ныне Саровской пустыни. Об этих знамениях первоначальник Саровский Иоанн вспоминал такие слова самого Герасима: «Место это – свято», говорил Герасим, изумленный необычайностью случившегося: «в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, молился я пред Богом, исполняя обычное правило, как вдруг услышал я в горе сей (Саровской) необычайный звон и столь сильный, что казалось будто бы и все место это колеблется. С этих пор я часто слышу здесь такой же звон и думаю, что место это святое, что это не случайный звон, но от Божия Промысла, как предзнаменование, что впоследствии здесь будет находиться какая-либо святыня». По другим источникам («общезительная Саровская пустынь» изд. 1885 г.), кроме колокольного звона, замечалось также и то, что по ночам, иногда, сходил с неба великий свет на то место, где ныне стоят соборные храмы, и при совершенно безоблачном небе гремел гром над Саровом. Неизвестно, видел ли Герасим и эти два знамения: в его житии не упоминается, а говорится лишь о колокольном звоне. Впоследствии оказалось, что громкий колокольный звон, раздававшийся временами в глухом лесу, слышал не один Герасим, а также и некоторые из жителей ближайших к лесу селений, которые, впрочем, объясняли значения звона по-своему – совсем иначе, чем объяснял его Герасим. Дело в том, что по старинному русскому поверью, оставшемуся от времен язычества, зарытый в землю клад, когда он положен на известный срок, по миновании урочных годов будто бы «просится наружу и дает знать о себе огнями и разными привидениями, или же громким колокольным звоном над тем местом, где этот клад зарыт». В силу такого поверья, крестьяне ближайшего от леса села Кременок, Алексей Зимник и его товарищ Андрей, запаслись заступами и лопатами, отправились

в Саровский лес и приступили к Герасиму с расспросами, над каким местом звонят колокола. Герасим указал им к западу от своей келлии на средний городок, и крестьяне принялись за раскопку. Они копали в самом углу среднего городка подле земляного вала, *«идеже ныне под тем местом ход в пещеры»*, – объясняет Саровский летописец, – *«и вместо клада откопали два креста каменных четвероконечных»*, небольших размеров, *«яко обычно таковые на себе носили»*. Не удовольствовавшись находкой, крестьяне начали копать глубже и нашли еще четырехконечный крест, – медный складень, с углублениями в нем для вкладывания частиц святых мощей. Изумленные неожиданными находками, а, может быть, и уstraшенные этим, крестьяне прекратили дальнейшие раскопки, а найденные кресты принесли к Герасиму.

Так жил и подвизался Герасим на Сатисо-градо-Саровской горе, *«яко един от Серафим Бога прославляя»*, и миновало уже много лет с тех пор, как он поселился здесь в уединенной келлии. Полюбив место своих подвигов, Герасим дал обет пребывать на этом месте до конца жизни своей, думая, быть может, даже основать здесь обитель впоследствии..., но Бог судил иначе.

Наступил 1670 год, и для Пензенско-Тамбовской стороны настало «бунтовое Стенькино время». Волнение, охватившее всю сторону не миновало, конечно, и ближайших окрестностей Саровского леса, воры заглянули в Герасимову пустыню, даже и поселились в ней. Случилось это, должно быть, тогда, когда бунтовщики, разгромленные всюду царскими войсками, стали скрываться в непроходимых лесах и, соединившись в мелкие шайки, начали промышлять грабежом и разбоем. С этих пор для Герасима начались всякого рода «искушения» и всевозможные беды и напасти, укрыться от которых было невозможно даже и на иноческом подвиге. Разбойники, поселившиеся неподалеку от Герасима, стали часто навещать к нему и, разумеется, не ради пользы душевной, а за тем, чтобы воспользоваться его келлией для своих пьяных сборищ и для дележа награбленной добычи. И вот, жилище инокa, освященное его молитвами, сделалось вертепом разбойников, на месте святем водворилась

мерзость запустения... Сверх того, разбойники, завладев келлией, не оставили в покое самого Герасима *«и многие пакости ему деяху»*. К бедам от разбойников присоединились вскоре напасти и от Кадомской мордвы, находившейся тогда еще в язычестве. Эта мордва, считавшая себя хозяевами того места, на котором подвизался Герасим, стала прогонять его оттуда и, не позволяя ему здесь жить, *«убийством прещаху»*. Тогда он, Герасим, *«видя таковую напасть, зело оскорбися, и не ведая, что сотворити, яко человек, подпаде малодушию»* и, вероятно, в виду возможности подпасть обвинению со стороны *«городских начальников»* в соучастии с разбойниками, в пристанодержательстве и укрывательстве, а, может быть, по тогдашнему смутному времени, даже и в государственной измене. Для, чистого душой, Герасима обвинение, хотя бы и ложное, в столь гнусных преступлениях было невыносимо и казалось страшнее самой смерти.

Сильно скорбел и смущался Герасим от *«обышедших его зол»*, наконец, решился удалиться из Сарова к Красной Слободе, в Спасову пустынь.

Саровская гора и пустынная келлия Герасима опустели.

Со скорбью покидал Герасим свою пустынную келлию на Саровской горе, свою лесную пустыню, в которой он прожил несколько лет. Здесь каждый уголок напоминал ему или о понесенных трудах, или об иноческих подвигах и небесных утешениях, нисходивших иногда в его скорбную душу. А наступила уже зима, всюду лежал снег, и ледяной, пронизывающий ветер метал в лицо колючей снежной пылью. Трудно было одинокому путнику идти в такую холодную пору по нескончаемым лесам, по местам почти безлюдным, по сугробам, в которых утопал он на каждом шагу, в ежечасной опасности упасть на дороге от утомления и замерзнуть, или же быть растерзанным набежавшей на него волчьей стаей. Селения в то время были редки, и Герасиму приходилось делать большие переходы. Усталый и измученный, приходил он на ночлеги, но, вместо отдыха, встречали его здесь скорбные, томившие душу, рассказы об ужасах затихавшей смуты, о всеобщем разорении и о погибших жертвах народного

замешательства, в числе коих могли быть так же и его родичи... Но милосердный Господь сохранил Своего избранника. Под кровом Божией благодати благополучно дошел Герасим до Спасовой обители, где и водворился в совершенной безопасности как от воровских людей, так, равно, и от других напастей.

Обитель Спасова к приходу Герасима мало изменилась по внешности, но состав братии за несколько лет должен был значительно измениться, потому что в те времена иночествующая братия представляла самый неустойчивый элемент, вследствие чего *«монаси приходяху и паки отхождаху»*, – кто в другие монастыри, кто на пустынное безмолвие, а иные и в благочестивое странствование по святыням русским. Однако, несмотря на перемены, Герасима в обители знали и почитали как строгого подвижника и добродетельного инока, а потому приход его был радостным событием для братии монастырской, которая, встречая Герасима, надеялась даже, что он будет у них настоятелем.

Но не для настоятельства возвратился раб Христов в свою обитель: смиренная душа подвижника стремилась не ко власти над другими, а к пустынному безмолвию, к трудам и подвигам, очищающим душу и сердце; поэтому, перезимовав в обители, с наступлением весны Герасим снова удалился на безмолвие; верст на 5 от обители, к западу, на реку Рябку, в глухую чащу леса. Здесь отыскалась удобная для жилья полянка, вся пестрешая цветами; тут же под сенью деревьев бойко выбивал из земли и свежий родничок студеной воды. На этом месте Герасим поставил себе келлию, завел огород и оправил родник срубом, а затем зажил по-прежнему, как в Сарове, но только уже не один, а с товарищем-монахом, который, впрочем, не мог нарушать безмолвия, потому что был глухонемой...

Удалившись, таким образом, на безмолвие, Герасим не прервал живого общения с обителью; он и сам изредка приходил в монастырь, и не тяготился, если иногда и братия монастырская посещала его келлию в пустыне Рябкинской. С любовью принимал он братию и беседовал «от писания», с живым участием относился он также и к нуждам монастырским.

Монастырское хозяйство в то время почему-то не процветало, и в обители во всем ощущалась великая скудость, вследствие чего, братия, приходя к Герасиму, иногда жаловалась, между прочим, и на нужду монастырскую. Тогда раб Божий, довольствовавшись для себя одним укрухом хлеба, не пренебрегал заботами братии об обеспечении продовольствия, и не только стал делиться с обителью произведениями своего огорода, но благоразумными наставлениями, а, может быть, даже и личным участием в послушаниях монастырских, настолько улучшил монастырское хозяйство, что в обители, мало-помалу, стало водворяться довольство и изобилие.

Братия монастырская дорожила присутствием Герасима *«почитающе его, как отца и наставника, всячески его утешающе и ни в чем его оскорбляюще, и никаможе, кроме отходных келлии, хотяху его пустити»*. Да Герасим, кажется, и не думал отходить куда-либо от обители, потому что жизнь его в Рябкинской келлии, в общем, ничем не разнилась от жизни в Сарове. Здесь он так неустанно трудился, как и в Сарове: работал на огороде, работал в лесу, и питался тем же самым, с примесью гнилушек, хлебом, который он, впрочем, уже избегал предлагать приходящим, имея для того в запасе совершенно чистый хлеб. Иногда случалось, что в большие праздники монастырская братия, побуждаемая любовью к Герасиму, как к своему отцу и наставнику, приносила пищу с монастырской трапезы: щи, горох и кашу. Герасим, в угоду братии, не отказывался и от этой столь роскошной для него пищи, но вкушал ее не иначе, как перемешав все кушанья вместе, дабы безвкусием брашн обуздать вожделение чрева.

Предание монастырское присоединяет к сказанному еще и то, что Герасим, живя на Рябке, работал колеса, которые он продавал, а вырученные за них деньги раздавал неимущим.

Так жил и трудился раб Божий *«в неистлении кроткого и молчаливого духа, благотворяще»*, и преуспевая *«в братолюбии, милосердии и кротости»*.

В Рябкинской келлии Герасим прожил 12 лет. За это время в обители сменилось три настоятеля, и когда последний из них, «черный монах» Феодосий, оставил в 1682 году настоятельство,

тогда братия единодушно пожелала избрать на его место Герасима. *«И прииде к нему от всей братии монаси»*, повествует жизнеописатель: *«и нача со слезами прилежно молити его, дабы он шел в монастырь и был у них настоятелем»*. Можно думать, что просьба эта была для Герасима столько же неожиданна, как и тягостна, потому что Герасим долго и настойчиво отказывался, и сам даже умолял братию *«оставить его в том житии»*, но мольбы и слезы братии превозмогли: побеждаемый их любовью, Герасим, наконец, согласился, хотя с оговоркой, что, по миновании надобности, он опять возвратится на свое безмолвие, *«аще Бог изволит»*. Таким образом, Герасим, скрываемый столько лет в пустыни, теперь Промыслом Божиим поставлен был *«на свещнице, да светит»*.

Во время благопотребное вручил Бог Герасиму жезл настоятельский, потому что года через два после его избрания обители Спасской стала угрожать серьезная опасность лишиться всех средств своего существования и, вследствие того, подвергнуться, быть может, даже совершенному уничтожению. Дело в том, что нашлись люди, задумавшие отнять у обители ее достояние, – оброчные статьи, пожертвованные ей благочестивым крестьянином Путилкою Боженковым. Пришлось хлопотать по судам и отстаивать наследие монастырское. Тяжелый труд для настоятеля-отшельника, никогда не ведавшего в своей жизни ни судов, ни судейской волокиты. Но так как «благочестие на все бывает полезно», то и здесь, в таком кляузном деле подвижник веры и благочестия, как бы воплощавший в себе «немудрое Божие», оказался «мудрее человеков», и, несмотря на все ухищрения и коварство ябедников, и даже на поддержку несправедливого иска со стороны городских начальников, Герасим все-таки сумел отстоять права обители на землю и упрочить ее за обителью.

Сослужив столь незабвенную службу обители, обеспечив навсегда ее существование, блаженный старец удалился от настоятельства на обычное безмолвие. Герасим был тогда в преклонных летах и, приближаясь к концу своего земного поприща, считал необходимым усугубить свои подвиги. В

последние годы жизни мысль о смерти не покидала Герасима; это видно из того, что одно время он весьма смущался недоумением, где должно ему встретить смертный час и быть предану земле телу его: здесь ли, в Спасовой обители, которой он принадлежит, как ее постриженник и настоятель, или там, на берегу Сатиса, в Саровском лесу, где полагалось начало подвигам пустынножителя, и где он, наконец, удостоился знамений и откровений... Из этого борения помыслов можно заметить, что Герасима тянуло больше к Сарову, чем привязывало к Спасовой обители; – что Саров с его вековыми деревьями и первоначальным безмолвием, с его таинственным мраком и еще более таинственными чудесами, как-то ближе был сердцу Герасима, чем Спасова обитель с ее «молвою» и суетою, отрывавшими его часто от богомыслия и молитвы. Не зная, что предпринять в столь затруднительных обстоятельствах, он решил, наконец, предать все воле Божией: написав два жребия, Герасим положил их на престоле, под пелену, и стал на молитву. Долго и горячо молился Герасим, и после того решился взять жребий... На жребии значилось: «оставаться в обители».

С благодарением принял Герасим решение своей участи и остался в обители навсегда. Последние годы жизни блаженного старца ознаменовались благодатными дарами Святого Духа, видимым признаком того, что духовная жизнь Герасима достигла к этому времени «в меру возраста Христова». По свидетельству Саровского первоначальника Иоанна Герасим на склоне дней своих *«сподобился от Бога благодати пророческого дара и молитвою своею человеком недуги врачеваше»*.

Блаженная кончина старца наступила около 1700 г., лет за семь до основания предреченной им Саровской пустыни. Больше ничего не известно о кончине Герасима: он умер, должно быть, так же одиноко, как и жил... Несомненно, впрочем, одно, что братия монастырская, провожая в могилу честное тело своего отца, наставника и благодетеля, почтила его память многими и теплыми слезами.

Первоначально честное тело старца Герасима было погребено близ соборного монастырского храма, на южной его стороне, где находился придел во имя Божией Матери Казанской. Храм этот был деревянный и к 1790 году пришел в такую ветхость, что его должны были разобрать и на месте его построить другой храм, уже каменный. Весной 1792 года приступили к земляным работам для прокладки фундамента. Во время этих работ, когда стали вести канаву на южной стороне храма, случайно, как это, обыкновенно, думают, на самом же деле не без воли Божией, дорылись до чьего-то гроба; когда же, любопытствуя, открыли гроб, то усмотрели в нем одежды схимнические и нетленное тело. Об этом открытии дали знать настоятелю Ионе, который, осмотрев обретенные мощи, объяснил присутствовавшим, что на этом месте была деревянная церковь и подле оной похоронен святой жизни иеросхимонах Герасим, – это его мощи. *«Пусть он останется за стеной»*, сказал настоятель: *«и пребудет вне храма, дабы егда Господь Бог прославит сего иеросхимонаха, тогда удобнее можно будет его из земли вырыть»*. Но, когда каменный храм благоуспешно совершился кладкой и оставалось только приступить к внутренним работам, он упал и разрушился. Иноки обители и, в особенности, голос народный в этом происшествии усматривали кару Божию и обвиняли настоятеля Иону в неразумном его распоряжении выгородить могилу раба Божия Герасима из стен храма. Таким же образом понял это происшествие и следующий за Ионою настоятель иеромонах Геннадий, и потому, возобновляя храм, повел его южную стену таким образом, что могила Герасима оказалась внутри стен храма, который стоит поныне.

В позднейшее время, именно при настоятеле монастыря архимандрите Нифонте, скончавшемся в начале 70-х годов XIX столетия, 115 лет от роду, могила Герасима отгорожена от прочего пространства под церковью особыми стенами, устроен как бы склеп. К могиле сделан особый ход и над самой могилой устроено надгробие, над которым сверху положено изображение Герасима в схимническом одеянии. (В 1889 г. склеп распространен под церковь).

При вышеупомянутом архимандрите Нифонте случилось сделать поправки как в самой церкви, так и в склепе Герасимовом. Во время этих поправок надгробие с могилы Герасима пришлось сдвинуть, и гроб оказался на виду. Тогда архимандриту Нифонту (известному своим благочестием и чистотой жизни) пришла мысль открыть гроб подвижника, «ради его прославления», что и было исполнено самим архимандритом после долговременной и усердной молитвы. Когда же открыли гроб, то опять, как и в 1792 году, тело Герасима, несмотря на то, что прошло уже около полутора столетий после его кончины, оказалось нетленным, и схимнические одежды его неистлели. Архимандрит Нифонт решился списать изображение с мощей Герасима в том виде, в каком они лежат во гробе. Изображение это затем было положено на надгробие, на котором находится и до сих пор. Предание о том хранится в обители в записи. Кроме сих явных знамений благодати Божией, явленных при двукратном обретении нетленного тела блаженного Герасима, в народе и между братией монастырской существует много рассказов о чудесах, истекающих от честного гроба его.

В настоящее время редкий богомolec уходит из Спасского монастыря, не отслужив панихиды над гробом схимонаха Герасима; многие уносят с собою горсть песку с его могилы, искренно веруя, что по молитвам почившего подвижника и самый прах, в котором покоится его многотрудное тело, обладает целебной силой²⁷.

Схимонахиня Ардалиона, старица Усть-Медведицкого монастыря Донской епархии

(Память 17 августа).

Схимонахиня Ардалиона была дочь священника слободы Завязки, Хоперского округа, о. Андрея Игнатова, родилась в 1816 году 30 января и при крещении наречена была Анною. Семи лет она лишилась своего отца, который умер, оставив после себя двух сыновей и трех дочерей, из коих Анна была старшая, на попечение престарелого родителя своего Димитрия Игнатова, бывшего также священником в той слободе Завязке. Трудно было прокармливать, не только воспитывать осиротевшую семью: детей надо было обучать грамоте, и, за неимением лишних средств, мальчиков стал учить сам дедушка, а девочку Анну – мать Матрена Семеновна отдала сперва учиться грамоте к одной черничке, старой девице, потом отправила к сестре своей дворянке Краснушкиной, жившей в 20 верстах от Завязки. У тетки Аннушка прожила несколько лет, и, когда выучилась читать, то так страстно полюбила чтение, что не могла равнодушно видеть ни одной книги. Когда бывала в доме у своего деда, то, невзирая на его строгость, часто уносила из его домашней библиотеки книги, уходила с ними на гумно, и там, забравшись на скирду, погружалась в чтение на целый день, так, что забывала и о пище. По смерти о. Димитрия, прожившего 105 лет, внуки стали делить между собою его имущество, состоявшее из всякой хозяйственной мелочи. Анна Андреевна ни на что другое не обратила внимания, а взяла хлебный мешок, наложила его доверху книгами и ушла к себе. Мать, увидев это, стала упрекать ее, что набрала ни к чему негодных старых книг, а годных вещей никаких не принесла из наследства дедовского; но дочь выше всяких сокровищ на свете ценила эти книги. Такая беспримерная в детском возрасте любовь к чтению расположила сердце девушки к духовной стороне жизни. Когда Анна Андреевна на 18 году от роду прибыла случайно с

богомолками в Усть-Медведицкий монастырь, то скромная обстановка монастырская и жизнь монашеская до того ей полюбились, что она решительно не могла оторваться от святой обители и захотела остаться в ней навсегда. Молодая душа, напитанная духовным чтением, ощутила, что тут кроется исполнение ее заветных мыслей и чувствований, какие наполняли ее тогда, когда она предавалась чтению любимых книг. Игуменствовавшая тогда мать Афанасия приняла Игнатову в число сестер. Это было в 1834 году. Воспоминая это время, Анна Андреевна говорила впоследствии, что чувствовала тогда такую радость в сердце, такую легкость в душе, что «точно у нее были крылья». Избранница Божия в первые две недели обоняла всюду вокруг себя благоуханный воздух: и в церкви, и в келлии, и в огороде, куда была посылаема.

В первые годы жизни в монастыре Анна Андреевна проходила послушания по черным работам, то в огороде, то на покосе в летнюю пору, и всякую тяжелую работу исполняла с веселым расположением духа, радостно и льготно. Бывало, в покосное время, в час отдыха возьмет книжку и читает; около нее соберется кружок слушательниц, и звонкий голос читательницы раздается далеко по лесу. Игуменья Афанасия, узнавши, что послушница Анна Игнатова хорошо читает и имеет сильный голос, поставила ее на клирос. Странно было видеть ее молодую среди сверстных по летам сестер-клирошанок, всегда чисто и изящно одетых, стоящую в мухояровой рясе из толстого сукна, неуклюже сшитой, в боках разноцветной, и с клобуком на голове, который никогда не переменялся. Но, занятая своим внутренним человеком, она не обращала внимания на внешность свою. Часто во время службы, стоя на клиросе, проливала тихие слезы, которые текли неудержимым потоком, так что иногда вся грудь делалась мокрою у плачущей. Слово Божие, читаемое в келлии и слышимое в церкви, было единственным источником утешения и наставления для Анны Андреевны, носившей тогда имя Алевтины, данное при пострижении в рясофор. Книги были ей везде неразлучными спутниками. Когда случалось ей приходить по зову в келлию какой-либо сестры, то она брала с собой книгу, там читала и

толковала прочитанное; речь ее бывала тогда так обильна, что келейницы оставляли свои дела, сходились к ней и заслушивались по несколько часов. Иногда, читая у себя дома, вдруг вставала и, не одетая, с читаемой книгой в руках, шла к какой-нибудь монахине, чтоб поделиться уяснившимся понятием прочитанного слова; но понятие это было слишком возвышенно для того, чтобы могли его воспринимать неприготовленные к такой беседе и развлекаемые келейными занятиями слушательницы. Так, ей приходилось не раз уходить от своей восприимчивой матери по пострижению, казначеи Мариамы с упреком: «когда ты, Марфа, оставишь свои блинцы». Потом Алевтина прекратила такие свои посещения, убедившись из опыта, что то сокровище духовных понятий, какое она носила в себе, не передаваемо, давалось только ей одной на обладание.

Но и для матери Алевтины приходили такие обстоятельства, где Мариина часть неминуемо сталкивалась с Марфиной; и, верная слову Божию, дознавши опытно всю тщету последней, она отдала первой решительный перевес. Такого рода обстоятельства встречаются нередко в жизни, и, хотя невидимости являются простыми случайностями, но имеют важное значение, так как служат всегда пробным камнем для духовной деятельности, и часто бывают такими поучительными уроками, которые не забываются всю жизнь. Одновременно с клиросным послушанием Алевтина, называвшаяся тогда Анною, так как это было еще до пострижения ее в рясофор, определена была в золотошвейки к одной монахине, занимавшейся этой работой. В то время жили с нею старая тетка, дочь о. Димитрия, и младшая сестра Павла, которую она взяла к себе, чтоб облегчить для матери воспитание семьи; жили они все в одной келлии. В свободные от урочной работы часы она занималась своим шитьем, и от продажи своего рукоделия содержала себя, тетку и сестру. Трудно ей обходилось такое содержание: целые ночи, не разгибаясь, она проводила за шитьем, хотя скоро и много работала. Потом старуха тетка умерла, а сестра ее, молодая девушка, не пожелала продолжать более жизнь в монастыре и вышла замуж. Облеченная тогда в рясофор мать

Алевтина совершенно оставила занятие рукодельем, дни и ночи стала посвящать чтению и молитве.

При таком беспопечительном образе жизни подвижница должна была терпеть скудость в материальных потребностях. Но, кто не заботится о завтрашнем дне, ища Царствия Божия и правды его, тому, по слову Евангельскому, прилагается все потребное. Бывшая просфорня м. Павлина, м. Митрофания дочь полковника и м. Рипсимия, впоследствии схимонахиня Пафнутия, были усердными слушательницами м. Алевтины, часто звали ее к себе, с верою и любовью внимали ее духовной беседе, и с своей стороны служили ей от своих избытков, чем могли, пополняя ее недостатки. Однажды игумении представилась надобность перевести ее из собственной ее келлии в обительскую, что в женских монастырях, обыкновенно, обходится не без скорби; она сделала этот переход без малейшего сожаления, и при этом, из келейного имущества ничего с собою не взяла, даже любимых книг своих, кроме Евангелия и Псалтири: «в церкви много книг, говорила она, была бы охота слушать слово Божие».

Отсекая в себе привязанность к вещам, она неоднократно повторяла: «еще в ранней молодости я стала понимать не только умом, но и внутренним глубоким чувством, что душа в час смерти разрывает все связи с земным миром, и как тяжело и трудно душе это разлучение, если в ней много пристрастных привязанностей к земным предметам. Чтоб легко было умирать, нужно прежде смерти умереть для всего, нужно уничтожить все земные пристрастия». Мать Алевтина не только сама себе ничего не приобретала, но и глубоко огорчалась тем, когда в других видела противные нравы. Состоя в должности благочинной монастыря, по требованию этой должности она посещала келлию одной своей соседки, и часто заставляла ее за чтением Псалтири, воздыхающей, как бы с отягощением исполняющей свое правило. Тогда она говорила ей: «довольно тебе читать, отдохни». – «Нельзя, мать, та всегда отвечала, ведь я монах!» Случилось, что в общей трапезе недоставало дров; благочинная приходит к этой самой монахини и говорит: «у нас в трапезе дров не достало, Дон еще не замерз, привезти

из лесу нельзя; у тебя много дров, отдай одну свою поленницу в трапезу». Та с ужасом возразила: «как ты могла это высказать, чтобы я свои дрова, над которыми столько трудилась, собирая их, перевозя из-за Дона, прибирая, – и чтоб я отдала их в трапезу! ни за что не отдам». «Ну, мать», – сказала благочинная, – не монахи же мы с тобой, если и с поленницей дров не можем расстаться». После таких случаев м. Алевтина (в полном пострижении она носила то же имя, какое и в рясофоре) затворялась в своей келлии и не выходила из нее по два и по три дня. Отречение свое от привязанностей всякого рода она простирала до того, что не дорожила никакими удобствами и собственным покоем.

У нее была одна келейница, Агафья Прокопьева, весьма преданная ей и очень ловкая в услужении. Когда одна болящая монахиня попросила благочинную дать ей хорошую послушницу, то она привела к ней свою Агафью и убедила ту служить болящей с такою же преданностью, с какою она служила ей самой. Послушная Агафья выполнила все в точности, усердно служа больной до самой ее кончины.

Мать Алевтина вот, что говорила о себе: «при работе над своим внутренним человеком такая иногда чувствовалась немощь, недостаточность всех внешних подвигов, всех своих душевных сил, что не раз приходила в уныние и некоторое безнадёжие. В эти тяжелые часы приснилось в церкви слышать слово апостола Павла о бессилии закона и о вере, и, хотя я их и прежде знала наизусть, но в эти минуты они были для меня новым откровением. Всею немощью души своей я сознавала, что ни на себя и ни на что свое я не могу надеяться, что ни что мне не поможет в моем спасении, ничто не спасет моей души от ее собственной нечистоты и несовершенства. Всем существом своим я верила, что Господь, один Господь и сила Его благодати может меня спасти, может просветить, очистить и усовершенствовать мою душу; может дать силу ей внимать Его слову, понимать Его и исполнять Его заповеди. И эта сила будет Его сила, во мне действующая, а не моя, я же и все мое навсегда остается немощным, безжизненным, беспомощным. И хорошо, что человек сам по себе так немощен; хорошо, что только Бог

один силен, что Он один живой, во всем действующий и царствующий!» При таком глубоком познании своей немощи и при такой живой вере и благодать Божия осияла и усовершенствовала ее подвиг. Она передавала одной своей духовной дочери: «один раз – еще была я в рясофоре – читала я покаянный канон ночью в своей келлии и молитву покаянную, в которой были слова, коими молящийся сравнивал себя с червем, с прахом земным. Читая эти слова, я вдруг ощутила глубокое чувство смирения, своего ничтожества; и это ощущение было так полно, так сильно и так отрадно душе, что слезы обильно потекли из глаз; и всю ночь я провела в коленопреклоненной молитве, а продолжать чтение по книге в ту ночь я больше не могла».

Духовного подвига матери Алевтины никто не видел, ничего особенного за ней не примечали, и мало было таких, которые могли понимать ее тайную жизнь. По принятии монашества в 1855 году она редко стала выходить из келлии. Иногда спрашивали ее сестры отчего она никуда не ходит, – мать Алевтина отвечала так: «прежде я ходила чай распивать, а теперь чай не пью, и ходить по другим келлиям незачем». Тогда преданные ей сестры, желая выслушать от нее наставление, или получить совет в своих духовных нуждах, стали сами приходить к ней. В числе таких была одна молодая девушка, очень образованная, кончившая курс в Тамбовском институте; она выказала большую веру к матери Алевтине и пожелала жить под ее руководством. Много скорбей она причиняла своей наставнице, так как, слушая ее наставления, никогда не отсекала перед ней своей воли. Постоянно видя ее противление, мать Алевтина хотела отстранить ее от себя; но та высказывала тогда такую скорбь, такие пролиwała слезы, что наставница не решалась на это удаление, располагалась еще терпеть, надеясь на исправление своей ученицы. Но этого исправления не последовало, и кончилось тем, что образованная самовольница вышла из монастыря. Выход ее принес скорбь матери Алевтине, но, вместе с тем, был для нее и облегчением. После наставница так отзывалась об этой непослушной ученице: «живя с ней, я чувствовала себя так, как чувствовал бы себя живой человек, к которому был бы привязан

труп. Но все же, я благодарю Бога за то испытание: многому терпению я научилась, живя с нею». И действительно, она сделалась настолько терпеливой, что могла уживаться с самым строптивым характером. Если кто жаловался ей на келейницу, когда она бывала в должности благочинной, и просил взять из келлии, а другой келлии для такой не находилось, и никто из монахинь не соглашался принять к себе своевольную сестру; то благочинная брала ее в свою келлию и держала у себя до тех пор, пока находилась келлия, или какая монахиня нуждалась в келейной.

Самой приверженной ученицей матери Алевтины была вышеупомянутая Рипсимия, в мире именовавшаяся Параскевой, дочь казака Усть-Хоперской станицы. Когда мать Алевтина обходила келлии сестер с книгою в руках и с словом назидания в устах, заходила она и к Параскеве. Робкая и скрытная ко всем Параскева расположилась к ней всею душой, с великою любовью слушала ее слова, поверяла ей свои сердечные тайны, и, получая духовный разумный совет, держалась его. Скоро их взаимные отношения установились определенно: Параскева стала относиться к Алевтине, как к своей руководительнице и духовной матери. Иногда в душе Параскевы возникали страстные помыслы и производили тревогу, от которой она никак не могла избавиться собственными силами; тогда она приходила к матери Алевтине в ее маленькую, убогую келлию, молча садилась у ног ее и тяжело вздыхала. Мать Алевтина, видя ее душевную скорбь, брала книгу и начинала читать. Тогда слово ее, полное веры, укрепляло дух Параскевы, и она возвращаясь к себе с новой силой на подвиг борьбы со своими помыслами. Иногда по своей робости она не могла высказать откровенно состояние души своей: тогда мать Алевтина сама открывала тайны ее сердца и обнаруживала помыслы, борющиеся ее. «Мы от того бываем так сильно боримы помыслами страстными, что мы любим грех, – говорила она, – если же нам кажется, что мы его ненавидим, и что помыслы помимо нашей воли борют нас, то мы ошибаемся. Мы ненавидим и не желаем греха только по рассуждению, рассуждение же никогда не сильно победить в нас страсти и

уничтожить естественное влечение ко греху: нужно, чтобы воля наша решительно отсекала всякое плотское пожелание, и чтоб устремила все свое хотение к Богу и к исполнению Его слова, Его святых заповедей». И эту-то волю наставница старалась вызвать в своей ученице; указывая ей на начала страстей, она свидетельством слова Божия и слова Отцов требовала решительного отсечения их. «Жив-умер, а надо исполнить», говорила себе покорная ученица и производила над собою такое усилие, что заболела: «двадцать семь горячек я перенесла, – говорила она, – стараясь не отпасть от слова матушки». И Параскева до тех пор не смела показаться своей наставнице, пока не усваивала ее слова делом; без этого считала себя недостойною услышать другое слово; перестрадает душой, переболит телом, и опять идет, опять сядет у ног матушки.

В 1852 году мать Алевтина пожелала поклониться Киевской святыне и посетить некоторые пустыни, в коих сохраняется строгий устав монашеского общежития. Она взяла с собой послушницу Параскеву. Все путешествие они совершили пешком и проходили три или четыре месяца, посетив многие монастыри по пути в Киев. В этом путешествии в душу Параскевы запало смущение: ей не понравилось, что матушка иногда скоро оставляла некоторые монастыри, где ей хотелось бы погостить подольше. Так, из Коренной пустыни они ушли на рассвете дня престольного праздника, к которому готовилось торжественное богослужение; а из Петропавловского монастыря вышли вечером, накануне того дня, в который им надлежало обедать у архимандрита Феофана (бывшего прежде настоятелем Кременского монастыря на Дону). Монахиня Алевтина пренебрегала общепринятыми приличиями там, где видела вред своей душе, и не дорожила ничем ради исполнения заповеди Божией как по отношению к себе, так и к ближнему. – Напротив, они пробыли лишние сутки в одной душной крестьянской избе, полной тараканов, где требовала духовного утешения расстроенная семья; вследствие чего запоздали к празднику в монастырь, куда спешили, рассчитывая отдохнуть и утешиться праздничным богослужением. Иногда

Параскеву возмущала дружеская беседа матушки с каким-нибудь невоздержным, беспутным, по ее выражению, монахом, в котором м. Алевтина усматривала душевную простоту, всегда ее пленявшую. И вот, однажды, вышли они не вовремя из одной обители, в которой Параскеве хотелось отдохнуть; не стерпела она, зароптала и высказала все, что накопилось на душе. Мать Алевтина шла молча, слушая ее. Когда они изошли на высокую гору, с которой в обе стороны широко расстился горизонт, и дорога развивалась на оба склона, м. Алевтина села, велела и ей сесть. «Вот что, сказала она, так как ты потеряла ко мне веру, делаешься судьей моих поступков, то нечего тебе делать около меня. Вот две дороги, выбирай себе любую: если ты пойдешь направо, я пойду налево; если ты пойдешь налево, то я направо, и с этой минуты наши дороги в жизни никогда больше не сойдутся». Как громом поразили слова эти Параскеву. Тут только вполне поняла она, насколько для нее дорого духовное общение с м. Алевтиной, и что вся жизнь ее души только ею и поддерживается. Сколько потом пролито было слез на этой горе, сколько дано обещаний исправления, ведает только Господь да душа Параскевы, которая с этого дня во всю жизнь более не допустила до своего сердца никакого сомнения. «Жив-умер, а наставника судить не мое дело, разбирать его дела не моему разуму», говорила она. «Как будет Господу угодно и матушке», – «молитвами матушки сохрани меня Господи!» – были всегдашние ее слова. Таким образом, в этом путешествии была испытана вера ученицы. Это требовалось и для самой наставницы. Можно полагать, что без всяких других причин, а с этой целью м. Алевтина допускала себе некоторые, по-видимому, несообразные поступки, где преданной ученице следовало только повиноваться беспрекословно. Но слезы раскаяния, истекавшие из глубины души, показали, что вера Параскевы утвердилась глубоко в ее сердце, а не была какая-нибудь поверхностная, при первом случае отпадающая. Здесь обе они увидели, что духовный союз их навсегда неразрывен. Последующие обстоятельства жизни доказывали это. Во время болезни м. Алевтины, постигшей ее в

1853 году, Параскева неотлучно проводила около больной бессонные ночи, не тяготясь никаким трудом, никакой жертвой.

При всей любви своей к келейному одиночеству мать Алевтина была весьма общительна и умела всех расположить к себе. По обязанностям благочинной, где она ни появлялась, везде производила отрадное впечатление своим бодрым духом, веселым взглядом, ласковым обхождением; для каждой сестры находила приветливое слово, которое действовало всегда успокоительно, утешительно, а для трудящихся в общих послушаниях столько ободрительно, что как бы придавало сил. Но при всех этих качествах, облегчающих для нее прохождение начальственной должности, в ней зрела мысль о полном отречении от всего и совершенном безмолвии, а так как в монастыре это возможно только при пострижении в схиму, то мысль о схиме была давнишней и неизменной ее мыслью. Только сама собой она не решалась сделать первый шаг, а, предавая себя воле Божией, ждала особенного случая или повода, который бы могла принять за указание Божие, как это обычно в подобных предприятиях. На что есть воля Божия, то все устраивается легко и просто, без всяких усилий со стороны человека, и, вместе с тем, устраивается премудро. Однажды, беседуя с казначеей Мариамой, мать Алевтина навела разговор на любимый свой предмет: стала предлагать своей восприемной матери принять схиму, обещаясь читать ей правило. «Какая мне схима! сказала в ответ м. Мариама, да у меня и охоты нет», и, не придавая особенного значения этому разговору, прибавила: «вот, ты сама постригись в схиму». – «Благословите!» сказала благочинная, встав с своего места и кланяясь ей в ноги. Несколько оторопевшая от такого нечаянного движения, и не успевши ничего сообразить, м. Мариама проговорила: «Бог благословит». Получив, таким образом, благословение, мать Алевтина тотчас же поспешила к игумении. Игумении Вирсавии она высказала свое давнишнее желание посхимиться и что сейчас ее восприемная мать Мариама дала свое благословение. Игумении оставалось только согласиться. В тот же день было написано прошение о пострижении монахини Алевтины в великую схиму. 26 февраля

1859 года на 43 году жизни она была посхимлена с именем Ардалионы.

Приняв сугубое монашество, схимонахиня Ардалиона усугубила и свой молитвенный подвиг. Неопустительно бывая за всеми церковными службами, в келлии своей она занималась непрестанною молитвою и чтением. Чтения же своего она не разнообразила: когда начинала читать Евангелие, то прочитывала его все до конца, по Евангелисту в день; потом бралась за Псалтирь, которую так же кончала всю; затем прочитывала акафистник подряд, не выбирая по отдельным канонам. Последний иногда читали ей келейницы. При этом, схимнице было все равно: внятное ли и правильное было чтение, или ошибочное, малограмотное; занятая умною молитвою она одинаково спокойно выслушивала то и другое. Никогда не поправит иную, почти по складам разбирающую читальщицу, как бы неверно она ни произнесла слово, – но всегда остановит, когда та захочет поспешить и опустить какой псалом или трисвятое: «не ленись прочитать, говорила схимница, спешить некуда, а молиться все равно можно и при повторении одной и той же молитвы по нескольку раз в день». Когда, случалось, ей замечали другие, как она может выносить такое чтение, то она объясняла: «я не заставляю их читать, сами охотятся, ведь и им хочется помолиться, а мне-то все равно, как бы ни читалось слово Божие, оно всегда свято и действенно; если и одно слово западет в душу, то может дать жизнь душе на всю вечность». Упражняясь в непрестанной молитве, схимница бодрствовала днем и ночью; чтобы не уснуть глубоким и продолжительным сном, она спала в кресле, держась рукою за полотенце, которое для этого было привязано к ширме. Двери ее келлии были затворены для всех приходящих; самая преданная ученица Рипсимия, когда чувствовала какую скорбь или искушение, приходила лишь к дверям келлии и, помолясь у порога, уходила обратно, облегченная верою, что за нее молится матушка. Таким образом, уединение схимницы Ардалионы в первое время по пострижении было полное, и молчание совершенное, и она утешалась таким безмолвием и не хотела нарушать его никогда.

Но один случай изменил одинокую жизнь подвижницы и направил ее деятельность к пользе ближних: она вступила в духовное общение с одной молодой послушницей Анной Себряковой (потом игумения Арсения), за месяц до ее схимы, постриженной в монашество с именем Арсении. Как новопостриженные – схимонахиня Ардалиона и монахиня Арсения оставались в церкви вдвоем между службами, сидя рядом на одной скамеечке, последняя часто обращалась к первой с разными вопросами о своих помыслах, о молитвенном делании, и о других духовных предметах. Схимница давала свои ответы монахине, но однажды она сказала ей: «ты, Арсения, так много спрашиваешь и такие вопросы предлагаешь, что одним словом на них ответить нельзя, а в церкви беседовать неудобно: если игумения благословит, то лучше тебе приходить в мою келлию; хотя и никого не принимаю, но тебя приму – не потому, что ты Арсения, а потому, что ты истинно желаешь спастись». С благословения игумении, монахиня Арсения стала ходить в келлию к схимнице, и эти посещения, вследствие разных духовных потребностей, сделались ежедневными. Видя это, игумения Вирсавия сказала однажды Арсении: «так как ты чисто ходишь к схимнице, то возьми ее к себе в келлию». Это очень обрадовало Арсению. Она тотчас же объявила схимнице о благословении игумении жить им вместе и сказала, что свою келлию и все, что имеет, и себя, вполне отдает в ее волю, а сама будет жить при ней, как послушница. «Если я буду дурной послушницей, говорила Арсения, вы можете выгнать меня из келлии». На другой день после обедни прямо из церкви, в схимническом одеянии, с палочкой в руке, старица Ардалиона пришла на жительство в келлию м. Арсении. Келейницы перенесли кое-какие вещи, что сами считали нужным взять. Келлия была просторная и удобная; одну половину заняла схимница, в другой оставалась м. Арсения. Вскоре пришла к ним жить прежняя келейница Агафья Прокопьева, а через год и м. Рипсимия. Жизнь схимонахини Ардалионы, вполне обеспеченная, среди послушниц, преданных ей душой и телом, потекла мирным порядком. «Наша келлия не только монашеская, но и

схимническая, говорила она, и если монаху нужно иметь общение с другими только по крайней нужде духовной, или житейской, то схимнику и говорить даже кроме этой потребности не следует. Так все они и жили в течение пяти лет. Придет кто-нибудь из сестер – приветствуют ее, спросит о деле – не распространяются, не угощают, не приглашают посидеть. Если встречалась надобность кому из келейниц сходить по делу в другую келлию, то переговорит о деле и сейчас в свою келлию. Между собою никогда не вели речи о посторонних предметах, а переговаривались только касательно собственной жизни. Все жили безмолвною жизнью старицы.

Если какая-нибудь из сестер монастыря имела надобность объясниться со схимницей по своей духовной нужде, то схимница принимала ее и беседовала с ней; только таких мало находилось: все, открывающие ей свое душевное состояние, ученицы жили вместе с нею. Но и с теми схимница беседовала не часто, а больше всех с одной м. Арсенией. Арсения читала ей Евангелие, каноны и почти каждый вечер отеческие книги. При чтении отеческих книг м. Ардалиона иногда распространялась в своей объяснительной беседе так, что слушавшая ее Арсения говаривала ей: «мне совестно и прискорбно слушать одной такое дорогое слово; мне хотелось бы созвать весь мир, чтобы все слышали и чувствовали силу этого спасительного слова, чтоб все видели этот свет разумный». На это матушка отвечала: «Ну, что же будет? и слышали все мое слово, да не приняли его к сердцу; выслушают меня, как приятную музыку, а без исполнения не поймут. Только то слово усваивается и понимается, которое исполняется, иначе оно может быть поругано». Действительно, эти слова наставницы оправдывались на опыте. Когда она требовала что сделать по своему совету, отречься от какой-нибудь пристрастной привязанности, или оставить какую бесполезную привычку, то ей на это возражали другие: «лучше бы ты заставила нас носить камни на гору, легче было бы исполнить». Матушка отвечала: «если делом не хотите исполнять слово, то незачем его и слушать». Потому к таким беседам она никого других не допускала, разве только, по

усиленной просьбе м. Арсении, одна лишь Рипсимия часто присутствовала.

Хотя схимонахиня Ардалиона на вид казалась мужественной и была даже довольно полна, но здоровье имела слабое. Бывало, из церкви, отстоявши утреню и обедню, едва дойдет до келлии; дрожа всем телом, бледная, ляжет на койку и долго не может прийти в себя. Пищу, хотя она употребляла самую простую и постную, но постом себя не изнуряла много; прежде по средам и пятницам ела сухари с водою, когда же заметила, что такое пощение ей не по силам, то стала употреблять и рыбу; впрочем, посты соблюдала строго. При всем своем изнеможении, молитвы и чтения она никогда не оставляла: если не могла ни стоять, ни сидеть, то лежа молилась и читала Псалтирь или Евангелие. Когда случалось м. Арсении заходить к ней в ночную пору, то всегда заставляла ее или стоящей пред аналоем, или лежащей на койке с четками в руках и при этом глубоко вздыхающей. Молитва Иисусова была постоянным делом ее ума и, так сказать, слилась с ее дыханием в последние годы жизни.

Мать Арсения имела у себя будильник, который заводила на ночь, чтоб не проспать полунощницы. – Матушка, смеясь над будильником, говорила: «ты все упование полагаешь на будильник; усваивай любовь к молитве, она сама будет тебе будильником». Но эта неусыпная молитвенница была проникнута истинной любовью к ближнему, ради которой всегда оставляла свои обычные молитвенные занятия, когда встречалась нужда подать благой совет требующему, или сказать слово утешения скорбящему; притом, она не щадила здоровья, не дорожила покоем. «Господь повелел любить ближнего как себя, учила она, значит, и себя-то надо учиться любить, как следует. Не надо тратить напрасно своего здоровья и сил, а тем более духовных сил своих, ни времени, данного на спасение, ни случая, данного для испытания нашей доброй воли, ни зародившегося доброго намерения. Все надо сберегать доброе в себе, все уничтожать злое. Вот, как научишься себя любить, тогда сумеешь любить, как следует, и ближнего; а то

себя любим с сластолюбием, так и ближнего любим только по страстям».

Пример этой высокосовершенной любви наставница являла в себе самой. Многим из сестер обители не нравилось такое сближение схимонахини Ардалионы с монахиней Арсенией: они не понимали той безусловной преданности и безграничной веры, какую имели близкие ученицы к своей наставнице. Глядя на одну внешность, все осуждали схимницу за такую власть над Арсенией, которая до того времени была общительна со всеми; из чувства негодования приписывали ей самые низкие расчеты, сочиняли про нее возмутительные небылицы. Некоторых смущало то, что м. Арсения всю родную семью схимницы взяла на свое попечение, воспитывала ее родных сирот и помогала всем из своего имущества. Этот поступок, сделанный из благодарности преданной ученицей, был перетолкован пристрастием схимонахини к своей родне. Но старица Ардалиона, не изменяя ни к кому чувства духовной любви своей, так относилась к этой клевете и ненависти: «Всю жизнь я прожила в этом монастыре, вместе с сестрами, несла труды послушания, делилась с ними той духовной пищей, которую Господь посылал мне в Своем слове. Если они меня не понимают, если они меня осуждают, то так Господь им попустил, так надо для моего смирения, и больше этого надо. Всю жизнь свою я имела одну цель: уничтожить свою самость, чтоб Господь один жил и царствовал для меня во всем мире и в душе моей, чтоб Его силу во всем познавать, Его воле подклоняться, Его заповеди творить. Ведь в Нем одном добро и свет, и жизнь души. Но самость моя, как змея какая, и убитая, а все поднимает свою голову. Пусть же весь мир на нее вооружится и бьет ее, если еще мало ей моих собственных немощей, смиряющих ее ежеминутно».

В 1860 году здоровье схимонахини Ардалионы так ослабело, что она требовала серьезного лечения: она чувствовала постоянное сердцебиение и расслабление всех членов. Доктор, посетивший по просьбе м. Арсении их келлию, посоветовал больной быть побольше на воздухе и сделать какое-нибудь путешествие. М. В. Себряков предложил свой

экипаж, пару лошадей и человека. По благословению игумении она отправилась по святым местам и, медленно переезжая с одного на другое, старалась больше пользоваться воздухом. В этом путешествии она посетила Св. Горы и другие Харьковские монастыри, Воронеж и Усмань. Везде, куда ни приезжала, ей оказывали самый радушный прием; в женских монастырях проезд ее производил как бы торжество какое. Игуменья Эмилия, строительница Николаевского монастыря, Харьковской губернии, приняла ее с восторгом, как близкой, родной дала помещение в своих келлиях и сказывала даже, что получила духовное извещение о прибытии ее. Она объявила всем сестрам своей обители, чтобы все почтили гостью-схимонахиню, как духовную старицу. Пять дней провела м. Ардалиона у игумении Эмилии, которая вела с ней душевную беседу и поделила свою трапезу. Многие из сестер приходили к схимонахине, открывали свое душевное состояние и с любовью выслушивали ее слово; других стесняло только то, что она остановилась у игуменьи. В Елецком женском монастыре она останавливалась в келлии монахини Варсанофии и пробыла с неделю. Сестры этой обители, узнавая одна от другой о даре духовного слова схимницы, день и ночь сходились в келлию Варсанофии. Провожали ее всем монастырем со слезами. В Усманском монастыре она утешала болящую и скорбящую монахиню Елисавету, бывшую казначею Хорошевского монастыря, сосланную в Усмань под начало. Возвратясь из этого путешествия схимница Ардалиона поправилась несколько здоровьем. Но в своей обители встретили ее новые скорби.

Евангельское слово: *«ни который пророк приятен есть во отечествии своем»* выразилось в поведении Усть-Медведицких сестер. Смутившая всю обитель, была одна сестра, по простоте своей и младенческому разуму в духовных предметах, не понявшая беседы схимонахини, и перетолковавшая ее учением, противным церковному. Вере близких учениц не находилось подражательниц, а смущение вероломной разом все переняли, поверив ложному толкованию слов подвижницы, которые могли быть уразумеваемы только жизненным опытом, а не поверхностным суждением. Игуменья Вирсавия строго

запретила сестрам обители всякое общение с келлией схимницы Ардалионы. Глубоко скорбела м. Арсения о таком отчуждении сестер. Но матушка всегда говорила ей: «ты скорбишь о том, что тебе одной все досталось, а, может быть, для тебя-то и мне Господь послал благодать уразуметь Его слово; не знаю к чему тебя Господь готовит, но вижу, что тебе Он много дает». Сама же она радовалась поношению, говоря, что «только им и можем спастись».

Бдительно усовершенствовав своего внутреннего человека, подвижница в последние и еще немногие годы жизни своей пришла в такую крайнюю простоту нрава, которая отличается младенческим неведением всякой злобы и составляет черту духовного совершенства. Она не только не опровергала возводимые на нее клеветы, но и нисколько не старалась оправдывать себя в глазах людей, напротив, поступками своими как будто подтверждала недоброе о себе мнение. Иногда келейницы ее прибирают дрова около келлии, – «что-то наши девчата утомились, пойти их подбодрить», скажет схимница, и выйдет на крыльцо, по-домашнему одетая, в белом платке на голове, громко и весело разговаривает с своими девчатами; а те, увидев матушку веселой и ласковой, не чувствуют никакой усталости. Проходящие же мимо сестры, видя схимницу смеющейся и неприлично одетой, отходят, полные соблазна. В большие праздники, когда в тесной монастырской церкви собиралось много мирского народу, она не ходила в церковь, а скажет бывало: «идите все, а я буду келлию караулить», или: «вишню надо караулить, а то воробы ее клюют» – и сядет на крыльце во время звона ко всенощной в виду всех идущих в церковь. Если при этом кто замечал ей, что сестры ею соблазняются, то она серьезно не понимала, чем они могли соблазняться.

Родитель м. Арсении присылал дочери разные шерстяные материи, платки и проч., чтобы она сама носила и делилась с другими сестрами. Вследствие этого, на схимонахине Ардалионе, вместо убогой многошвейной одежды, стали появляться то приличная ряса, то хорошая шуба. Монахини, видя такую перемену, говорили, что схимница развратилась,

потеряла подвиг нестяжания. А м. Ардалиона, слыша такие пересуды, говорила: «вот, что значить полагать упование на внешний подвиг: переменял рясу – и человек в их глазах стал уже не тот. И может ли быть ценно то приобретение жизни, которое от перемены рясы может уничтожиться! И самое это рубище мы носим, чтоб приобрести беспристрастие к вещам; если же к рубищу привяжемся, то это будет тоже страсть, да еще страсть, питающая духовную гордость». «Внешние подвиги, учила она, это только орудия добродетелей, и, хотя без орудия нельзя приобрести добродетели, но главною целью искания должны быть самые добродетели. А, чтоб приобрести их, надо искоренить страсти и всю плотскую нечистоту. Нелегко это, надо трудиться до смерти, надо кровь пролить», – и при этом часто приводила известные из слова Божия глубокого смысла слова: даждь кровь и приими дух. «Тем труднее этот подвиг душе, что нечистота наша велика; она объела всего человека: наши страсти, плотское кровавое чувство примешиваются даже к нашему человеческому добру, сквернят нашу молитву. Надо подвизаться добрым подвигом, даже до отречения своей души».

В 1862 году игуменья Вирсавия подала прошение об увольнении ее от должности настоятельницы за старостью лет; но сестры монастыря стали просить управлявшего тогда Донской епархией преосвященного Иоанна, чтоб он не сменял ее. Владыка оставил Вирсавию на игуменстве и назначил ей помощницей м. Арсению, которую и определил на должность казначеи. Пред наступлением Великого поста 1863 года схимонахиня Ардалиона собрала к себе своих келейниц и сказала им: «до сих пор вы жили моею жизнью, а я жила вашей; теперь мы будем жить отдельно: мать (так она всегда называла Арсению, когда говорила о ней с келейными) теперь казначея. Ей надо заниматься делами монастыря, к ней будут приходить сестры с разными вопросами, к ней и вы относитесь с делами келейными; – я хочу затвориться в своей келлии, сюда мне будете подавать пищу; а когда кому будет духовная нужда, постучите в мою дверь, я отворю». На прощенный день все помолились в ее келлии и распростились. Много при этом было пролито слез: келейным казалось, что для них затворяются

двери рая. Никто не хотел нарушать глубокого безмолвия затворницы, но духовная нужда приближенных была так велика, что ей приходилось очень часто отворять двери своего затвора, вследствие чего келейная жизнь ее мало изменилась против прежнего. Духовные же потребности, с какими являлись приходившие, затворница строго разбирала: она давала ответы только на такие вопросы, которые действительно касались жизни внутренней, самонаблюдательной. Иногда м. Павлина приходила со словами: «благословите говеть», – затворница отвечала: «проси на это благословении у игумении». Раз, эта Павлина спросила: «Матушка! что это читают в церкви, в антифонах»: «в доме Давидове страх велик?» – «Я не толкователь писания, был ответ, на это есть богословы, их этому учат в семинариях и академиях». Часто случалось, что кто-нибудь придет и сидит молча, ожидая слова от затворницы; а она сидит с четками, опустив голову; просидит так довольно долго и скажет, наконец: «если нет у вас дела, идите». Так и отпустит, не сказав ничего. – «Если б Господу было угодно, – объясняла она, Он дал бы ход моему слову. Теперь оно в поношении и даже в запрещении, гонят и наказывают тех, кто его слушает. Нет мне благословения сообщать его другим; а тем, кто его сам вызывает, кто действительно в нем нуждается, я не имею права не передавать его». Одна сестра, готовясь к исповеди, высказала сокрушение о грехах. На это м. схимница сказала ей: «а ты только теперь, идя к исповеди, вспомнила о своем греховном состоянии? Монах должен постоянно в сердце носить чувство покаяния. Ежеминутно согрешаем умом и сердцем, и постоянно должны в сердце носить сокрушение о своей греховности. Как же мы почувствуем потребность врача, если не будем сознавать своей болезни, как будем искать Спасителя, когда не будем чувствовать своей гибели? Как возможно будет постоянное пребывание в молитве, если нет в душе состояния, из которого бы она постоянно взывала к Господу, к силе Его благодати всеисцеляющей»? Кто с искренностью открывался этой наставнице в своих немощах или страстях, тот всегда чувствовал благотворную силу ее слова. Оно, выражались познавшие на себе эту силу, как войдет в

душу и мрачную, и расстроенную, и изнемогшую, то все в ней осветит, приберет, укрепит, и с новыми силами пойдешь по своему пути. Другие отзывались так: «матушкино слово, как сильный дождь смывает с сердца всю нечистоту». Иногда это слово было строго обличительное, но тем сильнее врачевало, когда принималось с верою.

«Вера, говорила схимница, дает возможность поработать над душою ближнего». Иногда оно бывало и глубоко пронизательное, обнаруживало тайны душевные. Однажды м. Павлина зашла из церкви и сказала: «матушка! Вы, что-то сегодня не были в церкви». – «А ты была? сказала схимница, небось все около своих кухонных горшков ходила умом, да чужие грехи разбирала». Та смутилась, так как действительно ум ее во время церковной службы был занят не молитвою. Посмеясь ее смущению, старица сказала, что «может держать ум не рассеянным в молитве сокрушенное сердце».

Во время затвора болезненное состояние схимницы настолько усилилось, что она не могла ежедневно бывать в церкви и часто большую часть дня лежала на одре. Но и при затворничестве, и при таком болезненном состоянии она не отменяла всегдашнего своего правила служить ближним до крайней возможности. Одна монахиня, вовсе не близкая по духу схимнице, была очень огорчена игуменьей и впала в такое малодушие, что заболела и ничем не могла утешиться. Тогда келейницы ее вспомнили, что слова затворницы, в бытность ее благочинной монастыря, всегда на нее хорошо действовали: поздно вечером они пришли просить матушку посетить болящую и укрепить ее душу. Схимница, хотя согласилась навестить монахиню, но сама не могла идти, по собственной слабости; тогда келейницы привезли салазки, на которых возят дрова, посадили старицу и повезли через весь монастырь. Там она пробыла долго, утешила скорбящую, и так же на салазках ночью обратно ее привезли в келлию.

22 ноября 1863 года умерла игуменья Вирсавия. После первой панихиды все сестры монастыря единодушно обратились к казначее м. Арсению с просьбою принять на себя начальство монастыря и быть им матерью и игуменьей. М.

Арсения, очень огорченная смертью игумении Вирсавии, которую она с молодых лет привыкла уважать, и не желавшая никакой перемены в своей монашеской жизни, просила сестер отложить избрание настоятельницы до погребения умершей игумении и до приезда благочинного монастыря архимандрита Маркеллина. Между тем, старицы-монахини одна за другой стали приходить к м. Ардалионе и просили ее убедить м. Арсению принять должность игумении. Схимница не только по просьбе сестер, но и по своему собственному желанию стала уговаривать свою ученицу принять предлагаемое игуменство. Ученица, беспрекословно послушная воле своей наставницы, только слезами изъясляла перед ней свою скорбь, что ей тяжело расстаться с той безмолвной жизнью, в которой она провела столько лет, и войти в такую деятельность, к какой не лежала ее душа. Схимница Ардалиона говорила ей: «хотя я желаю, чтоб ты исполнила в этом мою волю, но желаю, чтобы ты сама убедилась в необходимости ее исполнить, – чтоб ты с охотой приняла на себя должность, которую предлагают тебе сестры, и к которой призывает тебя Господь; чтоб ты с усердием пожелала послужить обители, воспитавшей тебя в монашеской жизни». И еще так продолжала убеждать наставница: «ты всегда дорожила моим словом, жалела, что его никто не слушает, не принимает, – передай же его всей обители, как я его передала тебе. И для тебя самой, для твоего спасения такая деятельность необходима. С самого поступления в монастырь ты жила уединенной жизнью, работала только над своим внутренним человеком; если и проходила ты послушания, то в них ты не вкладывала сердца своего, тебя там не было, до тебя, значит, ничего не касалось. А тебе нужна такая деятельность, в которой бы приняли участие все чувства твоего сердца, все способности твоей души. Тогда-то откроется тебе воочию состояние твоей души, ты увидишь, что в сердце твоём живут страсти, тебе самой неведомые: и самолюбие, и гордость, и тщеславие, и гнев, и самомнение, все обнаружится. А для человека, стремящегося выйти из страстей, важно именно то, чтоб их познать в себе, чтоб они обнаружились, иначе он и бороться с ними не может. Настоящее твое бесстрастие есть

только равнодушие ко всему, оттого оно не дает тебе теплоты и полноты внутренней жизни, тогда как истинное бесстрашие есть выход из страстей, дающий свободу духу. Чистота сердца не есть его не чувство, но обилие приобретенного добра, уничтожающее в нем сочувствие к страстям. Твои отношения к ближним холодны от того, что они не растворены ни любовью, ни смирением. Ты готова помочь их нужде, отдать все, что имеешь, но в этой помощи нет тебя самой. Когда настоятельная должность введет тебя в тесное общение с другими жизнями, с другими душами, и раскроются пред тобою все скорби, все немощи, все страдания человека, боримого страстями, находящегося в слепоте неведения, и ты не только внешней помощью, но внутренним чувством войдешь в сочувствие к ближнему, удовлетворяя его настоятельные нужды, понеся его немощи, а иногда отстаивая чистоту души его, как собственную, ты будешь вызвана не только научить, но обличить, огорчить, наказать. И, когда скорби ближнего тебе будут больны, как свои, когда сердце твое будет полно жалости и любви, тогда ты можешь опять уединиться, можешь уйти хоть в затвор, – ты понесешь туда с собою любовь к ближнему, и эта любовь будет наполнять собственную твою жизнь, а молитва твоя будет молитвою за весь страждущий род человеческий. Убеждая тебя принять игуменство, не на честь я призываю тебя, а на великий подвиг борьбы и труда над собственной душою и над душами сестер. Для тех, кто трудится для приобретения насущного куска хлеба, весь путь этой борьбы над собою может совершиться около какого-нибудь станка рабочего, но для тебя нужна более обширная деятельность, и вот, Господь тебя призывает к ней. Если ты откажешься вступить на этот путь, то ты откажешься от данного тебе Господом средства в собственному очищению, и от пути, ведущего тебя к совершенству. Эти годы уединенного безмолвия, эта жизнь со мною, эти постоянные беседы духовные не были ли посланы тебе, как приготовления к готовившемуся тебе подвигу. И можешь ли ты теперь, имеешь ли право отказываться вступить на новый подвиг труда и борьбы?»

Убежденная такими доводами старицы м. Арсения с душно, полною готовности к новому подвигу, приняла предложенную ей должность. 4 января 1864 года она была поставлена на игуменство архиепископом Иоанном в городе Новочеркасске, куда была вызвана для этого. Схимонахиня Ардалиона, чтобы облегчить для своей почти единственной ближайшей ученицы первые шаги на новом поприще, на время оставила свое безмолвие и вошла в дела монастыря, особенно по внутреннему строю его жизни. Часто она призывала к себе новую казначею м. Валерию, благочинную и других сестер, поставленных над разными послушаниями, беседовала с ними, указывая им на правильное отношение к порученным им делам и знакомя с характером новой игумении; даже иногда приглашала к себе и священников и диакона монастырских для таких бесед, относительно чего говорила, что теперь надо всех приобретать, чтоб все жили и действовали в одном духе. Келейниц своих, к которым присоединились м. Павлина и м. Митрофания, оставившие свои собственные келлии, чтоб быть около схимницы и новой игумении, старица Ардалиона учила общительности, которой они были чужды. «Вы были келейницы схимницы, теперь вы келейницы игуменьи, – говорила она им, – вам надо всех привлекать своей лаской, всех, приходящих к матери, ободрять своим веселым видом, чтоб все шли к ней с доверием и любовью». И сама подавала пример такой общительности: заставляли поить чаем приходящих сестер, ободряла их несмелость Настоятельница же никогда не руководила в ее действиях, предоставляя ей полную свободу и личное усмотрение; даже уклонялась от советов, говоря ей: «не бойся ошибок, они больше всего вразумляют».

Когда жизнь монастыря под управлением новой игумении потекла обычным порядком, и м. Арсения применилась несколько к своему положению, схимонахиня Ардалиона опять пожелала уединиться. К Великому посту 1864 года для нее убрали маленькую келейку, всю стену этой келейки уставили иконами, увесили лампадами, и в этом уединенном уголке затворница почувствовала возжеланный покой, опять вся сосредоточилась в самой себе. Пища и все необходимое

доставляемо было из игуменских келлий. В качестве келейницы в эту келейку к затворнице перешла м. Рипсимия. Эта послушница с таким почтительным страхом относилась к своей старице, что без зова ее никогда не осмеливалась входить к ней. Потому случалось, когда игуменья зайдет вечером и узнает, что матушке не был подан обед, начнет упрекать Рипсимию, почему не спросила; матушка же говорила на это: «я и забыла, что не обедала, так рада, что про меня хоть день один забыли, дали мне покой». Иногда затворница целый день не отворит оконных ставней, сидит, или по нездоровью лежит в полумраке, занятая умной молитвою.

Но строгий и долговременный затвор не был уделом м. Ардалионы: вскоре она должна была опять расстаться с ним. Ее духовная дочь не могла скоро привыкнуть к самостоятельной общественной деятельности. Часто какой-нибудь выговор виновной сестре или высказанное замечание повергали игуменью Арсению в тяжкий недуг: с нею делались жар с бредом и мучительная бессонница. Видя такое страдательное состояние, одна из ее келейниц, м. Митрофания, пошла к схимонахине Ардалионе и все ей передала подробно со слезами. Затворница, выслушав такую печальную повесть, ничего не отвечая, встала, помолилась на свои иконы и сказала: «ну, води меня к матери, пойду к ней жить». Со слезами радости встретила игуменья Арсения свою духовную мать; она отдала ей свою спальню с смежными комнатами, а сама поместилась в своем кабинете. Это было в мае 1864 года.

Поселясь в соседстве с игуменьей для ее нравственной поддержки, схимонахиня Ардалиона считала такую жизнь временным переходом и постоянно стремилась к уединению. Часто, задумавшись, она повторяла антифон: «пустынным непрестанное божественное желание бывает, мира сущих суетного кроме». Прошло несколько дней, она стала говорить игумении: «отпусти меня в затвор». В объяснение ее и своего положения высказывалась следующим образом: «ты привыкла жить под началом, тебе страшно жить самостоятельною жизнью, но это для тебя необходимо. Жизнь земная – это путь к вечности, зачем же делать остановки по пути. Нужна была для

тебя подначальная жизнь, уединение, и оно было в свое время; теперь у тебя другая деятельность, и тебе надо идти дальше. Все хорошо в свое время и на своем месте, а не вовремя – и самое хорошее вредно. Такое-то оно, человеческое добро: то, что вчера нас спасало, сегодня губит. Одно добро Божие вечно, неизменно, всегда истинно и неложно; оно-то одно и спасет нас. Не дорожи же своим добром (т. е. привязанностью к уединению и к подначальной жизни), отрекайся от него, когда предстоит исполнить заповедь Божию о любви к ближнему, когда ты призвана ему послужить, поработать для спасения. Ты не можешь свободно действовать в том мире, где ты видишь, что меня уже нет, потому что боишься отклониться от меня и моей жизни; а я вижу, что, хотя поддерживаю твой дух, но жить тебе мешаю. А что мешает нам на пути, от того надо отречься, хотя это будет единомышленный друг или даже наставник. Не знаю, к чему Господь меня призывает: к затвору или к исходу из земной жизни, но только я чувствую непреодолимое влечение к жизни, вполне отрешенной от вещественного». Последние слова духовная мать неоднократно повторяла своей дочери. Наконец, она определенно высказала желание уединиться: «мне пришло желание жить в монастырском большом саду, сказала она; если ты меняпустишь и благословишь, то я попрошу сестру твою А. М., чтоб она выстроила мне там келлию. Тебя одну я буду принимать, когда встретится тебе духовная нужда, и ты поймешь, как будет для тебя полезен и дорог отдых в моей безмолвной келлии». Находя, что жительство в саду будет полезно для расстроенного здоровья м. Ардалионы, игуменья Арсения склонилась на ее неперемное желание и тотчас же написала письмо своей сестре о постройке келлии для схимницы, так как не хотела употреблять на этот предмет монастырских средств, всегда недостаточных для самых существенных нужд монастыря. А. М. с радостью прислала денег на келлию. Началась заготовка материалов, и скоро приступлено было к самой постройке. Между тем здоровье схимницы с каждым днем ослабевало; с трудом она могла перейти через комнату, а, если пройдет две, три, то почувствует изнеможение до обморока. – Такая болезненность была

предвестницей другого перехода, для которого душа подвижницы готовилась, и как горлица, утратившая свое пристанище, не находила более себе приюта в земной юдоли. Самая речь ее изливалась, как песнь на этом исходе. Вот как старица беседовала к ученице игумении, когда та в последних числах июля вошла к ней и застала ее, читавшей акафист страстям Христовым и проливавшую обильные слезы. – По окончании молитвенного чтения лицо ее было светло, весь стан выражал глубокое спокойствие, и она стала с воодушевлением говорить о великих благодеяниях Божиих, явленных всему миру и каждой душе: «душа, умершая для всего земного и живущая в едином Боге, бывает в таком состоянии, как преданный и верный раб, живя в богатом имении своего господина, хотя не участник его доходов, но на все смотрит, как на собственное, и радуется богатству и славе своего господина, как собственным, радуется им и хвалится его достоянием. Так и душа видит весь мир, как Божий дом, видит премудрые пути Божии, Его силу, действующую в мире, Его любовь, постоянно являемую твари; видит самую тварь, как Божие достояние, и в этом богатом имении своего Господа она, как верная раба, ничего не имеющая, радуется за все, как за свое собственное, как будто она всем обладает, и постоянно говорит: как велик мой Господь, как Он славен? – И блаженство ее так велико, что она не видит непостоянства времени, – оно для нее пребывает неподвижно, у нее нет ни прошедшего, ни будущего, одна настоящая минута, как бы она тяжела ни была по обстоятельствам внешней жизни, или по естественной немощи души или тела, но эта настоящая минута для нее составляет все блаженство, потому что она живет в доме Божием. Она не чувствует времени, потому что уже вышла из временного, жизнь ее не заключается в преходящем, но в вечном. Это состояние настолько удовлетворительно для души, настолько блаженно, что, если бы Господу угодно было навсегда ее оставить на земле, в трудах жизни, оставить именно в том состоянии, в какое она пришла, то она была бы на это согласна. Но по соображению, мне кажется, что такая душа уже не долго останется на земле;

земной подвиг ее уже окончен, и она с апостолом Павлом должна сказать: «время моего отшествия наста».

1-го августа схимонахиня Ардалиона была в церкви. Придя от вечерни, она сказала игумении, что чувствует себя нехорошо и желала бы посидеть на воздухе. Обе вышли в садик, находящийся подле игуменского дома и прилегающий к бывшей келлии монахини Арсени; около этой келлии в тени деревьев сели и много беседовали, вспоминая прошедшую жизнь. Когда разговор коснулся стремления к единой цели – общению со Христом, – стремления, проходящего через все пропасти страстей своих, чрез всю внешность житейских обстоятельств, матушка сказала: «соединиться с Ним не подражанием (не подобием), как равный с равным, но причастием, как тьма со светом, как болезнь с врачевством, как нищий с богатым...; для того нужна смерть собственной самости, чтоб жить со Христом в Боге. *Не ктому, говорит Апостол, живу аз, но живет во мне Христос.* Не уничтожается наша личность, но, умирая телом, воскресает духовно во Христе. И, как прежде она жила для себя и себя делала целью жизни, к себе все направляла, собою все освещала, так теперь Христос стал жизнью ее души, душою ее жизни. Единственным делом такой души становится молитва, – ею она живет и дышит. Какие чудеса угодно Господу являть такой душе и через нее же миру, это Ему одному известно. Сама же душа ничего больше не желает, это предел ее исканий, – отселе ждет смерти, чтоб разрешиться и со Христом быть. В будущей жизни совершенство, а в этом несовершенном мире и самое совершенство несовершенно. Здесь Христос как врачевание немощи, там Христос как венец совершенства». В этой беседе они не заметили, как село солнце; наступившая прохлада ночи заставила их вернуться в келлию.

В течение десяти последующих дней схимница страдала серьезною болезнью: лихорадочный озноб сменялся сильным жаром, и чувствовалась сильная головная боль. Но врача она не пожелала пригласить, говоря, что доктора ей никогда не помогали в ее болезнях, а теперь – тем более, когда в теле не осталось больше сил для жизни. Постоянно стала говорить о смерти, но окружающие не принимали этого во внимание, видя

больную всегда бодрю духом. Хотя она лежала в жару, но не прерывала умной молитвы; иногда заставляла прочитать повечерие или какой акафист и выслушивала со вниманием. 10 числа игумения Арсения, беседуя с болящей старицей, старалась навести разговор опять на тот же предмет, о котором они говорили в саду. Схимонахиня так продолжала его: *«Господь сказал, аще зерно пшеничное, пад на землю, не умрет, то едино пребывает, егда же умрет, мног плод сотворит.* Эти слова Господь сказал о Себе Самом, и на Нем они совершились. Господь принял на Себя человечество, и, когда Он по человечеству пострадал, умер и воскрес, то прославился, сядя одесную Бога Отца, и с тех пор страдания Его стали приносить обильные плоды духовные. Так же исполняется это слово в духовной жизни человека. Пока живет он самостью, в своих человеческих страстях, то не приносит он плода добродетели, когда же самость его распнется на кресте самоотвержения, и умирает совершенным самоотречением, и когда воскреснет душа во Христе, и сбывается на ней слово: *Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим;* тогда душа не живет уже своею жизнью, но Господь живет и действует в ней и чрез нее, как чрез какое орудие Своей благодати, действует на мир. Ум, умерший своему мудрованию, становится проводником таин Божиих, ему открывается видение судов Божиих и Его всесвятой воли, сердце, умертвившее в себе свою самость, делается жилищем божественного добра; усвоением Его всесвятых заповедей, дух человека приобщается Духу Христову. И когда Христос живет в душе, то какого добра не в силах Он плодотворить, и какие чудеса не явит Он душе? А душа, свидетельница этих чудес, этой силы, действующей в ней, в благоговейном трепете будет благодарить Его за то, что Он в великом и премудром совете Своем так определил, что она получает свое совершенство в Нем, а не в себе самой. И радоваться будет душа своей немощи! И захочет ли такая душа показать себя чем-то великим пред людьми? Напротив, она хочет, чтобы все видели ее немощь, ее низость, ее убожество и ничтожество. Она на деле, в себе самой проповедует эту недостаточность человека. Она даже не может взять на себя

никакого личного человеческого добра, потому что жизнь ее в Истинном Добре, перед Которым уничтожается ее самость. Смирение – это та земля, на которую зерно должно упасть, чтобы умереть, – умереть, чтобы ожить во Христе и оплодотвориться Духом. Если же оно не умрет, то едино пребывает, едино в своем несовершенстве человеческом, не приобщенное Христу». Окончив беседу, схимница опять, лежа на койке, безмолвствовала, погруженная в умную молитву. Пищи почти не употребляла, довольствовалась одним питьем. Беседуя на другой день, матушка говорила: «страсти не потому только дурны, что они мучат душу, но больше потому, что не дают душе приобщиться блаженства – единения со Христом. Если бы ты вполне могла понять блаженство духовной свободы, ты не заключала бы себя никогда. Ты не считаешь пленом чувство, в котором не подозреваешь страсть; и я тоже не подозреваю ее, но знаю, что не на этом чувстве должна успокоиться и остановиться душа: ее покой – один Бог. И, если так, то самое добро не предел ее стремлений. И, чем благовиднее остановки, тем она опаснее. Одно должна знать душа, что только в Боге ее покой и предел исканий. Поэтому она должна выйти в совершенную свободу, не только от страстей, но и от своих чувств, – в свободу от всего временного, от всего, что дано только для науки, для приобретения, и войти в Бога. Такая свобода есть младенчество души, неведение зла. В такой свободе душа присуща всему человеческому, но ничему не подчинена, живет жизнью всего мира, ничем не гнушается, ничего не уничтожает, ничего не исключает из общей жизни как зло, как дурное, но сама ничем не связана, ни в чем не заключена, но всему прикасается, все объемлет, все носит, все вмещает, но никогда не останавливается, ничем не объемлется. Этого мало, что она беспристрастна, – в беспристрастии есть тоже, своего рода, односторонность, – она умерла для своей жизни, она вышла в свободу из себя самой, она заключила Бога в себе, остановившись на каком-нибудь конечном совершенстве, но сама заключилась в Боге вечном. И то, что в ней живет, и то, что везде действует, и то, что все объемлет, – это Христос, Который стал полнотой ее сердца, жизнью ее

души, руководителем ее ума; мало этого: Он стал сердцем сердца, душою души, умом ума. К такому состоянию приводит свобода от всего человеческого. Вот для чего даны все заповеди, дано все руководство закона и самая земная жизнь». Это была последняя беседа схимонахини Ардалионы с игуменьей Арсенией.

12 августа родитель игумении Арсении прислал экипаж и лошадей, прося дочь приехать в деревню (за 80 верст от монастыря) погостить вместе с другими детьми его, которые все собрались к нему; недоставало только ее одной. Арсения не хотела ехать, по случаю болезни матушки схимницы и думала отослать экипаж назад; но матушка уговорила ее не отсылать экипаж, а условились дождаться утра: если на утро больной будет хуже, то игуменья не поедет. На другой день утром игумения Арсения входит к схимонахине Ардалионе и застаёт ее одетой и сидящей в кресле. «Сегодня мое здоровье несравненно лучше, говорит матушка, я буду уже выздоравливать, и тебе нет никакой причины огорчать своего отца отказом приехать на его зов». Напомнила ей про любовь ее отца, отдавшего всю жизнь свою детям и воспитавшего их в благочестии, что такого отца следует не только любить и почитать, но и утешать, и привела в пример, какую Господь Иисус Христос показал заботливость о Своей Пречистой Матери, когда, страдая на кресте, вручил Ее Своему любимому ученику. «А, если б мне и случилось умереть без тебя, то какая же беда? Если Богу будет угодно, увидимся на том свете; а здесь мое дело около тебя все сделано. Все, что открыл мне Господь, не скрыла и я от тебя, все свои духовные понятия я передала тебе от альфы до омеги, и с собою ничего не унесу в могилу». Проводив игуменью, больная старица вышла в другую комнату и, совсем прощаясь, сказала: «Бог, да благословит тебя, и мы с тобою больше не увидимся». Но эти слова ни на игуменью, ни на кого из окружавших не произвели должного впечатления, так как все были далеки от мысли о смерти любимой и обожаемой матери, и тем более, что матушка схимница в последние месяцы всем твердила о своей смерти; еще с кончины игумении Вирсавии сказала она: «теперь пора и

мне умирать, теперь все мои скорби окончились, и на земле нечего мне больше делать».

В эти дни игумения и все сестры монастыря говели и готовились приобщаться Св. Таин в день Успения Божией Матери. Игумения, уезжая, сказала, чтобы сестры причащались без нее, а матушку схимницу просила подождать и говорила: «когда приеду, тогда мы вместе приобщимся Св. Таин». Матушка, чтоб успокоить ее, обещала дождаться. Проводивши игумению, она легла на койку, и в тот день к вечеру с ней сделался сильный жар, не прекращавшийся до самой кончины. В последние дни свои больная ни с кем не говорила, односложно отвечала на вопросы келейницы; пищи совсем не употребляла. Келейницам благословила причащаться, «а я, сказала, дождусь матери, когда приедет, то сама всем распорядится». 16-го числа м. Рипсимия и м. Викторина, бывшие при ней неотлучно, видя, что она слабеет, предложили ей приобщиться Св. Таин. «Да, я готовлюсь», сказала она. Ночью м. Рипсимия, сидя около умирающей, плача, говорила: «как мы будем жить, когда тебя с нами не будет?» – «У вас останется мать, ответила, она вас может поддержать и руководить; вот, у нее без меня во всем мире не будет человека, которому бы она могла открыть свою душу, кто укрепил бы ее дух, направил бы ее дальнейшие шаги».

17 числа больная ждала весь день приезда игумении и часто спрашивала: «не приехала ли Арсения». Когда к вечеру поспешно вошла в ее комнату послушница Агафья, то больная порывисто спросила: «что там, Арсения приехала»? Но, когда узнала, что ее нет, и ожидать уже нельзя было по времени (был 8-й час вечера), то велела позвать к себе священника. Отец Григорий Прозоровский исповедал умирающую; потом свидетельствовал, что после этой исповеди почувствовал такую свободу и легкость на душе, какую редко чувствовал при собственной исповеди. Когда духовник пошел в церковь за Св. Дарами, Викторина спросила: «Матушка! Вы желаете приобщиться?» – «Да, был ответ, надо все кончить». Приобщившись Св. Таин, она легла на изголовье одра... Священник стал читать молитву на исход души и кончил

возглашением вечной памяти усопшей рабе Божией, новопреставленной схимонахине Ардалионе. Лицо почившей сделалось светлое, в чертах его отпечатлелся мир душевный. Кончина совершилась 1864 года 17-го августа в 10 часов вечера. На другой день тело почившей было предано земле; так распорядилась казначея м. Флавиана в той мысли, что для игумении будет легче не присутствовать при погребении. 19-го числа приехала в обитель игумения. Погоревала она с прочими близкими сестрами, что погребение совершилось в ее отсутствие, и самое место могилы ей весьма не нравилось, так что, если бы она сама погребала, то никак не выбрала бы это место. Но это-то последнее обстоятельство, быть может, и было действием особого Промысла Божия, для чего состоялось оно в отсутствие игумении, как это она увидела впоследствии.

В 1874 году была снята маленькая церковь Апостолов Петра и Павла, около которой была погребена схимница, и на месте ее заложен был большой храм во имя Казанской Божией Матери с приделом Апостолов. Размечая с архитектором место для нового храма, игумения Арсения была приятно изумлена и обрадована, что могила схимонахини Ардалионы пришлась под церковью в подвальном этаже, на одном из самых лучших мест. Вместе с мраморными колоннами, которые выписывались для нового храма из Петербурга, был привезен на могилу памятник-плита серого мрамора с надписью, обозначающей время кончины схимонахини Ардалионы. Памятник этот сооружен усердием учениц великой старицы, именно: игуменией Арсенией, схимонахиней Пафнутией (бывшей Рипсимией) м. Митрофанией, м. Викториной, м. Агнией и м. Флавианой, которые все вложили в него свои лепты.

Блаженной памяти схимонахиня Ардалиона при жизни принимала к себе многих из простого народа, которые с верою в ее молитвы приходили издалека, чтобы попросить у нее совета или получить облегчение в своих недугах. Таких приходящих она всегда с любовью назидала, недужным указывала на молитвы Церкви, заставляла часто отслужить молебен Божией Матери, а иногда сама читала над ними Св. Евангелие. По кончине ее, вера простых людей была такова, что многие

болящие, приходя в обитель искали ее заgrabной помощи и просили возлагать на них ее схиму. Некоторые из родных игумении Арсении, принадлежащие к лучшим фамилиям войска Донского, сохранили о ней воспоминания, исполненные истинного уважения; и родная сестра игумении А. М. Маржанова в течение более 20 лет, бывая в монастыре, всегда служила на ее могиле панихиды. Сама игумения Арсения в тяжелые минуты жизни приходила поверять этой безмолвной могиле свои недоумения и печали: тогда, говорила она, из глубины ее собственного сердца возникала мысль, отвечающая на ее душевные вопросы, и она верила, что то влагала в сердце ее заgrabная молитвенница...

Часто упоминаемая в сем жизнеописании послушница Рипсимия, в мире Параскева Багрова, вскоре по кончине своей старицы была пострижена в монашество, и потом в великую схиму, в которой наречена Пафнутией. Для усовершення себя в духовной жизни схимница Пафнутия пожелала поселиться на безмолвие в той келлии, которая была устроена в монастырском саду и предназначалась для старицы Ардалионы; с благословения игумении Арсении она пошла в эту уединенную келлию. Шесть лет провела она в подвиге поста и молитвы в этом затворе, подвергаясь непрестанно искушениям от демонов, которые явно нападали на подвижницу и заставляли испытывать все ужасы отшельнического единоборства с духами злобы. Наконец, ослабленная телесными силами от постоянного и усиленного подвига, затворница Пафнутия была переведена из этой келлии в другую, устроенную внутри монастыря, где и скончалась мирно в 1878 году, марта 30 дня, на 67 ищущу жизни, окруженная единомысленными сестрами, с которыми вместе провела годы послушничества своего при старице Ардалионе²⁸.

Матрона Наумовна Попова, основательница первого странноприимного дома в городе Задонске

(Память 17 августа).

Матрона Наумовна Попова родилась в 1769 году. Отец ее был заштатный дьячок при церкви свв. мучеников Космы и Дамиана, в подгородной слободе Ламской, города Ельца, Орловской губернии. Этот дьячок с горем и нуждою пропитывал жену и четверых детей. По смерти его, осиротевшее семейство дошло до крайней нищеты.

Вот как сама Матрона рассказывала об этом. «После смерти моего отца, которого я не помню, нас осталось при матери четверо: два брата, из которых один был неподвижно больной от рождения, я и старшая сестра Ирина 12 лет. Много горя мы испытали вместе с матушкой нашей. Заботы и хлопоты о нашем воспитании нередко лишали ее сна и пищи. Безвыходная бедность заставила ее, вопреки материнскому чувству, отдать одного своего сына некоему зажиточному мужичку в приемыши, оставив нас троих при себе. Но и мы недолго утешались нежною любовью и попечениями нашей доброй матери: горе и нужда подорвали ее силы, и она сильно занемогла грудью, слегла в постель и затем, напутствованная христианскими таинствами, тихо и мирно перешла в вечность, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание. В то время старшая сестра моя была уже замужем за одним бедным мещанином елецким и жила в городе Ельце. Оставшись семи лет, вдвоем с неподвижно больным братом 12-летним Карпом в родительской хижине, я должна была, несмотря на свой юный возраст, промышлять как о себе, так и о своем убогом брате: именем Христовым и посильными трудами добывала дневное пропитание. Бывало, сидишь у окна своей хижины и только увидишь женщин, идущих на реку Сосну мыть белье, тотчас схватишь свой вальчишко и побежишь к ним с предложением

услуг помочь в мытье белья. Некоторые из поселянок, более сострадательные, бывало, за мою услужливость пригласят к себе в дом, накормят и на прощанье дадут еще кусок хлеба, с которым я возвращалась к голодавшему моему брату. Таким образом, прожила я три года. Затем последовала смерть моего брата. Со смертью брата, хотя я и освободилась от излишних забот, но не избавилась от трудов, потому что знала, что кроме труда мне надеяться было не на что, и потому старалась угодить всем и каждому, и готова была на всякую работу. Если какие матери желали свободно заняться полевыми или домашними работами, или доставить себе лишний час покоя и не мучиться с крикливыми своими детьми, то, обыкновенно, приглашали меня, и я оставалась дневною или ночью сиделкой при колыбелях беспокойных малюток».

По соседству с убогой хижинкой умершего причетника жил зажиточный, но бездетный крестьянин Абрамов. Ему часто приходилось слышать горький плач оставленной сироты малютки и задумываться над ее безотрадным положением. К тому же лишение собственных детей, при достаточном состоянии, наводило его на мысль: взять сироту к себе в дом, вместо дочери. Со времени поступления Матроны в дом сердобольного крестьянина, Господь благословил его своими детьми, которых дотоле у него не было; но, вместе с тем, начались для горькой сироты новые испытания. С того времени в семействе Абрамова запрещали ей называть отцом и матерью своих благодетелей, потому что право произносить эти имена, приятные для признательного сердца, перешло уже к родным детям. Чуждая в кругу семейства своих воспитателей, Матрона, при только что начавшемся развитии сил, должна была заменять здесь няню и работницу, чтобы только не лишиться верного куса хлеба и теплого приюта. Хозяйство же у Абрамовых, нужно сказать, было немалое: на не успевшую еще окрепнуть девочку возложен был присмотр за детьми, скотом и птицей, топка печей, стирка белья и проч. При помощи Божией всюду и везде она успевала одна. И, кроме того, она не освобождалась и от полевых работ. Если же когда и выпадало ей свободное время среди хозяйственных занятий, то и тогда

трудолюбивая Матрона, избегая праздности, обыкновенно, садилась уже для себя прясть волну, либо ткать холст. Поэтому ей чужды были детские игры и гулянья, от участия в которых, кроме домашней суеты, удерживала ее даже в праздники самая бедность ее наряда, ограничивавшегося только лаптями да простым набойчатым платьем.

Природа наделила Матрону Наумовну весьма привлекательной наружностью; но еще более украшали ее добрые качества душевные: целомудренная скромность и кротость характера, рассудительность и благодушие во всем. Многие молодые люди из граждан Елецких, несмотря на ее бесприданность, изъявляли желание вступить с нею в законное супружество. Но девственное сердце ее чуждо было земных притязаний: оно горело неизменною любовью к небесному Жениху Христу, и потому, предпочитая девство браку, Матрона раз навсегда отказалась от лестных предложений богатых женихов. Ее нравственность поддерживалась советами известной строгой подвижнической жизнью затворницы Мелании. Мелания, сердечно полюбив сироту, старалась, при каждом с нею свидании, утешать ее и наставлять на путь, ведущий в живот вечный.

Матрона до конца жизни хранила глубокое уважение и преданность к своей доброй наставнице, раскрывала ей свою душу и ничего не предпринимала без ее советов, в которых видела, как бы, руку Божию, ведущую ее ко спасению. Мелания, почему-то отклонив желание ее монашеской жизни, советовала прежде сходить в Задонск и там помолиться пред чудотворной Владимирской иконой Богоматери и Угоднику Божию св. Тихону, уверяя, что молитва лучше решит вопрос о последующей судьбе.

По возвращении из Задонска в дом воспитателей, жизнь Матроны пошла обычным порядком: она по-прежнему принялись за работы и так же делилась мыслями со своей доброй наставницей, которая от души была рада благополучному ее возвращению. Так протекли осень и зима. Но с наступлением 1795 г. здоровье Матроны видимо начало изменяться: она стала жаловаться на боль головы, казалась

задумчивой и, наконец, в ней обнаружили признаки истерической болезни. Это случилось так: однажды отправилась Матрона Наумовна к замужней сестре своей сновать холст, и лишь только дошла до двора, вдруг почувствовала необыкновенный шум в голове: ей стало дурно, и она без чувств упала на землю. Заботливая сестра не без смущения увидела валявшуюся у ворот Матрону и, с помощью мужа, поспешно внесла больную в дом, и осторожно уложила в постель, где в беспамятстве и пробыла она целые сутки. Когда же пришла в себя, то крайне удивилась, увидев на себе платье и рубашку изорванные, и чувствовала жестокую боль во всем теле. С тех пор Матрону трудно было узнать: она так изменилась, что из прежней свежей и подвижной девушки представлялась уже страшно исхудалою, медлительною и задумчивою. Подобные припадки с ней время от времени усиливались. После сего, чувствуя слабость и неспособность к домашним работам, и не желая быть в тягость своим благотворителям, Матрона просила отпустить ее совсем.

Воспитатели и не старались удерживать свою питомицу, как более ненужную; но, отпуская, положительно ей не дали ничего, кроме необходимого платья, остававшегося на ней. И несчастная девушка, проработав у Абрамовых целых пятнадцать лет за одно «спасибо», с той же наследственной бедностью и расстроенным здоровьем перешла на жительство в дом сестры своей, тоже крайне бедной. Болезненные припадки повторялись все чаще и чаще, а потому, многие в Ельце стали считать ее совершенно обезумевшею, потому что видели ее нередко бегавшей почти нагишом по улицам города. Но всевидящий Бог, проникающий в самые глубины сердечные, явил Свое милосердие над недугующей чудесным исцелением ее от болезни, в которой находилась она три года. Это совершилось таким образом.

Старшая сестра Матроны Наумовны слыла в околотке своем за женщину набожную и рассудительную. Имея в виду чудесные исцеления, во множестве совершавшиеся по молитвенному обращению к святителю Тихону Задонскому она решилась с твердою верою обратиться к св. угоднику Божию и

просить у него благодатной помощи страждущей сестре, для которой уже земные лекарства были бессильны. С этой целью обе они отправились весною в Задонск. Здесь, помолившись со слезами пред чудотворным образом Пресвятой Девы, они потом просили отслужить им панихиду по святителю Тихону, на месте его погребения в усыпальнице. По окончании панихиды, с верою на предстательство святителя Тихона, больная приложилась к надгробию его и выпила масла из теплившейся над могилою лампы. И молитва веры, вознесенная от чистого сердца, была услышана. Больная тогда же почувствовала в себе большую перемену к лучшему.

Пробыв двое суток в Задонске, они возвратились в Елец. С этих пор Матрона чувствовала себя много лучше, сравнительно с прежним: с нею, хотя повторялись припадки, но реже, без малейших, притом, конвульсий и были непродолжительны. Так еще прошло с год времени. Конечно, много потребно было со стороны страдальцы терпения для несения креста, посланного ей Богом.

С течением времени, по милости Божией, Матрона Наумовна более и более освобождалась от угнетавшей ее болезни и, желая посвятить себя Богу, снова решилась просить у Мелании благословения на поступление в Знаменский девичий Елецкий монастырь. Но дальновидная старица, не прерывавшая своего искреннего расположения к бедной девушке, и на этот раз, как бы в духе пророческом, сказала следующее: «нет тебе Божьего благословения. Матрюща, поступать в монастырь. Ступай-ка лучше в Задонск... Там будешь принимать странных, питать сирот! Не сомневайся, Матрюща, но веруй... Святитель Тихон поможет тебе во всем... Правда, тебя теперь никто не знает там; но Бог устроит так, что про тебя узнают и в Москве, и за Москвой... Ты заживешь там в каменных палатах. Повторяю, – не сомневайся, но молись и веруй».

Матрона Наумовна, действительно, решилась идти в Задонск, чтобы снова помолиться у гроба угодника Божия святителя Тихона; ее к тому побуждали как глубокое чувство благодарности за избавление от ужасной болезни, так и совет

благочестивой ее наставницы, и чудесный призыв двух благолепных старцев, незадолго пред сим виденных ею во сне.

И вот, наконец, в числе богомольцев пришла она в Задонск, как некая странница, о которой не знали, кто она, откуда, с кем пришла, куда и когда пойдет обратно. На вид казалось ей не больше 30 лет, но чрезмерная бледность лица и заметное изнурение сил изобличали болезненное состояние, а ветхое рубище ясно указывало на ее нищету. Однако пришелица-нищая не жаловалась на свое положение и не просила себе милостыни, а только молилась, почти неотлучно находясь то в церкви, то в пещере, где почивали мощи угодника Божия. Припадая к гробнице святителя Тихона, она со слезами на глазах, в простоте сердца взывала к нему вслух: «ты меня исцелил, угодник Божий, ты и не оставь меня, беспомощную сироту, в последующих путях моей жизни. Не отойду от тебя, благодетель мой!».

Старцы Задонской обители, обратив внимание на благочестие и убожество неизвестной пришелицы, приняли в ней некоторое участие и узнали, что отец ее был дьячком в подгородной слободе Ламской г. Ельца и что бесприютная сирота пришла с нищими в Задонск излить чувство глубокой благодарности угоднику Божию за избавление ее от ужасного недуга, где и осталась, вверив себя покровительству Божией Матери и святителя Тихона. Не имея пристанища, она часто вынуждена была проводить под открытым небом не только знойные и ненастные дни, но и ночи, а когда случалось, что по причине болезненных припадков, все еще изредка повторявшихся с нею, находили ее без чувств на улице, то полицейские солдаты отвозили ее в тюрьму (так как тогда не было еще в Задонске ни больницы, ни странноприимного дома). Отсюда, как только ей возвращали свободу, она снова шла в монастырь и пребывала там в обычной молитве и слезах.

Господь расположил к ней сердца двух известных в обители по строгости жизни иеромонахов Анатолия и Илария, христианское участие и слово назидания которых благотворно влияли на всю последующую жизнь будущей странноприимицы и кормильницы бедных. Узнав все подробности о судьбе

бедной девушки, не имевшей здесь ни приюта, ни верного куска хлеба, и желая оказать ей помощь, они убедили одну сердобольную гражданку дать ей у себя пристанище. Успокоенная в доме новой благодетельницы и обеспеченная в ежедневном пропитании, Матрона Наумовна и сама старалась быть, по мере возможности, полезной ближним. Всякий раз, возвращаясь из монастыря, она приводила с собою двух или трех странников, успокаивала их, предлагала им пищу, которую старцы носили ей из обители, а сама довольствовалась остатками от трапезы гостей своих.

Странноприимство ее сделалось вскоре известно, тем более, что иногда она принимала к себе болящих и усердно ухаживала за ними. Любовь ее к богоугодному делу поддерживалась советами и материальной помощью старцев Анатолия и Илария, в тишине и безмолвии подвизавшихся в благочестии; они были первыми начинателями святого дела христианской благотворительности, избрав орудием эту беспомощную девушку.

Когда, таким образом, доброе дело начало увенчиваться счастливым успехом и принимало большие и большие размеры, когда бедные странники, приходившие в Задонск, стили называть Матрону Наумовну своей матушкой-кормилицей, а некоторые жители города и окрестностей – способствовать ей своими подаяниями, встретилось ей препятствие там, «где менее всего можно было ожидать», – в самом, приютившем ее, доме. Хозяйка этого дома, позавидовав возникающей известности своей проживалки, стала всячески притеснять ее. Добродушные старцы, желая поддержать странноприимство, продолжавшееся уже более трех лет с половиною, решились купить для Матроны Наумовны особую небольшую келлию и в ней все необходимое.

И вот, нищая пришелица, крепко уповавшая на Бога, совсем неожиданно стала иметь свою собственность, которой радовалась словно каменным палатам, несмотря на то, что келлия куплена за 12 рублей ассигнациями. Хотя келлия была небольшая, и в ней могли поместиться только 5 или 6 человек,

то, как скоро одни выходили, Матрона Наумовна принимала других.

Но немало и скорбей пришлось вытерпеть Матроне Наумовне со стороны светского начальства, почему-то враждебно смотревшего на ее действия. Так, однажды пришел к ней в келлию городничий (по фамилии Гараче) и начал прямо кричать: «ты что, тут живешь? – Около монахинь наживаешься... Без разговоров – в тюрьму». Это неожиданное обстоятельство убийственно подействовало на здоровье рабы Божией: она сделалась как бы помешанной. Солдаты, повинаясь приказу начальника, взяли с собою девушку и повели в острог. Ноги несчастной подламывались, и она в беспамятстве что-то высказывала резко в свое оправдание... От этого еще больше рассердился, шедший сзади, городничий и в запальчивости приказал солдатам бить палками невинную страдальцу, приговаривая: «не блажничай!.. не блажничай!» ...

Пробыв в остроге сутки, на другой день Матрона была выпущена на свободу по просьбе старцев Анатолия и Илария. Она отправилась в Елец, где, при содействии сестры своей, скоро выхлопотала себе бессрочное свидетельство, с которым вернулась в Задонск и явилась к городничему. Он посмотрел на ее бумагу и ласково сказал: «вот, теперь живи здесь; я знаю, чья ты и откуда, но только хорошенько живи, а то не посмотрю и на бумагу: тотчас выгоню вон из города» ...

И много таких неприятностей приходилось переносить Матроне Наумовне, но она, при содействии благодати Божией, встречала их радостно и переносила великодушно.

Спустя несколько времени после этого обстоятельства, в 1822 году один за другим почил сном праведных благочестивые старцы Анатолий и Иларий, и тысячи скорбных сердец вознесли горячую молитву к Богу о упокоении с праведными душ сих подвижников, при жизни посвящавших свои нескудные средства пользе ближним. Узнав о кончине своих благодетелей и наставников, Матрона Наумовна залилась горькими слезами. Сердце ее раздиралось скорбью и о себе, и о подобных ей, также пользовавшихся благотворениями почивших о Господе.

Благочестивые и благоговейные иеромонахи Анатолий и Иларий, оба происходили из купеческой фамилии города Ливень, Орловской губернии; отличались смирением, нестяжательностью и делами христианского милосердия. Они духовно воспитывались под руководством добродетельного и опытного в духовной жизни старца, общего духовника братского, иеромонаха Павла, бывшего любимым учеником схимонаха Митрофана, друга и сподвижника св. Тихона. Любовь их к ближним была истинная. Каждый нуждающийся пришлец, и бедный житель города Задонска обращался к ним со своею нуждою и получал необходимое. Во избежание же суетной молвы они имели у себя очень близкого и тоже с сострадательным сердцем некоего купца, торговавшего в Задонске всем необходимым. Обращавшиеся к ним с просьбами, получали от них записки к купцу, и по этим запискам купец давал, что нужно, а старцы оплачивали. Эти-то истинные иноки обратили внимание и на пришелицу – нищую, которой ради Господа много лет помогали советами и материальными своими средствами, а через нее и другим многим, нуждавшимся в посторонней помощи. Любовь народная и доселе благословляет их память.

Осиротев снова, Матрона Наумовна решилась идти в Соловецкий монастырь к преподобным Зосиме и Савватию, и в Киев – поклониться святыням Киевским. С этой мыслью она оставила Задонск. Киев так ей понравился, что она намеревалась уже навсегда поселиться в нем. Но вот, видит в сонном видении весьма благолепную и как бы знакомую уже деву, которая обратилась к ней и кротко сказала: «святителю Тихону не угодно, чтобы ты оставалась здесь; советую тебе идти опять в Задонск и там заниматься своим делом. Тебя там ждут». – «Долго я дивилась видению, – рассказывала Матрона, – но на другой день оно повторилось, и на этот раз, к счастью моему, я узнала, что со мною беседовала во сне великомученица Варвара, потому что она сама назвала себя этим именем, объяснила, что она та самая мученица, к мощам которой прикладывалась я накануне в Михайловском монастыре. Приняв это видение за указание Промысла Божия и

возвратившись из Киева в Задонск в свою хижину, она снова стала принимать к себе странных и убогих с той же твердой верой и надеждой на Бога.

Но года через два странница неожиданно переменяла место своего жительства: один из зажиточных задонских купцов лишился любимого сына и, желая в память его способствовать, сколько возможно, делу благотворения, убедил Матрону Наумовну перейти в его дом, находящийся против монастыря на западной стороне, и, отдав в ее распоряжение весь нижний этаж для приема богомольцев, перенес к себе же на двор келлию ее, куда она всегда уединялась для молитвы после обычных своих трудов. Несколько девиц, посвятивших себя исключительно духовной жизни, соревнуя ее подвигам, поступили к ней в послушание и, таким образом, пристанище убогих и странных не оскудевало в продолжение 15 лет; дела христианского милосердия более и более приводили в известность имя странноприимицы, посвятившей всю себя на служение Богу и ближним. Она не требовала, чтобы кто послужил ей, но сама была готова послужить всем и каждому, и собственным примером учила сестер, собравшихся к ней, послушанию, смирению и кроткому обращению с странными и бедными, посещавшими дом ее.

Матроне Наумовне было показано в сонном видении, где она должна жить и принимать странников. Это случилось таким образом. В одну прекрасную ночь видит она во сне святителя Тихона, который, благословляя припавшую к его стопам смиренную странноприимицу, подал ей пшеничный хлеб и сказал: «пора тебе, Матрона, самой быть хозяйкой», и при этом, указывая на северную сторону монастыря, присовокупил: «вот и место, где ты должна устроить дом для принятия странников и бедных». Три ночи сряду повторялось ей это видение. Когда она сообщила о нем своей хозяйке, в доме которой жила, то последняя со слезами на глазах отвечала: «святитель Тихон и мне являлся в сонном видении и приказал тебя отпустить и дать тебе хлеба». И они потом разлучились.

И вот, приходит Матрона Наумовна на то пустое место, указанное ей во сне святителем Тихоном, и думает, что ей

делать, как приступить к постройке без денег? Слезы орошали лицо ее, а сердце возносило молитву к Богу. В эту минуту подходит к ней некий незнакомый человек и говорит: «я – каменщик, а вы, матушка, мните строиться: наймите меня. Я вам доставлю материалы и рабочих..., а вы за все заплатите мне после». Старица слушала с удивлением и видела, что по молитвам св. Тихона все исполнится по предсказанию его, и потому сомневаться не должно. Этим временем совсем неожиданно дано ей было одной благотворительной особой 200 рублей ассигн. подаяния, и с этой суммой она, с благословения старцев св. обители, решилась приняться за постройку дома для принятия странников.

Непостижимы судьбы Божии! Место для дома, давно стоявшее пустым, отведено безденежно; кирпич, железо, лес, словом, все нужное для постройки отпускалось в долг. Помещики, купцы Воронежской и Орловской губерний, так же и богомольцы, приезжавшие из других мест, своими пожертвованиями немало способствовали этому богоугодному предприятию. В непродолжительное время дом был выстроен, странники и убогие насыщены и успокоены; но все это, начавшееся так легко, заканчивается не без затруднений и скорбей: за какой-то еще неуплаченный долг благочестивую строительницу присудили к тюремному заключению. Раба Божия не возмутилась духом, а, уповая на покровительство Промысла, беспечно пошла в заточение, и Господь, не забывая убогих Своих до конца, через благотворителей ниспослал временную помощь: долг неожиданно уплачен; старица возвратилась к многочисленной семье своей и, непрестанными молитвами благословляя спасающую десницу Божию, неизменно продолжала свое служение неимущим.

И не раз добродетельная старица подвергалась в жизни своей тюремному заключению и другим напрасным оскорблениям. Но всю силу любви христианской показала незабвенная старица в тяжелую годину повсеместного голода в 1830 и 1834 гг., появившегося в г. Задонске и его окрестностях вместе с холерной эпидемией.

Нужно сказать, что этим временем богомольцы во множестве шли со всех концов России в Воронеж по случаю бывшего тут в 1832 г. 7 августа открытия мощей святителя Христова и чудотворца Митрофана и оттуда с радостью спешили и в Задонск к святителю Тихону.

Но в особенности материнская заботливость Матроны Наумовны проявлялась к заболевавшим холерою путникам. За ними она с любовью ухаживала с сестрами своими ради Господа: доставляла им все потребное, в нужном случае приглашала к себе из монастыря иеромонаха для напутствования святыми таинствами умирающего к исходу в вечность, на собственные средства покупала для него гроб, выхлопатывала место на городском кладбище, где, по обряду христианскому, хоронила бесприютного пришельца или безродного бедняка, окончившего жизненное свое поприще.

И с того времени, как стала старица носить имя странноприимицы, ни один день в жизни ее не прошел не ознаменованным делами христианского благотворения. Сколько она, во имя святой любви, взлелеяла, воспитала и пристроила к месту подкидышей и сирот обоего пола!

Сколько, с другой стороны, при исполнении Христовых заповедей необходимо иметь твердости, самопожертвования и испытать скорбей, это показала на себе Матрона Наумовна. Имея в виду одно удовлетворение нуждам неимущих, она делала забор муки, не соображая своих средств с количеством забранного. Но, раз, узнав, что цифра долга ее простирается далеко за тысячу рублей, а купец требует уплаты денег, она, став пред иконою Богоматери, поверглась ниц и зарыдала... Денег нет... взять было негде... и кто бы мог поверить такую сумму, как 1 500 р., ничтоже имущей?.. «Мать Божия, – взывала она, – помоги мне! Святителю отче Тихоне, не покинь меня!» и с этой пламенной молитвой на устах, от крайнего изнеможения она заснула на полу. Вдруг, среди тонкого забытья, видит пред собою трех святителей, которые подошли к ней и говорят: «так как ты делала забор свой для прокормления нищих и пришельцев Христа ради, то мы тебе поможем и не оставим, а потому, напрасно ты скорбишь, и сомневаешься, –

утешься!» Матрона Наумовна, воспрянув от забытья, видит только светлый луч, удаляющийся из комнаты; сердце ее долго услаждалось чудным видением благолепных старцев. По изображениям на иконах, в лице находившихся в ее комнате, она узнала святителей: Митрофана Воронежского, Димитрия Ростовского и Тихона Задонского. Утешительные их слова восстановили ей бодрость и надежду на Промысл Божий.

И вот, среди радостных ее помыслов, входит келейница старицы и говорит: «матушка, пришел какой-то полковой барин-казак и желает вас видеть: позволите принять?» – «Пригласи». Неизвестный, войдя в комнату, поклонился старице и сказал: «вы, Матрона Наумовна?» – «Я, батюшка», отвечала она. «Вы принимаете странников?» – «По милости Божией принимаю» – «Прошу же, помолитесь, матушка, за меня» и при этих словах руки незнакомца сунули что-то под скатерть. Когда он вышел из комнаты, Матрона Наумовна приказала келейной поднять скатерть и посмотреть, нет ли там чего? Под скатертью оказалась большая пачка ассигнаций, именно 1500 р. Слезы радости и благодарности снова полились из глаз добродетельной старицы.

Добродетельная старица, как истинная христианка, всегда упражнялась в богомыслии и молитве то в церкви, то в самой келлии. Она каждое утро, после утренних молитв прочитывала по одной кафизме и к тому прибавляла акафист – в понедельник св. великомученице Варваре, на вторник св. Митрофану Воронежскому, в четверг св. Николаю Мирликийскому, в субботу Божией Матери, в воскресенье сладчайшему Иисусу. Последние два акафиста: Богоматери и Спасителю непосредственно читала сама старица неопустительно, а прочие – в известные дни читались, жившими при ней, девицами, посвятившими себя на служении Богу и ближним.

В трудах телесных, как и в подвигах духовных Матрона Наумовна была неутомима и являла в среде своей высокий образец молитвы, труда, смирения и редкой искренней сострадательности к ближним.

Плодом благочестия Матроны было ее христианское смирение.

Между тем, добродетельная жизнь любвеобильной старицы сама собою, помимо ее ведома, привлекала к ней всеобщее уважение. Не только жители города и окрестностей, но и многие из приезжих в Задонск, светского и духовного звания, поставляли себе в обязанность посетить келлию старицы и насладиться ее поучительной беседой. Нередко даже знатные лица, привыкшие к лести, оставляя обычную гордость, приходили послушать старицу, всем искренно желавшую единого на потребу и всем в глаза говорившую правду.

Так, один очень светский молодой человек удивлялся, что мать его, женщина образованная, уважала старицу и посещала ее, как только бывала в Задонске. «Удивляюсь вам, татап – говорил он, – какое вы находите удовольствие делить время с необразованной нищей? и из любопытства сам пошел к старице. Но так тронут был ее безыскусственной, но разумной беседой, что с тех пор остался навсегда ее знакомцем и благодетелем ее обители. Подобных примеров было немало. Так, две приезжие из Петербурга молодые великосветские девицы (Копьевы) вздумали лично проверить народную молву о странноприимце Задонской и посетили старицу из любопытства, но после долгой беседы с нею они вынесли самое приятное впечатление, искренно уже уважали рабу Божию и не оставили ее своими пожертвованиями: ежегодно посылали из Петербурга деньги для раздачи бедным через руки старицы.

Все более и более люди благочестивые уважали старицу, посвятившую себя на служение Богу и ближним. Так, напр., в 1836 году, в день праздника Сошествия Св. Духа, когда было очень много приезжих в монастыре, и толпа богомольцев во время обедни теснилась, в дальнем углу церкви, сидя на деревянной скамейке, молилась больная старица: то была она, Задонская странноприимица. По окончании службы, когда стали расходиться, никто из людей простого сословия не прошел, не отдав низкого поклона сидевшей в углу. Многие дворяне, увидев старицу, спешили подойти к ней; даже некоторые из

приезжих, увлекаясь оказываемым ей вниманием, следовали вместе с прочими отдать должное уважение личности, прославившейся делами благотворения в убожестве своем.

Благочестивая старица пользовалась искренним уважением и от лиц духовных, состоявших на степени высшего служения. Так, покойный архимандрит Самуил, настоятель Задонской обители, и приемники его, архимандриты: Иларию и Серафим почитали беседу ее духовным утешением. Сам Воронежский архиепископ Антоний II, муж великих, благодатных дарований, уважая в этой рабе Божией подвижницу Евангельской добродетели, не лишал ее святительского посещения и архипастырских наставлений. Бывало, преосвященный прикажет собраться в келлию всем девицам, жившим в странноприимном доме, и, благословляя каждую, скажет: «трудитесь, дети, на пользу ближним; Бог не оставит вас. Подражайте во всем своей доброй старице и уважайте ее» ... Также посещали старицу архипастыри Воронежские: Игнатий и Парфений. Но особенное имела расположение к Матроне Наумовне блаженной памяти Воронежского девичьего монастыря игуменья Смарагда. Она, еще будучи светской девицей, много помогала своими средствами возникновению странноприимного дома и после, до конца жизни своей, продолжала оказывать христиански-деятельное участие в делах благотворения.

По чувству глубокого уважения к достопочитаемой старице, жители г. Задонска встречали с особенной торжественностью празднество, ежегодно отправлявшееся в Задонске 9-го ноября и сделавшееся несколько уже лет особенно памятным для них. Многие даже приезжали к этому времени в город из окрестностей и Ельца потому только, что это был день ангела Матроны Наумовны. Празднество это начиналось тем, что в монастыре и городском Успенском соборе совершалась литургия о здравии ее; по окончании службы выносили за стены монастыря чудотворный образ Владимирской Божией Матери. Народ благоговейно сопровождал святую икону; большая толпа выходила со двора Матроны Наумовны навстречу Царице

Небесной и, соединясь с пришедшими, вступала в смиренное жилище рабы Божией.

Несмотря на многочисленность присутствующих, тесноту и заботливое угощение нищей братии и богомольцев, все было здесь тихо, благоговейно. Как совершалась всенощная в самой келлии старицы, так совершалось и водоосвящение, и поминовение усопших, в ее же келлии. Удрученная дряхлостью, она молилась сидя, но чувство неземное отражалось в ее чертах. Казалось, отрешившись душой от всего временного, она предвкушала уже на земле сладость Небесной жизни; глаза были полны слез, а, между тем, радость неизъяснимая осеняла чело молящейся. И тогда, как нищие, странники, угощенные трапезою, проходя мимо ее келлии, останавливались и безмолвно, глубоким поклоном изъясляли свою признательность, она ни на кого и ни на что не обращала внимания, только молилась, и слезы лились из ее глаз. В день этого праздника раздавалась, по назначению ее, милостыня и посылалась пища заключенным в тюрьме.

Матрона Наумовна, по ревностной любви к благочестию, приняла тайное пострижение в день Марии Египетской, 1 апреля 1844 г. и в монашестве наименована Мариєю. Пострижение было совершено самим настоятелем Задонской обители, архимандритом Иларием в келлии старицы, по благословению высокопреосвященного Антония II, который, уважая ее, прислал для сего из Воронежа свою собственную мантию, в которой постригался в монашество сам в Киевской лавре. Лицо маститой старицы при этом трогательном событии оросилось обильными слезами умиления, и теплая молитва из сердца изливалась к Богу.

Любвеобильная ко всем, она была чрезвычайно строга к себе. Пост, молитва и милостыня были неразлучными ее спутниками во всю жизнь ее, но, с принятием иночества, она еще более усугубила для себя правила строгого подвижничества. И Господь за подвиги истинного благочестия часто удостоивал рабу Свою благодатных видений и небесных утешений. Многолетние опыты духовной жизни развили в душе старицы прозорливость, так что нередко слова ее, сказанные

осторожно, вовсе не в виде пророчества, впоследствии сбывались совершенно неожиданно, к удивлению слышавших. И потому, каждое слово старицы принималось с усердием и выполнялось в точности.

Теперь остается упомянуть о замечательной признательности, составлявшей важнейшую черту старицы, и о сострадании ее к чужим скорбям.

Матрона Наумовна любила выражать чувство глубокого почитания и к почившим о Господе старцам-подвижникам, покоящимся в святой обители Задонской. Так, в день приснопамятной кончины (13 августа) святителя Христова Тихона, схимонаха Митрофана (27 февраля), иеросхимонаха Агапита (17 сентября), затворника Георгия (25 мая) и прочих, она всегда поставляла трапезы нищей Христовой братии среди своего двора. Но, творя поминовение о всех, замечательных по жизни, старцах обители, Матрона Наумовна почему-то, вопреки своему обычаю, не поминала игумена Евсевия. И что же? Однажды старица заставила одну из приближенных своих девиц читать акафист Успению Божией Матери. Но вдруг, неожиданно остановив читавшую, приказала ей немедленно выйти в другую комнату, что та поспешно и исполнила. Оставшись наедине, Матрона Наумовна пала на землю и, стоя на коленях, простирала руки, как бы прося от кого благословения, и произнесла «кто же ты, батюшка?» «Я – здешний игумен Евсей²⁹, а ты меня не поминаешь.» «Буду, буду поминать, – сказала старица, – прости, Христа ради». Это видение было в день священномученика Евсевия, епископа Самосатского, 22 июня 1845 года.

Года проходили. Старица слабела все более и более, неуклонно продолжая идти путем дел благих и готовясь в вечность. Предчувствуя, что уже близок ее конец, она предварительно отдала дом свой в пользу Задонского монастыря, а другое место, на конце города, по дороге в Тюнино, с имеющимся на нем строением, приобретенное на пожертвования благотворителей, назначила в пользу сотрудниц, находившихся столько лет у нее в послушании и, сделав эти

распоряжения за несколько лет до смерти, казалось, покойно ожидала приближавшегося исхода в вечность.

Наконец, с самых первых дней Успенского поста старица почувствовала себя уже очень дурно, и келлия ее затворилась для посетителей. О выздоровлении болящей ежедневно воссылались горячие молитвы как в монастыре, так и в городском соборе. Предчувствуя близость своей кончины, она призвала к себе всех сотрудниц и поручила их заступлению Царицы Небесной и покровительству Угодника Божия, избрала опытнейшую из них в начальницы и слезно убеждала ее нести с прежним усердием послушание и труды на пользу страждущих. Потом, дав им последнее прощание, она устранилась от всех занятий и стала готовиться к последнему часу. В эти дни, посвященные непрестанной молитве, она не принимала другой пищи, кроме небольшой части просфоры, размоченной в святой богоявленской воде. Быв совершенно в памяти и сохранив присутствие духа, она с истинно христианским смирением и верою сподобилась два раза приобщиться святых животворящих Таин и принять елеосвящение.

Приехавший в Задонск к совершению памяти святителя Тихона (13-го августа) Воронежский викарный архиерей, преосвященный Феоност с настоятелем монастыря, архимандритом Серафимом, посетил болящую. Потом были допущены некоторые из давних ее почитателей. Она в это время уже находилась в тяжелой борьбе со смертью, и, хотя сидела еще на одре, но было заметно, что смерть быстро к ней приближалась. Глаза стали мутны, лицо покрылось безжизненной бледностью, дыхание тяжело прерывалось, посинелые губы только шепотом произносили молитвы, и изредка вырывался глубокий, болезненный стон. Медленно обратив на пришедших потухающий взор, она быстро взглянула потом на святые иконы, и со свойственным ей радушием молча протянула посетителям трепещущую руку. Рука эта покрылась горячими лобзаниями, а, между тем, все более и более охладевала... Роковой час был уже близок. 17-го августа 1851 г. старицы не стало.

Вопль осиротелых прервал безмолвие келлии, и в продолжение 4-х суток, пока не было еще совершено погребение, она была снова отперта для всех: то монашествующие, то соборные или приезжие священники непрестанно служили панихиды, по собственному усердию или по просьбе других. Жители города и находившиеся в то время в Задонске приезжие, услышав раздавшийся протяжно несколько раз звон большого монастырского колокола и, в то же время, соборного, шли толпами в келлию, где находилось тело новопреставленной, окруженное осиротелыми ее сотрудницами. Во все эти дни моление не прерывалось; убогие были щедро угощены, и отовсюду посылались милостыни ни поминовение почившей.

Настал и день погребения (21-го августа). По совершении заупокойной литургии и отпевания самим настоятелем собора, при многочисленном стечении народа, тело ее погребено в общей усыпальнице, так называемой Митрофановской часовне (что ныне под алтарем Вознесенской церкви) с прочими почивающими здесь достопамятными подвижниками обители.

1 сентября 1869 года с разрешения Св. Синода тело Матроны Наумовны Поповой без всякой огласки перенесено было из Задонского монастыря в усыпальницу Скорбященской церкви и предано земле (указ. Ворон. кон. от 11-го июля 1869 года 5610). Нужно сказать, что, когда по перенесении тело блаженной старицы поставлено было на место, то пошел сильный дождь, до сего за месяц не бывший в Задонске³⁰.

Малоярославецкий юродивый Емелиан

(Память 18 августа).

Юродивый Емелиан Тихонович, о котором было упомянуто в житии о. Антония, игумена Малояр., был из дворовых людей г. Яниковых (Малояр. у., Башмаковской волости, д. Степичева). Он с детства ходил в одной длинной рубашке, без шапки, босиком – зиму и лето. Говорил мало; только: *«батя, мама! Мама! паники (поесть), мама! Питики (попить)»*. Ходил по торговцам и брал то товар, то деньги. Полученное, раздавал бедным или разбрасывал по улице. Когда у кого что брал, у того в тот день была торговля хорошая, и весь товар распродавался; а кому скажет *«кака, кокурску»*, – торговли не будет. Кому покажет намазанную сажей свою руку кверху и ухнет, то будет пожар; а когда в дом принесет дощечку и будет уныло бормотать, то будет покойник. Заходил в церковь и алтарь, брал и ставил свечи, но видимо не молился. Проживал часто на почтовой станции и в семействе Анфисы и Марии Ивановых, девиц Ширинских, а ночевал часто в помещении полицейских служителей и спал вместе с очевидцем Иваном Ивановичем Можайским, все ночи все что-то, лежа, шептал и всегда до звона уходил к утрени в собор или какую-либо другую церковь и в монастырь.

В детстве помещики Яниковы заставляли Емелиана Тихоновича настойчиво караулить гусей и другую дичь, и добивались от него работы и наказывали его; он все терпел, но не работал, как им хотелось. Один раз, барыня Г. Яникова ударила его своею рукою, и тотчас же у нее отнялись руки и ноги. Она долго лечилась, наконец, по совету верующих в молитвы Емелиана, попросила у него прощения, и опять руки и ноги у нее стали по-прежнему действовать. Он сказал Г. Яниковой: *«мама, слава тебе Господи, мама, то-то и есть-то»*. Иногда, он некоторых осенял крестным знамением. Собирал ружейные пули, пробовал на зубы, любил солдатские пуговицы так, что у проезжающего по шоссе полковника выпросил с фуражки кокарду. Во время большого пожара, дом

Натальи Васильевны, близ монастыря, в котором пребывал юродивый, весь вокруг был охвачен пламенем, и она обошла с молитвою пожар: дом ее остался цел и невредим.

Дочь прихода-расходчика Боровской думы Александра Ивановна Первова объяснила, что отец ее говорил, что юродивый Емелиан на первый день Пасхи ежегодно ходил за Спасскую слободу к трем могилам, в которых похоронены три девицы, и там пел, и являлся там огонек; часто ходил в называемый «убогий дом», против мельницы, где похоронены воины, павшие во время нашествия Литвы, и там иногда ночевал. – Во время большого пожара в 1868 г., в 4 часа дня, сперва загорелась Мамотинская шелковая фабрика. Юродивый Емелиан Тихонович из помещения полицейских служителей от Ивана Иванова Можайского пошел прямо в противоположащую почтовую станцию, т. е. в дом, и понес какой-то образ, затем все станционные постройки сгорели, а дом остался в целости; но юродивого Емельяна Тихоновича никто больше нигде не видел, и, где он находился, никому неизвестно; после пожара с особой тщательностью искали обгоревших человеческих костей и нигде не нашли, поэтому все стали думать, что юродивый сгорел; а некоторые передают, что его после пожара видели в Киево-Печерской лавре, а иные – в лавре преподобного Сергия, Радонежского чудотворца.

У многих жителей г. Малоярославца имеются фотографические карточки юродивого Емелиана, снятые в 1885 году калужским фотографом И. Гольдбергом. Снимки были моментальные; такая же карточка была подарена женщине Анне Ивановне архимандритом Малоярославецкого монастыря Гervасием. – Отсюда и сделан прилагаемый снимок (рис. 2).

Рис. 2 Юродивый Емелиан

Раба Божия Мария – болящая

(Память 21 августа).

В селе Старикове Путивльского уезда, Курской губернии жила Мария «болящая», о которой сохраняется в народе память, как об истинной рабе Божией и прозорливой. В доме родителей Мария вела благочестивую жизнь. 19 лет ее выдали замуж. Через 1 ½ года мужа взяли в солдаты. Мария стала жить у своих родных и заболела расслаблением. Сначала даже отец и мать не верили болезни. Спустя некоторое время, у Марии стало сводить на руках пальцы поодиночке. Палец покраснеет, заколет и сведет. Так у нее свело все пальцы вместе. Прослужив 15 лет в военной службе, муж возвратился на родину и взял Марию к себе. Во время отлучки его на работы, Мария несколько дней оставалась без присмотра и без куска хлеба, потому что и родным надоело за нею ухаживать. Это заставило Ивана, – так звали мужа Марии, построить отдельную хату. – На ночь он стал возвращаться с работы, чтобы присмотреть за расслабленною женою, напоить ее и накормить. Когда необходимо было, он носил Марию на руках и говорил: «Бог дал, надо терпеть».

Прошло более десяти лет, и добрый труженик, поручив больную жену Матери Божией, скончался. Для Марии настала более скорбная жизнь; со смертью мужа у нее совершенно отнялись ноги и стали сильно болеть, не давали покою ни днем, ни ночью; ходить и лежать она не могла, все сидела. Когда ее насильно положат, она через пять минут кричала от боли и просила поднять. – Потом приучилась терпеть, лежала на одном боку 2 года; а затем, могла ложиться и на другой бок. Прискорбность жизни увеличивалась еще и от того, что у болящей не было при себе прислуги, некому было ее посадить, положить или повернуть. Служили расслабленной приходящие посторонние люди. – Долговременная болезнь предпочистила страдальцу для особой благодати Св. Духа-Утешителя скорбящих и болящих. К ней стали приходить и спрашивать совета. Болящая Мария не отказывалась сказать слово на

пользу. Многие убеждались, что духовными очами Мария видела прошедшее и будущее. Кончину свою она так же предугадала за 3 дня.

В августе месяце 1893 года ее привезли в Глинскую пустынь и напутствовали Св. Тайнами. 21 числа августа Мария переселилась в иной мир, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, которых так много было у нее во время шестидесятитрехлетней земной жизни, из которых более 40 лет она была расслабленной.

Старо-Голутвинский схимонах Иоанникий

(Память 21 августа).

Схимонах Иоанникий, из помещичьих крестьян, родился в селе Колычеве, Коломенского уезда, Московской губернии, 2-го февраля 1784 года, в Сретение Господне. Родители его были крестьяне того села, Василий и Акилина. При крещении младенец назван был Ипатием. Еще в детстве, потеряв своих родителей, Ипатий взят был на воспитание дядей, а когда вырос, вступил в брак и имел детей. По смерти жены своей он помышлял об угождении Богу. Как-то попал он в Харьков и здесь нанялся в одном доме дворником. Нанимаясь в эту должность, Ипатий уговорился с хозяином в том, чтобы в церковь ходить ему невозбранно, когда бы ни пожелал, в питейный дом не посылать его и плату ему полагать, смотря по его трудам, но денег в руки не давать без особенной нужды. В свободные часы он обучался грамоте по Часослову или Псалтири.

Диавол, запинаящий человека не только грехами, но и самыми добродетелями, вложил в душу трудолюбца мысли о его духовном преуспейании; потом начал подущать его к самоубийству. «Продолжая свою жизнь, – шептал ему исконный враг, прикрытый личиною добра, – ты можешь впасть в разные пороки и умереть грешником. Не лучше ли умереть пока еще при тебе твоя праведность, теперь же»? Простец, зараженный самомнением и тщеславием, потерявший страх смерти, непременно бы наложил на себя руки, если б не хранила его благодать Божия. Он избавился от искушения бесовского, при изучении псаломского стиха: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей*. С той поры сознал свое самообольщение и стал по-прежнему бояться смерти; по ревности же к благочестию, навсегда отказался от скоромной пищи. По прошествии года, ту порцию мяса, какую бы мог он издержать на себя, посылал в острог. Здесь же отдавал он, порою, и свою рубашку неимущему.

В Харькове, где жил Ипатий Васильев, было много приезжих раскольников, молокан, татар и хлыстов. Каждый хвалил свою веру и секту; нередко вдавались они в рассуждения и споры с православными. Ипатий Васильев, чуждый образования, возымел сомнение касательно Православной веры, точно ли она истинная и православная. Чтобы решить этот важный вопрос, он положил себе в Великую Субботу, с вечера на Пасху простоять в церкви неподвижно на одном месте. «Если, рассуждал простодушно, достанет у меня сил простоять так не только до утрени, но и до конца пасхальной обедни, то, значит, церковная вера истинна». К удивлению, он выдержал столь тяжкий подвиг, простоял, как вкопанный, во все продолжение условленного времени, только потом едва мог сойти с своего места. Свеча, которую он держал, вся сгорела и обожгла его руку.

В непродолжительном времени, Васильев отправился в Киев с товарищем Ермилом. Они посетили разные святые места и пещеры Киевских угодников, приобщились св. Таин; затем направили путь свой вниз по течению реки Днепра, в каком-то пустынном месте выкопали пещеру и в ней жили вместе шесть месяцев. После этого, о них два года не было никакой вести. Наконец, Васильев, по смерти своего товарища Ермила, возвратился на родину. Увидев своего крепостного человека, отличавшегося всегда примерной честностью и пропадавшего без вести, господин много плакал от радости. У Васильева, между тем, было желание пойти опять в Киев. Барин обещал отпустить его на волю, но до этого времени посоветовал ему пожить в Старо-Голутвином монастыре, близ Коломны (в 4-х вер.).

Принятый в общежительный монастырь, раб Божий три месяца находился при какой-то постройке, в пыли и поту. Его сорочка, – имел одну только, – до того ожестела, что походила на кожу. Но он молчал и терпел до тех пор, пока рухольный (смотритель кладовой) сам выдал ему монастырское белье и другие вещи для келейной надобности. Он теперь согласился навсегда остаться в этой пустынной обители, и, как благонадежный, определен в число монастырского братства,

указом из консистории в 1825 году, на 41 году от рождения. Строитель Самуил, старец высокой жизни, представил его и к монашеству, но постригал в монахи, с именем Ионы, строитель Назарий 13 августа 1829 года. Блаженный Иона исправлял со смирением и добросовестностью разные послушания: возделывал огород, разводил фруктовый сад, шил одежду, постоянно при этих внешних трудах держа в памяти имя сладчайшего Иисуса. В то же время, он ходил неопустительно в церковь ко всякой службе, не оставлял и келейного правила – чтения псалтири с поклонами. Денег вовсе не имел. Он иссушал тело свое сухоядением: от сыра, яиц и рыбы совсем отказался в монашестве. В посты по два дня не принимал никакой пищи, на третий вкушал по разу. Отдыхал кратким сном. В один поздний вечер Иона, сидя на стуле, занимался умною молитвой. Внезапно показался пред ним страшный эфиоп с обнаженным мечом и сказал: «оставь молитву, не то я ссеку твою голову!» Но подвижник тем сильнее воззвал к Святителю, и видение исчезло.

Прожив 10 лет в монастыре, Иона решился быть отшельником и с благословения своего настоятеля перешел в уединенную келлию, находящуюся в отдаленной башне. Он рассказывал, что на новом месте он видел много страхований, которыми злые духи стараются возмутить покой инока, после того, как ничего не успеют, действуя против него греховными помыслами и мечтаниями. Напр., Иона стоял на молитвенном правиле, а в это время, разумеется, от испарения на стеклах, полилась с окна вода на пол. Отшельник вздрогнул. Бес, заметя это, напустил призрачную воду, сначала до колен его, потом до пояса и до самой шеи. Старец возопил прилежно к Богу, осенив себя крестным знаменiem, и привидение исчезло.

В октябре 1835 года постигла его телесная болезнь, едва не доведшая до врат смерти. Вскоре после этой болезни он пожелал облечься в великий ангельский образ, и 21 августа 1836 года, через три года своей отшельнической жизни, был пострижен о. строителем Назарием в схиму и переименован Иоанникием. Старец (от роду ему было тогда 53 года) допускал к себе очень немногих и то изредка. С ним был близок монах

Нил, один из его искренних учеников, живший рядом с ним в братском корпусе, и вел с ним подвижническую переписку. Единственное занятие схимника составляли молитва, чтение слова Божия и отеческих писаний. Впрочем, он не оставлял посещать и храм Господень, и нередко приступал и к тайнам Христовым. Он получил от Бога дар слез, которые, бывало, вдруг потекут из очей его, наподобие источника.

В конце 1837 года, во время келейного чтения Евангелия был к нему голос свыше: *«не можешь удержать»*. В ту пору какая-то женщина стояла за дверьми его келлии и плакала. Схимник, вразумленный свыше, отворил для нее свою келлию, беседовал с нею и с того времени не возбранял желавшим приходить к нему: скорбящих он утешал с добротой и участием; недоумевающим давал ответы, от которых им было легче; враждующих примирял; обиженных брал под свою защиту. Многие, тронутые его простыми словами и добрым примером, переменили порочный образ жизни; а некоторые, поняв суету мира, ушли в разные монастыри. Под руководством опытного наставника, монашествующие ревновали о строгом подвижничестве. Одному монаху советовал он с особенным вниманием прочитывать псалом 36-й (*«Не ревнуй лукавнующим...»*) и располагать свое поведение согласно с содержащимся в нем учением. Послушникам говорил: «вы бываете на работах, а для занятий, собственно, духовных имеете мало времени, но и тем не пользуетесь, как должно. Знаю, как вы поступаете: книгу под стол, а самовар на стол». Иным он помогал своими молитвами. Так, одна женщина, рождавшая мертвых детей, просила старца-схимника помолиться за нее. После того она, к удивлению, родила живого младенца и на руках принесла его в обитель, чтобы схимник благословил малютку. Бесноватые, по молитвам старца, исцелялись через помазание св. елеем, принятое от его же рук.

В 1848 году свирепствовала в Коломне холера. В это время жители города во множестве обращались к схимнику Иоанникию. Умудренный Богом, старец подал гражданам мысль учредись, в умилоствление Бога, прогневанного нашими грехами, крестный ход из Голутвина монастыря в Коломну, и

днем всенародного моления с крестным хождением избрал четверток пред праздником Пятидесятницы, или, так называемый, семик, обыкновенно, проводимый народом в пьянстве и разгуле. «И не в настоящую только годину бедствия, – присовокупил благочестивый схимник, – но всякий год торжественно молитесь Богу в этот день; для того испросите разрешение установить крестный ход на вечные времена». В деле по прошению коломенских граждан о крестном ходе допущена была медленность: но бесчинные и шумные гульбища в семик с того же года были оставлены в городе, питейные дома и трактиры в этот день были закрыты, и торг прекращен. Некоторые даже постились, разрешая себе одно сухоядение. Крестный ход «в память попущения, по грехам нашим, губительной болезни; в поминовение усопших от нее, и в благодарение Богу за сохраненных от сего бедствия к продолжению жизни и рода их», совершен был в первый раз в 1849 году, по распоряжению в Бозе почившего митрополита Филарета, и доныне ежегодно бывает в четверток, предшествующий Пятидесятнице, – по правилам, начертанным для сего хода самим митрополитом Филаретом. Приводим одно из этих правил, имеющее общий интерес: *«Духовенство должно напомнить благовременно себе и прочим, что, дабы сие благое начинание принесло благий плод, для сего надобно, чтобы дело Божие совершаемо было с глубоким и непрерывным благоговейным вниманием. Когда вступаешь в крестный ход, помышляй, что идешь под предводительством святых, иконы которых в нем шествуют, приближаясь к Самому Господу, поколику немощи нашей возможно. Святыня земная знаменует и призывает святыню небесную; присутствие креста Господня и святых икон, и кропление освященною водою очищает воздух и землю от наших греховных нечистот, удаляет темные силы и приближает светлые. Пользуйся сею помощью для твоей веры и молитвы, и не делай ее бесполезною для тебя твоим нерадением. Слыша церковное пение в крестном ходе, соедини с ним твою молитву; а, если по отдалению не слышишь, призывай в себе Господа, Божию Матерь и святых Его, известным тебе*

образом молитвы. Не входи в разговоры с сопутствующими; а начинающему разговор отвечай безмолвным поклоном или кратким, только необходимым словом. Духовенство должно быть примером порядка и благоговения, а мирские не должны тесниться между духовенством и расстраивать порядок. Не беда, если отстанешь телом, не отставай от святыни духом».

За два года до кончины, старец Иоанникий, удрученный годами и подвигами, начал изнемогать; в эти последние годы употреблял он в продолжение недели не более $\frac{1}{4}$ фунта хлеба, чаще питался ржаным жидким тестом. Не чувствуя облегчения, он готовился к переходу в блаженную вечность и непрестанно помышлял о конце своем. Хотелось ему своими руками сделать гроб для себя, но, не имея сил для этой работы, просил коломенского гражданина, именем Петр, преданного старцу, прислать ему гроб, который и был привезен за неделю до его кончины. Схимник, напутствованный в вечность таинствами св. Церкви, к которым всегда он приступал со слезами, мирно почил 1851 г. 10 марта, на 67 году от рождения. В монашеском сане он служил Богу 22 года, в схиме – 15 лет. После него имения никакого не осталось. Погребение усопшего происходило на третий день, при многочисленном стечении жителей городских и сельских, скорбящих о понесенной утрате. На могиле его, находящейся близ алтаря соборной Богоявленской церкви, по левую сторону поставлен скромный памятник³¹.

Первоначальницы Дальне-Давыдовского и Кутузовского женских монастырей – Неонилла и Агриппина, и устроительница Дальне-Давыдовского монастыря – схим. Антония

(Память 21 августа).

Уединенно стоит Дальне-Давыдовская обитель, со всех сторон окруженная лесами, полями и лугами. Живописная окрестность, бальзамический воздух, ключевая вода привлекают сюда обитательниц; ни бедность, ни отдаленность городов, ни другие разные материальные лишения, – ничто не пугает воистину ищущих спасения. Их не отягощают ни трудные земледельческие работы, ни приготовление себе топлива, они, как муравьи, трудятся беспрестанно, как мудрые пчелки собирают мед на пажитях смирения, трудолюбия и послушания. Любовь их к этой местности объясняется еще тем, что ничто так красноречиво не возвещает премудрость и величие Бога, как природа, как эти вековые леса – свидетели стольких слез, страданий, трудов, молитвословий подвижницы Неониллы Борисовны, призванной сюда Самой Царицей Небесной, для прославления святого имени Ее, в местности в то время дикой и безлюдной. Воспоминания о многих чудесных знамениях, бывших при устройении обители, подкрепляют их дух, воспламеняют сердца к молитве и дают им силы для служения Богу в обители, основанной, как будет сказано ниже, на избранном и указанном Самой Царицей Небесной месте, по предсказанию преподобного Серафима, с памятью о котором тесно связан Дальне-Давыдовский монастырь.

Преподобный Серафим, по сохранившимся рассказам, неоднократно проходил этой местностью, когда посылаем был настоятелем Саровской обители Пахомием по сбору в Муром и другие, ближайšie к Сарову, города и окрестности, а также, когда он проходил на свою родину в город Курск. Сохраняется еще память и о том, как он имел ночлег, или краткое

отдохновение в доме Давыдовского крестьянина Козьмы Григорьева Кербенева, деда Неониллы Борисовны, которого Преподобный особенно любил за его страннoлюбие и благочестивую жизнь. Сохранилось предание и о том, что в одно из своих путешествий подвижник Саровский шел вместе с Кербеневым по дороге, ведущей из села в Муром, и, дошедши до места, называемого «Кряжева сечь» или «Мокрое место», где ныне монастырь, он сел на дубовый пенек и при свидетелях сказал: «на этом месте будет женский монастырь, место это прославится!» Слышавшие усомнились, а некоторые даже засмеялись, из последних был отец крестьянина села Давыдова Федора Григорьева Евсеева (долго жившего при обители). В другой раз, на обратном пути из Мурома, о. Серафим шел не один, а с близким ему духовным собратом Антонием. Они тогда были люди еще очень молодые, но проникнутые теплотою веры, всецело преданные подвигам иноческой жизни.

Как видно из воспоминаний о нем, записанных одной из его почитательниц, в то время он проживал в Сарове и подвизался у преподобного Серафима в его любимой пустыни. Преподобный Серафим и тогда уже стяжал дух смирения и провидел будущее. Шли они дремучим Дальне-Давыдовским лесом и, дойдя до Кряжевой сечи, остановились. В это время, Божиим Промыслом, проезжал крестьянский мальчик, соседнего села Натальина по фамилии Дубов. Он вез из Мурома железо, и у него сломалась оглобля, заехавши между кустарниками, он приискивал себе для оглобли деревцо и, заметив там сидящих странников, зашел за кусты и стал прислушиваться к их разговору. День был летний и тихий, ничего не мешало ему, и он с благоговением смотрел на них.

У преподобного Серафима был при поясе топорик, который он имел обыкновение носить. Сидели они на дубовых пнях, на том самом месте, где ныне сооружена монастырская соборная церковь в честь иконы Божией Матери *Утоли моя печали*. Преподобный Серафим (в то время еще Прохор), обратившись к Антонию, сказал: «на этом самом месте, отче, будет женский монастырь: его основательницей будет девица, – она будет людям на посмеяние, а Царице Небесной на прославление!

Здесь будет храм во имя Матери Божией, в честь Ее иконы «Утоли Мни печали». Сказав это, отец Серафим встал и топориком срубил два дубка, заострил один из них и, обращаясь к спутнику, сказал: «а ты, отче, этот крест утверди!» О. Антоний утвердил поперечную часть креста. Ямку для водружения креста тем же топориком вырыл отец Серафим; потом, пропев тропарь кресту: Спаси, Господи, люди Твоя.., водрузил крест между кустарниками и снова запел тот же тропарь, поклоняясь кресту. Отец Антоний принял участие в этой молитве, и оба благочестивые путника в третий раз пропели тропарь, продолжая молиться. Объятый духовным восторгом, о. Серафим сказал: «вот на этом самом месте будет соборный храм!»

Окончив молитву, о. Серафим, обратившись в ту сторону, где стоял мальчик, совершенно не зная его, назвал по имени и, подозвав к себе, сказал: «ты думаешь, когда это будет? это будет тогда, когда меня в живых не будет, а ты доживешь до того времени, когда будет построена обитель, доживешь и до освящения храма в обители!»

Предсказание о. Серафима исполнилось: в 1858 году, после утверждения общины, основавшейся на этом месте, 2 октября был освящен первый храм во имя Всех Святых, и на этом духовном торжестве привелось быть уже престарелому Дубову. Он плакал от умиления и после литургии, обливаясь слезами, рассказывал первоначальнице общины, матери Антонии Соколовой, и всем присутствовавшим о предсказании батюшки о. Серафима и о своем случайном присутствии при водружении им креста. Возвратившись домой, Дубов вскоре заболел и умер. Рассказ этот передается в семействе Дубовых с особым благоговением к памяти подвижника Саровского.

Другой крестьянин села Давыдова, 86-летний старец Василий Роцин передавал слышанное им от самого Козьмы Григорьева Кербенева, что и в последние годы своей жизни преподобный Серафим неоднократно повторял, что обитель в Давыдове будет женская, что будут в оную сперва сходиться девицы из Владимирской губернии, потом из мордвы, а затем будут стекаться в ту обитель со всех сторон, что благодать тогда

ключом польется. За два года до своей кончины преподобный Серафим Саровский, пришедшей к нему, страннице сказал: «зачем ты странствуешь? иди в монастырь, тебе готовится новая обитель». Потом, помолчав, продолжал: «когда я ходил по сбору в Муром (в 1785 г.), то на пути в лесу я видел место, избранное Божией Матерью для монастыря, я там сидел на дубовом пне, и этот пенек попадет под первую церковь; туда пойдешь в монастырь и ты. Когда я был там в первый раз, то удостоился, грешный, видеть, как на том месте, где будет соборный храм, спустилась икона Божией Матери «Утоли моя печали». Я успел только поклониться спустившейся иконе и встал, а икона уже исчезла; я был тогда еще молодым. Место это святое: его возлюбила Царица Небесная...» Странница послушалась совета прозорливого старца и поступила в монастырь, а впоследствии, когда был основан Дальне-Давыдовский монастырь, она перешла в него и жила там до самой смерти в 1889 году, передавая о предсказании преподобного Серафима Саровского. Это была старица Марфа Артемьевна.

Вышепоименованный крестьянин Федор Григорьев Евсеев и другие подтверждали этот рассказ и рассказ Дубова о водружении креста; они слышали о том еще в молодости, но в то время не придавали этому никакого значения.

В 1813 году, в селе Давыдове, у крестьянина Бориса Федорова Захарова, родилась дочь, которой дали имя Неонилла. Деда ее Козьмы Григорьева Кербенева не было дома, он за день до того пошел в Саров к преподобному Серафиму, который находился тогда в пустыньке. Увидя Кербенева, о. Серафим радостно сказал ему: «родилась тому три дня в Давыдове девочка, имя ей Нишенька; людям она будет на посмеяние, Царице Небесной на прославление!» Возвратившись домой, Козьма Кербенев узнал, что именно в то самое время, на которое указывал преподобный Серафим, родилась у него внучка Неонилла. Эта Неонилла и была впоследствии основательницей Дальне-Давыдовского общежительного женского монастыря, основанного в 1845 году, в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали».

С детства Неонилла была смиренна, кротка и молчалива; росла в бедности и осталась после смерти отца на руках своей благочестивой матери Стефаниды, которую она горячо любила и слушалась. С ними вместе жил и брат ее Захар Борисович, человек трезвый и трудолюбивый. Никуда кроме церкви Неонилла не ходила, все время она проводила дома с матерью и братом, и только бывала у деда своего Козьмы Григорьевича Кербенева, близко знавшего преподобного Серафима Саровского. К деду своему Неонилла имела полное доверие и все свои мысли, чувства, стремления и скорби поверяла ему, и держалась его советов. По отношению к другим она оставалась молчаливой, а когда встречалась с своими сверстницами, то ничего дельного не говорила и юродствовала; собирала от лучин уголь и пачкала себе лицо, кафтан носила разноклинный, а товарки над нею смеялись, называя ее растрепой, дурочкой и безумной, а некоторые и били ее палками. Все переносила она смиренно, и сама называла себя глупой.

Между тем, эта дурочка, своими посильными трудами, старалась помогать в селе беспомощным старичкам и одиноким старушкам: носила им воду, топила печи и служила, чем могла; читать она вовсе не умела, но была одарена такой памятью, что все праздничные стихиры знала наизусть, пела их без ошибок; пела на память и всю Псалтирь. Голос у нее был очень приятный, пела охотно и с большим чувством. Летом занималась полевыми работами, а зимой пряла волну и вязала четки; замуж выходить не желала, а когда заговаривали об этом, она повторяла всем одно и тоже: «мне жениха не надо, у меня женихи есть!» Бедным отдавала последнее, простоты была замечательной, за что и любима была многими. В церкви стояла всегда скромно, молилась усердно и со слезами. Часто и подолгу молилась Богу по ночам, тайно от всех. Однажды она видела сон, будто стоит на паперти своей приходской церкви, перед ней сама собою открылась входная церковная дверь, и икона Царицы Небесной, предшествоваемая ангелами, неслась по воздуху с паперти, над которой устроена была колокольня, прямо в алтарь; одновременно, в царских вратах появилась в сиянии Жена, Которая и велела Неонилле взять икону и убрать

ее бархатом, золотом и бисером. В ответ Царице Небесной Неонилла сказала, что она бедна, да и дурочка, как же ей это дело справить? Тогда Владычица велела сказать об этом священнику и своим односельчанам. Проснувшись, она пошла к священнику о. Иоанну, но он ей не поверил и не стал искать иконы, показанной девушке.

На другую ночь и на третью сон повторился. Тогда Неонилла пошла опять к священнику, но священник и тут не поверил и, чтобы заставить Неониллу молчать, послал ее на жнитво в деревню Валтово за 12 верст от Давыдова. Там ей явился во сне угодник Божий Николай Чудотворец с сими словами: «Приступай к делу, тебе Царицей Небесной назначенному, а то будешь наказана». После того, на следующую ночь увидела она опять знаменательный сон. На этот раз Матерь Божия уже строго сказала ей: «если ты из боязни не исполнишь Мое повеление, то будешь наказана смертью». Проснувшись, Неонилла немедленно пошла домой в село Давыдово и опять обратилась к священнику, сказав ему о строгом повелении Владычицы и угодника Божия Святителя Николая; сказала о том и матери своей, благочестивой Стефаниде, и брату своему Захару Борисову. Посоветовавшись между собою, они отправились к церковному старосте Козьме Григорьевичу Кербеневу и с ним вместе все пошли в церковный амбар, где хранились, оставшиеся после сгоревшей от молнии деревянной церкви, три иконы: Спаса Нерукотворного, Рождества Христова и старая доска, на которой виднелся лик Богоматери. Но там они нашли только две первые иконы, и последней не оказалось, ее отыскиали уже на колокольне. Как и кем она была туда занесена – неизвестно. Неонилла с благоговением взяла эту икону к себе, обмыла и в тот же день отправилась с нею в село Фетинино, где поручила поновить икону живописцу, жившему в этом селе и известному своим благочестием и трезвою жизнью. Двенадцать дней постилась и молилась Неонилла; по ее просьбе постился и молился и живописец. Через 12 дней на этой иконе сама собою появилась рука Владычицы, прижатая к Лику. Живопись была темная, и

обозначившаяся рука как бы служила указанием, что тут была написана икона Божией Матери «Утоли моя печали».

Когда живописец окончил свою работу, Неонилла возвратилась в Давыдово и в первый воскресный день пошла к обедне в свою сельскую церковь. Она молилась там со слезами, и во время херувимской песни удостоилась слышать глас от явившейся пред ее взорами Матери Божией. Божия Мать стояла в царских вратах, а угодник Божий Николай Чудотворец в северных. Неонилла упала, не вынеся ослепившего ее света, и услышала глас Владычицы: «Неонилла! укрась Мой образ «Утоли моя печали» и тогда ты будешь разумна, и я Сама тебе помогу». Святитель же Николай строго сказал ей; «Неонилла, скажи всем, чтобы здесь поминали усопших и молились бы за них». Стоявшие близ нее, заметили перемену в ее лице; она побледнела и впала как бы в забытие, однако, вскоре оправилась, встала и начала опять со слезами молиться. По окончании божественной литургии, церковный староста подошел к ней и спросил, отчего она упала и с кем говорила? Девушка рассказала о видении как ему, так и брату своему Захару, и усердно просила их чем-нибудь ей помочь. Захар с благоговением выслушал сестру и, поговорив с Кербеневым, обещал ей свою помощь. С того времени Неонилла перестала юродствовать, а ее односельчане перестали звать ее дурочкой. С той поры многие, по внушению свыше, стали приносить ей деньги и холст, оставляя на ее окне. Неонилла от одних принимала, а другим отказывала.

В то же время, к проживавшему в Муроме старцу Антонию пришла одна богатая, благочестивая женщина, из села Карачарова с вопросом: где находится село Дальне-Давыдово? он указал ей путь. Приехав в село, она спросила девушку Неониллу Борисовну и, входя к ней, сказала: «Неонилла! я тебе принесла свой жемчуг, по повелению Матери Божией» и, отдав драгоценности, продолжала: «принесу тебе и бархат», что по возвращении в Муром и исполнила. Была заказана богатая вышитая риза в Озябликовском погосте, где в то время проживали хорошие мастерицы; уплачено было и живописцу. Когда икона была совершенно украшена и стали поднимать ее

для несения в Дальне-Давыдово, то все присутствовавшие услышали колокольный звон, тогда как на колокольне никого не было. Это чудесное знамение послужило поводом к тому, что в Озябликовском погосте отслужили молебен и с крестным ходом понесли святую икону до села Новоселок, от Новоселок до Ганина и от Ганина до Давыдова. Неонилла просила Давыдовского священника принять икону с подобающей честью, и он встретил ее с образами за лесом графа Шереметьева в 2 ½ верстах от села Дальне-Давыдова. Когда несли св. икону через село Новоселки, то народ стекался во множестве со всех сторон, и все спешили поклониться святыне, а когда принесли икону в сельскую Давыдовскую церковь, то семь человек больных получили исцеление, из которых одна девица была семь лет недвижима ногами, а, приложившись к св. иконе, встала и пошла. В том же году летом, когда от сильной засухи земля растрескалась, и народ опасался голода, то по просьбе Неониллы икону обносили вокруг всех полей Давыдовских и служили молебны, во время которых Неонилла молилась со слезами, и к общей радости в тот же день вечером разразилась сильнейшая гроза, полил дождь, и все поля освежились, хлеб поправился, червь исчез. После этого уже со всех окрестных сел и деревень стал стекаться народ в село Давыдово, для молитвы у св. иконы Владычицы мира, стали приходить и к самой Неонилле Борисовне просить ее св. молитв, так как с того времени Господь одарил ее и прозорливостью.

Стечение народа вызвало необходимость отделиться ей от матери. Крестьянин Никанор Емельянов выстроил ей особый домик в ¼ версты от церкви. В то же время присоединилась к ней на жительство из соседней деревни Якунихи, дочь бедных родителей, девица Агриппина Петрова, и из села Давыдова девица Дарья Зайцева. Агриппина и Дарья занимались сбором подаяний в пользу храма, преимущественно, холстом, который староста церковный продавал, и на вырученные деньги покупали свечи, ладан, церковное вино и деревянное масло для неугасимой лампы у иконы Матери Божией «Утоли моя печали». Неонилла время свое проводила в непрестанной молитве, а мать ее оставалась в своей крестьянской усадьбе,

где жила со своим семейством. Со времени первого чудесного сновидения, Неонилла перестала юродствовать и стала жить на пользу и утешение всем, к ней обращавшимся: она казалась счастливой и довольной; на прожитие добывали Агриппина и Дарья, которым она, ради смирения, всецело подчиняла себя, но не обошлось и без скорбей. Священник о. Иоанн стал преследовать Неониллу, отгонял народ от ее домика, неоднократно жаловался становому приставу, который, веря священнику, взял ее с братом Захаром под арест и отправил в острог; Агриппина же Петрова и Дарья Зайцева остались дома.

Но, когда людской суд обрек девицу и помогавшего ей брата на заключение в тюрьму, явилась на помощь Сама Божия Матерь. В сонном видении явилась Она жене станового пристава и сказала: «зачем засадил твой муж невинную девицу и брата ее в острог?» Проснувшись, женщина рассказала о том своему мужу, и он, пораженный сном жены, тотчас же без замедления приказал отпустить узников на свободу, и в его собственном экипаже возвратил их в село Дальне-Давыдово, с предписанием в волостное правление – ничем не оскорблять Неониллу и допускать к ней всех приходящих. Это очень обрадовало крестьян, и рассказ этот стал переходить из уст в уста. Одновременно явилась Пресвятая Дева и приходскому священнику о. Иоанну, сказав: «за что ты гонишь Неониллу?!» Вскоре после того, он сильно заболел, и пред кончиной своей послал за Неониллой, просил у нее прощения и, как только получил его, вскоре умер. Неонилла молилась три дня и три ночи у его гроба, на третьи сутки он явился ей во сне и благодарил ее, говоря: «твоими святыми молитвами я получил облегчение; я буду в хорошем месте».

Однажды, на Покров, когда ее сожительницы все пошли к поздней обедне, Неонилла, по нездоровью своему, оставалась одна дома, но, так как этот день был Праздничный, то она, затворившись, стала на молитву. Во время молитвы она сподобилась такого видения: вдруг отворилась перед нею запертая дверь, и дивный свет осветил ее; затем, точно на воздухе, вошла Матерь Божия со святыми апостолами Петром и

Павлом, им предшествовали ангелы и пели: «Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево...».

Усердная молитвенница Неонилла тяготилась постоянной молвой; душа ее стремилась к уединению, и она стала часто уходить в лес на Кряжеву сечь, и там молилась. Когда скончалась ее мать, в это время Неонилла ходила в Саровскую пустынь. Саров находится от Давыдова в ста пяти верстах. Неонилла Борисовна там приняла тайное пострижение и наречена была Надеждой. Это было в 1835-м году, через два года после кончины преподобного Серафима. Некоторые с большой вероятностью утверждают, что пострижение она приняла от старца Саровского Илариона, перешедшего в Саров из Валаама, вместе с игуменом Назарием в 1818-м году. Носила Неонилла всегда черное платье, вроде халатика, на голове белый или черный платок, под ним черную шапочку, при себе имела всегда и черные гарусные четки. Неоднократно приходилось ей видеть около оврага, где ключи, на земле какое-то небольшое пламя, в виде горящей свечи, которое видели многие, а чаще всех – дети, ходившие в лес за грибами и ягодами, почему это место старались обходить. Однажды Неонилла пришла к своему деду Федору со словами: пойдём, дедушка, на ключи, там свеча горит! Он исполнил ее просьбу и, придя, сам видел это пламя. По просьбе Неониллы тогда же тут был отслужен молебен, после которого она сказала: «здесь, на этом месте, будет монастырь в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», но мне не придется в нем умереть, мне придется выехать из него, для основания другой обители. Так повелевает мне Владычица; я не свое передаю тебе, дедушка, а передаю волю Пречистой» ... Свеча продолжала гореть, все, находившиеся тут, молились с благоговением и страхом. Это было последнее чудесное знамение благодати Божией инде праведной труженицей перед повелением ей свыше, как она говорила, в сонном видении оставить свой сельский домик и безотлагательно поселиться на жительство близ сказанного оврага, на ту самую часть его, где были ключи и являлось горящее пламя. Неонилла переселилась на Кряжеву сечь, для чего домик ее был перенесен на ключи. С того времени

началось строгое пустынное житительство Неониллы и живших с нею сестер, которых в то время собралось до десяти человек; это было в 1845 году, на 33 году ее жизни. Мысль об основании обители встречена была местными и окрестными жителями сочувственно, и дело, начатое труженицей, мало-помалу развивалось, и давалось ей все потребное; собранные ею по духу сестры с благоговением и послушанием относились к своей любвеобильной наставнице и как бы рука об руку помогали ей во всех ее благих начинаниях.

В первое время их пребывания, жизнь их была суровая, труда было очень много. Неонилла, как рассказывают сестры с нею жившие, твердо уповала на помощь Самой Владычицы Пресвятой Богородицы, явившейся ей на молитве со словами: «Неонилла! устрой монастырь во имя Мое, обещаю тебе Свою Помощь; Я Сама буду управлять этим делом»! Ободренная обещанием Владычицы, она все трудности переносила благодушно. Кряжева сечь в то время принадлежала помещице Суровцевой и надворной советнице Лазаревой; первая дозволила Неонилле перенести из села свой домик на принадлежащий ей участок земли, дозволила и крестьянской девице деревни Якунихи, Агриппине Петровне построить свою келлию; тут же выстроился и третий домик. Неонилла все ночи проводила в молитве на коленях пред иконой Матери Божией «Утоли моя печали»; это была точная копия с чудотворной иконы, писанная тем же живописцем, который поновлял первую, доныне находящуюся в сельском Давыдовском храме. Часто она уходила в лес и там молилась и плакала; и этот плач сменялся песнопением, чтением акафистов и Псалтири.

С 1845 года до 1849 года Неонилле жилось тихо, мирно, спокойно; жила она со своими сотрудницами на Кряжевой сечи, а в церковь ходили на село; питались они милостыней. Имя Неониллы Борисовны было известно во всей окрестности. Средств не только на сооружение обители, но и на покупку земли под оную не было; но отшельницы не теряли надежды их получить, и эта надежда оправдалась через неожиданное появление странницы, пришедшей из Сибири в Давыдово на поклонение иконе «Утоли моя печали». Странница эта была из

дворян Иркутской губ.; жила всегда в г. Иркутске; звали ее Дарьей Артамоновной. Остановилась она в доме Ивана Дмитриевича Кербенева, принимавшего странников. Предание о ней говорит, что она была жена Иркутского казначея и имела свой капитал. Муж ее, проиграв в карты часть казенных денег, надеялся получить их из капитала своей жены, но, так как они жили недружно, то она, узнав об этом, отказала ему и, взяв весь свой капитал, бежала от него в Россию, и по Оренбургской дороге добралась до Давыдова. Помолившись в храме, она пришла и к Неонилле; пробыла у нее несколько дней и стала собираться в обратный путь. Взяв свою котомку, она отправилась по дороге в Муром. Целый день до поздней ночи плутала она по лесам Давыдовским, тогда еще дремучим; думая, что ушла уже очень далеко, она, между тем, ночью очутилась опять в Давыдове.

Прошло две недели. Дарья Артамоновна сильно заболела и, чувствуя приближение смерти, пожелала напутствования и принятия св. Христовых Таин; перед этим она приказала вынуть из своей котомки подушку, в которой хранились приготовленное ею на смерть платье и капитал, ей принадлежащий. Все это она передала Неонилле в полное ее распоряжение, ровно, и тот широкий кожаный пояс, в котором она носила золотые полуимпериалы и которые по ее воле, после ее смерти и сняла с ее окоченевшего тела Агриппина Петровна. Еще нашла икону в жестяном киоте, под которой хранились кредитные билеты и 12 золотых империалов. Эти золотые империалы она приказала употребить на ее похороны. Похороны были богатые, и доселе их помнят в Давыдове. Погребена она близ сельский церкви, где и ныне указывают старожилы на ее могилу, рядом с могилой сестры Неониллы Борисовны, Прасковьи Борисовны Захаровой. Таким образом, из далекой Сибири явилась в село Давыдово личность, невидимо призванная на помощь Неонилле, которая, получив нужные для основания обители средства, без замедления приступила к исполнению воли Владычицы.

Первым делом Неониллы Борисовны было найти человека умного, верного для покупки ни его имя земли, для передачи ее после общине, которому так же можно было бы поручить

постройки, необходимые для устройства обители. Выбор ее пал на Валериана Владимировича Аристова, жившего в своем небольшом имении в селе Кирюшине с двумя родными сестрами, девицами, отказавшимися, как и он сам, от жизни семейной. Это было в начале 1850 года; Валериан Владимирович приобрел покупкой как всю Кряжеву сечь, так и многие близлежащие земли. Из актов известно, что до специального размежевания земель села Давыдова, в числе владельцев общей дачи находились коллежская регистраторша Суровцева и надворная советница Лазарева. В 1850 году Аристов приобрел их участки: от первой 123 $\frac{1}{2}$ десятины, и в 1851 году от второй 185 $\frac{1}{2}$ десятин, всего 309 десятин, лугов 28 и лесу 202 десятины. В 1851 году 11 февраля прибыл на Нижегородскую епархию преосвященный Иеремия. Аристов обратился к нему за советом и благословением, и представил ему того же года 24 марта все крепостные акты в подлиннике, обещая на все 309 десятин выдать дарственную запись на имя женской общины в честь иконы «Утоли моя печали», которую он имеет намерение основать при селе Давыдове, о чем и просил Его Преосвященство ходатайствовать пред Св. Синодом, обязуясь принять на себя первоначальную постройку деревянной церкви, келлий и ограды, и также содействовать, по мере возможности, сооружению в той общине каменного храма. Преосвященнейший Иеремия принял ходатайство Аристова благосклонно и, со свойственной ему ревностью, дал этому делу надлежащий ход 7 июня 1851 года.

Преосвященный ходатайствовал пред Св. Синодом об открытии женской общины и укреплении за оной жертвуемой земли. Сам же, своим святительским благословением, разрешил Аристову приступить безотлагательно к производству необходимых построек. Аристов, заручившись архипастырским сочувствием к намерению Неониллы, поспешил приступить к работам. Но тут, как и всегда в таких случаях, враг мира и любви посеял между Аристовым и Неониллой Борисовной недоразумение, относительно выбора места для устройства обители. Но вскоре, это недоразумение прекратилось, благодаря имени преподобного Серафима Саровского. Было

следующее обстоятельство: девица из дворян Матрена Васильевна Загарина, земля которой была смежна с названным «Мокрым местом» или «Кряжева сечь», лет сорок жившая тут в своем маленьком домике (впоследствии купленном графом Шереметьевым), была огорчена до глубины души разногласием между строителем и основательницей общины. Она с молодых лет хорошо знала преподобного Серафима, бывала у него в Сарове, руководилась его советами, а после его кончины всегда усердно его поминала и во всех своих затруднениях просила его помощи. Так поступила она и теперь. Однажды вечером, перед сном помолившись Богу, она просила преподобного Серафима указать, где он благословит устроить обитель. Уснувши, она видит преподобного Серафима молящегося на коленях на том самом месте, где теперь построен соборный монастырский храм в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Она подошла к нему со слезами и спросила, где он благословит соорудить обитель? Старец отвечал: «матушка, не беспокойся! здесь, здесь, здесь», повторил он трижды, «на этом месте благословил Бог быть обители». Тотчас она проснулась вся в слезах, и поблагодарила Бога и преподобного Серафима. Призвав к себе всех, живущих с нею в доме, она объявила им о бывшем ей сновидении. Валериан Владимирович Аристов не дал веры этому сновидению, и не внял просьбам Загириной. Неонилла плакала и молилась. Валериан Владимирович уже окончательно избрал местом для обители урочище «Романовку» в лесу, отстоящем от Кряжевой сечи в двух верстах, как более удобное и более отдаленное от села, а главное, более возвышенное. Он уже начал возить строительные материалы, выстроил сперва маленькую деревянную часовню, затем стал ставить амбар и погреб. Неонилла уже больше не спорила, но своих убеждений не оставляла, и наложила на себя и своих сестер пост и молитву. Двенадцать дней продолжалась эта искренняя молитва, слезы ручьями лились из очей Неониллы. Она взывала к Матери Божией открыть Аристову Свою волю и указать место, избранное для основания обители. И вот, в двенадцатую ночь над Кряжевой сечью спустился с неба свет, и стало там так светло, что на селе можно было читать. Свет этот

был виден издалека, так как ночь была темная, осенняя. В это время, поставленный Аристовым амбар разрушился, стал рушиться и погреб, а погребная яма мгновенно залилась водой. Тогда Аристов понял, что это наказание свыше.

На следующий день он пошел с сестрами ни Кряжеву сечь; день был ясный, теплый, а то место, где ныне монастырь, было покрыто росой! После долгой молитвы, кругом стало сыро, а то место, назначенное для храма, стало совсем сухое. Тогда не только Аристов, но все, тут бывшие, сестры изумились и опять начали молиться. Неонилла Борисовна в молитве призывала вслух преподобного Серафима, просила его помощи и потом все вместе начали петь тропарь: *«Утоли болезни многовоздыхающая души моя, утолившая всякую слезу от лица земли»*. Тут Неонилла обрела между кустами тот самый крест, который, в присутствии мальчика Дубова, преподобный Серафим водрузил в 1785 году. Неонилла тогда сказала Аристову: «вот здесь, умна голова, как она называла его обыкновенно, будет собор во имя Матери Божией *«Утоли моя печали»*».

Этот крест оставался тут долгие годы и был прикреплен к длинному шесту, а впоследствии по распоряжению начальства водружен на месте закладки соборного монастырского храма. Таким образом, сбылись в 1862 году слова преп. Серафима, сказанные им старице Марфе Артемьевне за два года до его смерти, т. е. в 1831 году. Этого креста не снимали с постройки до водружения пяти металлических крестов, а потом, как передавала старица Марфа Артемьевна, по распоряжению первоначальницы общины, он был положен под престолом придельного храма, который, именно в память этого события, и был освящен в честь Воздвижения Креста Господня, в 1872 году. Прошло много времени, а в Саровской пустыне до сих пор сохранилась память о том, как преподобный Серафим много заботился об устройстве там женского монастыря, и как склонял к тому, часто к нему приходившую, Неониллу Борисовну. В Сарове сохранилось предание, что Преподобный особенно любил эту местность и бывал там неоднократно.

После обретения креста Валериан Владимировичи более спорить не стал; все строительные материалы и развалившиеся строения были перевезены из Романовки на Кряжеву сечь, была перевезена также и выстроенная там деревянная часовня. Понятно, что после всего вышеописанного, народ во множестве стал стекаться к Неонилле Борисовне. Сестры, с нею жившие и разделявшие ее труды, рассказывали, что молитва ее имела такую силу, что все, о чем она просила, исполнялось. Крестьяне окрестных селений снабжали ее маленькое общежитие всеми нужными для жизни продуктами, приводили ей коров и лошадей, когда она в них нуждалась. Она уповала на милосердие Владычицы, и по вере ее давалось ей. Однажды нуждались сестры в дойной корове, а денег не имели, чтобы купить таковую, и пришли к Неонилле со своею скорбью. Она их успокоила и стала вслух молиться: «Матерь Божия! дай нам коровушку, молочка хочется, нечем и странников кормить!», и что же? на другой день утром мужичок привел ей в дар коровушку с телятком. Таких случаев бывало много, о которых с благоговением рассказывали все, знавшие и жившие с ней; народ шел к ней со всех сторон, толпился у ее келлии и в будни, и в праздники; к словам ее имели большую веру; по ее молитвам иногда бывали исцеления от болезней. Таковое совершилось и над крестьянкой села Давыдова 80-летней старицей Варварой Феодоровной Кербеновой, которая рассказывала о том со слезами умиления.

Сам Бог прославлял верную рабу Свою! Так, однажды, в летнее время, ночью порой, пасли крестьяне своих лошадей; было уже далеко за полночь, как вдруг над молельной старицы образовался огненный столб, восходящий к небу. Изумленные крестьяне подошли ближе, до слуха им доносилось пение; они стали вслушиваться и узнали голос Неониллы, взывающий о помощи Владычице. Ночное правило уже было окончено, сестры разошлись по келлиям, все отдыхали, одна Неонилла бодрствовала и молилась.

Неонилла Борисовна Захарова, в инокинях Надежда, была великая подвижница. Часто бывали ей страхования от врага зримо к ней приступавшего и наносившего ей скорби, но она

мужественно переносила все его козни, отражала его, осеняя себя крестным знамением, и продолжала молиться безбоязненно. Отдых позволяла она себе самый краткий; случалось, что она засыпала иногда, молясь на коленях, и когда проснется, то вскочит и начнет себя укорять ленивой и нерадивой, заплачет и опять примется за молитву. Так проводила труженица ночи, а днем искала себе труда другого: пойдет в лес очищать сухие сучья, готовить их на топливо. Своими руками вырыла она колодезь, доньне существующий и никогда не иссыхающий. Монахиня Валентина, прежде Вера Петровна, с малолетства поступившая с своей матерью на жительство в монастырь к Неонилле Борисовне, рассказывала, что за водой они ходили на село, о чем старица сильно скорбела, – другого колодца вблизи ни было. Однажды она подозвала к себе свою Вероньку, которой в то время было шесть лет, и сказала: «а, Веруня, у нас воды нет, надо расчистить ключи, надо устроить колодезь, пойдем по оврагу, разыщем их, их там много». Пошли они туда, переходя от одного ключа к другому, наконец, был найден тот самый ключ, над которым она с юных лет видела горящие свечи; с молитвою и пением стала она своим топориком отсекав сплетшуюся с древесными корнями траву, вырыла сама ямку и, к великой общей радости, на глубине аршина открылся обильный ключ, потекла быстрая, студеная вода. Возблагодарив Бога за великую Его милость, приступила она к устройству колодезя. Излишняя вода стекала в овраг; тогда, с помощью спасающихся тут сестер, Неонилла Борисовна сама его очистила, вырыла его поглубже и вскоре он наполнился водой. Пруд этот, проточный, как и колодезь, существует доньне.

Вскоре после того озаботилась наша труженица устройством и другого колодезя, внутри обители, предсказав, что одного будет со временем для обители недостаточно. Призвала землекопов и, указав им место, где копать, сказала: «а здесь вода откроется на глубине сажени», что и сбылось. Начало трудов было положено ею вместе с землекопами, она стала копать землю, все время призывая на помощь Владычицу нашу, Пресвятую Богородицу. Этот колодезь изобилует водою и

доныне снабжает ею весь монастырь. В обоих колодезях вода, особенно летом, вкусна и холодна.

Вышеупомянутая монахиня Валентина были свидетельницей в детстве своем всех подвигов Неониллы; она рассказывала, что однажды пошла она с нею в лес, старица легла на поляне вблизи их убогого жилища, а свою возлюбленную Веруню посадила возле себя. Устремив глаза свои к небу, Неонилла молилась молча, потом вдруг быстро встала и с воздетыми руками бросилась на колени, слезы текли из ее глаз, и она громко воскликнула: «а, Веруня, Веруня! что я вижу! – Матерь Божия, Владычица Пресвятая, это Тебя я вижу! Ты Сама Владычица мира, покрываешь нас, здесь живущих, Своим святым омофором! Матерь Божия! Ты к нам, грешным, пришла со святыми апостолами, мучениками и всеми святыми!» Праведница умолкла, – видение окончилось, и она упала на землю, и долго так лежала; Веруня в изумлении смотрела на нее; безмолвие длилось с полчаса, затем Неонилла пошла в свою келлию; входя в нее, она обратилась к живущей с ней Агриппине Петровне, сказав: «ах, Груня, что я удостоилась видеть! Над нами, грешными, Матерь Божия Сама держала Свой святой омофор и покрывала нас им; Она Сама к нам приходила на воздусех со всеми святыми апостолами, мучениками и всеми святыми!» Тут она залилась слезами; «а что было после, я, – говорила м. Валентина, – не помню, я ушла к своей маменьке в келлию, а они остались». Вот как жила и чего удостаивалась основательница обители Дальне-Давыдовской; эта дурочка, за которую в детстве со смехом и укоризнами бегали ребятишки со всего села.

Дни проходили за днями – подвижница молилась, Агриппина, путем сбора продуктов и денег за чтение Псалтири по усопшим, приобретала все необходимое для пропитания; прочие сестры молились и трудились, а Валериан Владимирович Аристов заботился о благоустройстве внешнем. На деньги странницы Дарьи Артамоновой производились постройки: он обнес их деревянным забором, выстроил двухэтажный деревянный корпус, в котором устроил молельню, выстроил кирпичный сарай и гумно с овином.

Сестрами разведен был ягодный сад; понемногу собиралась и ризница церковная. Предсказание, бывшее в 1831 г. старице Марфе Артемьевне, было повторено и в 1848 г. незабвенным иеромонахом Парфением Киевским, у которого была Неонилла Борисовна вместе с Натальей Андреевной Загребиной, проживавшей в соседней селу Давыдову деревне Новой. Она передает, что иеромонах Парфений сказал при ней, вручая Неонилле Борисовне икону Успения Богородицы и, благословляя ее на предстоящий великий подвиг: «велика у вас слава будет, вторая будет лавра». С верой приняла эти слова Неонилла Борисовна и всегда помнила их.

83-летний старец Антоний Муромский, кончивший свою жизнь в г. Ардатове 29 июня 1861 года, с 1854 года имел большую заботу об этой обители, и много помогал ей советами и молитвами; заботился о ней также и Филиппушка, в монашестве Филарет, известный основатель Гефсиманских пещер близ Свято-Троицкой Сергиевой лавры под Москвою; он любил и уважал старицу, помогал ей и словом, и делом. По словам его сына, иеромонаха Галактиона, начальника скитской киновии, Неонилла Борисовна бывала у него еще чаще в то время, когда Филарет жил в Лавре под покровительством отца наместника Антония. Через его посредство, в 1854 году она познакомилась в Москве с известной по своему благочестию фрейлиной баронессой Аглаидой Григорьевной Розен, в тайном монашестве Алексией. Эта опытная и влиятельная особа, глубокоуважаемая митрополитом Филаретом, просила его подвинуть дело об утверждении Дальне-Давыдовской общины, начатое еще в 1851 году. В 1857 году, стараниями баронессы Розен, и благодаря мощному влиянию митрополита Московского Филарета, Дальне-Давыдовская община была Высочайше утверждена. Первый вклад, присланный из Москвы пустынножительницам на сооружение храма, в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», был прислан в размере 1000 руб., именно баронессой Розен, это было в 1857 году, почему в первом синодике общины и записан был род баронессы Аглаиды Григорьевны Розен за № 2, после рода Валериана Владимировича Аристова. До утверждения общины

отшельницы занимались исключительно тяжелыми работами и чтением Неусыпаемой Псалтири, – кто бы ни умер в селе или окрестностях, имя умершего записывалось для поминовения, невзирая на то, знаемый это был или незнаемый, даны ли были деньги или нет. Старица молилась о всех одинаково и заставляла молиться своих сподвижниц; приносимыми же деньгами за поминовение делилась с причтом Давыдовской сельской церкви.

Прошло двенадцать лет со времени переселения Неониллы Борисовны из села на Кряжеву сечь, наступила для общежития новая пора. 17 февраля 1858 года Высочайше утвержденная община была открыта; первоначальницей ее назначена из Крестовоздвиженского Нижегородского монастыря рясофорная послушница Антония, в миру Вера Ивановна Соколова, получившая всестороннее образование в Смольном институте.

В то время рясофорной послушнице Антонии Соколовой было 28 лет, но, несмотря на свою молодость, она вела себя строго и взялась за дело, порученное ей начальством, с усердием. Земля, купленная, по поручению Неониллы Борисовны, на имя помещика Валериана Владимировича Аристова, в 1850 и в 1851 годах не была еще им укреплена за общиною; Нижегородская гражданская палата потребовала 250 рублей для укрепления за общиною этой земли, без чего нельзя было совершать дарственную, и Антония поспешила внести из своих собственных денег нужную для уплаты крепостных пошлин сумму, за что, как видно из ее формулярного списка, ей была объявлена, указом Консистории, архипастырская благодарность.

В 1860 году воля Всевышнего извела смиренную труженицу, рабу Божию блаженную Неониллу, в инокинях Надежду, из дорогих ей лесов Давыдовских, где она с юности уединенно молилась, где столько слез и трудов ею было положено для прославления Владычицы Пресвятой Богородицы. При прощании с нею были плач и рыдания. Первоначальница Антония до трех раз при всех сестрах кланялась ей до земли, просила не оставлять обители, обещала ей всевозможный покой, и сама плакала, провожая ее, но Неонилла сквозь слезы

смирненно отвечала: «простите, сестры, не моя воля, а воля Царицы Небесной, мне надо основать еще другую обитель». Поводом к уходу было неудовольствие между м. Антонией и Агриппиной, с которой Неонилла расстаться не могла.

Мать Антония Соколова неуклонно старалась установить требуемые начальством должные порядки. Скорбен был ее жизненный путь, но зато он был основанием благоденствия сестер, ей вверенных, он был началом правильной в обители жизни, началом исполнения уставов православного монашества и православной нашей Церкви, так как до того времени в общине той монашеской дисциплины не существовало, молитвенные правила как общее, так и келейное, по неграмотности основательницы, исполнялись по произволу, а потому, все нововведения показались сестрам странными. М. Антония высказывала старицам свое мнение, разумно поучала их, но не все сочувствовали ей, не все желали последовать ее примеру. Дела хозяйственные были в крайнем беспорядке: пришлось преобразовывать все и всех, пришлось бороться с закоснелыми убеждениями, быть первой как на молитве, так и в трудах. Неоднократно в минуты откровенной беседы с близкой ей особой, жившей в Москве, она горько плакала при воспоминании о всем том, что пришлось ей перенести, живя в Давыдове, не имея, с кем поговорить и посоветоваться. Слезы, в часы молитвы и уединения, были единственной отрадой для ее любвеобильного сердца, для ее пламенной души. Часто по делам службы она ездила в Нижний, Муром и Москву; этими поездками, по ее словам, она освежалась и телом, и духом, приобретала и благодетелей, помогавших ей своими средствами для возведения нужных построек. Находила она их, преимущественно, среди Муромского купечества, среди некоторых благочестивых и богатых крестьян окрестных селений, до сих пор сохранивших о ней благодарную память, как о личности умной и благонамеренной, всегда приветливой, всегда готовой им помочь и словом, и делом. Сестер в то время было собрано, как говорят, около восьмидесяти человек. К больным она была очень сострадательна, – ухаживала за ними, сама бесплатно лечила народ, обращавшийся к ней за

врачебной помощью. Ее личными заботами и трудами, наравне с сестрами, осушены болота, окружавшие обитель, устройством канав на протяжении 2638 сажень, и расчищено 50 десятин лугов. Бывало, придет с работы в мокром до колен сарафане; куда девалась нежность воспитания, привычка к роскоши, – все принесла она в жертву обители Давыдовской; наденет на себя кафтан мужицкий, сапоги высокие и впереди сестер-тружениц идет и она, начальница-труженица, ободряя их во время отдыха и разделяя скудную пищу. Многие ее осуждали, но она, как благовоспитанная особа, не обращала внимания на все эти насмешки; она в часы труда была труженица-крестьянка, в часы богослужения и приема посетителей держала себя, как следует благовоспитанной особе и настоятельнице. В келлии любила простоту, занималась чтением духовных книг; часто собирала к себе сестер и читала им вслух, увлекаясь чтением отеческих творений, плакала и внушала сестрам подражать подвижникам благочестия; роскоши себе никакой не позволяла ни в пище, ни в одежде. Двенадцатый час ночи никогда не просыпала, сама вычитывала полунощницу и акафист Божией Матери, и в 4 часа утра ходила звонить к утреннему правилу, и являлась первою в храм. Сама читала, сама образовала хор и в церкви всегда сама пела, строго следя, чтобы все сестры вставили на молитву; неимущим помогала в их нуждах, иногда со своих ног снимала обувь и отдавала нуждающейся сестре. Одним словом, она была мать, и мать сострадательная. Когда случалось обидеть кого словом, то после того она горько плакала, просила прощения и старалась, чем только могла, утешить оскорбленную.

В трапезе м. Антония также установила должный порядок и чтение жития святых, чего до нее не было; пищу улучшила, установила форму одежды, озаботилась устроить домовую церковь, которая была освящена 20 октября 1858 года, во имя «Всех Святых». Испросила общине штатного священника, учредила стройное пение и внятное чтение, выучила канонаршить. Одним словом, преобразовала все порядки к лучшему, во всех частях управления общиною, устроила

рукодельную, образную, цветочную; что умела сама, тому и научила сестер.

Когда задумала строить храм, в честь иконы Матери Божией «Утоли моя печали», имея вначале на ту постройку всего только 4000 рублей, она завела сперва свой кирпичный завод. Нередко, вместе с сестрами подносила на поемках кирпич каменщикам. После закладки, которая была в 1861 году, работы шли очень успешно. Муромский купец Михаил Козьмич Зворыкин и другие много жертвовали на устройство храма, но, с прекращением сбора, на три года работы должны были временно остановиться. М. Антония, воодушевленная чистой и горячей верой, не падала духом, но, твердо уповая на всемогущую и всесильную помощницу Царицу Небесную, она просила помочь ей, и Матерь Божия вскоре ее утешила. По внушению свыше, к ней приехала из С.-Петербурга на жительство в общину очень ее любившая тетка, вдова надворного советника Дарья Ивановна Таборина, которая своим капиталом помогла ей настолько, что храм был, милостью и помощью Божией, окончен в 1868 году, оштукатурен внутри и снаружи, и правый придел в честь Воздвижения Креста Господня освящен 17 сентября 1872 года.

По хозяйственной части дело шло своим порядком, но много сделать она не могла, так как до 1865 года ей не выдавали сборных книг, а с 1865 года по 1875 год, когда она передала управление общиной своей преемнице, выдавалось ей по одной книге в год. Но, несмотря на это, первоначальница Антония Соколова неусыпно трудилась и с 1858 по 1863 произвела следующие постройки: 1) сестринский двухэтажный корпус, 2) распространила деревянную ограду, 3) священнический дом, 4) кирпичный завод, 5) ветряную мельницу и, наконец, приобрела пожарный снаряд, и устроила небольшой пчельник. С 1862 г. по 1869 г. производилась постройка храма в честь иконы «Утоли моя печали» собственными средствами. Вообще, м. Антония помогала обители, почему могла оставить ее без всяких долгов. Епархиальное начальство, довольное ее управлением, дорожило ею. Крест несла она тяжелый и, наконец, стала

тяготиться множеством дел, которые отвлекали ее от молитвы и чтения. В 1868 году, в ночь на 8 сентября, в Саввинской Звенигородской обители, под Москвой, у раки преподобного Саввы, она была пострижена в схиму настоятелем этой обители преосвященным епископом Леонидом, викарием Московским, впоследствии архиепископом Ярославским. Имя ее осталось то же – Антония... Сколько слез было ею пролито в эту священную для нее ночь. Исповедовал ее сам преосвященный, 8 числа он совершил торжественно литургию в том же храме, за которой сам ее приобщал святых Христовых Таин. С тех пор она особенно отяготилась житейскими заботами; она желала монашествовать и умереть в своей обители, но Господь судил иначе.

В 1875 году она сдала общину своей преемнице, Крестовоздвиженского монастыря монахине, Филарете. А в 1876 году, помимо своей воли, покоряясь совету благочинного монастырей архимандрита Лаврентия, чтобы успокоить своих недоброжелателей, решила навсегда оставить ее пересозданную обитель. Выехала она из оной, сама не зная куда. Посетила разные монастыри и в последнюю Русско-Турецкую войну трудилась на перевязочных пунктах, была сестрою милосердия. Наконец, пришлось ей умереть в селе Кубанки, по Смоленской железной дороге, 28 мая 1882 г. Перед кончиною была осoboрована св. елеем, исповедана и приобщена св. Христовых Таин, священником того же села; вообще, кончина ее была мирная, истинно христианская. Погребена там же, близ сельской церкви, оставив по себе везде добрую память. Сестра, находившаяся при ней, писала потом в Давыдовскую общину: «я сроду не видала таких больных, – лежала она, как смиренная агница, вся была углублена в Бога, а эта болезнь продолжалась 4 месяца. Перед кончиною за два дня слышно было, что она все с кем-то разговаривала, – вдруг подозвала меня и говорит: «Дуня! видишь воинов? они меня уже записали, хотят меня взять через два дня в свой монастырь!» С тем и умолкла, и действительно, эти слова сбылись: на третий день она умерла. Жаль и больно, что не

пришлось ей умереть в своей обители, лежит она одиноко на чужой стороне!» Мир праху ее и вечная память!

Выехав из дорогой ей Дальне-Давыдовской обители Неонилла поместилась в селе Кирюшине, у помещика Аристова, где и прожила до 1864 года, а с 1864 года они нашли себе убежище у князя Звенигородского; все скорби и труды Неонилла переносила с обычным ей терпением, смирением и кротостью, и твердо верила в помощь Матери Божией, Которая сказала ей, что она в Давыдове не останется, что ей повелено Богом основать еще и другую обитель.

И вот, слова эти сбылись, она, с Божией помощью, основала другую общину в урочище, под названием «Кутузовка», которая, по ходатайству преосвященного епископа Модеста, Высочайше утверждена в 1886 году. Агриппина Петровна, по-прежнему была в постоянных хлопотах и разъездах. Быв ранее в недружелюбных отношениях с первоначальницей Антонией, она, по милости Божией, признала перед нею свою вину, и к общей радости Давыдовских сестер, незадолго до своей кончины, примирилась с Антонией, встретившись с нею на пути: Агриппина ехала из Якунина, а Антония из Нехайки. Минута была очень трогательной, обе остановили своих лошадей, вышли из повозок, со слезами поклонились друг другу в ноги, прося прощения. Примирение произошло в присутствии послушницы Дальне-Давыдовского монастыря Пелагии Алексеевны, потом монахини Павлы и казначеи обители; вскоре после этого, Агриппина скончалась. Миротлюбивая м. Антония ездила в Кутузовку поклониться праху ее и просить рабу Божию Неониллу Борисовну переехать к ней в Давыдово; но сестры Кутузовские непустили ее, особенно, родная ее сестра Александра Борисовна, жившая с ней, сильно этому воспротивилась. Неонилла же Борисовна на предложение матери Антонии сказала ей пророчески: «тебя ожидает великая скорбь, ты и сама скоро выедешь оттуда, и это будет вскоре после моей кончины, а в Давыдове будет начальницей монахиня, при которой, перед концом ее управления, община наша будет утверждена монастырем». И, действительно, так и случилось: в 1875 году скончалась раба Божия Неонилла, а 3

июля того же года первоначальница Антония, вследствие своего собственного прошения, оставила управление общиной, а в 1876 году уехала из оной навсегда. Неонилла Борисовна в последний раз приезжала в село Давыдово на праздник иконы Божией Матери «Утоли моя печали» и в обитель, в январе 1874 года, и тогда же, пришедшим к ней на благословение сестрам, говорила: «у вас будет монастырь, все вы будете монахини, духом живу всегда я с вами, плачу о дорогой мне обители, но возвратиться не могу; и с вами, а вы со мной, и в будущей жизни все будем вместе». Она рассказывала им свой сон: «после молитвы я уснула и вижу пред глазами моими две обители, между ними протекает золотая речка, соединяющая их, я по ней ходила взад и вперед от одной обители к другой». Этот сон обрадовал старицу до слез, и она объяснила его так: что обители эти соединяются любовью и родством духовными

Скончались же обе подвижницы Агриппина и Неонилла при следующих обстоятельствах.

10 августа 1872 года Агриппина с послушницей своей, по имени Анна, отправилась из Кутузова в Н.-Новгород хлопотать об отводе земли под обительское кладбище. Послушница была за кучера. В Нижнем тогда свирепствовала холера. Окончив благополучно свои дела, через неделю мать Агриппина уже возвращалась домой, как вдруг по дороге в селе Вязовке она почувствовала себя нехорошо, видимо, заболев холерой. Несмотря на это, она настойчиво потребовала от послушницы ехать дальше и сумела уверить испуганную послушницу, что болезнь ее не коснется. Однако, в следующей деревне (Буграх) больной сделалось настолько плохо, что пришлось остановиться. Больную принял в свой дом, хорошо знавший и почитавший Кутузовских подвижниц, старшина. Здесь больная пожелала особороваться маслом, после чего ей стало значительно легче, а через несколько дней путницы тронулись в путь. Всю дорогу Агриппина беседовала с послушницей о своей близкой кончине; но, не желая ее пугать, говорила о своей смерти издали, намеками. Было заметно, что мать Агриппина все слабела и слабела. Не доезжая до Кутузова верст около пяти, послушница заметила, что больная вдруг как-то стала

очень покойна. Едва послушница обратила на нее внимание, как почему-то ей пришло в голову торжественно-печальное похоронное: «Святой Боже, Святой крепкий» ... Аннушка невольно вздрогнула и тут же поняла, что мать Агриппина скончалась. Сознание одиночества рядом, хотя и с дорогим, но бездыханным трупом, да еще посреди глухого дремучего леса, ужасом наполнило все ее существо. Невольный страх и, в то же время, какой-то благоговейный трепет пред величием тайны смерти объял ее душу... Слезы брызнули из глаз... Уста невольно зашептали молитву... А в ушах настойчиво раздавались печальные звуки погребальной песни... Казалось, она, эта песнь, неслась откуда-то со стороны, из леса... Казалось, что пели ангелы...

Когда послушница с бездыханным трупом почившей матери Агриппины, в иночестве Афанасии, прибыла в Кутузово, было около 8 часов вечера. Сестры были в трапезной и тотчас же вышли навстречу усопшей; они внесли почившую в здание и окружили ее тесной толпой. Многим в это время показалось, что мать Агриппина открыла глаза и прощальным взором обвела присутствующих. В тот же вечер ее положили во гроб и торжественно вынесли в храм. Могилка матери Афанасии (Агриппины) была основанием Кутузовского кладбища. Это было 24 августа 1872 года.

Смерть Агриппины произвела сильное впечатление на ее спутницу в жизни Неониллу. Последняя стала также быстро дряхлеть, и заболела водянкой. Болезнь сильно беспокоила Неониллу, но она терпеливо переносила ее, и, подобно праведному Иову, не произнесла ни одного слова ропота или недовольства на Господа Бога. Чем немощнее становилась она телом, тем, казалось, была бодрее духом. Спустя года четыре после смерти Агриппины, она не могла уже сходить с места, и так проболела в постели около полугода, не двигаясь с места. На ногах у нее открылись раны, из которых сочилась вода. Болезнь протекала чрезвычайно мучительно. Постоянное ожидание скорой смерти, богомыслие, горячая любовь к Богу, крепкая вера и твердая надежда на Его бесконечное милосердие сделали мать Неониллу как бы озаренной свыше

даром предведения. Во время своей болезни она, как уже было сказано, была немало утешена приездом к ней начальницы Давыдовской общины, матери Антонии. Предчувствуя час своей кончины, мать Неонилла пожелала напутствовать себя пред отшествием в вечность св. таинства Причащения и Елеосвящения. Опечаленные сестры собрались у постели своей умирающей начальницы. Горячо и усердно молились они в то время, когда священник совершал эти святыя таинства над умирающей. Потом мать Неонилла благословила каждую из сестер и, прощаясь с ними, говорила: «я поручаю вас Заступнице мира, не плачьте обо мне, живите так, как жили при мне; во всем помогайте друг другу и любите друг друга. Не покидайте Кутузовской обители и молитесь об упокоении моей грешной души. А я, если буду иметь дерзновение пред Господом, буду молиться за всех вас»...

– «Кого же ты, матушка, назначаешь после себя на управление?» спрашивали сестры.

– «Трех... сказал она, показывая три пальца руки. Одна будет управлять вами три дня, другая до шести недель после моей смерти, а третья будет вашей начальницей». Сказав это, мать Неонилла, в иночестве Надежда, тихо отошла в вечность на 60 году жизни, 27 января 1875 года, на третий день после обительского праздника в честь иконы «Утоли моя печали». Тиха и спокойна была ее кончина, как кончина праведницы, подвигом добрым подвизавшейся, течение скончавшей, веру соблюдавшей и ожидающей суда Милостивого и Всеправедного Судии.

Согласно ее воле, прах ее погребли рядом с прахом ее сподвижницы Агриппины. Как на земле, живя вместе, они руководились заветами общего своего духовного наставника, приснопамятного отца Серафима, так и по смерти пожелали телом лежать вместе, до всеобщего страшного суда Божия³².

Оптинский архимандрит Исаакий

(Память 22 августа).

Из кратких сказаний, сохранившихся о предках о. архимандрита Исаакия, видно, что они происходили из именитого и весьма зажиточного купеческого рода города Курска и имели звание почетных граждан. Несмотря на довольно большие денежные средства, выручаемые от торговли скотом и откупа рыбных ловлей на Черномории, семья Антимоновых продолжала придерживаться самого строгого и сурового патриархального образа жизни старого русского купечества. В конце прошлого столетия во главе ее стоял Василий Васильевич Антимонов, скончавшийся в глубокой старости в 20-х годах XIX века. Отличаясь ревностью к посещению храма Божия и проводя, вообще, христианскую жизнь, он требовал исполнения религиозных обязанностей и от всей своей многочисленной семьи, главным распорядителем которой оставался до самой кончины. Отправляясь по праздникам в Церковь, все благочестивое семейство Антимоновых шло чинно, соблюдая старшинство, и в храме Божиим вело себя всегда примерно, причем, особенным усердием отличался молодой Иван Иванович, впоследствии архимандрит Исаакий.

Старший сын Василия Васильевича, Иван Васильевич, имел от трех браков тринадцать человек детей, из коих Иван Иванович, родившийся в 1810 году 31 мая, был пятым и, вместе, последним от первого брака с девицей Анной Пузановой. Благочестивый дед Ивана Ивановича был особенно расположен к своему маленькому внуку, и часто брал его с собою в храм Божий, куда имел обыкновение ходить ежедневно к утрени и обедне. Отец Ивана Ивановича, воспитанный в строго христианском духе, унаследовал добродетели своего родителя. Его простота и смирение производили благоприятное впечатление на всех, сталкивавшихся с ним в жизни. Сохранилось известие о путешествии его в Киев в 1809 году к старцу иеромонаху отцу Парфению, который, говорят, при входе приветствовал его словами: «блаженно чрево, родившее

монаха». Вообще, по свидетельству очевидцев, семейство Антимоновых пользовалось большим уважением в городе за свою безукоризненную честность, строгость христианской жизни, исполнение в точности уставов Церкви, – что, впрочем, в те времена не было редкостью, – любовь к дому Божию, выражавшуюся в посильных жертвах на украшение храма, усердие к служителям алтаря и монашеству и милосерии к бедным, причем, для раздачи милостыни у них был назначен даже особый день в неделе. Проведя таким образом детство и юность в среде христиански настроенной семьи, Иван Иванович получил самое суровое воспитание, согласное с духом того времени. Несмотря на весьма достаточные средства, он привык еще дома переносить всевозможные лишения, довольствуясь самой грубой пищей и стесняя себя во всех отношениях. Иван Васильевич, человек простой, но по-своему образованный, в воспитании детей придерживался старых обычаев и требовал от них беспрекословного повиновения и такого уважения к родительскому авторитету, что дети не осмеливались садиться пред ним без позволения. Впрочем, он не прибегал к обычным в то время мерам строгости и никогда не поднимал на детей руки, потому и неудивительно, что они, при невольном страхе пред властью родителя, сердечно его любили.

Иван Иванович еще в ранней юности отличался скромностью, любил уединение и старался уклоняться от товарищеских игр и увеселений. Молчаливость, не позволявшая ему сказать пустого слова, не мешала, однако, подчас проявляться его природной веселости в шутках, всегда, впрочем, остроумных; так что отсутствие его было особенно заметным для общества, собиравшегося иногда в доме Антимоновых. Простота при ясном уме давала Ивану Ивановичу возможность быть в самых близких отношениях к простому народу, с которым он имел дело, когда, по достижении зрелого возраста, начал помогать отцу в его торговых занятиях. Он имел на подчиненных ему рабочих людей самое благоприятное влияние в нравственном отношении, внушая им страх Божий, когда при расчете вступал с ними в беседу. Так он отучал их от божбы. Сердечная доброта и справедливость самым лучшим

образом уживались в душе его, проявляясь во всех более или менее важных обстоятельствах его жизни. Так, однажды, когда один из его рабочих, человек строптивного характера, за постоянные взыскания, которым подвергал его Иван Иванович за неисправность и дерзость, решился, наконец, убить его, и когда злое намерение его было открыто Ивану Ивановичу, он простил ему вину, и только отпустил, не предавая его в руки правосудия. Высокая честность и тогда еще заслужила Ивану Ивановичу общее уважение. Он сам впоследствии вспоминал, что за отпускаемый товар никогда не получал ничего, кроме благодарности. Твердость его характера выразилась особенно в мужественном перенесении всяких лишений и подвигов, во имя религиозных целей, в продолжение 19 лет до поступления в монастырь. Сохранилось предание, что он в то время, ежедневно становясь на молитву, полагал по тысяче поклонов. Но воздержание свое и подвиги он старался тщательно скрывать от домашних и успевал в этом. Так, в скоромные дни он умел обходиться без мяса, не будучи замеченным. Особенная ревность к посещению храма Божия, поощряемая благочестивым дедом, возбудила в нем любовь к церковному пению, в котором он принимал участие, стоя на клиросе, а для большего упражнения собирал по праздникам певчих на дом, устраивал хоры и изучал ноты, из которых некоторые впоследствии взял даже с собой в монастырь. Твердая вера в Промысл Божий возгревалась в нем многими знаменательными событиями в его жизни. Так, однажды, когда в праздник пришлось ему по необходимости перевесить товар, внезапно обрушилась перекладка, на которой были утверждены весы, и Ивану Ивановичу грозила смерть, но тяжелое железное коромысло, весом в 15 пудов, не задев его, упало к его ногам. С тех пор он дал обет не работать более по праздникам. Послушание воле родительской было у него всегда на первом плане. Он не жалел для этого ни трудов, ни сил, ни здоровья; и Господь видимо благословлял труды его умножением оборота. Когда, по достижении зрелого возраста, пришлось ему заведовать торговыми делами отца, он сам отправлялся за скотом на ярмарки.

При нарождавшемся желании удалиться от мирских соблазнов, не скоро, впрочем, Иван Иванович последовал влечению своего сердца. Препятствием к тому служило для молодого человека, во-первых, то, что родителем его возложены были теперь на него все хозяйственные дела, и потому отец его никак не согласился бы отпустить его в монастырь, хотя бы тот и стал проситься; а, во-вторых, перемена жизни приводила его в недоумение, – как это сделать, и послужит ли это ему на пользу. Так он колебался до 36-летнего своего возраста и, должно быть, ожидал какого-нибудь особенного указания Промысла Божия, для окончательного решения своей участи. Таким указанием он счел, во-первых, неудачное свое сватовство. Неоднократно родитель Ивана Ивановича предлагал ему вступить в брак. Находились и невесты, но каждый раз сватовство его, по некоторым причинам, расстраивалось. В последний раз он, уступая желанию своего родителя, еще съездил посмотреть последнюю невесту, но тут же заявил своему отцу, что она не пришлась ему по сердцу. После этого он уже окончательно решился привести в исполнение свое заветное решение идти в монастырь.

Нужно заметить, что незадолго перед тем старший брат его, Михаил Иванович, уже вступил в монашество в знаменитую своими духовно опытными старцами Оптину Пустынь, в Калужской епархии. И вот, Иван Иванович обратился теперь к нему с просьбою, дать ему совет насчет поступления в обитель. Брат решительно отказался исполнить его желание, считая необходимым, чтобы в таком важном деле каждый сам был решителем своей судьбы, действуя свободно, по призванию Божию. С тех пор, как Михаил Иванович устроился в Оптиной, Иван Иванович, посещая брата, имел случаи лично познакомиться с ее великими старцами. Впоследствии, он сам рассказывал, какое глубокое впечатление произвела на него прозорливость старца, отца Льва. Старец, выслушав все с отеческою любовью, очень утешил его своею беседою; и, отпуская, предсказал, что со временем и он будет в монашестве. Такое же расположение замечалось у него и к другим Оптиным старцам, настоятелю отцу игумену Моисею и

братскому духовнику иеросхимонаху Макарию, с которым Иван Иванович был даже в переписке. Старцы, в свою очередь, оказывали Ивану Ивановичу любовь за его доверие к ним и простоту.

В 1847 году, когда родитель послал Ивана Ивановича по торговым делам на Украину, последний, исполнив возложенное на него поручение, решился уже бесповоротно бежать в пустыню, и, таким образом, сразу порвал привязанность к родным. Написав письмо к родителю, с известием о своем решении, он отправился в Оптину. Как громом поразила Ивана Васильевича роковая весть и решение Ивана Ивановича. Долго не мог он прийти в себя и, проливая слезы о любимом сыне, восклицал: «он, варвар, убил меня...»

Прибыв в Оптину, Иван Иванович не застал в ней более ни своего брата, который был переведен в то время в Тихонову пустынь иеромонахом, с именем Мелетия, а затем перешел в Киево-Печерскую лавру, где в сане архимандрита и наместника Лавры и почил о Господе, ни первого своего старца отца Льва, скончавшегося 11 октября 1841 года. Обителью управлял игумен Моисей. По совету о. Макария и с позволения отца игумена Иван Иванович поступил первоначально в скит. Не трудно было Ивану Ивановичу подчинить свою волю старцу, которого он знал, уважал и сердечно любил, еще будучи в миру.

По поступлении в скит, молодого послушника Иоанна поместили сначала на пасеке и, по монастырскому обыкновению, назначили ему послушание печь хлеба, которое он выполнял с ревностью около года; затем некоторое время был поваром. Обладая необыкновенно крепким здоровьем и наделенный от природы большой телесной силой (мог в миру поднимать до 15 пудов), Иван Иванович никогда не отказывался от общих братских послушаний, и вместе с братьями убирал покос, в свое время рыл картофель, рубил капусту и проч.

Но, оставив жизнь мирскую ради Бога и спасения своей души, без родительского соизволения и благословения, Иван Иванович не мог быть вполне спокоен. А потому, прожив в скиту с год, он, по совету старца Макария, и даже с ним вместе, отправился в Курск, для испрошения у своего отца прощения в

самовольном поступке. По молитвам старца и при его содействии, Господь помог восстановить мирные отношения между родителем и сыном.

Переведенный в другую келлию, внутрь скита, он вместе с соседом своим, отцом Ю., к которому питал постоянную любовь и дружбу, занимался келейно переплетом книг, продолжая, вместе с тем, ходить и на общие братские послушания. Неся с усердием внешние труды, новоначальный послушник не забывал и внутреннего своего устроения, неопустительно посещал все службы Божии, отправлявшиеся в скиту, и делал это с таким усердием, что всегда являлся первым и уходил последним, сохраняя большей частью свойственное ему молчание до начала правила или церковной службы. Возгревая дух своей молитвой, молодой подвижник старался, в то же время, сохранить мир ко всей братии, чем, в свою очередь, заслужил общую любовь и уважение. Особенной дружбы он не имел ни с кем, за исключением одного лишь вышеуказанного соседа, отца Ю., да жившего в то время на покое в скиту игумена Варлаама, отличавшегося высокоподвижнической жизнью, делателя умной молитвы Иисусовой.

Не без искушений, конечно, жил молодой подвижник в скитском безмолвии. Сам он рассказывал, что исконный враг рода человеческого сильно возмущал его душу помыслами – оставить святую обитель.

Вместе с усердной молитвою молодому подвижнику помогало низлагать хитрости врага непрестанное откровение помыслов старцу. Так, однажды, боримый помыслом тщеславия о своем приятном голосе, он поспешил исповедать его старцу; но последний смирил его указанием на примере быка, который, обладая гораздо более громкими басом, не гордится им.

Смирив дух, молодой подвижник непрестанно порабощал ему тело, удручая его подвигами поста. Особенно подвизался он Великим постом и на первой неделе в первые два дня и в четвертый, когда не полагается в скиту трапеза, не вкушал ничего. Богатого убранства он не терпел. Так, когда однажды родные прислали ему меховую шубу, он спрятал ее, и она лежала у него без употребления до тех пор, пока стала уже

никуда негодной. Обстановка его келлии отличалась необыкновенной простотой. Даже сколько-нибудь ценных икон у него в келлии не было. Постепенно, с облечением в рясофор, пострижением в мантию, а затем и посвящением в священный сан, он усугублял строгость своего поведения. Так, замечено было, что, уже по облечении в рясофор в 1851 году, он сделался строже к себе и усилил ревность к выполнению требовавшихся от него монашеских правил. В 1854 году 5 октября он принял постриг в мантию, а, вместе, и новое имя Исаакий. С этого времени он оставил даже невинные шутки, к которым имел склонность по своему природному остроумию, и которыми прежде любил иногда увеселять братию, и вообще, заметно уклонялся от всяких излишних бесед. Смиранный подвижник, думавший лишь о спасении души своей, всеми силами старался избегать славы мира сего, уклоняясь даже от принятия сана священства, и, только по убеждению своего духовного отца, старца иеросхимонаха Макария, против воли, со слезами согласился на посвящение. Вследствие чего и рукоположен был сначала в иеродиакона в 1855 году 19 июня, а затем и во иеромонаха 8 июля 1858 года.

Приняв сан священства, отец Исаакий несколько ни изменил своей подвижнической жизни.

В 1860 году старец отец Макарий, предвидя близкую кончину настоятеля Оптиной пустыни, престарелого подвижника архимандрита Моисея, и сам чувствуя оскудение сил и телесных, отправился в Москву к Московскому митрополиту Филарету, который неоднократно приглашал его к себе письменно. Милостиво принятый митрополитом, отец Макарий, между прочим, выразил ему свое желание, чтобы место настоятеля в Оптиной пустыни, по кончине архимандрита Моисея, занял скитский иеромонах Исаакий, описав при этом, его нравственный облик. Владыка вполне одобрил мнение отца Макария и с тех пор избрание отца Исаакия в настоятеля было уже делом решенным. Когда слух об этом дошел до смиренного отца Исаакия, он тотчас отправился к старцу, прося в этом деле его совета и стараясь отклонить состоявшееся назначение. Но отец Макарий ответил ему: «ну что-ж, что-ж? Если воля Божия

будет на это, и будут тебя избирать, то не отказывайся. Только не гордись! Иди!» Такое же расположение в пользу отца Исаакия было заметно и в самом настоятеле о. архимандрите Моисее.

В конце 1860 года 7 сентября великий старец, о. Макарий, после долгих трудов и подвигов, в Бозе почил, оставив отца Исаакия на попечение своего присного ученика и преемника, великого старца, иеросхимонаха Амвросия.

Два года спустя после кончины старца о. Макария, в 1862 году, скончался и о. архимандрит Моисей, и о. Исаакию пришлось заместить его в управлении обителью. Трудно было смиренному подвижнику, любителю безмолвия, прожившему большую часть времени в чтении творений св. отцов-подвижников, в которые он любил углубляться, и размышлять в уединении, принять на себя бремя правления обителью, сопряженное с постоянными заботами и пребыванием в молитве.

Тяжело было положение нового настоятеля. Но горькие жалобы его на свою участь вызвали обширное высокодуховное послание со стороны его старшего брата, бывшего в то время уже наместником Киево-Печерской лавры, о. архимандрита Мелетия, полное мудрых советов о достойном управлении обителью, после такого примерного пастыря, каковым был приснопамятный о. архимандрит Моисей. И о. Исаакий во всю свою жизнь строго соблюдал заветы своего брата, особенно его совет не читать писем, получаемых братией, и очень благодарил его за сердечное к себе участие.

Через год по вступлении в должность настоятеля, о. Исаакий, по совету старца, отправился в Москву по делам обители и, вместе, за благословением к приснопамятному Московскому святителю, митрополиту Филарету, который принял его милостиво.

С самого же вступления в должность настоятеля, о. Исаакий поощряем был от высшего начальства наградами, именно: 16 июня 1863 г. он награжден был набедренником; в 1864 году 8 сентября, вследствие определения Св. Синода, возведен архиепископом Григорием в сан игумена, а в 1868 году

31 марта награжден был наперсным, от Св. Синода выдаваемым, крестом.

Неоднократно новоизбранный Оптинский настоятель о. игумен Исаакий говорил: «я принял обитель с одним гривенником». Действительно, по кончине нестяжательного о. архимандрита Моисея, как рассказывали старожилы, в денежном его ящике нашли наличных денег только один гривенник, и то потому только, что он завалился где-то в трещине, и, вероятно, о. архимандрит его не заметил, а иначе и этого бы не было. Полный веры в Промысл Божий, о. архимандрит Моисей не думал о приобретении значительного капитала для обители. Да и неудобно было ему это делать, потому что монастырь принят был им с большим долгом в 12000 рублей, число братства при нем быстро увеличивалось, а помещений для братии не было, не было также поместительных храмов, ни даже ограды вокруг монастыря. Потому он во все время почти сорокалетнего своего настоятельства занят был монастырскими постройками и приобретением для обители продовольствия и самых нужных хозяйственных вещей. Если прибавить к сему его всегдашнюю готовность помогать всем, обращавшимся к нему за помощью, бедным, то понятно будет, почему покойный не мог нажить денег. Впрочем, к концу его жизни, из жертвованных на вечное поминовение денег образовался в монастыре неприкосновенный капитал в 60 000 рублей, с которого обитель могла пользоваться только процентами; да долгу монастырского покойный уплатил 3000 рублей, а долг в 9000 рублей был вскоре, по кончине о. архимандрита, весь уплачен Помещиком Малоарославского уезда г. Облеуховым, питавшим сыновнее расположение к о. игумену Антонию. Так, затруднительное финансовое положение о. Исаакия, при вступлении его в должность настоятеля, разрешилось само собою Промыслом Божиим, и не дало времени новому настоятелю почувствовать всю тягость материального недостатка. Впрочем, первые дни начальства были тяжелым испытанием для о. Исаакия и послужили к утверждению его веры в Промысл Божий о святой обители. Приходилось ему нередко плакать о невозможности содержать

братию, как вдруг известие об уплате долгов ее, и еще о завещании одного благочестивого жертвователя в ее пользу 15 000 рублей, рассеяли его сомнения. Он возблагодарил Господа, воскликнув: «Господи, я, неблагодарный, не имея на Тебя надежды, стал, было, сетовать; а вот, уже и помощь Тобою послана». С тех пор о. Исаакий уже не переставал возлагать упование свое на Господа и нужд материальных более не встречал; ибо доходы монастырские видимо стали увеличиваться и уже не прекращались почти во все время его управления обителью. Причиною тому был великий старец Оптиной пустыни, о. Амвросий, к которому во множестве стекались посетители со всех концов России и несли в обитель посильные жертвы. И еще, другой старец, тогдашний скитоначальник о. Иларион, имевший много духовных детей, из коих некоторые были весьма состоятельны, так же не мало помогал настоятелю в материальном отношении.

Прежде всего, о. игумен Исаакий занялся достройкой, неоконченного при о. Моисее, храма во имя «Всех Святых», что на новом кладбище. Затем, в конце шестидесятых годов он в Казанском соборе вновь устроил, а в Введенском из старого перестроил – иконостасы, и вместо каменных, поделал деревянные полы. Впоследствии он значительно расширил Казанский собор со стороны паперти, устроив во вновь приделанной части его хоры и помещение для ризницы, а внизу – подвал. Вся стенная живопись в обоих храмах, как и в верхних ярусах обоих иконостасов, была произведена вновь. Остались неприкосновенными в обоих храмах только иконы нижних ярусов, которые и не требовали поновления, и притом, почти все, еще при о. архимандрите Моисее, были украшены сребро-позлащенными ризами. Все это внутреннее украшение храмов стоило до сорока тысяч рублей.

В 1874 году, по завещанию скитоначальника о. Илариона, скончавшегося в 1873 году, о. игумен Исаакий приступил к постройке новой больницы и на пожертвованные, отчасти самим о. Иларионом, отчасти его почитателями, деньги выстроил, вне монастырских стен, большое здание для больницы, с церковью во имя св. Илариона Великого. Впоследствии она расписана

была внутри своими монастырскими живописцами, под руководством художника из скитской братии о. иеромонаха Даниила. При больнице имеется аптека, снабженная всеми необходимыми медицинскими средствами, для общего бесплатного пользования братии и посетителей обители, находящаяся под непосредственным ведением врачей из числа братства.

В том же году, по совету старца о. Амвросия, о. игумен Исаакий обратил внимание на книжную лавку.

Давно ощущалось всем Оптинским братством, что помещение монастырской рухлядной (где хранится материал для монашеской одежды и обуви) имело большие неудобства. Она помещалась в большом корпусе, против братской трапезы. Большую половину нижнего этажа в этом корпусе занимала церковь во имя праведной Анны и препод. Марии Египетской, а остальная, меньшая, часть и весь верхний этаж заняты были вещами, двумя монахами, заведовавшими рухлядной, и нанятыми мирскими мастерами, и сапожниками, можно прибавить к сему, с обычными их немощами. И вот, в начале восьмидесятых годов пришла старцу Амвросию мысль, вследствие его великого усердия к своим двум ангелам, монашескому и мирскому, т.е. святителю Амвросию Медиоланскому и благоверному князю Александру Невскому, устроить в монастыре, в честь этих святых, особые приделы. Удобнее для сего места не представлялось, кроме рухлядного корпуса. И вот, старец и настоятель, по обоюдному согласию, решились, – первый перестроить рухлядный корпус на церковь, а последний, на счет монастырских сумм, устроить новое, более удобное помещение для рухлядной, тем более, что прежнее помещение было уже и тесно. Вскоре затем слова их перешли в дело.

Отцом Исаакием затем dokonчена была постройка водопровода и воздвигнуты здания: новой гостиницы, хлебной, настоятельской кухни, братской, прачечной; переделаны: булочная, братский корпус против Казанского собора, настоятельские покои, скотный двор и старые гостиницы по обеим сторонам св. ворот. При нем же, в скиту, впрочем, на

скитские средства, устроен был придел во имя преп. Макария Египетского, в память почившего старца Макария, а впоследствии, в монастыре, при деятельном участии монаха Оптиной пустыни, Иринарха Субботина, приобретен большой колокол в 750 пуд. Сверх всего исчисленного, о. игумен Исаакий, по благословению преосвященного Григория II, на пожертвованные в обитель деньги озаботился обеспечить ее строевым лесом и топливом, в которых Оптина пустынь очень нуждалась. Была в обители такая скудость и нужда, что каждый брат сам для себя приобретал дрова на целый год, собирая их в прилегающем к монастырю помещичьем лесу. С этой целью куплены были им лесные участки: сначала в 200 десятин участок, известный теперь под именем ближней дачи, а затем в 500 десятин, называемый новой дачей, за весьма сходную цену. С тех пор братьям монастырским уже не приходится более заботиться об отоплении. Чтобы увеличить припасы, необходимые для содержания рогатого скота и лошадей, о. Исаакий разработал болотистую почву по реке Жиздре, пожертвованную обители еще прежде от казны и носящую название рыбной ловли, где, вследствие этой разработки, образовались богатые луга, прикупил к этому и еще 50 десятин. Им же приобретены луговые участки на Волховской мельнице, пожертвованные в монастырь одной благодетельницей.

Большую нужду терпела обитель в восковых свечах для церковного употребления. Тогда же он пришел к мысли о необходимости устроить в монастыре собственный свечной завод, где можно было бы готовить свечи, согласно с требованием церковных правил, то есть из чистого воска. Завод начал действовать с 1865 года, получая воск самого лучшего качества из Курска через посредство родственников о. Исаакия. Дело пошло очень хорошо, вполне удовлетворяя потребности Оптинских храмов Божиих в монастыре и скиту.

К чести о. игумена Исаакия относится и то еще, что он поощрял усердие о. казначея Флавиана – разводить в обители сады и огороды. Этот о. казначей был деятельным помощником о. игумена Исаакия во всех его трудах и заботах о материальном благоустройении и обеспечении обители. Это был

неутомимый труженик на ниве Божией, которого о. Исаакий ценил весьма высоко, любил и уважал до самой его кончины, последовавшей 30 мая 1890 г. В отношении же письмоводства, главным помощником о. Исаакия был его письмоводитель, иеромонах о. Макарий Струков (потом архимандрит, настоятель Можайского Лужецкого монастыря). И о. Исаакий до конца жизни своей относился к нему с благодарностью и сердечным расположением, высоко ценя его 25-летние труды для обители и его спокойствия. Таким образом, деятельность о. Исаакия на пользу св. обители с внешней стороны почти не отличилась от деятельности предместника его, о. архимандрита Моисея. Разница только в том, что при о. Исаакии обитель внешне устроилась, когда у нее уже были достаточные средства; а о. Моисей во все время своего настоятельства, по его собственному выражению, был «богат только нищетою».

Но, если о. Исаакий обращал такое большое внимание на внешнее благоустройство монастыря, то тем большее попечение имел он о внутреннем благоустройении насельников его, которое после о. архимандрита Моисея было в цветущем состоянии, причем духовные силы преимущественно сосредоточены были в скиту, откуда, как светлое солнце, сияло самое старчество, столь прославившее Оптину пустынь в последнее время. Здесь, во главе духовных подвижников, стоял великий ученик блаженного старца Макария, старец о. Амвросий. Поэтому неудивительно, что о. Исаакий, зная старца еще в скиту, и по его настоянию принявший бремя начальства, начал с самого вступления своего в должность настоятеля относиться к нему с великим уважением, сыновнею любовью, преданностью и послушанием. Отец Амвросий вполне заменил, таким образом, для о. Исаакия его духовного отца и руководителя, покойного старца Макария. Узнав собственным опытом пользу старчества, о. Исаакий как личным примером, так и словом, и понуждением, старался поддержать благое насаждение своего предшественника; и труды его в этом отношении были не бесплодны. Мир и согласие, царствовавшие в обители, свидетельствовали о благотворном влиянии, которое

имело старчество среди ее сынов, насаждая в них добродетели любви и послушания.

Впрочем, возлагая на старца духовное окормление братии, о. Исаакий и сам не оставлял руководствовать их к добродетельной жизни, и с этой целью, при каждом удобном случае, обращался к ним с приличными наставлениями. Наставления эти были просты, тем не менее, назидательны и действенны, потому что были плодом его жизненного опыта и происходили от любящего сердца и искреннего желания добра духовным своим чадам. «Ну, вот, брат, я тебя предупреждаю, а там смотри сам, чтобы мне за тебя не отвечать пред Богом», нередко говаривал он, глубоко сознавая тяжкую ответственность настоятеля пред судом Божиим за каждого брата, оставленного им без вразумления. Поэтому, если в ком-либо замечалось ослабление усердия к иноческим подвигам, о. Исаакий призывал его к себе, напоминал ему обязанность инока и цель, с которой каждый оставляет мирскую жизнь, а, равно, обеты, данные им при пострижении, и возбуждал в нем усердие к дальнейшему прохождению принятого на себя подвига.

Особенное внимание обращал о. игумен Исаакий на неопустительное посещение братиями храма Божия. Еще живя в скиту, он уподоблял Иуде-предателю тех, кои без нужды выходили из храма, не дождавшись окончания службы. Возгревая же ревность братии к общественной молитве, о. Исаакий говорил: «за это вас Царица Небесная не оставит и пошлет Свою милость», причем, собственным исправным посещением церковных служб сам первый подавал всем добрый пример.

За неопустительным соблюдением церковного устава, а, равно, за благоговейным отправлением служб церковных, неспешным чтением и чинным стоянием братий в храме о. Исаакий наблюдал и сам непосредственно, и через уставщика, и благочинного.

Затем о. игумен преимущественно следил за исполнением братиями монастырских послушаний. Считая праздность матерью пороков, он ревностных поощрял, а ленивым угрожал праведным судом Божиим. «Бог накажет за леность», говорил

он, возбуждая их усердие. Если кто-либо изъявлял свое неудовольствие на тяжесть или неудобство порученного ему послушания и роптал на монастырские порядки, о. Исаакий, обыкновенно, отвечал: «брат! возьми мои ключи и начальствуй, а я пойду исполнять твое послушание», и таким образом усовещевал и вразумлял непокорного. Вообще, о. Исаакий требовал от братии беспрекословного повиновения воле начальства, считая послушание высшею добродетелью инок.

Стяжав долгим навыком благодатное смирение и считая это необходимым для спасения, о. Исаакий не благоволил к тем из братьев, в ком замечал гордость или тщеславие, – выказать свои таланты пред ним или пред братией.

Особенно преследовал о. Исаакий дерзость и упрямство, причем, если брат, после старческих внушений и наложенного на него наказания, не исправлялся, то он высылал его из обители. Однажды, живший в Оптиной, рясофорный монах, отличавшийся необузданным характером, явившись к настоятелю, наговорил ему дерзостей и в горячности хотел даже нанести ему удар по лицу; но смиренный о. игумен спокойно сказал раздраженному монаху: «начинай». Пораженный таким его смирением, монах повернулся и быстро вышел. Или еще один послушник из ученого люда, по словам его, слушавший некогда лекции в университете, вышедший из Оптиной пустыни и долго скитавшийся по разным местам, опять явился к о. игумену Исаакию, тоже наговорил ему много дерзостей и, наконец, сказал: «вот ты игумен, а неумен». Спокойно выслушав речи безрассудного, о. Исаакий, усмехнувшись, ответил: «а ты, вот, и умен, да не игумен», и – отпустил мирно.

Забываясь о нравственном преуспевании братства, о. игумен Исаакий не любил отпускать кого-либо из стен обители, даже на богомолье, особенно на долгий срок.

Обращая, таким образом, главное внимание на внутреннюю жизнь инок, о. Исаакий требовал исполнения и наружного благочиния.

Питая искреннюю любовь ко всей братии, о. Исаакий никому не делал особого угощения у себя в келлии; приглашал

только изредка, по особым случаям, старшую братию на легонькую закуску. Впрочем, всегда снисходил к немощным и престарелым, для которых содержал даже особенную кухню, общую с больными, строго запрещая готовить что-либо у себя в келлии.

Но излишнего винопития терпеть не мог в обители. Когда пред великими праздниками келейники просили у него благословения купить вина, для подкрепления престарелых, немощных и трудящихся на тяжелых послушаниях братий, он в волнении хватался за голову, восклицая: «ох, уж это мне вино, вино»! Не любя свободного обращения братии с мирянами, а, равно, празднословных бесед, о. игумен строго воспрещал, особенно молодым послушникам, ходить без нужды на гостиницу, принимать по келлиям мирских посетителей, а также делать где бы то ни было сходы после вечерних правил и гулять по вечерам. Для лучшего наблюдения за поведением братии, о. Исаакий посещал иногда келлии, преследуя при этом всякое излишество. Так, раз, войдя к одному монаху и увидав постланный у его кровати половик из серого сукна, он сказал: «Это излишество, – достаточно постлать редно».

Простота обращения о. Исаакия с братиями была поразительна. Вне начальственных отношений он считал всех, как бы, равными себе; не стеснялся сажать своих монахов рядом с собою пить чай или беседовать. Если во время своих неоднократных поездок на монастырские дачи встречал там кого-либо из иноков, приехавших туда же по делу, иногда с ними шутил: «что, разве со мною конфузно?», – бывало скажет он монаху, если тот из почтения к настоятелю хотел удалиться в отдельное помещение. Отличаясь же в отношении к братии простотой и смирением, о. Исаакий нередко выказывал нежную отеческую заботливость. «Не нужно ли тебе чего-либо? Может быть, чайку или сахару?» – бывало, так спрашивал он у старых и нуждавшихся монахов. Впрочем, особенной любви к кому-либо старался не выказывать, дабы не возбудить зависти в других, а отличаемого брата не привести в гордость. Оценивая столь мудрое и любвеобильное отношение к себе старца-настоятеля, братия, в свою очередь, питала к нему

нелицемерную любовь и уважение, как к строгому начальнику и любвеобильному отцу, всегда заботившемуся о всех их нуждах, называя его в домашних беседах не иначе, как «дедушкой». Веря в благодатную силу молитв своего дедушки, некоторые иноки случавшийся благополучный исход из тесных обстоятельств приписывали ей. Так, один монах, будучи в опасности погибнуть при переправе через реку осенью, когда лед был еще не крепок, призвав на помощь молитвы своего дедушки, избавился от опасности. Многие признавали силу и действенность его слова, по которому иноки, входя к нему часто очень расстроенными, выходили вполне покойными, забывая свои скорби. «Какие у нас скорби?» – говорил при этом о. Исаакий: «у нас не скорби, а скорбишки. Вот в миру – так скорби; жена, дети, обо всем забота; а у нас что? Полно Бога гневить; надо только благодарить Его; живем на всем готовом».

При приеме в монастырь, желавшего поступить в число братства, о. Исаакий руководствовался обычаем, установившимся еще при о. архимандрите Моисее, по которому они принимались по благословению старца и с согласия настоятеля. Послушников из других монастырей, по совету старца и собственному убеждению, о. Исаакий принимал только в самых исключительных случаях, зная, что поступающие из чужих обителей или не могут свыкнуться с Оптиными порядками, или, что еще хуже, станут возмущать мир братии, который для настоятеля был дороже всего. Престарелых и немощных, но состоятельных людей принимал с денежным вкладом, будучи убежден, что монах сам должен питать себя или трудами рук, или взносом в обитель приличного обеспечения; к неимущим же, в ком замечал горячее усердие и ревность к иночеству, оказывал снисхождение. Относясь с искренним расположением к каждому сыну обители, как своему чаду духовному, о. Исаакий не делал резких сословных различий, хотя и снисходил по возможности к немощам брата, и старался с каждым поступать сообразно его духовному строению и даже мирским привычкам. Впрочем, при случае он не стеснялся делать всем замечания и выговоры иногда довольно в резкой форме.

При постриге в монашество или посвящении в священный сан, о. Исаакий опять руководствовался советами старцев, без которого не приступал никогда ни к какому важному делу по обители.

К присылаемым в Оптину пустынь под начало на исправление, о. Исаакий относился с отеческим попечением и заботливостью, стараясь по возможности облегчить их тяжелое положение. Строго наблюдая за их поведением, он, в случае их неисправности, приглашал к себе, и усовещевал, и старался возбудить в них раскаяние в непристойных поступках. Только в крайних случаях, если видел в подначальном ропот или неудовольствие, он старался через начальство удалить его из обители, причем, обращал внимание его на неудобство держать человека против воли в непривычной для него обстановке, и даже на опасность в этом отношении для его духовного устройства. Впрочем, он никогда не руководствовался при этом личными расчетами, а имел в виду лишь пользу братии и подначального. Обыкновенно же, по истечении срока епитимии, о. Исаакий отпускал его с одобрительной аттестацией.

Проживавших в Оптиной на покое, а, равно, приезжавших в пустынь на время, погостить, для ознакомления с монашеством, главным образом, студентов духовной академии, он старался всячески обласкать, делая им возможное снисхождение и относясь к ним с должным уважением, требуя лишь подчинения самым необходимым монастырским правилам.

Из лиц высшего иерархического сана проживал в Оптиной на покое некоторое время преосвященный Петр, епископ (впоследствии настоятель Новоспасского монастыря в Москве), оставивший здесь самые отрадные воспоминания и пожертвовавший в пользу Оптиной пустыни свои сочинения. О. Исаакий всегда удивлялся смирению преосвященного, в особенности, когда последний пред служением приходил к нему за благословением. Затем долгое время жил в Оптиной пустыни о. архимандрит Ювеналий Половцев, впоследствии архиепископ Виленский, связанный с о. Исаакием узами тесной дружбы. Он помогал о. игумену в некоторых делах своими советами, а келейно упражнялся в книжных трудах. Так, он

перевел с новогреческого на русское наречие книгу пр. Петра Дамаскина (в славянск. Добротолюбии), и составил описание жизни Оптинского настоятеля, о. архимандрита Моисея.

Имея главное попечение о материальных и духовных нуждах монастыря, во все время своего настоятельства о. Исаакий предоставлял заботу о жизни скитских иноков скитона начальнику и старцу.

Таким образом, в продолжение своего долгого, почти 32-летнего управления обителью, о. Исаакий всячески старался поддерживать все добрые, завещанные Оптинскими старцами, предания, заботясь о духовном преуспейании вверенной его попечению братии.

Оптина пустынь, прославленная более чем 60-летним непрерывным старчеством, привлекала в недра свои толпы богомольцев разных состояний, возрастов и самого разнообразного общественного положения, со всех концов России. Посещая пустынь, они с чувством умиления назидались продолжительным, чинным и своеобразно-пустынным богослужением, благочинным предстоянием братии в храме Божиим и трудами их на монастырских послушаниях, при скудной монастырской пище, и выносили самое благоприятное впечатление о духовном настроении Оптинского братства, которое подкреплялось еще более высоким нравственным характером ее настоятеля и старца. И, если старец Амвросий с христианской любовью относился ко всем посетителям, утешал скорбящих, наставлял сомневавшихся в вере, разрешал житейские недоумения и, вообще, старался благодетельствовать всякому нуждающемуся: то настоятель о. Исаакий, с своей стороны, заботился о том, чтобы доставлять старцу всевозможные удобства для его многотрудного и многополезного служения людям. С этой целью, для лучшего помещения посетителей, он выстроил новую гостиницу, переделал старые, снабдив их возможными удобствами, и содержал особую кухню для приезжавших, более почетных, гостей. Дабы успокоить монахинь, находившихся под духовным руководством старца и во множестве посещавших обитель из разных монастырей, о. Исаакий прибавил лишний корпус к

бывшим прежде и благословлял им жить по несколько дней безвозмездно. Для странников, убогих и неимущих о. Исаакий построил особое здание странноприимной, где по его распоряжению кормили их каждую субботу человек по 300, раздавая при этом милостыню всем вообще от 10 до 15 рублей. Кроме того, каждый день, после братской трапезы, предлагалась безвозмездно другая трапеза посетителям. Бедных же жителей Козельска о. Исаакий ежегодно снабжал лесом для устройства домов; так что большая часть их, построенная возле реки, воздвигнута с помощью о. Исаакия. Он же благословлял им собирать сучья для топлива в монастырском лесу. Облагодетельствованные жители города относились к нему и к обители с благодарностью, любовью и уважением.

Заботясь, таким образом, об удовлетворении вещественных нужд посетителей Оптиной пустыни, о. Исаакий не оставлял без внимания и духовных их потребностей. Он всегда радушно принимал всех, желавших посетить его, причем, всего чаще беседовал о духовных предметах, но избегал близкого общения с женщинами. Серьезный, но, вместе, открытый и кроткий вид его иногда сразу привлекал к нему сердца их и возбуждал в них чувство невольного уважения к нему, несмотря даже на самый холодный его прием.

Многочисленные благодетели обители, привлеченные еще любвеобильным и мягким обращением о. архимандрита Моисея, продолжали свои сердечные отношения к Оптиной и после его кончины, посещая ее нового настоятеля, который своим простосердечием и искренностью сумел внушить им к себе, вместе с уважением, самое теплое участие и расположение. Никаких личных видов в своих отношениях с знатными благодетелями обители о. Исаакий никогда не преследовал. И здесь, именно, сказалось то благотворное влияние его строго-монашеского воззрения на жизнь, по которому на общественную деятельность следует выступать лишь после долгого искуса и внутренней работы над своим духовным устроением в борьбе с ветхим человеком.

В 1887 году Оптиная пустынь удостоилась посещения Великого Князя Константина Константиновича. Встреченный всей братией в святых воротах обители, Великий Князь проследовал в настоятельские покои, предложенные Его Высочеству о. настоятелем. Был вечер – канун праздника. Высокому гостю, по монастырскому обычаю, подан был ужин, к которому приглашался и настоятель. Но последний, по своей простоте, отказался от этой высокой чести, сказав, что он завтра служащий, а в таких случаях не имеет обыкновения ужинать. Так был всегда верен себе старец-игумен.

Духовная мудрость старца Амвросия привлекала в Оптину пустынь немало людей, которые, не желая жить более в миру, и чувствуя, вместе с тем, настоятельную потребность в непосредственном руководстве старца к преуспеянию в жизни духовной, решались поместиться возле обители, чтобы вполне подчинить ему свою волю. Одним из таковых был известный славянофил, Константин Николаевич Леонтьев, писатель, во время тяжелой болезни постриженный келейно старцем Амвросием в монашество и скончавшийся в Троицко-Сергиевой лавре. Он жил вне монастырской ограды, на гостинном дворе. Проживали здесь же и семейные люди, иные временно, а иные и совсем оставались, внося в обитель за помещение установленную плату. Настоятель относился к ним с большим почтением и предупредительностью, не стесняя ни в чем необходимом, и изредка навещая их, в особенности, в великие праздники – Рождества Христова и Пасхи.

К местным епархиальным архипастырям о. Исаакий отличался примерной покорностью и сыновней преданностью. Особенное благоговение он питал к архиепископу Григорию II, каждое слово которого считал выражением воли Божией.

К настоятелям прочих монастырей Калужской епархии, которые, большей частью, были или его постриженники, или прежние сотрудники, о. Исаакий относился всегда с неизменной любовью, не отказывая им в мудрых советах, почерпнутых им из многолетнего опыта. Особенное благорасположение питал он к настоятелю Тихоновой пустыни, отцу Моисею, которого принимал всегда в собственных покоях. Нечего и говорить о том

расположении и уважении, которыми он взаимно от них пользовался.

При возникшей у старца Амвросия мысли об устройстве Шамординской женской общины, о. Исаакий на первых порах отнесся было к этому намерению старца не совсем благоприятно, опасаясь близости общины к Оптиной пустыни, основываясь при этом на мнении некоторых близких к нему людей. Но, успокоенный преосвященным Владимиром, который сам ездил осматривать место, предназначавшееся для обители, и не нашел его слишком близким, он совершенно переменял свой взгляд. Назначенный же благочинным Шамординской общины и утешенный доверием владыки, при ее открытии, когда последний поручил ему наблюдение за установлением в ней монастырского порядка, он начал относиться к ней с теплым чувством расположения, всячески помогая старцу в его благом начинании и принимая живое участие во всех важных делах общины. Для успокоения приезжавших к старцу Шамординских сестер, о. Исаакий уступил в их пользу корпус, который занимала прежде мать Амвросия Ключарева. И после, когда уже по смерти старца, Шамординская настоятельница просила его оставить за ними это помещение, он после некоторого колебания согласился на ее просьбу.

Снисходительным к Шамордину и попечительным оставался о. Исаакий до самой своей кончины. И только переселение туда старца Амвросия охладило на время его теплое чувство к общине. Огорченный отбытием из пустыни своего духовного отца, мудрого советника и молитвенника, а равно, и начавшимся ощущаться материальным недостатком в обители, когда многочисленные ее посетители обратились в Шамордино к старцу, о. Исаакий, по обычной своей прямоте, не в силах был скрыть своего огорчения на о. Амвросия, невольно перенес долю его и на общину, виновницу старцева отъезда. Впрочем, кончина о. Амвросия вновь сблизила его с детищем старца. Так, когда преосвященный Виталий, под влиянием доносов и разных неосновательных толков против батюшки о. Амвросия, решился воспрепятствовать всякому общению Шамординской общины с Оптиной, о. Исаакий, несмотря на неудовольствие владыки,

первый подал голос в защиту сестер, объяснив преосвященному, что они не могут обходиться без старческого руководства, особенно, если обитель их основана на началах старчества, а потому просил разрешения посылать к ним духовника из Оптиной. Во внимание к его ходатайству и по другим соображениям владыка впоследствии отменил свое распоряжение. Но, еще и до этого о. Исаакий не стеснялся посылать в общину монахов, понимающих хозяйство, для окончания некоторых начатых дел, о чем просили его сестры, и завещал покойный старец. «Дальше Сибири меня не ушлют», заметил он, отправляя их в общину: «поезжайте, если надо; нельзя же их так оставить». Такое глубокое уважение питал он к почившему старцу и ко всем его предприятиям. При воспоминании о нем о. Исаакий выражался так: «великий был старец, я его уважаю; при жизни мы не ценили его, как следует». Затем он не переставал уже относиться к Шамординской общине с сердечным расположением, хотя и не имел к ней официального отношения, отказавшись от должности благочинного по преклонности лет.

Внешнее подвижничество о. Исаакия, по переходе из скита в монастырь оставалось таким же примерным, как и там, и выражалось почти в тех же проявлениях. Так и здесь, о. Исаакий неопустительно посещал храм Божий до самой своей предсмертной болезни, и приходил всегда к началу службы, а к утрени выходил из келлии иногда до звона, причем, будильщик постоянно находил его в бодрственном состоянии. Впоследствии открылось, что о. Исаакий вставал в 12 часов ночи, исполнял положенное в скиту келейное правило, и затем уже шел к утрени. К ранней обедне он ходил постоянно, причем не любил, чтобы служба начиналась без него. Обыкновенно, он поминал во время проскомидии всех своих родственников и благодетелей обители. Во время поздней обедни и после полуденного краткого отдыха принимал посетителей или ходил по работам; а при первом ударе колокола к вечерне спешил опять в храм Божий. Когда по воскресным, великим праздникам и торжественным дням о. Исаакий совершал Божественную службу, сослужившие с ним замечали, что во время главных

моментов богослужения он исполнялся чувством особенного благоговения, причем голос его от умиления прерывался. Вообще, во время церковных служб, о. Исаакий, несмотря даже на свой преклонный возраст, не имел обыкновения садиться в неположенное уставом время. И только за год до кончины, при истощении телесных сил стал присаживаться во время причастного стиха и при разоблачении, когда служил. Относясь сам с примерным благоговением к божественной службе, он не любил, чтобы и другие совершали ее поспешно и невнимательно. Великим постом, несмотря на старость и слабость свою, канон св. Андрея Критского на первой седмице, первые евангелия на часах Страстной и утренний канон о. Исаакий читал всегда сам, причем с умилением, твердым голосом пел светилен: *«Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный»*. Несмотря на глубокую старость, голос его был настолько тверд и силен, что каждое слово, произносимое им при чтении, например, молитвы в день святой Пятидесятницы, внятно раздавалось по всему храму, и чтение его было глубоко прочувствовано.

Келейная обстановка о. Исаакия была самая простая.

В одежде о. Исаакий не отличался от прочей братии. Простой, поношенный подрясник, в котором он, обыкновенно, всегда одет был дома, мухояровая ряса и такая же мантия, в которой ходил для служения служб церковных, были обычным его одеянием. В белье также соблюдал самую строгую простоту, причем иногда сам чинил свои носки. Между тем, ноги его всегда покрыты были значительными мозолями, на которые он, впрочем, не обращал большого внимания.

В пище о. Исаакий был очень воздержен, не допускал себе послабления. Он всегда ходил вместе с братьями в общую трапезу, говоря иногда в шутку своим келейникам: «а то, может быть, скажут: у настоятеля своя кухня». В случае же, когда он почему-либо не имел возможности пойти в трапезу, ему оттуда приносили пищу. Посты о. Исаакий соблюдал очень строго.

Сохраняя обычную свою молчаливость, о. Исаакий не нарушал ее даже и при многолюдных собраниях. Так, однажды, в присутствии архиерея, на обеде в Шамордине, когда он по

своему обыкновению молчал, владыка предложил ему принять участие в беседе. Но о. Исаакий сказал, что он принимает участие в беседе тем, что слушает других, ибо надо же кому-нибудь исполнять и эту обязанность.

В продолжение 16 лет своего пребывания в скиту, о. Исаакий настолько привык подчинять волю свою старческому руководству, и стяжал при этом такое смирение, что во время своего долгого управления монастырем не мог уже обходиться без старца. Каждую субботу, накануне служения, он по обычаю отправлялся для исповеди в скит, и здесь, сидя в приемной старца о. Амвросия, вместе с другими посетителями, смиренно дожидался очереди, которая иногда доходила до него не скоро. Не изменил он своему обыкновению и после кончины уважаемого старца, продолжая, несмотря на ослабление своих телесных сил, аккуратно посещать его преемника, о. Иосифа, хотя тот был из числа постриженников о. Исаакия. Только незадолго до кончины, когда уже силы совсем стали оставлять его, он стал приглашать нового старца к себе. Каждое важное монастырское дело о. Исаакий решал не иначе как с советом старца, отсекая при этом собственную волю. Продолжал он делать это и тогда, когда старцем сделался человек несравненно моложе его, и притом, им же постриженный. Таким глубоким смирением о. Исаакий подавал пример братии. Каким путем о. Исаакий достиг благодатного смирения, видно из его ответа иноку, вопрошавшему его, как победить гордость. «Как победить – ответил подвижник, – для этого необходима борьба и самопонижение к смирению. Это не вдруг приходит, а со временем. Это то же, что пролить кровь. Проси Бога. Постепенно будешь осваиваться со смирением, а после оно и в навык обратится».

Если кто-либо оставлял обитель по неудовольствию на настоятеля, и даже рассорившись с ним, о. Исаакий, при возвращении такого, никогда не напоминал ему прежнего его поведения; но, обыкновенно, смилив, для душевной его пользы, принимал опять в монастырь и относился иногда к нему даже лучше прежнего.

Никогда он не собирал лишних вещей. Если кто усердствовал ему что-либо из белья, он тотчас раздавал все нуждающимся из братий, оставляя себе лишь самую ничтожную долю. Нестязательность о. Исаакия особенно выказалась после блаженной его кончины: от него ничего не осталось, тогда как он в свое время был человек богатый и имел свои порядочные средства.

Кроме общего благотворения нищим от обители, о. Исаакий и сам от себя раздавал щедрую милостыню, стараясь всячески утаить свое доброе дело.

Вера о. Исаакия в Промысл Божий укреплялась неоднократно посещением его, во время настоятельства, милостью и помощью Божией. Кроме вышеупомянутого случая, касательно неожиданной уплаты монастырского долга, о. Исаакий рассказывал о себе следующее. Поехал он однажды на монастырскую мельницу, под г. Болховым. Время было зимнее. Переночевав в г. Белеве, он, по обыкновению, сел в возок, и лошади тронулись далее. Неизвестно отчего, только вдруг они быстро понеслись, и начали бить. Кучер успел соскочить с облучка, и только, смотря вслед бешено удалявшейся тройке, видел, как возок с сидевшим в нем настоятелем подпрыгивал по дороге. Чувствовал о. Исаакий постигшую его беду, но не имел возможности освободиться из закрытого со всех сторон возка, и потому мысленно обратился с усердной молитвой о помиловании к св. Николаю Чудотворцу. Вдруг лошади моментально остановились. О. Исаакий вылез из возка, подошел к ним и начал их поглаживать. Оказалось, что тройка остановилась на самом краю глубочайшего оврага. Еще лишь одна минута, и уже негде было бы искать настоятеля с возком и лошадьми. Подошел и кучер, бежавший вслед за возком. «Батюшка! – воскликнул он, – вы целы?» – «Как видишь», – отвечал о. Исаакий. – «А я думал, – продолжал тот, – что и косточек ваших не соберешь». Так, по молитвам святителя Христова Николая, о. Исаакий остался жив, и в то же самое время не чувствовал даже боли от толчков в возку; а уже после, через некоторое время, стал ощущать боль в теле и несколько

похворал. С того времени о. Исаакий особенно благоговел к скорому заступнику в бедах, св. Николаю Чудотворцу.

Вполне отрeksiсь от мира и всех его прелестей, о. Исаакий относился к наградам и повышениям совершенно равнодушно, и даже иногда уклонялся от них. Так, когда в начале семидесятих годов ему предложили сан архимандрита, он по своему смирению отказался от него, и потому, вместо архимандритства, был награжден палицей 9 июня 1872 года.

В 1885 году о. Исаакий был представлен и возведен в сан архимандрита уже без предварительного его согласия. В свое время он получал и ордена: св. Анны 3-й и 2-й степени и св. Владимира 4-й и 3-й степени. Последняя награда (орден св. Владимира 3-й ст.) пожалована была ему за несколько месяцев до его блаженной кончины, и возложена на него самим преосвященным Александром, при посещении о. Исаакием своего, вновь прибывшего на епархию, архипастыря в Калуге. Так, внимание начальства к непрерывным и примерным трудам его по управлению обителью, вознаграждало настоятеля-подвижника, помимо собственной его воли; и честь, от которой он бежал всю жизнь, как бы нарочно его преследовала.

31 мая 1890 года скончался неутомимый сотрудник о. архимандрита Исаакия, казначей обители иеромонах Флавиан, помогавший ему в управлении монастырем почти все время его настоятельства; и с тех пор престарелому настоятелю пришлось испытать много разных скорбей. Думая видеть достойного преемника почившему о. казначею и деятельного себе помощника в лице своего письмоводителя, иеромонаха о. Макария, о. Исаакий желал поручить ему казначейскую должность, но братство избрало другого, чему не мог противоречить и старец Амвросий. Это было первым поводом к огорчению для престарелого начальника. Затем сильно подействовал на него отъезд старца Амвросия в Шамординскую общину. К этим скорбям о архимандрита Исаакия присоединялись и еще следующие: по удалении старца из Оптиной, доходы ее тотчас же стали сокращаться; так что настоятель по необходимости стал входить в долги, которых к концу его жизни накопилось уже тысяч до десяти. В разговорах с

некоторыми о. Исаакий высказывался так: «двадцать девять лет провел я настоятелем при старце и скорбей не видал, теперь же должно быть угодно Господу посетить меня, грешного, скорбями». Вероятнее всего, вследствие таких огорчений, с о. архимандритом Исаакием последовал первый удар (паралич), впрочем, легкий, так что больной вскоре оправился. Но здоровье его с тех пор начало понемногу надламываться, а потому, он пожелал келейно принять пострижение в схиму, которое и совершил над ним братский духовник, скитоначальник о. Анатолий.

Вскоре затем на о. архимандрита Исаакия последовали тайные доносы, что будто бы он, по преклонности лет, неспособен управлять монастырем. Введенный этими доносами в заблуждение, преосвященный Виталий распорядился, чтобы составлен был собор из семи старших иеромонахов, который разделял бы с о. Исаакием бремя правления. Огорченный таким недоверием владыки, о. архимандрит хотел было совсем оставить начальство, и только усиленные просьбы братии удержали его от этого намерения. Впрочем, собор этот в скором времени был уничтожен. Следствие же, произведенное благочинным монастырей, настоятелем Тихоновой пустыни, архимандритом Моисеем, вызванное доносами о полной неспособности Оптинского настоятеля к управлению обителью, показало единодушное признание всего братства, что настоятель их, о. архимандрит Исаакий всегда был и есть примерного поведения, и к управлению монастырем способен. Почему преосвященный Виталий снова стал оказывать свое благоволение к о. архимандриту Исаакию.

Искушаемый столь тяжкими скорбями, твердый подвижник, благодушным терпением их, приготавливался в последние годы к переселению в вечность; и лишь за год до кончины, вполне успокоенный, в мире доживал дни своего земного странствования.

В июне 1894 года началась у него предсмертная болезнь – дизентерия.

Утешение его составляли молитва и св. иконы, которые по временам приносили к нему из Козельска и из своей обители.

Он был покоен духом, впрочем, готовился к исходу из сей жизни не без страха, который был постоянным спутником его жизни. «Страшно умирать. Как явлюсь пред лицом Божиим и на страшный суд Его; а сего не минуешь», – говаривал он всегда. За месяц до кончины он передал управление монастырем о. казначею.

Вероятно, душно было больному лежать в келлии, и потому он пожелал быть на воздухе. Его поместили во дворе настоятельского корпуса, под тенью большого дерева на постели. Сюда стекались для прощания с ним как братия, так и посторонние посетители. Последнее его наставление ко всем, вообще, братиям, из которых многие спрашивали его, – как батюшка жить после вас? – было следующее: «живите по совести и просите помощи у Царицы Небесной, и все будет хорошо». Многие из прощавшихся с ним плакали.

20 августа с о. архимандритом Исаакием последовал еще удар, и с этих пор он уже не мог говорить. Наконец, 22 августа к вечеру дыхание его сделалось реже, а в 8 часов вечера он мирно почил о Господе, в глубокой старости, 85 лет от роду.

Преосвященный Поликарп, епископ Орловский и Севский

(Память 22 августа).

Преосвященный Поликарп, епископ Орловский, родился 14 августа 1798 года, в пригороде Каменец-Подольска Русских Фольварках, и 16 числа крещен с именем Феодосия.

Отец хотел было назвать его Кириллом, в честь святителя Кирилла, патриарха Александрийского, коего память 9 июня; но мать этого не желала, потому только; что такое имя носил сосед их, человек крайне нетрезвый и потому новорожденный, по общему решению отца и матери, назван был Феодосием, – в честь преподобного Феодосия, игумена Печерского.

Родители преосвященного Поликарпа были священник г. Каменец-Подольска Покровской русско-фольварковской церкви Иоанн Радкевич и его супруга Елена Иванова.

Отец преосвященного был сын униатского священника Иоанна Радкевича, впоследствии присоединившегося к православию.

В Каменце, в Русских Фольварках, на церковной усадьбе, близ упраздненной ветхой, деревянной церкви, стоял небольшой деревянной, под соломенной кровлей домик, принадлежавший священнику Иоанну Радкевичу. Здесь-то и родился в 1798 году, провел детство и получил первоначальное воспитание сын Радкевича Феодосий, впоследствии епископ Орловский Поликарп.

Родители преосвященного Поликарпа, по словам старожил, были очень бедны, но богаты нравственными, добрыми качествами: были весьма набожны, любвеобильны и сострадательны к бедным и несчастным. В этом же направлении они старались воспитать и детей своих, – двух сыновей и дочь. Старший из сыновей был Феодосий, второй – Иаков: дочь звали Агапией. Впоследствии она была в замужестве за священником села Мукши, Каменецкого уезда, Иустином Люцедарским – впоследствии архимандрит Ксенофонт.

Старший сын священника Иоанна Радкевича, Феодосий, еще с малых лет проявлял особенную любовь к Богу и ревность служить Ему. Когда отец его отправлялся в Церковь к службе Божией, то и Феодосий ходил с ним туда же с большою охотою. Там становился он в алтаре и исправлял пономарскую должность. Когда выучился довольно бегло читать, то становился с причетником на клиросе, где читал и пел. Он несколько раз был в опасности потерять жизнь, но Господь чудным образом сохранял ее.

Однажды, в зимнее время, родители Феодосия отлучились из дома, оставив его и меньшего брата его Иакова дома с прислугою. По неосмотрительности последней, печи истоплены и закрыты были не вовремя, когда еще дрова хорошо не перегорели, – отчего случилось то, что родители, по возвращении своем, нашли и прислугу, и детей своих в бесчувственном положении от угара. Мать кинулась к грудному младенцу, сыну своему Иакову; отец занялся подаванием помощи прислуге; а про Феодосия в хлопотах совсем забыли и вспомнили о нем тогда, когда Иакова и прислугу привели в чувство. Но, к ужасу своему, они нашли его без всяких признаков жизни. Все усилия родителей возвратить сыну своему Феодосию жизнь оказались тщетными. Тогда благочестивая мать Феодосия, видя, что все земные средства, испытанные ими над сыном, ни сколько не помогают, решилась прибегнуть к помощи небесной: в этом намерении, взяв бездыханного своего ребенка, отнесла его в церковь; там положила его пред иконою святителя и чудотворца Николая, которая почитается за чудотворную, и, пав ниц пред нею, с воплем крепким и слезами молилась угоднику Божию о возвращении умершему своему сыну жизни, – молилась так, как только может молиться любящая мать, – молилась всю ночь, пока дух жизни не возвратился в бездыханное тело отрока. С великою радостью и слезами благодарности к Богу и угоднику Его св. Николаю она со своим сыном возвратилась домой.

Другой случай. Родители преосвященного Поликарпа, как мы уже заметили, были бедны, и потому мать его сама исправляла по дому черные работы. Однажды отправилась она

на реку мыть белье. Сын ее Феодосий, мальчик около 4-х лет, очень привязанный к матери, побежал вслед за нею. Над рекою, к которой пошла мать его для мытья белья, возвышался высокий утес. С этого-то утеса он увидел свою родимую внизу; побежал по прямому направлению к ней, и – с высоты утеса оборвался... Мать оцепенела от ужаса, и, как впоследствии рассказывала, только могла воскликнуть: «святителю, отче Николае, помилуй меня!» И – угодник Божий в другой раз явился спасителем жизни малютки: Феодосий, упав с высоты не менее 7 аршин, не потерпел от падения никакого вреда. Мать торопливо взбежала на гору, и с помощью двух женщин с трудом, посредством веревки, вытащила его с уступа утеса.

Третий замечательный случай избавления от видимой опасности был с преосвященным Поликарпом, когда он обучался уже в семинарии. Об этом сам он рассказывал мне. – «Я был болен лихорадкой», говорил он: «в доме родителей, во время каникул. Наступил праздник Усекновения главы св. Иоанна Крестителя. По благочестивому обычаю наших родителей, все мы должны были в этот день поститься до вечера, *«воздержательного ради жития св. Иоанна Предтечи, и скверноубийственного кровопролития его от руки Ирода»*, как говорится в церковном уставе. Чтобы не развлекаться дома и не соблазняться приготовляемыми к столу снедями, я отправился в рощу за орехами. Собирая их, я увидел одну ветвь столь обремененную этими плодами, что она приклонилась до земли. Обрадовавшись столь счастливой находке, я кинулся обрывать ее. Но едва только взялся за ветвь, как змея, скрывавшаяся под этой ветвью, обвилась около руки моей и готова была вонзить свое смертельное жало в тело мое. Напугавшись до чрезвычайности, я быстро отряс руку, около которой обвилась змея, и отскочил от самого места, где встретил такую счастливую находку и, вместе, смертоносную беду, – и нимало не потерпел вреда от змеи. После того я уже не оставался в роще, а возвратился домой с большим грузом орехов. Придя домой сильно проголодавшимся, я отрезал ломоть ржаного хлеба, и усыпав его толчеными, избранными мною, орехами, утолил голод. Что же?.. Лихорадка моя,

которую я страдал, прошла, и с той поры ко мне не возвращалась. Таким образом, я, милостью Божией, по молитвам большего из рожденных женами, Крестителя Господня, избавлен от двух зол: от укушения ядовитым гадом и несносной болезни – лихорадки». Рассказав этот случай с собою, преосвященный добавил в назидание: «так-то и в жизни нашей духовной: в посте и самоотвержении заключается здравие для тела и спасение душе; напротив, под орехами мирских удовольствий гнездится смертоносный змий, который губит людей, предающихся им, – губит и по душе, и по телу навеки. Поэтому, надобно нам тшиться возлюбить первое и всячески избегать вторых».

Наконец, последний, известный случай, где Господь чудным образом сохранил жизнь преосвященного Поликарпа от очевидной смерти, был тогда, когда он находился в сани архимандрита одной вверенной ему обители.

В одном из храмов этой обители возобновляли живопись. Желая посмотреть на производимые работы, он, при уходе рабочих, взобрался на самые верхние подмости, под самый купол храма. Вдруг подмости обрушились, и он упал вниз. Но Промысл Божий бдел над будущим светильником Орловской паствы: при падении, о. архимандрит зацепился платьем за леса подмосток, и был снят рабочими уже тогда, когда они возвратилось в храм к своему делу, и при всем том о. Поликарп не потерпел никакого вреда от падения с такой высоты.

Преосвященный Поликарп в детстве был телосложении слабого и болезненного. Тихий от природы и застенчивый, он любил уединение, бегал детских игр, не имел свойственной сему возрасту резвости, а тем менее шалостей. Он был дитя самое кроткое и незлобивое; и потому бойкие и резвые сверстники и товарищи его по школе часто обращались с ним грубо. Он не воздавал им злом за зло, не жаловался на обижавших его никому, а, обыкновенно, удалялся от них молча или со слезами.

Отец преосвященного Поликарпа перешел из Каменец-Подольска от церкви Русско-Фольварковской в село Великую Мукшу, где он прослужил приходским священником около 20

лет. Затем (в 1822 году) поступил за штат, предоставив свое место в с. Мукшах зятю своему, священнику о. Иустину: у него-то он и оставался на пропитании за штатом до самой смерти, в 1826 году. Мать же преосвященного Поликарпа умерла в 1832 году, а затем скончалась дочь их Агапия. Все они погребены на кладбище Мукшинской церкви.

В с. Мукшах преосвященный Поликарп получил первоначальное образование.

В верстах 4-х от с. Мукши есть село Тарасовка. Около 1800 года в Тарасовке был приходским священником Иоанн Казацкий, обучавший детей грамоте. По примеру других, и священник Мукшинский Иоанн Радкевич отдал для обучения двух сыновей своих, Феодосия и Иакова. Как дети бедного священника, они всякий день должны были ходить пешком четыре версты, из Мукши в Тарасовку, босиком, в одних рубашках. Свитки из простого крестьянского сукна и сапоги они надевали только во время холода или ненастной погоды. Зимой только во время большой стужи и вьюги они отправлялись в санях. В их котомке были книжечки да мамалыга (известное малороссийское и молдаванское кушанье, приготовляемое из муки кукурузной), которою они питались; это было единственное их кушанье. Крестьянские мальчики, пасшие скот на полях между Мукшой и Тарасовкой, нередко для потехи останавливали бедных поповичей на пути в школу, отнимали у них мамалыгу и, таким образом, заставляли их голодать по целым дням. Лишившись, таким образом, дневного пропитания, они никогда не возвращались домой за получением другой порции мамалыги, а продолжали путь в школу, полные скорби. Младший брат Иаков не совсем был терпелив, но Феодосий удивлял всех своим необыкновенным терпением и кротостью.

17 сентября 1808 года Феодосий Радкевич поступил в Подольское духовное училище, которое было тогда соединено с семинарией. Из отметок наставников в ведомостях обучавшихся в семинарии видно, что Феодосий Радкевич был одним из лучших учеников ее.

В 1819 году Феодосий Радкевич, как один из лучших студентов Подольской семинарии, послан в Киевскую духовную

академию. Здесь, по склонности своей к монашеской жизни, он, вскоре по вступлении в академию, сменил мирское одеяние на иноческое, и во все время пребывания своего там ходил в послушнической одежде, в черном суконном подряснике с кожаным поясом. Самый же постриг в монашество он принял 23 февраля 1824 года, через год по окончании академии, в должности наставника в Волынской духовной семинарии.

В 1823 году Феодосий Радкевич окончил курс учебы в Киевской духовной академии со степенью старшего кандидата и с правом получения степени магистра, без нового испытания, каковую степень он и получил в 1827 году. Из академии он послан был в Волынскую семинарию на должность профессора философии и еврейского языка и, вместе, инспектора той же семинарии. Так (с 1 мая по 20 ноября 1824 г.), за отсутствием ректора, он исправлял ректорскую должность. Комиссией духовных училищ он определен был в Оренбургскую семинарию на кафедру церковной истории и еврейского языка. Здесь он рукоположен был в иеродиакона (18 января 1825 года), а через 10 месяцев (25 ноября 1825 года) во иеромонаха.

Преосвященный Амвросий, бывший в то время епископом Оренбургским, обратил внимание на наставнические его труды, наградив его набедренником (7 января 1827 года) и затем (3 апреля 1829 года) определил его членом Оренбургской духовной консистории.

Тогда же (15 июля 1829 года), он, по распоряжению комиссии духовных училищ, переведен был из Уфы в Могилевскую духовную семинарию ректором и профессором богословских наук с поручением ему настоятельства над Могилево-Братским второклассным, и приписным к нему заштатным Буйницким Святодуховским монастырями.

Проездом из Уфы в Могилев, новый ректор Могилевской духовной семинарии в Казани счел обязанностью принять благословение Казанского владыки, архиепископа Филарета, впоследствии митрополита Киевского.

Прибыв в Могилев и вступив в отправление вверенных ему должностей, ректор Могилевской семинарии Поликарп нашел Могилево-Братский и Буйницкий Святодухов монастыри в

самом расстроенном положении. Для восстановления их требовалось много забот и трудов настоятеля, и особенно много средств материальных, но последних у настоятеля совсем не было. Призвав Господа на помощь и возложив на Него надежду, он с ревностью принялся за исправление как внешнего состояния, так, особенно, внутреннего благочиния упомянутых обителей. И Господь благословлял его попечение о них: нашлись благотворители, которые и стали охотно делать значительные пожертвования. Из числа таких благотворителей особенную помощь подала ему известная своею благотворительностью графиня А. А. Орлова. Она лично знала Могилевского ректора Поликарпа, и за его высокое благочестие питала к нему особенное уважение, и потому, когда он обратился к ней с просьбою о пособии вверенным ему обителям, она охотно оказала ему помощь в значительных размерах.

Вскоре по прибытии в Могилев, ректор Поликарп, по указу Св. Синода (30 августа 1829 года), произведен во архимандрита и сделан членом Могилевской духовной консистории. Затем он назначен благочинным Могилевского кафедрального собора и ближайших к Могилеву монастырей, и цензором проповедей. Труды его по образованию духовного юношества и по исправлению других, возложенных на него, должностей в Могилеве не остались без внимания начальства. В 1834 году он всемилостивейше сопричислен к ордену св. Анны 2-й степени, а 12 мая того же года объявлено ему Высочайшее благоволение за труды его для заключенных в тюрьмах.

В Могилеве, в этих должностях, он пробыл около 7 лет, а затем перемещен на ту же должность в Смоленскую духовную семинарию, где ему поручен был в заведование Смоленский Спасо-Авраамиев второклассный монастырь. Впоследствии от наставнической должности при Смоленской семинарии он, по прошению, был уволен, потому что нашел ее для себя обременительной, и остался при одной ректорской должности.

Строгая иноческая жизнь о. архимандрита особенно привлекала к нему многих из смолян. На него смотрели, как на великого подвижника. Исправляя должность ректора, он не

оставлял ежедневного богослужения. Семинария находится при Авраамиевой обители, а это наиболее способствовало жаждущей душе его молиться; он ночи проводил в молитве, в особенности, пред воскресным и праздничным днем. Он никогда не ложился на постель, а несколько дремал в кресле, – вот его отдых! В беседах своих он был назидателен, и про все, что касалось до святых угодников Божиих, и в особенности, до Божией Матери, он восторженно говорил; любил говорить про мучеников и нередко восклицал: «как хорошо быть мучеником». Одежда на нем была самая простая, как у простого инок. Строго он соблюдал посты, – особенно св. Четыредесятницу, и, изнемогая от поста, вместо чая, употреблял малину.

О семинарии он заботился, как отец. Если кто, бывало, пожелает сделать угодное ректору Поликарпу, то это пожертвование для бедных учеников семинарии или духовных училищ. Некоторые даже брали несколько учеников, воспитывать на свой кошт, доставляя им пищу и одежду, и все это делали из уважения к о. ректору. Случалось, также, что его приглашали на какое-нибудь служение, а потом думали, чем бы лучше отблагодарить его за это? Денег он не терпел, подарков вообще не любил, – и кончалось тем, что, бывало, купят с воз сапог для бедных учеников и пошлют к о. ректору, и ректор в восторге от этого, и благодарит благотворителей, как бы за великий дар, собственно, ему поднесенный.

Любил также украшать храм своей обители, которая была до приезда ректора Поликарпа в весьма бедном состоянии. К тому же, с 1812 года тяготел над обителью еще значительный долг. Ректор и это успел облегчить: он обратился с просьбою к графине Орловой, которая и уплатила весь долг. Многие, из уважения к ректору, щедро наделяли обитель, так что ее нельзя было и узнать, против прежнего ее состояния.

В свободное от семинарских занятий время ректор любил уединяться в монастырском саду. Там, нередко, ученики заставляли его на коленопреклонной молитве, и притом почти всегда на одном месте, – именно там, где, по преданию, по взятии Смоленска поляками, были сокрыты мощи преподобного Авраамия.

Горячо любил ректор Поликарп жизнь иноческую, – и потому, если замечал кого из юных воспитанников семинарии склонным к подобной жизни, всячески старался подогреть сердце его и открыть ему эту жизнь, и привлечь его к ней, за что и потерпел много от родителей, которым жаль было отдать детей своих на служение Господу.

Под его мудрым руководством воспиталось и вообще много лиц, которые отличались впоследствии высокой подвижнической жизнью и примерным христианским благочестием. Упомянем о бывшей игумении Серафиме, – строгой подвижнице. Она, когда была еще в мире, искала у отца архимандрита наставления, как ей спасти свою душу, и по его наставлениям оставила родителей, и родных, и славу мира сего, и тайно от них укрылась в Флоровском Киевском девичьем монастыре. Другая сподвижница ее, ектлезиарха Анатолия тоже руководилась мудрыми наставлениями Смоленского ректора относительно сокровенной жизни.

Из послужного списка преосвященного Поликарпа видно, что он, находясь в Смоленске, оставил по себе там память, как о благопопечительнейшем начальнике тамошних духовно-учебных заведений, потому что его стараниями и заботами приобретен и благоустроен дом для вторых Смоленских духовных училищ с бурсою, за что, как и за усердие, предусмотрительность и сбережение экономии в сем деле, преподано ему благословение Св. Синода (1842 года 2-го июля).

После сего прекращается деятельность о. архимандрита Поликарпа на поприще образования детей духовного звания. Из Смоленской семинарии вызван он в С.-Петербург указом Св. Синода (24 января, 1843 г.), на чреду священнослужения и проповедования слова Божия.

Отсюда, по желанию его, указом Св. Синода о. Поликарпе от 2-го января 1843 года, был определен настоятелем российско-посольской церкви в королевстве Греческом.

Проездом к месту своего служения, о. архимандрит Поликарп посетил свою родину. В это время зять его, поступивший на место родителя о. Поликарпа, был уже вдов. О.

архимандрит убеждал его принять иночество и отправиться с ним в Афины. И когда зять его о. Иустин Люцедарский колебался, – о. архимандрит Поликарп, говорят, преклонил колена пред иконою Матери Божией и со слезами просил Царицу Небесную расположить и наставить о. Иустина на путь истинного христианского подвижничества. Молитва его была услышана. О. Иустин, к великой радости его, согласился на поступление в монашество и на путешествие в Грецию. В бытность покойного владыки в Афинах при посольстве настоятелем, русской церкви тогда еще не было, а служили в воскресные и праздничные дни в греческой Преображенской церкви, в коей было два престола; в будни же каждый день поутру служил он утреню в своем доме, а вечером – вечерню. Между тем, каждый день занимался переводом толкования Псалтири с греческого языка на русский, а также перевел изъяснение бесед св. Григория Богослова и Песнь Песней; эти труды потом им были переданы в Оптину пустынь.

Пользуясь пребыванием в греческой миссии, о. Поликарп, с согласия посланника, посетил Иерусалим и другие места. Был и в Палестине, был в Сирии, был в Аравии, был во всех древних пустынных обителях, – в первобытном рассаднике жизни отшельнической, был и в горах афонских. Был, наконец, и на островах Архипелага и Средиземного моря, – был везде, где только была какая-либо замечательная святыня.

О. Поликарп в должности настоятеля российско-посольской церкви в королевстве Греческом пробыл семь лет (1843–1850), и затем, согласно прошению, указом Св. Синода (от 8 марта 1850 г.) уволен от этой должности, и был определен настоятелем Нежинского второклассного монастыря. За труды же свои при российско-посольской церкви в Греции Высочайше сопричислен к ордену св. Владимира 3-й степени (21 января 1848 г.).

Па пути из Афин он снова посетил свою родину и пробыл здесь около 20 дней. Так в свое время описывали пребывание его в это время на родине:

«Чрез несколько дней по приезде, о. архимандрит Поликарп вместе с несколькими священниками служил божественную

литургию и панихиду о упокоении своих родителей и сестры; потом предложил трапезу всем участвовавшим в молитве. Угощение происходило в доме священника (его родственника). В это время о. архимандрит собственными руками подносил чай и кушанье не только священнослужителям, но и старикам-крестьянам, знавшим его в детстве. Эти крестьяне с благоговением смотрели на него и при этом вспоминали обстоятельства из его отроческой жизни.

Во все время пребывания своего в с. Мукше, о. архимандрит ходил всегда в власянском послушническом одеянии; в полночь вставал на молитву и долго молился, преклонивши колена пред иконою Божией Матери. Пищу принимал только однажды в сутки – во время обеда, и то в малом количестве; любимым кушаньем его во время пребывания его в Мукше была мамалыга, в скоромные дни с коровьим молоком, в постные – с конопляным. Грустным его тогда никто не видал, – на лице его всегда отражалась или радость, или, по крайней мере, совершенное спокойствие. После обеда он, обыкновенно, прогуливался по полям и по берегу Днестра, или один, или с кем-то из соседних священников, которые часто его навещали.

О. архимандрит Поликарп любил детей: во время его пребывания в Мукше крестьянские дети каждый воскресный и праздничный день бывали в церкви на богослужении; их привлекала туда, между прочим, и надежда получить от архимандрита деньги, которые он раздавал в известном количестве, после всякой литургии, кроме нищих, и детям. Раздача подаваний, обыкновенно, происходила на церковном погосте; и здесь-то он вел с удовольствием беседу с детьми, заставлял каждого мальчика сотворить крестное знамение и сказать молитву Господню, убеждая их каждое воскресенье ходить в церковь, не произносить никогда бранных слов, любить взаимно друг друга. Во время прогулок, увидев на улице детей, он, обыкновенно, подзывал их к себе, ласкал их, наставлял, и, если находил в своем кошельке мелкие монеты, оделял их.

Нежинский монастырь, как находящийся среди города, пришелся ему не по духу. Он искал уединения и потому просил

Св. Синод уволить его от настоятельства над этим монастырем, и дозволить ему поместиться на жительство в Таврической губернии, в Бахчисарском Успенском скиту, называемом, также, русским Афоном. – Св. Синод дозволил ему это.

Впрочем, когда архиепископ Херсонский Иннокентий, знавший лично о. архимандрита Поликарпа, стал убеждать его принять настоятельство над Бахчисарским Успенским Собором и подчиненными ему киновиями, то архимандрит Поликарп не отказался исполнить волю чтимого им архипастыря.

Находясь в Успенском скиту, он, наряду с братией, после ночных молитвенных подвигов и дневного богослужения работал в огороде: копал гряды и сажил овощи, и в саду, который в его время только что разводился.

Спустя несколько времени был поручен ему, в то же время, в управление и Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь, по случаю отъезда в Иерусалим настоятеля монастыря, митрополита Агафангела. Управлял же о. Поликарп этим монастырем недолго – от 2 октября 1852 года по 1 января 1853 года.

В дни осады Севастополя о. Поликарп явился там достойным соратником преосв. Иннокентия.

Высочайшим указом, данным Св. Синоду 14 апреля 1853 года, Всемилостивейше повелено быть священно-архимандриту Поликарпу викарием Херсонской епархии с наименованием его, по рукоположении, епископом Одесским, предписано рукоположить его в Одессе архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию с ближайшими епископами. Это рукоположение было совершено ими 5 июля 1853 г.

В сане Херсонского викария он по-прежнему вел аскетическую жизнь, как и прежде: так же много постился, пребывал в молитве постоянно, весьма часто совершал божественную литургию, – не менее трех-четырех раз в неделю, а, чтобы не обременять священников служением с собою и не отвлекать их от священнических и семейных их обязанностей, он совершал литургию в будни с двумя только священниками, а иногда даже с одним, и, также, с одним диаконом. В это время у него было довольно свободного времени. В свободное от

занятий в епархии время он занимался чтением отцов Церкви и переводов их писаний с греческого языка на русский. В отсутствие же преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского, когда он находился в С.-Петербурге для присутствования в Св. Синоде, – преосвященный Поликарп, как викарий его, занимался, по поручению его, епархиальными делами, и в это время он должен был уже жить в Одессе, и у него для занятия частными делами оставалось немного времени; за всем тем, он не прерывал их и тогда.

Между тем, русскому правительству представилась необходимость устроить в Иерусалиме миссию во главе с епископом, и из лиц, отличающихся благочестием, самоотвержением и ревностью.

Выбор Св. Синода остановился на преосвященном Поликарпе, и, с Высочайшего соизволения, в 1857 году преосвященный Поликарп назначен был начальником означенной миссии и был вызван в С.-Петербург. Он уже избрал семь человек из братии Оптиной пустыни себе в сотрудники.

Но потом дело назначения преосвященного Поликарпа в миссию, однако, не состоялось. На место его был назначен архимандрит Кирилл, с наименованием его, по рукоположении во епископа, епископом Мелитопольским; а преосвященному дозволено было возвратиться к прежнему месту своего служения, в Херсон (30 сентября 1857 г.)

Пять лет преосвященный Поликарп был викарием Херсонского владыки. Когда же преосвященный Рязанский архиепископ Гавриил оставил свою кафедру, а на его место назначен преосвященный Смарагд, архиепископ Орловский; то на открывшуюся епископскую Орловскую вакансию Высочайшим указом, 24 июля 1858 года, и был определен епископ Поликарп.

Преосвященный Поликарп тихо и спокойно начал дело своего служения: тот же порядок и дисциплина остались как при богослужении, так и в администрации, какие были и при его предшественнике; те же лица, какие были сотрудниками преосвящ. Смарагду в управлении епархией, остались и при преосвящ. Поликарпе. Но впоследствии, всмотревшись

внимательно в дело и узнав качества и способности своих помощников, он нашел необходимым многое изменить, и некоторых должностных лиц заменить другими. К чести его надобно отнести то, что у него не было так называемых любимцев и наперсников; правда, некоторым лицам оказывал он преимущество пред другими, но в веру не вдавался ни к кому.

Обратив особое внимание на раскол и приняв всевозможные меры воздействия, преосвященный Поликарп и при обозрении епархии всегда лично всячески старался располагать старообрядцев к православной Церкви.

В праздничные же и воскресные дни, когда он совершал божественную литургию, всегда говорил поучения; даже и в простые дни, приходя в церковь, почти всегда приносил книгу духовного содержания и заставлял кого-нибудь (преимущественно, ставленников, готовившихся к священству) читать из нее какую-нибудь статью или поучение в назидание присутствующих в церкви. Владыка никогда не приготавливал своих поучений, а говорил то, что ему Бог на сердце полагал, и строгого порядка, как и одной темы, в поучениях своих не держался. Его старческий – аскетический вид, его смиренная, но, вместе, важная осанка, его благоговейно-молитвенное настроение, его простая, сердечная, дышащая любовью и проникнутая благодатным помазанием беседа производила сильное впечатление на слушателей.

Но, если где, то при обозрении епархии преосвященный в точном смысле совершал дело благовестника. Ни одного села не проезжал, чтобы не предложить поучения народу.

Дома с посетителями, или, когда бывал сам преосвященный у кого-либо, старался обыденным разговорам давать направление назидательное; если же в том не успевал, то, обыкновенно, молчал. Когда бывала речь об ученых предметах, он не принимал в ней участия. Но, если речь касалась религиозных предметов и христианского благочестия, он с любовью беседовал; с удовольствием выслушивал суждения других и сам благосклонно отвечал на их вопросы. Любимым предметом бесед его были святые угодники Божии: их мудрые

изречения к назиданию других, их чудеса и пророчества. При таких беседах он воодушевлялся; лицо его бледное покрывалось румянцем, глаза светились от восторга. Беседуя всегда с достодолжным благоговением о лицах святых и предметах священных, преосвященный требовал такого же благоговения в разговорах и от других. Так, однажды, в присутствии преосвященного, при значительном собрании, за обедом некто из старших духовных лиц, говоря о Промысле Божиим, употребил шуточное слово. Преосвященный, грозно взглянув на него, сказал: «замолчите, о. Л!.. можно ли говорить кощунно о Промысле Божиим?» В другой раз, он, посетив одного купца, по случаю праздника, на обеде, когда разговор сделался общим и оживленным, счел неприличным долее оставаться за столом и вышел, предоставив полную свободу разглагольствовать другим...

Преосвященный как сам не любил тратить времени напрасно, так и других побуждал к тому же. Он имел порядочную библиотеку, состоявшую из книг духовного содержания, и на свои скудные средства выписывал все духовные журналы. В свободное от епархиальных дел время он занимался чтением и охотно ссужал своими книгами других. В приемной его комнате всегда лежало несколько экземпляров книг или журналов духовного содержания, чтобы просители, являясь к нему по своим надобностям, в ожидании приема, не оставались праздными, но могли это время посвятить чтению. Случалось и то, что, когда кто-либо являлся к нему по своим надобностям, преосвященный, поговорив с ним о деле его, сажал его против себя, и, дав ему книгу в руки, наставлял его читать ее вслух. При этом приискивал такую статью в книге, которая прямо шла к нравственному состоянию читателя. Таким образом, он, вместо собственного устного наставления или обличения, мудро подавал ему случай почерпнуть его из книги, как бы поставляя его пред зеркало, в коем читающий мог усмотреть нравственные пятна своей личности. Подобное делал он иногда с посетителями другого рода, которые являлись к нему без особенной надобности, а просто сделать визит. Преосвященный, быв не в состоянии выпроводить безобидно

таких праздных посетителей, хвалил какую-нибудь статью в книге и просил их прочитать ее вслух, как бы для себя; и праздный посетитель, волей или неволей, должен был читать и назидаться.

Святитель Поликарп был кроток, любвеобилен и приветлив к каждому. Но, когда надобно было выказать ревность по Боге, соблюсти справедливость, обличить порок, защитить слабого от притеснения сильного и т. п., – преосвященный бывал мужественно строг. Тогда он, несмотря на свойственные ему смирение и кротость, действовал со всей энергией, без всякого лицепрятия, и делом, и словом.

Например, одно лицо обратилось к преосвященному с письмом, которым просило вывести из его имени диакона; на диакона взводили тяжкие обвинения и, притом, хотелось, чтобы это было сделано по простому лишь обвинению. Преосвященный отказал этому лицу и потребовал от него следственным порядком доказательств к подтверждению обвинений диакона. Когда же это лицо отказалось дать таковые доказательства, обидевшись тем, что ему не поверили на слово, а по следствию означенный диакон совершению был оправдан, – преосвященный принял всецело сторону диакона.

Отношения преосвященного к своим подчиненным были всегда отеческие, и обращение – милостивое; но, если он замечал за кем-либо, в административном порядке, несправедливость или своекорыстие, то, несмотря на видимую близость к нему, он обличал таковых уже сурово, а некоторые из таковых даже поплатились своими должностями или местами.

Во всех других случаях кротость преосвященного была известна всем. Особенно он являлся с словом утешения к находящимся в скорбях; с словом примирения к враждующим между собою; с словом ободрения к болящим, и с благословением напутственным отходящим в жизнь вечную.

Так, раз, получив сведение об одном лице, державшемся вольномыслия в отношении религии, что он близок к смерти, преосвященный послал сказать ему, что он желает посетить его во время болезни, и, получив отказ в приеме, отправился, однако, к больному, и своим пастырским посещением и

благодатным увещанием сделал то, что больной согласился принять духовника и с христианским напутствием отошел в вечность.

Он ежедневно и при всяком богослужении бывал в храме Божиим. Даже когда бывал в дороге для обозрения епархии, то в карете, против места, где сидел, вешал панагию с изображением Костромской иконы Божией Матери и пред нею в пути совершал свои молитвы.

Один из Орловских подгородных помещиков просил преосвященного к себе в деревню, с тем, чтобы он наутро отслужил у него в приходском храме литургию. Радужный хозяин предложил ему, по прибытии в дом его, трапезу. Преосвященный, от усталости с дороги и продолжительности стола, за столом задремал. Заметив это, хозяин предложил преосвященному, не ожидая конца обеда, выйти и отдохнуть. Преосвященный согласился, но, вместо отдыха старческих сил на новые труды, так как ему нужно было служить с вечера всенощную, а на другой день литургию, приказал прочитать для себя девятый час, и затем через каких-нибудь полчаса началось всенощное бдение, которое продолжалось более двух часов. «Таков наш владыка, – сказал один из бывших тут, – он за обедом спит, а на молитве бодрствует, а мы наоборот, бодрь и веселы за столом, а в молитве спим».

Преосвященный безотложно служил литургию во все воскресные и праздничные дни, и не было примера, чтобы он в такие дни когда-либо не служил. Кроме того, он часто служил и в простые дни, в святую Четыредесятницу всегда сам служил преждеосвященные литургии, а в неделю св. Пасхи он служил ежедневно в городских церквях, или в тюремном замке, где и посещал узников, христосовался с ними и оделял деньгами, также в церквях богоугодного и учебных заведений.

Божественную литургию совершал он со всяким благоговением и страхом Божиим, с кротким духом и невозмутимым спокойствием. Никто никогда не замечал, чтобы он во время священнодействия литургии, и вообще, в храме Божиим, проявил гнев, нетерпеливость делом или словом, или

каким-нибудь движением, даже тогда, когда по-видимому бывали к тому поводы.

Однажды, по случаю храмового праздника, он должен был служить в одной из приходских церквей г. Орла литургию. Он уже вошел в храм, но свита его и имевшие участвовать с ним в служении, не зная этого, спокойно оставались в алтаре. Когда же узнали о прибытии преосвященного, то все торопливо бросились, чтобы занять каждому свое место: отчего произошла суматоха. Но преосвященный, стоя при входе церковном в ожидании обычной встречи, оставался в невозмутимом спокойствии, только, обратясь к одному из предстоящих священнослужителей, вполголоса сказал с кротостью: «видно, я прибыл рано?»

При богослужении, преимущественно в церкви архиерейского дома, он требовал, чтобы все исполнялось в точности по уставу церковному, без малейшего опущения. Не терпел он, когда некоторые при чтении Апостола или Евангелия делали конец с выкриком. Пение при нем бывало больше простое, нежели партесное; концертов при его служении почти не певали; вместо них или причастно, бывали проповеди. За голосистыми диаконами он не гонялся, почему без сожаления отпустил он диакона с довольно сильным голосом к Воронежскому владыке, в протодиаконы, хотя сам имел необходимость в таком. Желая заменить у себя протодиакона, он предлагал семинарскому начальству приискать в протодиаконы студента с хорошим тенором и с добрым поведением. Когда же ему заметили, что принято везде, чтобы при кафедрах архиерейских протодиаконы были басистые, – он отвечал: «к чему это? Разве это необходимо? Послушайте, что говорит нам в руководство для сего книга Деяний апостольских о диаконах (Деян.6:3). Ведь о голосе здесь и помину нет. Зачем же гоняться нам за ревунами? Лучше пусть будут такие, кои духом поют Богу!»

Преосвященный вообще любил в церкви порядок во всем, чин и благолепие; вне храма он соблюдал простоту и умеренность, а в храме – чистоту и богатство. Почему и радовался, если приобретал что-либо для своего храма.

Особенно он любил хорошие иконы Господа, Пречистой Его Матери и угодников Божиих. Весь кабинет его украшен был иконами, и он до самой кончины своей не переставал приобретать их. Когда бывал в чьем-нибудь доме, то всегда подходил к иконам, благоговейно осматривал их; не терпел он, когда усматривал, что иконы были написаны несогласно с духом православной Церкви.

Так, в церкви одного учебного заведения он увидел прекрасную, в художественном отношении, икону, представлявшую праведную Елисавету, с предстоящими пред ней, в отроческом возрасте, Господом Иисусом и Предтечей Его. Тотчас обратился к настоятелю той церкви с замечанием, что сказанная икона не должна быть в православном храме, потому что изображение ее не соответствует преданию Церкви, которое свидетельствует, что, когда Ирод, желая погубить Христа, избивал младенцев Вифлеемских, праведная Елисавета, мать Предтечи, спасая сына от меча Иродова, бежала с ним в пустыню, где и скончалась; а св. Иоанн Предтеча оставался один в пустыне под особенным охранением Промысла Божия, и был в пустынях до дня явления своего ко Израилю (Лк.1:80), как говорит св. Евангелие. Следовательно, Спаситель не мог вместе быть в детском возрасте ни с праведной Елисаветой, ни с Предтечей Господним.

Кроме церковной молитвы, преосвященный Поликарп всегда пребывал в молитве умной. После занятия епархиальными делами, далеко уже пополудни, а иногда и позже, он удалялся во внутренние свои покои, где после непрерывных дневных трудов, не покою и сну предавался, но бодрствовал и молился. Сначала совершал он обычно свое иноческое правило, и затем, по чину и обычаю подвижников св. горы Афонской, читал св. Евангелие житие дневного святого, после того ложился спать. Под воскресные же и праздничные дни и вообще, когда готовился служить, он совсем не ложился, а, сидя в кресле, несколько дремал. Сон его был самый тонкий. Между утреней и обедней не только сам не спал никогда, по и другим советовал не делать сего, особенно готовящимся к совершению литургии, «из опасения», как он говорил: «сатанина

мечтания во сне». В 3 часа пополуночи он уже вставал от сна, и – опять становился на молитву, и молился до самого начала богослужения. В это время он будил и келейника, и давал благословение на благовест к утрени, а сам одевался и шел к ней, являясь в церковь почти всегда прежде всех.

Отслушав утрению и обедню, он, возвратясь в свои покои, опять читал Евангелие и духовного содержания книги до прихода секретаря с делами. Книги, обыкновенно, читал для него вслух келейник; иногда же чтение их поручал постороннему, являвшемуся к нему по своим делам; при чтении нередко останавливал читавшего, делал ему вопросы, относительно содержания прочитанного, объяснял темные места и делал нравоучение. Если благоприятствовала погода, он уходил в сад, где копал гряды, сажал деревья, отрезал сухие ветви; а иногда уходил в чашу дерев и здесь, в уединении, молился.

У преосвященного Поликарпа ноги покрыты были ранами, как полагают, от продолжительных стояний на молитве и, несмотря на то, он выстаивал самые продолжительные молитвы, и особенно во св. великую Четыредесятницу, когда у него богослужение продолжалось почти непрерывно целый день

Относительно внутреннего устройства и украшения храмов, он требовал, от кого следовало, чтобы они строго держались благочестивого древнего обычая православной нашей Церкви; и, чтобы при украшении храмов излишней роскоши не было, а, чтобы соблюдались приличие и простота. «Ужели мы удивим Господа Бога золотом и жемчугом, громадными колоколами и дорогими паникадилами?» так говорил он с кафедры в приходских церквях, и весьма часто при других случаях: «Милости хочу, говорит Господь, а не жертвы: не осуждаю, что вы от избытков своих стяжаний украшаете церкви Божии, но говорю, что Господу приятнее будет, если вы сии издержки будете употреблять на дело милосердия: на вспоможение вдовам и сиротам, на заведение училищ и вспомоществование бедному духовенству, – заштатному и сиротствующему, которые сами, или отцы, были некогда молитвенниками за вас?»

Вследствие такого разумного взгляда на вещи, он, когда поступали к нему прошения о дозволении устроить что-либо в храме, относящееся к предметам роскоши, неохотно соглашался, а иногда и отказывал в просимом; рисунки иконостасов возвращал с замечаниями делать иконостасы в простейшем и самом дешевом виде; колокольни советовал делать меньшей высоты, колокола покупать не столь значительного веса, как желалось просителям, и даже устраивать храмы разрешал только тогда, когда узнавал действительную нужду в них.

Но внимание его преимущественно устремлено было на духовенство вверенной ему епархии: на воспитание его детей обоего пола, на приготовление его к служению св. Церкви, как и на самое служение, на его нравственность, и, наконец, на улучшение внешнего его быта.

Преосвященный Поликарп, обращая строгое внимание на воспитание духовного юношества, желал, чтобы это воспитание было преимущественно религиозно-нравственное. Нередко посещал семинарию и духовные училища, выслушивал преподавание наставников и уроки учеников, следил за нравственным состоянием их, предлагал свои советы и замечания, входил в их нужды и, сколько от него зависело, старался удовлетворить эти нужды; очень часто делал пожертвования из своих скудных средств. Памятником такой его деятельности служит благотворительное братство при Орловской семинарии. Он всегда присутствовал на экзаменах не только воспитанников семинарии, но и духовных училищ; для курсовых же испытаний, если даже бывал в отлучке для обозрения епархии, всегда нарочно приезжал в Орел. – Но не одни духовные дети и юноши были предметом его дум и забот.

Два орловских архипастыря заботились об учреждении женского училища в Орловской епархии: епископ Евлампий и архиепископ Смарагд. Но, за перемещением того и другого из Орловской епархии на другие кафедры, дело устройства приюта для девиц духовного звания досталось преемнику их кафедры, преосвященному Поликарпу; и он это дело, как близкое доброму и любвеобильному его сердцу, принял с особенным

расположением, и во все время управления Орловской епархией в устройстве этого училища действовал с горячим усердием и любовью, а незадолго до своей кончины имел утешение видеть это дело не только оконченным, но и упроченным.

Сам владыка питал особенную любовь к приюту девиц духовного звания как по расположенности своей к благотворению, так и потому, что это заведение устроено при помощи Божией, его особенным попечением.

Надобно было видеть, как он утешался приютом, когда посещал его, что случалось очень часто. Нигде он не проводил время с таким удовольствием, как в приюте; эти минуты бывали для него временем отдыха от епархиальных дел. При своих посещениях он внимательно входил во все части как управления приютом, так и воспитания детей; в учебное время посещал классы, выслушивал уроки, любил слушать пение, давал приличные наставления как воспитанницам, так и наставникам; обозревал их жилые комнаты, кладовые, гардеробную, буфет и другие, присутствовал при столе; всегда бывал на их экзаменах; и ни одно его посещение не проходило без того, чтобы он не привозил детям гостинцев или денег на покрытие нужд приюта; так, один раз, при посещении приюта, узнав, что воспитанницы, при отправлении своем в дома родных или знакомых на каникулярное время, должны казенное платье свое оставлять в приюте и иметь на этот случай собственное платье, он пожертвовал значительную сумму на устройство дорожных платьев на 45 воспитанниц. В другой раз, увидев, что койки воспитанниц покрыты одеялами, хоть и довольно приличными, но не столь красивыми, как праздничные, какие ему пришлось видеть прежде, он приказал на свой счет на 50 копеек купить тканевые одеяла; и выдать на этот предмет часть денег, с тем, чтобы на будущее время постели воспитанниц покрывались в будни его одеялами. Относительно избрания и рукоположения лиц на священно и церковно-служительские места, преосвященный, по высокому своему благочестию, не мог строго не держаться того правила, которое св. апостол Павел преподал всем святителям: «*руки*

скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужим грехом» (1Тим.5:22).

Усмотрев, что окончившие семинарское образование и потом вскорости рукоположенные во священники, нередко впадают в служебные ошибки, а иногда нравственные, преосвященный положил себе за правило не рукополагать во священники окончивших курс учения в семинарии прежде двадцатипятилетнего возраста, какового правила он строго держался до самой своей кончины. По рукоположении он не прежде отпускал их к своим местам, как по совершенном обучении правильному и благоговейному отправлению литургии и прочих церковных служб, а также под надзором приходского священника исправлению мирских треб.

Когда надобно было отпустить молодых священников к пастве, преосвященный давал им трогательное пастырское наставление, дабы они верны были своему призванию. Преосвященный распоряжениями своими не только поддерживал благочиннические библиотеки, учрежденные в Орловский епархии до него, но и старался пополнять и умножать их.

Преосвященный вошел в Святейший Правительствующий Синод с представлением о разрешении издавать Орловские епархиальные ведомости, на что и последовало благословение Св. Синода.

Обращение преосвященного Поликарпа с служителями Церкви Христовой было самое любвеобильное, кроткое, милостивое. Не было примера, чтобы он, во все время управления своего Орловской епархией, преступил пределы кротости, потерял терпение, предался гневу, хотя и бывали поводы к тому. Когда являлись к нему с своими нуждами священно и церковнослужители, их жены, вдовы и дети то он принимал их без всякой величавости, выслушивал их терпеливо, покойно, милостиво. Впрочем, такое снисходительное обращение с подчиненными преосвященного не давало им повода терять к нему уважение, не допускало вольности или фамильярности с ним; напротив, возбуждало к нему любовь, уважение и страх. Старшим из духовных лиц в

присутствии своем давал стул; входил с ними в длинные беседы по делам служебным, и нередко сам требовал от них советов по некоторым вопросам пастырского своего служения.

Даже и тех, кои подвергались по проступкам суду или вели себя несоответственно своему званию, он принимал без гнева и укоризны; и, хотя и делал таким выговор и обличение, но растворял их кротостью и милосердием, щадил виновных, сострадал им, помня немощь человеческой природы.

К живущим неблагочинно лицам духовного звания он посылал от себя доверенных лиц для увещания их, а иногда и сам лично являлся к ним в дома нечаянно, если они жили в Орле, чтобы лично удостовериться в степени неисправности таких и дать почувствовать им, что он постоянно наблюдает за ними и ищет их исправления.

К тем из священно и церковнослужителей, которые были верны своему призванию и вели себя преимущественно пред другими хорошо, преосвященный особенно был внимателен. О всем духовенстве орловском надобно сказать, что преосвященный нашел его внешний быт далеко не в утешительном положении и усиленно всячески старался его улучшить.

Одна бедная вдова дьячиха явилась к преосвященному с просьбою о зачислении за дочерью ее церковнослужительского места с тем, чтобы дан был дочери ее жених, способный занять это место для пропитания ее с остальными ее детьми. Просьбы вдовы этой удовлетворить было нельзя, по каким-то причинам, поэтому, преосвященный должен был утешить ее одним обещанием, что он устроит ее дочь, когда будет возможность. Вдова, естественно, осталась недовольна таким обещанием и высказала преосвященному, что она не только пришла в Орел понапрасну, но и издержала все то, что трудами рук своих приобретала в целую зиму. Владыка пожелал знать, на что она израсходовала столько денег? Вдова объяснила, что она только за написание прошения к нему заплатила канцелярскому служителю консистории 2 рубля сер., который и обещал ей, что он напишет такое прошение, что она непременно получит место для пристроения дочери своей.

Нельзя изобразить, как это огорчило доброго владыку!

Он тотчас же заплатил ей все издержки ее, которые она употребила на хлопоты по сказанному делу, и положил во что бы ни стало прекратить мздоимные злоупотребления со стороны консисторской канцелярии, – через изыскание средств к восполнению ее бедности, и, вместе с тем, освободить духовенство своей епархии от поборов и денежных вымогательств канцелярии, когда оно являлось в консисторию по делам своим, что отчасти и успел сделать.

Доверяя духовенству, он предоставил ему некоторую самостоятельность: избрание себе благочинных, а последним – помощников себе и смотрителей над сельскими училищами; учредил благочиннические съезды в каждом уездном городе, предметом коих должны быть разрешения недоумений, встречающихся по должности благочиннической и в практике пастырской, приходских священников, исправление поведения священно и церковнослужителей неверных своему званию способом увещания, разбирательств между причтами споров и прекословия по завладению имуществом, доходами, или по личной обиде, и примирение тяжущихся между собою, и т. д.

Преосвященный Поликарп, по прибытии на Орловскую епархию, тотчас обратил внимание на устройство кафедрального Петропавловского собора, который, под влиянием неблагоприятных обстоятельств, с 1797 года строился безуспешно, и только при нем приведен к тому, что в этом соборе открыто было богослужение, а также и на возобновление приписанного к помянутому собору Борисоглебского теплого собора, который после пожара, хотя и был возобновлен, но на скорую руку.

Затем он приступил к улучшению быта соборян.

Последствием ходатайства преосвященного Поликарпа пред Св. Синодом о прибавке Орловскому соборному причту жалованья было то, что обратили внимание и вообще на обеспечение всех кафедральных соборов приличным жалованием, преосвященный, кроме того, приобрел два каменных дома, с каменными же флигелями и необходимыми к ним пристройками и службами для причта.

Преосвященный Поликарп росту был среднего, лицом бел, с легким румянцем; только во время литургии – в важнейшие ее минуты и при других некоторых случаях, от избытка внутреннего чувства, лицо его покрываюсь ярким румянцем. От постоянно воздержной жизни он был худ. Волосы на голове и бороде имел седые; бороду – окладистую, длинную; глаза – голубые; взор – тихий, кроткий, благостный, благоговейный; походку – тихую, смиренную; речь его была очень тиха, так что иногда надобно было напрягать слух, чтобы понять, о чем он говорит. Никогда не случалось видеть, чтобы он был мрачен, скучен, гневен или недоволен чем, напротив, имея внутренний благодатный мир в душе своей и спокойствие совести, он имел лицо светлое, веселое. Вообще, надобно сказать, что он по внешности был старец благолепный и благоговейный, невольно располагавший всякого уважать себя.

Он в полном смысле был аскет, с тем только отличием, что он носил архиерейский сан, исполнял пастырские обязанности и жил среди общества; он всегда, везде и во всем проявлял глубокое смирение, – в положении тела, во взоре, в походке, в словах, действиях и во всей внешней обстановке. Случалось, что он, в обращении с другими незнатными или подчиненными ему, как бы забывал о своем сане и доходил до фамильярности, или в присутствии лица почетного он относился с таким же приветом и ласкою к человеку без значения в обществе, как и к первому, чем иногда и блазнились некоторые. В келлии своей он часто служил сам себе и исправлял те обязанности, кои должны были исполнить его келейные. Нередко принимал участие с другими в трудах телесных, а чаще это делал один, работая в саду, копая гряды в огороде, рубя дрова, зимою очищая снег, и т. под.

Случалось, что некоторые из просителей забывались, относились к нему неуважительно, говорили с ним грубо и даже дерзко, предъявляли свои претензии на его распоряжения с укоризною, требовали удовлетворения своим прошениям, большей частью, нерезонным, настойчиво; и таким образом, казалось, должны бы вывести его из терпения или, по крайней мере, смутить его; но он с удивительным великодушием,

смирением и кротостью все это переносил, и только в крайнем случае, со вздохом, удалялся от таких в свои покои.

Однажды, ему нужно было отправиться к одному из подгородных помещиков. Подана была карета; в нее сели: владыка, архимандрит, его родственник, и один из протоиереев. Послушник стал затворять дверцы кареты. «Ты же где сядешь?» спросил его преосвященный. «С кучером, на козлах». «Иди, садись в карету!» Когда тот совестился принять такую почесть, чтобы сидеть вместе с архиереем в карете, и докладывал, что для него покойно будет сидеть и с кучером, – «садись с нами» сказал опять преосвященный, «ведь здесь есть место свободное, этим нас ты не стесняешь, карета четырехместная, а на козлах пыльно, или дождь может пойти и намочит». Послушник влез в карету; и дорогою владыка, кушая апельсины, потчивал ими своих спутников, и в числе их и послушника.

В другой раз, по случаю какого-то великого праздника собралось к преосвященному почетное духовенство для поздравления с праздником. Преосвященный, благословив всех, обратился к одному из бывших тут, и, поклонясь ему чуть не до земли, при всех сказал: «простите меня, Господа ради, что я вас оскорбил!» По какому случаю владыка испрашивал себе прощения у сказанного лица, осталось для всех тайною, исключая того, к которому он обратился с поклоном.

Преосвященный Поликарп жил так, что не имел привязанности ни к чему земному. Не имел он пристрастия к скоропреходящему богатству, деньгам, вещам и т. под. Бывало, пришлют к нему откуда-нибудь деньги или кто пришлет ему что-либо в дар, – он равнодушно примет их, но не выкажет ни радости, ни удовольствия, исключая только тех случаев, когда эти деньги или вещи пожертвованы с целью благотворительной для духовно-учебных заведений или на вновь создаваемый им храм; тогда он принимал дары с радостью и хвалился ими перед другими, чтобы прославить благотворителей. Утратит ли что? он этим нимало не смущался. Он сам рассказывал о себе следующее: «Вздумалось мне однажды иметь у себя в запасе, на всякий случай, рублей сто, а их украли, тогда я осудил себя в маловерии и недостатке упования на Промысл Божий,

пекущийся о всех и о всем, и наипаче за то, что подал повод ко греху татьбы ближнему моему, и с тех пор положил в душе своей, чтобы вперед не держать денег, а тотчас, когда они случатся, делать им надлежащее употребление».

Во внешнем образе жизни не было у него строгого порядка и точного распределения времени. Для просителей и вообще, для посетителей, двери келлии его всегда были открыты; делами епархиальными он занимался, когда ему предлагал секретарь, и не оставлял занятий, пока не окончит их; на прошениях просителей, если никакого сомнения не представлялось, он тогда же, при подаче их, давал резолюции.

В келлиях своих он желал только простоты, удобства и чистоты, о роскоши же и убранстве их он не заботился.

Не заботился преосвященный и о пышности одежд своих. Если же он в праздники и торжества и являлся на богослужение в довольно ценных одеждах, кои он имел от усердия преданных ему, то он тяготился такими одеждами, и с большим удовольствием облакался в простую монашескую одежду. В зимнее время, хотя и носил иногда песцовую шубу, но преимущественно любил надевать сверх летней рясы, теплую рясу на вате, покрытую шерстяной материей, и в такой незатейливой одежде являлся в собор на богослужение. Как-то, по желанию его, сшит был, для домашнего употребления, подрясник из простой бумажной (серпянки) материи. Преосвященный был очень доволен им. «Как хорошо мне в нем, – говорил он, – и легко, и прохладно!»

После такого настроения, преосвященному уже нетрудно было исполнять заповедь Христову о милосердии к ближним и благотворении им; и он точно с любовью, неоскудно и постоянно отверзал руку свою на благотворение

Каждый день у дверей его келлии толпилась нищая братия, – и не отходила от них без подаяния. В своем архиерейском доме он содержал на собственном иждивении одного безногого и двух лишенных умственных способностей, и в Орловском девичьем Введенском монастыре – одну бедную старицу, обратившуюся из лютеранского исповедания и затем поступившую в монастырь по указанию ей в сонном видении,

как сама объясняла, святителя и чудотворца Николая. Весьма часто владыка делал пожертвования немаловажные в Орловскую духовную семинарию, духовные училища – на бурсаков, в приют девицам духовного звания, на строившийся в архиерейском доме храм, в тюремный замок, на пособие чиновников Орловской духовной консистории, в пользу духовного попечительства, в разные общества и братства, как, например, в Киево-Софийское и Подольское братства, коих он был постоянным членом. Что же он втайне творил для меньшей Христовой братии, – один Бог весть.

Когда же у него совсем не было денег, – а между тем, кто-нибудь из бедных обращался к нему за милостыней, он, обыкновенно, давал что-нибудь из вещей своих, и давал так, чтобы никто из живущих с ним не видал этого. Однажды к окну келлии его подошел нищий за милостыней. У преосвященного не было денег нисколько, а отпустить его без подаяния было не в его правилах. Вот, он посмотрел туда и сюда, и видит, что в его спальне стоят двое сапог (сам он в это время, по болезни ног, был в башмаках). Он тотчас же взял пару сапог и отдал их нищему. Что ж после оказалось? Из двух пар сапог, только одна пара была преосвященного, а другая принадлежала родственнику его, в то время жившему с ним. Преосвященный, торопясь, чтобы сделать милостыню без свидетелей, подал нищему один сапог свой, а другой – своего родственника.

Если же сам не имел средств помочь просившему у него помощи, то обращался к благотворительности известных ему особ, которые, по глубокому уважению к нему и доверию, принимали участие в нуждах бедных, доставляя пособие бедным или непосредственно, по указанию преосвященного, или вручая милостыню свою ему для раздачи бедным по личному его усмотрению.

Зато этот нищелюбец крайне огорчался, если узнавал о корыстолюбии и скупости чьей-нибудь, особенно из лиц духовного звания. Вскоре по приезде на Орловскую епархию, преосвященный захотел обозреть Орловские городские церкви. Прибыв в одну из них, он был поражен красотой ее иконостаса, который, пред приездом его в Орел, только что был поставлен.

Он полюбопытствовал у священника приходского: во сколько ценою обошелся этот иконостас? Священник объяснил, что за иконостас мастеру очень недорого заплачено, так что он остался в убытке. «Как в убытке?» – воскликнул владыка: «и вы рабочего человека довели до убытка – и еще в храме Божиим? Разве угодна Господу Богу та жертва, которая приносится Ему с обидою для ближнего? Вы знаете, какой грех удерживать мзду, или, что то же, заработанную плату у наемника? – это один из грехов, вопиющих на небо во уши Господа Саваофа об отмщении, как говорит св. апостол Иаков. И потому, вот что сделайте: объявите прихожанам моим именем, чтобы они непременно удовлетворили подрядчика за иконостас, насколько он потерпел убытка».

Он нисколько не заботился о столе – все предлагаемое ел во славу Божию; что подадут к столу, – тем и довольствовался; хорошо ли приготовлено было кушанье или худо, он не обращал внимания, так что необходимейшая потребность нашей жизни – пища у него занимала последнее место.

Когда, по прибытии его в Орел, на другой день явился к нему повар за приказанием: какой ему угодно будет велеть приготовить обед; то преосвященный был в большом затруднении относительно этого, потому что он едва ли когда входил в подобное распоряжение. «Какое прежде готовилось кушанье?» спросил он у повара. Тот отвечал – покупалась рыба соленая и свежая, и так далее. «Рыба? – спросил преосвященный, – я слышал, что здесь в Орле дорога рыба, да притом, она для меня не совсем здорова, поэтому ты готовляй к столу для меня картофель, подавай 5 картофелин средней величины». – «А еще что изволите приказать приготовить к столу?» обратился повар с новым вопросом к преосвященному. «Что же еще надобно? – спросил владыка, – разве нельзя быть сыту и этим? Еще подавай хлеба и соли, вот и все!»

Повар остался недоволен и был вынужден обращаться к родственнику преосвященного за распоряжением относительно стола.

Обедал преосвященный в 3 часа пополудни, редко ранее этого, именно, когда примет и выслушает всех посетителей. Он строго соблюдал устав церковный в отношении пищи. Среду, пяток и другие постные дни он проводил в строгом воздержании, особенно в св. Четыредесятницу он так постился, что однажды заболел от долгого пребывания без пищи, вследствие чего и надобно было прибегнуть к врачу, который, вместо лекарства давая ему питательный и восстанавливающий силы бульон, возвратил ему здоровье. Когда он постился, особенно на первой и Страстной неделях Великого поста, то под предлогом врачевания, употреблял сок редьки, и тем как бы наказывал себя за некоторое послабление себе в пище и питии в другие дни. Между тем, при таком воздержании он почти непрерывно находился на молитве, так как во весь Великий пост служба в его Крестовой церкви отличалась особенной продолжительностью, – почти весь день. И за всем тем, он в эти дни не оставлял келейного своего правила и занятия епархиальными делами.

Но, бывая у кого-либо в гостях, он ел все предлагаемое, не нарушая, впрочем, в этом случае правил св. Церкви и воздержания. Употреблял несколько и виноградного вина. Но случилось, что однажды при нем рассказали, что бывший до него преосвященный Никодим тоже муж великого воздержания, употреблял вино не иначе, как растворяя его водою, следуя правилу, высказанному им, в присутствии многих, за столом: «кто пьет вино с водою, тот портит вино, а кто пьет цельное вино, тот портит себя!» С тех пор преосвященный Поликарп стал вкушать вино, какое бы оно ни было, с водою.

Строгий блюститель законоположений церковных, он в посте мудро делал послабление, когда требовало того дело любви.

Преосвященный Поликарп, имея чистое духовное око, часто проникал в самые тайники сердца человеческого и видел, что там – в глубине его скрывалось. Это иногда испытывали над собою те, кои бывали у него. Так случалось, что он вдруг, как бы без особенного побуждения начинал рассказывать пример из жизни какого-нибудь угодника Божия, или хвалить добродетель,

осуждать пороки, и, именно, те самые, какие в душе присутствовавшего при нем были господствующими, и слушавший его беседы, будучи обличаем своею совестью, сознавал, что тайна сердца его явлена суть пред прозорливым владыкой, и что слова его именно к нему относятся.

Когда преосвященный был еще ректором Смоленской семинарии, одна девица одержима была беснованием. Мать ее, имея особенную веру в действенность молитв преосвященного Поликарпа, привела ее к нему в келлию и слезно просила, чтобы он помолился о больной ее дочери Господу Богу, и испросил ей исцеление. О. Поликарп, как ни был смирен, при виде страждущей от насильства дьявола дочери, и скорбящей о ней матери, не отказался удовлетворить ее просьбе. Он тогда же простер молитву свою к Богу о страждущей, и молитва веры спасла болящую, так что она совершенно избавилась от припадков беснования.

Во время поездки преосвященного по епархии для обозрения ее, случилось ему быть в доме одного мценского помещика М. Крестьяне того помещика, узнав, что у них находится владыка, во множестве собрались к нему, чтобы попросить владыку помолиться Господу Богу о ниспослании на нивы их дождя, так как от продолжительной засухи они погибли. Когда доложили об этом владыке, он тотчас приказал приготовить все необходимое для служения молебствия по случаю бездождия. Под открытым небом приготовили стол, принесли иконы, и владыка благословил игумену, с ним бывшему служить, а сам стал наряду с молящимися. И что же? Когда еще продолжалось молебствие, – нашли на небо тучи, и обильный дождь пролился на поля земледельцев. Все, тут бывшие, удивились такой милости Божией, столь скоро, по молитве святого владыки, ниспосланной с умилением воздавали славу Господу, и, вместе, благодарили и прославляли и теплого молитвенника, своего архипастыря Поликарпа.

Того же помещика сын, лет 15 от роду, отправился в рощу верхом. Там лошадь чего-то испугалась и сбросила с себя седока. Падение его было так сильно, что его привезли без

признаков жизни, однако ж, дома оказали ему некоторое пособие, и он стал дышать, но все оставался в бессознательном состоянии. Между тем, послали в г. Мценск за медиком, а мать убившегося от падения с лошади, имея великую веру к преосвященному Поликарпу, отправилась в Орел, за 40 верст, поведать ему о своем несчастье и просить его молитв за болящего сына. В то время, как она явилась к владыке, он был на пути в кафедральный собор для совершения литургии, но принял скорбную мать, и, сколько позволяло время, преподавал ей пастырское наставление и утешение, и, давая ей напутственное благословение, сказал: «отправляйтесь с Богом обратно домой, вы там нужны для больного, а я отправлюсь на службу Божию в собор, где и буду молиться за больного вашего сына, и уповаю, что, по вере вашей, Господь даст, что будет здоров».

Когда мать вернулась с медиками, к удивлению всех, в это самое время, больной открыл глаза и рассказал всем тут бывшим свой сон, что он, находясь в бессознательном состоянии, как будто находился в кафедральном соборе, где преосвященный с такими-то лицами служил литургию (и в самом деле, те лица, которых он поименовал, участвовали с преосвященным в служении) который, благословив его, дал ему просфору. Рассказав свой сон, больной опять впал в спячку, а на другой день встал совершенно здоровым.

Дочь одной помещицы, девица 9 лет, одержима была пляской св. Витта. Помещица привезла свою дочь в Орел, чтобы посоветоваться насчет ее здоровья с врачами и полечить ее. Но так как она питала особенное благоговение к преосвященному Поликарпу, то, прежде, нежели обратилась к врачам за пособием для дочери, сочла долгом побывать у преосвященного, взяв с собою и больную дочь, чтобы испросить у него молитв и благословения. Преосвященный, по обычаю своему, сказав им несколько слов в назидание, возложил святительскую свою десницу на главу больной и сказал: «не беспокойтесь, и возложите упование свое на Господа Бога; болезнь пройдет». Затем помещица с дочерью отправилась к известному по своему искусству врачу. Врач, внимательно

освидетельствовав больную, с неудовольствием сказал: «откуда это вы взяли, что ваша дочь больна? Она так здорова, как нельзя лучше, и нет ни малейших признаков той болезни вашей дочери, о коей вы говорите». Мать больной старалась уверить врача, что дочь ее доселе, как и всем это известно, была больна, и зачем бы она приехала с ней нарочно из деревни за 40 верст, и потом стала бы беспокоить его напрасно?». Но врач продолжал повторять, что у дочери ее нет никакой болезни, а, тем более, какую она ей приписывает. И, в самом деле, после того, как помещица со своей дочерью побывала у преосвященного Поликарпа, – болезнь не возвращалась к ней.

Преосвященный Поликарп, епископ Орловский и Севский уснул сном праведника 22 августа 1867 года, в 2 часа пополуночи.

Утвердительно можно сказать, что преосвященный Поликарп предвидел скорое переселение свое в вечность. Это высказывал он в беседе с другими, и со скорбью повторял: «надобно поскорее кончить храм, начатый мною в архиерейском доме, ибо опасаясь, что смерть не допустит меня выполнить это». Поэтому, он все усилия употреблял, чтобы строение означенного храма деятельно продолжалось, и все средства, кои откуда-либо присылались к нему, он обращал на построение его. За год перед кончиною своею он хотел удалиться на покой, чтобы провести остаток дней своих, единственно, в попечении о душе своей; для этого избрал себе скит при Брянской Белобережской пустыни, который по своему уединению, безмолвию и красоте весьма нравился преосвященному, хотя родственник его, о. архимандрит Ксенофонт, настоятель Спасо-Чолнского Трубчевского монастыря, склонял его, чтобы он, если желает оставить кафедру, поступил в этот, последний, монастырь, обещая доставить ему всякий покой и удобство. Также замечательно то, что преосвященный в последнее время пред своей кончиною собственными руками в саду ископал могилу. Когда его однажды спросили, для чего ископал ее, он, не давая на вопрос прямого ответа, сказал, что я сделал это для того, чтобы лишняя влага от корней дерев стекала в этот ров. Между тем, в свободные от епархиальных дел минуты

приходил сюда, к выкопанной им могиле, и здесь, при созерцании сего скудного вместилища по смерти человека, размышлял о суете жизни человеческой, и бренности самого человека, и поучался великой науке, как христианину подобает умирать. Наконец, пред самой кончиной вызвал к себе упомянутого своего родственника, на руках коего и скончался, после тяжелой болезни.

Стечение народа для отдания последнего долга любимому архипастырю столь было велико, что все пространство от самого архиерейского дома до кафедрального собора занято было сплошной массой. Как ни огромен собор, но он не мог вместить желавших быть при погребении владыки. Погода была в это время пасмурная, и даже лил довольно сильный дождь, но к концу литургии небо прояснилось и сделалось тепло. Помня великие заслуги почившего святителя, многие особы приняли на себя все издержки, необходимые при погребении его. Кто устроил богатый гроб для него, купил богатый покров на тело его, кто принял на себя расходы для стола, кто – снабжение бедной братии милостыней, и тому подобное, а иные, которых Бог не наделил богатством вещественным, принесли на гроб почившего вместо многоценного мира, свои слезы. Все же вообще усердно молились о нем Господу Богу, да упокоит Он дух его, *идеже вси праведнии упокоеваются!*

Останки епископа Поликарпа погребены в Успенской церкви архиерейского дома, за правым клиросом, в именном склепе. Над могилою усердием чтителей его положена чугунная доска с изображением креста Господня и соответственной надписью: «Здесь погребено тело епископа Поликарпа».

Сбоку же, на правой стороне, стоит и келейная икона покойного – икона Матери Божией Споручница грешных³³.

Настоятель Нежинской Греческой церкви о. Илиодор

(Память 23 августа).

Вот, человек, который не обучался ни в каком училище, не выделялся ни дарованиями, ни особыми внешними заслугами, но успел оставить по себе в своем крае самую светлую память. В нем было в высокой степени то, чего недостает у большей части из нас – глубокая, преискренняя вера в Бога, редкая любовь к молитве, дар увлекать к ней и других, кроткая простота и христианское внимание ко всем.

Сын беднейшего нежинского диакона, учившийся только у отца да в церкви, он на 16 году жизни определен был дьячком в село. Прожив там с добрым успехом семь лет, он был переведен в 1823 г. в Нежин, женился, а в 1831 г., около 30 лет от рождения, рукоположен был в диакона в Нежинский девичий монастырь. Как он радовался и прославлял Бога, что сподобился достигнуть священного сана! В следующем году жена его умерла от холеры, оставив ему целую семью бедных сирот. Горе не ослабило его благочестивого настроения; он перенес его безропотно, по-прежнему служил благоговейно и вел строгую христианскую жизнь. Нежинские греки полюбили его служение и позаботились перевести его в свой приход, хотя он ни слова не знал по-гречески и мог служить при греческих архимандритах только по-славянски. Здесь он еще более приобрел себе любовь и уважение от всех, кто видел его хоть раз на богослужении. Благообразный, скромный, сладкогласный, он в церкви был весь благоговение: так истово и сердечно крестился, и преклонялся, словно видел пред собою не храм, не иконы, а Самого Господа храма, так отчетливо и выразительно произносил каждое святое слово, так проникался умилением, что невольно согревал сердца предстоящих и располагал их к покаянной молитве. Почти 20 лет пробыл он здесь диаконом и до того приобрел себе благодать у Бога и людей, что в 1854 г., когда умерли настоятели греческой церкви, все прихожане ее единодушно просили Св. Синод, чтобы

настоятелем их прихода был определен отец диакон Топольский, с пострижением в монашество и рукоположением в иеромонаха. Св. Синод уважил их просьбу, и 28 августа 1854 г. диакон Илия Топольский стал иеромонахом Илиодором и настоятелем Нежинского греческого прихода.

На этом месте душа его, преданная Господу, раскрылась во всей полноте, и он явился одним из подвижников нового времени на святой Руси. Довольно сказать, что со дня своего рукоположения в иеромонаха он тридцать лет служил почти ежедневно, и как служил! Все годы, как один день, он с неизменной ревностью спешил в церковь, по первому удару колокола, и готов был, по примеру Давида, жить в доме Господнем вся дни живота своего. Бывало, явится он в церковь на вечерню, – нет дьячка, он наденет епитрахиль, возгласит «Благословен Бог наш» и, нимало не смущаясь, идет на клирос, и сам читает 9-й час, пока соберется причт. То же случалось и на утрени. А иногда и в начале обедни, с обычным терпением и любовью, в полном облачении, он читал часы, пока не заменял его кто-нибудь из подошедших причетников или из посторонних лиц. Проскомидию он совершал почти всегда около часа, пока прочитает все поминальные книжечки и записки, в коих отмечены были все его духовные чада, все его ближние и знакомые, все прибегавшие к его молитве. С неизменным благоговением служил он молебны, исполнял всякие просьбы, и неудивительно, что в церковь его приходили постепенно чуть не все жители города и окрестностей, и все уходили с духовною радостью и упованием на милость Божию.

Молитвенное дело свое он вел не только в церкви, не только с требами по домам прихожан, но и у себя дома. Особенно умиленно молился он над больными детьми, страдавшими в детской немочи и конвульсиях. Как часто случалось видеть в его келлиях десятки женщин с страждущими младенцами на руках! Сначала только и слышны плач да писк больных малюток, да вздохи и стенания несчастных матерей. Но начнет молиться старец Божий, вычитывая один за другим молебны Спасителю, Богоматери и разным святым, начнет читать заклиательные молитвы св. Василия Великого и

помазывать больных детей св. елеем, – и смотришь, они мало-помалу успокаиваются, лица матерей светлеют, и многие – многие отходили домой, унося совершенно здоровых младенцев. Народная вера в благодатную силу молитв отца Илиодора доходила до того, что матери полагали больных младенцев у ног его, во время великого входа на литургии, чтобы он переступил через них со св. Чашей, – и дети становились здоровыми. Скоро к нему стали носить детей за 30 и 40 верст от Нежина, а наконец, – даже евреи! Летом 1884 года одна приезжая еврейка обратилась к нему, чтобы он «вычитал» ее младенца от детской немочи, но при этом требовала, чтобы он не употреблял ни крестного знамения, ни помазания св. елеем. Смутился о. Илиодор и не знал, что делать. По чувству любви к ближнему, хотел он помолиться над болящим, но боялся нарушить правила св. Церкви и, скрепя сердце, отказал еврейке. Та подала прошение преосвященному, жалуюсь на о. Илиодора, что он отказывается помочь ей в горе, вслед за тем подала и другое прошение, чтобы владыка заставил о. Илиодора помолиться над ее детищем. И согласно благословению архипастыря, о. Илиодор молился над болящим, возлагая, по древнему обычаю, на него руки, вместо крестного знамения. Мы не знаем, в какой мере помогла эта молитва: еврейка скоро уехала из Нежина.

Не для одних детей, но и для многих взрослых, по сказанию их, молитвы о. Илиодора были целебнее и действительнее, чем лекарства врачей. Он не отказывался приходить во все дома, где были страждущие, и всегда приносил с собою мир и утешение. Ноги его во всякую пору готовы были идти, куда бы ни позвали его, нередко за других священников, по их болезни или отсутствию. Нежинские жители всех сословий, богатые и бедные, простецы и образованные, православные и иноверные, особенно больные душою и телом, обращались к нему за советом и молитвою; и шли к нему с глубочайшей уверенностью, что он их не отринет, выслушает, помолится за них, напутствует добрым словом и благословением, и сделает все это во всякое время дня и ночи. И эта преискренняя готовность его служить всем, чем может, и для всех, кто бы ни

пришел, длилась неизменно целые десятки лет! И то еще удивительно, как он сумел соединить строгие обеты монашества с трудными обязанностями приходского пастыря и с тяжкими заботами главы семейства (при нем жили вдовствующие дочери и их дети).

Такие высокие качества духовной жизни его послужили основанием к тому, что он был избран духовником. В обоих монастырях Нежинских – мужском и девичьем (обе эти должности он исполнял до смерти своей); кроме того, он был духовником большей части духовенства и многих светских лиц из других приходов.

Конечно, в долгой жизни его встречались и такие люди, которые возмущали покой его души и за его любовь платили ему неблагодарностью и злом; но он всем прощал, все терпел, все покрывал. Этим миром верующей души своей, христианским воздержанием и трезвою жизнью он так умел сохранить себя, что и в последние годы лицо его дышало свежестью и румянцем.

Так жил и служил о. Илиодор не только в лучшие и годы жизни, но и в последние лета старости, когда для человека, пережившего *множае осмидесяти* лет, наступает *труд и болезнь*. В эти годы, вследствие прежних неустанных трудов, он часто занемогал; но как ни убеждали его родные и знакомые не ходить в церковь, он их не слушался и только при совершенной немощи уступал им. И, когда болезнь удерживала его в доме, он всеми силами заботился об исполнении всего церковного правила в своей келлии. А чуть только оправлялся, снова спешил в церковь, служил, молился, невзирая на удушливый кашель и крайнее ослабление, которые не позволяли ему как должно произносить слова молитв. За две недели до смерти он еще служил, еле передвигая ноги, и только по настоянию врачей решился отдохнуть несколько дней. С приближением праздника Успения, он, лежа в постели, только о том и думал, как бы ему самому отслужить в этот день; но накануне праздника ему стало хуже, а ночью, вследствие отека легких и ослабления голосовых оболочек, полилась кровь горлом. Почувяв близость смерти, он сам пригласил к себе архимандрита

монастыря, священников и диаконов для совершения таинства елеосвящения. Он лежал при этом в постели, еле переводя дух; но, как только подносили ему св. Евангелие, как только очередной иерей приступал к помазанию его св. елеем, он сразу оживлялся и с невыразимой любовью приникал засохшими устами к словам Христовым. По совершении таинства, он, с глазами, полными слез, с необычайной кротостью и смирением, попрощался с священнослужителями, с присутствующими, у всех просил молитв, благословения и прощения. И через 4 дня (23 августа 1884 г.) он скончался, 83-х лет от роду, прослужив Церкви в священном сане 52 года³⁴.

Схимонах Лаврентий Глинский

(Память 24 августа).

Старец схиархимандрит Илиодор в отце Лаврентии указал ученикам своим преемника по старчеству. Более ревностного делателя заповедей Божиих на тесном иноческом пути, кажется, не было. Поэтому о. Илиодор говорил про Лаврентия, что он духом более всех подходил к монашеству. Отец Лаврентий не мудрый внешней мудростью, но умудренный опытом жизни и мудростью, сходящей свыше, был истинным нелестным руководителем спасающихся. Святитель Тихон Задонский бабке о. Лаврентия сказал: «за благочестие твое в твоём роде будут монахи». В юности Лаврентий был смирным мальчиком, любил уединение, сверстники его нередко обижали. В возрасте мужества он был у своего помещика садовником, мяса не ел, а полагавшуюся на его долю часть отдавал своему женатому брату. На 38 году своей жизни он был отпущен барином своим в монастырь и в 1846 году поступил в Глинскую пустынь, где 25 лет нес послушание садовника; в 1874 году о. Лаврентий принял схиму. По спискам, всегда аттестовался настоятелями: усердным, трудолюбивым, к монашеской жизни внимательным. Любя уединение, подвижник 32 года жил в малой и низкой комнате, внизу уединенной монастырской башни у пруда (саженки). В келлии он всегда занят был или молитвой, или чтением Свящ. Писания и святоотеческих книг. На послушание не выходил, пока не прочтает акафисты Спасителю, Божией Матери и Николаю Чудотворцу. Идя в храм на послушание или куда-либо, и возвращаясь в келлию, он всегда читал молитвы или псалмы. Послушание исполнял тоже с молитвою и упованием на Бога. Замечено, что деревья, посаженные Лаврентием с молитвою, менее других подвергаются порче и более плодovиты.

Безропотный, безответный, благодушный, о. Лаврентий отличался примерной нестяжательностью и безмолвием. Никто не замечал его в пустословии. Только к духовным беседам он был внимателен и в своих словах назидателен. Желая себя и

других побудить к ревности о спасении, он нередко говорил: «жизнь наша коротка, и время скоротечно, а за гробом ждет нас мука бесконечная». По строгости воздержания о. Лаврентий служил примером для братии. Он дорожил каждой крошкой хлеба и другим внушал, что пренебрегать даром Божиим – грех. Если ему случалось кушать что-либо, выходящее из повседневного приготовления пищи, то он считал это великой роскошью и, обыкновенно, простосердечно говорил: «такой обед у Царя да у нас!»

В братской трапезе подвижник старался казаться кушающим, но его крайнее воздержание не могло укрыться от сидевших с ним рядом или против его. Однажды инок Н., видя, что старец весьма мало кушает, подумал: «вот какой постник наш Лаврентий, – поистине святой муж». – «Какой тебе святой, откуда ты взял его?» ответил Лаврентий на мысли своего сподвижника.

По принятии схимы о. Лаврентий спрашивал своего старца-руководителя схиархимандрита Илиодора: «можно ли ему еженедельно причащаться»? Одобрив такое желание, о. Илиодор сказал: можно, и, если на неделе будет праздник, то и два-три раза, но говеть – благоговеть и воздерживаться. Рыбы и масла нельзя вкушать ту неделю, в которой хочешь причащаться. – Попробуй, а если будешь ослабевать, скажи – можно установить так: одну неделю поговеешь, другую – во вторник и четверг бери из кухни рыбное, но молочного не вкушай. В понедельник, среду и пятницу без масла.

После этого старческого благословения о. Лаврентий, – ревнующий о достойнейшем принятии Святейших Тела и Крови Христовых, вдался в усиленные подвиги поста и молитвы: о пище и сне почти забыл и дошел до болезненного состояния. Это не укрылось от сподвижников. Один из них, отец Д., пошел к старцу Илиодору и подробно рассказал ему про Лаврентия. Старец поблагодарил Д. и, как опытом прошедший узкий путь и знакомый со всеми препинаниями врага, захотел испытать схимонаха Лаврентия, боясь, чтобы он не впал в прелесть. Зная, что обольщенные своею праведностью не слушаются других, он того же отца Д. просит идти к Лаврентию и, несмотря

на позднее время, пригласить его пить чай. Монах Д. объяснил схимнику повеление старца. «Как же так? – спросил его Лаврентий, – я никогда не позволял себе после правила чего-либо вкушать!»! – «За послушание, отче, исполни повеленное», сказал строгому постнику монах Д. – Подвижник, привыкший в точности исполнять все старческие повеления, и на этот раз не отказался от послушания. На другой день о. Илиодор сам посетил схимника и сказал ему примерно так: «опасно вдаваться в чрезмерные подвиги, хотя бы и схимнику. Меру трудов духовных должно соотносить с телесными силами. Неумеренные подвиги делают тело неспособным не только к несению послушания, но и к дальнейшему подвигу, а благоразумные подвиги трудящегося не лишают его награды от Бога и возможности продолжать тесный путь». – С тех пор о. Лаврентий был более осторожным, и без благословения своего старца не предпринимал никаких подвигов.

Помимо добродетели, один наружный благолепный вид благоговейного инока располагал невольно уважать его. Росту о. Лаврентий был среднего, бледнолицый, с легким румянцем, телом очень худой. Волосы на голове и длинной окладистой бороде были седые, взор кроткий, походка смиренная, речь тихая. Никогда не случалось видеть подвижника печальным, гневным или недовольным, – внутренний благодатный мир спокойной совести невольно отражался в сияющем святою простотой и благолепием лице его.

Истинно и нелюбезно любя ближних, о. Лаврентий всем желал спастись, и потому не опускал случая замечать младшим братьям нарушение какого-либо монастырского правила. Строгий исполнитель иноческих обетов, он опытно знал, что малое упущение ведет к большему и, наконец, совершенно охлаждает в деле Богоугождения.

Не только братья Глинской пустыни, но и посторонние немало пользовались советами, а главное, доброй жизнью старца. В советах о. Лаврентия иногда высказывалось прозрение будущего. Так, один его односельчанин, идя в Киев на поклонение свв. угодникам, зашел в Глинскую пустынь посетить о. Лаврентия, который, вместо путешествия, советовал

приготовиться к скорой смерти. Тот не послушал и, возвратясь домой из Киева, рассказал родным своим предсказание схимника о смерти. В скором времени оно исполнилось. Тогда родные весьма пожалели, что не обратили внимания на слова благочестивого земляка и не позаботились о должном напутствии умершего. – Несмотря ни на болезни, ни на старость, ни на искушения, о. Лаврентий бодро выстаивал до конца все продолжительные монастырские церковные службы. Обыкновенно, он стоял посередине хор храма, шага на два от перил. – Глаза его были закрыты, голова склонена вперед. Старец-молитвенник в храме никогда не садился и не опирался, как свеча горел пред Богом молитвенник духом и этим немало озлоблял врага спасения. Однажды, стоя в храме, о. Лаврентий почувствовал сильный удар в ноги, потом в бока, в спину и, наконец, в голову. Видя козни злого духа, старец просил братию поддержать его.

При каждом ударе ему приходил помысл – идти в келлию или в больницу, получить помощь и отдохнуть, но другой, внутренний, голос говорил ему: «не лучше ли на молитве остаться? – лучше умереть в храме, нежели в койке, а то пойдешь, и дорогою кончишься, к чему будет твоя хода!». Прошло четверть часа борьбы. Подвижник решил умереть, а не оставлять храма, и Господь сторицей наградил его небесным утешением за победу. Болезнь прошла, сердце Лаврентия исполнилось неизреченного веселия. «Такого отрадного чувства я никогда не имел, – говорил он, – и, если бы служба совершалась 20 часов, я бы согласился стоять, лишь бы меня не покидала та небесная радость». – В скором времени о. Лаврентий удостоился особого видения. В виде прекрасных голубей прилетели к нему ангелы и сказали: «через год мы прилетим за тобой». Усиленными молитвами и частым причащением о. Лаврентий весь год готовился к переходу в вечность. Желая проститься со своей племянницей, он перед кончиной писал ей: «хотя по учению Церкви не должно верить снам, но есть сны, которые служат к нашей душевной пользе. Я видел недавно умершего брата; он звал меня с собою. Приезжай же, время мое близ есть». Несмотря на крайнее

оскудение физических сил, подвижник и в последние дни жизни не хотел оставить подвигов благочестия. Настало 24-е число августа 1881 года, – тот самый день, когда год тому назад старцу было явление ангелов. Он просил вести себя в монастырскую больницу, в тот же день особоровался, причастился и вечером тихо предал дух свой Богу.

По смерти, о. Лаврентий являлся братьям: предупреждал несчастья или подкреплял слабых в подвиге, и говорил, что получил повеление охранять обитель. Однажды он явился во сне старшему Заруцкого монастырского подворья и сказал: «разве можно так быть беспечными? враг хочет вас всех поднять на воздух: сейчас свечка догорит, и вы все погорите». Старший проснулся, вышел в сени и в сарайчике, где складывались яблоки, увидел огонь. Войдя туда, он убедился в справедливости слов явившегося старца: на столе, без подсвечника, догорала свечка, оставленная одним из послушников, совершавшим тут свое келейное правило. Свечка была потушена, и опасность миновала³⁵.

Монах Вениамин Валаамский

(Память 25 августа).

Монах Вениамин происходил из С.-Петербургских купцов; поступил на Валаам и определен в послушники в 1824 г. и с 1827 г. сделался болен: у него распухла нога, и в ней открылись раны, и в ранах роились черви. Боль была нестерпимая; страшно было даже смотреть на его ногу. Пятнадцать лет безвыходно пробыл о. Вениамин в келлии, не имея возможности сойти с места. Келейно был пострижен в монашество. Ежедневно сам вычитывал все церковные службы. Раз, посетили его знакомые из Петербурга и выражали глубокое соболезнование к его горестному положению. «Поверьте братия», – отвечал страдалец, – «что в лучшие дни моей жизни в мире душа моя не ощущала такой радости и покоя, какие вкушает она теперь в великой болезни тела». 25 августа 1842 года тихой кончиной прекратились страдания: болящий уснул сном смерти, и радостен был мертвенный лик его³⁶.

Подвижник Алатырского Свято-Троицкого монастыря схимонах Вассиан, почивающий в усыпальнице монастыря

(Память 26 августа).

В г. Алатыре, Симбирской губернии, в XVII столетии, в Свято-Троицком монастыре, подвигом добрым подвизался в иноческой жизни схимонах Вассиан. О его происхождении, как и о самой его жизни, сведений не сохранилось, но несомненно то, что святостью своей жизни он угодил Богу, и Господь прославил его нетлением и чудотворениями.

О схимонахе Вассиане из книги «Памятник» известно следующее: в 1748 году, 26 августа, в царствование императрицы Елизаветы Петровны, в бытность настоятелем Алатырского Свято-Троицкого монастыря строителя Меркурия Абрамова, при очищении места для постройки в этом монастыре ныне существующего соборного Троицкого храма, найден был гроб с мощами схимонаха Вассиана. Вынутые из земли мощи стояли в течение недели на открытом месте. До освидетельствования мощи перенесены были в теплую, деревянную, бывшую тогда церковь во имя преподобных отцов Зосимы и Савватия, где оставались открытыми всю зиму. При освидетельствовании, как самое тело, так и одежда, и гроб оказались неповрежденными.

С тех пор и по настоящее время место погребения схимонаха Вассиана привлекает к себе много народа. Страждущие духом и телом служат над могилою панихиды. По установившемуся издавна порядку, ежегодно, 26 августа, в память о. Вассиана, на могиле его служат и общественные, и монастырские панихиды, а равно, и 10 октября – в день ангела о. Вассиана. Накануне же сих дней в соборном храме совершается всенощная.

В 1905 году, с благословения преосвященнейшего Гурия, епископа Симбирского, настоятелем Троицкого монастыря архимандритом Гавриилом с братией и с помощью усердных благотворителей, при усыпальнице схимонаха Вассиана

сооружен алтарь и самое помещение усыпальницы, под Казанским придельным храмом собора, распространено и, таким образом, образовалась обширная церковь, которая и освящена тем же Преосвященным 5 декабря того же 1905 года. Благодаря этому, могила схимонаха Вассиана находится теперь в сем храме за правым клиросом. Здесь же, на гробнице о. Вассиана, лежат железные вериги с таким же крестом. Верики эти, по преданию, носил схимонах Вассиан. Во избежание славы человеческой, пред кончиною своею, о. Вассиан вериги эти бросил в колодезь, неподалеку здесь находящийся. Впоследствии, при чистке колодца, на дне его нашли эти вериги. Пред гробницею теплится неугасимая лампада.

Достоверных сведений о времени кончины схимонаха Вассиана в Свято-Троицком монастыре также нет, потому что монастырский архив, в котором могли бы быть сохранены эти сведения, уничтожен пожаром. Был о. Вассиан тем самым настоятелем и строителем Свято-Троицкого монастыря в конце XVII в., который значится в монастырском списке настоятелей, или был простым монахом в монастыре, уже начала XVIII века, предание умалчивает. Знают только алатырцы, что в Троицком монастыре жил схимонах Вассиан, вел строгую подвижническую жизнь и пользовался великим уважением среди горожан. Во время освидетельствования нетленного тела были некоторые из очевидцев его жизни, которые хорошо помнили схимонаха Вассиана и чтили его за святого подвижника. Они-то и признали найденные мощи за мощи Вассиана.

В мае 1749 года мощи схимонаха Вассиана были вторично освидетельствованы, причем оказалась та же полнейшая сохранность тела, одежды и гроба, что и при первом освидетельствовании. Можно было даже ясно прочесть вышитые на схиме слова Священного Писания. Над гробом схимонаха Вассиана в то время постоянно служились панихиды. Во множестве стекался народ на поклонение мощам, причем больные отламывали от гроба щепочки, некоторые из них, как ходили слухи, тут же получали исцеление. Однако, указом Святейшего Синода предписано было епископу Нижегородскому и Алатырскому Вениамину предать нетленное тело схимонаха

Вассиана земле. Это было вызвано тем, что чудесные исцеления от мощей не записывались своевременно вместе с именами лиц, получивших исцеление, и что при вторичном освидетельствовании мощей никто из жителей не подтвердил тогда достоверность этих исцелений.

Вследствие такого опущения, было признано необходимым записывать в особую книгу о совершающихся чудесах при гробе блаженного схимонаха Вассиана, по его предстательству пред Богом. Слух об этих чудесах, как проявлении силы Божией при найденных мощах угодника, под спудом почивающего, стал быстро распространяться среди верующих далеко за пределами Симбирской губернии, причем многими из благочестивых поклонников и почитателей схимонаха Вассиана было заявлено искреннее желание, за неимением сведений о его святой жизни, иметь, по крайней мере, точные сведения о чудотворениях, совершившихся при могиле его.

В виду сего, Симбирским епархиальным начальством. (Указ Консистории от 25 октября 1904 года, за № 12291), поручено было благочинному 1 округа, Алатырского уезда, протоиерею Богородицерождественского, гор. Алатыря, собора Николаю Диомидову проверить совершившиеся при гробе схимонаха Вассиана, записанные в особую книгу, чудотворения, через опрос, под присягою, и при депутатах с духовной и гражданской стороны (чиновнике полиции) как самих исцелившихся, так, равно, и свидетелей сих исцелений. Поручение это, в форме следственного производства, о. протоиереем Диомидовым исполнено и представлено на благоусмотрение епархиального начальства почти через год (8 октября 1905 года).

Обстоятельность, в большинстве случаев, свидетельских показаний подтверждает, что не без достаточных оснований образовалась твердая вера в святость блаженного схимонаха Вассиана и в силу его молитвенного предстательства пред Богом, – как у жителей гор. Алатыря, так и окрестных селений на далекое пространство, можно сказать, даже на всю Симбирскую губернию. Вера эта разносится странствующими богомольцами по всей России и далекой Сибири, которые, направляясь к преподобному Серафиму Саровскому, считают

долгом посетить и Свято-Троицкий монастырь, в гор. Алатыре, для поклонения блаженному схимонаху Вассиану, *почивающему под спудом в нетленном телеси*, как об этом повествует местное предание.

Вот некоторые выдержки из этих записей о чудесах схим. Вассиана:

Мещанин гор. Алатыря, Симбирской губ. Петр Евдокимов Малыгин, 59 лет, иначе прозывавшийся Злобинский, бывший крестьянин села Злобина, передает следующее: достигнув совершеннолетия и будучи около 23 лет, он женился. На первом году супружества однажды, в гостях на именинах у родных, от утомления у него закружилась голова; началась рвота, и он принужден был уйти домой. Молодая жена, хватившись мужа своего и получивши ответ, что он ушел домой по нездоровью, тут же, следом, пошла за ним. Войдя в дом, она видит мужа своего распростертым на полу и бьющимся об него, а изо рта его шла пена. Не зная, что с ним случилось и чем ему помочь, она пришла в ужас. С тех пор открылись с мужем ее припадки и, время от времени, все чаще и чаще умножались; в припадках этих он получал сильные ушибы, так что стали открываться на голове, руках и ногах большие раны. Тело его отекло и предалось заживо гниению, что продолжалось тридцать лет. Из оных 30 лет он был одержим около 15 лет бесом, которого называл «Алексей Патрикеевич». Не раз был схватываем припадком бешенства и на улице: например, когда шел мимо церкви, то иногда думал о чем-нибудь божественном; но вдруг является пред ним товарищ его «Алексей Патрикеевич», начиная над ним командовать или играть в дудки, заставляя плясать его, и он, закрывая глаза, прыгал и падал без чувств на землю или в грязь. Избившись и измучившись, лежал много времени без сознания. Часто был полицией связываем, но никакие веревки не могли удержать его. Сила его была невообразима: он рвал веревки, как паутину, даже иногда восемь человек не в силах были держать и вязать его. В продолжение этих пятнадцати лет он не приобщался св. Христовых Таин и не ходил в церковь, кроме дня Светлого Христова Воскресения, и то только на первый день. Тогда он

при начале ночи св. Пасхи слышал слова от Алексея Патрикеевича: «вот теперь, друг Петя, иди в церковь: я ничего не могу поделать с тобою, я сам теперь скован». И он каждый год в первый день св. Пасхи бывал у богослужения, а последние дни всего года даже трудно было ему слышать что-либо про божественное. Вот, в таком-то плачевном и жалком виде текла его молодая жизнь. Благодаря своему прежнему капиталу, он долго лечился в больнице гор. Алатыря, не раз ездил в г. Казань, лежал в клинике, пролечивая большие деньги. Но, к сожалению, боль его не только не утихала, а все более и более усиливалась, – так что впоследствии даже знаменитые врачи совсем отказывались его лечить, видя, что нос у него проваливается, глаза еле держатся во лбу, даже один глаз совсем выкатывался, и со стороны докторов на помощь к выздоровлению не было никакой надежды. Но вот, в продолжение тридцатилетней болезни, в 1896 году, услышав, что есть знаменитый доктор в гор. Самаре, он немедленно собирается туда. Накануне отъезда сходил к врачу гор. Алатыря забинтоваться. Врач, перевязав его раны, выкатившийся глаз забинтовал совсем, а другой заложил картонной бумагой, прорезав в ней небольшое отверстие для света. В это-то время Господь являет больному Свою милость, посылая целителя угодника Своего на помощь страждущему, схимонаха Вассиана. Идя домой, больной за стеною женского монастыря вдруг услышал зов: «Петр Злобинский!» как обыкновенно его прозывали. Всматриваясь в маленькое отверстие своим больным глазом, Злобинский увидал неизвестного человека, стоящего возле него, ростом небольшого, седоватого, в длинной монашеской одежде, который спросил: «что ты так забинтован и давно ли?» и, получив от больного полный ответ о его продолжительной болезни, явившийся монах обратился к больному со словами: «если хочешь быть здоровым, то исполни, что велю. Знаешь ли, что есть в Троицком мужском монастыре пещера, где покоится тело схимонаха Вассиана; там служат о нем панихиды, и по молитвам его, страждущие духом и телом по вере своей получают от Бога исцеления. Вот и ты сходи, отслужи три панихиды о схимонахе Вассиане и затем

благодарный молебен Спасителю и Божией Матери, – тогда будешь совершенно здоров». Больной дал обещание исполнить это, но, желая знать, с кем говорит, хотел было спросить: кто ты и откуда? – как вдруг явившийся монах стал невидим и Злобинский, ворочаясь кругом, искал его, но вокруг уже не было никого. Придя домой, он рассказал видение своей жене и сказал, что дал уже обещание отслужить три панихиды и молебен благодарный, после чего, как сказано, будет здоров. Жена, слыша такой рассказ, от радости и восторга плача, благодарила Бога, что Господь являет Свою милость страждущему, и поняли они, что явившийся монах – тот самый схимонах Вассиан, который покоится в пещере. Отрадно было жене Злобинского слышать слова от мужа, что пойдет служить панихиды о схимонахе Вассиане. В 1896 году, августа 2 дня, пришли они в пещеру схимонаха Вассиана, где и была отслужена первая панихида. Во время панихиды больной прыгал и, ломаясь, вскричал: «что гонишь меня?» Затем больной успокоился и тут же себя почувствовал облегченным: взял масла из лампы схимонаха Вассиана, помазал им раны свои, а по окончании третьей панихиды, 4 августа того же года, возложил на себя вериги усопшего, приложился к гробнице и со слезами просил у Бога исцеления.

Вдруг, ноги его опухшие, тут же опали, калоши, в которых пришел, стали велики, а, придя домой и развязав лицо, он увидал, что раны его все затянулись, так что струпья остались на перевязках. Глаза его, выкатившиеся за три дня до этого, как будто бы никогда не болели, а также раны на руках и ногах все пропали. По исцелении своем, бывший больной отслужил благодарный молебен Спасителю и Божией Матери, и с того времени дал обещание служить ежегодно в день исцеления панихиду о схимонахе Вассиане, что и исполняется им до настоящих дней. Как сам, так и жена его, и все жители города Алатыря, знающие Злобинского, и доныне радуются и удивляются его чудному исцелению. Благодаря Богу и угоднику Его, схимонаху Вассиану, с тех пор начал он здраво заниматься торговлею, ходить в церковь и приобщаться св. Христовых Таин. О болезни может свидетельствовать и изувеченное лицо его.

Крестьянин дер. Мачкас, Мурзицкой волости, Курмышского уезда, Симб. губ., Иван Петров Салюков, 39 лет, проживающий в г. Алатыре в собственном доме, состоящий на службе кондуктором Московско-Казанской железной дороги, заявляет следующее:

С 1900 года открылся у Салюкова на левой ноге под голенью большой лишай, всегда мокрый, с сильной чесоткой и болью. А в конце того же года у него открылось воспаление мочевого органа. Неоднократно обращался он за помощью к врачам в больничный покой как в гор. Алатыре, так и на ст. Свияжск, но, к сожалению, ни откуда не получил облегчения. Во время этой болезни, а именно в 1902 г., в мае месяце, ему случайно попала книга: «Описание Свято-Троицкого Алатырского монастыря». Прочитав в той книге про бывшее открытие мощей схимонаха Вассиана, он возымел горячую веру в помощь Божию и дал обещание отслужить панихиду о схимонахе Вассиане. Вскоре он нашел время исполнить свое обещание. Придя со своим сыном в пещеру схимонаха Вассиана, он отслужил панихиду, после чего, поклонившись гробу схимонаха Вассиана, надев вериги, слезно просил ходатайства об исцелении своем. И тут же почувствовал совершенное облегчение от обеих вышеупомянутых болезней. Многие, бывшие у гроба, обратили внимание на исцеленного, потому что он от радости сильно плакал и рассказывал про свое исцеление. И все тут же возблагодарили Бога, подавшего исцеление за молитвы и ходатайство пред Богом схимонаха Вассиана.

Крестьянка гор. Ардатова, Симб. губ., проживающая в гор. Алатыре, Варвара Андреева Палачева заявила: в 1901 году, когда она жила в гор. Казани, у 10-летней дочери ее Марии образовалась на большом пальце левой руки небольшая шишечка, которая постепенно увеличивалась, так что ее стало больно. Затем открылась на этом месте рана, из которой шла материя. Мать, не зная, что с дочерью случилось, обратилась в гор. Казани к профессору Стефановскому, который, хотя и дал лекарство, но сказал, что болезнь очень серьезная, необходимо сделать операцию, и болезнь признал костоедом. Дочь ее

Мария испугалась, поэтому операция была матерью отложена. Боль же ее ежедневно увеличивалась; мать, не жалея своих средств, много пролечивала денег, но дочь облегчения никакого не получала. В 1902 году пришлось им из Казани переехать в гор. Алатырь, откуда тоже, не переставая, выписывали из Казани лекарства. Но видя, что боль все более усиливается, мать уговорила больную дочь свою опять ехать в Казань. Явились к профессору, и профессор объявил им, что нужно прижечь рану ляписом и сделать операцию. Дочь начала плакать и просить мать свою не решаться сделать операцию, а лучше ехать обратно в Алатырь. Приехавши в гор. Алатырь, в продолжение долгого времени лечили болезнь по рецепту профессора Стефановского. Затем мать ее вздумала еще обратиться в г. Алатыре к врачу Ивану Федоровичу Болдыреву, который и был приглашен на дом. Осмотрев больную, врач сказал, что эта болезнь очень продолжительная и серьезная, и обязательно требует операции. После отъезда врача мать пришла в великую скорбь и предала болезнь дочери на волю Божию. Слыша, что многие получают исцеления по молитвам схимонаха Вассиана, и возымев горячую веру в помощь угодника Божия, мать дала обещание отслужить по нем панихиду на могиле его. На следующий день, после осмотра доктора, 1903 года 15 июля, придя в пещеру схимонаха Вассиана, дочь ее Мария с бабушкой своей Пелагеей Петровой Татариновой попросили отслужить панихиду по схимонахе Вассиане. Развязав больную руку, Мария посыпала рану пальца песочком, взятым от могилки, затем помазала рану маслом из лампады его и, подойдя к изображению схимонаха Вассиана, находящемуся в пещере у могилы его, приложила больной палец к рукам схимонаха Вассиана, держащим святой крест, и просила с верою и со слезами исцеления. И что же! В тот же вечер боль у нее утихла, и материя не стала течь из раны пальца; на ночь рану вторично помазали маслом. На утро как мать, так и бабушка пришли в великую радость и удивление, видя, что рана совсем зажила, и от радости плакали. Получив исцеление, мать и дочь вторично пришли в пещеру схимонаха

Вассиана и отслужили по нем панихиду, возблагодарив Бога и угодника Его схимонаха Вассиана.

Мещанин гор. Симбирска, проживающий послушником в Алатырском Свято-Троицком мужском монастыре, Василий Петров Крживицкий, 22 лет от роду, заявил: в 1901 году, в сентябре месяце, он сильно простудился. От простуды образовалось пять больших ран на левой ноге, из которых текла материя, и распространялся тяжелый запах, причем была сильная стрельба и ломота. Чем дальше шло время, боль все более усиливалась, так что стало ему не в силах ни ходить, ни стоять. Братия монастыря, видя у него больную ногу, советовали обратиться за помощью в больницу. Но он в конце декабря 1901 года, однажды, будучи у всенощного бдения и не в силах будучи достоять до конца, вышел из церкви, со слезами, и с верою пришел в пещеру схимонаха Вассиана, взял масла из лампады его и просил ходатайства старца перед Богом об исцелении своем. Придя в келлию, помазал больную ногу маслом и снова пошел в церковь. И вот, в конце всенощной, он чувствует, что боль у него совсем прекратилась. По окончании богослужения, придя в келлию, он развязал ногу и увидел, что опухоль вся опала, и стало ему легко. Вторично он помазал ногу маслом и поутру увидал, что раны все затянуло. Отслужив панихиду по схимонахе Вассиане, он благодарил Бога и богоугодного старца, схимонаха Вассиана. В настоящее время Крживицкий не чувствует никакой боли.

Мещанин гор. Алатыря, Симбирской губ., Александр Макарович Спиридонов, имея от роду 19 лет, передает следующее:

В 1901 году, в первых числах ноября, работая с отцом в лесу, он сильно простудился. От простуды открылся у него сильный кашель, отчего харкал кровью и в изнеможении, при упадке сил, лежал неподвижно в постели до мая месяца 1902 года. В продолжение болезни родители его, не жалея средств, обращались за помощью к докторам и часто приглашали фельдшера на дом, пользуясь всевозможными лекарствами, но никакого улучшения в болезни не было, да и не могло быть, так как врачи признали болезнь его чахоткой. В конце концов, врачи

объявили, что надежды на выздоровление никакой нет. Но некоторые добрые люди советовали обратиться в Казань или к врачу Петру Евдокимовичу Сосоеву, проживающему на станции Шихраны Московско-Казанской железной дороги, который пользуется травами. Мать его, слыша от докторов алатырских, что надежды на выздоровление уже нет, в сильной скорби, не зная, что делать, обратилась слезно к Богу, прося об исцелении сына своего. И вот, накануне дня, в который собирались ехать к врачу Сосоеву, на станцию Шихраны, больной после краткого дремания, проснувшись, сказал матери, что он сейчас будто бы был в пещере Троицкого монастыря, где ему показалось хорошо. Мать, услышав это, дала обещание отслужить панихиду о схимонахе Вассиане, но уже после приезда от врача. В последних числах мая 1902 года мать и сын, ехавши к врачу на станцию Шихраны, повстречались с кондуктором Салюковым, который, видя страждущего мальчика, подойдя к матери его, спросил: «наверное, в гор. Казань везете сына своего?» Мать ответила, что они едут на станцию Шихраны за советом к врачу, и рассказала о болезни сына своего. На это кондуктор ответил: «я тоже хворал долгое время ногой, около 2-х лет лечился всевозможными лекарствами, но никакой пользы не получал. Но случайно мне попала книга: «Описание о схимонахе Вассиане», я и прибегнул к его ходатайству пред Богом, и по его молитвам, не выходя из пещеры схимонаха Вассиана, я получил исцеление». В разговоре незаметно доехали до ст. Шихраны. Мать с сыном пошли к доктору Сосоеву, который, хотя и дал им лекарства, но сказал, что надежды на выздоровление нет. Опечаленные, они этим же днем вернулись домой в гор. Алатырь. Тогда только родители его поняли Божие указание, как в виденном сне, так и в разговоре с кондуктором, что нужно просить ходатайства и молитв пред Богом схимонаха Вассиана. По приезде от врача Сосоева, утром, мать привезла больного в пещеру, где служили пред гробом схимонаха Вассиана панихиду; взяв масла и песочку от могилки, больной стал пользоваться этим и вскоре начал ходить, и поправляться здоровьем. Мать его отслужила панихиду по схимонахе Вассиане, и сын ее стал совершенно здоров. Родители его,

доктор и все знающие были в большом удивлении, так как видели его почти на смертном одре, даже запах был от него невыносимый; но теперь, после молитв у гроба схимонаха, все видят его в совершенном здравии, работающим с родителями на поле. В 1902 году исцеленный начал заниматься слесарной работой, а 1903 года, в марте месяце, при строгом освидетельствовании доктора, был принят в алатырские мастерские Московско-Казанской железной дороги, в слесаря.

Крестьянка села Больших Монадыш, Ардатовского уезда Атяшевской волости, Симб. губ., проживающая в городе Алатыре, Параскева Ивановна Саченкова, 48 лет, замужняя, передает следующее:

1902 года, в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, придя утром от ранней обедни из Троицкого монастыря, стала готовить по хозяйству и, когда проводила всех своих домашних к поздней литургии, оставшись дома одна, пожелала встать на молитву. Во время молитвы ей показался в окно ослепительный свет, подобно молнии, хотя на дворе была прекрасная погода. От такого видения она без чувств упала на пол; когда же пришла в сознание, то не могла говорить, и все члены ее не владели. Увидав себя лежащей в сенях, она в испуге вскрикнула и обмерла. На крик ее вышли их квартиранты – Татьяна Ивановна с мужем своим Александром Григорьевичем Плешковым – и, увидав ее лежащую в сенях, перенесли в ее помещение. Тотчас Александр Григорьевич пошел за ее мужем в церковь, и, когда пришли обратно в дом с ее мужем и сыном, то пришли в великий ужас, не зная, что с ней. Предполагая, что настали последние часы жизни ее, так как она была вся холодная, муж ее счел своею обязанностью приобщить больную Святых Христовых Таин. Но пришедший священник не нашел никакой возможности ее приобщить, так как с ней открылась сильная рвота, почему приобщение Св. Таин отложено было до утра. Ночью, когда все домашние успокоились, больная, погрузившись в легкую дремоту, увидала входящего к ней монаха с деревянным крестом в руках. Приняв входящего монаха за известного ей монаха Троицкого монастыря Прокопия, больная спросила его: «зачем пришел?» – Но монах

ответил: «я не Прокопий, но схимонах Вассиан». Затем, когда схимонах Вассиан подошел к ее постели, кто-то, обратясь к нему, сказал: «Нужно дать ей просфоры». Но схимонах Вассиан отвечал: «пусть прежде приобщится Св. Таин, а потом вкусит просфоры с св. водою», и в то же время будто подал ей пузырек с св. водою. Когда схимонах Вассиан и неизвестный стали отходить от нее, больная вдруг могла встать с постели своими силами, в здравом рассудке, а затем уже наяву пошла провожать их по комнате. Муж, увидав жену, идущую по комнате, и думая, что она в беспамятстве, разбудил сына своего, чтобы остановить и положить ее в постель. Но она им объяснила, что она в полной памяти и идет провожать гостей, а потом рассказала о своем видении. Все домашние возблагодарили Бога и угодника Его схимонаха Вассиана, а, так как еще продолжалась ночь, то все снова предались отдыху. Утром, когда пришел священник, она исповедалась и приобщилась Св. Христовых Таин; по уходе же священника, попросила есть, и ей была подана просфора с св. водою. По принятии предложенного, она стала себя чувствовать совершенно здоровою и опять начала заниматься по хозяйству.

Из села Алова от священника Михаило-Архангельской церкви Матфея Зернова было заявлено:

Прихожанка моя, деревни Аловой крестьянка Агриппина Филиппова Козлова, словесно заявила мне, что она, по случаю болезни дочери своей Елены, у которой была скорчена нога тринадцать лет, движимая верой в силу молитв схимонаха Вассиана, в 1903 году, ноября 6-го дня, пришла с больною дочерью в Троицкий монастырь и, войдя в пещеру, место упокоения блаженного о. Вассиана, попросила отпеть молебен Царице Небесной и панихиду за упокой души блаженного о. Вассиана, прося его усердно помолиться Пресвятой Богородице об исцелении ее дочери. Молитва праведного и усердная молитва матери за болящую были услышаны Матерью Бога Вышнего: дочь Агриппины Козловой тут же в пещере почувствовала облегчение больной ноги, а через три дня болезнь совсем миновала. Болевшей ногою, которой она ступить не могла, при возвращении домой, она уже могла

ходить, а через три дня совершенно почувствовали себя здоровою.

1904 года, марта 7 дня, мещанин гор. Алатыря Михаил Васильев Кикин, 65 лет, заявил, что он страдал нервной болезнью 10 лет. В течение этих десяти лет ездил в г. Казань и Москву за советом к разным докторам и профессора, но они признали болезнь неизлечимой. Так как профессора лечить отказались, то за помощью больше не к кому было обратиться. В 1902 г., в начале августа, больной пришел в Троицкий монастырь и отслужил в усыпальнице схимонаха Вассиана по о. Вассиане панихиду, и так повторял несколько раз. В течение августа месяца стало ему легче; также начал пользоваться маслицем из лампадки, горящей пред могилкою о. Вассиана, и в конце августа болезнь совсем миновала, так что в настоящее время больной чувствует себя совершенно здоровым. У пятилетнего сына его Ивана долгое время болели уши, постоянно шла из них какая-то материя. Обращались с оною болезнью к докторам, но лекарства нисколько не помогали. Взявши маслица из лампадки о. Вассиана и ваты, которая на гробнице, стали маслицем мазать, а вату вкладывать в уши. В скором времени болезнь тоже совершенно прошла, а в настоящее время незаметно и следа оной болезни³⁷.

Блаженная Наталия Мелявская

(Память 26 августа).

Родом Наталия была из Оренбургской губернии и принадлежала к крестьянам казенного ведомства. Весною 1848 года она пришла в Серафимо-Дивеевскую обитель на богомолье, вместе с другими странниками с юга, и решила остаться здесь, по благословению начальницы общины, на постоянное жительство.

Жизнь Наталии исполнена была великих подвигов юродства Христа ради, молитвенных бдений и всякого рода лишений. Она ревностно посещала все церковные службы, от разговоров с сестрами удалялась и в других монастырских келлиях совсем не показывалась. Послушанием ее было вначале: читать по ночам Псалтирь и ударять в колокол к полунощнице. Пища ее была самая скудная и в малых долях; по средам же и пятницам она редко когда и вкушала.

Верхнее одеяние ее было постоянно белое. Положение тела согбенное. Лицо полузакрытое и всегда с поникшим взором. Нижнюю одежду, по рассказам послушниц, сменяла она всего один раз в год – накануне Пасхи или Благовещения. Для умерщвления плоти она также никогда не умывалась, не расчесывала волос. Она никогда не ложилась спать, и только дремала по ночам, всегда сидя. Часто видели, как она борется со сном и, взирая на святые иконы, старается силою Божией побороть в себе немощь плоти. Все стены в ее келлии были закрыты образами, с горящими перед ними лампадами. Обыкновенно, она сидела согнутая в пояснице и, облокотившись локтями о колени, не смотрела на людей, чтобы и люди не могли видеть ее лица. В подвиг ее входила также тяжелая обязанность двигаться всегда боком и непременно по одной и той же дороге, или половине пола, и туда, и назад. Она никогда не брала ничего в руки, кроме свеч, лампады, просфоры, бумаги и карандаша; кормили ее послушницы из своих рук, как дитя, и все делали за нее; перелистывали

страницы читаемых ею книг, собирали деньги, оставляемые блаженной посетителями и пр.

Большей частью, она сидит, бывало, в сенках (род шалаша), под крышею, но неизменно на открытом воздухе, зимою, летом, осенью и во всякую погоду и непогоду. Здесь она то молится, то беседует с приходящим народом, то читает и пишет... Когда же утомление блаженной доходило до крайнего изнеможения, так как под своим открытым навесом она терпела стужу, сырость, морозы, то Наташа уходила в свою келлию, где уже затворялась и не принимала никого.

Сообщаем отзыв о блаженной Наталии со слов недавно скончавшейся настоятельницы Серафимо-Дивеевского монастыря игумении Марии (в мире Е. А. Ушаковой), всегда с уважением относившейся к этой старице и советовавшей с нею в затруднительных обстоятельствах. «По своему блаженному пути Наталия имеет свои странности, ходит боком, не позволяет обходить кругом себя и тому подобное, но все эти ее странности никому не вредят. В свободное от молитвы время она занимается чтением духовных книг, но более всего она любит читать Евангелие. Преосвященный Иеремия (Нижегородский епископ, ум. 1884 г.), посещая нашу обитель, каждый раз приказывал ей одеться в черное платье, чтобы быть в числе сестер обители, но она не переменила своего пути и говорила: «я от рождения дурочка и недостойна носить, что монашки носят». Сестрами она уважаема, но всеми ли, это – неизвестно, потому что она находится всегда в церкви и некоторым иногда делает замечания. Странники же ее уважают, по ее назидательным наставлениям...»

С течением времени, приближаясь к старости, Наталия начала оставлять некоторые прежние свои странности и подвиги юродства, но взамен этого еще более усилила свою строго-подвижническую, исполненную самоотвержения, жизнь. Так, напр., начала она по несколько недель и даже месяцев подряд просиживать в притворе храма или на паперти. Праздную она никогда не оставалась: подле нее всегда было несколько книг духовного содержания – то были: святое Евангелие, Библия, Добротолюбие, жития святых и разные

патерики. Духовные беседы ее со странниками нескончаемо продолжались изо дня в день. Многих из них она вразумительно назидала и утверждала на пути добродетели и благочестия, другим давала разные душеполезные советы и наставления в каких-либо исключительных обстоятельствах; иных старалась воодушевить, подкрепить и утешить в постигших болезнях и несчастиях. Она в высокой степени обладала даром совета. Речь ее прямая, ясная, не иносказательная глубоко западала в сердца человеческие. Начитанность ее в слове Божиим и других духовных творениях и духовная мудрость были велики. Был у блаженной Наталии и дар прозорливости, но чаще всего она обосновывала свои назидания и наставления на текстах Священного Писания, изречениях святых отцов и примерах из жизни святых. В последнее время главной послушницей старицы была Евдокия Евдокимовна Куделина. Отношения старицы Наталии к этой послушнице были чрезвычайно близки, задушевные и сердечные.

Родом Е. Куделина из села Салтыкова, Моршанского уезда, Тамбовской губернии. Замечательно, что явилась Куделина к старице Наталии не по своему желанию, а по указанию приснопамятного святителя-затворника епископа Феофана. Куделина приняла послушание, данное святителем-затворником, и пробыла послушницей при старице вплоть до самой ее кончины, самоотверженно служа ей всеми своими силами. Она умела настолько угадывать все малейшие желания и удовлетворять всякие нужды своей старицы, что заменить ее совершенно было нечем, хотя при блаженной всегда находилось по несколько послушниц. Вследствие этого, и отношения между старицей Наталией и послушницей Е. Куделиной установились самые нежные и сердечные. Старица не иначе называла свою верную и всей душой преданную послушницу, как «мамой».

Когда и каким образом явилась мысль у старицы Наталии основать свою, отдельную от Серафимо-Дивеевской обитель, – с точностью неизвестно. Заботы старицы об этом начали проявляться, прежде всего, в том, что она стала обращаться к расположенным к ней лицам с просьбою о том, чтобы

жертвовали ей иконы, церковные богослужебные книги и другие церковные принадлежности. В 1899 году, почитателями старицы Наталии, братьями И. Н. и П. Н. Горюновыми из гор. Ардатова было приобретено по случаю 200 десятин земли, с целью устройства на ней женской иноческой обители, причем для последней, самым подходящим местом оказалась Мелявская поляна в Ардатовском уезде, Нижегородской губернии. Мелявская поляна в окружности своей имеет до двух верст и окаймлена густым сосновым лесом. Эта уединенная местность очень живописна. Деньги за землю были уплачены частью самой старицей из собранных ею сбережений на этот предмет, частью ее благодетелями; но купчая, по каким-то соображениям, совершена была, вопреки желанию старицы, на имя одного из братьев Горюновых. Это обстоятельство сильно ее тревожило. Она до тех пор не могла успокоиться, пока не уговорила, наконец, значившегося по купчей крепости полным владельцем земли П. Н. Горюнова, сделать дарственную с купчей на имя любимой ее послушницы Е. Куделиной, с предоставлением ей права самостоятельной строительницы начатой ею, старицей, обители.

26 июня 1899 года в светлый летний день причтом села Теплова совершен был на Мелявской поляне молебен на освящение места для обители и на основание первых построек.

Немало сама блаженная Наталья делала разных заочных распоряжений и указаний по устройству и распланировке построек в учреждавшейся обители. Так, между прочим, она с точностью определила: какого размера и из какого леса должен строиться корпус, в котором предполагала она поселиться. До постройки храма старица, хотя и не дожила, но в общих чертах и о нем дала несколько указаний, именно: чтобы первоначальный храм был деревянный; главы на храме должны быть по числу престолов и притом устроены так, чтобы каждая из них вертикально приходилась против святого престола. Затем, входные двери для сестер обители должны быть сделаны отдельно от тех, которыми будут входить миряне; в последнем случае предупредительно высказывалась забота старицы о том, чтобы избавить монастырских сестер от лишних

мирских приражений, какие легко могут быть при одном общем ходе.

С того времени, как положено было начало обители, все сестры для нее избирались по усмотрению и благословению старицы. И в этом случае, нередко с большой очевидностью, выражался ее дар духовной прозорливости

Чтобы успешнее объединить и лучше устроить будущую общинную духовную жизнь своих сестер, старица Наталия преподавала им, в разное время, немало, разного рода, правил, наставлений и заветов.

И сама она несколько раз собиралась было переехать на Меляву, где давно с нетерпением жаждали встретить ее родные по духу, близкие лица; но как сердце ее ни рвалось в свою родную обитель, она, однако, устояла и осталась верною своему иноческому долгу: без согласия и благословения своей настоятельницы она не решилась оставить обитель, духовно окормлявшую ее много лет. Сестер юной обители первоосновательница ее поручила, вместо себя, духовному водительству благоговейного и доброго пастыря-священника церкви с. Теплого о. Владимира Тенищева. Сему учительному пастырю, всего за месяц до кончины старицы Наталии, пришлось беседовать с ней, в ее келлии по некоторым вопросам новоустрояемой обители. И вот, отвечая на вопрос, соберется ли она переехать на Меляву, она сказала: «утешь моих Мелявских и скажи им, что телом я, хотя и в Дивееве, но духом – постоянно у них на Меляве...» Не без благодатной помощи преподобного Серафима, Саровского чудотворца, созидалась обитель на Меляве: к его молитвенному предстательству всегда при жизни своей на земле прибегала приснопамятная основательница Мелявской общины блаженная старица Наталия.

Но, вот, незаметно настал и последний день жизни блаженной – 9 февраля 1900 года. В наружном виде старицы особых резких перемен не замечалось, кроме общей слабости. Но к вечеру того дня она сделалась заметно тревожной.

– «Мама, как мне трудно!» – не раз говорила она, обращаясь к своей любимой послушнице Е. Куделиной.

А, спустя некоторое время, вдруг неожиданно и взволнованно заговорила о своем монастыре:

– «Мама, собирайся, поедem завтра на Меляву»!

– «Ах, матушка, сколько раз ты уже собираешься, и потом все раздумываешь и оставляешь», – с некоторым недоверием отвечала послушница, нисколько не подозревая настоящего смысла этих загадочных слов.

– «Нет, нет, мама, пора уже, завтра поедem»! – продолжала настаивать старица.

Затем она велела младшей послушнице читать акафист Воскресению Христову. После чтения акафиста, вполне успокоенная молитвою, старица Наталия объявила всем своим послушницам, чтобы больше не тревожили ее никакими разговорами, и благословила их на ночной отдых; сама же приготовилась, по обыкновению, проводить ночь сидя. И вот, около полуночи, в таинственные минуты ночной тишины и безмолвия, верная раба Христова Наталия тихо и мирно отошла ко Господу своему...

Ко дню погребения блаженной Наталии – 11 февраля – в обитель стеклось великое множество народа из окрестных селений. Духовник усопшей старицы, старший священник Серафимо-Дивеевского монастыря о. Иоанн Гусев проводил ее в могилу своим задушевым напутственным словом, в котором живо и правдиво обрисовал духовный облик блаженной Наталии: «нива ее души, – одушевленно говорил пастырь-оратор, – была засеяна чистыми, отборными семенами пшеницы. И нивы душ ей ближних, к ней обращавшихся, она возделывала с терпением, трудолюбием, и опытною рукою засекала, и были плоды ова тридесять, ова шестьдесят и ова сто. Сама для себя она была великая постница, непрестанная и горячая молитвенница, поучавшаяся день и ночь в законе Господнем, неленостно мудро поучавшая, руководившая и других, – как жить для славы Божией и для достижения вечного спасения. Из любви к Богу, она пренебрегала всем земным, – утешений и радостей земных она не знала. Впрочем, радостью трепетало ее боголюбивое сердце, вызывалась счастливая, блаженная улыбка от явлений природы, которые возвещали

величие и славу Творца, мудрость и благодать Божию. Любила она восходящее солнце, радовалась на сияние и мерцание звезд, утешалась малой птичкой, смело и доверчиво подлетавшей к ней, любовалась цветами, зеленью и плодами деревьев и кустов, растущих в ее тихом, укромном уголке близ ее келлии» ...

Тело старицы Наталии, при теснившихся толпах народа, погребено было на самом почетном месте – против алтарной стены Троицкого соборного храма обители рядом с могилой местночтимой старицы Пелагии³⁸.

Филарет (в схиме Феодор), иеромонах Московского ставропигиального Новоспасского монастыря

(Память 28 августа).

Иеромонах Филарет (в схиме Феодор), был одним из известнейших, особенно, жителям Москвы, подвижников благочестия. Он родился 9 мая 1758 года. Отец его – купец Николай Пуляшкин, житель г. Вязьмы Смоленской губернии, торговал, так называемым, красным товаром и владел достаточным состоянием. Родительница Филарета Матрона Никитична, по смерти своего мужа, и после пожара, истребившего почти все ее имущество, переехала с семейством для жительства в Петербург, к родному брату, богатому торговцу иностранными винами, а в 1786 году поступила в Московский Новодевичий монастырь, и здесь постриглась в монахини, с именем Митрополии. Погребена в Ростовском Яковлевском монастыре, настоятелем коего был (с 1806 по 1818 г.) старший сын ее, брат Филарета, архимандрит Аполлинарий, в мире Архип.

В доме родительском Феодор (мирское имя Филарета) обучился грамоте, чистописанию и, разумеется, закону Божию. С той поры чтение духовных книг, находившихся в доме отца, составляло его любимое занятие. По смерти родителя, он взят был вместе с матерью в дом своего дяди – богатого Петербургского купца (Никитина), и определен в лавку (равно как и брат его). Юный Феодор скоро почувствовал отвращение от мирской суеты. Когда прочие спешили на торг, он устремлялся в Александро-Невский монастырь, к церковной службе, и после обедни проводил время в беседе с старцем-монахом, за что много раз терпел побои от приказчиков. Тринадцатилетний мальчик умолил свою мать отпустить его для постоянного жительства в Александро-Невский монастырь, к знакомому старцу. Ревность Феодора в служении Господу была столь велика, что он через полгода, по совету старца, перешел из монастыря в Саровскую пустынь (в Тамбовской епархии).

Здесь ему поручаемы были разные послушания; три года он был звонарем; потом трудился в хлебной, квасоварне, три года в просфорне и, наконец, проходил пономарскую должность.

Из Саровской пустыни Феодор поступил в Московский Симонов монастырь, вероятно, по желанию подвизаться вместе с родным братом, который был тогда послушником этой обители³⁹. Оба они пострижены здесь в монашество. Старший (одним годом) брат Архип принял монашество с именем Аполлинария в 1785 году 13 апреля, и вскоре, 8 июня, был посвящен во иеродиакона, а 11-го числа во иеромонаха. Младший Феодор принял постриг и новое имя Филарета в 1786 году 4 апреля на 25 году своей жизни; потом преосвященным Григорием, епископом Грузинским, рукоположен в Симонове во иеродиакона, 8 мая 1787 года. Во время пребывания в Симонове, он своими нравственными советами имел большое влияние на родную мать, находившуюся в Новодевичьем монастыре. Рассказывают, что он несколько раз приходил к ней в этот монастырь, когда она была еще послушницей, и убеждал ее постричься; но та, по своему смирению, сначала отклоняла его советы, почитая себя неспособной выполнять строгие иноческие правила. Когда же, наконец, она постриглась, Филарет однажды, пришел к ней, застал ее плачущей, и на вопрос: «о чем она плачет?» услышал, что не может в точности исполнить всех своих обязанностей. Тогда Филарет ее утешил и обещался молиться за нее, чтобы Господь даровал ей благодатную силу вынести все трудности и искушения.

В 1788 году Симонов монастырь был обращен в госпиталь, а Филарет, по воле митрополита Гавриила вызван в Петербург, как монах строгой жизни и помещен в число братства Александро-Невского монастыря. 21 мая 1789 года рукоположен митрополитом во иеромонаха.

В феврале 1791 года Филарет переведен на Новгородское, в Москве, подворье для священнослужения и управления. Но эта должность, сопряженная со многими житейскими заботами, не совсем отвечала его настроению; кроме того, была тягостна для него по причине слабого здоровья. В 1794 году, 7-го июля, он уволен, по его прошению, от управления подворьем и в

сентябре того же года определен в Новоспасский монастырь «на больницу», т. е. исправлял чередное священнослужение в Николаевской больничной церкви. В отсутствие настоятеля принимал участие в управлении монастырем в качестве одного из членов учрежденного при монастыре духовного собора. Сверх того, он был полным закупщиком всей годовой, для братии, провизии и устроителем общей трапезы. В 1798 году, о. Филарет, как опытный в духовной жизни, архимандритом Иакинфом и всем братством избран в должность духовника братского. Но в следующем году, по случаю болезни и крайнего изнеможения, и слабости, от всех должностей уволен и оставлен на больничном содержании.

С этого времени о. Филарет исключительно подвизался в молитве, в чтении книг священных и писаний св. отцов. Редко переступал он за ворота монастырской ограды; только в тихие летние вечера, когда умолкало движение народа, выходил он с другим своим иеромонахом Александром (в 1811 году был сделан архимандритом в Арзамасе) и еще о. Михаилом, близким к нему по духу, на уединенную прогулку вокруг монастырских стен. Кроме этих лиц, Филарет имел по временам духовное общение с схимонахом Афанасием, по фамилии Захаровым, постриженником старца Паисия, когда тот из Флорищевой пустыни (Владимирской епархии) приезжал в Москву.

Проводя несколько лет в строгом безмолвии, Филарет остальную часть жизни своей, приблизительно с 1809 или 1810 года, посвятил открытому служению ближним, предлагая назидательные советы и утешение всем того требовавшим, без различия лиц и состояний. Но деятельность его на этом поприще на некоторое время была прервана по причине несчастных событий 1812 года. Перед нашествием французов на Москву (они вошли в столицу 2 сентября, оставили ее 11 октября), старец уезжал с семейством Н. И. Курманалеевой в ее поместье, находящееся в Вологодской губернии. Здесь, на закате солнца, он любил прогуливаться с племянником помещицы, нежно любимым ею, Г. С. Карповичем, тогда еще мальчиком. Зная, что в имении их, ближайшем к Москве, есть

каменная гора, Филарет сказал однажды Карповичу «не забудь, когда вырастешь большой, поставить из твоей горы камушек на моей могилке, только простой». Воля смиренного старца была по его смерти исполнена во всей точности.

На пути в Вологодскую губернию, и потом на обратном в Москву Филарет посетил Ростовский Яковлевский монастырь, где незадолго пред тем была похоронена его мать и где настоятельствовал брат архимандрит о. Аполлинарий. Вероятно, в это время он положил начало своего дружба с иеромонахом Яковлевского монастыря Амфилохием, который 40 лет предстоял раке святителя Димитрия и скончался в 1824 году. По возвращении в Москву, Филарет продолжал почти до самой кончины наставлять и помогать ближним. Нередко случалось, что от множества посетителей, старец не имел времени ни для трапезы, ни для краткого отдыха, несмотря на мучительную болезнь (грыжа), от которой страдал постоянно. Прозорливость старца была поразительная. Он отвечал прямо на мысли, иногда случалось, что кто-нибудь говорил ему совсем противное тому, что знал или чувствовал, а старец, как бы не слушая рассказа, отвечал прямо на внутреннее настроение этого человека, и он приходил в страх, и исповедовал истину. Исповеди, как таинства, он не совершал, но ему многие открывали свои грехи с тем, чтобы получить от него назидание и умиротворение совести. Подобно другим новейшим подвижникам благочестия Филарет давал письменные ответы спрашиваемым его заочно (писал крупными буквами).

Крестьянка графини Орловой-Чесменской в слезах рассказывала о. Филарету, что сын ее, приказчик московского торговца (на Калужском рынке), посланный своим хозяином для собирания долгов, уже несколько недель пропал без вести. «Сядь, друг», говорит ей кротко и милостиво добродушный старец: «полно плакать: твой сын не пропал; он находится в хорошем месте и скоро придет». Действительно, он вскоре возвратился; вместо того, чтобы производить сбор денег, он пытался поступить в какой-нибудь из дальних монастырей, но без паспорта нигде не был принимаем и принужден возвратиться. Через несколько времени, этот молодой

приказчик, по внушению матери, пришел к старцу – испросить благословение на поступление в монастырь. Мудрый старец сказал ему: «в монастырь не долго благословить, по трудно жить в монастыре, ты не вынесешь. Погоди, дитя мое, погоди!» Племянница генерала Л...на, Екатерина, приехала к о. Филарету вместе с своим женихом. Старец, благословляя невесту, сказал тихо, «что ее ждет жених лучший». Предостережение не напрасное! Через три дня она сильно простудилась и умерла. Схимонах Зосима (ум. 1833), тот самый, который в 1826 году основал близ Москвы (в 6 верстах) Троице-Одигитриевскую пустынную обитель для сестер учениц его (20), последовавших за ним из дальнего края Сибирского, шесть лет прожил на новом пустынном месте, руководя посвященных Богу дев к вечному спасению, потом он объявил им непереносимое желание свое отправиться в Соловецкий монастырь, умоляя их не препятствовать ему и обещая через год возвратиться.

Воля его была для них свята, но глаза их не осушались от слез. Сам старец не мог удержать слез своих, но решился, и поехал первоначально в Москву. На его пути душа его испытала борение двух чувств: любовь склоняла его к состраданию о сестрах и убеждала не оставлять горьких сирот, ему преданных; смирение внушало, что он недостойн их уважения, любви и послушания, и влекло его в страну отдаленную, где бы он мог навсегда скрыться в неизвестности. Тогда пришла ему благая мысль попросить совета и молитв у человека духовного, и принять слова его, как из уст Божиих. Смиранный Зосима обратился за решением своего недоумения в Новоспасский монастырь к старцу Филарету, коего духовную мудрость и многолетнюю опытность жития иноческого знал и уважал. Но, идя к этому великому старцу, он зашел в Иверскую часовню Богоматери и усердно молился пред Ее святою иконой, прося открыть ему волю Божию через старца Филарета. Войдя в его келлию, Зосима смиренно поклонился ему в ноги и рассказал все истинно и чистосердечно. Тот, не размышляя долго, решительно и с твердостью сказал: «Бога ради, не оставляй врученные тебе души, – возвратись». Не медля в Москве,

пустынный с любовью и радостью возвратился к сестрам, коих нашел еще не переставшими плакать.

Оптинский иеросхимонах Макарий (ум. 1860), на обратном пути из Петербурга в Пловчанскую пустынь, где он первоначально подвизался, имел утешение быть (в октябре 1832 года) у о. Филарета. Духовная беседа и глубокий разум Новоспасского старца, проникнутые силой и светом благодати, и его любовь навсегда запечатлелись в сердечной памяти о. Макария, который, отчасти по его совету, перешел из Пловчанской в Оптину пустынь. В келлии у блаженного подвижника был живописный портрет Филарета.

Благочестие старца Филарета было весьма назидательным.

По причине множества посетителей и особенно по своей болезни, он не мог бывать в храме за всякой службой, но раннюю литургию (в больничной церкви) слушал неопустительно всякий день; сам с некоторого времени (лет за 16 до смерти), не совершал литургии; но причащался Св. Таин через каждые шесть недель, после внимательного приготовления и исповеди. Благочестивый старец, несмотря на немощи, никогда не садился не только в храме не в обычное время, но и в келлии, когда совершал монашеское правило. Его старанием устроены серебряные ризы на местные иконы: 1) Успения Божией Матери в Преображенском соборе (пуд с лишком в этой ризе), 2) Спасителя (в 14 ф. 58 зол.), 3) Владимирской Божией Матери (в 15 ф.) в Покровской церкви, 4) Успения Божией Матери (в 10 ф. 14 зол.) и 5) святителя Николая (9ф. 61 з.) в Николаевской больничной церкви. На всех этих ризах после смерти его вырезана внизу надпись: «о упокоении схииеромонаха Феодора». Трудлюбие старца было примерное. Кроме молитвы, преимущественно келейной, он любил ранним утром и поздним вечером, заниматься чтением книг отеческих, которое сделалось для него еще более потребным с той поры, как он стал ревновать о спасении ближних. Начитанность о. Филарета была замечательная. Иногда проводил целые ночи в бдении и богомыслии. Раз это было кем-то замечено и простосердечно высказано ему. Он отвечал: «я не спал, ты за меня соснул». Воздержание старца в

пище было постоянное: он кушал только один раз в сутки, обыкновенно, кашу на простом бульоне или, вместо обеда, пил чашку чая с коркой белого хлеба. В иные дни (преимущественно, в четверг) питался одной просфорой, принесенной из храма. В понедельник (в честь бесплотных Сил), в среду и пяток каждой недели он непременно говел, исключая праздников, которые случались в эти дни; особенно строго проводил Великий пост. На первой неделе поста и на Страстной седмице, слабый, худощавый старец вовсе не принимал никакой пищи, разве только иногда повечеру испивал немного теплой воды.

О. Филарет, любя природу, имел обычай летние вечера проводить в прогулке по уединенным местам с больничным иеромонахом Михаилом (ум. 1824) и с наместником монастыря Евфимием (ум. 1836), к которому питал особенную приязнь. По смерти их, старец грустил, как бы оставленный самому себе. За три или четыре года до своей смерти, он восходил по вечерам на нижний ярус колокольни и, ходя кругом ее по террасе, с услаждением смотрел на Кремль и другие священные памятники веры и благочестия наших предков. На закате дней своих, старец нередко переносился благочестивою мыслью в дальний Афон – тихое пристанище иноков, и сильно желал провести в этом жребии Царицы Небесной уже наступающий конец жизни своей.

Прозорливый Филарет предвидел приближение своей кончины. Предсмертная, геморроидальная болезнь старца открылась вследствие того, что он, быв задержан посетителем, пересидел. Несколько дней после того, старец был еще довольно спокоен, хотя и чувствовал болезнь, а ночь на 15 число августа (день Успения Божией Матери) всю провел в страдании. 16 числа он значительно ослабел потому что внутренняя болезнь не прекращалась, разве только облегчалась минутами. «Пора и костям на покой», говорил благодушный страдалец на одре болезни, «что определено Богом, того не избежишь». В этот день он имел утешение принять лично благословение митрополита Филарета. Старец, извещенный о прибытии архипастыря, заплакал от радости. 17 числа он

исповедался и приобщился Св. Таин. Наместнику монастыря, своему духовному отцу иеромонаху Филарету, а потом и настоятелю, архимандриту Аполлосу объявил о себе, что лет 16 назад (1826 г.), он келейно пострижен в схиму иеромонахом Афонской горы Иннокентием, бывшим в Москве, и тогда же переименован Феодором. Все, что имел старец, он словесно завещал в пользу монастыря или лиц, ему послуживших, и нищих. Вечером 27 числа у одра его был прочитан канон на разлучение души от тела. О. Филарет с молитвою на устах мирно и тихо скончался 28 августа, в восьмом часу пополудни.

В день погребения, 31 числа, заупокойную литургию и потом отпевание тела по чину монашескому, совершил в Преображенском соборе сам митрополит Филарет с сослужащими. Владыка митрополит не мог удержаться от слез. Тогда и многие из окружавших гроб пролили слезы. Прощание митрополита с многоболезненным соименным ему старцем глубоко тронуло всех. Во время погребения было такое большое стечение народа в Новоспасском монастыре, какого, говорили, не запомнят и не бывало 6 августа, в день праздника монастырского.

Почтенная могила его видна у входа в усыпальницу (которая находится под алтарем Знаменской церкви), на правой стороне. На могильном камне поставлен мраморный крест, а на боковой левой стороне камня вырезана надпись, с указанием времени рождения и кончины о. Филарета и продолжительности его жизни. «Жития его было 83 года, три месяца и 19 дней».

Схимонахиня Макария Гамалеевская

(Память 28 августа).

Схимонахиня Макария, в мире девица Марина Семеновна Зверинская, происходила из зажиточного мещанского семейства деревни Погари Стародубского уезда, Черниговской губ.

В Гамалеевский монастырь поступила тридцати лет, в монашестве носила имя Маргариты, долго исполняла должность письмоводительницы и во многом помогала своей настоятельнице.

Духовником и старцем-руководителем у матушки Маргариты был Глинской пустыни иеромонах Амфилохий (в схиме Анатолий), человек высокой подвижнической жизни. Маргарита имела к нему особенную веру и его наставлений слушалась. Благодаря природному уму, усердию и споспешествующей благодати Божией, она скоро возросла в меру духовного мужества, так, что многие к ней прибегали за советами. Но врагу спасения не могло нравиться преуспевание монахини, и вот, он воздвиг на нее клевету, будто она хочет быть настоятельницей. Как только узнала об этом игумения, сейчас же отстранила Маргариту от должности и стала ее притеснять. Дошло до того, что сказать хорошее про Маргариту или сходить к ней, значили навлечь на себя большие неприятности. Более смелые из сестер, дорожившие добрым советом матушки Маргариты, стали ходить к ней ночью.

С устранением от должности письмоводительницы, матушка еще более усилила свои подвиги поста, молитвы и уединения. Помимо общего поста, она еще налагала на себя особое воздержание – не кушала вовсе молочного, кроме пасхальной и Троицкой недели.

В храме Маргарита становилась где-либо в угол и, чтобы ее никто не видел. Ей всегда хотелось быть одной с Богом. От суеты и хлопот, часто совершенно лишних и вредных спасению, она старалась устраниваться, и, приняв схиму, хотела совершенно затвориться и быть в любимом ею уединении. Схиму она приняла с именем Макарии в 1865 году по предложению

благочинного монастырей архимандрита Палладия, который знал ее духовное преуспеяние. С другой стороны, благочинный этим думал прекратить на нее гонение, ибо схимнице считается не свойственно управлять монастырем. С тою же целью отец Палладий просил матушку-игумению при постриге в схиму принять ее от св. Евангелия. Прошел год, и на схимницу возобновилось гонение, но она все свое упование возложила на Бога, целые ночи проводила в молитве и чтении Псалтири. От постоянного Богомыслия просветилась духом, получила от Бога дар узнавать будущее. Однажды к монахине Филарете приехал брат с молодою женою и пошел к матушке Макарии. Старица, между прочим, сказала молодой: «моя милая, люби мужа своего, старайся во всем ему угождать, чтобы ни в чем не согрешить ему и Богу. Это будет продолжаться только один год, а там Господня воля». Через 11 месяцев невестка монахини Филареты скончалась, и на ней исполнилась воля Божия, по предсказанию Макарии.

В начале августа 1875 года, сверх всякого чаяния, настоятельница предложила матушке Макарии ехать вместе в Киев на поклонение святыням. Матушка упала игумении в ноги и сказала: «простите меня, может в этом году умру». – «Простите и меня Бога ради», ответила игумения, сердце которой, по Божией благодати, смягчилось, и в этот раз она действительно простила смиренную схимницу. После прощения Макария сказала: «я больная, вам буду в тягость, пустите лучше меня в Глинскую пустынь». В последней она желала умереть и два года о том молила Бога. Получив желаемое благословение, схимница обошла всех сестер обители, у всех просила прощения и некоторым говорила: «в последний раз».

В то время в Гамалеевском монастыре была добрая женщина В. И–на М. Матушка Макария позвала ее и тоже стала прощаться. В. И–на сказала: «я намеревалась идти к матушке игумении». – «С нею повидаетесь после, – ответила схимница, а вам со мною надо проститься, Бог знает, – я с вами вижусь последний раз». Прощаясь, подвижница гадательно предсказала В. И–не вдовство, взяла небольшую икону Почаевской Божией Матери и, благословляя ее, сказала:

«придется ее поновить и посвятить». В скором времени В. И—на овдовела, а в 1877 году, уже после кончины матушки Макарии, был пожар, в котором матушкина икона обгорела, но лики Спасителя и Богородицы сохранились невредимыми. Пришлось икону поновить и посвятить, как говорила прозорливица.

Приготовляясь ехать в Глинскую пустынь, матушка Макария уложила в особый ящик свечи, схиму, мантию, заперла его и просила немедленно прислать, если его потребует: «тут все мое погребальное», – говорила она.

Когда выехала из Гамалеевского монастыря, то перекрестилась и сказала: «выезжаю в последний раз». Вместе с нею поехала в Глинскую пустынь рясофорная монахиня Епифания, которая заметила над дугою их лошади каких-то малых птичек, числом 12–15, образовавших собою круг и все время до Глухова (30 верст летевших в том же положении кругом. Она сказала об этом старице, и та на это ответила: «они нас провожают». Тряская дорога причиняла матушке сильную боль в боку, – приходилось не раз останавливаться. При остановках, птички тут же у повозки садились на дорогу, а тронется повозка, и они опять полетят венцом над дугою лошади. Только после ночлега в Глухове Епифания птичек уже не видела.

В Глинской пустыни до праздника Успения Божией Матери Макария отговела, а 19 августа заболела и три раза подряд приобщалась Св. Таин. Между тем, болезнь усилилась; дыхание становилось труднее и реже. 24 числа, в воскресенье старица собралась ехать, обратно в свою обитель, уже поданы были лошади, но пришла знакомая барыня и стала уговаривать остаться по случаю болезни. Она сказала матушке: «вы всегда молили Бога умереть в Глинской, а теперь хотите уехать. Вы так слабы, что нельзя вам в дорогу». Другие подтвердили тоже, и матушка осталась. На другой день больная особоровалась, а 28 августа в 11 часов вечера тихо перешла в иной, лучший мир, во время чтения Епифанией акафиста Божией Матери, когда, по случаю бдения на праздник Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, стали звонить на 9-ю песнь канона. В храме пели песнь Богородице «величит душа моя Господа», которую

покойная особенно любила. И вот, душа ее отошла в горние селения именно при пении этой песни, чтобы петь ее с ликами ангелов не здесь, в юдоли плача, а в светлых чертогах царства небесного.

Схимница Макария скончалась на 68 году своей жизни, в обители подвизалась 38 лет.

Игуменья Филарета Уфимская

(Память 28 августа).

Первоначальница Уфимского Благовещенского монастыря, игуменья Филарета была родом из села Бетьков Мензелинского уезда, ныне Уфимской, а тогда Оренбургской губернии. В мире она была Стефанида Стефановна Бычкова, купеческая дочь. Она родилась в 1807 году. Ее родители Стефан Илларионович и Агафия Федоровна Бычковы были люди состоятельные и благочестивые, и их все уважали. Отец Стефаниды был человек добрый, но милостыню любил подавать с рассудительностью, а мать ее была необыкновенной доброты и всем помогала, кому и чем только могла. Родителей Стефаниды все уважали, и семейная жизнь у них текла строго, по православному, старинному русскому укладу. В семействе было у них всех детей шестеро: три сына и три дочки. Вся семья особенно любила Божий храм, в котором Стефан Илларионович был ктиторм, а его сын Афанасий старостой. Этот Афанасий окончил жизнь еще молодым и был в тайном постриге. Вся семья усердно посещала храм, а дома любила слушать слово Божие. Мать Стефаниды, сама безграмотная, любила особенно чтение Свящ. Писания, заставляла читать детей и любила внимательно слушать это чтение. Она с самых первых дней жизни деток носила в храм к причастию, а, когда те подрастали, учила страху Божию, молитве, благоговейному и внимательному поведению в храме во время богослужения; а когда дети из церкви приходили домой, то всегда спрашивала о том, что в тот день читалось в храме в Евангелии и Апостоле. В то же время она приучала детей и к труду.

Средняя дочь – Стефанида особенно выдавалась своим благочестием и добрыми задатками, которые и были развиты правильным воспитанием и обучением. Школ в то время по местечкам не было, а потому Стефанида, когда ей исполнилось десять лет, была отдана для обучения грамоте и закону Божию одной благочестивой и образованной женщине. Эта наставница приложила все старания к воспитанию девочки. Она учила ее

грамоте: чтению, письму, арифметике и священной, и церковной истории; каждое утро заставляла прочитывать молитвы и житие дневного святого, а потом из жития ее спрашивала. Учила разному рукоделию, хозяйству. Девушка была смышлена, но и бойка, за что ей нередко и доставалось чувствительно.

Обучение кончилось, и девушка возвратилась под родимый кров. Вскоре ей пошел четырнадцатый год, и ее родители стали собираться выдать в замужество. Религиозно настроенная девушка, между тем, в тайниках сердца уже имела святое намерение посвятить себя жизни иноческой. Глубоко встревоженная сборами родителей и не смея что-либо им возразить, она с горячими слезами и молитвами обратилась к св. ангелу-хранителю и Царице Небесной.

Молитва юной девы не осталась без ответа. Божий милостивый небесный ответ на эту чистую горячую молитву, как и всегда в обычной жизни человека, был дан в обстоятельствах самой же ее жизни. Пламенна была эта молитва; скоро она и услышана была. В это время обстоятельства семейной жизни родителей Стефаниды приняли такой оборот, что им стало уже не до свадьбы. У младшего брата Стефаниды Иоанна вдруг сильно заболела нога, которую и свело. И никакие старания местных врачебных сил не помогли: больной тяжело страдал; ему сострадали и все члены семьи. Два года длилась эта болезнь. Но вот, принесли из Седмиезерной пустыни чудотворную икону Божией Матери Смоленскую. Тогда был май месяц, Фомина неделя; в селе на поле остановились с образом и отслужили молебен; с благоговением множество народа прикладывалось к святыне; подошла и семья Бычковых; принесли и больного Иоанна. Со слезами и пламенной молитвою к Божией Матери пал юный страдалец пред ликом Пречистой, а когда над ним пронесли святую икону, он вдруг почувствовал себя здоровым; нога его расправилась и перестала болеть. Он вскочил и хотел идти, но, потрясенные этим, счастливые родители снова усадили его в тележку и увезли домой, а на другой день взяли образ к себе, отслужили молебен и, в пламенной молитве возблагодарив Заступницу мира, учредили для иноков и бедняков обильную трапезу и

раздали богатую милостыню. Желая еще более отблагодарить Матерь Божию, по совету иноков-спутников иконы, отпустили в числе провожавших до обители и Стефаниду.

Так устроилась жизнь, и никто уже более из семейных не приступал к скорейшей свадьбе Стефаниды. Жизнь ее так потекла далее, что скоро привела ее и в обитель, чего юная дева так горячо желала и о чем непрестанно молилась, когда провожала святыню в ее обитель.

Проводив св. икону до места, Стефанида с подружками осталась в г. Казани на месяц, в Казанском женском монастыре, где трудилась на кухне и в других послушаниях. Приятна и хороша показалась девушкам жизнь в обители, и они остались бы еще пожить, но билеты их были сроком на месяц, и девушкам, скрепя сердце, пришлось возвратиться на родину.

Тихая, молчаливая и самособранная вернулась Стефанида в отчий дом; и дума о том, как бы поселиться в обители, ее уже не покидала. По некотором времени они выпросилась с братом Иоанном на богомолье в Киев. Родители не без колебаний, но охотно благословили юных путников. Те пошли и по пути надумали завернуть в Саровскую пустынь, к старцу Серафиму. Тогда преподобный Серафим уже был широко известен, и к нему стремились как все скорбящие и недугующие, так и те, в чистой душе которых горел пламень жизни подвижнической. Из родительского дома, напутствованные благословениями родных и снабженные всем нужным на дорогу, брат и сестра с подругой направились в Саров, куда и пришли в начале июля, а из дома вышли на другой день храмового праздника Владимирской иконы Божией Матери.

Великий Старец ласково принял путников. Он благословил их, и при этом сказал, чтобы Иоанн оставался навсегда в Сарове, а сестра шла бы в Киев, без него, с своими спутницами. На это девушка возразила Старцу, что отец в монахи Иоанна не отпустит потому, что Иоанн очень способен к торговле и его очень любил отец, да и сам он не думает в монахи, а хочет только помолиться в Киеве и поблагодарить Матерь Божию за исцеление. Старец на это сказал: ваш отец человек добродушный: отпустит его, а ты – в Уфу, там будет монастырь,

и ты спасешься. Молодая девушка, все внимание которой было сосредоточено тогда на брате, не придавала особенного значения последним пророческим словам Старца... А как они по времени исполнились!

Иоанну крайне не хотелось оставаться в Сарове, и он, немного спустя, снова побежал к Старцу. Преп. Серафим отпустил его с миром, велел только слушаться во всем сестры и на завтра, после ранней обедни, снова прийти к нему. Иоанн же, по своей молодости и опрометчивости, не послушался Старца. Он сказал сестре, что о. Серафим благословил их скорее уходить из монастыря. Сестра поверила брату, и на рассвете молодые путники брат и сестра с подругою покинули Саров, но ненадолго: скоро Господь наказал юного лгуна. Не отошли они нескольких верст, как Иоанн почувствовал озноб и жар. На пути как раз была Саровская мельница, где жил бодрый и добрый старик-монах о. Иаков, который ласково принял путников и напоил их чайком. Больной физически поправился, но не исправился нравственно. Прошли они еще верст шесть. Около села Ломова Иоанн снова заболел и сильно: у него оказалась горячка. В селе тогда был добрый и странноприимный священник. Он принял больного и девушек. Больного священник напутствовал... Тот лежит в бреду, а девушки сидят и плачут. Вдруг больной начал говорить: «рад бы я подойти к Тебе, Царица Небесная, да не могу – болото». Сестра стала спрашивать его, о чем он говорил? Тогда больной, придя в себя, сказал, что видел себя в Саровском храме у «Живоносного Источника», что Мать Божия будто бы протянула ему руку и звала к Себе, а ему мешало болото. И тут же сообразил, как он обманул сестру и ослушался Старца: болото лжи мешало ему подойти к источнику святой жизни, находившемуся под покровом «Живоносного Источника!» Исполнившись желания загладить свою вину, Иоанн сказал сестре, что он желал бы возвратиться в Саров и испросить у о. Серафима прощения. Сестра передала все это священнику, и тот немедленно же запряг свою лошадь и, уложив больного, отправил их в Саров. Когда они были около мельницы, больной стал как бы умирать. Его едва внесли в келлию, положили под образа, вложили в

руку свечку и стали ждать смерти. Сестра вышла на минутку на крыльцо. И видит, что идет старушка, ее знакомая, что ходила с ними провожать ранее икону. Она после того ходила в Зеленогорский монастырь и еще куда-то, верст за сто. А теперь собралась в Саров, чтобы испросить у о. Серафима благословение на богомолье в Киев. Ее-то и послал к нашим путникам Старец. «Иди, говорил он ей, на мельницу скорее. Там тебя дожидают Оренбургские брат и сестра. Брат очень болен, но не к смерти: он человек доброй души, будет служить Богу, а сестра будет в Уфе игуменьей. Ты приведи их ко мне, а я вас пошлю в Дивеев учиться монастырской жизни; пожив немного там, вы пойдете, по желанию, помолиться в Киев». Радостно и бодряще отозвались эти речи старушки на юной девушка и больном брате. Тот поправился, и они снова прибыли в Саров. Больной там еще долго пролежал, а потом, по выздоровлении, поступил и в монахи, а впоследствии скончался иеродиакон Уфимского Успенского монастыря. Девушки же прожили в Дивееве с месяц, где у матери Ксении трудились над устройством погреба, и часто часто они хаживали к о. Серафиму, и пользовались его наставлениями. (Брату Стефаниды в монашестве имя было Феоктист). По истечении месяца их пребывания в Дивеево, о. Серафим благословил девушек с старушкой идти в Киев, и две девушки пошли туда в обществе и под наблюдением опытной и благочестивой той старушки. В Воронеже девушкам по случаю сильных холодов привелось прожить в одной церковной ограде у черничек с другими девушками два месяца. В Киев они пришли уже в начале 1826 года, на второй неделе поста; и провели там весь пост, Святую и прожили до Миколина дня. Жили они в гостинице, которая в то время была только обгорожена деревянной стеной, а каменного корпуса не было еще. Везде они помолились, поклонились всем угодникам Божиим киевским. С грустью, наконец, покинули они священный город. Тогда через Днепр мост был деревянный и в полноводье перевозили на лодках. На лодке перевезли и Стефаниду с ее спутницами, за что взяли с них десять копеек, и осталось у них на всю дальнейшую дорогу только три копейки. Идучи обратно,

они зашли в Глинскую пустынь, где тогда светил своею праведною жизнью обновитель обители игумен Филарет.

Игумен Филарет, муж высокого духовного устроения, был в самых близких по духу отношениях с великим Саровским светильником веры и милосердия преподобным Серафимом. Он удостоился зреть и душу Серафимову, по смерти возносимую на небеса ангелами. Этот-то великий и прозорливый муж с особенною любовью принял юную путешественницу Стефаниду и сделался ей до конца своей жизни опытным ее руководителем и наставником. Старец Филарет при первом же свидании с нею предрек ей, что ей предстоит трудиться в Уфе, и что нужно многому учиться в жизни иноческой. Обласканные иноками девушки почувствовали себя в Глинской пустыни как бы в раю и проводили здесь время в молитве и поучении доброй иноческой жизни. (Предание говорит, что в этот же раз о. Филарет тайно Стефаниду постриг в иночество). Беседы мудрого старца, стройная жизнь обновленной обители, – все это могуче повлияло на молодую восприимчивую душу. Великие Евангельские слова: *«Приидите ко Мне, вси труждающиеся. Иго Мое благо»* и другие, где говорится о необходимости самоотвержения в последовании Господу, невольно стали чаще и чаще приходить на сердце. И из Глинской пустыни, напутствованная благословением о. Филарета, Стефанида возвратилась домой с твердым намерением навсегда посвятить себя жизни иноческой.

Возвратившись домой, Стефанида стала проводить время, преимущественно, за чтением душеполезных книг. Так как брат ее Афанасий был церковным старостой, а при церкви была значительная библиотека, то книги она доставала с удобством и многому научилась из этого чтения. Недалеко от церкви родными Стефаниды была устроена вместительная келлия, в которой и обитало до десяти девушек-черничек. Им во всем помогали родители Стефаниды. К ним на житье, для приготовления к иноческой жизни, и стала проситься у родителей Стефанида. Родители без больших колебаний согласились; охотно приняли ее келейницы, но очень боялись: вынесет ли она эту жизнь и, желая ее отклонить от такой жизни,

в виду ее младости и нежного воспитания, жалея ее и родителей, девушки старались трудными послушаниями от этой жизни отохотить ее, чтобы она сама сознала ее тяжесть и ушла снова к родителям. Но эта наивная и добрая по цели хитрость не удалась им. Ничто уже не могло отвратить Стефаниду от того пути, на который она вступила!

Исполнилась детская греза, исполнились ее горячие мольбы к Пресвятой Деве: доля брачная ее миновала, иноческая жизнь стала увлекать ее в свое течение! И из простой, самой незначительной общинки скоро образовалась целая иноческая обитель, во главе которой и была поставлена Стефанида, а самая эта обитель устроилась в г. Уфе, как и предвещал великий старец Серафим. Вышло же следующим образом.

Тихо текла жизнь келейниц; ходили они в Божий храм, где и молились усердно; молились дома, трудились, в поте лица снискивая пропитание. Дочь богатых родителей среди них разделяла все труды и в скромном одеянии возила через все село воду, – та, которой стоило слово сказать, и к ее услугам были бы многие слуги. В 1827 г. преосвященный Амвросий, объезжая епархию, заехал и в с. Бетьки. Узнав о черничках и их примерной жизни, владыка навестил их домик и подробно ознакомился со строем их жизни. Слыша от поселян также прекрасные отзывы, преосвященный разрешил открытие здесь общины, а когда из общины поехали к нему с просьбою назначить им начальницу, владыка со всеми тремя прибывшими, а прибыли старшая сестра Варвара, ее помощница и Стефанида, взятая Варварой, побеседовал в отдельности и назначил им начальницей Стефаниду. В 1832 г. преосвященный Михаил решил перевести общину в самый город Уфу. В Уфу общинка переселилась в составе 12 сестер во главе с Стефанидой, при которой находились, между прочими, и ее младшая родная сестра Евдокия и еще девочка Александра Зиновьева, пришедшая к Стефаниде семи лет (скончавшаяся в обители в 1906 г., которая и явилась впоследствии сказательницей правдивой о первых временах обители).

Когда было решено Бетьковскую общину перевести в Уфу, то для нее был куплен обширный дом Пахомовых близ Сергиевской церкви, в котором и поселились сестры. Они проводили время в трудах: сами обрабатывали землю, садили овощи, пекли просфоры, занимались рукоделием. По благословению преосвященного Аркадия, Стефанида посылала в Арзамас двух своих черничек, которые в местной общине (состоявшей уже тогда из 600 человек) обучились всякому рукоделию: убирать иконы фольгой и цветами, вышивать золотом и серебром, шитью, кройке, вязанью и т. п. Одной из посланных была сестра Стефаниды Евдокия, а другая – Васса, священническая дочь. Приобретенными знаниями по возвращении чернички поделились со своими сестрами, и скоро Уфимская община весьма прославилась подобным искусством своих сестер. Когда стали обсуждать вопрос о месте для обители, то предлагали одно подле духовной семинарии и другое около Успенской церкви. Но то и другое место не подходило для обители по мнению Стефаниды, что она с простотой и выразила преосвященному. Близость семинарии и обители она нашла неудобною в нравственно-практическом отношении, а второе место было оставлено, как находящееся в центре города и далеко от воды. Стали искать еще места. Преосвященный и светское начальство очень близко к сердцу приняли вопрос о месте для обители. Искали поближе к окраине, но свободного места не было. Остановились на мысли занять под обитель место на краю города, где были ветхие обывательские дома, которые и предположено было снести. Сначала обитатели лачужек не соглашались на это, хотя им и предлагали плату. Но Стефанида сумела их уговорить. Успех ее увещаний был настолько велик, что жители уступили свои домики на снос значительно дешевле, чем сколько предлагало начальство. Только некоторые старушки выразили желание, чтобы их домиков не сносили до их смерти, и включили бы в черту обители, и дозволили бы им в своих домиках и век скончаться. Мать Стефанида с любовью на это согласилась, и это же потом оказалось в духовную пользу и утешение обители. Преосвященный Аркадий вошел с ходатайством в Св. Синод об

открытии обители, а когда Св. Синод потребовал обеспечения для обители, то Стефанидой и были представлены те 3480 р., кои были собраны для покупки земли, и община остались без всяких средств. Тогда Стефанида отправилась в Глинскую пустынь к о. Филарету, который и принял самое большое и деятельное участие в ее положении.

О. Филарет дал Стефаниде множество рекомендаций к своим знакомым в Петербурге и Москве, также направил ее к иерархам, и в частности, к м. Филарету Московскому. Стефанида съездила туда и собрала значительную сумму. Между тем, открытие обители тормозилось со стороны обер-прокурора. Сколько ни беспокоилась, ни просила прокурора Стефанида, тот все медлил. В горе Стефанида отправилась к одному из своих благодетелей Ал.-Невскому архимандриту Палладию. Тот, желая ее утешить и не имея сил что-либо сделать, пригласил помолиться у мощей св. бл. кн. Александра Невского и отслужил молебен; прощаясь же, прибавил: «святой наш был военный, он же скоро поэтому устроит и все сам выпросит у Господа нужное». Не успело настать утро, как прокурор уже послал за Стефанидой и, когда она пришла, сообщил, что ночью ему являлся св. Александр и грозно спрашивал: «почему он не хочет открыть в Уфе монастырь?». И прокурор тотчас же обещал все уладить, и, действительно, скоро было дано разрешение на открытие обители. Стефаниде была дана и сборная книга. Монастырь разрешили открыть, а название ему дать как-то пропустили. Когда же спросила об этом сама Стефанида, то предоставили ей самой избрать название обители по совету с о. Филаретом Глинским. С радостью отправилась обратно из северной столицы Стефанида и на пути завернула к о. Филарету. Тот ее принял с любовью, дал ей для обители составленный им устав, а по вопросу о названии обители указал поступить так: когда получите официальное разрешение об открытии обители, то назовите обитель от того богородичного праздника, какой будет первым после получения бумаги. Указ был получен в марте, незадолго до Благовещения, почему монастырь и был назван Благовещенским. 15 марта было назначено открытие обители, и

преосвященный велел приготовить к этому времени и икону Благовещения, но сколько ни искали, таковой найти, а тем более сготовить новую, не могли, и не знали, что делать. Об этом узнала одна из тех ветхих старушек, которые жили в монастыре в своих домиках. У нее как раз была семейная святыня столетняя икона Благовещения, – эту-то свою святыню старушка и принесла в дар юной обители. С радостью приняли сестры святую икону, и эта икона, теперь богато украшенная, стала дорогою навсегда для обители! Иконе более полутора столет, пред нею по субботам теперь читается богородичный акафист. Обитель была открыта, а в 1838 г. и Стефанида была пострижена в монашество с наречением Филаретой, в память о. Филарета Глинского. К этому времени у монахинь уже был свой хор, который и исполнил при пострижении игуменьи своей «объятия Отча» особым напевом который хранится в обители и ныне. 28 августа того же года мать Филарета была возведена и в сан игумении. Постриг м. Филареты был в Сергиевской церкви, которая после устройства новой монастырской церкви была перенесена на монастырское кладбище.

Так открылась обитель, и мать Филарета вложила все силы, всю душу на устройство обители и установление ее порядков. В всем она следовала наставлениям старца о. Филарета и весь строй обители поставила согласно уставу старца, сама во всем и всем подавая высокий пример жизни подвижнической. Заботясь о внутреннем благоустройстве обители, она понесла немало трудов и по внешнему благоустройству обители.

Сначала стали строить большую каменную церковь, но подрядчик оказался нечестным: стены вывел тонкие, хотя игуменья на это обращала внимание преосвященного и других участников постройки, но на ее слова не обратили внимания, – и не успели церковь освятить, как она уже рухнула. Поэтому игуменией была поскорее выстроена до времени маленькая каменная церковь над воротами обители в честь св. благоверн. князя Александра Невского – в память бывшего ранее его заступничества за юную обитель. В 1852 г. эта церковь и ограда, и три корпуса – все каменные – были закончены, причем при постройках все сестры во главе с игуменией сами трудились в

работах, самых трудных и черных. В 1853 г. игуменья Филарета была награждена наперсным крестом. В казначеи была избрана м. Поликсения (из Уфимских дворянок), трудолюбивая, кроткая и смиренная, а благочинной была избрана мать Серафима – строгая подвижница, ходившая и зимой, и летом в тонкой, самой грубой одежде и обуви. Последняя скончалась 102-х лет, прожив в обители 77 лет.

Обитель при таких начальницах и помощницах ее быстро устроилась и внутренне настолько окрепла, что из нее уже стали брать инокинь для устройства других обителей. Так, сестра игум. Филареты Евдокия, в монашестве Иоанникия, была назначена в Троицк, после нее, оставившей память старицы строгой жизни и ангельской доброты, были посланы на игуменство туда две сестры. В Бирск, Царевококшайск – в женские обители игумении были взяты из Уфимского монастыря, и еще в другие некоторые обители. Игуменья же Филарета продолжала трудиться и заботилась как о материальной благоустроенности обители, так, особенно, о внутренней жизни сестер. Она исходатайствовала 150 десятин лесной и сенокосной земли, водяную мельницу, еще 48 десятин земли. Посылала сестер в Екатеринбург учиться выделке свеч и устроила потом свечной завод. Особенное же внимание она обращала на религиозно-нравственное развитие сестер и часто сама читала не только помянники у жертвенника, но и житие за трапезою читывала, и объясняла Евангелие, и при всяком удобном случае наставляла и вразумляла сестер, которые, нередко, слушая ее задушевную речь, плакали от умиления.

Все ее любили и уважали. Великое дело совершила она: основала и благоустроила женскую обитель, первую в Уфимском краю, и эта обитель стала светочем в том краю. От нее заимствовали устав и обычаи многие и другие обители более далеких в Сибири мест.

Но никакое доброе дело не обходится без страданий для тех, кто его совершил. Всякому делу или предшествует, или сопутствует, или последует искушение. За добро сильно мстит враг рода человеческого и наносит жестокие скорби. В частности, когда не может увлечь труженика в порочную жизнь,

воздвигает на него бурю человеческой злобы и клеветы... Такую бурю злобы и клеветы навел враг и на игумению Филарету: ей настала пора испить чашу гонений, и она мужественно ее испила, очистившись как золото в огне, в эту годину невыносимых страданий!

В 1858 г. в епархию прибыл преосвященный Антоний 2-й. Что было причиною, но только он явился жестоким гонителем м. Филареты. Поводом, из-за которого началось гонение, послужило следующее. Антоний взял из Арзамаса в Уфимский монастырь болящую Грушеньку, которую он знал и чтит за сделанное ему предсказание епископства. Что его побудило сделать это – неизвестно, но только эту рабу Божию он уважал. Прозорливая и высокой жизни эта страдальца была с честью принята в обители и помещена подле монастыря; множество народа ее посещало и пользовалось ее советами. Игуменья с любовью ходила за ней. Эту-то рабу Божию и сделал враг орудием напрасного гонения на м. Филарету! Слава, что тля, вредно повлияла на нравственное состояние убогой: она стала раздражительной, сребролюбивой и завела свою кружку, а затем стала проситься и жить в самом монастыре.

Игуменья кротко ее вразумила и в удовлетворении просьбы отказала. Та вспылила и нажаловалась преосвященному. В скором времени преосвященного перевели, а Грушеньку отвезли обратно в Арзамас, и обстоятельство размолвки с м. Филаретой потом ею было горько оплакано. Но вернуть было поздно: гнев епископский отяжелел на невинной игуменье и с этого начались страдания. Скоро были назначены следствия пристрастные и жестокие: игуменья после многих оскорблений была отрешена, помещена в убогой келлии; избрана новая настоятельница; многие сестры были наказаны за приверженность к м. Филарете: в обители надолго водворились плач и скорби. Тяжело было матери Филарете, но она не жаловалась, хотя и имела полную возможность оправдаться, когда у нее, к тому же, были сильные заступники. Она смиренно несла крест гонения, давая место гневу, и находила утешение в молитве пред Распятием, которое и было единственным убранством ее убогой келлии. И Господь не оставил ее без

утешения: однажды ей был глас от креста: «Посмотри на Меня: Я был пригвожден к кресту и без одежды, а ты и свободна, и одета». И этот глас ее очень утешил. За гласом свыше скоро последовало и утешение в самой жизни ее. Через 4 месяца ее вызвали в Нижегородский монастырь, а вскоре в С.-Петербург, и дело ее было расследовано по Высочайшему повелению: игуменья оказалась невинною. Ее назначили игуменией в Полтавский Ладинский монастырь. При этом Государь и Императрица м. Филарету всячески искренне успокоили и обласкали, а Императрица подарила ей образ Владимирской Божией Матери. В Уфимский же монастырь ее не возвратили, ибо еще не улеглось против нее раздражение врагов: ее пожалели. Ладинской обителью она управляла десять лет, и много полезного принесло обители управление м. Филареты. Между прочим, она возобновила ветхие каменные: храм, колокольню, стены. По ее ходатайству с Высочайшего разрешения было отпущено обители и земли. За труды она удостоилась и наград. Но ее и здесь ждала высшая всех наград – страдание невинное за правое дело! Ее труды и заботы об обители задели интересы многих, и враги стали замышлять против нее недоброе.

Во главе злых людей стал архимандрит Паисий Густынский. Игуменью обвинили в злоупотреблениях и отдали под суд, совсем засудили было и отняли от нее даже прибывших с нею верных двух инокинь. Но в это время были введены гражданские суды, дело перешло туда, и невинность игуменнии открылась во всем блеске! Ее оправдали и все ей возвратили. А главного врага постиг и суд Божий: его разбило параличом, и пять лет он страдал, питаясь из чужих рук, и сознал свою вину, и оплакал! Но после этого оставаться в Ладинской обители м. Филарете было уже тяжело. Это хорошо понимал ее покровитель м. Киевский Арсений, который и пригласил ее на временный покой в одну из киевских обителей, где она и жила до его смерти.

Так, устроивши обитель свою, блаженная старица испила всю жестокую чашу клеветы и гонений и, если Господь попустил ей ее испить, то по великой Своей любви к верным Своим

рабам. Этими страданиями Филарета очистилась от всех слабостей и немощей, от которых никто земной не свободен, вполне созрела, чтобы опять послужить своей родной обители уже в виде старицы-руководительницы в жизни духовной, а по смерти стать ее молитвенницей и ходатаицей пред Престолом Божиим! И Господь опять привел ее в родную обитель. Враги ее уже сошли в могилы, а сестры с любовью ее ждали; игуменья Евпраксия с радостью приняла старицу и покоила ее до смерти. Но не на покой, а на молитвенные труды и борьбу с духами злобы шла старица.

И долго еще она светила в родной обители всем сестрам светом своей праведной жизни, своими добрыми и глубоко жизненными советами и молитвами! С любовью она утешалась истинно любящим отношением к себе игуменье Евпраксии, которой в высокую заслугу ставила то, что она все не только не уничтожила после нее, а напротив, поддержала и улучшила: святой старице чуждо было чувство зависти и зложелательства! Она радовалась всему. Одно только нашла она упущение: не читали на правиле, как ею было установлено: «иже крестом ограждаема», но и это, как только она обратила внимание игуменье, было восстановлено.

Так достигла старица глубокой старости, и враг уже был бессилен ей вредить. Из-за этого тропаря, однако, он явился ей, пред ее умными очами, сам и злобно говорил, что выгонит ее опять вон за то, что «опять начинает на него лаять сама и щенят своих заставляет». Но на его угрозы старица смиренно ответила, что, «если Господу будет угодно, то и опять уйдет», осенила себя крестом, и враг исчез. Смирение ее навсегда победило врага! А старица ничего уже так не любила повторять, как слова: «благо мне, яко смирил мя Господь».

Незадолго до смерти она удостоилась видеть во сне Матерь Божию в прекрасном саду, обещавшую ей не оставить ее никогда. А за самое короткое до кончины ее время она видела во сне пред тем умершего монастырского священника о. Дмитрия, который подавал ей письмо с золотою надписью. Старица предвидела свою кончину, и, когда, раз, бывший пред кончиною ее, князь Кугушев выражал желание скоро опять ее

навестить, она сказала ему: «нет, уже вы лучше навестите меня второго марта». 2 марта тот приехал, а она уже скончалась. Пред смертью старица была исповедана, приобщена св. Христовых Таин, особорована, обошла все келлии, со всеми мирно сама простились, и свято почил на 83 году жизни, 2 марта 1890 года.

Ея могилка благоговейно посещается многими и доньше.

Так блаженно скончала свое многоскорбное жизненное течение раба Божия, ученица великих старцев Серафима преподобного, нового чудотворца, и блаженной памяти игумена Глинского Филарета⁴⁰.

Игуменья Параскева, первоначальница Параскево-Вознесенского монастыря

(Память 28 августа).

Покойная игуменья Параскева по происхождению своему дочь священника села Константиновки (Баруковка тож), Николаевского уезда, Самарской губернии. Мирское имя ее было Пелагия Степановна Смирнова. В семье своего родителя она прожила недолго. В 1837 г. на 13 году своей жизни она поступила в Керенский (Пенз. губ.) монастырь. Здесь юная послушница, проходя разные, свойственные ее возрасту послушания, постепенно готовилась к более трудной жизни взрослых послушниц. В 1855 г. П. Ст. Смирнова была пострижена в рясофор. Впоследствии в Керенском женском монастыре ей пришлось некоторое время исправлять должность казначеи. В Керенском монастыре проходя разные виды монастырского послушания, она полюбила иноческую жизнь и предалась ей всеми силами своей юной души. За свою доброту, кротость и высоко благочестивую жизнь она пользовалась всеобщей любовью в монастыре. 8 лет она несла обязанности казначеи монастыря и находилась в близких отношениях к настоятельнице и, таким образом, по премудрым планам Божиим, подготовлялась к самостоятельному управлению монастырем. В этом монастыре покойная находилась до сентября месяца 1865 г. В 1865 г. 4 сентября по ходатайству М. М. Киселевой, попечительницы и жертвовательницы только что открывшейся в то время Параскево-Вознесенской женской обители, П. Ст. Смирнова была определена настоятельницей в эту обитель. В этой обители покойная пробыла с 4 сентября 1865 г. по день своей смерти – 11 марта 1895 г., – сначала на должности настоятельницы Параскево-Вознесенской женской общины, а потом в сане игумении Параскево-Вознесенского женского общежительного монастыря.

Местность, в которой теперь находится монастырь, во время крепостного права принадлежала помещикам Струйским.

Здесь, по преданию, была обретена икона св. мученицы Параскевы, – обретший ее, уволенный по болезни от службы солдат, получил исцеление. Православный народ стал массами ходить к этому месту на поклонение, что очень не нравилось помещикам, потому что приходившие мяли покосы, молодые побеги леса, словом, – наносили владельцам земли такой или иной материальный ущерб. Владельцы этой земли вздумали было даже уничтожить родник и взять отсюда икону.

По преданию икона была перенесена в приходскую сельскую церковь, но оттуда опять переходила на родник. Икона действительно была унесена, но засыпать родник не удалось. С течением времени эта земля перешла в руки другого помещика, а от него – в руки крестьян-мордвов. Эти крестьяне решили часть своей земли пожертвовать под женский монастырь. С изъявлением такого своего желания крестьяне обратились к М. М. Киселевой, при содействии и помощи которой и было исходатайствовано Высочайшее разрешение на открытие общины, в которую настоятельница и была назначена П. Ст. Смирнова. Часть земли была пожертвована и М. М. Киселевой. Крестьяне-жертвователи назначением П. Ст. Смирновой были очень недовольны по той причине, что, жертвуя под общину землю, они думали поместить сюда начальницами своих родственниц – девиц, которые, хотя и не были в монастыре, но жили по-монашески, одевались в черное платье, не употребляли мяса и пр. Несбывшиеся надежды заставили этих жертвователей охладеть к делу устройства общины, и многие их обещания о помощи остались только обещаниями.

Прибыв к месту своего назначения в сентябре месяце 1865 г., П. Ст. Смирнова нашла только две келейки, построенные под горой около леса, и недалеко отсюда часовню и родник, в котором, по преданию, был обретен чудотворный образ св. мученицы Параскевы. За келейками подымалась довольно высокая гора, когда-то покрытая строевым лесом, а в то время усеянная только оставшимися от него пнями.

Надобно было немало труда, энергии и веры в возможность достижения лучшего.

Вместе с инокиней Пелагеей прибыла в новооткрытую обитель, в качестве ее помощницы, другая рясофорная инокиня того же монастыря, Анисия Михайловна Карякина, из купеческого звания. Высокое, по своему значению, но, вместе с тем, неизмеримо трудное дело предстояло этим первым труженицам по устройению новой обители. Много трудностей и невзгод пришлось им преодолеть, много скорбей и лишений выпало на их долю на первых порах их подвижнически-трудовой жизни в новой обители. Только усердная молитва Отцу небесному, только надежда на материнскую помощь Царицы небесной – «Всех скорбящих Радости», да упование на молитвенное ходатайство Покровительницы новоустроваемой обители, св. мученицы Параскевы, были твердою опорой в тяжелой жизни этих подвижниц, решивших отдать все свои силы, даже свою жизнь на благо новой обители. Насколько тяжело было положение первых строительниц обители, видно из того, что, прибывши к месту своего назначения, они не нашли для себя даже пристанища, не было жилого помещения на месте предполагаемой обители, они нашли там единственную постройку – часовню на месте обретения иконы, у источника; даже самое место, где предполагалось построить обитель, покрыто было кустарником и остатками леса, некогда покрывавшего всю эту местность. Не имея материальных средств на постройку, живя в глухой, пустынной местности, эти первые строительницы-инокини явили высокопоучительный пример подвижничества, терпеливого перенесения жизненных лишений, скудости и разных невзгод. Окрестное население отнеслось к этим первым насельницам на первых порах недоверчиво, выжидательно, не зная или не понимая истинных планов их и намерений. Но в скором времени высокоблагочестивая, истинно-подвижническая жизнь, христианская кротость и смирение инокинь стали ослаблять это недоверие, многие стали ближе присматриваться к их жизни и, ознакомившись, стали проявлять глубокое уважение и почтительность. Среди окрестного населения вскоре стали распространяться рассказы о подвигах и благочестивой жизни инокинь, и многие девицы и женщины из окрестных сел стали

усердно посещать инокинь с целью поучиться беседами с ними; явилось немало и таких девиц, которые пожелали жить вместе с ними, разделить их тяжелую жизнь, научиться христианскому терпению. Благодаря доброму, отзывчивому отношению окрестного населения, жизнь инокинь вскоре улучшилась и в материальном отношении. Нашлись добрые люди, которые охотно поспешили на помощь и пожелали улучшить тяжелую их жизнь; усердием этих добрых людей (крестьян из села Мордовской пишли) в том же 1865 году построены были недалеко от часовни две небольшие (по 7 арш.) деревянные келлии, крытый соломой. В одной из этих келлий поселилась начальница общины с помощницей, а в другой, отделенной от первой небольшими сенцами – 30 новопоступивших из окрестного населения сестер. Так как эти постройки были крайне тесны и не могли в своих стенах вместить первых насельниц обители, то многие из молодых сестер, особенно из ближайших селений, проводя скучную жизнь в обители, на ночлег уходили в ближайшее селение Пайгарму. Как проходила жизнь этих пустынножительниц. Сколько тревог, волнений и лишений выпало на их долю, об этом и говорить не следует; достаточно представить себе, как эти слабые, беззащитные женщины, поселившись в глухой, пустынной местности, где, по общему убеждению, бродили целые шайки людей подозрительных и злых, должны были снискивать себе скудное пропитание, никем и ничем не защищенные ни от злых людей, ни даже от хищных зверей; чего, чего ни пришлось передумать, почувствовать этим беззащитным женщинам! Нельзя не благоговеть, не преклоняться пред энергией этих кротких и благочестивых женщин. Видно, что живая, сердечная вера и твердая надежда на Бога всецело владели их душами и руководили их жизнью, и потому они не знали препятствий, не видели врагов, помня слова Свящ. Писания: *«Господь – защититель живота моего, кого устрашуся? Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое»* (Пс.26:1–3). И надежда на Бога, одушевлявшая и укреплявшая первых строительниц новой обители, не была тщетною. Видимо Господь помогал подвижницам, и св. покровительница сего места, мученица

Параскева, очевидно, не оставляла их своим молитвенным предстательством пред Богом, являя иногда свое участие и покровительство в сонных видениях некоторым из них. Такого именно видения удостоилась инокиня Анисия, помощница начальницы, в тяжелые минуты ее раздумья и решимости даже оставить новую обитель в виду ее неустройства и крайней скудости жизни в ней, с намерением вернуться в прежнюю свою, вполне благоустроенную Керенскую обитель. Когда Анисия томила раздумьем, ей во сне явилась св. Параскева и показала Анисии много благоустроенных на горе келлий (в том именно месте, где ныне находится здание с келлиями для инокинь) и, между прочим, обширную трапезную комнату, в которой за большим столом, по обе его стороны, сидели монашествующие сестры, а на переднем конце стола сидела женщина необычайной красоты, в голубом одеянии, которая, вставши с своего места, подошла к Анисии и сказала: «нет вам доли уходить отсюда, я – ваша Покровительница». При этом Анисия была объята чувством необычайного восторга и умиления, от которых она и проснулась. Рассказанное Анисией это видение начальнице и сестрам понято было всеми насельницами общины, как явный знак небесного покровительства; всем было ясно, что св. мученица Параскева не оставит обители и поможет в трудах по устройению ее. Как Анисия, так и другие сестры после этого не только не думали уже об уходе из обители с целью поселиться в другой, более благоустроенной, но еще более энергично и усердно стили работать и трудиться над ее благоустройением.

Главнейшей заботой и насущной потребностью всех насельниц новой обители была мысль о построении св. храма и введении постоянного церковного богослужения в обители. Об этом усерднее всего они молились, об этом они более всего просили и добрых людей, принимавших к сердцу интересы и нужды новой обители. Господь вскоре услышал молитву инокинь, и затаенная мечта их о построении св. храма осуществилась. Освящение места для новоустрояемого храма совершено было 27 ноября 1865 года. Заложена была постройка деревянного, однопрестольного храма во имя муч.

Параскевы и в честь Вознесения Господня, отчего монастырь получил наименование «Параскево-Вознесенского». Лесной материал для первого храма был пожертвован почетной попечительницей общины М. М. Киселевой и был платно перевезен к месту постройки окрестным населением. Для образования денежных средств на постройку с разрешения и благословения Епархиального Архипастыря выдана была сборная книга. Через год постройка св. храма была окончена, и к неописанной радости сестер новоустроенный храм был освящен 11 сентября 1866 года. При скудости материальных средств первый храм общины не отличался ни архитектурной красотой, ни внутренним убранством, ни богатством ризницы и утвари, но при всем том он доставил величайшую радость всей общине, был ее радостью и счастьем ее насельниц. Звон небольшою колокола (в 4 пуда) разносил эту радость по окрестным селам, призывая на общую молитву инокинь и поселян, которые, при отдаленном расстоянии от своих приходских церквей, охотно и усердно посещали монастырский храм. «Как только», передавали инокини: «услышали мы в первый раз голос матери-Церкви, призывающий верных чад своих, все мы заплакали и пали ниц пред иконою св. мученицы Параскевы, принося ей и Господу Богу благодарение за успешное и скорое окончание храма, в котором доселе чувствовалась настоятельная нужда. Но мы молились не одни: с нашей молитвою возносилась и молитва окрестных поселян, встречавших нас прежде так недружелюбно. Теперь они целыми толпами шли в обитель, что, конечно, еще более увеличивало нашу радость и духовное утешение».

Со дня освящения св. храма, в нем ежедневно стали совершаться все Божественные службы, и пустынное место огласилось умирительно-благоговейною молитвою и стройным пением инокинь. Для совершения богослужения в новоустроенном храме Епархиальным Начальством тогда же был назначен заштатный священник Иоанн Григорьев Юницкий. Кроме положенных по уставу общественных церковных служб, в храме ежедневно прочитывались еще, по уставу древних монастырей, правила; прочитывались каноны и акафисты

Спасителю, Божией Матери, Ангелу-Хранителю и св. мученице Параскеве. Кроме того, ежедневно совершалось молебное пение Спасителю «за благотворителей и жертвователей» общины и неусыпное чтение псалтири. Так как ежедневное служение в храме для одного священника и, притом, глубокого старца было непосильно, то нередко приглашались соседние приходские священники.

С построением храма и введением постоянной церковной службы в нем, обитель стала быстро расширяться; число сестер стало быстро увеличиваться, и некогда пустынное место стало покрываться монастырскими зданиями и постройками. Все постройки, равно, как и содержание сестер, производились исключительно благотворениями добрых людей и беспрестанным трудом самих сестер. Видимо благословение Божие почивало на новой обители и ее насельницах. Средства стали множиться, и обитель быстро стала расти и благоустраиваться.

И вот, П. Ст. Смирнова вместе со своей помощницей начали неустанно трудиться.

Всегда благожелательная и отзывчивая, Пелагия обладала чрезвычайным тактом и умением обращаться со всеми; ее искренно любили не только сестры монастыря, но и окрестные поселяне; ее искренно уважали и чтили и все посетители монастыря, все, имевшие такие или иные дела с монастырем. Этим, главным образом, и объясняются высокие симпатии и доброе внимание общества к обители. Благодаря этому вниманию общества, обитель быстро стала расти и развиваться как количеством сестер, так и монастырскими постройками. В 1884 г. 18 апреля, указом Святейшего Синода община переименована в общежительный женский монастырь, а начальница ее – инокиня Пелагия возведена в сан игумении и пострижена в мантию с именем Параскевы, в честь покровительницы обители св. мученицы Параскевы. Пламенея любовью к Богу и ближним, игумения Параскева с особенным рвением и энергией занимались делами благотворительности, мечтая о том, чтобы обитель могла никому ни в чем никогда не отказывать.

В общину стали поступать и пожертвования; когда была устроена церковь, постепенно возникли и разные постройки обитель, на глазах ее строительницы, росла и благоукрашалась все более и более.

Во главе лиц, благодетельствовавших обители, должна быть поставлена статская советница, кавалерственная дама Мария Михайловна Киселева, материальными жертвами и, особенно, влиятельными хлопотами и успешными ходатайствами которой обитель получила свое основание. При получении начальственного разрешения на устройство обители, М. М. Киселева, как сказано выше, пожертвовала 20 десятин земли, а затем, избранная почетной попечительницей новой обители, она до самой смерти не переставала заботиться о ее благоустройстве, живо принимая к сердцу нужды и интересы обители. Из своих личных достатков на монастырские постройки она пожертвовала 2,000 руб. наличными деньгами, и своим влиянием она привлекала немало пожертвований на нужды обители. По смерти М. М. Киселевой, попечительницей обители была избрана ее племянница и наследница А. С. Радищева, которая так же с высоким вниманием и сердечной отзывчивостью относилась к нуждам обители. В 1889 г. она пожертвовала в пользу обители 30 десятин земли, а в 1890 г. она пожертвовала монастырю усадьбу в г. Пензе и дом, где впоследствии открыта странноприимница в память чудесного спасения Царствующей Семьи 17-го октября 1888 г. С молитвенною благодарностью обитель вспоминает имена и других своих благодетелей, помогших ей устроиться, и в числе их: жителей С.-Петербурга, – г-на Травина, пожертвовавшего 2,000 р., Мартынова – 2,000 р., Попова – 400 р., москвича г. Ермакова, пожертвовавшего 3,000 р. и др.

Теперь, через 30 лет своего существования, обитель неузнаваема: в ней более 300 монашествующих, несколько храмов, много корпусов для сестер обители, около 1000 десятин земли с лесом и лугами, различные хозяйственные заведения и т. п. Параскево-Вознесенский женский монастырь есть один из лучших благоустроенных монастырей Пензенской губернии. Игуменья за благоустройство обители неоднократно

получала благодарности от наших архипастырей, награждена была саном игумении, потом наперсным крестом от Св. Синода и, наконец, таковым же крестом из Кабинета Его Императорского Величества.

Многотрудная попечительность покойной не ограничилась одним только внешним устройством обители. Много потрудились покойная и по устройству внутренней жизни вверенных ее попечению и руководству сестер обители. Подавая им собою пример точного исполнения обетов жизни монашеской, она не ограничивалась одним только, так сказать, начальственным отношением к своим сестрам. Она входила в жизнь своих сестер, как мать; оказывала им великую помощь; умела печальных утешить, ослабевающих поддерживать, научить, наставить; ее беседы с сестрами отличались той задушевностью, сердечностью и искренностью, после которых обычно становится так легко, и исчезают всякие сомнения.

Покойная была очень отзывчива к нуждам не только своих сестер, но и окрестных поселян и, можно сказать, всех нуждающихся и неимущих. Так, в монастыре была ею устроена школа с общежитием, где обучались и воспитывались девицы – сироты духовного звания; есть церковь-школа для детей окрестных поселян, в этой школе обучались мальчики и девочки, а для бедных, при ней – общежитие. Уже за одно это окрестные поселяне чтили и любили покойную. А сколько помощи было оказано местному населению в неоднократные голодовки! В обители в то время была открыта столовая и, кроме того, очень многим хлеб выдавался прямо на руки.

Покойная мать игумения, сознавая неизлечимость своей болезни, уже давно приучила себя к мысли, что ей скоро придется оставить сей мир, и готовилась к этому истинно христиански: она за время своей болезни была несколько раз соборована, с августа месяца прошлого года каждую неделю приобщалась Св. Таин, а с января месяца 1895 года приобщалась почти каждый день. По молитвам и вере своей, покойная сподобилась христианской кончины живота своего: кончина ее была мирная и тихая, она, по словам лиц, бывших около ее смертного одра, как бы заснула.

11 марта, 1895 года, скончалась настоятельница Параскево-Вознесенского женского монастыря, Инсарского уезда, игумения Параскева на 72-м году жизни после продолжительной и тяжелой болезни. В 9 ч. утра 11 марта покойная в последний раз приобщилась Св. Христовых Таин и, несмотря на крайне ослабевшие телесные силы, сохранила полное сознание до последних минут жизни. Напутствовавшему ее духовнику покойная сказала: «батюшка, я в полном сознании, но говорить мне очень трудно», и при этом, своей слабой рукой указала на грудь. После принятия Св. Таин покойная пожелала выслушать отходный канон и затем, ровно в 11 ч. тихо и мирно скончалась.

Похороны матери-игумении были 15 марта. К этому времени весть о ее смерти успела уже облететь окрестности монастыря, вследствие чего на похороны собралось немало представителей местной интеллигенции и, особенно, простого народа.

При погребении было прочитано и духовное завещание, оставленное матерью-игуменией сестрам обители. Тело почившей было погребено против одного из алтарей каменного собора.

Вот это замечательное духовное завещание настоятельницы Параскево-Вознесенского общежительного монастыря игумении Параскевы сестрам обители.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Возлюбленные мне о Господе сестры и дочери духовные!

Вы видите и знаете, какие скорби и болезни угнетают меня, и день от дня все более и более. Я чувствую, что скоро оставлю эту земную и переходящую жизнь.

Нередко я вас называла: «любимицы мои». И теперь, на конце жизни моей, говорю вам: любимицы мои, примите от меня с любовью, как от любящей матери, последние завещания и советы мои!

Веруйте в Господа Бога, Пречистую Матерь Его и Св. угодников Божиих. Читайте, поучайтесь жизнью и примерами их веры сильной и крепкой, которая может и горы проставлять.

Правило молитв церковных и келейных не оставляйте; чтение псалтири и синодиков не изменяйте; молитесь

ежедневно за благодетелей и благотворителей обители нашей.

Храните, как я хранила, обет нестяжательности монашеской. Заботясь о благосостоянии обители, призрении безродных стариц, сирот и детей, я для себя ничего не приобрела, так что после меня не найдется даже лишней одежды.

Имейте послушание во всем безропотное к настоятельнице, преемнице моей. Младшие сестры, повинуйтесь старшим в кротости и смирении, поступайте во всем с благословения, по совету и наставлению старших, и не делайте ничего от них тайно. Старшие, учите младших кротости и миролюбию, да не будет между вами ссор и раздоров, да не зайдет солнце во гневе вашем.

Будьте целомудренны не телом только, но и душою: будьте тверды против искушений, и вы будете истинными невестами Небесного Жениха-Христа.

Завещаю вам помогать нуждающимся, принимать странных, бесприютных и безродных стариц, а также детей и сирот – в приют, мною устроенный, и детей поселян учиться в церковно-школу. Учите их словом и примером всем христианским добродетелям. Всех несчастных и печальных утешайте, и Господь не оставит вас Своею милостью.

Вот, при помощи Божией и по молитвам св. мученицы Параскевы, нашими общими трудами и жертвами благотворителей обитель наша в короткое, сравнительно, время благоустроилась. В продолжение почти 30 лет с помощью Божией управляла я обителью сею, и теперь, отходя в иную жизнь, молю Вседержителя – Господа, да почиет благословение Его над сим св. местом и над преемницей моей. Пусть она будет вам, матерью и любящей сестрой. Помогайте ей в дальнейшем благоустройении обители.

Прошу вас непрестанно молиться о мне, да простит мне Господь мои согрешения вольные и невольные.

По смерти моей, завещание сие прошу прочитать пред моим гробом в поучение и назидание всем сестрам обители.

Буди милость и благословение Божие с вами ныне и присно и во веки веков! Аминь⁴¹.

Киевский юродивый странник Иван Григорьевич Босый

(Память 29 августа).

Иван Григорьевич Ковалевский родился в 1807 году, в г. Киеве, где отец его занимался мелкой торговлей и происходил из старожилых киевских мещан. Воспитывался он под призором отца. Матери он лишился, когда ему был всего один год. Дитятей он был способен, восприимчив и весел, но, приходя в возраст, делался все угрюмее и скучнее... Храм Божий был всегда предметом его глубочайшей любви... Когда исполнилось 9 лет, отец определил его в Киевскую губернскую гимназию. Мальчик учился хорошо, где покончить ему не пришлось. По смерти жены, отец Ивана – Григорий сильно затосковал по ней, стал хиреть и в 1820 году скоропостижно скончался, оставив четырнадцатилетнего сына с малолетней сестрой Евдокией. Мальчик из гимназии вышел и доучиться уже не мог. Оставшееся же после смерти отца небольшое имущество было продано сиротским судом, и вырученные от продажи деньги были положены в общественный капитал коммерческого банка...

Рано лишившись родителей, Иван определился в том же году в канцелярию Киевского губернского правления. Целых два с половиной года трудился он там почти безвозмездно, находясь на испытании при столе уголовной части, и, несмотря на оказанное прилежание, хорошие успехи и отличное поведение, все еще не был зачислен в штат. Только в 1823 году Иван Григорьевич Ковалевский был, наконец, принят и зачислен в штат⁴².

С этого времени началась для юноши жизнь, полная лишений и невзгод. Переписка набело рапортов и предписаний, да подшивка разных бумаг к громадным «делам» занимала все дни службы. На руках у него находилась сестра, которую необходимо было содержать, а ничтожного жалованья, выдаваемого из правления, едва хватало на квартиру и прокормление. Трудно пришлось юному Ивану на первых порах жизни... Рано познакомился он с горем.

Вечно серьезный, строгий и замкнутый, постоянно углубленный в думы, Иван Григорьевич держался от всех особняком и сумел удержаться от нехороших увлечений канцелярской молодежи. Одевался, как попало, кушал, что придется, а, если у него оставались в кармане мелкие деньги – раздавал нищим и убогим.

Отличий по службе он не искал. Однажды ему выдали случай получить маленькое повышение, но, будучи доволен своим положением, Иван Григорьевич от такой чести отказался. Товарищи узнали об этом и подняли скромного труженика на смех.

– Сама синица дураку в руки летела, да не умел дурак шапкой ее накрыть, – говорили ему, на что он им заметил:

– И дурак ездит в карете, и умный ходит пешком. Только глупые ищут большого места, а умный и в углу виден. Ешь – не наедайся, пей – не напивайся, вперед не кидайся, в середину не мешайся, да и позади не оставайся. Об этом правда Божия всем людям говорит, так и мне она, матушка, делать велит.

Странный образ его жизни вызывал в сослуживцах его ненависть и озлобление. Порицание, насмешки и глумления были ему исключительным приветом со стороны товарищей. Всякий старался устроить ему какую-либо пакость. Кто подсыпал ему в чернильницу песку, кто подкладывал ему под сиденье острые шпильки, кто накладывал в карманы его пальто ключья засаленной объедками пищи бумаги, а кто, просто-напросто, пускал на его счет едкие колкости и остроты, и подымал пред собранием на смех. Вся мелочность, грязь и внутренняя нечистота канцелярского общежития отражались на его невинной голове. Но, помня заповедь, Иван Григорьевич относился ко всему с полнейшим равнодушием и ни на что не откликался, так что товарищи прозвали его «немцем».

В праздничные и воскресные дни жизнь Ивана Григорьевича заметно изменялась. Губернское правление закрывалось, и Иван Григорьевич чуть свет спешил в Лавру, чтобы поклониться свят. мощам почивающих в пещерах угодников Божиих. А сближение с лаврскими иноками и частые беседы с опытными в

духовной жизни старцами обители умудряли и укрепляли его в борьбе с трудностями жизни.

Прошло несколько лет. Иван Григорьевич жил по-прежнему. Являлся на службу испачканным, грязным, в порванном платье, полуголодный и худой. Входя в правление и помолившись на образа, он немедленно садился за предназначенный ему стол и принимался за свою работу, без конца шевеля губами и шепотом повторяя слова тайной молитвы, отчего казался со стороны, как бы, помешанным. Сослуживцы с презрением отшатнулись от него, начальство считало его ненормальным, и постепенно все как бы забыли о его существовании.

Положение его с каждым днем становилось все более и более неопределенным, натянутым. Окружающие люди не понимали возвышенных чувств его боголюбивой души, соблазнялись его наружностью, жизнью и своими враждебными действиями угнетали и оскорбляли все его беззащитное существо. И только по возвращении со службы домой оживлялся, с громким плачем на коленях перед образом изливал он перед Богом свои горькие думы...

В 1834 г. по требованию нового строгого начальника Иван Григорьевич Ковалевский, на одиннадцатом году своей службы в губернском правлении, вышел в отставку «по болезни» с чином «канцеляриста». Денег у Ивана Григорьевича не было совсем. Ничтожный наследственный капитал, хранившийся в коммерческом банке, давно был издержан на содержание возмужалой сестры. Но, крепкий надеждою на Божию помощь, Иван Григорьевич не унывал. Он пристроил сестру, по совету добрых людей, на какое-то место, а сам пустился странствовать по святым местам.

Несколько лет странствовал Иван Григорьевич по святым местам. Многие тысячи верст исколесил по Руси. Многие десятки русских монастырей обошел он пешком.

Возвратился из своих странствований он уже в 40-х годах и водворился в Киево-Печерской лавре. Иван Григорьевич прибыл в Киев уже настоящим «рабом Божиим» – юродивым ради Христа.

С первых дней своего появления в Лавре, Иван Григорьевич стал проживать на братской кухне, питаясь объедками хлеба, луком и квасом, и за «пропитание» отблагодаривая приносякою дров, воды и другими услугами. Он не любил ходить ни к кому, ничего не просил, ничего не принимал; если же кто насильно заставлял его взять что-либо, – отдавал первому встречному или ронял тут же, как бы, по забывчивости. Более сердобольные, проведая то место, где он всегда ночевал, – клали ему тайно хлеб и сухари, а он только малую часть оставлял себе, прочее же раздавал нищим.

Одевался Иван Григорьевич так: на нем была длинная красная рубаха, никогда не застегивавшаяся у ворота и покрытая сверху такой же длины черным клееночным полукафтanjem. Рубаха эта была до того изношена и грязна, что трудно было издали различить ее натуральный цвет. Разные келейницы да усердные богомолки, толпою ходившие летом по стопам Ивана Григорьевича, всегда приставали к нему с просьбой «сподобить» их чести вымыть на Днепре его износившуюся рубаху, но Иван Григорьевич с улыбкой отклонял предлагаемые услуги.

– Всякому свое и немыто – бело, – говорил он в ответ.

Зной, холод, дождь и непогода не заслуживали у него ни малейшего внимания, – он никогда не изменял своей одежды и ходил полунагой: летом в сапогах, зимой, наоборот, босой, за что и прозван был народом Иваном Босым. Ноги у него были от того постоянно красны и казались промерзшими до мозга костей. Соболезновавшим ему, он говаривал порою:

– Ласковое слово и в жестокий мороз согреет, а худая речь и во время жары бросит в озноб.

Голову свою Иван Григорьевич ничем не покрывал. В руках у него постоянно имелся старый канцелярский, с кокардою, картуз, но он никогда не надевал его на голову, а неизменно носил под мышкой, как памятку своего, некогда, чиновного состояния. От этого волосы его и без того от природы жесткие и густые, никогда не ведая гребня, сбились в кучу. Когда кто-либо из братии подходил к нему и, вынимая из кармана гребень,

давал ему расчесать волосы, Иван Григорьевич любовно отвечал тому:

– Не надо, друг мой, – спрячь... Для бедного рода дана мать природа: ветер расчесет, дождик умоет.

Однако, несмотря на внешнее неряшество и убогий смешной костюм, Иван Босый, как бы в довершение своего юродства, носил на груди двое часов: золотые и серебряные. Где он раздобыл эти часы, для чего их носил при себе? – один Бог весть. Говорят, – их подарила ему одна весьма знатная особа. Когда же любопытные спрашивали его, он говорил:

– «Богатый золото носит, а сам чрез него людей косит. А я – Иван дурачок – ношу чтобы дать сердцу толчок... Часики сердцу разбудят, быть Богом богатой душу научат... Знай, скажут, душа, как ты злом хороша. Вставай, поскорее в храм Богу молиться, не то смерть тебя глупую сейчас косою с лица земли сотрет».

Расхаживая по монастырю, Иван Босый собирал веточки, щепки, мочалку, цветные стеклышки, камешки и все это дарил, кому вздумает, с разными притчами и поговорками, в которых было очень много умного и много пустяков. Но, по отделении этой шелухи и бессмыслицы, каждый открывал для себя очень близкий намек на свое внутреннее душевное состояние. Правда, за такое «неуместное» обращение иногда и доставалось ему от грубых и надменных людей, но никто никогда не замечал на лице Ивана Григорьевича не только движения гнева или страсти, но даже и признаков нетерпения.

Ночевал Иван Григорьевич, где придется, но всегда на открытом воздухе, на морозе, снегу и дожде, приютившись у крыльца кого-либо из соборных лаврских старцев. При этом, он никогда не ложился на бок, а отдыхал стоя или сидя, и с первой зарей занимающегося утра, схватывался и бежал бегом в церковь.

– «Эх, милые мои! – отвечал обыкновенно Босый, когда его спрашивали о причине раннего прихода, – плоть грешная встала, со злобой на душу восстала... «Давай, говорит, ешь!» Вот и пришел я хлебушко духовный добывать для нее».

Приходя в церковь, Иван Григорьевич становился всегда впереди, у самой солеи, неподвижно вперив свой глубокий взор

в иконостас и алтарь. Во время же церковного чтения он имел обыкновение подходить к кучке богомольцев и с выражением глубокого сострадания безмолвно всматривался иным в лицо, затем поворачивался назад и молился за кого-то к иконам. В табельные и высокаторжественные дни, как раз перед началом молебного пения, Иван Босый бегом выбегал из церкви, подымался на Лаврскую колокольню и там при каждом ударе в большой колокол начинал отбивать земные поклоны. Это продолжалось до тех пор, пока не начинался трезвон. Но едва только звонари, получив сигнал «многолетия», ударяли во все колокола, Иван Григорьевич, как ужаленный схватывался со своего места, подбегая то к одному, то к другому звонарю, начинал отнимать у них из рук привязанные к колоколам веревки. Получался недочет звуков, заметно расстраивавший общую гармонию колокольного звона. За такое буйное своеволие и непонятные выходки звонари собирались Ивана Григорьевича проучить, но, благодаря заступничеству одного инока, план этот не был приведен в исполнение.

О равнодушии Ивана Босого к роскоши и о всей его нестяжательности говорит такой случай. Один богатый купец привез ему из Москвы дубленый тулуп и дал «в подарок» горсть серебра. Чтобы не обидеть купца отказом, Иван Григорьевич тулуп примерял на себя, прошелся в нем кругом Великой церкви, но, когда сгустились сумерки и наступил вечер, отправился к зданию Лаврской канцелярии, разложил полученные деньги на мостовой в форме четырехконечного креста, а тулуп распростер на земле, сам же незаметно скрылся. Конечно, недолго пролежал тулуп под открытым небом. Тотчас нашлись любители даровой наживы и, натолкнувшись на эту лакомую приманку, подобрали «находку» в более приличное место.

Смеявшимся же над ним по этому поводу, юродивый говорил: «кто имеет золото как раба, у того не будет душенька ряба. Кому ж золото господин – пропадет тот без Бога один»...

Излюбленным занятием Ивана Григорьевича, в свободное от молитвы время, было кормление хлебом привезенных из монастырской экономии ручных журавлей, которые парочкою

расхаживали по Лаврскому двору. В поощрение их многолетней, при монастыре, жизни, Иван Босый даже смастерил для них маленькие монашеские клобучки которые с приличным наставлением навсегда возложил на их птичьи главы, приводя этим богомольцев в шутливое и восторженное настроение... В зимнюю же стужу, когда подымалась на дворе вьюга, и выпадал за ночь глубокий снег, Иван Григорьевич отправлялся чуть свет на Ближние пещеры и становился у входа их на «дежурство». – «Дежурство» это заключалось не в одной только усердной молитве, но состояло еще и в очистке площади от сугробов снега, в особенности же, самых ступенек пещерного входа. Расчищал же он, сидя, своими босыми ногами. Когда же наступала весна, и народу в Лавре собиралось помногу, Иван Григорьевич Босый, чтобы избавить от любопытства назойливых почитателей, – прятался по монастырским задворкам и сараям, предаваясь тайному молитвословию и только изредка показывался на свет Божий, чтобы раздобыть себе кусок хлеба или тайно прислужить кому-либо из старых иноков. Особенною любовью и состраданием пользовался у него некто, схимонах Лаврентий. Это был весьма глубокий старец, известный в то время строгостью своей жизни и даром прозрения⁴³. Отец Лаврентий жил первоначально в Крыму, в одном из Черноморских монастырей. Оттуда прибыл в Лавру, был определен вратарем экономических ворот и сразу повел строгую, суровую, аскетическую жизнь. Под старость Лаврентий ослеп, принял схиму и попросился в монастырскую богадельню на покой, но митрополит Киевский Филарет, в виду его примерной и назидательной для братии жизни, оставил Лаврентия доживать свой век в той же самой келлии на экономических воротах Лавры, в которой прожил он более 40 лет. Тяжело и неудобно было слепому старцу лично ухаживать за собой, и на помощь к нему приставили молодого послушника Луку.

Когда же этот Лука оставил старца, Иван Григорьевич и явился к нему тотчас по уходе Луки, и принялся ухаживать за старцем: кипятил ему воду, носил из трапезы обед и провожал слепца за руку в церковь. Но это продолжалось недолго: вскоре

старец Лаврентий скончался, а Иван Босый осиротел и принял за обычный подвиг юродства. Днем он ходил по святым местам Киева, принимая от людей побои и оскорбления, а ночью приходил на церковные паперти и предавался молитвам и богомыслию.

– Неужели вам легко и приятно, Иван Григорьевич, вести такую бесприютную мучительную жизнь? – с состраданием спрашивали его некоторые. А Иван Босый им отвечал:

– Золото огнем искушается, а человек напастями... Не все то Богу любезно, что человеку полезно... Одному мякишек, другому черствая корочка... Вон, у тебя сытое тело, – гляди чтобы душу твою не съело.

Но сострадательные друзья не унимались и, заходя еще далее, предлагали ему уйти в монастырь и постричься в монахи. На это Иван Босый насмешливо им возражал:

– Не место красит человека, а человек – место. Не монастырь спасает человека, а добрые дела, что творит он до конца своего века. Адам в раю жил, но согрешил, а Лот и в Содоме спасся... Иов на гноище от душевных ран излечился, а Саул и в роскошных чертогах вечного венца лишился... Не все в монастыре спасутся, не все и в миру погибнут...

За высокий подвиг терпения, смирения и любви Иван Босый был награжден от Бога прозорливостью и чудотворением, проявлявшимися видимо для всех.

Вот некоторые случаи проявления в юродивом этих благодатных даров.

Входит однажды Иван Босый в книжную лавку Лавры и блаженно улыбается.

– Чего вы усмехаетесь, Иван Григорьевич? – любезно спрашивает у него почитатель и друг книгопродавец о Иларион.

– Не скажу... Тебе не надобно того знать.

– Нет, уж вы скажите, – пристает Иларион.

– Не скажу... Много будешь знать, скоро состаришься. .

– Да ну, скажите же, Иван Григорьевич... Ради Бога скажите...

– Ну, коли ради Бога, – скажу: ходил я нынче по Дальним пещерам, вижу гробовой монах сидит и молитву про себя

шепчет... А за плечами у него такой светлый Ангел стоит, такой светлый, и описать нельзя... И тоже – вместе с монахом молитву читает... Вот, от того-то у меня и на душе радостно, что не перевелись ни Руси люди благостны...

Был в то время блюстителем Дальних пещер игумен Иннокентий. Образ жизни его был поистине постнический: несмотря на телесные слабости и болезни Иннокентий питался в течение дня одною только ложкою борща и каши. Такая высоко поучительная жизнь его вызывала в лице друзей высокое, заслуженное уважение, а в лице врагов – одну только злобу и ненависть. К сожалению, последних было более, чем первых, и игумен Иннокентий много потерпел от них.

Этот-то игумен Иннокентий сильно страдал головною болью. Припадки мигрени доходили до того, что он не в состоянии был не только участвовать в церковных богослужениях, но даже прохаживаться по комнате. Врачи уже не могли ему помочь. В один из таких мучительных дней, когда игумен в припадках болезненного состояния стонал на постели и лез, что называется, «на стену», – вбегает к нему в келлию Иван Босый и садится с ногами на диван. Иннокентий, увидев его, очень обрадовался и, чтобы отогреть дорогого гостя горячим чайком, приказал келейнику ставить самовар. Сели за стол, начинают пить чай: хозяин из чашки, а Иван Григорьевич, по своей привычке, из рюмочки. Гость сидит себе, да помалкивает, а отец Иннокентий все стонет да охает:

– Вот, – говорит, – Иван Григорьевич, горе какое. Все медицинские средства испробовал, с молитвою к Врачу Небесному прибегал, – нет облегчения... Мука такая, что упаси Бог и врагам...

– Умел кататься, умей и саночки возить... Умел, брат, грешить, умей теперь и каяться, – строго отвечал на это Иван Босый – Ну, да я, впрочем, и не лекарь, а давай голову твою посмотрю...

– Извольте, извольте, Иван Григорьевич, радостно говорит игумен Иннокентий, низко наклоняя перед ним свою голову. – Жары, вот, не чувствую, а внутри головы страшно ломит.

– Где ломит?

– Вот... Здесь...

– Тут?

– Ту...

Но игумен не закончил: Иван Григорьевич отодвинулся от него на полшага в сторону, да со всего размаха как стукнет Иннокентия головой в лоб, у того даже искры из глаз посыпались.

– Что это вы, Иван Григорьевич?!. Господь с вами!

– Ничего... ничего... Клин клином вышибай... – захохотал в ответ Иван Босый и поспешно скрылся за дверь.

Долго не мог прийти в себя больной, а когда очуствовался и попробовал голову руками, прошелся немного по комнате, боли уже не было. И понял тогда старец-игумен, что неспроста это Иван Босый так сильно его по голове лбом ударил. Ибо прошел день, месяц, год, и болезнь никогда более не возвращалась уже...

Слава о подвигах Ивана Григорьевича все росла и росла. Всякий наперерыв спешил, чтобы взглянуть на этого дивного человека. Всякий считал за особенное счастье, если, появившись в его квартире, Иван Григорьевич брал с собою на память какую-либо из домашних вещей. Даже приснопамятный святитель Киевский Филарет, услышав от людей о дивной жизни Ивана Босого, пожелал ближе познакомиться с ним, и вскоре приблизил его к себе.

В дни храмовых праздников и высокаторжественных дней в покоях Владыки митрополита устраивался парадный обед, на который съезжалось довольно значительное число военных и гражданских властей. По окончании в Лавре богослужения, гости эти собирались в зале митрополичьего дома и усаживались там за стол. При конце же обеда, в залу всегда вбегал Иван Григорьевич Босый и, подойдя к хозяину Владыке под благословение, чинно усаживался где-либо на краю стола. Нисколько не стесняясь присутствием высокопоставленных особ, Иван Григорьевич преспокойно начинал накладывать себе в тарелку все то, что стояло в остатках на столе, смешивая при этом воедино и кислое, и сладкое, и соленое, и горькое. Сам святитель Филарет всегда радовался присутствию такого

почтенного гостя, а знатные и высокопоставленные особы глядели на юродивого с большим уважением и даже некоторым страхом. При этом, никто даже и не подумывал побрезгать близким соседством с такой странной, смешной и грязной личностью, а наоборот – всякий спешил придвинуться к нему поближе, наперерыв стараясь услужить, кто чем мог: кто предлагал ему вилку, кто ложку, кто кусок хлеба, кто нож. Но Иван Григорьевич мало заботился о комфорте, и когда одна знатная дама, не находя на столе свободной чистой тарелки, предложила ему свою, Иван Босый учтиво заметил: «не надо, не надо, мать... Была бы корова, а подоинок найдем». И принялся доставать пальцами с блюда еду, преспокойно отправляя ее в свой рот и громко приговаривая: «и псы едят крохи, падающие со стола господ своих». С течением времени все настолько привыкли к этим посещениям Ивана Босого, что всякий считал это за самое обыкновенное явление, а наоборот, если он отсутствовал на обеде, то это считалось дурным предзнаменованием... «Участвуя» на обеде, Иван Григорьевич, по обыкновению, молчал, изредка вставляя в разговор свое двусмысленное замечание или отвечая на чей-либо вопрос.

Наступил декабрь 1852 года. Зима в том году была лютая, суровая, снежная. Владыка-митрополит, узнавши от людей, что Иван Григорьевич не имеет ровно никакого пристанища и проводит жизнь свою почти на открытом воздухе, сжалился над ним и приказал отвести ему келлию под митрополичьими покаями. Комната была отведена. Поставили в ней кровать, стулья, стол, умывальник и устроили там Ивана Босого с настоящим комфортом. Чтобы не оскорбить любвеобильного архипастыря своевольным отказом, Иван Григорьевич переночевал в новом помещении день, два, три, но, тяготясь такою, расслабляющею его закаленное невзгодами тело, роскошью и теплотой, задумал во что бы то ни стало поскорее избавиться от этого гостеприимного приюта. Для этого он придумал такое средство. В воскресный день разделся нагим и ходил около крестовой митрополичьей церкви, чем и произвел большое смущение.

Конечно, донесли об этом поступке митрополиту Филарету. Владыка был чем-то расстроен и, призывая Ивана Григорьевича на допрос, накинулся на юродивого со строгим укором.

– Ты что это, проказник, сегодня выдумал? Голеньким разделся? Бесстрашие показать захотел? Лавру осрамил? Людей напугал? А?.. Я тебя, как человека Божия пригрел, а ты мою седую голову на посрамление отдаешь. Ну, что скажешь, глупенький мой, что?

– Да что скажу?.. Идет беда, обороняйся... Пришла беда смиряться... За худую привычку и умного дураком называют...

– Эк рассудил: «смиряться» ... Да что мне со смирения твоего, проказник ты мой? Ведь сраму ты этим не смоешь? А? не смоешь?..

– Сраму-то мало, а науки было много... *И мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию пребывает вовек (1Ин.2:17)*. Кошку что больше гладишь, то больше она хвост дерет.

– А вот, чтобы она много-то не драла, – ты мне комнату при покоях освободи, не то, миленький мой, ты мне и не такую еще каверзу выкинешь, вот что!..

Ивану Босому только того и надобно было. Перекрестившись, пошел себе по снегу и морозу на дворе разгуливать

Киевские купцы, увидав Ивана Григорьевича снова бесприютным, стали предлагать ему перейти к ним на постоянное жительство. Но Иван Босый решительно отклонил их любезное предложение, так как знал, что некоторые предлагали это из фарисейского тщеславия, а другие – чтобы изведать его непостижимую жизнь. Вскоре после этого, он почувствовал в себе упадок телесных сил и крайнее недомогание, и, когда один из искренних друзей и почитателей его, упомянутый выше книгопродавец о. Иларион, заметил резкую перемену в его здоровье, предложил Босому теплый угол, – Иван Григорьевич охотно согласился на это. Он давно уже видел искреннюю любовь и преданность своего неизменного друга и не мог отказать в его настойчивой просьбе, ибо «истинный друг познается только в несчастье». По переходе на временное жительство к о. Илариону, эти два подвижника

настолько сблизилась между собой, что жили как настоящие «братья о Христе» и во всех беседах своих с о. Иларионом Иван Григорьевич никогда не позволял себе выражаться многозначительными притчами, а всегда вел свою речь понятными для каждого словами, показывающими как его высокую начитанность, так и глубокий ум.

Через несколько недель Иван Григорьевич, почувствовав себя достаточно бодрым, снова стал скитаться по городу, изредка только забегая к о. Илариону, и приводя таким отсутствием своего благодетеля в невыразимую скорбь.

На уговор друга ослабить подвиг, он говорил: «некогда, некогда, брат... Хочешь есть на небе калачи – не сиди без дела на печи... Сам знаешь: – шесть дней делай и сотвори в них вся дела твоя, день же седьмой – Господу Богу твоему».

Друг устраивал ему скромную трапезу, но блаженный мало ее касался и после таких «обедов», обыкновенно, молился Богу, усаживался с ногами на диван и начинал читать книгу. И чтение слова Божьего глубоко ложилось в сердце блаженного, и отражалось на его беседах.

Раз, один инок и говорит о. Илариону при блаженном: «тяжело в нужде человеку скитаться, несчастье с горем переносить».

А Иван Босый как вскочит, да прямо к тому.

– Худой, безнравственный и слабосердный человек никогда не может вкушать истинного счастья. Но человек разумный, добрый и с крепким сердцем не может быть убит лишением и нуждою. Он прямо смотрит ей в глаза и, скрепя сердце, и не робея, выступает с несчастьями в борьбу...

– Так-то так, – говорит тот, – да где же крепости сердечной набраться?..

А Иван Григорьевич и подносит им раскрытое Евангелие, и показывает на слова.

Жаждай, да грядет ко Мне и да пьет.

Вскоре о. Иларион, по настоянию и совету Ивана Босого, принял схиму и, стремясь к тишине и уединению, был переведен из Лавры в лаврскую Китаевскую пустынь. Постоянно размышляя здесь о смерти и вечном покое, он

приготовил для себя в кладбищенском саду могильный склеп и обложил его кирпичом. Но, не желая и по смерти расставаться со своим другом, разделил этот склеп на две равные части и одну из них предназначил Ивану Босому, а другую – себе. И Иван Босый скончался первым.

В 1855 году Иван Босый с каждым днем стал изнемогать и ослабевать физически. По всему видно было, что земная храмина его перестает служить и близится к разрушению. Однако, несмотря на свою слабость и истощение телесных сил, Иван Босый беспощадно томил свою плоть, изнуряя ее постом и молитвою, и подвергая испытаниям и пыткам. Раз, пошли они с о. Иларионом на берег Днепра, уселись там на бугорке и беседуют. Вдруг на траве около них показалось что-то алое, красное. Взглянул о. Иларион вниз и видит: ноги у Ивана Босого все в язвах, струпьях да в крови.

– Боже мой! где это ты накололся, сердечный?

– Мало ли кузнецы гвоздей наковали...

– Ах, жалость моя... Пойдем скорее домой, я тебе тряпочкою раны перевяжу...

– Не надо... Оставь... Спаситель не такими ранами на кресте Свои ноженьки за нас, грешных, пронзил...

– Да крови-то, крови сколько!.. Гляди, – так и течет...

– И кровь пройдет, и мученье пройдет... А, вот, вечное мученье, – тому и конца во веки не будет...

Незадолго до своей смерти Иван Босый пришел к своему другу и открыл о приближении скорой кончины, но часа и дня своего отшествия к Богу сообщить не захотел, а только убеждал его усиленно заботиться о своей душе, указывая на те способы и дела, коими особенно привлекается милость Божия. В эти предсмертные дни своей жизни он ежедневно ходил по пещерам и усердно молился Богу.

В конце мая Иван Босый заболел. Вскоре весть о болезни Ивана Босого разнеслась повсюду, и народ целыми толпами повалил к нему в келлию, чтобы его проведать. Иван Григорьевич слабел с каждым часом и непрерывно таял, как свеча. Глубокие язвы и раны его тела не давали ему покоя и причиняли нестерпимые мучения. Так продолжалось до 5 июня.

В этот день болящий Иван был соборован и приобщался Св. Христовых Таин. Почувствовав себя хорошо, он спокойно беседовал с приходящими к нему людьми, а 7 июня 1855 года, в 7 часу вечера Иван Григорьевич Босый тихо и мирно почил о Господе... Тело его, отпетое с подобающею честью и сопровождаемое многочисленной толпой народа, было погребено в саду Китаевской пустыни, в том же самом склепе, который был воздвигнут для него другом его иеросхимонахом Иларионом, который по смерти и был погребен тут же⁴⁴.

Молчальник Пахомий Валдайский

(Память 29 августа).

Монах Пахомий, в мире Петр, родился в 1809 году, (в Новгородской губернии, в Боровичском уезде) в приходе Рютине, в деревне Львова, принадлежавшей тогда помещику Александру Ивановичу Веригину. Родители его, отец – Тарасий, мать – Домника, были крепостными этого помещика, платили ему оброк и занимались земледелием. Кроме Петра, имели они еще сыновей Василия, Стефана и Иоанна, и дочь, бывшую в замужестве в г. Валдае. Петр смолоду отличался тихостью и кротостью нрава, был очень застенчив и трудолюбив, любил бывать в церкви при богослужении и удалялся гульбищ и веселостей сельской молодежи. Помогая родителям своим в трудах их земледельческих, Петр на 15 году своей жизни, в один летний день пошел на сенокос косить траву, умедлил там, целые сутки не приходил домой, чем возбудил недоумение в своих родителях, не знавших, чем объяснить себе его отсутствие. На другой день к вечеру пришел он, наконец, в дом родительский задумчивый и молчаливый, и, когда родители его стали спрашивать, где он так долго был и что делал, он рассказал им некоторое видение⁴⁵ и притом, сообщил им, что оно так его поразило, что он без чувств лежал потом целый день и целую ночь на месте бывшего ему видения, и только к полудню другого дня пришел в себя, несколько почувствовался и, чувствуя сильную слабость и трясение во всех своих членах, не без труда дошел с сенокоса домой. Действительно, он стал неузнаваем после этого события: имел вид больного человека: то бледнел, то краснел, по временам дрожал всем телом и перестал вовсе говорить с своими домашними. Начал объясняться с ними при нужде знаками, показывая руками, что ему нужно было объяснить. Сперва родители очень огорчились подобным болезненным состоянием своего сына, пробовали его лечить сельскими средствами от мнимой порчи, возили по знахарям и лекарям, но без всякой пользы. Петр упорно молчал, и вскоре все убедились, что он онемел. Так, немым и

стал он слыть в своем селе. К тому же, после бывшего ему видения на сенокосе совершенно здоровым никогда уже не был, постоянно был болезненным. При этом, стал он усиленно поститься и молиться: ночью порою, когда вся семья покоилась сном, он клал земные поклоны, плакал и рыдал, чем иногда будил свою мать, старавшуюся тогда успокоить своего мнимо-порченого сына. 17 лет прожил в подобном состоянии болящий Петр в доме своих родителей, иногда хаживал в окрестные монастыри, преимущественно же – в Иверский Валдайский монастырь. Очень ему нравились местоположение и чин богослужения в этой обители, и он три раза просился туда в число братства, но, как немощного и болезненного, его все не принимали, что очень его огорчало. Наконец, в 1842 году, по усиленной просьбе, был он принят в число братства Иверского монастыря настоятелем архимандритом Иннокентием и назначен на черное послушание – работать в кухне монастырской, причем, монастырь выплачивал за него оброк его помещику. Расставшись навсегда с родным поселком и домом родителей своих, Петр не обнаруживал особого сожаления об этом; напротив, всеми помыслами души своей стремился поскорее окончательно водвориться в св. обители, где все его радовало и пленяло. Самое послушание, которое ему назначил настоятель, несмотря на всю трудность его и неприглядность, принято было им с радостью. Три года трудился он в кухне монастырской, рубил дрова, носил воду, готовил пищу, чистил и перемывал посуду, и трудился всегда безропотно, с веселым, улыбающимся лицом. Не было случая, чтобы он чем огорчился или на кого гневался, – молча исполнял свое послушание, всем старался услужить и угодить. При трудном своем послушании, неопустительно ходил в церковь ко всем службам, которые выстаивал все до конца, стоял неподвижно на своем месте, поникнув главою к земле, с углубленным в себя взором. После трехлетнего послушания по кухне монастырской, Петру было поручено послушание хлебного, не менее трудное. Он пек хлеба и булки на всю братию, и целых 15 лет трудился неустойчиво в этом послушании. Здесь потерял он остаток своего здоровья, – у

него открылось болезненное трясение рук и ног, которым потом и страдал он во всю свою жизнь.

18 февраля 1852 г. Петр определен в число указных послушников Иверского монастыря, и привлек на себя внимание архимандрита Лаврентия, когда этот последний был назначен настоятелем Иверского монастыря. Архимандрит Лаврентий высоко оценил его духовный подвиг и позаботился дать молчальнику другое послушание, более подходящее к его душевному устроению.

Он взял его из хлебни и назначил кружечным при чудотворной иконе Иверской Богоматери, что давало ему возможность большую часть времени проводить в храме Божиим, при чудотворной иконе Царицы Небесной, к Которой обращался он всегда с трогательным, почти детским благоговением. Но так как эта чудотворная икона почти половину года шествует в крестных ходах по разным городам и селам Новгородской и Тверской губерний, сопровождать которую приходилось в качестве кружечного и молчальнику Петру, что, видимо, его тяготило и смущало, а также очень вредно влияло на его и без того расстроенное здоровье, то архимандрит Лаврентий пожалел его, и на место его назначил другого кружечного, ему же благословил стоять гробовым у раки мощей св. праведного Иакова, Боровичского чудотворца, отпирать раку его для прикладывания к св. мощам богомольцев, и вообще, наблюдать порядок и чистоту при этой святыне. С великим благоговением принял молчальник это святое послушание и нес его неустомимо до конца своих дней. В 1865 году архимандрит Лаврентий постриг мнимо-немого Петра в мантию, причем, нарек ему имя Пахомий. С ним вместе постриг он в мантию духовного друга его и спостника-слепца, который получил имя Филофея и до самой смерти о. Пахомия состоял с ним в самой тесной, о Господе, дружбе. С тех пор монах Пахомий стал всегдашним стражем мощей св. праведного Иакова, был именно ангелом-утешителем для множества приходящих на поклонение сим св. мощам богомольцев, всех любвеобильно выслушивал, всех по возможности удовлетворял, ко всем являл ласку и привет, за что и

пользовался всеобщим уважением и любовью. Нужно было видеть, с каким терпением и постоянством выстаивал О. Пахомий, во дни особых стечений богомольцев, среди толпы их, у раки мощей св. праведного Иакова, утесняемый со всех сторон народом, и с какою любовью с ними обходился. «Это гости Царицы Небесной и св. Иакова», говаривал ему архимандрит Лаврентий, не любивший, когда при многолюдстве старались останавливать усиленный прилив толпы к раке св. мощей. О. Пахомий тоже этого не любил и всегда старался всем дать свободный доступ к св. мощам. Неутомимо стоял он на гробовой страже у св. мощей праведника, и с лишком 30 лет провел в этом святом послушании, причем никогда не тяготился им, не пороптал, напротив, считал себя всегда особенно счастливым, что сподобился такой близости к св. мощам угодника Божия Иакова, к которому питал великую веру и благоговение.

Как светильник благодатный, сиял он на своей страже молитвенной у мощей Боровичского чудотворца, высокий ростом, худой телом, с иссохшим обликом кроткого лица, на котором сияли особенно благодатным выражением черные пронизательные глаза, с длинными власами и бородою, он напоминал древних преподобных, как их изображают на иконах. Келейную жизнь проводил он очень строгую и воздержную, никакой поблажки телу своему не допускал, в баню никогда не ходил, почивал на жестком и узком ложе, покрытом по голым доскам очень жидким войлоком, пищу вкушал всегда в трапезе монастырской, наравне со всею братией, но вкушал ее очень умеренно и всего более слушал внимательно чтение трапезное, причем иногда так заслушивался, что совсем забывал о пище, полагал ложку на стол, а сам все слушал. Неграмотный, имел он особую любовь к слышанию всякого чтения божественного и никогда не пропускал случая чтением сим напитывать во спасение свою душу. Отличался особою любовью и состраданием к больным, умирающим и усопшим: услышит, бывало, что кто-либо из братии Иверской болен, спешит в келлию его, прислуживает больному, приносит ему пищу и питье, ставит самовар и продолжает это, пока больной

поправится. А, если приближался больной к смерти, то молчальник усугублял свои попечения о нем, услаждал ему своими молитвами предсмертные минуты, сам закрывал умершему глаза, омывал и опрятывал его мертвое тело. Все так и знали, что, если о. Пахомий заходит в келлию иного больного, то, видно, тому плохо, видно, уже ему не встать, и так почти всегда бывало. Омывать и опрятывать покойников было любимым подвигом молчальника: тут он привычною рукою распоряжался и все устраивал благолепно, по чину иноческому. Не любил молчальник стяжания: все, что получал из кружки монастырской, по большей части, раздавал то братии, то сродникам своим, то нищим. Все считали молчальника за немногого, и это, видимо, ему нравилось: он объяснялся при надобности знаками, – движением рук. Но знаки его мало кто верно понимал, чем молчальник отнюдь не оскорблялся и не смущался, а только кротко улыбнется, покачает головою и отойдет в сторону. Дар слова он употреблял только при исповеди. Духовник его иеромонах Дионисий свидетельствовал, что он всегда говорил с ним при исповеди тихо и ясно, причем никакой неправильности в произношении слов у него не замечалось. Вообще, старец всегда старался утаивать пред ближними своими дары духовные, которыми видимо стал он процветать за свою святую подвижническую жизнь. Иеромонахи Феодосий, Лаврентий, Серафим, иеродиакон Варсонофий, слепец монах Филофей, – вот те немногие личности, пред которыми он не таился, и пред которыми иногда проявлял высокие благодатные состояния своей души. Не любил о. Пахомий, если кто при нем судил и осуждал ближних. Даже чай очень редко и мало пил. Если кто из благодетелей пришлет ему булок или калачей, сейчас поспешит раздать их братии, себе ничего не оставляя. Ночью очень мало спал, полагал многие поклоны в ночной тишине, что замечали соседи его по келлии. – Из монастыря никуда не выходил, только раз в день пойдет с ведром почерпнуть себе воды, а, если захочет погулять на воздухе, то походит по двору монастырскому, после чего присядет на лавочку у братского корпуса. Кроме болезненного трясения в руках и ногах, имел он от постоянного стояния грыжу,

от которой по временам сильно страдал; кроме того, у него почти постоянно болели зубы. Несмотря, однако, на таковую свою болезненность, он совершенно не берегся и не лечился: бывало, зимою в холодном подряснике выстаивает в холодном соборе у мощей св. праведного Иакова не один молебен, а несколько, совсем застынет, так что, придя в трапезу на обед, не сможет заочневшею рукою взяться за ложку, чтобы покушать горячих щей, положит ее, и, не пообедав, пойдет в свою келлию отогревать на лежанке свои заочневшие от холода руки и ноги. Особенно любил он иеродиакона Варсонофия, который хаживал к нему в келлию. При встрече с ним старец-молчальник имел обычай братски целовать его; но, когда этого не делал, то было это признаком того, что Варсонофий чем-либо согрешил или в чем провинился. Выделяясь из числа Иверской братии своим подвижничеством, о. Пахомий пользовался уважением и любовью Иверских настоятелей, архимандритов Лаврентия и Вениамина, которые сами проходили жизнь подвижническую и сочувствовали его духовному настроению. Он дожил свой век и скончался простым монатейным монахом. В течение 20-ти лет он жил в одной келлии в верхнем этаже братского корпуса, но по распоряжению монастырского начальства под конец жизни своей был перемещен в другую келлию, находившуюся в нижнем этаже, низменную и сырую, которая очень вредно повлияла на его и без того слабое здоровье. Трудно было старцу-молчальнику жить в этой келлии; но он все терпел, редко, когда жаловался близкой к нему Иверской братии на ее неудобство, а только видимо слабел и дряхлел. С наступлением 1886 года, о. Пахомий стал некоторым из друзей своих духовных прикровенно предрекать, что этот год будет последним в его жизни. Все складывал руки на груди, по примеру покойников, указывал на небо, а потом на землю, давая понять, что скоро душа его оставит сей мир, а тело опущено будет в землю.

В начале 1886 года впервые был напечатан акафист св. праведному Иакову, Боровичскому чудотворцу, еще во дни настоятельства в Иверском монастыре архимандрита

Вениамина. По напечатании этого акафиста положено в Иверском монастыре соборно совершать его еженедельно по вторникам пред ракой мощей св. праведного Иакова. О. Пахомий с великим утешением отнесся к этому молитвенному чествованию и прославлению многочтимого им угодника Божия. Когда акафист читался у раки мощей св. праведного Иакова, старец-молчальник с радостным выражением лица всегда его выслушивал, показывая нередко потом братии рукою, как он рад, что, наконец, и св. Иаков имеет акафист, в честь его составленный, как и прочие великие чудотворцы земли Русской. В августе 1886 года о. Пахомий стал видимо ослабевать в силах телесных и очень изменился. Близкие к нему лица из братии Иверской желали снять с него фотографическую карточку, но старец решительно от этого отказался, замахал рукою и начал плевать, что означало у него крайнюю степень неудовольствия. Впрочем, еще во дни настоятельства в Иверском монастыре о. архимандрита Вениамина, была с него снята фотография тайно от него, которая одна теперь и сохранилась у его почитателей.

16 августа, после божественной литургии, когда чудотворная икона Иверской Богоматери была вынесена из собора настоятелем обители для поставления ее в дорожный киот, в котором имела она затем отправиться в крестный ход, о. Пахомий на пути припал к чудотворной иконе, прильнул устами к ручке Богоматери на иконе, и долго ее лобызал, как бы не мог от нее оторваться, что несколько задержало крестный ход и было замечено многими. Это было последнее прощание старца-молчальника с благодатною святынею – чудотворною иконою Богоматери, к которой всегда он особенно благоговел. 20 августа о. Пахомий так ослабел, что не мог уже идти в церковь на обычную свою гробовую службу при раке мощей св. праведного Иакова. Он слег на свою койку и безмолвно лежал. Его поспешили напутствовать Св. Тайнами и совершили над ним таинство св. елеосвящения. Принимать пищу после причащения Св. Таин он решительно отказался и только несколько глотков воды или чаю выпивал в день и так пребывал до самой своей кончины; лежал все на спине, с лицом светлым и радостным, все шептал что-то устами и молился Богу,

обращая молитвенные свои взоры на св. иконы. О. Филофей, сам подвижник и молитвенник, с любовью сослужил последнюю службу своему другу и брату о Господе, ходил за ним тщательно. 28 августа вечером, о. Филофей, идя ко всенощной на праздник Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, зашел в келлию о. Пахомия и застал его, стоявшим на коленях у изголовья своей койки, над которой висела св. икона. Придерживаясь руками за края койки, старец коленопреклоненно молился. О. Филофей, оставив его молиться, сам пошел в церковь. Выстояв всенощное бдение, он опять подошел к двери келлии старца, приложил к ней ухо и стал слушать. Старец тихо плакал навзрыд и глубоко вздыхал. Филофей подумал, что это он молится, и не стал его тревожить своим приходом. 29 августа, на самый праздник Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, в 5-м часу утра, о. Филофей стал собираться к ранней обедне и опять зашел к старцу. Ощупывая его по слепоте своей по келлии, он нашел его стоявшим на коленях у изголовья койки неподвижным и холодным, с четками в руках. Когда собралась братия, все увидели, что лицо почившего было оживлено еще молитвою, и, казалось, точно созерцает он некое светлое небесное видение, ибо приятной улыбкой запечатлелись его мертвые уста, а глаза благолепно были закрыты, и вообще, все лицо имело выражение неземного покоя. В 6 часов утра большой колокол Иверской обители возвестил всей братии о блаженной кончине старца-молчальника, столько лет всех назидавшего своим преподобным, подвижническим житием. Несмотря на жаркую летнюю погоду, тесноту келлии и многочисленную толпу, ее наполнявшую, чтобы поклониться останкам святопочившего старца, тело его пребывало нетленным, не издавало ни малейшего запаха и даже не изменилось видом. Чистый и светлый лежал старец, наружною чистотою своего тела всем ясно свидетельствуя, что праведная душа его чистою и светлою предстала пред лице Божие. Тело старца, перенесенное в собор Иверской обители и там отпетое собором священноиноков Иверского монастыря, 2 сентября, 1886 года, было предано земле в могиле, ископанной за алтарем собора, рядом с

могилою другого именитого подвижника Иверского монастыря, пустынножителя иеросхимонаха Амфилохия⁴⁶.

Архимандрит Макарий и его сподвижники

(Память 29 августа).

Устное предание относит основание Малоярославецкого Николаевского монастыря к XIV столетию, приписывая его удельным князьям Оболенским, отчизна которых г. Оболенск (ныне село Оболенское Тарусского уезда) находится в 30 верстах от Малоярославца.

Пришедший в упадок монастырь был возобновлен, когда игумен Мануил в начале 1765 года был перемещен в настоятели Тихоновой пустыни, а место его занял в Николаевском Черноостровском монастыре иеромонах Макарий, духовник Крутицкого архиерейского дома; он управлял сею обителью до самого ее упразднения в 1775 году.

Преосвященный Евлампий, муж просвещенный и благочестивый, узнавши о единодушном выборе о. Макария, немедленно утвердил этот выбор, и 1 ноября 1809 г. с ним перешли в Малоярославецкий монастырь 1 иеромонах, 2 монаха и 4 послушника.

О. Макарий с грустью оставил Оптину обитель и много скорбел о прежней тихой и безмятежной жизни, ясно сознавая всю трудность многозаботливой обязанности настоятеля, в сравнении с жизнью простого инока, но, памятуя отеческое изречение: «послушание паче поста и молитвы» и свой обет, повиновался воле архипастыря беспрекословно. Грусть его увеличилась еще более, когда он, войдя в порученную ему обитель, взглянул на церковь, от времени и скудости средств обветшавшую, на утварь и ризницу, оставленные без внимательного присмотра, на полуразвалившуюся колокольню, стоявшую на утесе у большой дороги в Москву. Две небольшие кирпичные башни, соединенные бревенчатым тыном, сторожили северную сторону монастыря (обращенную к Спасской слободе), окруженного, с одной стороны, глубокой водяной пропастью, с другой – рвами и оврагами, из которых сумрачно и важно высились темные вязы, осеняя этот точно Черноостровской, по тогдашнему своему унылому виду,

монастырь. Но о. Макарий, как избранник Божий, не упал духом: возложив упование на сказанное в Св. Писании *«утешит тя нарекий тя»* (Вар.4:30), он ревностно, но не самонадеянно занялся устройством обители и тем оправдал вполне надежды архипастыря, братии и малоярославецких граждан.

И тогда, как оба его предшественника не успели, или не умели сойтись с местным благодетелем Т. А. Целибеевым, он ласкою и любовью в короткое время успел снискать полное его доверие с очевидной выгодой для обители и без всякого ущерба для своей настоятельской власти. При этом условии дело возобновления обители пошло, если и не так скоро, но зато безостановочно и успешно. Т. А. Целибеев, видя усердие и хозяйственные способности нового настоятеля, тотчас же пожертвовал ему 2000 р.

О. Макарий, посоветовавшись с другом своим Т. А. Целибеевым и братией, решился приступить к построению нового храма, а, чтобы не остановилось в обители богослужение, пристроил к старому с левой стороны особую церковку в виде придела во имя великомученицы Параскевы, нарицаемой Пятницы, после чего приготовил план и фасад новой церкви, представил его в 1811 году на утверждение преосвященного Евлампия и вместе с утверждением их получил книгу на сбор денег *«для лучшего в сем деле успеха»*.

Весна грозного 1812 года застала мирную Малоярославецкую обитель и ее деятельного настоятеля почти врасплох: внутренность тесного монастырского двора была загромождена строительными материалами, и небольшое братство сверх отправления ежедневного богослужения, следуя примеру своего неутомимого начальника, помогало наемным рабочим в планировке местности, срытии косогоров, засыпке рвов, готовя место для закладки нового двухэтажного храма обители. Все это потребовало много времени и усилий и в течение лета едва успели положить бут и вывести фундамент, как грозные вести, быстро следуя одна за другой, начали доходить до жителей мирного городка: Бородинское сражение 26 августа, занятие Москвы и, наконец, 7 октября выступление главных сил из Москвы по старой Калужской дороге в Калугу,

куда путь лежал прямо через Малоярославец. Но, не доходя до городка, Наполеон вдруг с старой Калужской дороги повернул на новую и 10 октября утром явился перед Боровском. Город был совершенно беззащитен. Жители, застигнутые врасплох, бросали дома, имущества и, спасая жизнь и честь, спешили укрыться кто в окрестных лесах, а кто бежал по большой дороге к Малоярославцу, отстоящему от Боровска в 23 верстах.

Того же 10 октября в пятом часу пополудни приблизились к Малоярославцу передовые отряды французской пехоты, состоявшие из гренадер 13-й дивизии генерала Дельзона, готовясь без выстрела овладеть беззащитным городом и приготовить в нем квартиру своему императору.

Но Царь царей и Господь господей судил иначе...

Чтоб попасть в Малоярославец, неминуемо надо было пройти деревянный мост на реке Луже и пуститься меж утесистых гор. На крутой утесистой горе пролежала тогда изрытая, узкая дорога, трудная для въезда повозок и вовсе неудобная для артиллерии; такая же крутая, узкая, изрытая дождем дорога лежала мимо стен Черноостровской обители утесистым, земляным отвесным валом, называемым Городищем. Трудный этот путь, огибая белые монастырские стены и небольшие круглые четырехугольные башни, основанные на самом обрыве, выводил путников на площадь к святым воротам обители, на которых изображен лик Христа Спасителя, и от святых ворот монастыря прямо в город, на соборную площадь, к лавкам и присутственным местам, где до 10 раз сражающиеся схватывались меряться силами; где целые сутки кипела кровавая упорная битва; где целые сутки не переставала резня, не затихали выстрелы и где остались одни только трупы, но не было победителей и побежденных.

По одну сторону площади красуется пятиглавый собор, во имя святого Георгия, а по другой – часовня (ныне церковь) в честь Успения Пресвятой Богородицы; от площади прямо длинная улица вытягивается к Калужской заставе на дорогу в Калугу и Медынь. Напротив монастыря, у самого въезда в город между дорогой и речкой Лужей, возвышается замечательный, по своей величине, с площадью, утесистый курган, который со

стороны дороги, по своему правильному отвесному положению, решительно недоступен. От реки гребень утеса опоясан возвышением, вроде бруствера, приспособленного к трудной обороне; от поверхности же гладко отрезанной площади, земляной вал понижается двумя сторонами к реке, но, не совпадая с берегами, оканчивается обрубом у самой воды. Народ, по преданию, называет это курганное возвышение Городищем.

О. Макарий, хотя еще 6-го числа получил указ из Калуги о приближении неприятеля и успел отправить ценные вещи и ризницу вместе с другими монастырями Калужской епархии в Орел, но, не полагая, чтобы ожидаемое нашествие последовало так быстро и внезапно, поехал в Калугу, явиться к архипастырю и узнать лично, в чем дело и куда спастись с братией, в случае опасности.

В то самое время, как на обратном пути на одной лошадке он приближался к родному городу и обители, погруженный в молитвенную думу о грядущих для них опасностях, братия его обители, предупрежденная городничим, зарыв наскоро, что могли, в землю из монастырских вещей, собрав свое бедное имущество и уложив его на две подводы, помолившись у св. врат пред ликом Христа Спасителя, со слезами оставили свой мирный приют. Они направились по дороге в Калугу, захватив с собою домашний скот (коров), и уже в темноте, неподалеку от Малоярославца, они столкнулись нечаянно со своим настоятелем, и со скорбью поведали ему о случившемся. С грустью, но с покорностью пред неисповедимыми судьбами Промысла Божия о. Макарий выслушал печальное известие и, помолясь в ту сторону, где осталась его опустевшая обитель, отправился вместе с братией обратно.

Нигде по улицам города не раздавались военные клики, ни одного грозного орудия, ни одного знамени, призывавшего к защите, не развивалось над штыками, не бросалось в очи неприятелю, и все уверяло Дельзона, что он без малейшего сопротивления, пройдя Боровск, займет также и Малоярославец. Его усаые и усталые воины были уже на пути к мосту... Три сотни смелых донцов из отряда генерала

Иловайского во всю дорогу перестреливались с неприятелем, кто бросался на мост, а кто вплавь по Луже, и врассыпную начали подниматься и карабкаться со своими длинными пиками, в мохнатых шапках, на сухопарых лошадях через горы в город. И вдруг сквозь затлевшую солому, наваленную под мостом, из черного дыма взвилось пламя, обхватило мост, и твердые сваи и спаи подгорели, бревенчатые основы, соединяющие оба берега рухнули, и изумленные воины остановились с досадою, опустив ружья к ноге и недоверчиво – одни из них молча, другие с громкой бранью поглядывая друг на друга, от нечего делать становили ружья в козлы, а казаки вскочили в город, из которого кто только мог бежал, и вместе с их появлением в нескольких местах, там и сям разостлался густым облаком по соломенным крышам дым, блеснул огонь, и к вечеру вся местность осветилась пожарным пламенем. Иноки творили молитвы и, в сокрушении сердца глядя на небо, все еще медлили оставить обитель. Трудно было расстаться с тем, что дорого сердцу, в чем одна светлая надежда души, весь приют и отрада жизни.

Начальник французского авангарда, не считая уничтожение моста за большую защиту города, а еще менее остановку движения войск, велел наводить понтонные мосты, и понтонные роты быстро в двух местах начали показывать свое проворство – раскидывать плавучие мосты, настилать дорогу, и французы уже готовы занять город.

Но случилось иначе: геройская мысль явилась у одного из обывателей Малоярославца – задержать победу наступавших французов. Секретарь уездного суда Савва Иванович Беляев, спускаясь с крутой горы к мельнице, бегом пробравшись к мельнице на плотину, отдернул прежде одну заставку, потом другую, вода хлынула, – подоспели другие... смельчакам понравился замысел Беляева: дружно принялись разорять плотину, и на 7 верст удерживаемая вода запрудом, со свистом, с шумом и пеною вырвавшись из-за твердого оплота, разнесла его свинцовой kloкочущей своей силой, выхлынула из берегов и, разлившись по лугу, наводнила местность. Разорванные понтоны всплыли и поплыли врозь к берегам, а некоторые

оторванные силою воды понесли по течению... Французы изумились. И в досаде на неудачу повернули свои колонны, и пошли ночевать к деревне Гродне за 16 верст, другие, расположившись становищем, разложили огонь... Смелый, дальновидный виновник неприятельского отступления, иноки и оставшиеся жители, видя удаляющихся воинов, крестились и спешили воспользоваться временем, что можно спасти и спастись по Калужской дороге.

Приснопамятное Малоярославецкое сражение 12 октября началось с нашей стороны в 4 часа утра, посылкою в город двух Егерских полков, с целью осмотреть позицию, занимаемую неприятелем и, если можно, вытеснить его из города, что и было исполнено буквально. Сражение продолжалось 18 часов сряду с раннего утра до поздней ночи, с переменным счастьем и равным мужеством; с каждой стороны было введено в бой до 24,000 человек; потери каждой убитыми и ранеными простиралась до 6,000 человек. В числе пропавших без вести были многие, погибшие в пожаре Малоярославца, пленных же было очень мало, потому что с обеих сторон сражались с необыкновенным ожесточением и не давали пощады.

Город, служивший местом побоища, представлял картину полного разрушения. Из 200 домов уцелело лишь 20. Церкви были сожжены и ограблены; на одной из них была надпись, означавшая, что она служила конюшней генерала Гельемино.

Никольский монастырь также потерпел значительно: церковь ограблена, деревянное строение выжжено; особенно же пострадали каменные въездные ворота, на фронте которых незадолго до неприятельского нашествия был изображен по извести лик Спасителя (Нерукотворенный образ). По рассказу старца (иеромонаха Сергия) образ этот написан на св. вратах незадолго до Малоярославецкого сражения, когда неприятель уже вступил в пределы России. «Не пишите, говорили некоторые из горожан трудившемуся над этим делом живописцу (с сыном); враг наругается над св. образом». – «Нет, отвечал верующий иконописец, скорее, Он поругается врагу», что и сбылось вскоре. Все вокруг образа изъязвлено картечными и

ружейными пулями, но ни одна из них не коснулась Божественного Лица.

Завязался упорный бой. 19-й Егерский полк, впереди которого шел его полковой священник Васильковский, с Животворящим крестом в руках, вытеснил неприятеля из середины города к самому монастырю; обе стороны долго оспаривали небольшую площадь перед его св. вратами.

Генерал Дельзон, видя, что войска его, теснимые нашими, спускаются к мосту, кинулся вперед, чтобы ободрить их, и в то самое время, когда защищал упорно дефиле, ведущее к реке между монастырем и городищем, был смертельно поражен пулею в голову; вместе с ним погиб родной брат его, бросившийся к нему на помощь. Потеря вождя еще более смешала французов: не удержась на горе, они стеснились у монастырских ворот, ища укрыться за оградой; наши егеря ворвались туда же вслед за ними и штыками, и грудью сбрасывали неприятеля в ров. В этой-то ужасной свалке сотни выстрелов напечатлелись на св. вратах вокруг св. лица Христа Спасителя. Пятсот пудов свинцовых пуль собрали и продали после боя бесприютные Малоярославецкие граждане, а сколько эти пули стоили жизней. И в эту зиму, как рассказывают старожилы, ружейными ложами отапливали печи своих новых жилищ. В отсутствие из разоренной обители ее настоятеля и братии искатели добычи успели вынуть и из монастырской ограды три ядра и около сотни пуль, которые о. Макарий усердно желал сохранить на память события неприкосновенными.

16 октября о. Макарий, узнав, что обитель, им устроенная, разорена, сожжена и разграблена, оставив Калугу, в лаптях и рясе, в сопровождении одного послушника, спешил в Малоярославец на новый подвиг забот и труда. Все улицы города представляли груды пепла и развалин. Несгоревшие строения дымились еще в пожарных остатках. На высоте Никольской слободы и по высотам Спасской, у развалин церкви Спаса Преображения пылали и курились огромные костры неприятельских тел. Окрестность, окровавленная площадь, улицы, – все было устлано мертвыми телами и лошадиными

трусами. Ужасно было взглянуть в монастырский ров, заваленный людьми и лошадьми! Кое-где местами из расщелин выходили слабые стоны и восклицания раненых и умирающих. Болезненные вздохи терзали сердце, но вытаскивать и облегчать страдание раненых скорою помощью было невозможно. Впрочем, несколько из раненых были вытащены еще живыми. Остальных умерших надо было жечь там же, в пропасти. Ветер раздул прах погибших.

Долго молился о. Макарий на святые врата, не сводя взора с лика Спасителя, а потом с должными молитвами при содействии исправника Василия Александровича Аришова начал хоронить и прибирать мертвых. Восемь тысяч одних наших положили в трех курганах могилах, не считая врага, испепеленного на кострах, в огне. Два кургана с двумя простыми, деревянными, неокрашенными крестами виднеются в слободе Кисловке у самого Мариинского поля, а третий, пространнее обоих, на Бессоновском кладбище, возле церкви св. великомученика Феодора Стратилата, тоже простой деревянный крест, от времени уже погнивший, осеняет прах защитников отчизны.

Настоятель о. Макарий, затеплив лампаду у образа Спасителя, над воротами обители, отслужил панихиду о падших во брани; и с той поры день и ночь, яркой звездой сияя во тьме ночной и алмазом сверкая при солнце, горит неугасимо лампада. Теряясь в раздумье, он болезненно глядел на развалины монастыря, не знал, где взять и где искать средств к возобновлению. Будущность обители была темна. В монастыре не было ни куска черного хлеба, ни зерна крупы, – все запасы расхищены и все ценное захвачено, все удобство жизни разорено и во всем городе остались только одни печальные признаки прошлого быта. В колодцах и водяных рвах в кровавой воде везде плавали трупы. Послан был один из старцев за шестнадцать верст от города на Угадцкий завод за хлебом, но, с трудом купленный хлеб и вода, почерпнутая пригоршнями из ручья, не могла долго утолять голода и быть верным пропитанием. Необходимое возобновление монастыря и участь братии вынудила о. Макария отправиться в Москву.

До времени братство разоренного Николаевского монастыря с его настоятелем было по распоряжению Епархиального начальства помещено на жительство в Перемышльском Троицком Лютиковом монастыре у архимандрита Виталия.

Но о. Макарий, осмотрев лично свою обитель, в которой уже при самом первом входе в нее застал грабителей, увозивших вещи, пощаженные огнем и неприятелем, – решился, хотя и с нуждою, водвориться в ней немедленно, предпочитая родное пепелище чужому гостеприимному крову.

Поручая себя молитвенному покрову крепкого помощника и защитника обители, святителя Николая, о. Макарий с братией к празднику 6 декабря 1812 года уже переместился в свою обитель.

Как мы видели выше, в ней во время неприятельского нашествия была всего одна малая церковь (придельная) во имя св. великомученицы Параскевы. О. Макарий при первом ее осмотре 16 октября нашел, что престол и жертвенник были обнажены, но остались на месте; царские двери были разломаны, резьба на иконостасе попорчена, почему о. Макарий по водворении в монастыре занялся исправлением повреждений: сделал на престол и жертвенник новые одежды (антиминс прежде нашествия был снят) и, приведя все в должный порядок, обратился в Консисторию с вопросом: «каким образом должно ему приступить к Богослужению в сем оскверненном нашествием неприятеля Параскевиевском приделе». На это он получил указ от 11 декабря того же (1812) года: «совершив церкви малое водосвятие, окропить церковь внутри; затем возложить на обнаженные неприятелем престол и жертвенник одежды по чиноположению, значущемуся в Требнике Петра Могилы».

Таким образом, ровно через месяц после неприятельского нашествия, попечением неутомимого настоятеля было восстановлено Богослужение в его полуразоренной обители.

Возложив все упование на помощь Божию, о. Макарий весною 1813 года приступил к вторичному возобновлению обители. Т. А. Целибеев, утомленный форменными

отношениями к делу, в котором он желал руководить лишь одними сердечными побуждениями, на форменный вопрос к нему Консистории: «намерен ли он продолжить возобновление разоренного монастыря», отозвался, «что он заниматься возобновлением сего монастыря не в силах». Тогда преосвященный Евлампий, постоянно поддерживавший труды о. Макария своим архипастырским вниманием, входя в положение обители и ревнуя о ее восстановлении, вошел с представлением в Святейший Синод, испрашивая о вознаграждении монастыря за понесенные им во время неприятельского нашествия убытки в строении единовременным пособием до 3000 рублей. Вследствие этого представления, прислано при указе из Святейшего Синода в 1813 году с другими суммами, назначенными на исправление разоренных неприятелем в Калужской епархии монастырских и прочих зданий, 3000 рублей; с этими-то деньгами, и при пособии dobroхотных дателей о. Макарий и приступил к обновлению обители. Так, в этом году выстроен каменный двухэтажный корпус с деревянным мезонином и подвалами длиною 36, а шириною 12 аршин: вверху устроены настоятельские и для почетных гостей покои, и в нижнем – братские келлии, который по показанию самого о. Макария стоит около 25,000 рублей; в то же время, продолжались работы и по возведению заложенного в 1812 году, перед нашествием неприятеля, соборного храма. Необходимость потребовала сломать придельную церковь во имя св. великомученицы Параскевы; но летом же была изготовлена, к зиме того же 1813 года, уже новая придельная церковка и освящена самим строителем о. Макарием 23 декабря во имя преподобных Антония и Феодосия, Печерских чудотворцев. В 1814 году отошел ко Господу незабвенный благодетель Малоярославецкой обители Московский купец Т. А. Целибеев; чувствуя приближение своей кончины, он написал (10 сентября 1814 года) духовное завещание на благоприобретенное им имение и, сделав душеприказчиком о. Макария, тогда же отдал в его полное распоряжение билеты Московской Сохранной Казны на сумму 14,200 р., да от частных людей векселей, заемных писем и расписок на 56,400 рублей, а

всего, с включением земли и строения, стоящего 300 рублей, на сумму 70,900 рублей, для употребления всей этой суммы, согласно его завещанию, на окончание начатого при его жизни монастырского строения.

В 1816 году Калужская палата Гражданского Суда, давая знать, что в нее представлено из Малоярославецкого городского магистрата на утверждение завещание покойного Целибеева, вместе с тем, требовала взыскать с строителя о. Макария следующие со всей объявленной в духовном завещании суммы пошлинные, 4363 руб. 50 коп., деньги и прислать их в палату. Но о. Макарий, не имея возможности представить немедленно требуемых денег, как потому, что вся наличная сумма, завещанная Целибеевым, уже была издержана, так и по несостоятельности векселедателей, обратился к тогдашнему Обер-Прокурору Святейшего Синода, князю Александру Николаевичу Голицыну, с прошением об исходатайствовании Монаршей милости в пользу монастыря.

Вследствие всеподданнейшего об этом доклада г. Обер-Прокурора покойный Государь Император Александр Павлович, вместе с царским словом: «Закона переменить не могу, но, приняв в особенное внимание, что под стенами сего самого монастыря неоднократно переходившего в руки неприятеля, и, наконец, сделавшегося местом достославного поражения и победы», Высочайше повелел выдать из Государственного Казначейства 10,000 р., как на уплату пошлинных денег 4363 р. 50 к., требуемых Калужской палатой, так и в пособие на исправление монастырских зданий.

Этой Монаршей милостью и высоким вниманием к восстанавливаемой обители деятельность о. Макария получила новые силы к продолжению начатых трудов, и надобно полагать, что в это-то время созрел в голове его план о построении нынешнего величественного соборного храма; это тем вероятнее, если принять в соображение, относящийся к тому времени, вышеупомянутый отзыв Государя о Малоярославецкой обители, который служил для старца удостоверением, что историческое значение обители не есть

одна мечта высокой души его, но что отселе она уже запечатлена царским словом и жертвою.

Тотчас по миновании неприятельского нашествия, о. Макарий приступил к обновлению монастыря, и дело это шло у него безостановочно и успешно; вышеупомянутые средства служили лишь основой того, что о. Макарий издержал на вознаграждение обители, при пособии благотворителей *«всякого чину людей»*, которых он успел возбудить к участию в судьбах своей исторической обители. Исчислим, хотя кратко, что сделано им с 1814 по 1825 г.

Кроме упомянутого корпуса, в 1814 г. построена вновь с основания каменная, по правую сторону св. ворот, теплая церковь о двух приделах: первый (внизу) в честь Корсунской Божией Матери, а второй (вверху) во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских с прикладкой к ней за ограду небольшой башни.

В 1815 г., против этой церкви, построены больничные каменные келлии; внизу устроен каменный со сводами подвал, а подле самых келлий за ограду каменная башня; покрыты железом и окрашены. С отделкой полов, дверей, рам, печей и со штукатуркой внутри употреблено на этот корпус 9 т. руб. с небольшим.

В 1816 г. выстроен по правую сторону каменный с деревянным, посередине на обе стороны, мезонином двухэтажный братский корпус в соответствии с настоятельским шириною в 12, а длиною в 36 аршин, покрытый железом и выкрашенный. В корпусе вверху в мезонине братская рухольня, в середине братские келлии и братская же трапеза с кухней, а внизу каменные погреба, для огородных овощей. С поделкой изразцовых печей, окон и лестниц, стоит корпус более 19 т. руб.

В том же году сделана каменная в полтора аршина толщиною ограда монастырская, простирающаяся по правую сторону от теплой церкви до братского корпуса, а по левую – от больничных келлий до настоятельского корпуса с двумя каменными башнями, кои покрыты тесом и выкрашены (до 5 т. р.).

В 1817 г. построен кругом каменной стеной обнесенный конный двор, с каменной для людей избой, каменной же конюшней на 14 стойл, с сараями и поднавесами, покрытый тесом (стоит более 7 т. руб.).

За монастырем под горою устроен скотный дом деревянный, кругом огороженный и покрытый тесом.

На задней ограде монастыря, что в виду с возвышенностей от Московской дороги, построена новая каменная большая башня, и как эта, так оставшиеся после разорения неприятельского сарая и погреба покрыты железом и окрашены.

Начатая в 1817 г. Монастырская, над св. воротами, каменная трехъярусная колокольня окончена в 1821 году, всей каменной отделкой с покрытием купола, шпиля и карнизов белым железом.

В оврагах на ключах подле монастыря устроены три рыбные сажалки, с утверждением на них трех высоких плотин.

Кругом монастыря на правой стороне вновь заведен фруктовый сад с выплапированием под него на оврагах 3 десятин и с обгородкою вокруг толстым деревом.

В 1823 г. по утвержденному плану и фасаду начата соборная, во имя святителя Николая, церковь каменная двухэтажная, которая выведена уже до сводов верхнего этажа, и на которую в течение двух лет употреблено уже более 45 т. руб., да заготовлено для окончания оной необходимо нужного материала с лишком на 5 т. руб.

На пожертвованной монастырю земле, по причине крайне стесненного его местоположения, окруженного с двух сторон рвами, построен для поддержки на будущее время монастыря дом, за монастырем, примыкающий к конному двору и монастырскому саду, весь каменный, покрытый железом и зеленой краской.

Сверх всего выше означенного, приобретено о. игуменом Макарием четыре колокола, из коих большой в 251 п. весом, за ним следующий в 172 пуда, средний в 87 п. и меньший в 47 пуд.; для церковной утвари серебряных изделий, состоящих в венцах, крестах, потирах, евангелиях и прочем, более полутора пуда серебра, и значительное количество риз церковных и

других облачений парчовых и штофных; на вечное обращение из процентов, для поминовения и устройства обители, поступило вновь сверх вышеозначенных капиталов еще 30,000 руб.

Рядом с этим шло так же безостановочно с 1814 по 1822 год возведение каменного соборного двухэтажного храма, заложенного еще весною 1812 г. В одной из монастырских бумаг 1818 года видно, что в это время нижний храм уже был готов вчерне, и изготовлялся для него иконостас, как вдруг постройка остановилась... По словам старожилов поводом к этому было будто бы то, что от внезапной осадки фундамента поделались трещины в сводах, на которых надобно было утверждать второй этаж. Может быть и так, но, как бы ни было, а создавшийся в течение 8 лет (с 1814 по 1822 г. включительно) храм был разобран до основания и в 1823 г. вторично заложен соборный храм по новому плану, утвержденному в том же году преосвященным Филаретом, епископом Калужским и Боровским.

Построение этого храма сделалось задачей всей жизни трудолюбивого и Боголюбивого старца, главным предметом его дум, забот и попечений; о совершении сего дела он молился в храме и в тиши келейного уединения, им был занят с раннего утра до позднего вечера, ездил для сборов в Москву и, возвратясь, с усиленной деятельностью принимался за продолжение работы, писал, к кому только мог, от высших до низших, прося, моля и убеждая внести свою лепту на дело, которым желал увековечить память места, послужившего пределом нашествия французов.

Бог благословил намерения и труды старца, хотя ему, однако, и не суждено было видеть полного осуществления своей мысли – может быть, для того, *да не похвалится всяка плоть пред Богом.*

«Но, тем не менее, святое дело совершилось, и Николаевский храм из рода в род будет напоминать о славном событии, а величественный вид его заставит невольно всякого спросить об имени строителя, прах которого покоится под сводами святилища, рядом с другим незабвенным благодетелем Малоярославецкой обители Т. А. Целибеевым,

благочестивая щедрость которого положила начало обители и храму», – писал первый историк обители, о. архимандрит Леонид.

Из сборщиков того времени особенной памяти Николаевской обители заслуживает монах Иоанникий, который почти постоянно проживал с этою целью в Москве и пользовался особым расположением московских граждан, в особенности же, купеческого сословия. Память об о. Иоанникии и расположение к нему в 1861 г. проявились особенным образом: один из Московских жителей, пользовавшийся духовными наставлениями о. Иоанникия, поручил о. протоиерею Московского Архангельского собора 2000 руб. серебром с тем, чтобы на эту сумму через посредство его была воздвигнута в обители над могилою покойного старца часовня, в которой теплилась бы неугасимая лампада и совершалось в положенные дни о упокоении души преставльшегося церковное поминовение. Тогда же была пожалована и ризница.

Ризница эта из зеленой материи с золотыми крестами, была прислана в Калужскую духовную консисторию от Министра Императорского Двора, при отношении князя Волконского, а из консистории к настоятелю монастыря игумену Макарию при указе от 21 марта 1827 г. В ответном от настоятеля донесении в консисторию от 12 апреля того же 1827 года сказано, что: «за изъявление Монаршей милости отправлено благодарственное молебствие соборне».

Продолжая изыскивать средства к приведению в окончание внутренней отделки храма, о. Макарий до последнего дня своей жизни продолжал трудиться над исполнением своего плана, не уклоняясь нимало от его осуществления и в самомалейших частностях.

А между тем, здоровье его, расстроенное непрерывными напряженными трудами, видимо истощалось, «как лампада, раздуваемая ветром». Старец прожил одно лето в Москве, где пользовался минеральными водами, хлопоча, в то же время, о сборе на храм, и, возвратясь в обитель, с удвоенной ревностью принялся за любимое дело. Смерть застала его не на одре, а среди обычных трудов. Он мирно скончался на руках им

собранной и любившей его, как попечительного отца, братии 27 августа 1839 года на 74 году от рождения, и погребен внизу под сводами созданного им Николаевского храма, рядом с восстановителем обители Московским купцом Целибеевым. Память этих мужей написана неизгладимыми чертами в летописи Малоярославецкой обители, а особенно, в сердцах ее иноков, и Николаевский храм, созданный по мысли о. Макария, по его плану и под его личным наблюдением при пособии Целибеева, отказавшего обители почти все свое достояние, служит лучшим памятником их благочестия, ревности к делу Божию и полезной деятельности.

Из позднейшего времени особенно замечателен в этой обители подвижник – игумен о. Пафнутий, о котором имеются только формулярные сведения. Вот они:

Пафнутий, в мире Петр Осмоловский, был родом из дворян Черниговской губернии, города Глухова. Оставил мир в молодых летах, поступил на жительство в Козельскую Оптиную пустынь; определен в число братства ее указом от 29 января 1836 года. Пострижен в монашество 27 мая 1839 года; рукоположен во иеродиакона 8 сентября того же года, а в иеромонаха 30 января 1843 года. В 1853 году, 30 ноября, назначен начальником Оптинского скита и указом 26 февраля 1854 года определен духовником обители. В 1855 году награжден набедренником. В 1862 году в ноябре месяце по указу Святейшего Синода, основанному на представлении преосвященного Григория, епископа Калужского и Боровского, назначен настоятелем Малоярославецкого монастыря, с возведением в сан игумена (21 ноября).

О. Макарий был одним из ближайших сотрудников обновителя Оптиной пустыни, о. игумена Авраамия. В бытность здесь, он чудесно был спасен от смерти. Вот как это произошло. Во время обновления Оптиной пустыни приснопамятным настоятелем ее о. Авраамием, когда разбирали старую деревянную ограду, в числе прочей братии находился на этой работе и иеромонах Макарий. Он имел несчастье упасть с верху ограды, на том самом месте, где потом был заложен фундамент Казанской церкви, и ушибся смертельно. Во время своей

жестокой болезни, благочестивый инок молил Пречистую Богородицу, да продлит ему лета живота. И вот, в сонном видении, увидел он себя в доме помещицы, Козельского уезда, села Фроловского, Елены Семеновны Сабуровой, слезно молившимся пред иконой Казанской Божией Матери, ей принадлежащей. Проснувшись после такого видения, о. Макарий почувствовал облегчение от болезни и, в то же время, дал, от полноты благодарного сердца, обет, по совершенном выздоровлении, ехать в дом г-жи Сабуровой и отслужить там молебен пред виденным им во сне образом Богоматери. По времени, он исполнил свой обет. При исполнении этого обета о. Макарием, г-жа Сабурова в разговоре сообщила ему, что она имеет намерение построить в одном из своих сел престол во имя сего образа, прибавив при том: «а, если согласитесь устроить его в Оптиной пустыни, то я с радостью отдам эту икону вам в обитель и сверх того, пожертвую деньгами на постройку». Иеромонах Макарий, возвратясь в обитель, передал о желании г-жи Сабуровой о. игумену Авраамии, который, приняв это известие за знак особой милости Божией к его обители, немедленно решился устроить на месте происшествия, послужившего поводом к предложению г-жи Сабуровой, теплую церковь в честь Казанской Божией Матери, о чем не замедлил сообщить Сабуровой. Исполняя обещание, г-жа Сабурова вместе с иконою прислала о. Авраамии еще и значительную сумму денег на церковное строение, а иеромонах Макарий, по усердию своему, ездил за сбором подаяния на окончательную отделку храма. Сооружение Казанской церкви было начато в 1805 году и окончено в 1811 году; освящена была эта церковь в 1811 году епископом Калужским Евлампием 23 октября, а приделы – в 1815 г.: Воздвиженский, преосвященным епископом Калужским Евгением, а Георгиевский – архимандритом Новоспасского монастыря Амвросием.

Игумен Пафнутий впоследствии имел бронзовый наперсный крест, на Владимирской ленте, в память войны 1853–1855 г.г., по предписанию епархиального начальства, указом Святейшего Синода, от 10 апреля 1872 года награжден палицей; в 1 день апреля 1879 года за отлично усердную службу был пожалован

ему орден св. Анны 2-й степени; имел знак красного креста о больных и раненых воинах; возведен в сан архимандрита преосвященным Владимиром, епископом Калужским и Боровским 17 апреля 1886 года; указом 15 мая 1891 года за отличную усердную службу пожалован орденом св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени. Умер 23 июня 1891 года и погребен, с разрешения митрополита Исидора, в особо-приготовленном в нижнем этаже монастырского храма склепе.

В памяти же братии образ этого настоятеля окружен ореолом строгого подвижничества⁴⁷.

Рясофорный монах Феодор Валаамский

(Память 30 августа).

Отец Феодор в мире был секретарем при известном Курском губернаторе Веревкине; имел крестьян; за какое-то слово, сказанное в простоте сердца, был арестован и посажен в заточение, в котором едва не был съеден крысами. Тогда дал он обет поступить в монастырь; почему, по освобождении из заточения, оставил дом и жену, и прибыл на Валаам 30 августа 1827 года; жил здесь в скиту; потом исправлял должность письмоводителя. Никогда не видели братия, чтобы он смеялся или улыбнулся; постоянно, бывало, вздыхает. Приближалось время его кончины; зовет он к себе духовника и просит исповедать его и причастить. «Подожди причащаться», говорит ему о. духовник, кончив исповедь: «скоро ранняя обедня кончится, и тебя причастит служащий ее иеромонах». «Нет, батюшка», отвечает о. Феодор: «ты меня причасти»! Затем, приняв Св. Таины, просит прочитать на нем отходную, зажечь пред иконою восковую свечу и дать ему в руки крест. Кончилась отходная, духовник не успел еще спуститься с лестницы, и о. Феодора не стало! Скончался он в 1838 году, 70 лет от рождения⁴⁸.

Иерей Феофилакт, Христа ради юродивый

(Память 30 августа).

В половине 19 века жил и нес тяжелый подвиг один юродивый иерей Феофилакт. – Это был муж святой жизни. И, хотя краткие, но сохранились о нем следующие сведения. В метрических книгах села Хитровщины, Тульской губернии, Богоявленской церкви, значится: «1779 года, марта 8 дня, у диакона означенной церкви Авдия Никитина родился сын Феофилакт». По окончании учения в училище и потом в семинарии, Феофилакт был определен во диакона в Веневский уезд, в село Диаконово, а в 1806 году в село Хитровщино во священника. Как видно по духовными книгам, – священником был только два года: 1806 года и 1807 года, а в 1808 году значится уже заштатным, находящимся в безумстве. Тогда ему было от роду 29 лет, а по духовным значится 33 года. – Скончался отец Феофилакт в 1841 году, 30 августа. – Бывшая же настоятельница Мих. Ряз. монастыря мать Раиса записала о нем след. сведения, которые здесь и приведены. «Начинаю писать с того – во славу Божию и с помощью Божией – с какого года я стала знать отца Феофилакta, и что только могу припомнить о нем: он имел от Бога великие дарования, особенно дар прозорливости, – он знал дела и помышления людей, прозревал отчасти и будущее.

В 1824 году я поступила в Михайловский Покровский женский монастырь, Рязанской епархии; родитель мой Иродион Феодорович Ураев служил в уездном городе Скопине, не помню, в каком году, судьей уездным. Случилось, что городничий был в отлучке, а мой отец правил его должность. В это время обокрали Скопинское казначейство, и родитель мой просрочил отрапортовать об этом, по этому случаю он был под судом; но, так как казначей и стряпчий не имели ровно ничего, мой же отец имел, хотя и небольшое имение, то по-тогдашнему положению казна взыскивала с моего отца: имение было описано и продавалось с аукциона. В 1824 году приехал родитель мой в наш монастырь, – тогда еще была жива старшая

моя сестра монахиня Евстолия. В это время случился в монастыре и отец Феофилакт. Мой батюшка ему и говорит: «вот, я скоро должен остаться без куска хлеба с шестью человеками детей: продадут мое имение, и казна все с меня возьмет». – Отец Феофилакт на это говорит: «нет! барин прав! Вот, поедут чрез Москву в мантиях и черных шляпах, и барин будет прав». – Батюшка мой опять говорит: «неужели же я буду опять владеть имением»? – «Непременно!» отвечает отец Феофилакт, – «только после все разложат по кабакам». Из его слов в это время ничего нельзя было понять, но в 1825 году, когда Государь Император Александр Павлович скончался в Таганроге, и повезли его тело чрез Москву, в черных шляпах и мантиях, т.е. в печальных одеждах, – отец мой в то время уехал в С.-Петербург, подал просьбу князю Волконскому, которая и была принята, и долг ему простили, не в пример прочим, по его преклонным летам и по большему семейству, – нас было шесть человек. Вот и сбылись слова отца Феофилакта: «барин прав». – В 1834 году отец мой помер; брат мой остался человек пьяный и в короткое время почти все имение разложил по кабакам. – Вот и это предсказание сбылось.

Старшая сестра моя жила в Михайловском монастыре. Когда мне было 16 лет, я у родителей выпросилась к сестре погостить в монастыре; когда я гостила в нем, мне очень понравилась монастырская жизнь, и я, без воли родителей, упросила игумению Евсевию, чтобы она одела меня в черное платье. Она исполнила мою просьбу: одела меня и поставила на клирос. Скоро узнали об этом мои родители, приехала моя мать и увезла меня домой, рассчитывая, что я еще слишком молода, чтобы оставаться в монастыре. Чрез два года меня отпустили, однако, опять к сестре погостить. В это время в монастыре жила хорошей жизни одна монахиня, именем Серафима, из дворян; она позвала меня к себе и уговаривала, чтобы я не оставляла своего намерения идти в монастырь. Я ей ответила, что и сама того же желаю, но в настоящее время родители меня не отпускают, а сама я не могу против их воли поступать; и она посоветовала мне, до времени, терпеть и иметь в памяти монастырь, но только упрашивала не

прельщаться мирской жизнью – и много говорила мне назидательного. Чрез несколько времени, погостивши, я опять уехала к родителям домой. Не в продолжительном времени я услышала, что мать Серафима скончалась; я очень жалела о ней.

Потом, как-то сестра опять выпросила меня у родителей погостить; меня отпустили. Раз, пошла я за монастырскую ограду погулять; встречаю там о. Феофилакта. Он мне говорит: «Здравствуйте, сударыня! Мать Серафима приказала вам сказать: пора вам в монастырь». Я ему отвечаю, что матери Серафимы нет уже в живых, и, вместе, удивилась его прозорливости, потому что разговор наш с монахиней Серафимой был вдвоем. Вскоре после этого, по неотступной моей просьбе, родители отпустили меня с благословением в монастырь. – Еще, как-то, он был у меня в келлии, мы сидели и пили с ним чай, но только что убрали самовар и чашки, он говорит: «сударыня, прикажите поставить самовар». Я очень этому удивилась и говорю: «батюшка, да ведь мы с вами сейчас пили чай». – «Нет, сударыня, прикажите поставить, с дорожки-то очень хорошо». – «Да откуда-же мы с вами приехали»? – «Прикажите же, сударыня, поставить самовар». – Делать нечего, я велела келейной поставить опять самовар, а между тем, узнала, что на монастыре продают крендели, я и отправилась покупать их. Возвращаясь в келлию, сидит гость, какой-то странник, и о. Феофилакт угощает уже его чаем. Для этого-то странника и велел он поставить вторично самовар.

Не помню, в каком году в нашем монастыре был благочинный архимандрит Иларий. Раз, приехал он к нам, по благочинию, при игумении Евсевии. В то время был у нас и о. Феофилакт, и гостил по разным келлиям. Игумения, боясь, чтобы он не попался архимандриту где-нибудь в келлии, предупредила его и сказала, что у нас гостит юродивый священник. Архимандрит пожелал его видеть; а так как я была призвана в настоятельскую келлию для услуги архимандриту, то он, обратясь ко мне, сказал: «проводи меня в келлию, где живет юродивый священник». Он в то время находился в келлии и отдыхал на полатах у одной послушницы, крестьянской девицы

села Ижеславля, Михайловского уезда, рясофорной монахини, именем Татианы. Никто не воображал, чтобы к ней пошел архимандрит. О. Феофилакт сошел с полатей и сказал: «уберите келлию, гости идут». И в это время входим мы с архимандритом, который с ним повидался и расцеловался. Архимандрит сказал ему: ты, праведник, но священник, а я, грешный, но архимандрит, говори со мною просто, не как юродивый; скажи мне, «причащаешься ли ты Святых Таин»? Он, изменив вид, сказал смиренно: «причащаюсь» – «Где-же»? – «В селе Осанове, каждый Успенский пост, и там священник мне духовник» (с. Осаново, Веневского уезда, Тульской губернии). – И подлинно все поняли, что он всегда тем постом уходил от нас. Тут они много говорили между собой, но только я уже не слыхала и не помню, о чем; только, когда вышли из той келлии, архимандрит сказал: «великий человек сей юродивый». – Вскоре после того архимандрита Илария перевели из Солодчи в Задонск. Не помню, в каком году я была в Задонске. Архимандрит Иларий послал со мной книжку святителя Тихона отцу Феофилакту и сказал: «да попроси его, чтобы он что-нибудь написал мне». Когда я возвратилась домой в обитель, о. Феофилакта не было в монастыре, и я скоро не могла отдать ему книжку. Спустя несколько времени, к нашей одной монахине, именем Феофания, приехали из города Скопина родные – и, особенно, к о. Феофилакту. Но, так как он был в то время в какой-то деревне, то и собрались они ехать к нему, и монахиня Феофания с ними же. Я была рада оказией переслать с нею ему книжку и лист белой бумаги, чтобы он написал что-нибудь архимандриту. – Вот, привозят письмо на целом листе, которое он начинает так: «Ваше Высокопреосвященство и Ваше Высокопреподобие. Когда наши российские поклонники пойдут к Соловецким чудотворцам, то вы их примите, и учредите, и т. д.»... Потом помещает в письме: «а Надежду Иродионовну (так звали меня до монашества) сделайте игуменией», но монастыри он назначил не те, в котором меня Бог привел быть игуменией впоследствии. Конечно, для меня, малодушной, было это смешно; я была тогда еще молода очень и не была еще в рясофоре. – О. Илария тем же годом перевели в

Соловецкий монастырь. Там совершал он службу как архиерей, с осенением. Через шесть лет возвратился опять в Задонск и письмо это берег, как сокровище.

Когда он бывал часто в нашей обители, многие сестры его брали к себе чай пить. Он почему-то иногда то обыкновенно пил, а иногда всю сахарницу покушает с одной или двумя чашками чая, почему другие и опасались приглашать его. Однажды он был у монахини Аркадии; она подумала про себя: чаю сколько хочешь бы пил, да сахару много истратит. – Пришли от обедни; подали самовар; а отец Феофилакт встал и ушел куда-то; потом, через несколько минут возвратился и приносит целую тарелочку комочков из снега, и стал пить с ними чай. Монахиня Аркадия тут поняла, что он узнал ее помысел.

Скажу о себе тоже. Один раз хотелось его позвать к себе, но боролась с помыслами также насчет сахара; только, опомнившись, думаю в себе: да что же жалеть. Если он и на синюю ассигнацию выпьет, мне для него вовсе не жалко. Встала и пошла за ним; он сию же минуту ко мне пошел. Я, от радости, не о чем не думая, угощала его радушно; на другой день сели обедать; он сидит очень скучный и кушает мало. Я говорю ему: «батюшка! что вы такие скучные»? Он вздохнул и говорит: «да, правда, и Сын человеческий не имел, где главы преклонить». Я на это ему сказала: «батюшка! мы все вам рады». А он отвечал мне на это: «иному, сударыня, в один раз синюю ассигнацию стану». Я ему сказала: «батюшка: простите меня, куда же уйдешь от помыслов». (В то время ходили старые деньги – ассигнации синие, красные). В это же время он довольно пробыл у меня, и в одну ночь еще с вечера скорбел и пел панихиду, и разные заупокойные стихи. Я и говорю ему: «батюшка! или у меня кто умрет из родных»? – «Нет, сударыня», отвечает он. Но, так как он всю ночь и на другой день утром все продолжал петь и читать за упокой, то я опять несколько раз ему говорила: непременно у меня кто-нибудь умрет. Наконец, он сказал: «а помните, как ко мне приставала Матрона Ивановна (это была одна из наших клирошанок – она скончалась и ей был 40-й день): «батюшка, помолитесь, чтобы моя душа прошла безбедно воздушные мытарства», – «вот, я и молюсь о ней». –

Я была у обедни; прихожу, он очень весел. Я спросила: «батюшка! где теперь Матрона Ивановна»? – «Теперь, сударыня, слава Богу, сидит на престоле и веселится». Точно, она была хорошей жизни и много претерпела болезней и душевных скорбей.

У нас была игуменья Евсевия, а казначеей – Елпидифора. В г. Касимове сменили игуменю и взяли нашу казначею на место ее. Многие из сестер ее жалели. О. Феофилакт был в келлии одной послушницы, по имени Павлины. Вот, она и говорит: «жаль нам, батюшка, казначею, что взяли ее от нас в игумении, – она до нас хороша была». – Он сказал на это: «что ее жалеть, пусть как уточка поплавает там, поест рыбки хорошей годочка три». Так и сбылось, – через три года наша игуменья Евсевия вышла в отставку, а Елпидифору перевели к нам в игумении. (В г. Касимове река Ока и подворье монастыря близ Оки, а рыбы хорошей там очень изобильно).

У нас в монастыре из г. Тулы две сестры, из купечества, – Духанины, одна из них была казначеей, монахиня Ангелина, а другая была по имени Рафаила, они рассказывали. Однажды о. Феофилакт пришел к ним и говорит, что был он в г. Туле. Казначея ему говорит: что же вы не зашли к нашему батюшке? «Куда, сударыня, к ним! его и самого в дом не пускают, там стоят солдаты с рогачами, с баграми». – Что вы, батюшка! – «Да сударыня» – а дом-то каменный, взглянешь, шапка валится». Это он говорил за год до пожара: тогда у них в Туле сгорел дом деревянный, а после выстроили каменный дом.

Рассказывают наши старики. Здесь, в Михайлове не было монастыря; в 1819 году он переведен из-под Рязани, отстоявший от нее в 12 верстах. Здесь была маленькая церковь кладбищенская, а на полугоре богадельня, в которой жило несколько девиц и старушек. Тогда о. Феофилакт часто гостил в богадельне; он, бывало, попросит клубок шерсти или ниток и начнет мерить место, где быть монастырю и ограде, а на месте, где теперь собор и алтарь, тут из камешков сделает вроде престола, – и говаривал: «на этом месте лавра будет, – о, как хорошо! и будут тут мощи». Когда перевели монастырь, и я уже была в монастыре, здесь же жила и одна бесноватая женщина,

солдатка, имя ей Стефанида, с дочерью молоденькой девочкой; я лично ее знаю, и многие в нашем монастыре ее знают и помнят. Она так была мучима врагом, что страшно было видеть, особенно постами, когда желала причаститься Св. Христовых Таин. Как только станут ее подводить к причастью, она побледнеет и сделается как в исступлении, так ее и вытащат из церкви. – Один раз при многих зрителях и монастырских отец Феофилакт взял ее и повел за ограду на могилки, читал над ней; с ней происходило как с беснующейся, после стало лучше, лучше и совсем прошло: она успокоилась. Отец Феофилакт сказал ей: «теперь ты здорова, но не я тебя исцелил, а угодник Божий Прокопий». – Неизвестно, по смирению ли это он сказал или действительно он провидел, что здесь лежит некий угодник, только он не раз говаривал, что «здесь мощи Прокопия». – После этого женщина эта совершенно сделалась здорова, жила много лет и не чувствовала припадков беснования до самой кончины.

Молитва его была непрестанная, днем и ночью пел он духовные псалмы, из Евангелия особенно любил петь о блудном сыне; голос имел очень хороший; ночью вскочит, начнет молиться; пища его была самая умеренная; нестяжание беспримерное; у кого бы он ни бывал, туда приходили к нему многие из мирян и приносили деньги и пищу, или платочки и тому подобное, и убеждали его взять приносимое. Он же обычно возьмет, но после, когда уходит, все оставит, где был: ничего при себе не имел. – У меня доселе хранится его полотенце и трость, которую он оставил. Иногда, бывая на базаре, встречающегося побьет; за это несколько раз сажали его в острог; он сидит с большим удовольствием там и поет священные стихи; поддержат его и выпустят, а в последние годы его жизни не сажали его уже в острог, напротив, все его уважали. Наружности отец Феофилакт был благообразной, высокого роста, лицом белый и правильные черты лица, лоб имел большой, открытый. Иногда к небольшой своей косе привязывал свернутый пучок лошадиных волос. Мы его и спросим: «батюшка! для чего вы привязываете лошадиные волосы»? – а он скажет: «да будто пригожей, сударыня, так».

Разговор его о духовном был горячий, назидательный, и всегда говаривал, что царствие Божие трудом достается каждому. Особенно наедине любил говорить назидательно и не юродствовал. Священное Писание, каждому хотящему его слушать, говорил верно; у нас он всегда читал духовные книги.

Отца Феофилакта любили очень мужички и выстроили ему келлию в селе Новопанском Михайловского уезда; были и в других селах у него келлии. После своей смерти две завещал он нам, в монастырь, которые и были (перевезены) отданы. Рассказывают, когда он жил в своих келлиях, такие труды налагал на себя и пост, что по целым дням не кушал, и часто с самого утра уходил в болото, и собирал в воде тростник, до самой ночи. Возвращался в свою келлию поздно, усталый и весь мокрый; – труженик был великий.

За полгода до своей смерти он принес к монахине Досифее деревянный крест и просил ее отделать его фольгой. – Эту монахиню он очень любил и часто у нее бывал; она и прежде занималась работой, – отделявала образа фольгой. Так этот крест у нее и был. Когда же отец Феофилакт скончался, то монахиня Досифея поехала его хоронить и захватила с собой этот крест; он уже лежал в священническом облачении, а креста в руках у него не было, – с этим крестом его и схоронили. Он сделался болен и жил несколько месяцев в селе Зимине, Михайловского уезда, у одной благочестивой дворянки; оттуда он несколько раз присылал к монахине Павле, чтобы его взяли в монастырь пожить, ибо он чувствовал близкую свою кончину. Монахиня Павла ходила к игумении, упрашивала ее об этом, но та никак не соглашалась, потому что против этого был протоиерей И. Ершов, с которым она хорошо была знакома. Когда же о. Феофилакт скончался в помянутом селе Зимине, за 30 верст от нас, то игумения посылала казначею и монахиню Веру просить тело его, однако тела его нам не отдали. Когда он был болен и лежал несколько месяцев в селе Зимине у вышеозначенной дворянки, она очень боялась, что он умрет не напутствованный по-христиански; поэтому сколько раз упрашивала его причаститься, а он все отказывался. Она ему и говорит: «вот вы, батюшка, так умрете, без напутствования.

После вашей смерти поднимут суд», – а он на это ей отвечал: «ну что же, сударыня Арина Степановна, ежели вы боитесь, отпустите меня в какую-нибудь избу». Когда же наступил день его кончины и пришел священник, он исповедался, причастился, пособоровался и в тот же день, 30 августа, скончался без всяких предсмертных страданий. Перед смертью же заставил дьячиху, пришедшую проводить его, кропить себя святой водой. Когда она уходила из своего дома, то посадила хлебы в печь и боялась, как бы хлебы не пересиделись, но об этом никому не говорила, а только про себя думала, а он на ее мысли говорит: «нет, сударыни, хлебы ваши не пересидятся». До самой смерти его она сидела и кропила его святой водой. Когда отец Феофилакт скончался, этого села помещик Н. Н. Желтухин, не любивший и даже преследовавший о. Феофилакта, а другой – Хлуденев – очень уважавший его, оба пришли к телу его, и тот, и другой желали на свой счет схоронить его, и Желтухин упросил Хлуденева. До могилы они несли гроб вместе, а обед похоронный для священников устроил Желтухин, кормил много и бедных. После, через несколько времени, разбирая его бумаги, нашли в них вроде завещания, в котором он просил помещика Желтухина схоронить его и помянуть, что он исполнил еще прежде. Схоронен он был близ церкви, против алтаря, и сделан на могиле его памятник – камень с надписью. Многие до сего дня приходят, служат панихиды и берут землю, и получают по вере облегчение в своих болезнях.

У нас, в монастыре, его чудотворная икона, в церкви, на левой стороне, именуемая «Взыскание погибших». Он (о. Феофилакт) велел написать ее, как ему было угодно: вверху образ Богоматери, поддерживаемый двумя ангелами, а внизу много святых угодников. Иногда зашивал он икону эту холстиной, а сверху еще набойкой и опять холстиной, лики же прорезал. У него все спрашивают: «на что же, батюшка, зашили холстами икону»? – «На ней», говорит: «три ризы».

Когда о. Феофилакт был еще жив, наш купец Ив. Иванович Ложников был в г. Лебедяни, на ярмарке, и разговорился о нем с Тульским купцом Киселевым. Ему рассказывал Ложников, что отец Феофилакт многих исцеляет; у Киселева была жена больна

семь лет кровотечением, лекаря не помогали и не могли ее излечить. Возвратясь в Тулу, Киселев послал свою жену Аграфену Егоровну Киселеву к нему. Она приехала в помянутое село к нему в келлию, а батюшка, встретясь с ней у своей келлии, уезжал и сказал только: «помолись Царице Небесной и исцелеешь». Она очень оскорбилась, что он уехал, однако взошла в его келлию, в которой оставалась благочестивая старушка, девица Елена Сидорова; эта Сидорова пользовалась советами отца Феофилакта и была постница и духовной жизни, а после жила у нас в монастыре и здесь похоронена. Елена Сидорова стала Киселеву утешать, потом облила водой образ Божией Матери «Взыскания погибших», заставила ее молиться Ей и дала выпить эту воду. Она, как выпила воды после молитвы, в то же время почувствовала себя совершенно здоровой. После Киселева поехала отыскивать отца Феофилакта и видеалась с ним. В то же время, в знак благодарности Киселева сделала ризу апликовую на образ Божией Матери, очень хорошую, и киоту; только о. Феофилакт не пришлось видеть ризы; привезли после его кончины икону и тут же взяли в церковь. Мы же не думали иметь у себя эту икону, но он помянутой девице Елене Сидоровне явился во сне и приказал отдать образ к нам, в монастырь, сказав: «Она будет исцелительница». – Я еще была монахиней, мои знакомые московские поусердствовали сделать на эту икону ризу серебряно-вызолоченную; потом в скором времени, сделали на самое изображение Божией Матери ризу жемчужную. Тогда вспомнили предсказание отца Феофилакта, что на ней будет три ризы. Это было при игумении Елпидифора, которая скончалась в 1854 году, 2 марта. После смерти игумении Елпидифоры, вскоре прислали указ на мое имя, чтобы я вступила в управление монастырем; но я, зная свою склонность к уединению и постигая всю трудность этого сана, отказывалась и не вступала в управление монастырем, несмотря на все старания и всех своих сестер монастыря. Преосвященный Гавриил тогда прислал к нам архимандрита Павла и приказал немедленно явиться мне в г. Рязань. Сперва думала не ехать, а все же, не смея ослушаться, отправилась с тою мыслью, что

лично могу владыку упросить уволить меня от слишком трудной для меня обязанности. Когда же я явилась к преосвященному, то со слезами стала его упрашивать избавить меня от сана настоятельницы; он же, не желая выслушать меня, не давал возможности выговорить ни одного слова, только твердил несколько раз: «готовься завтра к посвящению в соборе» (это приходилось на Вербное воскресение). И тут, как ни трудно было мне решиться принять на себя такое иго, однако, не могла устоять против архипастыря и предалась воле Божией, упросив владыку, по крайней мере, чтобы посвятил меня в игумении не в соборе, как было назначено им, а в Крестовой его церкви. Эту мою просьбу он и исполнил. Я посвящена была в игумении, хотя против собственного желания, апреля 4-го дня, того же года. Посвящение мое было спустя 10 лет после кончины отца архимандрита Илария и 13 лет после кончины отца Феофилакта. Пророчество его исполнилось надо мной с лишком через 20 лет. Когда я была игуменией, Киселева приезжала к нам в монастырь помолиться; она жила, после своего исцеления, очень долго, и до самой смерти прежняя ее болезнь не возвращалась». Память блаженного Феофилакта свято чтится и теперь⁴⁹.

Богучарский протоиерей Александр Иванович Бунин

(Память 30 августа).

Протоиерей Александр Иванович Бунин родился в 1792 году в селе Верхнем Карачане, Новохоперского уезда, Воронежской губернии. Родители его были: священник Космо-Дамианской церкви того же села Иоанн Нестеров, происходивший из духовного сословия, а мать – Евдокия Зотовна. Мало сохранилось сведений о родителях Бунина. Родители его глубоко верующие люди, были по тому времени вполне грамотные и любившие науку. Первые годы своей жизни Александр Бунин провел под благотельным влиянием своих родителей; по крайней мере, покойный протоиерей в душевных беседах о своей семье всегда с особенною любовью останавливался на воспоминаниях своего детства, на личности своих родителей, безгранично им любимых, от коих он бесспорно усвоил искреннее благочестие, любовь к семье и ближним, христианскую простоту в обращении с людьми всех сословий и простоту в образе жизни.

Первоначальное образование Александр Бунин получил в Воронежском духовном училище и затем в семинарии, которые в то время, впрочем, составляли одно совместное учебное заведение. О школьной жизни его в духовном училище и первых низших классах семинарии не сохранилось особых сведений. При переводе в среднее отделение семинарии он лишился отца – кормильца многочисленной семьи, оставшейся без всяких средств к жизни. Оставаясь на собственном коште (содержании) в семинарии, молодой Бунин должен был собственными трудами зарабатывать себе на содержание. Отлично успевая сам в науках, усиленно стал он вести занятие с учениками низших классов, получая за это ничтожную плату, все-таки достаточную для своего содержания. В таком труде его не мало поддерживала чистая юношеская молитва.

В высших классах семинарии личность Бунина настолько уже обрисовалась своим нравственным превосходством над

товарищами, дарования его так выделялись, что семинарское начальство почтило его необычайным доверием, возложив на него еще на ученической скамье преподавание французского языка ученикам семинарии. По окончании же семинарского курса, студент Бунин был оставлен учителем заправного класса духовного училища и, в то же время, в низших классах семинарии преподавал математику под руководством знаменитого профессора семинарии Ивана Яковлевича Зацепина, особо благоволившего к молодому Бунину. В духовную академию Бунину не пришлось ехать лишь потому, что он от природы был слабого здоровья.

Бунин, как на ученической скамье, так и в жизни отличался особенно знанием языков французского и латинского, в его домашней библиотеке находились, между другими французскими книгами, сочинения знаменитого французского богослова Боссюета и Массильона на французском языке, которые он свободно переводил на русский язык; но латинский язык он в особенности любил, знал его в совершенстве, никогда не оставлял упражняться в нем и в жизни; так называемые «локуции», т.е. изречения и пословицы на латинском языке были любимым его развлечением.

Он получил место священника в г. Богучаре. Раз, когда Бунин прибыл в каникулярное время к сестре, ему предстояла трудная задача – выбор подруги жизни, при невзрачной его наружности. После немалых поисков выбор его пал на дочь священника сл. Смаглеевки Богучарского уезда Марию Андрееву Глаголеву; предложение на этот раз было принято, хотя слабое здоровье его внушало опасение родственникам. Супруга Бунина была из богатых невест того времени; в приданое за нею была дана даже семья крепостных крестьян, и, если она согласилась идти в замужество за больного Бунина, то тут играло немалую роль честолюбие – перспектива быть городской матушкой. Между прочим, сохранился рассказ о следующем эпизоде во время сватовства Бунина на Глаголевой: усвоив привычку читать книги перед отходом ко сну, он не изменил этой привычке и во время гощения у своей невесты на правах жениха, и лежа на постели однажды долго,

заполночь, читал книгу. Будущая теща его, женщина неграмотная и, видимо, благоговевшая перед ученостью зятя, по любопытству решилась подсмотреть, чем до поздней ночи занимается ее будущий зять со свечою, спавший за перегородкой. Осторожно заглянув за перегородку, она ужаснулась при виде картины: жених спит с книгой в руках, свеча догорела, и уже начало воспламеняться одеяло.

Протоиерей Бунин священствовал в гор. Богучаре с 1818 г. по 1871 год, более полу столетия. Первоначально (20 декабря 1818 г.) он был определен священником к соборной Богородице-Рождественской церкви, а в 1830 г. переведен к Троицкой церкви, переименованной в собор. Таким образом, вся жизнедеятельность почтенного пастыря протекла в г. Богучаре.

На протяжении более пятидесятилетней пастырской службы, протоиерей Бунин горел необычайной ревностью и любовью к церковному Богослужению. С нетерпением, заметным для всякого, ожидал он своей очередной седмицы; с сокрушенным сердцем и горячей молитвой о своих грехах и приступал к совершению Богослужения; всегда он был рад и готов служить за своих сотоварищей, а таковых случаев было весьма много, и он готовился ежедневно к службе безотносительно к тому – чья седмица. И, если повседневные молитвы его: утренние и вечерние были весьма продолжительны, то пред днями служения он, можно сказать, всю ночь проводил в молитвенном бодрствовании поздно вечером и рано утром в его келлии (маленькой комнате) светился огонь. Молитвы свои он любил совершать тайно, старался, чтобы и домашние его не знали о его ночных молитвенных подвигах, для чего детей всегда укладывал заранее, советовал также и взрослым ложиться ранее, если они долго засиживались за работой, причем он обычно им говаривал: «еще наработаетесь... век большой ваш». Устав церковный при его Богослужении исполнялся без всяких сокращений и пропусков, требы совершались полностью, отчего служение его отличалось редкой продолжительностью. Служил он истово, неспешно, возгласы им делались уже по окончании молитв и пения. По окончании Богослужения, особенно

праздничного, он справлялся «сколько часов» (своих карманных часов он не имел и не умел с ними обращаться) и, если ему говорили 1 или 2 часа дня, то он был доволен, а если 11 или 12, то печалился, говоря, что слишком спешно служил, но выполнил устав; особенно долго совершал он проскомидию, поминал очень долго сам, без участия или помощи диакона. Самое лицо протоиерея во время совершения им Богослужения было отображением внутреннего молитвенного состояния. В посты, особенно в Великий пост, лицо его носило на себе печать сердечного сокрушения о грехах своих и ближних, и покаяния с надеждой на милосердие Божие; в дни Рождества Христова и Благовещения Пресвятой Богородицы и, в особенности, в дни Светлого Христова Воскресения лицо его сияло духовной, небесной радостью. Особенно глубоко сокрушенная молитва его была во время пресуществления св. Даров. На третий день Пасхи и Рождества Христова протоиерей неотложно сам торжественно служил в Кладбищенской церкви. В храмовой день этой церкви (30 июля) на его личный счет и при участии церковного старосты устраивались поминальные обеды, чем и привлекался народ к этой бесприходной церкви.

Любил он проповедовать слово Божие, и ни одной литургии не оставлял он без назидания; поучения его были кратки, но содержательны и назидательны. За ранней обедней он любил читать проповеди Путятина; но проповедь его не ограничивалась храмом. Он не опускал ни одного случая преподать урок христианской жизни; постоянными темами его таковых житейских проповедей были: глубокая вера в Бога и Его бесконечное милосердие, любовь к человеку-ближнему, помощь в нужде друг другу, терпение в несчастиях и мирное житие.

Настоятелем собора протоиерей Бунин состоял со времени назначения его благочинным, т. е. с 19 июля 1822 г., и по день болезни в 1869 году. Будучи проникнут истинно-христианским смирением, он никогда не тщеславился своим положением, как настоятеля собора и начальника среди своих сотоварищей. Вне Богослужения отношения его к сотоварищам по собору носили характер обычного смирения и сознания своего недостойнства, искренней душевной сердечности и уступчивости. Будучи

глубоко-образованным он никогда в кругу своих сотоварищей не принимал участия в каких-либо богословских прениях, никогда не выставлял на вид своей учености. Но стоило наедине серьезно обратиться к почтенному пастырю за разрешением какого-либо вопроса научно-богословского характера, как он – всегда скромный, оживлялся и поражал собеседника глубиной своего богословского мирозерцания, современностью взглядов и логичностью мыслей.

Нередко сотоварищи его, люди молодые, приносили ему, строгому ревнителю о жизни пастырей Церкви, огорчения своим не всегда воздержным поведением. Но он всячески старался скрыть недостатки своих сослуживцев от взора прихожан; чтобы поддержать добрые отношения к сослуживцам со стороны прихожан, сам вызывался заменять их при требах, не принимая за это никакой благодарности, говоря, что он исполнял свой долг, а случаи такой замены были чрезвычайно часты при необыкновенной слабости сослуживцев его. В тех случаях, когда кто-либо из низших членов причта или из прихожан, желая выслужиться пред протоиереем, передавал ему о том, что его сослуживцы в какой-либо веселой компании позволили осуждать его, он с негодованием запрещал им носить ему сплетни и укорял за то, что они нечестно поступают относительно своих священников.

Низшие члены причта того времени еще менее удовлетворяли требованиям добропорядочности. Спокойно, сердечным убеждением, личным примером он старался исправлять их, и такие меры, должно сказать, оказывались более действительными, нежели угрозы и наказания. Зато те же члены причта были лучшими знатоками церковного устава, так что псаломщики епархии, штрафованные за незнание устава, посылались епархиальным начальством для практического изучения Богослужения в Богучарский собор; здесь же обучались уставу и лица, ищущие мест псаломщика. В отношении распорядка в Богослужении, обновления и благоуукрашения храма-собора, протоиерей никогда не пренебрегал советами сослуживцев и всегда с полным вниманием выслушивал их.

Не любил протоиерей, когда священники вычитывали правила в церкви; не мог терпеть, когда разговаривали в церкви, сам обращался к другим лишь в самых важных случаях. Как бы ни был утомлен, никогда не садился в церкви.

Протоиерей Бунин горел любовью к благоукрашению храмов и особою ревностью о постройке новых церквей. В продолжение пятидесятилетнего служения воссоздал или перестроил все церкви города. При его поступлении Р.-Богородицкая церковь находилась на острове, ветхая и совершенно негодная для совершения в ней Богослужения; его заботами она была перенесена на настоящее место и сделана заново. Старая церковь, находившаяся в центре города, переименованная (с возведением слободы Богучар в город) в собор, была заново отремонтирована и благоукрашена стенною живописью; по его личной инициативе, его иждивением, при вспомоществовании лишь нескольких лиц, особо чтивших протоиерея, построена ныне существующая в городе Кладбищенская церковь; им же заложен фундамент и выложены стены настоящего летнего собора, который представляет до некоторой степени снимок с храма Христа Спасителя в Москве. Протоиерей Бунин страшно был заинтересован созданием этого величайшего памятника избавления России от *дванадцати языков*, так как хорошо помнил это событие и сам пережил все ужасы нашествия Наполеона на Россию; с необычайным вниманием следил он за ходом работ по созданию величественного храма и отбывавшим в Москву он делал поручение подробнее ознакомиться с этой постройкой и планом храма, имея в виду постройку собора в Богучаре по образцу Московского. Кроме того, по его инициативе, живому и непосредственному участию, построены церкви в его благочинии – в слободах: Дьяченковской, Купянке, Поповке, Лофицком, Загребайловке, Донцевой, Грушевой, Дубовиковой, Липчанке, Шуриновке, Грековке, Гадючем и других. Дело устройства церквей происходило так: когда в каком-либо хуторе с увеличением населения назревала потребность в устройстве своей церкви, протоиерей, по большей части, сам подавал жителям мысль созидать церковь, и, если эта мысль была по

сердцу старикам, то он горячо принимался за оборудование этого дела, и всеми зависящими от него средствами способствовал успешному началу дела. Дальнейшую работу: вызов архитектора, составление плана, хлопоты по разрешению постройки протоиерей брал на себя; по разрешении, он лично выбирал место, освящал его, неустанно следил за каждым шагом постройки, входя во все подробности ее, материально и советом вспомоществуя ей. Он горел желанием видеть вверенных его духовному водительству чад в возможности удовлетворять свои духовные нужды и потребности в своем храме, а не в чужих храмах, отстоящих в большинстве случаев на значительном расстоянии. При освящении храмов протоиерей помазывал миром престол и стены храма, (что составляет принадлежность епископов) рассуждая, что, если каждый младенец впоследствии бывает удобопреклонен ко греху, но при крещении помазуется св. миром, то тем паче должен быть помазуем храм, как место всегдашнего благодатного присутствия Самого Господа.

В исполнении приходских треб протоиерей был неутомим: ни болезненное состояние его, ни старость, ни плохая погода не могли удержать его от исполнения пастырского долга; без выговора, без ропота, с полной готовностью во всякое время дня и ночи спешил он явиться своевременно с молитвенною помощью к постели больного и вообще, к нуждающемуся в его помощи; причем к нему, к его мощной молитве прибегали беспрепятственно не только граждане, но и жители оковых сел и хуторов в уверенности, что добрый пастырь не откажет подать помощь; он не имел привычки, обычной в многотатных приходах, расспрашивать, «чьего прихода проситель», не спрашивал, почему к нему, а не к своему священнику обращаются, а, движимый любовью к страждущему собрату, спешил с помощью, забыв свои лета, свою немощь. Между прочим, на страницах Епархиальных Ведомостей, одним из старожилов г. Богучара В. М. Рыжковым рассказан следующий случай самоотверженного исполнения своих обязанностей протоиереем Буниным: «был я в поле верстах в 5 от Богучара, где убирал посеянный подсолнух. Поздно вечером, когда уже

совсем смеркло, собрав смолоченный, но несвязанный подсолнух в один большой ворох и оставив этот ворох непокрытым, я пошел было домой в город. Но, отойдя несколько от тока, я на полуденной стороне горизонта заметил быстрое приближение черной тучи, грозившей дождем. Воротился назад и с рабочими постарался прикрыть ворох от ожидаемого дождя. Эта работа заняла немало времени, так что, когда ее окончили, по моим расчетам было далеко за полночь. Несмотря на такое позднее время, я отправился домой. Между тем, замеченная туча покрыла весь горизонт, стало темно – хоть глаза выколи, к этому же подул ветер, переходивший в бурю. Едва я вышел на большую дорогу, ведущую в город, как проливной дождь спустился с такою силою, что в несколько минут пыльную дорогу превратил в грязную и скользкую. Путаясь и скользя в темноте и грязи, среди шума бурно падающего дождя, я вдруг столкнулся с каким-то человеком, шедшим мне навстречу, и едва не свалил его с ног. «Стой! кто идет»? почти разом воскликнули мы. Но еще не успел шедший навстречу мне что-либо ответить, как я по голосу тотчас же узнал его. «Это вы, батюшка, о. протоиерей, с удивлением воскликнул я. Куда это вас Бог несет ночью в такую погоду и пешком»? – спросил я. – «А, это ты, В. М.», узнал он меня. «Нужно, нужно, брат. Там женщина бедная умирает, – нужно спешить к ней. Бог ведает: застану ли я ее живую»,,, уже на ходу проговорил о. протоиерей и скорыми шагами поспешил вперед. Почти перед самым городом я услышал впереди себя мелкую рысь бегущей лошади, запряженной в какой-то экипаж, и громкие крики: «батюшка, батюшка, да пидожды рады Бога. Хиба ж можно так робить добрым людям, як ты оце робишь»? Это ехал старик кучер о. протоиерея. На другой день – так закончил свой рассказ мещ. Р., я узнал, что о. протоиерей, поздно возвратившийся домой с какой-то требы, узнав от своих домашних о тяжелой болезни означенной старушки и желании ее быть напутствованной св. Тайнами, не дожидаясь, пока запрягут лошадь, а, быть может, жалея своего старика Сергея (кучера), наскоро собрался и, несмотря на темноту и собиравшийся ливень, поспешно отправился туда, где его ожидали (5 верст). И

Бог, видя такую попечительность достопочтенного о. протоиерея, а, быть может, вследствие горячей его молитвы о том, не попустил, чтобы труд его был напрасен: он пришел к больной прежде своего кучера, исповедовал и приобщил ее св. Тайнами, и в минуту приезда Сергея больная мирно скончалась.

Там же рассказано. «Был у о. протоиерея сын – врач, сначала проживавший в одном с ним доме. Я пришел к сыну о. протоиерея с намерением просить его о врачебной помощи для сильно больной моей жены. К моему прискорбью в этот раз сам врач был нездоров и потому не мог явиться к моей больной и помочь ей. О болезни врача я узнал от самого о. протоиерея. Приняв самое горячее и сердечное участие в моем горе, он обнадежил меня, что наавтра он непременно пришлет своего сына. Это было вечером. На следующее утро, несмотря на обещание о. протоиерея, я сам поспешил к его сыну. Когда я подходил к его дому, о. протоиерей выехал было в своем экипаже (т. е. линейке) со двора, как оказалось после, для требоисполнения в отдаленном конце города. Увидев меня, он поспешно соскочил с линейки и обратно побежал в дом. Как разъяснилось, он, по старческой слабости, забыл свое обещание рано разбудить и прислать ко мне сына врача и теперь спешил это выполнить. Разбудив сына и взяв с него слово немедленно помочь мне, он оставил своего кучера и экипаж для сына и меня, а сам пешком поспешил, куда было выехал. Ни сердитое ворчание Сергея, ни мои и его сына-врача уговоры не остановили его».

С особым самоотвержением исполнял он требы во время холерной эпидемии в 1847–54 гг., почтенный пастырь не знал усталости, не имел ровно никакого покоя, напутствуя больных; в это тяжелое, по воспоминаниям, время добросердечного пастыря можно было видеть лишь у одра больных, везде он появлялся, как ангел-хранитель, одних ободряя надеждою выздоровления, других примиряя с неизбежностью смерти; едва ли не один за всех священников работал, напутствуя больных, так как среди общей паники и упадка духа сотоварищи охотно предоставляли почтенному пастырю проявлять свою самоотверженную любовь к ближним. Среди такой деятельности

его, христианский дух его не поколебала даже смерть присных ему – жены и дочери, скончавшихся от холеры почти внезапно и едва ли не в отсутствие его, когда он переходил от одного больного к другому. Кончились ужасы холерной эпидемии, наступили годы Крымской войны, повергшей соотечественников в глубокую печаль... с не меньшей энергией работал Богучарский пастырь и в эту тяжелую годину... целые транспорты отправлял из Богучара сухарей, рубах и полушубков, как жертву граждан и жителей окольных сел, подвигнутых на это примером пастыря и сердечным воззванием его ко всем жертвовать на это св. дело, чем кто только мог жертвовать.

В отношении вознаграждения за требы, он проявлял полное бескорыстие. Раздавая все, что только можно было отдать, что только лежало у него под руками, неимущим, понятно, как далеко он должен быть от того, чтобы производить торги. При совершенном его бескорыстии, вопрос о вознаграждении был ему совершенно безразличен; но не так смотрели на это его сотоварищи, которые при общей братской кружке, естественно, должны были много терять и не могли мириться с его бескорыстием, так ощутительно отражавшемся на их кармане. Понятно, они старались вознаградить себя иными путями; так – плата за требы, совершаемые другими священниками, по большей части, не вносилась в общую кружку, а делилась между совершавшими требу поручно; низшие же члены причта при совершении треб самим протоиереем, напр., молебна, ухитрялись брать плату до окончания требы.

По принятии священства, он проходил должность законоучителя в приходском училище, а по открытии уездного училища – в нем преподавал Закон Божий в течение 20 лет, пока не передал законоучительства сыну своему о. Георгию, священнику Кладбищенской церкви. По отзывам многочисленных учеников его, уроки по Закону Божию не носили никакого официального оттенка; не слышали ученики никогда ни резкого тона, ни порицания, ни угроз, ни негодования за незнание урока; отметки совсем не ставились. Уроки по З. Божию были – простая, душевная, нередко вдохновенная

беседа любящего отца со своими детьми, между которыми он не отличал ни хороших, ни плохих, – все были одинаково дороги для него. Истины св. православной веры, уроки нравственности, подтверждаемые примерами из истории ветхого и нового Завета, излагались им так, что они, прежде всего, запечатлевались в сердце слушателей. В каждом рассказе, в объяснении сообщаемого события, заметна была горячая любовь батюшки к делу и детям, и искреннее желание, чтобы учащиеся усвоили, внедрили поглубже в себе сообщаемое знание. Благодаря тому, что законоучитель останавливался на выясненном событии настолько продолжительно, сколько требовалось для основательного усвоения его, программа по Закону Божию, по большей части, не проходила вся, но от этого дело нисколько не страдало, напротив, сказывались самые благодетельные последствия такого преподавания.

К нему обращались в различных тяжелых обстоятельствах жизни, за разрешением недоуменных вопросов служебного и семейного характера – лица всех званий и сословий; в особенности, к его посредничеству прибегали в случае разного рода семейных споров, ссор и домашних неурядиц, и не только жители города, но и из далеких окраин уезда; прибегали с верой в его беспристрастный суд; хорошо зная, что причиной семейных неурядиц и споров, по большей части, бывает – гордость, самолюбие, самомнение; пастырь-миротворец прежде всего убеждал обращающихся к нему отбросить эти недостатки. Горячо, искренно, по-братски он примирял ссорящихся, разбирая по несколько часов предметы их вражды и ссоры, указывая на Господа Иисуса Христа, как образец милосердия и незлобия ко врагам и на примеры из жизни угодников, а также на кратковременность нашей жизни. При этом он порою сам собою заменял лицо, желавшее примириться и со смирением, а нередко и со слезами просил у враждующего христианского прощения. Такая мера всегда почти имела успех. Не реже были случаи обращения к нему, к его духовной опытности и знанию им жизни в весьма серьезных недоразумениях ума

человеческого; с этой стороны он был известен далеко за пределами уезда.

Расцвет благотворной деятельности приснопамятного о. протоиерея совпал со временем управления епархией знаменитых наших архипастырей Антония и Иосифа; слава о такой деятельности протоиерея Богучарского заходила далеко; знали о ней и местные архиереи: Игнатий, Антоний и Иосиф, последние, оба известные подвижники; все они относились к Бунину не по-начальнически, а братски, любовно. Один старый семинарист вспоминает, что протоиерей Бунин, по награждении его орденом св. Анны 3-й ст. был у преосвященного Игнатия, и тот пригласил его на публичный акт в духовную семинарию. О. Бунин явился в своем неприглядном костюме и по обычной скромности занял последнее место. Преосвященный Игнатий заметил его, предложил ему сесть рядом с собою и, следовательно, выше многих знатных светских особ; такое необычайное внимание к невзрачному на вид протоиерею заинтересовало всех присутствовавших и с этого времени имя «Бунина» стало известно среди воспитанников семинарии. В другой раз, к тому же владыке протоиерей явился, не застегнув ворот рясы, причем орден был надет наизнанку. Преосвященный шутливо любезно заметил: «что это ты, братец, явился ко мне не в порядке: у тебя и пуговица на рясе не застегнута, да и орден наизнанку надет, дай я тебя исправлю», и сам застегнул рясу и поправил орден. Ходатайства протоиерея пред владыками все почти удовлетворялись, так как архипастыри были уверены, что сей муж, живущий для Бога и ближних, никогда не злоупотребляет доверием своих начальников; во всех сношениях с архиереями не было никаких формальностей, причем о. протоиерей не любил официальных бумаг. При поездках по епархии, архиереи всегда останавливались у протоиерея на ночлег, несмотря на чрезвычайную простоту обстановки, соединенную иногда и с неудобствами для дорогих гостей. Любили архипастыри, во время ночлегов у него, беседовать со старцем и расспрашивать о его жизни и делах. Один из свидетелей ночлега преосвященного Иосифа у протоиерея рассказывал:

«преосвященный Иосиф пожаловался хозяину-протоиерею на страдание ног от ран и, извинившись, что не может долго сидеть, попросил подать подушку на деревянный диван, лег на ней, посадил около себя протоиерея и просил его рассказывать о своей жизни. И вот, старец протоиерей начал повествовать о глубокой старине, об ученических годах и когда начал говорить об учительской службе своей в семинарии и упомянул о преподавании математики, то преосвященный Иосиф спросил: «а понимал ли ты сам математику»? – «Я имел хорошего руководителя», отвечал старец. – «Кого»? снова спросил владыка. «Ивана Яковлевича Зацепина». – «Ну, теперь понимаю», и долгие часы беседовали старцы, вспоминая оба прошлые своей жизни. Об отношениях к протоиерею преосвященного Антония должно сказать, что отношения эти были самые сердечные, дружественные, основанные на взаимном уважении подвигов один другого. Зная подвижническую жизнь протоиерея, его духовную зрелость, а также знание в совершенстве им церковного устава, архипастырь этот весьма часто посылал на духовное испытание к Бунину провинившихся псаломщиков, нетрезвых в жизни, нетвердых в уставе, и участие таких лиц в Богослужении собора под руководством протоиерея заменяло монастырские штрафы.

Протоиерей Бунин состоял благочинным с 19 июля 1822 г. и по день болезни, сведшей его в могилу; кроме того, с 30 августа 1821 г. был присутствующим в духовном правлении до закрытия правлений. Благочиние его в то время состояло из сел и хуторов, числом доходивших до 40, что в настоящее время составляет более 3-х благочиннических округов; самые дальние церкви отстояли от Богучара в 60 верстах. При низком уровне образования, а отсюда – отсутствии сдержанности и добропорядочности, отношения между членами причтов были наихудшие. Дефект кружечных денег, спорное пользование церковной землей, пренебрежение службой, нетрезвость в поведении, – все это порождало между ними взаимную вражду, переходившую на официальную почву в виде жалобы друг на друга в духовное правление и благочинному. Вот тут-то и

открывалось широкое поле для миротворческой деятельности почтенного начальника.

Духовенство его благочиния составляло одну семью, и к нему безбоязненно шли все обиженные в уверенности, что начальник рассудит их по правде. И он просто, без начальнической запальчивости, без повышения голоса выслушивал жалобы членов причта, указывал на нередкую неосновательность таких жалоб (если они были кляузами) и принимал все отеческие меры к тому, чтобы дело покончить миром. Низших членов причта, жалующихся на священников, он убеждал относиться к настоятелям церкви с должным почтением и полным доверием; священников, ведущих нетрезвую жизнь, притесняющих низших членов причта – несправедливо к ним относящихся, преследующих корыстные цели в приходе, он уговаривал наедине, как товарища, как брата о Христе достойно нести высокую обязанность своего служения, умолял, убеждал и не раз, а много раз. Прихожан, жалующихся на нетрезвость духовенства, лишние поборы за требы и т. п. он наставлял относиться снисходительно к человеческим слабостям вообще, и пастыря в частности, убеждал жить с ними в мире, согласии и взаимном уважении, носить тяготы друг друга. Лишь в крайних случаях, когда истощались все меры убеждения и примирения члена причта с сотоварищами или прихожанами, когда испробовались все средства к исправлению дурных отношений, и известное лицо становилось совершенно нетерпимым в приходе, он советовал такому лицу хлопотать о переводе в другой приход, причем сам лично озабочивался о том, чтобы такой переход не был разорителен в материальном отношении. Донесений по начальству как сам не мог терпеть, так неблагоприятно смотрел на письменные доносы других, напр., священников на низших членов причта. Один священник рассказывал, что, недовольный поведением своего псаломщика, он донес рапортом благочинному Бунину о неблагоприятных поступках псаломщика; ответа не последовало; не последовало никакого распоряжения от благочинного и на последующие два рапорта по тому же делу; в недоумении, что значит молчание благочинного,

священник явился к о. Бунину и высказал претензию на невнимание к его донесениям. Терпеливо, со вниманием выслушав о. Н и его жалобу на дьячка, о. протоиерей сказал: «а я думал, что вы человек, как человек, а вы бумажный человек». Как, я бумажный человек? возразил священник. «Очень просто, отвечал о. протоиерей, вы любите напрасно и без дела марать бумагу; при первом знакомстве с вами, я составил о вас мнение, как о человеке добром, а, оказывается, вы не усвоили себе этого качества; добрый человек всегда ищет в другом хорошее, доброе, дурное же качество не замечает или не обращает внимания; если и заметит непорядки в причте, а также и в приходе, добрый священник старается устранить их без гнева и рвения, одним духом кротости; священник должен быть идеалом мира и этот мир поддерживать и в причте, и в приходе, а вы вздумали бумажиться. Прошу тебя: оставь бумагомарание и поучись жить в мире, правде и добре; поставь себя так, чтобы причт и приход полюбили тебя, уважали и почитали; поверь мне, что, если ты усвоишь себе это правило истины и олицетворишь их в своих действиях, то причт и приход не только будут слушать тебя, но и предупреждать твои желания». Священник отошел от о. протоиерея пристыженным, вполне сознавая свою молодую опрометчивость; добрый совет старца принял к сердцу и, руководствуясь этим советом, впоследствии нашел в своем причте и приходе и мир, и любовь, и согласие, а также искреннее уважение самого протоиерея. Протоиерей Бунин внушал духовенству, чтобы оно не только занималось чтением Свящ. Писания и святоотеческих книг, но, по возможности, было в молитвенном настроении и всегда готово к совершению Богослужения. Однажды молодой городской священник, услышав звон к утрени в соборе в день, когда положено святому совершать всенощное бдение, взошел в собор; служил о. протоиерей; с радостью встретил его о. протоиерей, предложив сослужить ему; священник отказывался тем, что не читал вечерних правил. Протоиерей на это сказал: «как? ты священник и не читаешь каждый день вечерних правил? Помни – ведь ты назорей – посвящен Богу... ты всецело должен пребывать в молитве к Богу, ведь по-

настоящему ты должен ежедневно приносить бескровную жертву Богу, и, если это где не делают, то лишь в селах по недостатку средств в церкви на ежедневные службы, и затем дал ему прочесть молитвы к св. Причащению, а также прочесть на клиросе дневной канон святому, а остальное выполнить дома после службы.

Подведомственное духовенство высоко ценило такое отеческое отношение к нему начальника и платило ему нелицемерною любовью; к нему шли все запросто не только по делам службы, но и по неурядицам семейного характера. «Ни одно событие в семье члена причта не обходилось без благословения уважаемого начальника; женились и выходили замуж из семей членов причта лишь по благословению старца. Да, это была одна семья, где главою ее был немощный телом, но крепкий духом и верою старец, являвшийся в одно время и начальником, и советником, и утешителем, и нелицеприятным судиею», – так воспоминал один из современников о. Бунина. Как рачительный отец, он не оставлял рядовых деятелей без наград, а также ктиторов, которые при благоволении к протоиерею местных архипастырей получали награды не в очередь, непосредственно по представлению. Но, что особенно дорого было для подведомственного ему духовенства, так это его отеческие заботы о семьях причта в случаях смерти главы семьи. Каждый член причта, умирая, знал, что необеспеченная семья его не будет брошена на произвол судьбы, что у нее остается, по крайней мере, на первых порах общий и дорогой попечитель – сердобольный отец и утешитель, который своею любовью пригреет и пристроит сирот. Вдовы и сироты духовного звания, при необеспеченности и крайней бедности тогдашнего духовенства, всегда были предметом особых забот протоиерея. Такое попечение его о вдовах и сиротах находило сильную поддержку во внимании к такого рода его деятельности преосвященного Антония, который, как известно, был горячим защитником и устроителем сирых духовного звания. С его времени, собственно, и начались деятельно выражаться заботы епархиального начальства о бедных духовного звания и, таким образом, в этой деятельности протоиерей являлся правою

рукою своего архипастыря. В случае смерти главы семьи (члена причта), он немедленно подавал помощь прежде всего от себя, а нередко и по приглашению от духовенства благочиния; и в то же время, испрашивал пособие таким семьям от попечительства. Оставшаяся вдова его заботами определялась просфорнею при той же церкви, где служил ее муж, если это было возможно или в ближайшей слободе; за дочерьми и сыновьями умершего члена причта, по обычаю того времени, зачислялись места отцов, причем протоиерей сам озабочивался приисканием жениха или невесты, что было сделать нетрудно такому популярному покровителю, каким был протоиерей. Недостатка в кандидатах на зачисленные места не было; они, обыкновенно, приезжали прямо в дом протоиерея, поселялись иногда здесь на все время сватовства – до женитьбы; здесь получались ими необходимые сведения о невесте и месте, и отсюда же жених отправлялся с своими родными на место жительства невесты, и, если затем дело сходилась, то совершался брак с благословения протоиерея; но этим попечение его о сырых не ограничивалось, а он, как попечительный отец, озабочивался судьбой и других, меньших детей, никогда не терял их из виду и всячески вспомоществовал устройению их жизни.

С особым почтением относились к нему и уездные помещики, знавшие его благочестивую жизнь и часто обращавшиеся к нему за советами в делах семейного характера; посещение своих домов протоиереем они считали для себя за особую честь. Рассказывают, что однажды протоиерей был приглашен совершить молебствие по случаю какого-то большого торжества в слободу Шуриновку к именитым дворянам Шуриновым, около коих группировалось дворянство Богучарского и Острогожского уездов; на этот раз случились знатные гости даже из Петербурга. Близкими к протоиерею было много потрачено, и совершенно напрасно, труда убедить его ехать в Шуриновку в более приличном экипаже и на наемных лошадях, чтобы слишком уже неприглядным видом собственного экипажа с кучером – Сергеем не вызвать смеха представителей дворянства, но протоиерей остался

непреклонен и со смирением поехал на своей лошади, потерявшей уже цвет от старости и в своем экипаже, издававшем разнообразные звуки и треск при езде. Понятно, батюшка был принят достойно своего сана и был все время предметом самого внимательного отношения к нему со стороны хозяев, всегда его чтивших, и гостей, коим, без сомнения, было сообщено о подвигах невзрачного на вид батюшки. Проводить чтимого батюшку вышли все гости, и каково было их удивление, когда к крыльцу была подана еле передвигающая ноги лошадь и экипаж, не имеющий уже определенного вида, готовый рассыпаться, со стариком Сергеем на козлах – ровесником и экипажу, и лошади. Пораженные таким смирением городского батюшки – начальника, присутствовавшие на руках снесли старца с крыльца, усадили в экипаж и в глубоком молчании, низкими поклонами проводили дорогого гостя.

Поистине, он был другом всех обездоленных, гонимых судьбою, разбитых в жизни, выбитых из колеи ее; к таковым он преимущественно приходил с деятельной помощью, утешал словом, кормил, поил, давал приют, на них особенно он изливал любовь своего сердца. Никто не знал, откуда он брал для оказания помощи неимущим, но все прибегавшие к нему были уверены, что он не оставит их без помощи. Мы не говорим уже о самой деятельной помощи, постоянно оказываемой им многочисленным родным, из коих беднейшие беспрепятственно и даже без ведома протоиерея из дома его получали все, чего недоставало в их домашнем обиходе или, вернее, забирали у него все, что только можно было взять; на его средства постоянно содержались даже отдаленные родственники, коим он никогда не отказывал в помощи и по возможности старался пристроить их к жизни, но кроме этой семьи, кровной ему по плоти, у него была другая, гораздо большая семья сродных ему по духу, о коей он пекся не менее, нежели о родной. К этой семье, пользовавшейся его кровом, прежде всего, принадлежал, если можно так выразиться, интеллигентный пролетариат из духовного звания, – это: неудачники науки, молодые люди, уволенные из духовного училища и семинарии, не имевшие определенных занятий, а нередко и пристанища,

нуждавшиеся в сильной опоре и поддержке для вступления в самостоятельную жизнь. Они являлись с разных сторон епархии к протоиерею Бунину, пользовавшемуся широкой известностью устроителя несчастных, с просьбою дать им временно какое-либо дело до приискания при его же помощи псаломщического или диаконского места, или на частной службе. Таких лиц протоиерей помещал в своем доме или же во флигеле. Чтобы они не предавались праздности и не отдавались порокам, порождаемым праздностью, он открыл при своем доме школу, в коей предлагал заниматься искателям мест; сам же преподавал в ней Закон Божий, следил и руководил занятиями и, вместе с тем, здесь усматривал те или другие способности и наклонности своих учителей и соответственно способностям каждого, по долговременном испытании, подыскивал им места, лучших рекомендовал Епархиальному Начальству для определения на диаконские и псаломщические места, неспособных же в прохождении духовных должностей, но доброй нравственности, определял в духовное правление писцами, сторожами и т. п., а также рекомендовал на службу частным лицам. Школа эта имела и другое весьма важное значение для духовенства; в нее принимались почти исключительно дети беднейших членов причта и, преимущественно, тех, которые по своей малообразованности не могли подготовить детей своих в духовное училище. Таким образом, школа эта имела целью – подготовку псаломщиков из неудачников духовной школы и подготовку детей беднейшего духовенства в духовное училище. Лица, принятые под кров протоиерея, обласканные его любовью, поддержанные им в жизни, впоследствии выходили людьми дельными. Но не одни незрелые юноши духовного звания находили кров и покровительство у протоиерея; имя его, как покровителя сирых, было особенно популярно среди воспитанников духовной семинарии; вот почему нередко и безродные студенты семинарии, не имевшие где приклонить свою голову, по окончании курса, проживали некоторое время у протоиерея и при его посредстве находили места и невест. Приют, впрочем, не ограничивался одними лицами духовного звания: между пользовавшимися его кровом и теперь

припоминают лиц других сословий и даже народностей – помнят одного армянина, пришедшего с пограничных мест Турции и даже одного выкрещенного еврея.

Не меньшей любовью и вниманием его пользовались и разного рода профессиональные странники, монахи и сборщики на построение церквей, приходившие иногда с отдаленных мест. Это были самые дорогие его гости, с ними он проводил все свободное от служебных занятий время в задушевной беседе; сборщиков на храмы он расспрашивал подробно о нуждах церкви и о средствах построения; монашествующих – о святынях русских монастырей, жизни монашеской и их подвигах, но с особенным интересом слушал он странников, посещавших Палестину, св. Афон и другие святыни, отдаленные от России. Любовь его к странноприимничеству, нужно думать, и подсказала ему благочестивую мысль устройства для приюта таких лиц особого гостеприимного дома на свои средства и на своем дворе, в котором никогда не выводились странники и куда они не раз в своих путешествиях заходили, находя самый сердечный прием гостеприимного хозяина-старца. Управительницей этого странноприимного дома была поставлена старуха хутора Поповки – Марья, по прозванию Овчарка, раза три путешествовавшая в Палестину и побывавшая во многих русских монастырях. Пища и содержание этого дома шли от щедрот самого устроителя приюта. Не менее высокой чертою жизнедеятельности протоиерея Бунина было его нищетолюбие. По выходе из церкви его всегда можно было видеть окруженного нищими, которые подходили к нему, как к отцу, и всех он оделял деньгами, какие только получал при служении. Отец протоиерей не имел кошелька, а забирал деньги в карман. Раз, одним прихожанином было подано на проскомидию 50 к.; протоиерей никогда не обращал внимания на монеты и на этот раз не заметил такой крупной монеты и, опустив ее в карман, по выходе из собора, оделяя нищих, одному из них отдал полтину. Получивший ошибочно, как он думал, 50 коп., догнал о. протоиерея и просил его обменять серебряную монету на медную, говоря: «я нуждаюсь в помощи, но такой монеты не приму от тебя, я соберу себе еще в других

местах, но ты, милосердый, до копейки роздал нам, а ведь есть и, быть может, тебя дома ожидают такие, которые беднее нас, и тебе тяжело будет отказать другим – таким же несчастным». Протоиерей не взял обратно монеты, сказав: «тебе попалась эта монета – твое счастье». Немало было, конечно, и злоупотреблений со стороны нищих: вместе с действительно неимущими к нему протягивали руки и молодые, способные к труду; он не отказывал им, но убеждал их оставить это занятие, указывая на великий грех тунеядства, когда человек в силах работать, а побирается по лености; старался приискать таким лицам занятие у себя дома, в церкви и у других добрых людей. Старики безродные, немощные калеки были предметом особого о них попечения; таковых он подробно и внимательно расспрашивал об обстоятельствах жизни и помогал, чем мог: одеждою, деньгами, приказывал прислуге накормить их, а когда не было более нуждающихся в его крове, оставлял их на некоторое время у себя на кухне. В дни своего ангела, а также в дни помина всех родных он делал угощения исключительно нищей братии. Рассказывают такой случай. Вскоре после женитьбы одного из своих сыновей, поселившегося с женою в доме протоиерея, протоиерей был именинник. Молодая невестка, светски воспитанная и из богатого дома, заблаговременно стала готовить яства и питья к торжеству, в надежде видеть в этот день в доме свекра именитых граждан, пред которыми, кстати, можно было ей щегольнуть своими богатыми костюмами. В день ангела расфранченная невестка поджидала гостей, для которых в парадной комнате была приготовлена разнообразная и дорогостоящая трапеза. Но каково было ее удивление и затем огорчение, не имевшее границ, когда во двор въехала линейка, наполненная братией-нищими, а за нею следовала еще толпа таковых гостей, а вместе с ними и протоиерей именинник. Вся эта компания была введена в парадную комнату, и все заготовленное к торжеству было уничтожено неожиданными гостями при усердном угощении самого именинника. Огорченная и обманутая в своих ожиданиях невестка исчезла из дома на это время, и бедному старику-имениннику пришлось со слезами просить прощения у

невестки за то, что он забыл предупредить ее о своих гостях... Озабоченный участью безродных, немощных и других несчастных, остающихся в старости без крова, протоиерей издавна лелеял мысль устроить особую богадельню для них; но значительные расходы на осуществление такого учреждения, при постоянном его безденежье, некоторое время задерживали осуществление этой заветной его мысли. Однако же, Господь помог ему завершить и это доброе дело, остающееся и поныне памятником его любви к убогим: в 1840 г., по его мысли, его же старанием, при обильном пожертвовании многочисленных почитателей его, был начат постройкой храм на городском кладбище, наименованный храмом великомученика Иоанна Воина (в честь св. патрона его отца); о. протоиерей воспользовался этим случаем, чтобы осуществить и другую мысль – устройство при сем же храме богадельни, в чем он и успел при помощи благотворителя, винного пристава Травина, пожертвовавшего под богадельню усадьбу с некоторой постройкой, находившуюся в смежности с церковной оградой. На устройство этой богадельни несли жертвы почти исключительно жители соседних хуторов – прихожане собора. Богадельня эта была предметом особого попечения старца; едва ли проходил хотя один день без посещения ее протоиереем, который не мог духовно нарадоваться на свое детище. Почитателями памяти обожаемого пастыря на содержание богадельни внесены вечные вклады, город так же принял участие в судьбе этого учреждения, ежегодно субсидируя на его содержание.

Тайную милостыню он творил преимущественно тем, кто стыдился протягивать руку за помощью открыто. Такой любвеобильной помощью его пользовались преимущественно беднейшие жители гор. Богучара, так называемой Харьковской слободки и хуторов Вервековки и Поповки. Рассказывают, что почтенный батюшка, при чтении предпраздничных молитв Р. Христова и Пасхи по домам, часто возвращался домой, ничего не имея на возу; все, что давалось в зажиточных домах; хлеб в зерне, мясное и т. п. – отдавалось по домам беднейшим. Одна старуха хутора Поповки (теперь слободы) передавала, что по

смерти мужа она осталась с матерью и четырьмя детьми совершенно без всяких средств к жизни; положение ее было безвыходное, оставалось идти с сумою по миру; особенно грустно и тяжело, по ее словам, становилось накануне великих праздников Р. Христова и Светлого Христова Воскресения, когда в доме ее не было не только чем разговестись, но даже нечего совершенно есть; но ни разу она не осталась не утешенной; в продолжение нескольких годов, как бы невидимою рукою, от неизвестного лица приносилось из города в избытке все необходимое к празднику, и съестное, и одежда, и так продолжалось, пока дети не поднялись на ноги; лишь впоследствии этой вдове стало известно, что такое благотворение идет, или шло, от сердобольного Богучарского батюшки, да и не ей одной, а и нескольким в хуторе – подобным ей. Таким образом, не только ближние, всегда напоминавшие о себе, но и дальние, о существовании коих, думалось, едва ли мог знать пастырь-благотворитель, удостаивались его призрения. Тайная помощь его не знала границ и достигала той степени, что он нередко сам оставался без необходимого. Одна старица Харьковской слободы передавала, что, приходя к батюшке с просьбой о помощи, она не раз получала из рук его так называемое тесто, уже заготовленное для печения хлеба; добрый батюшка, не имея, что подать просителю, нуждающемуся в куске хлеба, пользуясь отсутствием из кухни кухарки, ухитрялся незаметно выбирать из горшка означенное тесто и раздавать его беднейшим, вызывая, понятно, гнев и укоры прислуги. Состоятельные родные его, приезжая в город проводить старика и зная, что у него может даже не случиться чаю, предварительно заезжали в магазин, закупали необходимого к чаю и этим угощали своего патриарха. В доме его, кроме книг, принадлежностей канцелярии, самой необходимой мебели – простой, незатейливой работы, – ничего не было, не говоря уже о предметах роскоши, о которой ничто в доме не напоминало; мы не говорим также о деньгах, которые у него никогда не задерживались, а, если ему и приходилось получать из братской кружки какие-либо деньги, то он не складывал их в какую-нибудь шкатулку или место запираемое, а

раскладывал их по окнам, как говорили, для того, чтобы было удобнее брать их для раздачи нищим – постоянным гостям его дома. Многим приходилось видеть, как протоиерей при входе нищего, по всегдашней своей торопливости и суетливости, подбегал то к одному окну, то к другому, ища руками на окнах денег и, если таковых не оказывалось, то отдавал нищим то, что попадалось ему на глаза – была ли то вещь или одежда. Богучарские купцы рассказывали, что почтенный батюшка их никогда не забирал в лавках нужного ему товара на большую сумму за постоянным безденежьем; нередко случалось, что в ожидании гостей к себе (напр., благочиннического съезда духовенства), а больше для потребностей странноприимного дома и богадельни, сам заходил в лавку и спрашивал отпустить ему осьмушку чаю и фунта два сахару, большей меры он не знал, не требовал, не имея, чем заплатить, причем торопливо рылся в карманах, ища денег, но, по большей части, денег не оказывалось. Сильно сконфуженный, он просит отсрочить уплату за товар, обещаясь уплатить в скором времени. Зная его скромность и не решаясь оскорбить его предложением принять нужный ему товар в большем количестве и без денег, глубоко чтившие его купцы, обыкновенно, в таких случаях не давали ему товар на руки, а обещались прислать на дом, причем, вместо $\frac{1}{2}$ ф. чаю и 1 ф. сахару, по большей части, отсылали целый фунт чаю и голову сахару. Если протоиерей узнавал о присылке в таком количестве товару, то, предполагая здесь ошибку, отсылал обратно в магазин, откуда тот же товар передавался кому-либо из домашних протоиерея, с предостережением, чтобы он не мог узнать. Когда же протоиерей отправлялся в магазин уплачивать долги, то купцы старались уверить его, что долг давно им уплачен, чем приводили в большое удивление старца, ссылавшегося на свою старческую забывчивость. Мы уже говорили, что, за неимением денег, почтенный протоиерей делился с нищими всем, что только попадалось ему на глаза, оставаясь сам нередко без самого необходимого даже в одежде. «Однажды, – передавал один почтенный иерей, – я прихожу по делу к протоиерею, в передней у него нищий, вхожу в следующую комнату и вижу

весьма странную и на первый раз непонятную картину: почтенный начальник запутался в ночной сорочке и никак не может ни снять ее с себя, ни надеть на себя... нетрудно было догадаться, что протоиерей, не имея, что дать нищему, начал снимать с себя сорочку, чтобы отдать ее просителю, но, по обычной своей суетливости, быть может, заметив мой приход, заспешил и забыл расстегнуть верхние пуговицы, отсюда и получилось безвыходное положение его. Я, понятно, помог ему выпутаться. Сконфуженный моим присутствием, он отдал сорочку нищему, а сам, не имея для перемены лишней рубахи, надел поверх тела один подрясник. Крайне неприятно пораженный тем, что я был невольным свидетелем этого, он много раз лобызал меня, убедительно прося никому не говорить о виденном, что я и выполнил, не оглашая о сем до его кончины», заключил иерей. Другой выдающийся случай рассказывал бывший инспектор народных училищ г. Ф–в, сослуживец протоиерея по уездному училищу и притом находившийся в близких дружественных отношениях с ним: «почтенный законоучитель из года в год носил одну и ту же шубу, которая по своей ветхости и изношенности едва ли шла маститому настоятелю собора, благочинному и т. п. По дружбе с ним, г. Ф–в позволял себе неоднократно замечать ему: «что это вы, о. протоиерей, так плохо одеваетесь, занимаете такое высокое положение, а шуба на Вас никуда негодна». «Смотрю – передает г. Ф–в, однажды наш законоучитель является в училище в новой шикарной и дорогостоящей беличьей шубе и шутливо говорит, что, вот де сын (доктор) прислал ему в подарок шубу и теперь он исполняет желание многих видеть его в приличной шубе. Но недолго щеголял наш батюшка в новой шубе, прошло дня три-четыре, и наш законоучитель появился в старой шубе. На расспросы – почему он опять в старой шубе, протоиерей отвечал уклончиво, что шуба украдена».

Тайна с шубой была раскрыта только спустя несколько лет после смерти протоиерея. Одна из благочестивых женщин г. Богучара при посещении Палестины удостоилась беседы с Иерусалимским патриархом, который, узнав, что собеседница из Богучара, между прочим, спросил ее: «а как поживает

Богучарский протоиерей?» Пораженная тем, что смиренный старец-протоиерей известен патриарху, собеседница полюбопытствовала узнать, каким образом Его Святейшеству известно имя их доблестного пастыря? Патриарх ответил: он мой благодетель... прислал мне дорогую шубу.

Не задерживались у о. протоиерея деньги, не имелось у него ничего лишнего в вещах, одежде и обстановке; не было запаса у него зернового хлеба, ни муки, ни съестных припасов и вообще, провизии для семейного продовольствия даже к следующему дню. Амбары его всегда были пусты, равно, и кладовая, а, если, что и приносилось от щедрот граждан, то не задерживалось также и несколько дней, несмотря на то, что домашние его, особенно старик Сергей, постоянно запирали от о. протоиерея кладовые, амбар и пр., и ключ держал у себя, не доверяя о. протоиерею. Причем, в отношении благотворения съестными припасами и зерновым хлебом протоиерей имел нередко столкновение с названным слугою Сергеем Яковлевичем. Сергей – это верный слуга о. протоиерея, или, лучше, доверенное лицо, с коим он делил и горе, и радость в течение сорока лет. Преданный слуга верой и правдою служил батюшке до последнего его вздоха и пользовался полным его расположением, любовью и доверием. Это был самый бескорыстный советник, который на расспросы о том или другом их домашнем деле, в простоте своей, обыкновенно, говорил: «мы с батюшкой порадылись (сговорились, порешили) так-то»; для таких-то рад, или совещаний, Сергей каждый вечер приходил к батюшке – расспросить его о распоряжениях к следующему дню, и здесь у них сообща решалось то или другое. В одном лишь они не сходились: батюшка любил раздать все бедным явно и, преимущественно, тайно, Сергей же своим долгом считал всячески охранить батюшкино добро от его чрезмерной «слабости», как называл Сергей широкую благотворительность о. протоиерея. На этой почве они не сходились, и старику-протоиерею приходилось не раз выслушивать упреки и укоры от Сергея в том, что он ничего не припасает про черный день. Между прочим, на этой же почве между ними вышла однажды такая история: во время хождения

по приходу с молитвой пред праздником Р. Христова было собрано и привезено домой некоторое количество кур, гусей, колбас, сала и мяса. *«Птыци и м'яса, привезенного для своей семьи булоб на тыждень, або й бильше»*, после жаловался Сергей и затем прибавил: *«воно то и бильше було забрано, та хиба наш протопоп – який? шо забрав у двох або й бильше дворах – все и раздаст, де побаче, шо тисно жывуть»*. Да, так на этот раз Сергей сам прибрал все добытое мясо и проч., запер амбар и ключ оставил у себя. Дня за два или за три до праздника, ложась спать, Сергей, по забывчивости, оставил ключ от амбара, где хранилось мясо, в кармане своего полушубка, а самый полушубок положил в стороне от себя. Утром, проснувшись, он заметил свою оплошность, хватился ключа, – его не оказалось. Поспешил до амбара, он оказался запертым. К вечеру того же дня ключ оказался какими-то судьбами опять в кармане полушубка. Сергей поспешил отпереть коморю и... *«ни ковбас, ни сала, ни кусочка м'яса, хоть бы кижка, або кисточка гусяча чи другой якої птыци знайшлось»*. Так-таки ничего и не оказалось. Расспросивши, Сергей узнал, что батюшка роздал все бедным. Рассерженный, он спешит в комнату о. протоиерея. *«Чи ты таки умный человек, а еще протопоп»?* сердито кричит он на своего хозяина: *«ну, шо ты наробив? у нас теперь и разговицця ничим»*. О. протоиерей в это время стоял на вечерней молитве. Услышав сердитое ворчание своего лычарды (так Богучарцы прозвали этого кучера о. протоиерея) он смущенно и как-то просительно заговорил к нему: *«мерзкий, мерзкий, молчи, не мешай мне»*. Но тот все продолжал ворчать и бранить о. протоиерея. Тогда о. протоиерей строго крикнул на него: *«вон, вон, мерзкий! Бог милостив: Он и нам пошлет, чем разговеться»*. Сергей, не переставая ворчать, ушел в свое место. И что же? Накануне самого праздника, Богучарцы, вероятно, узнав об означенном случае в доме достопочтенного старца-протоиерея, нанесли и наслали ему столько мяса, резанной птицы, колбас и проч., сколько он сам не привозил с прихода. Вечером о. протоиерей стоял на молитве. Тихо отворилась дверь его комнаты, и его верный Сергей стремительно бросился к ногам его со словами:

«батюшка, прости меня, я тебя обидив». – «Как, что ты»? с простодушным удивлением воскликнул отец Александр: «я это давно забыл, иди и не мешай мне». Во всем остальном Сергей был незаменимым верным другом батюшки, верный слуга сердечно относился не только к нему, но и к детям его, и ко всем родным; семинаристов – детей протоиерея – он называл «диточками», провожая их в Воронеж, он напутствовал вместе с протоиереем своими благопожеланиями: «учись диточка гарно, пиши сы́нку письма чаще».

Имущественной собственности или хозяйства у него, протоиерея, не было: была у него одна лошадь, такая же старая, как и кучер Сергей, сбруя на лошади была частью веревочная, частью кожаная; экипаж у него все один и тот же – длинная линейка, ветхая и настолько близкая к разрушению, что при езде издавала шум и треск; колеса были разные; это от того, что родные, его навещавшие, переменяли с его экипажа, что кому нужно было. Нужно сказать, что Богучар лежит на жирной глинистой почве. Весною и осенью, да и летом в дождливую погоду грязь по городским улицам бывает невылазная; что пешком идти, что ехать – почти одно и то же, но понятно, не для старого и немощного человека, – для него все-же лучше и легче проехать, чем трудить свои старые, слабые ноги. Вот во время такой-то грязи, почти ежедневно, после каждого вечернего и утреннего богослужения, Богучарцы могли видеть, как длинная линейка о. протоиерея, запряженная в одну лошадь бывала битком набита старушками, которых он забирал из церкви и развозил по дворам. Бывало и так: насажает вокруг себя и едет от церкви; вдруг его лошадь или вязнет в грязи, или от непосильной тяжести выбивается из сил. Видя это, протоиерей среди грязи встает с экипажа, понукает лошадь или даже, помогает ей везти, – но никогда не позволял старушкам вставать на грязи. Часто случалось и так: приказав старику-кучеру развезти из церкви старух, сам или остается в церкви ожидать возвращения своего кучера, или же скромненько, по-над заборами пробираясь, пешком возвращается домой. То же самое наблюдалось и при поездках в церковь: встречая на дороге какого-либо ветхого старика и

старушку, он приказывал кучеру остановиться, расспрашивал, куда идет и, если оказывалось, что по пути – в церковь, то усаживал с собою и уже в компании подъезжал к церкви; если же встретившийся шел в другую сторону, то приказывал кучеру отвезти старика по назначению, а сам сходил с экипажа и шел пешком. Лошадь протоиерея была в постоянной езде, и ею пользовались все, кто только имел нужду куда-либо ехать; отказу в лошади не было никому, кто бы ни попросил. Рассказывают, что на лошади протоиерея ежегодно делалось несколько поездок в Воронеж гражданами по своей нужде и, понятно, бесплатно. Между прочим, г. Ф-в передавал о таком случае: ему нужно было послать экипаж с лошадьми в г. Павловск (в 65 вер. от Богучара); лошади у него были свои, но не было экипажа; послал за экипажем к протоиерею, тот охотно дал ему свой экипаж, но, вместе с тем, по непонятной причине, настаивает, чтобы в поездку в Павловск была взята и его лошадь, хотя в том не было никакой нужды. Ф-в не воспользовался странным предложением протоиерея. Между тем, в Павловске случилась беда: лошадей Ф-ва украли. В такой беде Ф-в утешал себя хотя тем, что украдены его лошади, а не лошадь протоиерея, которую тот так усиленно навязывал и за которую пришлось бы отвечать. Между тем, протоиерей при встрече с Ф-м продолжал как бы обижаться, почему тот не воспользовался его лошадью, причем высказал, «что тогда и беды бы не было». – «Пусть, как хотят объясняют настойчивость протоиерея взять его лошадь, заключил свой рассказ г. Ф-в, а я твердо верю, что протоиерей провидел кражу моих лошадей».

Семья протоиерея состояла из жены, четырех сыновей и трех дочерей. Между его детьми – братьями и сестрами, – было развито миролюбие, ссоры происходили очень редко; сильно развитая любовь к родителям и родному дому была причиной тому, что каждый из них, будучи уже в семинарии, плакал, уезжая из дому после каникулярного времени. Эта любовь к родному дому питалась, так сказать, добрыми, ласковыми и сердечными отношениями родителей, особенно отца к детям, который, при своих многочисленных служебных занятиях,

обращал большое внимание и на занятия, и даже игры детей, разрешая их недоумения и споры, поддерживая между ними мир и согласие, выясняя значение детских проступков (грубость, ложь, воровство и т. п.), научая точно отличать дурное дело от хорошего, за которое, кроме душевного удовлетворения, последует награда в другом мире, тогда как за дурные следует мучение совести и наказание и здесь, и там. Помнится лишь один употреблявшийся способ наказания за проступки: в доме в числе других комнат был зал с самой необходимой мебелью, но обильно украшенной картинами (гравюрами) с изображением Государя и Государыни, высочайших особ, а также писанными портретами архиереев, между которыми портрет (в 1 аршин) архиепископа Антония, написанный на холсте, занимал первое место; в переднем же углу были иконы, между коими главное место занимала икона Спасителя в терновом венце, несущего крест и вокруг Него множество крестов для Его последователей⁵⁰. Вот к этой-то иконе он подводил провинившегося из детей (предварительно побудив его испросить прощения у обиженного) и заставлял молитвою с поклоном испросить прощения у Бога за свой проступок. Как только дети начинали ходить и понимать окружающее, отец ежедневно подводил к иконе, складывал ручонки и учил молитве: «Богородице... Отче наш». А его собственная молитва благоговейная, с воздыханиями и сердечным сокрушением, коей иногда дети были свидетелями, – какой прекрасный пример был для детей в то время. Девочки дети постоянно находились под руководством матери, занимались с нею чтением, рукоделием; с нею же бывали и в церкви. Мальчики, как только можно было обходиться без матери и прислуги, по заведенному отцом порядку, не пропускали без важной причины ни одной литургии; почти каждую службу ходили в церковь, становились всегда в алтаре, особенно на очередной седмице отца, молились под его присмотром, и под его руководством наблюдали за порядком Богослужения, зная, что после обедни об этом будет беседа с отцом. Если же кто-либо из них по важной причине не был в церкви, отец заставлял того читать утренние молитвы, кроме того, сам читал после обедни, если не был занят

требам, Евангелие и акафист Спасителю или Божией Матери, а вся семья благоговейно слушала. Чтению и письму учил сам отец, равно, как сам и готовил в духовное училище, причем в это дело обучения влагал всю душу и сердце, как бывший преподаватель училища, своими объяснениями приохочивая детей к занятиям так, что те не чувствовали горького корня учения. Успехи их в науках никогда не выпускались им из виду, когда те даже обучались в семинарии. По приезде на каникулы, он всегда избирал время, чтобы проверить их знания и дать возможность ученику сыну показать отцу свои знания. Сыновьям, обучавшимся в старших классах семинарии, он поручал приглашать на летние каникулы кого-либо из лучших по успехам товарищей и по вечерам вел с ними ученые беседы и диспуты. Из таковых товарищей старшего сына, приезжавших к ним на каникулы, помнят богослова Лебединцева (впоследствии митрополита Леонтия). Для того, чтобы доброе влияние его на успехи в науках и нравственность детей поддерживались и за глазами, т. е. в учебных заведениях, он нередко писал детям и близким родственникам-ученикам письма, причем основной идеей этих писем всегда было призывание к молитве и труду: «молись и трудись». Эту идею всей своей жизни он внушал непрестанно детям, равно, как и другим; этот девиз его жизни, между прочим, находится и на его надгробном памятнике. Вот что, напр., писал протоиерей Бунин 1 апреля 1869 г. своему внуку, воспитаннику семинарии: «Внук мой, Иван Константинович. С самого отъезда твоего из Богучара я ждал от тебя извещения о твоём житье, но ты три месяца не пишешь ни строки. Ежели за трудами и занятиями в науках, то похвально, а ежели за леностию и невниманием к родственному чинопочитанию, то нехорошо. Мое желание иметь извещение о тебе, конечно, происходит от того, что мне хочется знать твои успехи в науках. Трудись, трудись, трудись. Не теряй дорогого времени юности. Труд постоянный приготовит тебе счастье на земле».

Словом и делом воспитывая в детях чувство любви, он заставлял их самих подавать милостыню бедным, внушая, что все блага, которыми мы пользуемся, ниспосланы нам Богом для

того, чтобы мы делились с бедными – неимущими, а также, и то, что человек может оказывать помощь другим не только материальную, но и своими знаниями, трудом, советом и друг. Такие внушения, подкрепляемые постоянно его живым примером, сильно действовали на них. Жена его была простая и добрая женщина, по-своему любящая детей, заботящаяся о них, но в то же время, не всегда в меру строгая и вспыльчивая. Отец, не препятствуя ей руководить детьми и наказывать их (самое высшее наказание было – ставка на колени в угол), убеждал ее смягчать меры наказания, точно отличая детские шалости от проступков, так, чтобы и в самых наказаниях было видно любящее сердце родителей. Припоминается одна характерная черта в отношениях между отцом и матерью. Как хорошая и рачительная хозяйка, мать старалась сохранить для семьи и домашнего обихода то, что собиралось отцом с приходских хуторов, особенно из съестных припасов, а также из получаемых им в приходе денег; живя, вообще, в добром мире и согласии, отец и мать в этом случае как будто расходились. Отец любил помогать бедным хлебом, вещами, деньгами и проч., при всяком удобном случае; любил приютить странного, накормить и т. д., мать же старалась приберечь все приобретенное и, не смея выражать свое противодействие открыто, обнаруживала протест грустью и иногда слезами... Мягко, ласково, убедительно старался отец доказать ей, что потери от этого не может быть, и то, что дается во имя Божие, Богом же будет возвращено с избытком. В отношении к прислуге старец внушал обращаться с нею возможно гуманнее, убеждая видеть в ней человеческий образ и последователей Христа, так что все, живущие в их доме, составляли как бы одну общую семью, проникнутую высоко-христианским духом. При таком высоконравственном воспитании детей, таких заботах об укреплении нравственных устоев присных ему, однако, самому протоиерею и сама жизнь, и дети дали мало утех; по странному стечению обстоятельств или, вернее, по непрекращаемому Промыслу Божию ему пришлось много, много перенести огорчений от жизни, но еще более от детей, как на ученической скамье их, так и в их жизни. Первым жизненным ударом для

него была одновременная смерть жены и дочери, находившихся постоянно при нем; с смертью их он как бы лишился всей семьи; одиночество протоиерея продолжалось 14 лет, пока один из сыновей, поступивший на службу в Богучаре, женившись, не ввел в его дом молодую хозяйку. Немного радости принесли ему дети и по окончании курса: два старшие сына – один священник и второй – доктор, оба умерли еще молодыми и, что всего прискорбнее – вероятная причина смерти заключалась в невоздержном употреблении спиртных напитков. Все это и другие несчастья жизни причиняли почтенному протоиерею глубокую скорбь, хотя эта скорбь и утолялась упованием на Бога, преданностью его воле Божией: *«Господь даде, Господь и отъя... буди имя Господне благословенно отныне и до века»*.

Повседневная жизнь протоиерея отличалась замечательной простотой. Подвигами молитвы и труда начинался день, ими же и кончался. Подымался с постели или, вернее, выходил из своей келлии протоиерей в 4 часа утра и, немедленно умывшись, приступал к молитве, которая продолжалась от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ часа в дни неслужебные и более часа в дни Богослужения. Благодетельный старец по примеру царя Давида *в полунощи* вставал *«исповедатися имени Божию»*; он имел правилом, кроме положенных канонов, прочитывать умильнейший акафист Спасителю и неотложно 3 кафизмы из Псалтири. Кроме того, он проводил часы ночи почти в умной молитве, распростершись на полу, отчего у него на лбу была мозоль величиною в трехкопеечную монету; едва ли он раздевался на ночь, прикрываясь подрясником. По совершении домашней молитвы, он отправлялся в церковь для совершения Богослужения или для присутствования лишь на нем, исправлял случавшиеся требы и т. п. По возвращении домой он выпивал 2–3 стакана крепкого чаю, но совершенно без хлеба, затем отправлялся в духовное правление, до его упразднения, и уездное училище; позднее, когда духовное правление было упразднено, а законоучительство в уездном училище он передал сыну своему, священнику Кладбищенской церкви, он до обеда занимался благочинническими делами, цензурой проповедей и т. п. Обедал ровно в 12 часов вместе с семьей.

Пища его была самая невзыскательная и всегда, по крайней мере для него, однообразная: так называемая окрошка из кваса, кислые щи и каша, которую он ел преимущественно с квасом. В последние годы, когда он жил без семьи, обычной пищей, заменявшей ему обед, были сухари, размоченные в воде, мяса он почти не употреблял, предпочитая рыбу. После обеда, если не было экстренных дел, он отдыхал и затем, по совершении вечерни, посвящал время на осмотр и наблюдение за церковными постройками, не прерывавшимися почти за все время его священнослужения, посещал богадельню и занимался делами благотворения; причем ежедневно принимал много посетителей, которых он терпеливо и участливо выслушивал, помогал делом и советом, и отпускал лишь тогда, когда посетитель считал себя вполне удовлетворенным. У него ежедневно можно было видеть лиц духовного сословия, не только его благочиния, обращавшихся к нему по делам службы, но и всего уезда, прибегавших по разным житейским нуждам и недоуменным вопросам; на духовную беседу с редким, по благочестию, старцем приходили лица всех сословий и званий. Вечера, по окончании работ – до отхода ко сну он любил проводить в кругу родных, в задушевной беседе с ними, причем беседа была непременно душеспасительная. Всякий раз, когда ему казалось, что разговор переходит на мирское, в особенности, если в разговоре речь касалась осуждения ближнего, он прерывал такой разговор молитвой, вслух произносимой «Господи, помилуй... Боже, очисти мя грешного...» Любил протоиереи проводить свободное от служебных обязанностей время за чтением книг и журналов всегда духовного и церковно-исторического содержания. Из духовных журналов, выходивших в то время в свет, он выписывал: «Православное Обозрение», «Православный Собеседник», «Странник», а также проповеднические сборники, но преимущественно любил читать описания подвигов святых; весьма увлекался вышедшими в то время «Письмами Святогорца»; в общем, у него составила собственная порядочная библиотека любимых книг. Читал он нередко вслух семье; в последнее же время ему читали другие и делали

выписки из прочтенного, по его указанию. Таким образом, чтение св. книг после молитвы было главнейшим и любимым его занятием в свободное от служебных занятий время: ни одна минута, казалось, у него не проходила праздно. Простой в жизни, пище, он чрезвычайно был прост и в одежде. Зимой о. протоиерей носил ватный подрясник из нанковой материи, непременно подпоясанный нанковым кушаком; верхняя одежда – калмыцкая меховая ряса, покрытая дешевым сукном; летняя одежда – нанковый подрясник, который он носил несколько лет подряд, и ряса из бумажного ластика, заношенная и употреблявшаяся лишь в редких случаях; причем, вследствие поспешности и торопливости, с какою он все делал, ряса, по большей части, сидела на нем не в порядке (за торопливую и поспешную походку, в молодые годы он прозван был «бегунком»), сапоги шились из простого крестьянского товара; шились они в продолжение многих лет одним и тем же благочестивым солдатом Суворовских времен; галош никогда не носил. Камилавку он носил одну и ту же много лет, так что от времени она потеряла цвет. Между прочим, сохранился рассказ, что городские священники, любившие своего начальника, однажды справили ему новую камилавку; передавая ему этот подарок, они потребовали от почтенного старца взамен старую, чтобы предать ее сожжению, но протоиерей не согласился выдать им старую и долгое время продолжал еще носить ее. Архипастыри, знавшие подвижническую жизнь протоиерея и благоволившие к нему, не обращали на его более нежели скромное одеяние. Рассказывают, что архиепископ Игнатий, особенно отличавший протоиерея Бунина, в беседах с последним, незаметно руками поправлял рясу на протоиерее, а в один из приездов протоиерея в Воронеж, шутя, заметил ему, что такому почтенному протопопу для сохранения здоровья не мешало бы носить галоши в дурную погоду. Осведомленные о таком замечании преосвященного, родные протоиерея употребили много труда, чтобы убедить старца сделать себе галоши к следующей предстоявшей ему поездке в Воронеж. Галоши были сделаны и уложены в багаж протоиерея вместе с другими вещами; надеть и на дорогу галоши он не решился.

Отправляясь к преосвященному, протоиерей в первый раз надел галоши, но, оказалось и последний раз в жизни; по окончании беседы с владыкой, он забыл галоши в архиерейской приемной и уехал без них. Через некоторое время в архиерейской приемной были усмотрены чужие галоши, кем-то забытые, и, когда преосвященный от келейника узнал, что эти галоши забыты Богучарским протоиереем, то рассмеялся... Воздержный в пище вообще, скромный в одежде, протоиерей совершал подвиги строжайшего воздержания во время постов. Кроме среды и пятницы в последние годы жизни он соблюдал еще пост в понедельник. Посты он соблюдал строго, не позволяя употреблять рыбы даже в случаях болезни. В великую Четыредесятницу, в продолжение первой недели он не употреблял горячей пищи, разрешая таковую лишь в субботу и довольствуясь одним чаем, который в эти дни он пил не с сахаром, а с изюмом, но особенно усиленно он постился в неделю Страстную, когда в первые дни ел лишь сухари с водою по вечерам, а в последние – ничего не вкушал. Строгий к себе чрезвычайно, но слабый к другим, он в одном лишь не делал уступок прихожанам – в разрешении под разными предлогами вкушать скоромную пищу в посты; отрицая всякое значение за доводами докторов в пользу скоромной пищи для больных, даже напротив, доказывая несравненно большую пригодность, по законам физиологии, постной пищи при перенесении заболеваний, он не разрешал употребления скоромной пищи и для тяжело больных.

Маститому старцу по Промыслу Божию суждено было дожить до пятидесятилетия своего славного служения Церкви, обществу и отечеству. Понятно, духовенство и общество почтило достойного пастыря редким образом – юбилеем, о праздновании коего в то время в обществе мало имели понятия.

Памятуя для всех живущих на земле неизбежный конец – смерть, протоиерей не боялся последнего часа и лишь всегда просил у Бога мирной и непостыдной кончины. Свое презрение к смерти он наглядно показал, самоотверженно действуя в городе во время холерных эпидемий. Будучи от рождения

слабого телосложения, но ведя крайне воздержную жизнь, он, однако же, в жизни своей болел очень редко – легкими простудами и лихорадкой, причем никогда не лечился аптекарскими лекарствами, предписываемыми докторами, против коих он был сильно предубежден, несмотря на то, что его же сын доктором был в городе, а употреблял лишь народные средства; природа и годы, однако же, брали свое, и в последнее время он чувствовал в организме общую слабость. Последняя болезнь его – паралич рук, ног и языка и, как естественное последствие сего – бессознательное состояние случилось через год после празднования юбилея, в сентябре 1869 года и в таком состоянии он находился до своей кончины, последовавшей 19 апреля 1871 г. Болезнь протоиерея, сведшая его в могилу, была вызвана сильными волнениями, пережитыми глубоким старцем при приеме и ревизии его благочиния вновь поступившим на Воронежскую кафедру преосвященным Серафимом. Вступление и первые шаги преосвященного Серафима ознаменовались распоряжением, по духу и характеру резко отличавшимися от направления в управлении епархией его предшественников – великих подвижников, преосвященных Антония II и Иосифа; стали устанавливаться иные взгляды на вещи и были предъявляемы иные требования к начальствующим и духовенству, началась ломка старого; все это не могло не волновать как духовенство епархии, так и старых благочинных, свыкшихся с определенным порядком вещей и в частности, протоиерея Бунина, вступившего во второе пятидесятилетие своего священнослужения и пригретого любовью своих архипастырей, видевших в нем лучшего исполнителя всех предначертаний. И опасения протоиерея оказались не напрасными; ревизия его благочиния имела для него роковые последствия: хлопоты по приему преосвященного Серафима с многочисленной свитой, явно выраженное к нему неблаговоление нового владыки при первом же знакомстве, наконец, сопровождение преосвященного по благочинию на ямщицком экипаже при быстрой езде, – все это так потрясло старца, что по возвращении домой он был снесен с экипажа в полусознательном состоянии, а на другой день болезнь уже

вполне определилась явным признаком безнадежности и неизлечимости.

Годы болезненного состояния протоиерея были в высшей степени удручающими... очевидцы не могли без слез представить того, в высшей степени страдальческого, состояния, в коем он пробыл полтора года, разбитый параличом, не владея языком, но все-таки по временам с проблесками сознания. Слушая рассказы очевидцев о последних днях жизни протоиерея, невольно задумаешься над страданиями великого старца, всю жизнь свою страдавшего за ближнего, но коему Господь, однако же, судил еще много и тяжело пострадать на смертном одре. Они составляют задачу для человеческого ума, который как-то трудно мирится с тайнами Промысла Божественного. Перебирая жизнь почившего во всех ее подробностях, суд человеческий едва ли мог указать на какое-либо пятно в его жизни, но, видимо, Промыслу Божию угодно было, чтобы «чаша страданий была допита до конца», чтобы дух пастыря, для совершенного очищения от всех земных грехов, прошел через горнила физических страданий, дабы вполне сподобиться того царствия Божия, к коему горел почивший духом во всю свою жизнь...

Время погребения было весеннее, грязное, город с трех сторон был отчужден водами, и, к горькому сожалению, многим из уезда не пришлось отдать последний долг великому старцу; даже ближайшие родственники, извещенные о смерти старца, не могли участвовать в погребении; некоторым, задержанным весенней переправой, пришлось лишь издали, с соседней слободы Дьяченковой – места переправы, – наблюдать величественную картину погребальной процессии, тянувшейся от собора на гору – городское кладбище, где он и был погребен около главной аллеи, ведущей к храму, им же созданному... Впрочем, благодаря предусмотрительности совершавшего погребение протоиерея В. Наумова, преемника Бунина, тело протоиерея было оставлено до вечера в церкви, и запоздавшие, и задержанные переправой родственники и почитатели все-таки могли проститься с дорогим для них прахом. Несмотря, однако же, на весеннее половодье, стечение народа при погребении

было необычайное: весь город, жители окольных сел, не отделенных от города водою, все, кто только услышал о кончине благочестивого старца, спешили отдать последний долг почившему, и едва ли кто, по словам очевидцев, провожался из этого мира с таким горем, слезами и воплями окружавших, как этот дорогой для всех пастырь⁵¹.

Иеросхимонах Николо-Угрешского монастыря Иосиф

(Память 31 августа).

Иеросхимонах Иосиф, в иночестве – отец Иов, при святом крещении назван Иосифом, родился в 1805 году в Борисоглебске (то время еще Воронежской губернии). Родитель Иосифа – Петр Яковлевич и родительница – Дарья Иоакимовна Серебряковы были из мещанского сословия; муж – уроженец Московской губернии, а жена родом из Касимова; жительствоваали же они в Воронежской губернии, в городе Борисоглебске и в Новохоперской крепости.

Петр Яковлевич занимался подрядами по строительной части, был строителем водяных мельниц, зарабатывал немалые деньги и мог бы иметь весьма хорошие средства, но к несчастью, пил запоем и потому доходил до того, что пропивал все, что имел, и оставался почти без одежды. Жена его и все семейство были не только в нужде, но и в крайней нищете. Дарья Иоакимовна часто его увещевала, он раскаивался, обещался исправиться и некоторое время крепился, но потом опять вдруг запивал, и семейство его опять бедствовало, не имея хлеба насущного. Постоянные увещания его жены, наконец, ему надоели, и он замыслил бежать и куда-нибудь скрыться, бросив семью свою на произвол судьбы, а так как вид его хранился не у него, но у жены, – он у нее взял его под тем предлогом, что бумагу требует хозяин дома, в котором они жили. И после того без вести пропал. Это было в 1813 или 1815 году в апреле месяце. Несчастливая покинутая жена, 30 лет от роду, осталась без всяких средств к жизни с четырьмя малолетними детьми: двумя дочерьми и двумя сыновьями. Старшей дочери Елисавете было 13 лет, младшей Евгении 11 лет, сыну Иосифу 8 лет, Луке же только 8 месяцев.

Первое время бедная женщина все еще ожидала мужа и, хотя терпела великую нужду, не трогалась с места; но, когда стала приближаться осень, и, наконец, наступил октябрь месяц, и нужда, и бедственное положение беспомощной семьи

становились еще ощутительнее, – тогда она решилась оставить город, где столько горя выпало на ее долю, и поспешила отправиться к себе на родину, в Касимов. Там, родной брат ее Алексей Иоакимович принял свою несчастную сестру и дал ей пристанище в своем доме.

Между тем, Иосиф подрастал, и, когда ему минуло 10 лет, его отдали в учение в канатно-веревочное прядильное заведение, где он получал по 80 коп. в месяц жалованья и провел там два года. Будучи 12 лет, он был отдан в кузнечное заведение, где получал жалованья уже по 1 руб. 20 коп. в месяц. В этом ремесле он провел только один год, по истечении которого поступил в питейное заведение в качестве подносчика с жалованьем 1 р. 40 коп. в месяц.

Младшая из сестер Иосифа – Евгения, имея только 16 лет от роду, вышла, между тем, замуж за уроженца Шуи, Владимирской губернии, у которого было свое собственное питейное заведение, и, отправляясь туда из Касимова, сестра Иосифа и ее муж решили взять и его собой, считая для себя выгоднее и вернее иметь в своем заведении подносчиком не постороннего человека, а своего ближайшего родственника.

В скором, после того, времени Иосиф обратно возвратился из Шуи в Касимов и поступил опять в питейное заведение к Чумину на жалованье 1 руб. 70 коп. в месяц, а потом получал уже по 2 руб. ассигн. и так достиг 16-летнего возраста.

Между тем, Дарья Иоакимовна, живя в доме у брата своего, имела человек двадцать жильцов учеников духовного училища, на которых, с помощью дочерей и младшего сына своего, Луки, стряпала, пекла хлебы, варила квас и стирала белье и, пользуясь жалованьем старшего сына Иосифа, весьма незначительным, кое-как перебивалась и не терпела слишком большой нужды; а когда обе дочери были уже замужем, то она продолжала трудиться одна.

В 1820 годах образовалась новая откупная система. Якунчиков и Горбов взяли на откуп город Дивны Орловской губернии, и Горбов (Иоаким Васильевич), отправляясь туда на жительство из Касимова, взял с собой Иосифа, которому было около 19 лет. Там, в продолжение первого года по своему

приезде, Иосиф находился в питейном заведении подносчиком, а на следующий год Горбов видя, что он юноша добропорядочный, сделал его сидельцем, вроде самостоятельного хозяина, под своим непосредственным наблюдением. Тогда же от большого пожара выгорела большая часть Касимова – более 360 дворов. Дом Алексея Иоакимовича, в котором жила его сестра, по милости Божией, уцелел от огня, но Дарья Иоакимовна в скором времени собралась на жительство в Ливны к старшему своему сыну и увезла с собой и Луку.

Иосифу было уже далеко за двадцать лет и, несмотря на то, что он был содержателем питейного заведения, он вел жизнь весьма скромную, характер имел тихий и нераздражительный, и строго воздерживался от худых и бранных слов, за что посетители его заведения любили его, а, так как он, когда в шутку, а когда в самом деле, кем-нибудь раздосадованный, вместо ругательств, имел обыкновение говорить: «молчи ты, каши тебе в рот-то», – его прозвали кашей. Это прозвание так ему присвоили, что после иначе его уже и не называли, и собиравшиеся идти к нему покутить, говаривали между собой: «а что, братцы, не сходить ли нам к кашке выпить? он парень добрый и никогда никого не обмеривает и не плутует».

Своим ласковым обхождением и добросовестностью он приобрел общее расположение, и заведение его преимущественно пред прочими было охотнее посещаемо. Замечательно еще и то, что Иосиф никогда не говорил неправды.

В числе посещавших Иосифа бывали очень нередко причетники Георгиевской соборной церкви. Иосиф сблизился с причетниками и просил их, чтобы они поучили его церковному пению и читать следованную Псалтирь, – за что, конечно, он их угощал и еще более располагал в свою пользу. Когда он несколько привык петь по обиходу и читать псалтирь, то стал просить, чтобы ему дозволили становиться с ними на клиросе и читать то, что он может. Зная, что подобное дозволение доставит им обильное угощение, псаломщики охотно допускали на клирос Иосифа.

Иосиф имел голос приятный, не очень густой, но звучный теноро-бас. Не довольствуясь тем, что учителя церковного чтения и пения посещали его, он и сам стал ходить к ним сперва изредка, а потом и ежедневно, но так как в продолжение дня ему невозможно было отлучаться от своего дела, то он уходил, обыкновенно, вечером после 8 часов, когда, по окончании продажи, он мог запереть двери своего заведения и отлучиться беспрепятственно, и возвращался довольно поздно, часов в 11, иногда после полуночи.

В конце 1820-х г. Иосиф познакомился с одним молодым человеком, почти одних с ним лет, торговавшим в Ливнах красным товаром, с Алексеем Яковлевичем Митрофановым. Митрофанов с 16 лет начал помышлять о вступлении в монастырь и долго томился душой, пока в 1832 году не удалось ему это сделать. Мать его, Матрона Егоровна, не отпускала и слушать не хотела сперва, чтобы ее сын когда-либо был монахом. Просился в монастырь и Иосиф у своей родительницы, и она тоже не соглашалась на разлуку с ним, пока меньший ее сын Лука не подрастет. Пристроив брата, Иосиф вздохнул свободнее и, покинув службу в питейном заведении, решился хлопотать о своем увольнении от общества. Выправив себе временный паспорт, Иосиф остался покуда еще в Ливнах и, живя не при должности, ежедневно ходил в церковь читать и петь на клиросе, в особенности же, по праздничным и воскресным дням. В это время он познакомился в церкви с одним крестьянином из подгородной Георгиевской слободы Афанасием Борисовым Золкиным, который также ходил в церковь и пел на клиросе. Золкин стал уговаривать Иосифа заняться на его земле хлебопашеством, на что он, по своей всегдашней сговорчивости, легко согласился и принял за дело; но, не будучи в этом несколько опытен, он менее, чем в два года, без всякой для себя пользы, истратил часть своего небольшого капитала, и переехал за 15 верст от города, в село Куноч, где один из местных жителей пригласил Иосифа заняться сапожным мастерством. Он учился шить сапоги и ездил в город за покупкой товаров; но и в этом деле не посчастливилось Иосифу. Он прожил еще до ста рублей и, таким образом,

истратил почти все, что имел. Видя, что нет ему удачи в мирских его предприятиях, Иосиф положил в уме своем более и не пытаться по-пустому счастье, а скорее осуществить свое намерение отправиться в Москву, выправить там для себя увольнение от общества, возвратиться в Ливны и, простившись со своей родительницей и братом, поступить в какой-нибудь монастырь. Он скоро свое намерение привел в исполнение.

Еще прежде его отъезда в Москву 5-го декабря 1836 года, его мать, поболев некоторое время, скончалась. Смерть матери побудила его не медлить более и идти в монастырь. Увольнение от московского мещанского общества Иосифу было выдано в 1837 году, когда ему уже было более тридцати лет. По возвращении своем из Москвы в Ливны, он начал собираться в путь и хотел было уже отправиться, но, прослышав, что в Ливнах набралось человек до пятнадцати молодых людей, намеревавшихся ехать в Оптину Козельскую пустынь, для поступления туда в число послушников, он стал их просить, чтобы они и его взяли с собой на его собственном содержании и с участием его в путевых издержках. Но его не взяли и обозвали еще слепцом. Дело в том, что глазами Иосиф страдал с малолетства, вследствие неосторожности: ему было не более шести-семи лет, когда однажды на пыльной песчаной дороге играл он со своими сверстниками; вдруг пронесся сильный вихрь, и песок с пылью поднялся столбом; все мальчики попадали лицом вниз или прикрылись руками, а Иосиф не успел этого сделать; ему сильно запорошило глаза, которые стали у него с тех пор болеть и слезиться, волосы на ресницах огрубели, и начали расти внутрь, так что после того ему приходилось, по совету врачей, щипчиками вырывать их; это причиняло ему жестокую боль и производило частое воспаление глаз; от трения образовались бельма, превратившиеся, наконец, в наросты. Оставшись один, Иосиф благодушно подчинился необходимости путешествовать без спутников. И, запевши свой любимый ирмос 7-го гласа: «Ночь не светла неверным, Христе, верным же просвещение в сладости словес Твоих: сего ради к Тебе утреннюю и воспеваю Твое Божество», – он на следующий же день так же отправился

в Оптину пустынь, куда и прибыл в один день с теми 15-ю молодыми людьми из Ливен, которые не пожелали взять его с собой и которые почему-то замедлили на пути. Видя, что Иосиф тоже прибыл, и почти в одно время с ними, они поспешили явиться к настоятелю, надеясь хотя несколькими часами предупредить его; они были уверены, что в монастырь его не примут, и этого желали. Настоятелем Оптиной пустыни был в то время о. Моисей.

Все молодые Ливенцы были приняты отцом игуменом Моисеем. На следующей день явился к нему Иосиф и был также принят. В какое время года пришел он в Оптину пустынь, теперь неизвестно; 11 ноября 1837 года он был в монастыре в числе послушников. Это было в то время, когда жили здесь скитоначальник о. Антоний, о. Леонид и о. Макарий. Под их общим руководством и полагал начало Иосиф. Так как всегда отличался глубоким смирением и беспрекословным послушанием, то и стяжал в скором времени общую любовь как старцев, так и всей братии. Вскоре, он был поставлен на клирос, и так как хорошо знал нотное пение, то ему поручено было обучать братию простому, обиходному пению. В 1843 году Иосиф был пострижен в монашество и назван Иовом. Пострижение его совершилось 27 ноября, в праздник иконы Знамения Пресвятой Богородицы. Иов находился некоторое время в самом монастыре, частью жил и в скиту, а всего со дня причисления к братству (11 ноября 1837 года) и до выхода из монастыря (в 1846 году) он находился здесь около 9 лет. По его желанию, в 1846 г. 12 июля он был переведен в Мещевский монастырь, где игуменом в то время был один из бывших учеников старца Леонида – Никодим (Демутье) и в том же году в сентябре посвящен в иеродиакона, 13 июля 1852 года рукоположен во иеромонаха, а в следующем 1853 году 30 сентября утвержден братским духовником. Не будучи особенно строгим и взыскательным к своим духовным чадам, он особенно отличался даром утешать скорбящих и успокаивать смущенных духом.

После своего посвящения во иеромонаха, он был послан по сбору вдвоем с одним послушником, который на пути захворал

и умер. В 1855 году о. Иов, после своего восемнадцатилетнего пребывания в Калужской епархии, пожелал перейти в Московскую и, посетивши Николо-Угрешский монастырь, нашел его по своей мысли и был сюда переведен 20 сентября 1855 года. В первые годы своего пребывания на Угреше отец Иов пользовался особым расположением настоятеля игумена Пимена и почетом, как братский духовник. По своей общительности о. Пимен любил собирать у себя в келлии от времени до времени некоторых из старшей братии и беседовать с ними о монашестве и старчестве, и в этих видах он довольно часто приглашал к себе в простой будничный день двух-трех из братии, наиболее даровитых, и предлагал им незатейливую трапезу без всяких излишеств, будучи и сам умерен, и в высшей степени воздержан относительно пищи и питья; к напиткам не имел ни малейшей склонности, довольствуясь чаем или иногда чашкой кофе. По окончании обеда или ужина все переходили в другую комнату, и тут начиналась искренняя задушевная беседа о монашестве, которою о. Пимен услаждался, как манной, самой для него сладостной. Весьма естественно, что о. Иов, как человек умный, находчивый и понасмотревшийся на Оптиных старцев, и наслушавшийся их богомудрых назиданий, занимал не последнее место в подобном обществе.

Ознакомившись с некоторыми почтенными и благочестивыми семействами в Москве, о. Иов иногда сам ездил в город, иногда у себя в монастыре принимал своих духовных чад и назидал их своими простыми, но мудрыми беседами. Недолго, однако, продолжалось бескорбное пребывание о. Иова в Угрешском монастыре. Для всех стало заметно некоторое охлаждение в отношениях о. Пимена к о. Иову; уже не столь часто он приглашал его к себе как прежде; потом и вовсе перестал его звать; начал отказывать ему в поездках в Москву и, наконец, не совсем одобрительно отзывался о множестве лиц, его посещавших, и, хотя прямо не запрещал ему принимать, но через других доходило до о. Иова, что архимандрит не совсем доволен, что к нему много народу ходит. Пока был монастырским казначеем о. Нил, о. Иов жил мирно и, ежели они не были особенно близко друг к другу

расположены, то, по крайней мере, о. Нил, не отличавшийся ни приветливостью, ни обходительностью, не теснил убогого старца; но в сентябре месяце, по указанию архимандрита Пимена, владыка Московский митрополит Иннокентий назначил о. Нила быть строителем Берлюковской пустыни, а в октябре месяце сам архимандрит его туда отвез и на его место, временно исправляющим должность казначея, был назначен ризничий иеромонах Каллист... Вот тут-то и начались скорби для бедного и болящего старца Иова. О. Каллист был в то время лет сорока четырех или пяти, видный и красивый мужчина, не очень высокого роста, но довольно полный, ловкий и далеко не бескорыстный.

Много перенес унижений и гонений от этого человека о. Иов.

Когда же открыли глаза архимандриту и доказали ему, что его обманули, а бедного старца оболгали, тогда весь гнев настоятеля обратился на главного виновника – казначея: он призвал его, выбранил и строго велел казначею возвратить о. Иову все до последней нитки, что им было у него взято, и что он думал приобрести в собственность. Казначей, весьма горячий характером и не бескорыстный, горячился и кричал, выйдя от архимандрита, но, как он ни храбрился, а пришлось ему возвратить, что было несправедливо захвачено.

Долго оставлять в богадельне, куда он был загнан, о. Иова было невозможно, ибо его там посещали, нарочно для него приезжавшие из Москвы, посетители. Под предлогом болезни, старости и слепоты, старца, выведя из богадельни, не водворили снова в его келлии, а перевели в больницу, где была отдельная келлия прямо из коридора, в которой ему удобнее было принимать приходивших к нему, и где кроме того он был еще и под наблюдением смотрителя больницы.

Старец же не только не пороптал на несправедливость в отношении к нему настоятеля и не поскорбел на своекорыстную клевету казначея, он как будто и не почувствовал, как с ним круто поступили, был весел, спокоен и ни разу не вырвалось у него ни слова, ни намек о том, что было, как будто тому быть следовало и даже иначе и быть не могло. Это действительно

была великая добродетель благодушного старца уметь в угнетении и унижении сохранить спокойствие духа.

Замечательна была еще другая его добродетель – это нестяжательность и бескорыстие. Приходившие к нему, по своему усердию, обыкновенно, приносили ему разные гостинцы, кто что желал и что мог, и старец все принимал, чтобы не оскорбить усердствующих; но кто что приносил ему, он не всегда знал, и очень часто, прежде даже, чем ему становилось известно, что ему принесено, многие из принесенных ему вещей без его спроса попадали в чужие руки, например, кульки с хлебами, варение, икра, лимоны и т. п. Не все из окружавших его были бескорыстны. – Ему иногда привозили ткани на ряски и подрясники, но и это мгновенно исчезало, если он не догадается; а то заведомо у него многого не оказывалось. «Где же, вот тут у меня были лимоны, спрашивал он, – искал и не нашел, ни одного не оставили». Или: «кто взял у меня банку с варением, кто унес сукно, что мне на ряску привезли»? – «Должно быть, отвечали ему, не взяли ли такие-то братия? они давеча к вам приходили и от вас что-то унесли». – «Ну, Бог с ними, не сказывайте, а то архимандрит узнает и приставит еще кого за мной присматривать». Ему присылали деньги, которых часто он вовсе не получал; а иногда ему давали какую-нибудь частицу из присланного вместо 25 или 50 р., каких-нибудь 5, 10. «Ну, хорошо, что мне и это оставили». Однажды он стал упрекать одного из приближенных к нему, что тот без спроса взял какую-то хорошую ткань, присланную для ряски: «зачем ты взял, не сказавши мне? попросил бы у меня, и сам бы тебе отдал». Словом, его кругом обирали; он это знал, видел и молчал, и только разве редко-редко, когда слегка заметит. «Все растащили, ничего мне не оставили»! Но, говоря это, он не сердился и не досадовал, а говорил это для того, чтобы знали, что он видит или догадывается. Когда освободилась большая и хорошая келлия, в которой жил о. Каллист, поступивший строителем в Бобринев Коломенский монастырь, а преемник его казначей Мелетий отпросился на жительство в скит, где он полагал начало, то о. архимандрит Пимен сам вздумал

перевести в эту келлию о. Иова и дал ему особого келейника; в этой келлии старец и жил до своей кончины.

О. Иов отпрашивался иногда из монастыря в Москву, и, посещая своих духовных чад, гостил у них по несколько дней. Однажды отлучался на довольно продолжительное время, ездил в Оптину пустынь, и там, говорят, был тайно пострижен в схиму под прежним своим именем Иосиф; но, так как пострижение было тайное, то старец не носил видимо схимы, а только под мантией имел аналав. О. архимандрит предлагал ему представить его к схиме, дабы он мог после того и видимо носить схимнические одежды, но тот не пожелал этого, почитая, может быть, некоторого рода тщеславием ношение схимнического одеяния. По слабости своего зрения он давно уже не правил череды, как только в день св. Пасхи, когда соборне с архимандритом служили все иеромонахи без исключения, и тогда молитвы, читаемые иереем во время литургии, о. Иов читал по особой книжке, писанной весьма крупными буквами. Он часто приобщался Св. Таин за ранней литургией и из осторожности он не принимал Тела Христова сам, но просил служащего, чтобы тот ему преподал; равно, и святую чашу он в руки не брал, а причащался как диаконы. Когда он бывал в здоровом состоянии, то всегда бывал у литургии ранней или поздней, как ему было свободнее, и у вечерни, ежели его не задерживали пришедшие к нему и по несколько часов толпившиеся у крыльца богомольцы; а, когда он приобщался, то выстаивал и полунощницу с утреней, продолжавшуюся около трех часов, или всюнощную под воскресение и праздничные дни, продолжавшуюся более четырех часов, без особого утомления. Стоя в церкви, он был всегда с четками в руках, которые перебирал весьма быстро, так что казалось, что он как будто вертит их.

Старец не лишен был дара прозорливости. Так, в 1880 году, в конце июля, о. Иов ожидал к себе своих племянников; когда им приехать, старец с утра был в большом волнении и несколько раз повторял: «нехорошо, будет беда, ежели не послушаются меня – не приедут... Ну, стало так Богу угодно».

Это было в тот самый день, когда произошла страшная катастрофа на Курской железной дороге, около Черни, где погибло много ехавших. Через несколько дней после того о. Иов получил печальное известие, что ожидаемые племянники погибли с прочими. «И, ведь говорил я, чувствовал, что худо будет; приезжай сюда, и этой беды не было бы. Вот, что значит послушание; и что стоило одним днем пожертвовать, чтобы дядю старика повидать, и было бы все благополучно», говорил он потом. После этого здоровье его с каждым днем видимо слабело, и он уже ежедневно приобщался Святых Таин. 31 августа ему предложили тоже приобщиться и, видя, что он заметно слабеет, особороваться. В 5 часов пополудни послал за духовником, приобщился Св. Таин и был особорован. Едва успели довершить соборование, как старец стал отходить и почти незаметно для присутствующих отошел в вечность, так что и последнего его вздоха никто не слышал. Было 6 с половиной часов пополудни. Один из его почитателей прислал дубовый гроб.

Честно погребли старца-подвижника; но поминали его и отпевали, как иеросхимонаха Иосифа⁵².

Примечания

- ¹ - «Душеполезное Чтение».
- ² - Сын известного Юрия Феодоровича Лисянского, в 1803–1804 гг. совершившего кругосветное плавание.
- ³ - Из книги «Афонские соврем. подвижники. 1904 г. М».
- ⁴ - См. «Странствование и путешествие по Турции, Молдавии и России», в 4-й части.
- ⁵ - По монастырским запискам.
- ⁶ - Из книги «Памяти Наумовича». 1891 г.
- ⁷ - Историческое описание Московского Симонова монастыря. М. 1843 г. 103–104 стр. Подле о. Игнатия погребено и семейство Московского купца Долгова: Афанасия Ивановича, его супруги Гликерии и родных; это семейство принесло много материальных жертв на дело обновления Симонова монастыря.
- ⁸ - Из исторического очерка Раненбургской Петропавловской пустыни.
- ⁹ - См. краткое описание жизни настоятельницы Арзамасской Алексеевской общины Ольги Васильевны Стригалевой, во инокинях Олимпиады, – где помещены завещание и наставления схим. Олимпиады. Казань. 1892 г.
- ¹⁰ - Из Истор.–статист. опис. Черн. еп.
- ¹¹ - Вал. скит Св. Пр. Иоанна Предтечи и Жизнеописание схим. Иоанна (ум. 7 августа 1894 г.) Спб. 1896 г. 2-е изд.
- ¹² - См. «Сказания о жизни и подвигах старца Адриана, иеромонаха Югской Дорофеевой общежительной пустыни» М. 1985 г. Эту прекрасную книгу, поистине, должны почтить вниманием не только иноки, но и миряне, у которых душа жаждет себе пищи духовной.
- ¹³ - Из Истор. Статист. опис. Черниг. епар.
- ¹⁴ - Свято-Троицкая Реконская пустынь.
- ¹⁵ - Из Ист.-Статист. опис. Черниг. еп.
- ¹⁶ - «Душеполезное Чтение» 1868 г.
- ¹⁷ - «Соловецкий Патерик».

- 18 - «Душ. Чт.» 1890 года.
- 19 - «Душеполезное Чтение».
- 20 - «Троицкий Листок» № 44.
- 21 - Из писем Святогорца.
- 22 - Месяцеслов Русск. Свят.
- 23 - Месяцеслов. Русск. Свят.
- 24 - Вероятно, миссионерская обязанность по обличению раскольников.
- 25 - Из брош. г. А. Крылова 1884 «Краткое жизнеописание священника Аксайской Троицкой церкви, В. И. Петрова».
- 26 - Из его жизнеописания (изд. Вятск.).
- 27 - См. «Церк. Вед.» 1690 г. 1119 стр.
- 28 - Составлено по запискам иг. Арсении. Соловецкого монастыря Благодичный, иеромонах Паисий.
- 29 - Евфимий (в схиме Евсевий) настоятельствова­вал между 1725 и 1745 гг. Заботливость сего настоя­теля незабвенна для Задонской обители, ибо он первый начал строить монастырь каменным зданием. К числу главных построек его времени принадлежал разобранный уже в 1846 году летний Владимирский собор. Имя игумена Евсевия и по настоящее время сохранилось в некоторых постройках и ризнице. При снятии прежней каменной летней Владимирской церкви в 1846 г. гроб его обретен с нетленным телом, который, с разрешения преосвященного Антония II, за рапортом настоя­теля, тогда же по необходимости перенесен был без всякой огласки в Митрофановскую часовню, что ныне под алтарем Вознесенской церкви.
- 30 - «Странник», 1879 год.
- 31 - Февр. кн. «Душ. Чт.», 1870 г.
- 32 - Кутузовский Городицкий женский монастырь Ардатовского уезда, Нижегородской губернии. Н.-Новг. 1907 г. Исторический очерк Дальне-Давыдовского общежительного женского монастыря, Нижегородской епархии. Каз. Тип. Амвр. пуст. 1908 г.
- 33 - По очерку, помещенному в «Страннике» 1869 г.

- ³⁴ - «Черн. Еп. Изв.», 1884, №№ 21 и 22.
- ³⁵ - Из монастырских записок.
- ³⁶ - Валаамские подвижники.
- ³⁷ - Из брош. «Алатырск. Св.-Тр. муж. мон. и его подвижник схим. Вассиан». М. 1906 г. (изд. мон.).
- ³⁸ - См. «Церк. Вед.» 1904 г. 1805–1809 стр.
- ³⁹ - Он первоначально трудился в Троицкой Сергиевской пустыни (в 15 верстах от Петербурга), вместе с сыном дяди. Этот двоюродный брат Филарета, в монашестве Симеон, в схиме Алексей, стяжал известность подвижнической жизнью. Схимника Алексея посетил перед отправлением в Таганрог (1 сент. 1825 г.) Государь Император Александр Павлович и долго с ним беседовал.
- ⁴⁰ - Составлено по монастырским запискам.
- ⁴¹ - См. «Пенз. Еп. Вед.» 1895 г. № 17.
- ⁴² - Арх. Киевск. губ. правл. Д. № 7095.
- ⁴³ - О замечательном искушении его бесом подробно рассказано в глубоко интересной книге о. В. Зноско, из которой мы и заимствовали это жизнеописание.
- ⁴⁴ - См. «Христа ради юродивый странник Иван Григорьевич, по прозванию Босой». Свящ. Влад. Зноско. Киев. Тип. Киево-Печерск. лавры, 1908 года.
- ⁴⁵ - Находясь на сенокосе, увидел он, по его словам, внезапно сильное солнцеподобное сияние, осиявшее его с высоты небес, в каковом сиянии предстали пред ним Пресвятая Богородица и свв. апостолы Петр и Павел.
- ⁴⁶ - «Душепол. Чтен.» 1887 г.
- ⁴⁷ - По соч. арх. Леонида «Истор. опис. Малоярослав. Никол. Черноостр. монастыря» (М. 1903 г.).
- ⁴⁸ - «Валаамские подвижники».
- ⁴⁹ - Из записи настоятельницы Михайловского Покровского женского монастыря, Рязанской губернии, игумении Раисы (Ураевой), управлявшей означенным монастырем с 1855 по 1882 год, хранящейся в означенной обители.

⁵⁰ - Один из родственников прот. Бунина восьмидесятилетний старец протоиерей Н. передавал, что, проживая часто у протоиерея Бунина, ему однажды пришлось заглянуть в дневник его, который он от всех скрывал, но на этот раз случайно оставленный им на столе; между другими заметками он прочел о бывшем ему видении Спасителя в терновом венце с крестом, окруженного множеством других крестов. Отсюда можно заключить, что это своеобразное изображение Спасителя, нигде не употреблявшееся, было нарочито написано по заказу прот. Бунина, вследствие бывшего ему видения.

⁵¹ - Взято из книги «Пастырь-Подвижник. Описание жизнедеятельности Богучарского протоиерея Александра Ивановича Бунина, 1792–1871 гг. Богучар. Типография И. И. Иванова. 1902 г.». Эта прекрасная книжка, поистине, должна бы быть настольной книгой каждому, особенно, сельскому пастырю: много отрадных минут доставит чтение этой книги и не на одно доброе дело может подвинуть пастыря чтение этой книжки.

⁵² - «Душеп. Чт.» 1884 г.